Годъ восьмой (1916)

ЕВРЕЙСКАЯ СТАРИНА

ТРЕХМѢСЯЧНИКЪ

Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества,

ИЗДАВАЕМЫЙ

подъ редакціей С. М. Дубнова.

Томъ IX.

ПЕТРОГРАДЪ.

1916.

Въ 1916 г. весь матеріалъ „Еврейской Старины“ представлялся въ военную цензуру.

Типографія И. Флейтмана, Петроградъ, Казанская, 45.

Содержаніе „Еврейской Старины“ за 1916 годъ.

Изслѣдованія и очерки.

Мемуары и переписка.

Матеріалы и сообщенія.

Библіографія.

Изъ исторіи восьмидесятыхъ годовъ *).

IV.

Паника „исхода“ и балтскій погромъ (январь-апрѣль 1882).

Подъ впечатлѣніемъ варшавскаго погрома (декабрь 1881 г.) и тревожныхъ слуховъ о готовящихся репрессіяхъ встрѣтило еврейское общество наступленіе новаго гражданскаго года. Бѣдствія еврейскихъ массъ не утоляли, а только еще болѣе разжигали юдофобскую ярость правительства. „Васъ бьютъ, слѣдовательно вы виноваты“—такова была логика правящихъ сферъ. Оффиціальный исторіографъ той эпохи сознается, что при усмиреніи погромовъ „вынужденная роль защитниковъ евреевъ отъ русскаго населенія тяготила правительство“. На отчетѣ варшавскаго генералъ-губернатора за 1882 годъ, гдѣ говорится о подавленіи антиеврейскихъ „безпорядковъ“ военною силою, появилась высочайшая отмѣтка: „Это-то и грустно во всѣхъ этихъ еврейскихъ безпорядкахъ“ **). Дальновидные въ еврейскомъ обществѣ понимали, къ какимъ послѣдствіямъ могутъ привести эти грозныя вѣянія въ правящихъ кругахъ, а менѣе чуткіе обращались за предсказаніями къ самому правительству и получали недвусмысленные отвѣты. Въ январѣ 1882 г. министръ Н. П. Игнатьевъ заявилъ д-ру Оршанскому (брату извѣстнаго публициста) и разрѣшилъ опубликовать слѣдующее: „Западная граница для евреевъ открыта. Евреи уже широко воспользовались этимъ правомъ, и переселеніе ихъ не было ничѣмъ стѣснено. Что касается до возбуждаемаго вами вопроса о переселеніи евреевъ во внутрь имперіи, то правительство будетъ, конечно, избѣгать всего, что можетъ еще усложнить отношенія евреевъ къ

*) См. Евр. Стар. 1915 г., Кн. III—IV, стр. 267—295.

**) Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ (Спб. 1902), т. IV, стр. 183; ср. Восходъ 1903 г. Кн. III, стр. 154, и поправку къ этому въ „Еврейск. Энциклопедіи“ I, 826 и 832, примѣч.). Отмѣтка была написана, повидимому, въ началѣ 1883 г., но настроеніе, въ ней выраженное, несомнѣнно существовало и раньше.

коренному населенію. А посему, сохраняя ненарушимою черту осѣдлости евреевъ, я уже предложилъ Еврейскому Комитету (при министерствѣ) указать на тѣ мѣстности, мало населенныя и нуждающіяся въ колонизаціи, въ коихъ можно допустить водвореніе еврейскаго элемента... безъ вреда для коренного населенія" *). Опубликованный въ экстренномъ прибавленіи къ еврейскому журналу „Разсвѣтъ", этотъ отвѣтъ всесильнаго министра усилилъ панику среди еврейскаго населенія. Евреямъ публично заявили, что правительство хочетъ отъ нихъ избавиться, что имъ предоставляется лишь одно „право"—право исхода, что на расширеніе черты осѣдлости надежды нѣтъ и лишь въ крайнемъ случаѣ правительство допуститъ группы евреевъ колонизировать необитаемыя степи Средней Азіи или тундры Сибири. Освѣдомленные люди знали и нѣчто худшее: что въ „Еврейскомъ Комитетѣ" при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ готовится чудовищный проектъ о сокращеніи территоріи самой черты осѣдлости, путемъ изгнанія евреевъ изъ деревень и сосредоточенія ихъ въ переполненныхъ городахъ.

Душа народа была переполнена горечью, а кричать, публично протестовать, было невозможно. Пришлось прибѣгнуть къ старой, средневѣковой формѣ національнаго протеста — изліянію своихъ чувствъ въ синагогѣ. Многія еврейскія общины сговорились назначить на день 18 января всенародный постъ съ богослуженіемъ въ синагогахъ, по чину траурныхъ дней. Въ Петербургѣ эта траурная демонстрація вышла особенно внушительною. Въ назначенный день въ главной синагогѣ и другихъ молельняхъ собралась вся еврейская колонія столицы со своей многочисленной интеллигенціей. Читались гимны вѣкового мученичества—„селихотъ"; въ главной синагогѣ раввинъ произнесъ рѣчь о переживаемыхъ народомъ бѣдствіяхъ. „Когда проповѣдникъ—пишетъ очевидецъ **)—прерывающимся голосомъ нарисовалъ то положеніе, въ которомъ нынѣ находится еврейство, протяжный стонъ, какъ будто изъ одной груди, вырвался внезапно и разлился по синагогѣ. Плакали всѣ: старики, молодые, длиннополые бѣдняки, изящные франты, одѣтые по послѣдней модѣ, чиновники, доктора, студенты,—о женщинахъ нечего говорить. Минуты двѣ-три подрядъ продолжались эти потрясающіе стоны, этотъ вырвавшійся наружу крикъ общей горести. Раввинъ не могъ продолжать. Онъ стоялъ на амвонѣ, приложивъ руки къ лицу, и плакалъ какъ ребенокъ".

---

*) „Разсвѣтъ" 1882 г., № 3 (экстренное приложеніе) и № 4, ст. 125.

**) Ibidem, стр. 137 сл.

Такія же „политическія демонстраціи“ передъ Богомъ совершались въ тѣ дни во многихъ другихъ городахъ, причемъ мѣстами назначался даже трехдневный постъ. Вездѣ учащаяся молодежь участвовала въ общемъ траурѣ, какъ бы предчувствуя, что ей предстоятъ еще десятилѣтія горя и слезъ впереди *)...

Политическій протестъ, невозможный въ Россіи, раздался въ Англіи. Въ тѣ самые дни, когда русскіе евреи плакали въ своихъ синагогахъ, англійскіе ихъ соплеменники, вмѣстѣ съ выдающимися политическими дѣятелями изъ христіанъ, устраивали „митинги негодованія“ противъ ужасовъ россійской юдофобіи. Еще раньше, тотчасъ послѣ варшавскаго погрома, въ газетѣ „Times“ появилась серія статей, подъ заглавіемъ „The persecution of the Jews in Russia“, съ ужасающимъ описаніемъ всѣхъ погромовъ 1881 г. Статьи произвели огромное впечатлѣніе. Перепечатанныя въ отдѣльной брошюрѣ, въ короткое время выдержавшей три изданія, онѣ распространялись далеко за предѣлами Англіи. Въ обществѣ и прессѣ раздавались голоса о необходимости дипломатическаго заступничества за угнетенныхъ и организаціи матеріальной помощи жертвамъ погромовъ. Русская дипломатія была чрезвычайно смущена этимъ ростомъ антирусскаго настроенія въ странѣ, правительство которой (кабинетъ Гладстона, смѣнившій руссофобскій кабинетъ Биконсфильда) поддерживало съ Россіей дружественныя отношенія. Въ органѣ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ— Journal de St.-Petersbourg появились двѣ статьи, въ которыхъ сдѣланы попытки опровергнуть наиболѣе возмутительные факты въ описаніи „Times“ (русскій оффиціозъ отрицалъ случаи изнасилованія женщинъ и увѣрялъ, что „убійства были очень рѣдки“ **); „Journal“ имѣлъ смѣлость заявить, что „правительство уже приступило къ обсужденію новыхъ законодательныхъ мѣропріятій“ относительно евреевъ, не упомянувъ конечно о репрессивномъ характерѣ этихъ мѣропріятій. Органъ русской дипломатіи съ раздраженіемъ спрашивалъ, не хотятъ ли агитаторы-юдофилы „поссорить русское общество съ англійскимъ“, испортить хорошія отношенія Россіи съ Англіей, установившіяся послѣ замѣны кабинета Биконсфильда кабинетомъ Гладстона ***). Но вся эта дипломатическая

*) Ibid. стр. 222, 259—261, 298 и др.

**) Въ отчетѣ „Times“ встрѣчаются нѣкоторыя преувеличенія лишь въ опредѣленіи количества пострадавшихъ и вообще размѣра бѣдствій, но общая картина вѣрна, а случаи убійствъ и изнасилованій большею частью точно указаны (напр. въ Кіевѣ).

***) „Хроника Восхода“ № 3, стр. 53; № 4, стр. 76, 87 сл.

полемика не удержала политическихъ дѣятелей Англіи отъ осуществленія подготовленной демонстраціи.

Послѣ цѣлаго ряда митинговъ протеста въ различныхъ городахъ Англіи, состоялся 1-го февраля н. ст. (20-го января) грандіозный митингъ въ Лондонѣ, въ залѣ Mansion House (городской домъ), подъ предсѣдательствомъ лордъ-мэра. Весь цвѣтъ англійскаго общества былъ представленъ здѣсь: члены обѣихъ палатъ парламента, епископы, сановные лорды, ученые. Были оглашены письма многихъ вліятельныхъ лицъ, которыя не могли прибыть на митингъ, но выразили горячее сочувствіе его цѣли (поэтъ-лавреатъ Тэннисонъ, натуралистъ Дж. Лэббокъ и др.). Первый ораторъ собранія, лордъ Шефтсбюри, указалъ, что англійское общество не требуетъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи, но желаетъ воздѣйствовать на нее „нравственнымъ оружіемъ", во имя принципа „солидарности націй". По поводу опроверженій русской оффиціозной газеты, онъ замѣтилъ, что если вѣрна даже десятая доля англійскихъ сообщеній о погромахъ, то и тогда митингъ протеста необходимъ. Нужно — по мнѣнію Шефтсбюри — аппелировать къ царю

Епископъ Лондонскій въ своей рѣчи напомнилъ, что нѣсколькими годами раньше Англія содрогнулась при слухахъ о насиліяхъ турецкихъ башибузуковъ надъ болгарами, которыхъ Россія защищала, и она теперь вправѣ требовать отъ христіанской Россіи того, что раньше требовалось отъ мусульманской Порты. Наиболѣе сильную рѣчь произнесъ католическій кардиналъ Маннингъ. Онъ напомнилъ, что русскіе евреи являются не только объектомъ временныхъ погромовъ, но что они постоянно стонутъ подъ гнетомъ законодательства, говорящаго еврею: „Не смѣй селиться въ такомъ-то городѣ, тебѣ нельзя приблизиться на нѣсколько миль къ такой-то границѣ". При громкомъ смѣхѣ и возгласахъ негодованія ораторъ цитировалъ пресловутый циркуляръ Игнатьева о созывѣ „губернскихъ комиссій", въ которомъ послѣ страшныхъ погромовъ надъ евреями министръ „оплакиваетъ печальное состояніе христіанскаго населенія южныхъ губерній". Свою яркую рѣчь кардиналъ Маннингъ окончилъ словами, въ которыхъ звучалъ пророческій паѳосъ: „Есть Книга, составляющая общее достояніе наше—израильскаго народа и христіанъ. Эта книга образуетъ связь между нами. И въ этой книгѣ читаю я, что Израиль—древнѣйшій народъ на землѣ, между тѣмъ какъ русскіе, австрійцы и англичане суть только народы вчерашняго дня. И живетъ этотъ народъ силою своего неугаси-

маго духа, своихъ неизмѣнныхъ традицій, своей непоколебимой вѣры въ Бога и божественные законы, — народъ, разсѣянный по всему міру, прошедшій сквозь огонь и не погибшій, поверженный въ прахъ, но не смѣшавшійся съ прахомъ". Послѣ цѣлаго ряда другихъ рѣчей (историка церкви Фаррара, профессора Брайса и др.), была принята резолюція, въ которой говорилось: что насилія, которымъ подвергались евреи въ разныхъ мѣстахъ Россіи, составляютъ прискорбное нарушеніе началъ цивилизаціи; что собраніе, не имѣя ни права, ни охоты вмѣшиваться во внутреннія дѣла чужой страны, тѣмъ не менѣе считаетъ долгомъ высказать свое убѣжденіе, что законы Россіи въ отношеніи къ евреямъ унижаютъ послѣднихъ въ глазахъ христіанскаго населенія и поощряютъ грубыя насилія противъ нихъ; наконецъ, что лордъ-мэръ приглашается передать копію этой резолюціи премьеръ-министру Гладстону и министру иностранныхъ дѣлъ Гренвилю, съ пожеланіемъ, чтобы „при благопріятномъ случаѣ было оказано дружеское вліяніе въ духѣ предыдущихъ пунктовъ резолюціи". Было также принято рѣшеніе собрать денежный фондъ для оказанія помощи потерпѣвшимъ отъ погромовъ русскимъ евреямъ и для улучшенія ихъ положенія путемъ эмиграціи или иными способами. Въ комитетъ, избранный для этой цѣли митингомъ, вошли: лордъ-мэръ, архіепископъ Кэнтербэрійскій, кардиналъ Маннингъ, епископъ Лондонскій, Натаніэль Ротшильдъ и др. *).

Спустя нѣсколько дней англійское правительство откликнулось на резолюцію митинга. Въ русскихъ газетахъ появились слѣдующія телеграммы изъ Лондона отъ 28-го января (9-го февраля н. ст.): „Въ нижней палатѣ Гладстонъ отвѣчалъ Симону, что донесенія консуловъ о преслѣдованіи евреевъ въ Россіи получены. Дѣло это должно внушать чувства сожалѣнія но оно составляетъ явленіе внутренней жизни другого государства и не можетъ стать предметомъ оффиціальной переписки или разслѣдованія со стороны Англіи. Возможны развѣ только дружескія представленія при случаѣ; всякія другія дѣйствія по вопросу объ отношеніяхъ русскаго правительства къ евреямъ скорѣе повредятъ, чѣмъ помогутъ еврейскому населенію". Затѣмъ лондонская телеграмма отъ 14-го февраля гласила: „Въ нижней палатѣ Гладстонъ, отвѣчая Вормсу, заявилъ, что человѣколюбивыя цѣли нельзя осуществить парламентскими преніями о русскихъ евреяхъ. Такія пренія скорѣе

*) Die Londoner Rathausversammlung für die verfolgten russischen Juden. Berlin, 1882; „Разсвѣтъ", 1882 г., стр. 92, 182; „Хроника Восхода", 1882, стр. 76, 109 и др.

способны возбудить враждебное настроеніе извѣстной части русскаго населенія противъ евреевъ, а потому дня для дебатовъ по запросу Вормса назначено не будетъ“ *).

Эти заявленія въ палатахъ нѣсколько смягчили непріятное впечатлѣніе, произведенное лондонскимъ митингомъ на русскія правящія сферы, но нѣкоторое безпокойство еще ощущалось. Перспектива „дружественныхъ представленій при случаѣ“ со стороны Англіи не улыбалась русскому правительству, и оно старалось всячески отвратить этотъ нравственный ударъ. 30-го января въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появилось очень сердитое оффиціальное сообщеніе по поводу „слуховъ о томъ, что готовится англійское заступничество за евреевъ“ **). „Еврейскій вопросъ—говорится въ этомъ сообщеніи—безусловно принадлежитъ къ числу вопросовъ внутреннихъ, въ которыхъ каждое государство распоряжается по своему усмотрѣнію и никогда не потерпитъ посторонняго вмѣшательства или совѣта въ какой бы то ни было формѣ. Придерживаясь само строгаго невмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ государствъ, русское правительство тѣмъ болѣе не могло бы допустить подобнаго нарушенія международныхъ обычаевъ, что всякое заступничество иностранной державы за еврейскую народность могло бы только посѣять неудовольствіе въ массѣ населенія и неблагопріятно отразиться на положеніи евреевъ“. Рядомъ съ этой угрозой „Правительственный Вѣстникъ“ старался доказать, что мѣры правительства противъ погромовъ „не были слабы“, какъ видно изъ значительнаго количества лицъ, арестованныхъ полиціей послѣ „безпорядковъ“ (3,675 на югѣ и 3,151 въ Варшавѣ). Такія заявленія со стороны русскаго правительства, которыя несомнѣнно дѣлались и въ дипломатической перепискѣ, заставили кабинетъ Гладстона воздержаться отъ „дружественныхъ представленій“ въ Петербургѣ въ пользу русскихъ евреевъ. Гладстонъ отказался даже принять, для передачи русскому правительству, петицію представителей англійскаго еврейства, съ барономъ Ротшильдомъ во главѣ. Графъ Игнатьевъ могъ успокоиться: непріятности съ дружественнымъ правительствомъ были устранены, а пламенные протесты на митингахъ его мало смущали.

Большой „митингъ протеста“ состоялся въ февралѣ и въ Нью-

*) „Разсвѣтъ“ 1882 г., стр. 218, 228; „Хрон. Восх.“, стр. 129, 130, 154, 161 сл.

**) „Хрон. Восхода“ 1882, стр. 123—124.

Іоркѣ, куда уже стали прибывать первые бѣглецы изъ Россіи. Была принята резолюція протеста противъ „средневѣковыхъ гоненій, возобновленныхъ въ Россіи“, съ требованіемъ энергичныхъ представленій въ Петербургѣ отъ имени народа и правительства Соединенныхъ Штатовъ. Одинъ изъ ораторовъ нью-іоркскаго митинга, судья Дэвисъ, сказалъ при восторженныхъ кликахъ публики: „Если, вопреки урокамъ политической мудрости, положеніе евреевъ Россіи не будетъ улучшено законодательнымъ путемъ, то у американцевъ, кромѣ дружескихъ увѣщаній, есть достаточно долларовъ, чтобы переселить на свободную американскую территорію и пристроить тамъ всѣ три милліона гражданъ, не имѣющихъ пока отечества“ *). Черезчуръ увлекшійся ораторъ выразилъ въ этихъ словахъ затаенную думу многихъ мечтателей русскаго гетто.

Въ Россіи тогда возникали многочисленные эмиграціонные кружки, готовившіеся къ переселенію въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, страну свободы, съ надеждою на какую-то чудесную помощь извнѣ, со стороны еврейскихъ организацій Европы и Америки. Съ того момента, какъ Игнатьевъ заявилъ д-ру Оршанскому объ открытіи для евреевъ западной границы, корреспонденціи еврейскихъ газетъ запестрѣли извѣстіями изъ сотенъ городовъ, особенно юга Россіи, о формирующихся эмигрантскихъ группахъ. „Нашъ бѣдный классъ только и живетъ надеждою на эмиграцію. Эмиграція, Америка—вотъ девизъ нашихъ братьевъ“—таковы стереотипныя фразы тогдашнихъ корреспонденцій **). Многіе интеллигентные люди мечтали объ устройствѣ еврейскихъ земледѣльческихъ или фермерскихъ колоній въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ нѣкоторыя группы эмигрантовъ 1881 года уже успѣли пристроиться при сельскихъ фермахъ. Часть молодежи увлеклась идеей колонизаціи Палестины и развила сильную пропаганду этой національной идеи среди массъ выходцевъ изъ новаго Египта. Чувствовалась настоятельная потребность въ объединеніи всѣхъ этихъ разсѣянныхъ по чертѣ осѣдлости эмигрантскихъ кружковъ, въ учрежденіи центральныхъ переселенческихъ комитетовъ, которые регулировали бы стихійное народное движеніе. Но тутъ у еврейскихъ общественныхъ дѣятелей не оказалось единодушія. Въ то время, какъ стоявшая ближе къ народу интеллигенція (популярный въ Кіевѣ окулистъ проф. Мандельштамъ и др.) и часть прессы

*) „Разсвѣтъ“ 1882, 265 сл. Ср. „Хрон. Восхода“ 1882, стр. 166 сл.

**) „Разсвѣтъ“ 1882, № 9 (корреспонденціи изъ Бердичева и Кіева), и вообще всѣ №№ этого журнала и „Хрон. Восхода“ за первые мѣсяцы 1882 года.

(особенно „Разсвѣтъ") непрестанно требовали организаціи переселенія, какъ важнѣйшей задачи момента, — еврейская общинная олигархія въ Петербургѣ боялась, что ее обвинятъ въ „нелойяльности", въ недостаточной привязанности къ Россіи, если она окажетъ дѣятельную поддержку эмиграціи. Другая, радикально настроенная часть общества усматривала въ поощреніи массовой эмиграціи какъ бы уступку правительству Игнатьева, косвенный отказъ отъ борьбы за равноправіе въ самой Россіи (органомъ этой группы былъ „Восходъ"). Къ веснѣ 1882 г. вопросъ объ организаціи переселенія настолько назрѣлъ, что пришлось созвать въ Петербургѣ съѣздъ провинціальныхъ дѣятелей для его обсужденія. Но не успѣли еще съѣхаться въ столицу делегаты, какъ на югѣ опять показалось зловѣщее зарево: вспыхнулъ страшный погромъ въ Балтѣ, значительномъ еврейскомъ центрѣ Подоліи, гдѣ незадолго до катастрофы образовался еврейскій эмиграціонный кружокъ.

Еще до наступленія русской пасхи—погромнаго haute saison, всѣ обратили вниманіе на странное извѣщеніе „Правительственнаго Вѣстника" (конецъ марта), что впредь газета будетъ аккуратно сообщать обо всѣхъ случаяхъ „еврейскихъ безпорядковъ" по оффиціальнымъ донесеніямъ губернаторовъ, какъ будто правительство напередъ знало, что погромы будутъ. Даже консервативныя „Московскія Вѣдомости" отозвались по поводу этого неосторожнаго извѣщенія чрезвычайно иронически: „Правительственный Вѣстникъ утѣшилъ публику извѣщеніемъ, что будетъ своевременно и обстоятельно сообщать обо всѣхъ случаяхъ избіенія евреевъ. Подумаешь, что это—заурядныя явленія, требуемыя чиномъ природы, о которыхъ остается только увѣдомлять публику своевременно. Неужели нѣтъ средствъ прекратить этотъ вопіющій скандалъ?" *). Событія тотчасъ показали, что не было желанія прекратить „скандалъ", какъ мягко называла газета подвиги разбойничьихъ бандъ. Власти на мѣстахъ заранѣе предупреждались еврейскимъ населеніемъ о готовящихся погромахъ. Съ половины марта въ Балтѣ и ея районѣ объ этомъ открыто говорили. Когда евреи заявили о своихъ опасеніяхъ балтскому полиціймейстеру, они получили отъ него двусмысленный отвѣтъ. Въ городѣ, гдѣ еврейское населеніе втрое превышало христіанское, нетрудно было устроить самооборону, но жители знали, что такая организація строго запрещена начальствомъ, и пришлось ограничиться тайнымъ уговоромъ между нѣко-

*) „Разсвѣтъ" 1882, 510; „Хрон. Восх.", 381.

торыми семействами—постоять другъ за друга въ минуту опасности. На второй день русской пасхи (седьмой день еврейской), 29-го марта, начался погромъ, превзошедшій звѣрствами черни и
всѣ вакханаліи 1881 года. Вотъ что пишетъ объ этомъ современникъ на основаніи спеціальнаго разслѣдованія *):

„Въ началѣ погрома сбѣжавшіеся евреи заставили шайку буяновъ отступить и укрыться въ зданіи пожарной команды. Но съ появленіемъ полиціи буйствующіе вышли изъ своего убѣжища. Вмѣсто того, чтобы разогнать эту шайку, полиція и
стали бить евреевъ и саблями.
Въ этотъ моментъ кто-то ударилъ въ набатъ, на колокольный звонъ стала стекаться городская чернь; но опасаясь, что въ этой части города она будетъ подавлена численностью еврейскаго населенія, толпа направилась черезъ мостъ на такъ называемую Турецкую сторону, гдѣ живетъ меньше евреевъ. Толпу эту сопровождали мѣстный начальникъ, полиціймейстеръ, городской голова что однако не помѣшало толпѣ, проходя Соборную улицу, разбить одну лавку и окна въ домѣ еврея, гласнаго городской Думы. По переходѣ толпы на Турецкую сторону, власти поставили на всѣхъ трехъ мостахъ, служащихъ сообщеніемъ Турецкой стороны съ 1-ю частью города Балты, цѣпь, съ приказаніемъ: евреевъ не пропускать,—что и было исполнено. Зато христіане прочихъ частей города и деревни Александровки были пропускаемы безпрепятственно.
Турецкая сторона была разгромлена въ теченіе 3—4 часовъ, такъ что къ первому часу ночи грабителямъ уже нечего было тамъ дѣлать. Въ ночь полиція
арестовали 24 грабителей и далеко большее число евреевъ,—послѣднихъ за то, что они стоять при своихъ квартирахъ. На слѣдующее утро христіанъ освободили,
а евреевъ продержали подъ арестомъ съ ночи 29-го до утра 31-го марта и освободили лишь по пріѣздѣ губернатора.

„На другой день, 30-го марта, съ 4-хъ часовъ утра стало стекаться въ городъ множество крестьянъ,
числомъ около 5000 человѣкъ, вооруженныхъ друч-

---

*) „Еврейская Старина“ 1909 г. I, 93—97; ср. подробныя описанія въ „Разсвѣтѣ“ и „Хрон. Восхода“ 1882 г. №№ 15—16, и „Alte Zoros“ въ журн. „Jüdische Welt“ (Пет. 1912), № 2.

ками. Прибытіе этихъ людей обрадовало евреевъ. Они полагали, что крестьяне вызваны для ихъ защиты, но тутъ же убѣдились въ своей ошибкѣ, такъ какъ крестьяне заявили, что они прибыли съ цѣлью бить и грабить евреевъ. Одновременно съ прибытіемъ крестьянъ, къ собору стали стекаться массы мѣстной черни и около 8 часовъ утра начали давать сигналы къ возобновленію погрома. Сперва имъ это не удалось, потому что офицеры мѣстнаго баталіона, ходившіе по городу патрулемъ, оцѣпили солдатами толпу и продержали ее безъ малаго часъ времени, въ продолженіе котораго протоіерей Радзіоновскій увѣщевалъ буйствующихъ, убѣждая, что подобныя дѣянія противны законамъ церкви и государства. Но тутъ къ собору прибыли: полиціймейстеръ,

цѣпь раздвинулась—и освобожденная толпа бросилась на близъ-стоящій складъ питей, разбила его, напилась тамъ вдоволь водкой и пошла разбивать и грабить при содѣйствіи

крестьянъ, а также солдатъ и полицейскихъ. Тутъ-то разыгрались тѣ страшныя, дикія сцены убійства, насилія и грабежа, описаніе которыхъ въ газетахъ есть только блѣдная тѣнь дѣйствительности"... „Балтскій погромъ, — заключаетъ свое описаніе современникъ—вызванъ бездѣйствіемъ,

Объ этихъ „дикихъ сценахъ", о которыхъ не позволяла распространяться тогдашняя цензура, мы узнаемъ изъ неопубликованныхъ источниковъ, да отчасти изъ позднѣйшихъ судебныхъ отчетовъ *). Кромѣ разрушенія 1250 домовъ и магазиновъ, уничтоженія или разграбленія имущества и товаровъ („всѣ состоятельные люди превратились въ нищихъ, пущено по міру не менѣе 15.000 человѣкъ"— извѣщалъ мѣстный раввинъ), въ Балтѣ убивали, увѣчили людей и насиловали женщинъ. Было убито и тяжело ранено 40 евреевъ, легко ранено около 170; многіе, особенно женщины, отъ перепуга сошли съ ума. Случаевъ изнасилованія женщинъ было больше 20. 17-лѣтняя дочь бѣднаго шлифовщика (Эйда Малисъ) была изнасилована бандою озвѣрѣлыхъ парней на глазахъ брата; мать несчастной выбѣжала на улицу и позвала на помощь стоявшаго вблизи городового; послѣдній вошелъ за женщиной въ ея домикъ и, вмѣсто оказанія помощи, тутъ же изнасиловалъ ее. Въ домъ Боруха Шляховскаго ворвались разбойники и убили хозяина. Его

*) Архивъ Еврейскаго Истор. Общества (погромная коллекція Левина, №№ 10, 12, 13, 15); „Судебная хроника" въ „Разсвѣтѣ" и „Восходѣ" (ежемѣсяч,) второй половины 1882 г.

жена и дочь убѣжали и спрятались въ сосѣднемъ огородѣ, но здѣсь русскій сосѣдъ заманилъ ихъ въ свой домъ, подъ предлогомъ защиты ихъ чести отъ погромщиковъ, и тамъ на глазахъ матери обезчестилъ дочь.

войска для усмиренія людей-звѣрей были вызваны изъ сосѣдняго города лишь на третій день, когда пріѣхалъ и подольскій губернаторъ для разслѣдованія. Тотчасъ обнаружилось, что мѣстныя власти (полицiймейстеръ, исправникъ, воинскій начальникъ, городской голова, предводитель дворянства) были прямо или косвенно причастны къ погрому. Многихъ арестованныхъ погромщиковъ полиція скоро выпустила изъ тюрьмы, такъ какъ они грозили въ противномъ случаѣ указать высшему начальству на подстрекателей изъ мѣстныхъ властей и представителей русскаго общества. Евреямъ же
еще долго грозила рѣзней и полнымъ истребленіемъ, если тѣ посмѣютъ уличать на судѣ своихъ палачей.

Балтскій погромъ вызвалъ только слабое подражаніе въ сосѣднихъ мѣстахъ: въ нѣкоторыхъ городкахъ Подольской и Херсонской губерній (Летичевъ, Дубоссары и др.) *). Вся энергія разрушенія и звѣрства какъ будто истощилась въ балтскихъ подвигахъ. Вообще весенняя погромная кампанія 1882 года охватила ничтожный раіонъ въ сравненіи съ кампаніей 1881 г., но зато превзошла послѣднюю въ качественномъ отношеніи: дѣянія Балты являлись уже солиднымъ задаткомъ на позднѣйшіе ужасы Кишинева и октябрьскихъ погромовъ 1905 года.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ балтскаго погрома засѣдалъ въ Петербургѣ, отъ 8-го до 27-го апрѣля, съѣздъ делегатовъ еврейскихъ общинъ, созванный барономъ Г. Гинцбургомъ съ разрѣшенія министра Игнатьева **). Въ составъ съѣзда вошли около 25 делегатовъ изъ провинціи (между ними д-ръ Мандельштамъ изъ Кіева и рабби Ицхакъ-Элхананъ изъ Ковны) и 15 нотаблей петербургскихъ (баронъ Гинцбургъ, желѣзнодорожный финансистъ

---

*) „Хрон. Восхода“ 1882 г., ст. 373, 440 сл.

**) Протоколы съѣзда напечатаны позже въ „Хрон. Восхода“ 1882 г., №№ 31—36; ср. ibid. стр. 420, 433, 481—482; „Разсвѣтъ“, 587. Рукописная копія протоколовъ—въ архивѣ Евр. Истор. О-ва. Въ рукописи (гектографическая копія) приведены не пренія, а только постановленія съѣзда; зато даны подробныя свѣдѣнія о личномъ составѣ съѣзда и распорядкѣ занятій, а также приведены записки и прошенія, связанныя съ нимъ.

Поляковъ, профессоръ Бакстъ и др.). Главное мѣсто въ программѣ съѣзда занималъ вопросъ объ эмиграціи, но въ связи съ нимъ развернулись пренія объ общемъ положеніи народа. Смѣсь трагизма и малодушія проявилась на этомъ маленькомъ конгрессѣ. Съ одной стороны говорились такія волнующія рѣчи о безвыходномъ положеніи евреевъ, что одинъ изъ делегатовъ (Шмерлингъ изъ Могилева) по окончаніи своей рѣчи впалъ въ обморокъ и черезъ нѣсколько часовъ умеръ. Съ другой стороны наиболѣе вліятельные делегаты, особенно столичные, трусливо озирались въ сторону правительства и опасались, какъ бы не возбудить подозрѣнія въ недостаткѣ патріотизма. Нѣкоторые видѣли въ эмиграціи непозволительную форму протеста, „бунтъ", и оставались на этой точкѣ зрѣнія даже послѣ того, какъ съѣзду было сообщено, отъ имени министерства внутреннихъ дѣлъ, что съѣздъ долженъ обсудить вопросъ, какъ „разрѣдить еврейское населеніе въ чертѣ его осѣдлости, имѣя въ виду, что во внутреннія губерніи Россіи евреи допущены не будутъ". На второмъ засѣданіи съѣзда петербургскій раввинъ д-ръ Драбкинъ сообщилъ членамъ о своей послѣдней бесѣдѣ съ Игнатьевымъ. На заявленіе раввина, что евреи ждутъ царскаго слова о подавленіи погромовъ и желаютъ расширенія своихъ правъ, министръ отвѣтилъ, что это „общія мѣста", и прибавилъ съ раздраженіемъ: „Евреи сами виноваты въ погромахъ: примыкая къ нигилистамъ, они отнимаютъ у правительства возможность оградить ихъ отъ насилій". Этому явному софизму противорѣчило сдѣланное тутъ же министромъ признаніе, что поводомъ къ балтскому погрому послужилъ „ложный слухъ, будто евреи подвели подкопъ подъ православную церковь", т. е. что причина лежитъ внѣ еврейства, въ агитаціи злоумышленниковъ.

Въ томъ же засѣданіи обсужденіе вопроса объ эмиграціонномъ движеніи опять было отклонено въ сторону новою инспираціей со стороны министра-хамелеона. Приближенный къ Игнатьеву финансистъ Самуилъ Поляковъ высказалъ мнѣніе въ духѣ крайняго сервилизма: работа съѣзда будетъ безплодна, если она не будетъ вестись на основаніи „инструкціи отъ правительства". При этомъ онъ сообщилъ, что въ бесѣдѣ съ министромъ онъ выразился о поощреніи эмиграціи какъ о „подстрекательствѣ къ бунту", ибо „для русскихъ гражданъ эмиграція не существуетъ"; на вопросъ же министра, какъ разрѣдить густое еврейское населеніе „черты" Поляковъ отвѣтилъ: „разселеніемъ по Россіи"; но министръ заявилъ, что онъ могъ бы дозволить переселеніе евреевъ только въ Среднюю Азію и въ ново-завоеванный оазисъ Ахалъ-Теке. И услужливый

финансистъ, высказываясь рѣзко противъ заграничной эмиграціи, рекомендовалъ съѣзду серьезно обсудить предложеніе Игнатьева. Противъ этого предложенія горячо высказался д-ръ Мандельштамъ, видѣвшій въ немъ новое издѣвательство надъ евреями; даже профессоръ Бакстъ, принципіальный противникъ эмиграціи, заявилъ, что такое разселеніе евреевъ есть въ сущности „ссылка въ отдаленныя мѣста“ и равносильно оффиціальному „признанію евреевъ преступниками“. Проектъ „ссылки“ былъ отвергнутъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ большинство съѣзда высказалось противъ учрежденія переселенческихъ комитетовъ для урегулированія заграничной эмиграціи, ибо это породило бы представленіе, будто евреи хотятъ уйти изъ Россіи.

Послѣ продолжительныхъ дебатовъ были приняты слѣдующія резолюціи: 1) „Совершенно отвергнуть мысль объ устройствѣ эмиграціи, какъ противорѣчащую достоинству русскаго государства (!) и исторически пріобрѣтеннымъ евреями правамъ на ихъ настоящее отечество. 2) Указать, какъ на единственное средство урегулированія отношеній еврейскаго населенія къ коренному, на необходимость уничтоженія дѣйствующаго исключительнаго законодательства о евреяхъ. 3) Довести до свѣдѣнія правительства о явно обнаружившемся во время безпорядковъ бездѣйствіи власти. 4) Ходатайствовать предъ правительствомъ объ изысканіи имъ средствъ къ вознагражденію еврейскаго населенія, пострадавшаго отъ погромовъ вслѣдствіе недостаточной полицейской охраны“. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ рѣшилъ опровергнуть старое обвиненіе, вновь повторенное въ „губернскихъ комиссіяхъ“, будто среди евреевъ сохранилась еще старая автономная организація общинъ (кагаловъ), дѣйствующая тайно и поддерживающая обособленность евреевъ во вредъ другимъ слоямъ населенія. Резолюція съѣзда гласила: „Нижеподписавшіеся, представители разныхъ центровъ еврейской осѣдлости въ Россіи, раввины, члены духовныхъ и синагогальныхъ правленій, считаютъ своимъ священнымъ долгомъ, призывая въ свидѣтели всевѣдущаго Бога, заявить всенародно, передъ лицомъ всей Россіи, что никакого ни явнаго, ни тайнаго кагальнаго управленія среди русскихъ евреевъ не существуетъ, что жизнь евреевъ совершенно чужда какой-нибудь подобной организаціи и всѣхъ злонамѣренно приписываемыхъ такой организаціи аттрибутовъ“. Подписавшіе эту торжественную декларацію не сознавали, сколько унизительнаго отреченія отъ національныхъ правъ кроется въ заявленіи, что евреи не только утратили свою былую широкую автономію общинъ (это было, къ сожалѣнію, фактически вѣрно), но что они считали бы существо-

ваніе такой внутренней автономіи чѣмъ-то преступнымъ, антигосударственнымъ, подлежащимъ карѣ въ видѣ лишенія гражданскихъ правъ.—Результатъ принятыхъ съѣздомъ рѣшеній выразился въ томъ, что делегаты его въ разныхъ сочетаніяхъ представлялись членамъ Комитета министровъ (въ томъ числѣ и Побѣдоносцеву), и было составлено прошеніе на имя государя, которое, повидимому, не было подано въ виду опубликованія знаменитыхъ „Временныхъ правилъ“ 3-го мая.

V.

„Временныя правила“ и начало легальныхъ погромовъ (май-декабрь 1882).

Въ промежутокъ времени отъ варшавскаго погрома до балтскаго, министерство Игнатьева готовило для евреевъ систему легальныхъ погромовъ. Въ тайникахъ канцелярій, въ лабораторіяхъ полицейскаго деспотизма, выковывалась цѣпь репрессій законодательныхъ и административныхъ, которыя должны „регулировать“ жизнь евреевъ въ духѣ полнѣйшаго гражданскаго рабства. Учрежденный при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ центральный комитетъ по еврейскому вопросу (выше, гл. III), который для краткости назывался „Еврейскимъ Комитетомъ“, но съ полнымъ правомъ могъ бы носить эпитетъ „антиеврейскій“, положилъ въ основаніе своихъ работъ отзывы Игнатьевскихъ „губернскихъ комиссій“ и готовилъ какой-то чудовищный кодексъ безправія. Новый проектъ былъ построенъ на слѣдующей теоріи. Старое русское законодательство всегда относилось враждебно къ евреямъ, какъ обособленной иновѣрной и инородной группѣ. Отступленіе отъ этой системы было сдѣлано въ царствованіе Александра II, когда были расширены права евреевъ извѣстныхъ категорій и „наступилъ періодъ терпимости“; но жизнь выяснила непригодность такой терпимости къ евреямъ, что доказано и недавнимъ возникновеніемъ „антиеврейскаго движенія за границей“ (германскій антисемитизмъ), и „народнымъ самосудомъ“ въ Россіи, подъ видомъ погромовъ. А такъ какъ Россія нынѣ вступаетъ на путь русской „народной политики“, то нужно въ еврейскомъ вопросѣ „обратиться къ старинѣ“, отказаться отъ непринесшихъ пользы новшествъ и строго придерживаться выработанныхъ „всей предшедшей исторіей государства началъ“, по которымъ евреи считаются „инородцами“ и не могутъ пользоваться полною терпимостью. Эта дикая теорія, возвращающая страну къ старомосковскимъ традиціямъ, была подробно изложена въ журналѣ засѣданія Еврейскаго Комитета, въ качествѣ вступленія къ проекту. Варшав-

скій погромъ засталъ членовъ комитета за этой работой и доставилъ имъ большую радость; они не преминули отмѣтить въ журналѣ, что „безпорядки“, происшедшіе въ Царствѣ Польскомъ, „гдѣ евреи пользуются равноправіемъ“ (т. е. правомъ повсемѣстнаго жительства), подкрѣпляетъ теорію о „вредности“ еврейскаго народа *). Быстрѣе заскрипѣли перья, и къ веснѣ 1882 г. былъ готовъ проектъ жестокаго наказанія евреевъ за совершенныя надъ ними же насилія.

У еврейскаго населенія, рѣшено было отнять большую территорію внутри и безъ того тѣсной „черты осѣдлости“. Проектировалось запретить евреямъ вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ, въ деревняхъ, а уже живущихъ тамъ либо выселить по приговорамъ крестьянскихъ обществъ („предоставить обществамъ выселять по приговорамъ“), либо лишить ихъ куска хлѣба путемъ запрещенія покупать или арендовать недвижимость и торговать виномъ. Игнатьевъ внесъ этотъ проектъ въ Комитетъ министровъ, съ предложеніемъ провести новыя репрессіи не въ законодательномъ порядкѣ (черезъ Государственный Совѣтъ), а подъ видомъ высочайше утвержденныхъ чрезвычайныхъ „временныхъ мѣръ“, имѣющихъ цѣлью „устранить обостренныя отношенія между евреями и кореннымъ населеніемъ“. Проектъ Игнатьева смутилъ даже членовъ реакціоннаго Комитета министровъ. Комитетъ полагалъ, что нельзя провести такую массовую экспропріацію личныхъ и имущественныхъ правъ внѣ законодательнаго порядка; что разрѣшить крестьянскимъ обществамъ выселять изъ деревень евреевъ—значитъ отдать послѣднихъ на полный произволъ темныхъ массъ, которыя тогда еще болѣе укрѣпятся въ убѣжденіи, что евреевъ можно выгонять и громить, и такимъ образомъ вмѣсто успокоенія получится еще худшее „обостреніе отношеній“. Но съ другой стороны Комитетъ министровъ высказалъ мнѣніе, что мѣры строгости противъ евреевъ необходимы, дабы крестьяне не подумали, „что царская воля въ дѣлѣ избавленія ихъ отъ еврейской эксплоатаціи не приводится въ исполненіе“. Послѣ нѣкоторыхъ уступокъ со стороны Игнатьева, достигнутъ былъ компромиссъ: пунктъ о выселеніи изъ деревень уже живущихъ тамъ сотенъ тысячъ евреевъ былъ исключенъ изъ проекта, и рѣшено было запретить только вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ **). За то Комитетъ

*) Евр. Старина 1909 г., I, 265—267; Евр. Энциклопедія I, 829.

**) Исторія Комитета министровъ, т. IV, стр. 20—21, 183; Справка къ докладу Совѣта объединеннаго дворянства, т. II, стр. 1—22; ср. „Восходъ“ 1903 г., кн. III, 155.

министровъ уступилъ требованію Игнатьева, чтобы проектъ былъ проведенъ спѣшно, безъ обсужденія его въ Государственномъ Совѣтѣ.

Такъ возникли знаменитыя „Временныя правила“, утвержденныя 3-го мая 1882 г. Освобожденныя отъ канцелярской риторики, эти правила сводятся къ слѣдующему лаконическому тексту: „1) воспретить евреямъ вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ, 2) пріостановить совершеніе на имя евреевъ купчихъ крѣпостей и арендныхъ договоровъ на недвижимыя имущества внѣ городовъ и мѣстечекъ, 3) воспретить евреямъ производить торговлю въ воскресные дни и двунадесятые христіанскіе праздники“ *). Въ первыхъ двухъ пунктахъ этихъ, съ виду скромныхъ, „правилъ“ содержится жестокій карательный законъ, отнявшій у евреевъ $^9/_{10}$ прежде доступной имъ территоріи, заперевшій милліоны людей въ душной чертѣ городовъ и мѣстечекъ Западнаго края, которую они отнынѣ не могли переступить даже на одну милю, и лишившій даже сельскихъ старожиловъ права вновь покупать и арендовать недвижимость. И такой законъ былъ изданъ внѣ законодательнаго порядка, подъ вывѣскою „временныхъ правилъ“, которыя, однако, дѣйствуютъ съ неумолимою строгостью въ теченіе десятилѣтій.

Установивъ тяжелую кару для разгромленнаго еврейства, правительство сочло своимъ долгомъ пригрозить карою и виновникамъ антиеврейскихъ погромовъ. Въ тотъ же роковой день 3-го мая, царь утвердилъ рѣшеніе Комитета министровъ о необходимости объявить торжественно, что „правительство твердо рѣшилось непреклонно преслѣдовать всякія насилія надъ личностью и имуществомъ евреевъ, находящихся подъ охраною общихъ законовъ“. Въ этомъ смыслѣ былъ разосланъ губернаторамъ сенатскій указъ (10 мая), гдѣ они предупреждались, что „на отвѣтственность губернскихъ начальствъ возлагается своевременное принятіе мѣръ для отвращенія поводовъ къ подобнымъ безпорядкамъ и для устраненія безпорядковъ въ самомъ началѣ, и что за всякое въ семъ отношеніи небреженіе административныхъ и полицейскихъ властей виновные будутъ подлежать устраненію отъ должностей“. Далѣе слѣдуетъ признаніе такого рода: „А какъ изъ бывшихъ прискорбныхъ примѣровъ видно, что въ безпорядкахъ принимало участіе мѣстное населеніе, возбуждаемое неблагонамѣренными людьми изъ корыстныхъ или иныхъ цѣлей, то на обязанность губернскаго начальства возлагается разъяснить мѣстнымъ общественнымъ упра-

*) „Разсвѣтъ“ и „Хр. Восхода“ 1882 г. № 20.

вленіямъ, что и они обязаны принимать мѣры для... разъясненія жителямъ всей преступности своевольнаго насилія надъ чьей бы то ни было личностью и имуществомъ“ *).

Авторы „Временныхъ правилъ“ не сознавали, что эти правила составляютъ лишь модификацію тѣхъ „насилій надъ личностью и имуществомъ евреевъ“, которыя они на будущее время запрещали уличной толпѣ, ибо лишеніе свободы передвиженія есть насиліе надъ личностью, а лишеніе права покупки земли или дома есть насиліе имущественное. Даже тогдашняя подцензурная пресса замѣтила, что сила антипогромнаго циркуляра правительства значительно ослаблена одновременно опубликованными „Временными правилами“.

Изъ вышеприведеннаго циркуляра видно, что послѣ звѣрскаго погрома въ Балтѣ въ высшихъ правящихъ кругахъ начали сознавать, какъ позоритъ Россію и подрываетъ внутренній порядокъ та система снисхожденія къ погромамъ, которая практиковалась цѣлый годъ. И какъ только такое сознаніе возникло, со сцены долженъ быть сойти тотъ фатальный министръ, который творилъ всю россійскую политику этого страшнаго года. 30 мая графъ Игнатьевъ былъ уволенъ, и на постъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Дмитрій Толстой — суровый реакціонеръ, церберъ самодержавія и полицейскаго государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ противникъ всякаго рода эксцессовъ толпы, подрывающихъ авторитетъ власти. Черезъ нѣсколько дней послѣ своего назначенія, новый министръ опубликовалъ циркуляръ (9 іюня), въ которомъ, подтверждая недавнюю декларацію о „рѣшимости правительства преслѣдовать всякія насилія надъ евреями“, особенно энергично заявилъ, что „всякое проявленіе безпорядковъ будетъ имѣть своимъ неминуемымъ послѣдствіемъ немедленное привлеченіе къ отвѣтственности всѣхъ должностныхъ лицъ, на обязанности которыхъ лежала забота о предупрежденіи безпорядковъ“ **). Эти рѣшительныя заявленія правительства возымѣли магическое дѣйствіе: всѣ провинціальные администраторы почувствовали, что въ Петербургѣ перестали шутить съ попустителями погромовъ, и

*) Тамъ же.
**) Тамъ же, № 24.

погромная эпидемія тотчасъ прекратилась. Начиная съ іюня 1882 г., погромы все болѣе принимаютъ спорадическій характеръ: кое-гдѣ еще вспыхиваютъ искры былого пожара — и быстро гаснуть. Въ теченіе 20 лѣтъ, до Кишиневской рѣзни 1903 г., можно насчитать не болѣе десятка значительныхъ погромовъ въ разныхъ мѣстахъ; но это были совершенно разрозненныя движенія съ чисто мѣстнымъ колоритомъ, безъ тѣхъ признаковъ общей организаціи или эпидемической силы, которыми отличались погромныя кампаніи 1881 и 1903—1905 годовъ. Этимъ еще болѣе подтвердилась та историческая истина, что въ Россіи невозможны систематическіе погромы тамъ, гдѣ есть непритворная рѣшимость центральнаго правительства и мѣстныхъ властей имъ противодѣйствовать. Еврейскій мартирологъ въ Россіи знаетъ погромы двухъ родовъ: гдѣ власть бездѣйствовала или даже содѣйствовала, — и лишь очень немногіе случаи, гдѣ власть серьезно противодѣйствовала погрому въ моментъ его возникновенія.

Послѣдствія принятыхъ Толстымъ строгихъ мѣръ сказались вскорѣ и въ судебныхъ процессахъ, вызванныхъ погромами. Ранѣе мѣстныя власти обыкновенно старались не предавать суду погромщиковъ, которые въ своихъ показаніяхъ могли компрометировать и мѣстную администрацію, а когда дѣло доходило до суда, виновнымъ назначались большею частью легкія наказанія—нѣсколько мѣсяцевъ тюремнаго заключенія. Послѣ іюньской декларація правительства, судъ сталъ строже относиться къ погромщикамъ *). Лѣтомъ 1882 г. разбиралось много дѣлъ о погромахъ въ Балтѣ и другихъ городахъ, и часто судъ выносилъ вполнѣ заслуженные насильниками суровые приговоры (ссылка на каторжныя работы, въ исправительныя арестантскія роты и т. п.). Въ одномъ случаѣ двое *солдатъ*, обвиненныхъ въ грабежѣ и убійствѣ, были приговорены военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни **). Когда этотъ приговоръ былъ представленъ на конфирмацію кіевскаго генералъ-губернатора Дрентельна, балтскій раввинъ, по уполномочію еврейскаго общества, отправился въ Кіевъ съ цѣлью поддержать ходатайство осужденныхъ о помилованіи.

*) Впрочемъ, не вездѣ. Черниговскій судъ, вынужденный осудить участниковъ погрома въ м. Карповичѣ, постановилъ ходатайствовать передъ высшей властью о помилованіи осужденныхъ, въ виду недовольства народа „эксплуатаціей" со стороны евреевъ. Такихъ проявленій юдофобской политики на судѣ было немало.

**) „Восходъ" (мѣсяч.) 1882 г., кн. 6—12, Судебная хроника; „Разсвѣтъ" 1882, № 26.

Странно было слышать этотъ призывъ къ помилованію насильниковъ и убійцъ изъ стана ихъ жертвъ, изъ разгромленныхъ домовъ, гдѣ еще не умолкли стоны раненыхъ, плачъ о погубленной жизни, о поруганной женской чести. Трудно думать, что тутъ проявился порывъ всепрощенія,—прощаетъ преступленіе отдѣльный человѣкъ, но не цѣлый народъ,—тутъ скорѣе заговорило чувство страха, опасеніе мести за казнь разбойниковъ со стороны ихъ единомышленниковъ, оставшихся на свободѣ.

Скоро балтскіе евреи убѣдились, однако, какъ цѣнятъ ихъ покорность высокопоставленные вдохновители разбоя. Въ началѣ августа въ Балту прибылъ генералъ-губернаторъ Дрентельнъ. Онъ былъ крайне раздраженъ и недавнимъ циркуляромъ Толстого, угрожавшимъ отвѣтственностью также лично ему, какъ попустителю десятка погромовъ въ кіевской сатрапіи, и тѣми шагами, которые въ свое время предприняли въ Петербургѣ представители балтской еврейской общины для разоблаченія вдохновителей мѣстнаго погрома. Прибывъ въ разоренный городъ, начальникъ края, который даже ex officio долженъ былъ выразить свое соболѣзнованіе пострадавшимъ, призвалъ къ себѣ раввина и представителей еврейской общины и, въ присутствіи чиновниковъ, обратился къ нимъ съ рѣчью, полною изступленной злобы. Онъ говорилъ, что евреи своими поступками „вооружаютъ всѣхъ противъ себя", что ихъ никто не любитъ, что имъ „нигдѣ не живется такъ хорошо, какъ въ Россіи", что они напрасно посылали въ Петербургъ депутацію съ жалобами и „оклеветали начальниковъ и представителей города въ подстрекательствѣ бушевавшей толпы противъ евреевъ". Въ заключеніе, онъ назвалъ „лицемѣріемъ" ходатайство общины о помилованіи погромщиковъ, осужденныхъ на смертную казнь, и объявилъ съ торжествомъ, что лица эти помилованы „не по просьбѣ евреевъ" *). Рѣчь генералъ-юдофоба, которому мѣсто было на скамьѣ подсудимыхъ, вызвала погромную панику во всей кіевской сатрапіи. Боевой органъ еврейской прессы („Восходъ") заявилъ: „Послѣ рѣчи генералъ-адъютанта Дрентельна, наша надежда на невозможность повторенія погромовъ рѣшительно поколеблена. Что тутъ помогутъ министерскіе циркуляры, когда на мѣстѣ высшіе администраторы живою рѣчью публично парализуютъ ихъ дѣйствія"?—Опасенія не сбылись. Министръ Толстой не могъ предать суду за преступную рѣчь всесильнаго генералъ-губернатора,

*) „Хрон. Восхода" 1882, № 34; слѣдующая цитата—тамъ же, ст. 925.

Властнымъ словомъ была остановлена въ Россіи машина погромовъ, но машина репрессій работала со всей силой. „Временными правилами“ 3-го мая была санкціонирована система легальнаго преслѣдованія евреевъ, какъ „экономически вредныхъ“, а такъ какъ еврейское населеніе стояло во многихъ отношеніяхъ внѣ дѣйствія общихъ законовъ, то тутъ открывалось широкое поле для грубѣйшаго произвола и беззаконія. Внутри „черты осѣдлости“ сразу захлопнулись всѣ выходы изъ переполненныхъ городовъ въ деревни; сократились, а мѣстами вовсе прекратились, всѣ отрасли сельскохозяйственной промышленности, связанныя съ еврейскимъ землевладѣніемъ внѣ городовъ. Изъ многихъ деревень стали выселять и ранѣе жившихъ тамъ евреевъ, пользуясь правомъ крестьянскихъ общинъ по особымъ приговорамъ подвергать остракизму „порочныхъ членовъ“. Какъ указано выше, Игнатьевъ предполагалъ оффиціально поощрить крестьянъ къ пользованію этимъ оружіемъ противъ евреевъ, но Комитетъ министровъ отвергъ его предложеніе. Теперь нашлись администраторы, которые дѣлали это неоффиціально. Заинтересованныя лица изъ мѣстныхъ русскихъ торговцевъ-„кулаковъ“, при помощи сельскихъ старшинъ, созывали сходъ крестьянъ, обильно угощали собравшихся водкою, и пьяные полуграмотные мужики подписывали „приговоръ“ о выселеніи живущихъ въ данной деревнѣ евреевъ; приговоръ быстро утверждался губернаторомъ и немедленно вступалъ въ законную силу. Такія выселенія происходили особенно часто въ губерніяхъ, подчиненныхъ кіевскому генералъ-губернатору Дрентельну, и не было никакого сомнѣнія, что этотъ свирѣпый юдофобъ далъ по своей сатрапіи опредѣленный лозунгъ въ этомъ направленіи.—Хозяйственное разореніе толкало людей за предѣлы „черты“, во внутреннія губерніи, но тутъ ихъ встрѣчали бичи закона, усугубленные скорпіонами административнаго произвола. Изъ Петербурга, Москвы, Кіева, Харькова и другихъ запретныхъ центровъ выселяли евреевъ массами. Это такъ вредно отражалось на торговомъ оборотѣ, что русское крупное купечество въ Москвѣ и Харьковѣ ходатайствовало о смягченіи ограниченій относительно пріѣзда евреевъ въ эти города *).

За преслѣдованіе евреевъ принялось и военное вѣдомство. Въ русской арміи служило не мало врачей-евреевъ, изъ которыхъ многіе

*) „За прошлый годъ“ въ Восходѣ 1883 г., кн. I; Хрон. Восхода 1882, ст. 541, 561 сл.

отличились во время предшествующей русско-турецкой войны. Правительство реакціи не могло примириться съ этимъ страннымъ зрѣлищемъ еврея-медика, пользующагося правами офицера въ арміи, гдѣ еврейскій солдатъ не могъ подняться выше унтеръ-офицерскаго ранга. И вотъ, 10-го апрѣля 1882 г., военный министръ Ванновскій издаетъ приказъ: а) ограничить численность еврейскихъ врачей и фельдшеровъ въ военномъ вѣдомствѣ пятью процентами общаго числа медиковъ; б) въ военные округа западной Россіи больше не назначать на врачебную службу евреевъ, а весь излишекъ сверхъ 5% перевести въ восточные округа; в) назначать еврея врачемъ лишь въ тѣ части войскъ, гдѣ по штату полагается не менѣе двухъ врачей, съ тѣмъ, чтобы другой врачъ былъ непремѣнно христіаниномъ. Этотъ приказъ мотивированъ въ крайне оскорбительной формѣ: „необходимо устранить постепенное увеличеніе въ военномъ вѣдомствѣ число врачей Моисеева закона, въ виду не вполнѣ добросовѣстнаго исполненія ими обязанностей и вслѣдствіе ихъ неблагопріятнаго вліянія на санитарную службу въ войскахъ“. Это возмутительное оскорбленіе побудило многихъ врачей-евреевъ немедленно подать прошеніе объ отставкѣ. Прошеніе одного изъ этихъ врачей, извѣстнаго беллетриста Ярошевскаго, было написано въ такомъ смѣломъ тонѣ, съ такимъ достоинстомъ отражало нанесенный еврейской интеллигенціи моральный ударъ, что военное министерство сочло нужнымъ привлечь автора къ суду. „До тѣхъ поръ,—говорилось въ прошеніи,—пока съ евреевъ-врачей не будетъ снята такъ безжалостно наброшенная на нихъ тѣнь, каждая лишняя минута, проведенная ими на службѣ въ этомъ вѣдомствѣ, приноситъ имъ только лишній позоръ. Во имя своего человѣческаго достоинства, они не должны оставаться тамъ, гдѣ ими гнушаются“ *).

При такихъ обстоятельствахъ идея *эмиграціи*, вызвавшая къ жизни еще въ началѣ 1882 г. множество переселенческихъ кружковъ, пускала все болѣе глубокіе корни въ народѣ. Но тутъ обнаружились гибельныя послѣдствія рѣшенія, принятаго апрѣльскимъ съѣздомъ нотаблей въ Петербургѣ. Отказавшись отъ созданія центральнаго органа для урегулированія эмиграціи, съѣздъ оставилъ движеніе на произволъ стихій, которыя неминуемо вели къ катастрофамъ. Балтскій погромъ вызвалъ новую вспышку панической эмиграціи, и лѣтомъ 1882 г. въ пограничномъ галиційскомъ пунктѣ Броды опять скопились два десятка тысячъ бѣгле-

*) „Разсвѣтъ“ 1882 г. ст. 1073 сл.; „Хрон. Восхода“ 1881, ст. 1125—26, 1417.

цовъ, не имѣвшихъ средствъ на переселеніе въ Америку и ждавшихъ помощи отъ еврейскихъ союзовъ западной Европы. Учрежденные въ главныхъ столицахъ Европы комитеты помощи эмигрантамъ занялись дѣломъ эвакуаціи Бродъ отъ бѣдствовавшей массы бѣглецовъ. Въ теченіе лѣта и осени эта работа была успѣшно закончена; большая часть эмигрантовъ была отправлена въ Соединенные Штаты Америки, остальные же разсѣялись по разнымъ центрамъ западной Европы *).

Въ сторонѣ отъ этой большой дороги „американской“ эмиграціи, по параллельной маленькой стезѣ, шла эмиграція въ Палестину. Возникшее тогда палестинофильство (см. дальше, гл. IV) увлекало на эту стезю многихъ энтузіастовъ изъ молодежи. Весною 1882 г. въ Харьковѣ образовался кружокъ еврейской молодежи, преимущественно студентовъ, подъ именемъ „Билу“ (по иниціаламъ девиза: Bet jacob lechu unelcha—„родъ Якова, уйдемъ!“), поставившій себѣ цѣлью основать образцовую земледѣльческую колонію въ Палестинѣ и повсемѣстно пропагандировать идею колонизаціи древней родины. Нѣсколько сотъ адептовъ примкнуло къ кружку „Билу“ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, но въ Палестину двинулось лишь нѣсколько десятковъ піонеровъ (іюнь—іюль 1882). Сначала вожди организаціи пытались вступить въ переговоры съ турецкимъ правительствомъ относительно уступки большого участка земли для колонизаціи, но это ни къ чему не привело. Горсти піонеровъ пришлось работать въ качествѣ простыхъ пахарей въ земледѣльческихъ колоніяхъ близъ Яффы (въ колоніи парижскаго Alliance Israelite „Микве Исраель“ и въ только что основанной по частной иниціативѣ колоніи „Ришонъ Леціонъ“). Молодымъ идеалистамъ пришлось вынести много невзгодъ въ непривычной имъ обстановкѣ и чуждой сферѣ труда; большая часть піонеровъ вскорѣ сошла со сцены, уступивъ мѣсто менѣе интеллигентнымъ, но физически болѣе призваннымъ колонизаторамъ **). Такимъ образомъ, основаніе палестинской колонизаціи было положено, хотя и въ крайне малыхъ размѣрахъ. Въ дальнѣйшемъ сама національная идея возрожденія Палестины имѣло большее общественное значеніе, чѣмъ практическая колонизація страны, привлекавшая незначительное число работниковъ. Въ годины россійскихъ ужасовъ взоры многихъ страдальцевъ обращались на Востокъ, къ маленькой по-

---

*) „Разсвѣтъ“, №№ 24—25 и сл.

**) Хисинъ, изъ дневника Палестинскаго эмигранта („Восходъ“ 1889 г., кн. 1—12); „Письма билуйца“ въ Евр. Старинѣ 1915 г., кн. 1—2.

лоскѣ на берегу Средиземнаго моря, гдѣ грезилась новая жизнь на возрожденныхъ развалинахъ сѣдой древности.

Обращенный въ сторону россійской юдоли плача, взоръ современнаго писателя, обозрѣвшаго событія того рокового года, подмѣтилъ слѣдующее: „Жизнь евреевъ со второй половины 1882 г. приняла однообразный и мрачный, тоскливо гнетущій характеръ. Правда, по улицамъ уже не носится пухъ отъ разрываемыхъ перинъ, не летятъ съ трескомъ стекла разбиваемыхъ оконъ,—вообще нѣтъ уже тѣхъ громовъ и молній, которые еще недавно оглашали воздухъ и веселили сердца православнаго народа. Но много ли дѣйствительно выиграли евреи отъ перемѣны незаконныхъ преслѣдованій на законныя—3-го мая? Побитые, ограбленные, обнищавшіе, опозоренные, оклеветанные и упавшіе духомъ, евреи были извергнуты изъ лона всего общества; безпомощно-нищенское состояніе ихъ надолго упрочено, закрѣплено за ними; безпросвѣтная мгла покрыла тотъ заколдованный и тѣсный міръ, въ которомъ несчастное племя уже давно томится, задыхаясь въ удушливой атмосферѣ нищеты и презрѣнія. Долго ли это еще будетъ продолжаться? Скоро ли настанетъ день?“ *). На тревожный вопросъ обозрѣвателя дѣйствительность дала очень печальный отвѣтъ.

VI.

Внутренній переворотъ.

Катастрофы начала 80-хъ годовъ застигли еврейское общество врасплохъ, неподготовленнымъ къ духовной самооборонѣ. Еще живы были въ душѣ впечатлѣнія недавней короткой „эпохи реформъ“: первые шаги правительства Александра II по пути гражданскаго освобожденія евреевъ, призывы русской интеллигенціи къ сближенію, свѣтлыя надежды на обновленную Россію. На скупые дары власти еврейское общество отвѣтило такимъ порывомъ благодарности и преданности, который граничилъ съ сервилизмомъ; молодая еврейская интеллигенція, прошедшая черезъ русскую школу, устремилась не только къ сближенію, но къ полному культурному сліянію съ русскимъ обществомъ. Ассимиляція, „обрусѣніе“—стали лозунгомъ дня. Литературные идеалы молодой Россіи стали священными заповѣдями для еврейской молодежи. И вдругъ тотъ русскій народъ, съ которымъ прогрессивныя силы еврейства готовы были слиться, показался въ образѣ звѣриномъ, выдвинувъ изъ своей среды банды громилъ и насильниковъ; правительство стало на путь реакціи и ярой юдо-

*) Восходъ 1883 г., кн. I, ст. 64 („За прошлый годъ“).

фобіи, а русское либеральное общество выразило очень мало сочувствія разгромленной и униженной націи. Громко звучалъ голосъ враждебной прессы („Новое Время“, „Русь“ и др.), слабо защищала евреевъ пресса либеральная, сдавленная тисками цензуры („Голосъ“, „Порядокъ“ и др.). Даже публицисты радикальнаго лагеря (группировавшіеся главнымъ образомъ вокругъ журнала „Отечественныя Записки“) смотрѣли на погромы лишь какъ на дикую форму экономической борьбы, и вообще всю сложную еврейскую проблему съ ея вѣковымъ трагизмомъ они трактовали какъ второстепенный соціально-экономическій вопросъ *). Только одинъ изъ ихъ среды, русскій сатирикъ Щедринъ-Салтыковъ, испыталъ душевное потрясеніе передъ зрѣлищемъ новыхъ мукъ стараго народа, и онъ излилъ свое чувство въ несвойственной ему лирической тирадѣ въ статьѣ, написанной лѣтомъ 1882 г., послѣ завершенія перваго цикла погромовъ. „Исторія—писалъ Щедринъ—никогда не начертала на своихъ страницахъ вопроса болѣе тяжелаго, болѣе чуждаго человѣчности, болѣе мучительнаго, нежели вопросъ еврейскій. Исторія человѣчества вообще есть безконечный мартирологъ, но въ то же время она есть безконечное просвѣтленіе. Въ сферѣ мартиролога еврейское племя занимаетъ первое мѣсто, въ сферѣ просвѣтленія оно стоитъ въ сторонѣ, какъ будто лучезарныя преспективы исторіи совсѣмъ до него не относятся. Нѣтъ болѣе надрывающей сердце повѣсти, чѣмъ повѣсть этого безконечнаго истязанія человѣка человѣкомъ“. Сатирикъ остроумно противопоставляетъ безпощаднаго русскаго Дерунова жалкому еврейскому „эксплуататору“-торговцу, котораго въ свою очередь всѣ эксплуатируютъ **). Щедринъ былъ единственный изъ крупныхъ русскихъ писателей, откликнувшійся на еврейское горе: Тургеневъ и Толстой молчали, хотя отъ нихъ ждали слова протеста, между тѣмъ какъ съ горячими протестами выступили литературные корифеи Запада—Викторъ Гюго, Ренанъ и многіе другіе. Холодно отнеслась русская интеллигенція къ жгучей мукѣ еврейства. Болѣзненно почувствовало эту холодность еврейское образованное общество; началась полоса разочарованія въ идеалахъ ассимиляціи.

Сначала это разочарованіе прорывалось въ грустныхъ жалобахъ кающихся ассимиляторовъ. „Просвѣщенныя еврейскія силы—исповѣдуется одинъ изъ нихъ еще въ первые мѣсяцы погромовъ—отшатнулись отъ своей исторіи, забыли свои традиціи, презрѣли все

*) „Разсвѣтъ“ 1882 г., стр. 506, 1301 и сл.; „Хр. Восх.“ 1882, стр. 645.

**) „Отечественныя Записки“ 1882 г., августъ („Іюльское вѣяніе“).

то, что могло имъ дать понятіе о себѣ, какъ о членахъ вѣчнаго народа. Безъ опредѣленныхъ идеаловъ, влача за собою еврейство, какъ бѣжавшій каторжникъ свою тяжелую цѣпь, чѣмъ могли эти люди оправдать свою принадлежность къ племени „христопродавцевъ“ и „эксплуататоровъ“?.. Въ какомъ плачевномъ положеніи очутились эти „сливавшіеся“, вчерашніе проповѣдники самоотреченія! Жизнь потребовала самоопредѣленія; положеніе межъ двухъ стульевъ стало теперь невыносимо. Логика событій приводитъ къ альтернативѣ: или открыто объявить себя ренегатомъ, или же принять на себя долю въ страданіяхъ всего народа“. Другой представитель еврейской интеллигенціи пишетъ въ концѣ 1881 года редактору русско-еврейскаго журнала: „Когда подумаю о томъ, что съ нами сдѣлали, какъ насъ учили полюбить Россію и русское слово, какъ насъ заманили и заставили ввести въ семейство русскій языкъ и все русское, какъ наши дѣти другого языка не знаютъ, кромѣ русскаго, и какъ насъ теперь отталкиваютъ и гонятъ,—то сердце переполняется самымъ ѣдкимъ отчаяніемъ, изъ котораго, кажется, нѣтъ исхода. Эта великая обида такъ и снѣдаетъ меня. Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что еслибы даже удалось переселиться въ такую благодатную страну, гдѣ всѣ люди равны, гдѣ нѣтъ дневныхъ грабежей и ночныхъ „еврейскихъ комиссій“, я бы все таки остался убитымъ духомъ до конца жизни,—до того меня измучилъ этотъ проклятый годъ, это общее умопомраченіе, обуявшее наше любезное отечество“ *).

Русско-еврейская литература того времени полна такими жалобами разочарованныхъ интеллигентовъ. Не всегда это покаянное настроеніе приводило къ положительнымъ результатамъ. Одни, сроднившіеся съ русскою культурою, не нашли уже пути возврата къ еврейству и потонули въ волнѣ полной ассимиляціи, доходившей иногда до крещенія; другіе стояли на распутьи между ассимиляціей и національной идеей; третьи отъ полученнаго удара были отброшены далеко назадъ и провозгласили лозунгъ „домой“, въ смыслѣ отреченія отъ свободной критики и отъ всякихъ стремленій къ внутреннимъ реформамъ. Но въ здоровой части еврейскаго общества перемѣна настроенія вызвала опредѣленный поворотъ идеологіи въ сторону національнаго возрожденія на новыхъ началахъ.

---

*) „Безъ иллюзій“—анонимныя статьи рано умершаго представителя петербургской еврейской интеллигенціи, адвоката М. С. Варшавскаго, въ „Разсвѣтѣ“ 1881 г. №№ 31, 32, 35; „Изъ частной переписки“ (Хрон. Восхода) 1882 г., №№ 1—2; см. еще въ „Разсвѣтѣ“ 1881 г. стр. 1988—89 и 1882 г. стр. 152 сл.—Объ отреченіи Леванды отъ идеала обрусѣнія см. дальше, въ статьѣ „Періодъ кризиса“, гл. IV.

Идея борьбы за національное возрожденіе въ самой Россіи тогда еще не созрѣла (она проявилась, какъ активая сила, только въ слѣдующее десятилѣтіе); въ погромные же годы спасеніе еврейства связывалось главнымъ образомъ съ идеей эмиграціи. Сторонники американской эмиграціи не безъ основанія видѣли въ ней начало созданія новаго, свободнаго центра діаспоры. Поэтъ Л. Гордонъ, послѣ балтскаго погрома, обращается къ „дочери Якова, изнасилованной сыномъ Хамора“ (намекъ на Бытіе гл. 34, съ игрою словъ „бенъ Хаморъ“—сынъ осла), съ слѣдующимъ призывомъ: „Встань, пойдемъ туда, гдѣ свѣтъ свободы сіяетъ надъ всякой плотью, озаряетъ всякую душу; гдѣ дорогъ всякій созданный по образу Божію; гдѣ человѣка не унижаютъ за его народность и его Бога. Тамъ не будутъ тебя грабить негодяи, тамъ не будутъ надъ тобою надругаться, Рухама, сестра моя!“ Многіе изъ идеологовъ американской эмиграціи мечтали о концентраціи значительныхъ массъ въ малонаселенныхъ штатахъ, гдѣ впослѣдствіи можно добиться широкаго самоуправленія *).

Наряду съ этой идеей *перемѣщенія центровъ* внутри діаспоры, родилась въ мукахъ погромной эпохи идея *отрицанія діаспоры* во имя возрожденія національнаго центра въ Палестинѣ. Первымъ идеологомъ новаго „палестинофильства“ былъ *М. Л. Лиліенблюмъ*, писатель-радикалъ, раньше выступавшій съ проповѣдью реформы іудаизма. Уже осенью перваго погромнаго года появились статьи этого писателя, имѣвшія цѣлью обосновать едва зародившуюся идею колонизаціи Палестины, какъ задачу общенаціональную. Лиліенблюмъ доказывалъ, что корень всѣхъ историческихъ бѣдствій еврейскаго народа въ томъ, что онъ во всѣхъ странахъ—чужой, инородный элементъ, въ цѣломъ не сливающійся съ народомъ-хозяиномъ данной территоріи; хозяинъ терпитъ своего жильца, пока это ему выгодно, а при малѣйшей конкурренціи стремится выпроводить его. Въ средніе вѣка насъ преслѣдовали во имя религіознаго фанатизма, теперь начинаютъ преслѣдовать во имя національнаго фанатизма, осложненнаго экономическими причинами, и эта „вторая глава нашей исторіи будетъ имѣть еще немало кровавыхъ страницъ“. Положить конецъ еврейскому горю можетъ только устраненіе его причины: нужно перестать быть чужими въ разныхъ странахъ и утвердиться въ странѣ, гдѣ мы могли бы быть

*) Gordon, Kol Schire... I, 115—116 (Спб. 1884); Дубновъ, Вопросъ дня („Разсвѣтъ“ 1881 г. №№ 34—35); Гамзефонъ (Заменгофъ), Что же наконецъ дѣлать? (Разсв. 1882, №№ 2—5), и другія статьи въ тогдашней журналистикѣ.

хозяевами. Такою страною по историческому праву является для насъ древняя родина—Палестина. „Мы должны стремиться къ колонизаціи Палестины такъ, чтобы въ теченіе одного вѣка евреи могли бы почти окончательно оставить негостепріимную Европу и переселиться въ близкую къ ней страну нашихъ предковъ, на которую мы имѣемъ право“ *).—Эти мысли, развитыя съ тою упрощенною логичностью аргументаціи, которая многимъ кажется неотразимою, вполнѣ отвѣчали и тогдашнему настроенію массъ, стоявшихъ съ „препоясанными чреслами“, готовясь къ исходу изъ новаго Египта. Въ эмиграціонныхъ кружкахъ, возникшихъ въ началѣ 1882 года, было немало сторонниковъ палестинской колонизаціи; между „американцами“ и „палестинцами“ кипѣли идейныя споры. Молодой поэтъ *С. Фругъ* пропѣлъ слѣдующій восторженный маршъ исхода, озаглавивъ его библейскимъ эпиграфомъ: „Скажи сынамъ Израиля—пусть идутъ“! (Исх. XIV, 15):

И зорокъ глазъ, и крѣпки ноги, и посохъ цѣлъ... Народъ родной,
Чего-жъ ты сталъ среди дороги, поникъ сѣдою головой?
. . . , . . Взгляни: толпой къ тебѣ твои вернулись дѣти . . .
Пріими же ихъ, и всей семьей, сквозь строй народовъ и столѣтій,
Чрезъ бездну мукъ, чрезъ цѣпь невзгодъ, ступай впередъ!
Впередъ—подъ звуки старой пѣсни! Вѣка грядущіе зовутъ.
И громы намъ кричатъ: воскресни! И бури гимны намъ поютъ.

Этотъ маршъ исхода выражалъ настроеніе всѣхъ, мечтавшихъ объ „обѣтованной землѣ“—на берегахъ-ли Іордана или Миссисипы. Родившаяся „въ грозѣ и бурѣ“ идея эмиграціи, какъ средства національнаго возрожденія, нашла своего вдумчиваго теоретика въ лицѣ д-ра *Л. Пинскера*, бывшаго редактора „Сіона“ въ Одессѣ, нѣкогда видѣвшаго разрѣшеніе еврейской проблемы въ ассимиляціи. Въ глубоко-продуманной анонимной брошюрѣ „Autoemancipation“ (Berlin, 1882) Пинскеръ ярко выразилъ весь тотъ ужасъ, который онъ испыталъ передъ зрѣлищемъ матеріальнаго рабства евреевъ въ Россіи и духовнаго рабства эмансипированныхъ евреевъ Запада. Для него еврейскій народъ въ діаспорѣ не живая нація, а призракъ націи, бродящій по землѣ и пугающій всѣ живые народы. Спасеніе еврейства въ томъ, чтобы превратить этотъ призракъ въ реальность путемъ возсозданія еврейскаго народа на его собственной территоріи, которая усиліями всей націи и при содѣйствіи международномъ должна быть пріобрѣтена гдѣ

*) „Общееврейскій вопросъ и Палестина“ (*Разсвѣтъ* 1881 г., №№ 41—42); см. также брошюру Лиліенблюма: „О возрожденіи еврейскаго народа на землѣ его древнихъ отцовъ“, Москва, 1886.

нибудь въ пригодномъ для того мѣстѣ, будь то Палестина или Америка. Это и есть путь „самоэмансипаціи", въ отличіе отъ гражданской эмансипаціи, милостиво даруемой евреямъ народами-хозяевами и не гарантирующей ихъ отъ антисемитизма и унизительнаго положенія гражданъ второго сорта. Еврейскій народъ можетъ возродиться, если вмѣсто многихъ убѣжищъ на всей поверхности земного шара онъ сосредоточится въ одномъ убѣжищѣ, политически обезпеченномъ. Для этой цѣли долженъ быть созванъ общееврейскій конгрессъ, который взялъ бы на себя финансовую и политическую реализацію дѣла. Нынѣшнее поколѣніе должно сдѣлать первый шагъ на пути національной реставраціи, потомство сдѣлаетъ дальнѣйшіе шаги.—Брошюра Пинскера, изданная заграницей на нѣмецкомъ языкѣ для воздѣйствія на западныхъ евреевъ, не имѣла успѣха въ этой ассимилированной средѣ, но въ Россіи она стала катехизисомъ палестинофильства, а позже сіонизма и территоріализма. Развитая въ ней теорія сильно дѣйствовала и стройностью логической аргументаціи, и яркостью скорбнаго настроенія, всѣхъ тогда охватившаго. Слабая ея сторона заключалась въ невѣрной *исторической* ея предпосылкѣ и слишкомъ узкомъ опредѣленіи термина „нація" въ смыслѣ территоріально-политическаго организма; на самомъ дѣлѣ діаспора въ цѣломъ не переставала быть націей особаго типа, а въ новѣйшей политической исторіи Европы націи этого „культурнаго" типа все болѣе выступаютъ на сцену. Не имѣя подъ собою опредѣленной *практической* основы, идея Пинскера по необходимости должна была приспособиться къ тому палестинскому колонизаціонному движенію, которое по своимъ ничтожнымъ размѣрамъ далеко не соотвѣтствовало грандіозному замыслу автора „Самоэмансипаціи".

Къ идеямъ Лиліенблюма и Пинскера примкнули въ послѣдніе годы своей жизни и старый націоналистъ П. Смоленскинъ, и старый ассимиляторъ Леванда. Журналы „Haschachar" и „Hameliz" на древнееврейскомъ языкѣ и „Разсвѣтъ" на русскомъ стали литературными органами новаго движенія. „Восходъ" (ежемѣсячникъ и еженедѣльникъ) былъ органомъ прогрессивной интеллигенціи, стоявшей на почвѣ борьбы за эмансипацію и внутреннихъ реформъ. Между этими двумя теченіями стояли еженедѣльники „Русскій Еврей" въ Петербургѣ и „Hazephira" въ Варшавѣ, державшіеся умѣренныхъ взглядовъ эпохи „гаскалы" съ явнымъ наклономъ къ національному теченію.

Буря погромовъ сломала много молодыхъ вѣтвей на деревѣ „просвѣщенія", расцвѣтшемъ въ предыдущую эпоху, а нѣкоторымъ

вѣтвямъ придала уродливую форму. Въ такомъ непривлекательномъ видѣ предстала въ началѣ 80-хъ годовъ идея религіозныхъ реформъ въ іудаизмѣ. За двѣ недѣли до весеннихъ погромовъ 1881 года, газеты оповѣстили, что въ городѣ Елисаветградѣ, гдѣ вскорѣ произошелъ первый погромъ, появилась еврейская секта подъ именемъ „Духовно-библейское братство", члены которой отрицаютъ религіозные догматы и обряды и признаютъ только нравственное ученіе Библіи, осуждаютъ занятіе торговлею и стремятся жить физическимъ трудомъ, преимущественно земледѣліемъ. Основателемъ „Братства" оказался мѣстный учитель и журналистъ, Яковъ Гординъ, находившійся тогда подъ вліяніемъ южнорусской секты „штундистовъ" (евангелистовъ) съ одной стороны и русскихъ народниковъ-соціалистовъ — съ другой. Къ „Духовно-библейскому братству" примкнуло сначала всего два десятка человѣкъ. Въ газетномъ воззваніи, появившемся вскорѣ послѣ весеннихъ погромовъ 1881 г., вождь секты, скрывшійся за подписью „Братъ-библеецъ", призывалъ евреевъ отказаться отъ тѣхъ чертъ характера и видовъ экономической дѣятельности, которые возбуждаютъ противъ нихъ ненависть коренного населенія—отъ сребролюбія, погони за наживою, ростовщичества, мелкаго торгашества. Этотъ призывъ, звучавшій въ унисонъ съ голосами юдофобовъ и раздавшійся въ моментъ, когда еще не зажили раны разгромленныхъ, вызвалъ глубокое негодованіе въ еврейскомъ обществѣ. „Духовно-библейское братство" скоро распалось, и нѣкоторые члены его присоединились къ возникшей въ началѣ 1882 г. въ Одессѣ новой однородной сектѣ, подъ именемъ „Новый Израиль", основателемъ которой былъ мѣстный учитель Я. Прилукеръ.

Цѣль „Новаго Израиля" состояла въ томъ, чтобы путемъ радикальныхъ религіозныхъ реформъ въ духѣ раціонализма облегчить сближеніе евреевъ съ христіанами и на этомъ основаніи добиться гражданскаго равноправія. Двойственная религіозно-соціальная программа секты гласила: секта признаетъ только ученіе Моисея и отвергаетъ Талмудъ, законы о пищѣ, обрядъ обрѣзанія, старый чинъ богослуженія; вмѣсто субботы днемъ покоя должно быть воскресенье; русскій языкъ признается „роднымъ" и обязательнымъ въ повседневной жизни; занятіе ростовщичествомъ и другими неблаговидными профессіями воспрещается. Въ награду за всѣ эти добродѣтели, творцы секты считали себя вправѣ исходатайствовать у русскаго правительства для членовъ „Новаго Израиля" полныя права гражданства, разрѣшеніе вступать въ бракъ съ христіанами, а также право носить особый значокъ для отличія отъ „евреевъ-

талмудистовъ“; въ знакъ благодарности за ожидаемую милость правительства, члены обязуются называть своихъ дѣтей, имѣющихъ родиться въ ближайшій годъ, именами Александръ и Александра, по имени русскаго царя *). Если первая, религіозная половина програмы „Новаго Израиля“ могла еще привлечь къ нему нѣкоторыхъ адептовъ, то вторая, „дѣловая“ часть программы раскрыла всѣмъ глаза на истинныя вожделѣнія „реформаторовъ“, стремившихся добиться гражданскаго равноправія путемъ торга религіей, совѣстью и честью, не гнушавшихся проявить такой низкій сервилизмъ въ дни, когда еще не засохла кровь жертвъ балтскаго погрома.

Такъ была скомпрометирована и вторая попытка внутренней реформы, изуродованная тлетворнымъ духомъ реакціонно-юдофобской эпохи. Оба движенія скоро заглохли, и творцы ихъ впослѣдствіи ушли заграницу: Гординъ уѣхалъ въ Америку и, отрекшись отъ грѣховъ молодости, сдѣлался популярнымъ еврейскимъ драматургомъ, а Прилукеръ переселился въ Англію и поступилъ на службу къ миссіонерамъ, распространяющимъ христіанство среди евреевъ. „Новый Израиль“ всплылъ потомъ (1884—85 г.) въ Кишиневѣ въ видѣ ничтожной „Общины новозавѣтныхъ израильтянъ“, руководитель которыхъ I. Рабиновичъ поставилъ себѣ цѣлью „слить іудейство съ христіанствомъ“. Въ молельнѣ этой общины, состоявшей изъ десятка членовъ, читалъ проповѣди и протестантскій пасторъ. Спустя нѣсколько лѣтъ прекратилась и эта миссіонерская затѣя. Въ міазматической атмосферѣ тогдашней русско-еврейской жизни могли выросли только такіе ядовитые цвѣты „религіозной реформы“, здоровое сѣмя которой зачахло послѣ крушенія идеаловъ просвѣтительной эпохи.

С. Дубновъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) „Разсвѣтъ“ 1881 г., ст. 574 и 972 сл.; Бенъ-Сіонъ (Прилукеръ). Евреи-реформаторы. Спб. 1882; ср. Еврейск. Энциклопед. т. VII, 389 и XI, 769 сл.; Н. Н. (Л. Гордонъ). Попытки религіозныхъ реформъ („Восходъ“ 1882 г., кн. VII—VIII).

Романтическое направленіе въ Германіи и отраженіе его въ области еврейскаго вопроса.

(Глава изъ „Исторіи эмансипаціи евреевъ въ Пруссіи").

Умственныя теченія въ Германіи XVIII вѣка находились въ тѣсной связи съ развитіемъ общественной мысли во Франціи. Подъ вліяніемъ взглядовъ французскихъ энциклопедистовъ выросло и въ Германіи то „просвѣтительное" направленіе, наиболѣе крупнымъ представителемъ котораго былъ Лессингъ (1722—1781), а наряду съ нимъ его друзья Мендельсонъ, издатель и публицистъ Николаи (1733—1811) и др. Раціоналистическіе взгляды этого направленія, точка зрѣнія „здраваго смысла", изъ которой оно исходило, должны были оказаться въ противорѣчіи не только съ религіознымъ міровоззрѣніемъ предыдущей эпохи, но и со всѣмъ общественно-политическимъ строемъ, который существовалъ до французской революціи. Принципы „естественнаго права" были несовмѣстимы какъ съ положительной религіей, такъ и со всѣмъ укладомъ феодально-цеховаго строя. Они послѣдовательно должны были вести къ требованію эмансипаціи человѣческой личности во всѣхъ областяхъ, въ которыхъ она можетъ проявиться. Въ частности въ области еврейскаго вопроса появленіе такой книги, какъ сочиненіе Дома „о гражданскомъ улучшеніи евреевъ", или такихъ произведеній искусства, какъ „Натанъ Мудрый" Лессинга, были немыслимы внѣ круга идей просвѣтительной эпохи.

Но та-же Франція, которая оказала въ серединѣ XVIII вѣка такую сильную поддержку просвѣтительнымъ теченіямъ Германіи, въ концѣ того же столѣтія способствовала усиленію въ ней другихъ, уже противоположныхъ, тенденцій. Какъ извѣстно, въ Германіи просвѣтительныя идеи не вызвали такого общественно-политическаго движенія, какъ во Франціи. Въ то время, какъ во Франціи эти идеи выдержали практическое испытаніе въ огнѣ великой революціи, въ Германіи онѣ сначала оставались только въ области литературныхъ и умственныхъ теченій. Поэтому когда во Франціи револю-

ція пошла по направленію, которое меньше всего соотвѣтствовало ожиданіямъ книжныхъ теоретиковъ, когда, вмѣсто мирнаго осуществленія идеаловъ свободы, равенства и братства, тамъ полились потоки крови и началась ожесточенная борьба партій, въ концѣ концовъ приведшая къ имперіи Наполеона,—въ Германіи не могло не наступить разочарованіе въ идеяхъ, легшихъ въ основу революціи. Такъ какъ политической жизни въ широкомъ смыслѣ этого слова въ Германіи тогда не существовало, это разочарованіе выразилось прежде всего въ видѣ усиленія враждебныхъ просвѣтительной эпохѣ тенденцій въ литературѣ и искусствѣ. Съ одной стороны классическое направленіе школы Гете и Шиллера все дальше уходило отъ мало-привлекательнаго настоящаго въ древность, въ античную Грецію, гдѣ ему рисовался міръ совершенныхъ гармоническихъ личностей; съ другой стороны съ протестомъ противъ „банальныхъ и неисторическихъ“ взглядовъ просвѣтительной эпохи выступили романтики, обратившіе свои взоры къ среднимъ вѣкамъ, гдѣ для нихъ находился потерянный рай. Правда, они въ своей идеализаціи среднихъ вѣковъ были по меньшей мѣрѣ такъ же далеки отъ исторической дѣйствительности, какъ и раціоналисты-просвѣтители, совершенно игнорировавшіе исторію и думавшіе, что можно создать общественный строй на основаніи выдуманныхъ логическихъ конструкцій. Но тѣмъ не менѣе именно ужасы революціи во Франціи, которые производили на современныхъ наблюдателей удручающее впечатлѣніе, были очень благодарной почвой для развитія романтическаго направленія. Оно было совершенно ненаучно и до крайности субъективно и произвольно; но эти дефекты мышленія романтиковъ ясно обнаружились только впослѣдствіи. Современники же, видѣвшіе только то, что тогда казалось полнымъ крахомъ просвѣтительнаго направленія, поневолѣ поддавались обаянію той доли правды, которая заключалась въ ученіи романтиковъ.

Понятно, что отрицаніе идеологіи просвѣтительной эпохи должно было отразиться и на отношеніяхъ къ евреямъ. Прежде чѣмъ перейти къ романтикамъ, упомянемъ о Гете (1749—1832), у котораго на ряду съ осужденіемъ всей революціонной идеологіи выражено и отрицательное отношеніе къ еврейству. Такъ, напримѣръ, въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ“ (кн. III, гл. 11) онъ говоритъ: „Въ этомъ смыслѣ, который, пожалуй, будетъ названъ педантичнымъ, но который въ то же время послѣдователенъ, мы не терпимъ среди насъ еврея. Ибо развѣ мы могли бы предоставить ему участвовать въ высшей культурѣ, происхожденіе и начала которой онъ отрицаетъ?“ Правда, въ этомъ же произведеніи встрѣчаются и слова,

свидѣтельствующія о томъ, что у Гете было представленіе о вѣчной миссіи еврейства: „Еврейскій народъ никогда не былъ особенно хорошимъ. Въ этомъ его тысячу разъ упрекали его вожди, судьи и пророки. У него мало добродѣтелей и большинство недостатковъ другихъ народовъ. Но едва ли найдется равный ему въ смыслѣ самостоятельности, твердости, мужества и наконецъ цѣпкости. Это наиболѣе устойчивый народъ на землѣ. Онъ жилъ, живетъ и будетъ жить, чтобы прославлять имя Іеговы во всѣ времена“. Но это сознаніе все-таки не мѣшаетъ поэту проявлять недружелюбное отношеніе къ еврейству, иногда въ такой формѣ, которая крайне поражаетъ въ такомъ гармонически уравновѣшенномъ человѣкѣ, какъ Гете, и становится понятной только, если имѣть въ виду безконечное разстояніе, отдѣлявшее Гете отъ политическо-либеральныхъ требованій эпохи. Такъ 24 іюня 1816 г. Гете пишетъ: „Согласно старымъ законамъ, въ Іенѣ евреямъ запрещается переночевать. Надо надѣяться, что это похвальное правило въ будущемъ будетъ лучше соблюдаться, чѣмъ до сихъ поръ“. Далѣе, въ 1823 г., въ бесѣдѣ съ канцлеромъ Мюллеромъ по поводу изданнаго Веймарскимъ герцогомъ закона 20 іюня 1823 г., разрѣшившаго смѣшанные браки между евреями и христіанами, Гете высказался чрезвычайно рѣзко противъ такого новшества. „Если бы генералъ-суперинтендентъ, сказалъ онъ, обладалъ мужествомъ, онъ долженъ былъ бы скорѣе подать въ отставку, чѣмъ вѣнчать еврейку въ церкви во имя святой Троицы. Всѣ нравственныя представленія въ семьѣ, которыя вѣдь основаны на религіозныхъ понятіяхъ, лишились бы своей основы вслѣдствіе такого скандальнаго закона. Вѣдь такимъ образомъ еврейка могла бы даже при случаѣ стать обергофмейстершей! За границей подумаютъ, что дѣло не обошлось здѣсь безъ подкупа со стороны евреевъ, желавшихъ добиться санкціи закона. Кто знаетъ, не стоитъ-ли за этимъ всесильный Ротшильдъ“?

Это отношеніе къ евреямъ вообще не помѣшало, однако, Гете очень цѣнить отдѣльныхъ представителей еврейскаго народа, какъ напримѣръ Рахель Левинъ (впослѣдствіи Варнгагенъ фонъ-Энзе), которая столько сдѣлала для созданія культа Гете въ Берлинѣ на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ *).

Еще рѣшительнѣе высказался въ лагерѣ романтиковъ противъ еврейства философъ Фихте (1762—1814). Въ его вышедшей въ 1793 г. книгѣ о французской революціи (Beiträge zur Berichtigung des Urteils des Publikums über die französische Revolution,

*) Ср. L. Geiger, Die deutsche Literatur und die Juden, Berlin 1910, 81, 102.

1793) онъ говоритъ о евреяхъ (стр. 188), что они образуютъ „распространенное почти по всѣмъ странамъ Европы могущественное и враждебно настроенное государство, которое находится въ постоянной войнѣ со всѣми и во многихъ отношеніяхъ лежитъ страшной тяжестью на населеніи“. Нельзя требовать для нихъ равноправія, такъ какъ они уже состоятъ и безъ того гражданами этого собственнаго „государства“, которое болѣе прочно и болѣе могущественно, чѣмъ всѣ остальныя. И если имъ будутъ даны еще права христіанскаго государства, они окончательно поработятъ всѣхъ остальныхъ гражданъ. „Я вижу только одно средство—говоритъ Фихте—дать имъ гражданскія права, а именно: въ одну ночь отрубить имъ всѣмъ головы и замѣнить ихъ другими, въ которыхъ бы не было ни одной еврейской мысли. Чтобы защитить насъ отъ нихъ, я не вижу другого способа, кромѣ того, чтобы завоевать для нихъ ихъ обѣтованную землю и всѣхъ ихъ туда послать. Курьезно, что Фихте въ то же время защищается противъ упрека въ нетерпимости, который могъ бы быть ему сдѣланъ на основаніи этихъ взглядовъ. Онъ заявляетъ, что готовъ считать каждаго еврея, который преодолѣлъ заключающіяся въ еврействѣ препятствія, героемъ и святымъ. Онъ не знаетъ, прибавляетъ онъ, существовали-ли въ дѣйствительности такіе евреи, но готовъ повѣрить въ ихъ существованіе, когда онъ ихъ увидитъ.

Отрицательное отношеніе Фихте къ еврейству выражено также въ памфлетѣ его противъ берлинскаго издателя Николаи, считавшагося наиболѣе типичнымъ представителемъ просвѣтительно-раціоналистскаго теченія; въ этомъ памфлетѣ (Friedrich Nicolais Leben und sonderliche Meinungen), появившемся въ 1801 г. Николаи даются такія характеристики, какъ „родоначальникъ системы мышленія посредственности“, а ученіе и стремленія Мендельсона подвергаются суровому разбору.

Наиболѣе ярко были выражены политическія тенденціи романтиковъ по отношенію къ еврейству въ написанномъ въ 1799 г. небольшомъ отрывкѣ Новалиса-Гарденберга „Die Christenheit oder Europa“ *). Новалисъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей романтическаго направленія, и его статья заслуживаетъ подробнаго изложенія. Статья была составлена подъ впечатлѣніемъ „Рѣчей о религіи“ Шлейермахера, но отличалась въ корнѣ отъ протестантскихъ воззрѣній Шлейермахера явнымъ преклоненіемъ передъ католичествомъ. Прекрасно и блестяще было то время,—

*) Novalis Werke, herausg. v. Friedman, II 131—137.

такъ характеризуетъ Новалисъ періодъ, предшествовавшій реформаціи,—когда Европа была единой христіанской страной и когда вся эта часть земного шара была населена одними и тѣми же христіанами... Не обладая большими свѣтскими владѣніями, единственный верховный повелитель (т. е. римскій папа) направлялъ и объединялъ большія политическія силы. Новалисъ рисуетъ идиллическую картину средних вѣковъ, когда папа и его помощники монахи управляли міромъ. „Каждый—говоритъ онъ—радостно совершалъ свой земной трудъ, такъ какъ эти святые люди обезпечивали ему спокойное будущее, всякое прегрѣшеніе прощалось при ихъ содѣйствіи, всякая дисгармонія жизни ими устранялась. Они были опытными рулевыми на неизвѣданномъ жизненномъ морѣ и, довѣряясь ихъ руководству, можно было безъ боязни пуститься въ путь. Съ полнымъ правомъ глава церкви оказывалъ сопротивленіе несвоевременнымъ опаснымъ открытіямъ въ области знанія. Такъ, напримѣръ, онъ запретилъ смѣлымъ мыслителямъ выступать со своимъ ученіемъ, что земля является одной изъ незначительныхъ планетъ, такъ какъ онъ хорошо зналъ, что съ утратой уваженія къ своей землѣ и своему земному отечеству, люди потеряютъ также и уваженіе къ своей небесной родинѣ . . . . и пріучатся презирать все великое и чудесное“. Смѣло игнорируя историческую дѣйствительность, Новалисъ говоритъ о томъ, какъ свѣтскіе монархи охотно во всемъ подчинялись совѣтамъ папы, какъ охотно клали къ его ногамъ свои короны и т. д., какъ именно вслѣдствіе средневѣковаго строя отдѣльныя личности поднимались на недосягаемую высоту и повсюду процвѣтала торговля, охвативъ весь тогдашній міръ, включая и Индію. Таковы были особенности этихъ „истинно-христіанскихъ или истинно-католическихъ“ временъ. Но человѣчество не было еще зрѣло для такого строя. Католическій строй пришелъ въ упадокъ, вслѣдствіе чего должно было возникнуть протестантское движеніе Лютера. Новалисъ признаетъ, что протестанты провозгласили много вѣрныхъ принциповъ, упразднили много дурного и ввели много хорошаго, но тѣмъ не менѣе они совершили большое преступленіе тѣмъ, что раздѣлили нераздѣльное, вызвали расколъ въ церкви, которая должна была оставаться единой, и такимъ образомъ разрушили всеобщій христіанскій союзъ, который одинъ только и могъ быть началомъ истиннаго христіанскаго возрожденія. Свѣтскіе князья, которые были рады избавиться отъ контроля папы, ухватились за этотъ расколъ и такимъ образомъ еще содѣйствовали раздробленію церкви, раздѣленію ея сообразно государственнымъ границамъ. Благодаря проте-

стантизму, въ область религіи вторглась земная наука—языковѣдѣніе, пагубное вліяніе которой съ тѣхъ поръ не прекращается. Съ возникновеніемъ реформаціи не было больше единаго христіанства. Сектантская обособленность отдѣляла католиковъ отъ протестантовъ больше, чѣмъ отъ магометанъ или язычниковъ. Даже на тѣхъ государствахъ, которыя остались католическими, не могло не отразиться вредное вліяніе протестантскихъ сосѣдей. Къ счастью для католичества, возникъ орденъ іезуитовъ, въ рукахъ котораго всѣ чары котолической религіи стали еще сильнѣе, чѣмъ онѣ были раньше. Іезуиты поняли, какую огромную роль сыгралъ въ успѣхѣ Лютера его демагогическій талантъ, его знаніе простонародья. Они слѣдують этому примѣру и поэтому являются самыми опасными соперниками лютеранства.

Религіозная реформація однако была только однимъ изъ проявленій борьбы свободной мысли съ церковью. Тутъ Новалисъ, можетъ быть противъ своей воли, констатируетъ непримиримый антагонизмъ между католичествомъ и свободой мышленія. Ученый, говоритъ онъ, есть уже инстинктивно врагъ духовенства стараго строя; ученое и духовное сословія должны поневолѣ стремиться ко взаимному истребленію, такъ какъ они борются за одно и то же мѣсто. Поэтому чѣмъ сильнѣе становилась наука, тѣмъ ожесточеннѣе нападала она сначала на католическую вѣру, затѣмъ уже на Библію, на христіанство и на вѣру вообще. Былъ сдѣланъ и дальнѣйшій шагъ, и ненависть къ религіи приняла впослѣдствіи форму ненависти ко всему тому, что вызывало раньше энтузіазмъ. Безпрерывно старались устранить изъ природы, земли, человѣческой души и науки поэзію, всякій слѣдъ того, что было свято. Безконечная творческая музыка вселенной превратилась въ монотонный стукъ огромной мельницы, у которой къ тому же нѣтъ мельника, которая находится во власти у случая и является дѣйствительно perpetuum mobile. Это и была та просвѣтительная философія, которая особенно прочно свила себѣ гнѣздо во Франціи. Эта философія была склеена изъ одной науки. Естественно, поэтому, должна была наступить „вторая реформація“, болѣе широкая, чѣмъ первая, и въ той именно странѣ, которая была наиболѣе модернизована. Это и была французская революція, которая для Новалиса является логическимъ продолженіемъ реформаціи. Но, какъ показала революція, работа разрушителей государственнаго строя есть Сизифовъ трудъ. Когда вершина уже кажется достигнутой, начинается опять паденіе внизъ. Можно остаться на вершинѣ только тогда, когда тамъ удерживаетъ притяженіе неба, т. е. религія. Она одна

въ состояніи возстановить порядокъ, и именно анархія, являющаяся слѣдствіемъ революціи, должна стать почвой, на которой снова выростетъ религія. Государство станетъ тогда устойчивымъ и крѣпкимъ, когда оно займетъ опредѣленное религіозное отношеніе ко всему міровому цѣлому. Именно тогдашняя Германія кажется Новалису наиболѣе подходящей почвой для возникновенія новаго строя на почвѣ возрожденія религіи. Въ ней онъ видитъ уже замѣтные зачатки новаго міра. „Медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ идетъ Германія впереди всѣхъ остальныхъ европейскихъ странъ". Въ ней мы находимъ необыкновенную многосторонность, удивительную глубину, всеобъемлющія знанія и богатую творческую фантазію, иногда въ очень смѣломъ сочетаніи. „Новое будетъ воспроизведеніемъ стараго; настанетъ новое золотое время съ темными бездонно-глубокими глазами".... „Только религія въ состояніи пробудитъ Европу, дать народамъ прочное спокойствіе и придать христіанству новый блескъ, видный всему міру". „Древняя католическая вѣра была прикладнымъ, ставшимъ жизнью, христіанствомъ... Христіанство снова должно стать живымъ и дѣйствительнымъ и снова сдѣлаться признаваемой всѣми церковью безъ отношенія къ государственнымъ границамъ".

Въ этой статьѣ Новалиса въ сжатой формѣ изложены всѣ идеи, которыя впослѣдствіи развивались романтиками въ области политической и исторической мысли. Идеализація средневѣковаго строя и католичества проходитъ затѣмъ красной нитью черезъ политическія и историческія воззрѣнія романтиковъ, изъ которыхъ многіе, какъ извѣстно, приняли впослѣдствіи католичество. Взгляды Новалиса, напримѣръ, развиваются значительно позднѣе въ лекціяхъ по философіи и исторіи, читанныхъ Фридрихомъ Шлегелемъ въ Вѣнѣ въ 1828 году. Шлегель видитъ въ догибеллиновской эпохѣ среднихъ вѣковъ періодъ, когда гармонически сливались германскій народный характеръ и римскій міровой разумъ на почвѣ христіанской религіи и христіанской любви, благодаря чему и могли возникнуть такіе характеры, какъ Карлъ Великій и Альфредъ Великій.

До своего логическаго завершенія эти взгляды романтиковъ были доведены въ политическихъ произведеніяхъ такихъ писателей, какъ Іосифъ Герресъ (1776—1848), Фридрихъ фонъ-Генцъ (1764—1832), Адамъ Мюллеръ (1772—1829) и Карлъ Людвигъ фонъ-Галлеръ (1768—1854). Герресъ въ молодости былъ приверженцемъ крайнихъ якобинскихъ теорій, въ своей газетѣ „Das rote Blatt" жестоко нападалъ на духовенство и монархію и проводилъ взгляды французской революціи, но постепенно продѣлалъ рѣзкую эво-

люцію на право: съ 30-хъ годовъ 19-го вѣка, онъ уже выступаетъ въ качествѣ крупнѣйшаго представителя католическаго клерикализма и является въ настоящее время однимъ изъ тѣхъ мыслителей, на которыхъ опирается клерикальная католическая идеологія въ Германіи. Генцъ, который въ молодости тоже придерживался либеральныхъ воззрѣній и писалъ о французской революціи, что „еслибъ она потерпѣла фіаско, это было бы однимъ изъ наиболѣе жестокихъ ударовъ, нанесенныхъ человѣчеству“, также постепенно отказывался отъ своихъ либеральныхъ принциповъ и кончилъ свою жизнь, какъ извѣстно, тѣмъ, что отдалъ свой блестящій публицистическій талантъ на службу Меттерниху и его системѣ. Адамъ Мюллеръ также, въ отличіе отъ раціоналистовъ и гуманистовъ, разсматриваетъ государство не какъ средство, а какъ цѣль. „Государство не мануфактура, не молочное хозяйство, не страховсе общество и не торговая компанія. Оно является тѣснымъ соединеніемъ всего физическаго и умственнаго богатства, всей внутренней и внѣшней жизни націи въ одно большое и энергичное цѣлое, безконечное въ движеніи и жизни“. А такъ какъ государство такимъ образомъ охватываетъ всю полноту человѣческой жизни, а религія, въ частности католическая, тоже стремится къ такому же подчиненію себѣ всей человѣческой жизни, то отсюда и вытекаетъ логически отождествленіе государства и религіи. Еще ярче эти идеи выражены въ сочиненіи Галлера, швейцарца и протестанта по происхожденію, который, подобно Мюллеру, перешелъ въ католичество. Въ противоположность теоріи Руссо объ общественномъ договорѣ, Галлеръ въ своей „Restauration der Staatswissenschaft“ объясняетъ смыслъ государства тѣмъ, что въ немъ господствуетъ болѣе сильный и могучій. А такъ какъ этими сильными въ государствѣ являются короли и князья, которые его основали, то естественный порядокъ, соотвѣтствующій волѣ Божьей, въ томъ и состоитъ, что они должны господствовать, а подданные обязаны имъ подчиняться. Они являются такими же хозяевами въ государствѣ, какъ глава семьи въ своемъ домѣ. Если же эти хозяева злоупотребляютъ своей властью, этому мѣшать должны не конституція или какіе-нибудь другіе писаные законы, но религія и мораль, т. е. опять-таки воля Божія, которая лучше, чѣмъ всякія выдумки человѣческаго ума, можетъ обезпечить порядокъ. Галлеръ и сталъ поэтому источникомъ, изъ котораго реакціонные круги первой половины XIX вѣка черпали свою государственную мудрость.

Политическіе взгляды романтиковъ, которые на практикѣ оказались потомъ въ родствѣ съ идеологіей Священнаго Союза, скла-

дывались на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ. Они довольно полно, хотя и не въ законченномъ видѣ, изложены въ публичныхъ лекціяхъ, которыя Августъ-Вильгельмъ Шлегель читалъ зимой 1802—1803 гг. въ Берлинѣ. И, конечно, не случайно одновременно съ этими его лекціями, именно въ 1803 г., появляется нѣсколько крайне враждебныхъ евреямъ произведеній, которыя вызвали затѣмъ рядъ памфлетовъ за и противъ евреевъ. Облеченныя въ красивую литературную форму, туманныя реакціонныя теоріи романтиковъ получили въ отношеніи евреевъ конкретное и, по обыкновенію, вульгарное выраженіе въ юдофобскихъ памфлетахъ.

Тутъ слѣдуетъ прежде всего назвать брошюры чиновника судебнаго вѣдомства К. В. Ф. Граттенауэра, который принадлежалъ къ кружку романтиковъ, былъ другомъ Генца и обоихъ братьевъ Шлегель: „Wider die Juden“ (Berlin 1803), „Erklärung an das Publikum“, „Mein erstes Wort wider die Juden mit und ohne Bart“. Первая содержитъ подробное изложеніе вышедшей въ томъ же году книги другого антисемита, Паальцова, тоже чиновника судебнаго вѣдомства (напечатана сначала на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „De civitate judaeorum“, и затѣмъ переведена на нѣмецкій языкъ, подъ заглавіемъ „Ueber das Bürgerrecht der Juden“, неизвѣстнымъ лицомъ, который себя объявляетъ евреемъ). Паальцовъ и Граттенауэръ одинаково враждебно относятся къ еврейству, съ той, однако, разницей, что Граттенауэръ несравненно вульгарнѣе перваго. Въ то время, какъ Паальцовъ, особенно во второй его книгѣ, посвященной еврейскому вопросу („Der Jude und der Christ, eine Unterhaltung auf dem Postwagen“, Берлинъ, 1804), старается быть до нѣкоторой степени объективнымъ по отношенію къ евреямъ и готовъ допустить, что при лучшемъ воспитаніи евреевъ изъ нихъ можно сдѣлать хорошихъ людей, Граттенауэръ не поднимается выше обычнаго пошлаго юдофобства. Онъ повторяетъ соображенія Паальцова, что еврей, въ силу основныхъ принциповъ іудейства, не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, потому что законы Моисея ему не позволяютъ быть солдатомъ; у евреевъ 282 праздника въ году, и они поэтому должны быть тунеядцами; они не способны къ земледѣлію и ремесламъ, не желаютъ отказаться отъ своей обособленности и связаны сильной внутренней солидарностью; они не знаютъ другого отечества, кромѣ Палестины, гдѣ они надѣются собраться по пришествіи Мессіи; еврейская религія обязываетъ ненавидѣть всѣхъ неевреевъ и т. д. Въ доказательство своей освѣдомленности въ ученіи еврейской религіи, Граттенауэръ приводитъ списокъ будто бы изученныхъ имъ

110 книгъ о евреяхъ, присягѣ у евреевъ, еврейскомъ правѣ и т. д. Очень часто попадаются у него вылазки противъ просвѣтительной эпохи и ея представителей, въ особенности противъ Николаи, противъ революціи и т. д., заимствованныя у романтиковъ. Тутъ и выясняется тѣсная связь между юдофобіей и охарактеризованнымъ выше романтизмомъ.

Неправда, доказываетъ Граттенауэръ, что низкій нравственный уровенъ евреевъ обусловленъ ихъ политическимъ безправіемъ. Они, говоритъ онъ, всегда были безнравственными, и моральное улучшеніе ихъ должно явиться не результамомъ политическаго уравненія въ правахъ, а, наоборотъ, послѣднее можетъ быть только слѣдствіемъ улучшенія еврейской нравственности. Такое улучшеніе, однако, возможно лишь тогда, когда евреи откажутся отъ іудейства—все равно, отъ стараго, правовѣрнаго, или отъ либеральнаго. Государство имѣетъ право заставить евреевъ „прекратить воспитаніе въ еврейскомъ духѣ и заставить ихъ либо принять христіанство, либо же, если они желаютъ оставаться евреями, покинуть предѣлы государства". „Прежде чѣмъ сдѣлать ихъ гражданами, ихъ необходимо сдѣлать людьми". Въ связи съ этимъ Граттенауэръ излагаетъ подробную программу (въ названной выше третьей его брошюрѣ, стр. 136—142), въ которой предлагается, между прочимъ, сжечь Талмудъ и всѣ еврейскія книги, учредить для еврейскихъ дѣтей спеціальныя нормальныя и промышленныя школы, обложить евреевъ, желающихъ соблюдать извѣстные свои обычаи, спеціальными налогами: напримѣръ, за ношеніе бороды установить налогъ въ размѣрѣ 4 талеровъ за каждую четверть года, установить переходное время на 10 лѣтъ, по истеченіи котораго никакія привилегіи евреямъ не должны выдаваться, а затѣмъ, когда нынѣшнее поколѣніе евреевъ вымретъ, можно приступить къ постепенному принятію евреевъ въ общество граждан, причемъ при переходѣ въ гражданское состояніе еврей долженъ принять христіанство и принести особую гражданскую присягу.

Въ другой своей брошюрѣ Граттенауэръ обѣщаетъ напечатать рядъ сочиненій о евреяхъ, изъ которыхъ одно, объ историческомъ развитіи причинъ упадка еврейства, должно было занять 40 томовъ, другое—перечень всѣхъ совершенныхъ евреями преступленій—200 томовъ и т. д.

Появленіе брошюръ Граттенауэра вызвало потокъ литературы за и противъ евреевъ. Передавать содержаніе всѣхъ этихъ памфлетовъ и брошюръ едвали-ли стоитъ. Въ сущности представители обоихъ лагерей повторяютъ всегда одни и тѣ же аргументы... Про-

тивники евреевъ, какъ самъ Граттенауэръ, такъ и его единомышленники (напримѣръ, анонимный авторъ брошюры „Können die Juden ohne Nachtheil für den Staat bei ihrer jetzigen Verfassung bleiben“, который доходитъ до требованія, чтобы кастрировали еврейскихъ мальчиковъ, за исключеніемъ перворожденныхъ) стоятъ всѣ на почвѣ старыхъ обвиненій Эйзенменгера. Очень рѣдко въ этой антиеврейской литературѣ попадаются попытки дѣйствительно разобраться въ сущности еврейскаго вопроса и найти какой-нибудь пріемлемый для обѣихъ сторонъ выходъ изъ создавшагося положенія. Большая часть этихъ произведеній является вульгарной и тупоумной варіацией давно уже извѣстныхъ мотивовъ. Не многимъ лучше большинства этихъ брошюръ и книга Фридриха Бухгольца „Moses und Jesus“ (Берл. 1803, 266 стр.). Авторъ старается разсуждать научно и отвергаетъ такія насильственныя мѣры, какъ массовое крещеніе евреевъ, изгнаніе ихъ изъ страны, конфискація ихъ имущества или насильственное воспитаніе ихъ дѣтей въ духѣ христіанской религіи. Но тѣмъ не менѣе и его книга полна крайне враждебныхъ сужденій о евреяхъ. Вопреки общераспространенному взгляду, говоритъ онъ, напримѣръ (стр. 85—6), христіанство ничего общаго не имѣетъ съ іудействомъ. Между этими двумя религіями столько же общаго, сколько между „философіей“ Ньютона и астрологіей XIII и XIV вѣковъ. Астрономія исторически выросла изъ астрологіи, но по существу между ними ничего общаго нѣтъ; точно также совершенно различны христіанство и предшествовавшее ему іудейство. „Тамъ, гдѣ процвѣтаютъ евреи, растетъ въ ужасающей степени бѣдность населенія“. Роль евреевъ въ государствѣ для него то же, что роль раковой опухоли въ больномъ человѣческомъ организмѣ (Staatskrebs). Въ виду такого отношенія къ евреямъ, нельзя не признать, что мѣры, которыя онъ предлагаетъ для излѣченія „рака“, не такъ свирѣпы, какъ можно было ожидать. Онъ считаетъ необходимымъ установить для евреевъ обязательную воинскую повинность, при чемъ брать съ нихъ на службу по меньшей мѣрѣ 10-ю или 12-ю часть мужчинъ; затѣмъ признать законными смѣшанные браки между евреями и христіанами, причемъ онъ не сомнѣвается въ томъ, что число этихъ браковъ будетъ очень велико, такъ какъ, по его мнѣнію, еврейки, „если выборъ зависитъ отъ нихъ, гораздо охотнѣе выходятъ замужъ за христіанъ, чѣмъ за евреевъ“.

Любопытно, что нашелся въ Кенигсбергѣ еврей, который въ брошюрѣ „Ein freundliches Wort an die Christen“ (1804) предлагалъ, въ цѣляхъ уничтоженія обособленности евреевъ, заставить

ихъ заниматься другими профессіями, кромѣ торговли. Онъ совѣтуетъ разрѣшать каждому еврею, у котораго больше одного сына, сдѣлать только одного изъ нихъ купцомъ, остальныхъ же отдать въ обученіе ремесламъ и искусствамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ обязать еврея, у котораго больше одного сына или одной дочери, выдать по меньшей мѣрѣ одну дочь за христіанина или женить одного сына на христіанкѣ, причемъ еврейскіе подмастерья должны столоваться непремѣнно у своихъ хозяевъ-христіанъ, чтобы отучиться отъ еврейской пищи. Курьёзно, что этотъ же самый авторъ предлагаетъ христіанамъ перенести свои праздники съ воскресенья на субботу, такъ какъ евреи, вслѣдствіе своего „ханжества", не захотятъ праздновать воскресенье вмѣсто субботы *).

Столь же монотонны въ свою очередь и аргументы, выдвинутые въ пользу евреевъ. Они всѣ большей частью заимствуютъ свои доводы изъ арсенала просвѣтительной эпохи, напоминаютъ, что юдофобскія обвиненія противорѣчатъ началамъ гуманности и человѣколюбія, и ссылками на источники доказываютъ необоснованность обвиненій противъ евреевъ. Поэтому безцѣльно передавать содержаніе всѣхъ появившихся тогда брошюръ противъ Граттенауэра. Стоитъ лишь отмѣтить написанную въ защиту евреевъ книжку майора фонъ-Дибича (раньше служившаго въ русской арміи), подъ заглавіемъ: „Kosmopolitische unparteische Gedanken über Juden und Christen" (Berlin, 1804). Авторъ самъ признаетъ, что строгое соблюденіе Моисеева ученія несовмѣстимо съ интересами государства, но считаетъ необходимымъ провести границу между образованными и необразованными евреями. Признавая для первыхъ выводы, которые вытекаютъ изъ просвѣтительныхъ взглядовъ, онъ въ то же время считаетъ необходимымъ подчинить необразованныхъ евреевъ строгому надзору государства. Выступилъ также въ за-

*) Jolowicz. Geschichte der Juden in Königsberg, 112 (Posen, 1867).

Къ чести кенигсбергскихъ евреевъ слѣдуетъ прибавить, что не всѣ они оказались въ такой мѣрѣ глупыми и трусливыми, какъ этотъ анонимъ. Мѣстный врачъ-еврей, скрывшійся подъ псевдонимомъ „Доминика-Гамана Эпифана, врага евреевъ" напечаталъ недурную сатиру противъ Граттенауэра подъ заглавіемъ: „Неопровержимое доказательство, что безъ немедленнаго избіенія евреевъ и продажи всѣхъ евреекъ въ рабство должны погибнуть міръ, человѣчество, христіанство и всѣ государства" („Unumstösslicher Beweis" etc., 1804). Гамбургскій еврей Лефранкъ также отозвался на юдофобскую литературу книжкою „Bellerophon oder der geschlagene Grattenauer" (1803). Въ тѣ же годы вышло нѣсколько полемическихъ брошюръ, написанныхъ евреями (библіографію см. у Греца, Geschichte, Bd. XI, Note 4).

щиту евреевъ и нѣкій профессоръ Косманъ въ брошюрѣ „Für die Juden“ (Berlin, 1804), которая выдержала нѣсколько изданій. Брошюра написана, очевидно, по порученію старшинъ еврейской общины, но все ея содержаніе очень обезцѣнивается тѣмъ, что самъ Косманъ нѣкоторое время до того, какъ онъ выступилъ въ защиту евреевъ, былъ ихъ противникомъ. Поэтому тогда никто не сомнѣвался въ томъ, что переходъ Космана въ юдофильскій лагерь объясняется причинами, заключающимися не только во внутреннемъ убѣжденіи автора. Очень объективнымъ старается быть христіанскій анонимный авторъ „Skizzen über, wider, für und an die Juden, von einem Kosmopoliten (Бреславль, 1803), который по всѣмъ признакамъ принадлежитъ къ сторонникамъ просвѣтительнаго направленія *).

Любопытно, что при разборѣ всѣхъ этихъ произведеній за и противъ евреевъ „Zeitschrift für die elegante Welt“—органъ, который близко стоялъ къ романтикамъ,—не скрываетъ своего сочувствія къ юдофобской литературѣ. Въ № 108 этого журнала (1803 г., стр. 860) говорится о Граттенауэрѣ, что онъ заимствовалъ наиболѣе сильныя орудія изъ арсенала еврейскаго богословія и еврейской исторіи и обратилъ ихъ противъ внутренняго духа еврейства, проявивъ при этомъ столько же мужества, сколько увѣренности и ловкости. „Еврейскимъ ученымъ будетъ трудно вести противъ него правильную войну“. Во всякомъ случаѣ появленіе брошюръ Граттенауэра слѣдуетъ считать важнымъ событіемъ, ибо „вопросъ этотъ глубоко задѣваетъ духъ времени и заслуживаетъ вниманія князей и правительствъ“. Наоборотъ, органъ, который боролся съ романтическимъ направленіемъ, „Allgemeine Litteratur-Zeitung“, издававшійся сначала въ Іенѣ, потомъ въ Галле, проводившій взгляды просвѣтительной эпохи, въ рецензіяхъ полемическихъ произведеній за и противъ евреевъ всегда принимаетъ сторону послѣднихъ. Изъ отношенія обоихъ журналовъ къ вопросу видно, что вся эта полемика находилась въ непосредственной связи съ борьбой между романтическимъ и просвѣтительнымъ направленіями.

Полемика приняла такіе размѣры, что обратила на себя и вниманіе правительства. Грецъ (т. XI, стр. 261) говоритъ, что власти

*) Полемическая литература о евреяхъ 1803—04 г.г. изложена и разобрана у Греца, Geschichte der Juden, т. XI, стр. 255—266 и прим. 4; у Л. Гейгера, Geschichte der Juden in Berlin, т. II, 301—319, и у М. Фрейденталя: „Die judenfeindliche Bewegung in Preussen im Anfang dieses Jahrhunderts (въ Jahrbuch zur Belehrung etc. 1893, Breslau, стр. 15—64).

вмѣшались по инициативѣ берлинскихъ евреевъ, которые были очень напуганы страстными нападками юдофобовъ. Правительство стало на сторону евреевъ. Въ донесеніи тайнаго совѣтника Боргштедта министру Гарденбергу отъ 8-го сентября 1803 года выражается опасеніе, что полемика принимаетъ характеръ безобразій, которыхъ полиція уже не можетъ допустить (polizeiwidrige Unarten). Онъ не видитъ пользы отъ этой полемики, такъ какъ она не въ состояніи освободить евреевъ отъ ихъ недостатковъ. „Брань по адресу евреевъ только раздражаетъ ихъ, въ то время какъ нельзя дѣйствительно не признать, что причина недостатковъ, въ которыхъ по справедливости упрекаютъ евреевъ, коренится въ ихъ угнетенномъ положеніи“. Поэтому онъ предлагаетъ запретить печатать что бы то ни было за или противъ евреевъ. Такое распоряженіе генеральной директоріи дѣйствительно было издано въ Берлинѣ 20 сентября 1803 г.

Узнавъ о намѣреніи правительства положить конецъ полемикѣ, Граттенауэръ обратился къ канцлеру фонъ-Гольдбеку съ жалобой, очень характерной какъ для самого Граттенауэра, такъ и для всего направленія, выразителемъ котораго онъ явился. Въ этой жалобѣ онъ пишетъ, что впечатлѣніе, которое его произведенія вызвали, объясняются всеобщимъ сознаніемъ необходимости напрячь всѣ силы человѣческаго духа въ борьбѣ съ евреями, съ ихъ пагубнымъ вліяніемъ и огромной властью ихъ денегъ. „Я—пишетъ Граттенауэръ въ своемъ прошеніи — былъ гнуснымъ образомъ обманутъ и разоренъ многими евреями, которыхъ я еще 8 лѣтъ тому назадъ считалъ справедливыми людьми; я отецъ четырехъ маленькихъ дѣтей, и было бы жестоко лишить меня запрещеніемъ писать противъ евреевъ приличнаго заработка“. Граттенауэръ говоритъ, что онъ получилъ отъ одной издательской фирмы во Франкфуртѣ на-Майнѣ предложеніе редактировать журналъ противъ евреевъ, за что ему было обѣщано вознагражденіе въ размѣрѣ 5 фридрихсдоровъ (фридрихсдоръ—16,8 марокъ) за печатный листъ, и онъ уже условился съ разными учеными относительно участія въ этомъ журналѣ, издавать который онъ себя считалъ тѣмъ болѣе въ состояніи, что онъ знатокъ восточныхъ языковъ и литературы *). Жалоба Граттенауэра не имѣла успѣха, запрещеніе было издано,

*) Любопытно сопоставить съ этимъ сообщеніе Греца (т. XI, стр. 256), будто Граттенауэръ получилъ за свою кампанію противъ евреевъ 2000 талеровъ отъ очень высокопоставленнаго христіанина, которому были противны разбогатѣвшіе берлинскіе евреи и еврейскіе салоны въ Берлинѣ.

но оно было скоро взято обратно распоряженіемъ короля отъ 1 октября 1803 года, въ которомъ было признано, что генеральная директорія слишкомъ далеко пошла въ своемъ запрещеніи, такъ какъ полемическія произведенія предварительно просмотрѣны цензурой и въ нихъ, слѣдовательно, не можетъ быть ничего противозаконнаго. Если въ произведеніяхъ противъ евреевъ — говорится въ королевскомъ распоряженіи — иногда нарушались границы гуманности, тѣмъ не менѣе запрещеніе ихъ придаетъ нападкамъ на евреевъ слишкомъ большое значеніе и можетъ вызвать еще большій вредъ. Но вскорѣ полемика по еврейскому вопросу сама собою прекратилась. Она возобновилась лишь спустя десять лѣтъ, уже послѣ изданія „эмансипаціоннаго эдикта“ въ Пруссіи *).

И. Левинъ.

---

*) О политическихъ теченіяхъ въ романтикѣ ср. T. Ziegler, Die geistigen und sozialen Strömungen in Deutschland im XIX. Jahrhundert (Berlin, 1911), стр. 1—54, 134—139; G. Brandes, Die Hauptströmungen der Literatur des XIX. Jahrhunderts, T. II, послѣднія три главы (1900), O. F. Walzel, Deutsche Romantik (Leipzig, 1912), 97—105; J. Lublinski, Literatur und Gesellschaft im XIX. Jahrhundert (Berlin, 1899), II, 1—31. Ср. также очень интересную книгу Fr. Meineke, Weltbürgertum und Nationalstaat, изд. 2-е, 1911 (München u. Berlin).

Періодъ кризиса.

Общественныя теченія въ литературѣ 80-хъ годовъ.

I.

Тревожное настроеніе, возникшее въ еврейскомъ обществѣ наканунѣ 80-хъ годовъ *), особенно усилилось послѣ событія 1-го марта 1881 г., которое потрясло всю Россію. Воцарилось молчаливое и жуткое ожиданіе дальнѣйшихъ событій. „Пронесется шквалъ, грянетъ громъ, сверкнетъ молнія, — и все въ природѣ какъ будто замираетъ... И все, кажется, проникнуто однимъ чувствомъ, все находится подъ однимъ впечатлѣніемъ..., все притаивается, пока замолкнутъ раскаты невзгоды, пока постепенно замретъ глухое эхо разразившейся грозы"... Такъ опредѣляетъ „Разсвѣтъ" настроеніе, создавшееся послѣ 1-го марта, и спрашиваетъ: „Какъ вы себя чувствуете, плакучія ивы и скромные кусты, младшіе въ семьѣ русской земли, послѣ пережитой грозы 1-го марта?" (1881 г., № 13, передовая статья).

Дѣйствительность, однако, превзошла самыя худшія опасенія. Погромы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, всколыхнули все русское еврейство и создали на первыхъ порахъ настроеніе полной безнадежности. Не всѣ еврейскія общины пережили непосредственные удары погромной стихіи (внѣ ея сферы остались, какъ извѣстно, Литва и Польша, за исключеніемъ Варшавы); но паника и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ распространились по всей „чертѣ", о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ многочисленныя корреспонденціи въ „Разсвѣтѣ", „Русскомъ Евреѣ" и въ „Недѣльной Хроникѣ Восхода" 1881—1882 г.г. Одинъ изъ корреспондентовъ, вспоминая библейскія слова: „утромъ ты будешь ждать наступленія вечера, вечеромъ—наступленія утра, будешь дрожать передъ шелестомъ листьевъ и не будешь вѣрить въ свою жизнь", — прибавляетъ: таково въ буквальномъ смыслѣ положеніе нашего еврей-

---

*) См. „Евр. Стар." 1915 г., вып. III—IV: „На рубежѣ двухъ эпохъ".

скаго населенія въ данную минуту" („Разсвѣтъ" 1881 г. № 24). Непосредственные результаты происшедшихъ погромовъ, ожиданіе ихъ повторенія и распространенія, доходившіе и до бетъ-гамидраша слухи о планахъ и намѣреніяхъ министра Игнатьева и работа провинціальныхъ юдофобовъ въ „губернскихъ комиссіяхъ",— все это создавало атмосферу крайней тревоги и растерянности.

Старое поколѣніе реагировало на эти необычайныя народныя бѣдствія традиціоннымъ образомъ—общественнымъ постомъ и молитвой, которые въ началѣ 1882 г. устраивались въ различныхъ мѣстахъ при торжественной обстановкѣ: съ чтеніемъ „слихотъ", произнесеніемъ проповѣдей и т. п. Объ этомъ сообщаютъ корреспонденты изъ различныхъ мѣстъ. „Въ синагогѣ (въ Одессѣ) раздались раздирающіе душу стонъ и плачъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, когда канторъ прочиталъ молитву: „Всѣ народы сидятъ спокойно на своихъ земляхъ, а народъ Израильскій бродитъ, какъ тѣнь, нигдѣ не находя покоя, ни откуда не встрѣчая братскаго привѣта" („Хр. Восхода" 1882 г., № 7). Корреспондентъ изъ Березовки описываетъ похороны остатковъ священныхъ свитковъ, разорванныхъ чернью во время погромовъ. Въ процессіи участвовали мужчины, женщины и дѣти, которые медленно двигались изъ разрушенныхъ синагогъ окрестныхъ селъ и деревушекъ. „Душу раздирающіе стоны носились въ воздухѣ, слезы струились по щекамъ у всѣхъ, когда гробокопатель опустилъ въ могилу наши святыни" („Рус. Евр." № 41). Даже въ Петербургѣ состоялось торжественное траурное богослуженіе. Въ этомъ народномъ траурѣ участвовала и интеллигенція, вернувшаяся къ народу. Впервые интеллигенты начали выступать въ синагогѣ, не какъ представители власти (казенные раввины), а какъ друзья народа, и со словами, близкими сердцу народной массы.

Погромы произвели большой переворотъ въ воззрѣніяхъ различныхъ группъ еврейской интеллигенціи. Особенно быстро совершилась перемѣна въ средѣ „маскиловъ" старой формаціи. Очень мало связанные—по своей жизни и воспитанію—съ русской общественностью, они быстро отреклись отъ нея во имя новаго „исхода". Въ этой средѣ нашло благопріятную почву палестинофильство, первоначальная идеологія котораго была, какъ извѣстно, формулирована Смоленскимъ еще въ 70-хъ годахъ. Въ этой части еврейской интеллигенціи стали переоцѣниваться цѣнности „гаскалы" съ ея вѣрой въ „наполненіе земли знаніемъ", которое должно привести къ торжеству братства народовъ и соціальной справедливости. И чѣмъ отвлеченнѣе была эта вѣра, тѣмъ скорѣе она была раз-

сѣяна жестокими событіями 1881—1882 г.г. Съ другой стороны, абстрактный характеръ маскилистскаго мышленія, оторваннаго отъ общественной жизни, способствовалъ быстрому усвоенію новаго credo. Палестинофильство нашло своихъ горячихъ защитниковъ въ лицѣ сотрудниковъ и редакторовъ „Гамагида“, „Гашахара“ и „Гамелица“.

Болѣе острый и сложный кризисъ погромы вызвали въ той части еврейскаго общества, которая успѣла сродниться съ русской культурой и съ идеями русской гражданственности.

II.

Эмиграціонный вопросъ, выплывшій на поверхность еврейской жизни послѣ первыхъ же погромовъ 1881 г., явился очень большимъ и серьезнымъ испытаніемъ для передовыхъ группъ интеллигенціи, вѣрившихъ недавно въ близость эмансипаціи и дорожившихъ связью со своимъ русскимъ отечествомъ. Въ этой средѣ отрицательное отношеніе къ внѣшней эмиграціи (въ противоположность внутреннему разселенію внѣ „черты“) проявилось уже въ 60-хъ годахъ, особенно въ концѣ этого десятилѣтія, когда усилившаяся экономическая нужда еврейской народной массы начала гнать многихъ въ Америку (см. „Евр. Стар.“ 1915 г., кн. II, стр. 129—130). Въ началѣ 80-хъ годовъ такое безусловное отрицаніе эмиграціонной проблемы было невозможно, въ виду безысходнаго положенія многихъ тысячъ разгромленныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для обрусившейся интеллигенціи было чрезвычайно трудно санкціонировать эмиграцію въ такой моментъ, когда на улицѣ, въ канцеляріяхъ, въ юдофобской печати, на судѣ (кіевскій погромный процессъ) и въ кабинетѣ Игнатьева при пріемѣ еврейскихъ представителей—повторялся на разные лады одинъ и тотъ же припѣвъ: „западная граница для васъ открыта“.

Что дѣлать?—спрашиваетъ „Разсвѣтъ“ подъ непосредственнымъ вліяніемъ первой погромной грозы. „Бѣжать, подъ дикіе крики: бей его? Цѣлыми массами выселяться изъ Россіи? Бросить небо, подъ которымъ родились, землю, гдѣ похоронены не менѣе насъ пострадавшіе наши предки?... Бросить края, которые наши предки культивировали въ то время, когда Ермаки охотились на окраинахъ за пушными звѣрями? Да кто имѣетъ право предлагать намъ это?“ Евреи останутся въ Россіи. „Ибо Россія — ихъ отечество, земля русская—и ихъ земля, небо Россіи—и ихъ небо, еврейскій вопросъ — это русскій вопросъ“ (1881 г. № 19, внутр. обозр.; № 22, перед. ст.). „Разсвѣтъ“ готовъ привѣт-

ствовать эмиграцію, какъ одно изъ средствъ улучшенія положенія русскихъ евреевъ, на-ряду съ отмѣной черты осѣдлости. Еврейская масса уже устремилась въ Америку; необходимо поэтому регулировать это движеніе, заботясь въ то же время о распространеніи производительнаго труда на русской землѣ, ибо эмиграція— не панацея отъ всѣхъ золъ, а лишь одна изъ задачъ еврейской интеллигенціи. Такова была точка зрѣнія редакціи въ первые мѣсяцы послѣ весеннихъ погромовъ 1881 г. (№ 24, вн. обозр.; №№ 33, 34, перед. ст.). Эта позиція скоро, однако, стала мѣняться въ пользу признанія эмиграціи основнымъ лозунгомъ момента. Во второй половинѣ 1881 г. на страницахъ „Разсвѣта" еще ведется полемика по этому поводу, особенно по вопросу о томъ, куда эмигрировать — въ Америку или въ Палестину (см. № 34—35, ст. С. Дубнова „Вопросъ дня" — въ пользу Америки; № 38, ст. „куда?" — за Палестину; № 40—возраженіе антипалестинца; наконецъ выступленіе М. Л. Лиліенблюма съ его извѣстной статьей „Общееврейскій вопросъ и Палестина", №№ 41, 42). Въ 1882 г. „Разсвѣтъ" становится уже пламеннымъ выразителемъ стремленій „эмиграціонистовъ" и палестинцевъ.

Эта эволюція соотвѣтствовала настроеніямъ провинціи, къ которымъ особенно прислушивался „Разсвѣтъ". Въ „чертѣ", пережившей ужасы средневѣковья, эмиграція разсматривалась именно какъ исходъ изъ Россіи и какъ единственное рѣшеніе еврейскаго вопроса. Сторонники эмиграціи имѣли возможность въ первое время (пока не стало извѣстно о бѣдствіяхъ первыхъ партій, пустившихся въ путь) говорить о новой жизни и возрожденіи на новой родинѣ. Эти элементы, организовавшись въ кружки, задавали тонъ своей бодростью и самодѣятельностью. Тутъ были и торговцы, и ремесленники, выбившіеся изъ своей прежней хозяйственной колеи, и учащаяся молодежь, разочаровавшаяся въ своихъ прежнихъ чаяніяхъ. Всѣ они ждали поддержки и руководства отъ петербургскаго центра. И когда стало извѣстно, что представители столичнаго еврейскаго общества—противъ организаціи эмиграціонныхъ комитетовъ, изъ провинціи посыпались (главнымъ образомъ, въ корреспонденціяхъ „Разсвѣта") бичующіе протесты.

Группа студентовъ Новороссійскаго университета пишетъ, между прочимъ: „Мы, какъ люди провинціи, стоящіе близко къ мѣстнымъ эмиграціоннымъ кружкамъ, можемъ смѣло заявить антиэмиграціонистамъ: эмиграція—это единственный исходъ изъ теперешняго тягостнаго положенія, — исходъ, продиктованный не интеллигенціей народу, а народомъ своимъ представителямъ. Повсемѣстно на-

родъ самъ организуетъ эмиграціонные кружки, самъ, своими кровными копейками, даетъ этимъ кружкамъ матеріальныя средства и обращается къ интеллигенціи за помощью чисто научной: проситъ познакомить его съ жизнью американской или палестинской, съ условіями тамошняго труда и т. п." („Разсв." 1882, № 40). Харьковскіе студенты также заявляютъ: — „Вотъ единственный исходъ для евреевъ изъ ихъ настоящаго положенія: эмиграція. Смѣлѣе же впередъ!" (№ 11.) Изъ Николаева пишутъ (письмо за 40 подписями): „Лучшая часть еврейства съ негодованіемъ отворачивается теперь отъ тѣхъ, которые тормозятъ святое дѣло возрожденія народа", т. е. эмиграцію (ibid). Изъ Бобринца (Херс. губ.) старшины талмудъ-торы и молитвеннаго дома пишутъ: „Въ провинціи уже твердо рѣшили, что единственный исходъ изъ нашего настоящаго положенія—это эмиграція, и всѣ свои надежды возлагаютъ на устройство эмиграціоннаго комитета. Пусть подумаютъ люди, тормозящіе это дѣло, о своемъ несчастномъ народѣ. Если не теперь, то когда же?" (Ibid). Подобныя же письма получались изъ Варшавы, Минска, Елисаветграда, Кременчуга, Бердичева, Житоміра, Балты, Херсона, Николаева и др. городовъ (№№ 9, 19, 24 и сл.). Корреспондентъ изъ Славянки (Екатериносл. губ.) рисуетъ печальное положеніе деревенскихъ евреевъ: крестьяне враждебно относятся къ нимъ; одни бѣгутъ въ города, гдѣ чувствуютъ себя безопаснѣе, другіе эмигрируютъ въ Америку и Палестину, но имѣютъ очень смутное представленіе объ этихъ странахъ. Корреспондентъ умоляетъ оказать помощь еврейскому поселянину: „Устраивайте комитеты, покажите ему дорогу, куда ему идти... Онъ готовъ работать, хочетъ работать и будетъ работать. Это не изнѣженный, слабый, тщедушный житель города. Это сынъ полей, житель деревни; ему знакомы и соха, и плугъ, и борона. Ему не нужны города—ему нужны деревни"... (№ 10).

Б. Брандтъ въ своей статьѣ „Столица и провинція" („Разсв." №№ 12, 17) стремится обобщить это пробужденіе провинціи, указывая, что центръ идеологическаго творчества переносится изъ столицы,—гдѣ взлелѣянъ былъ идеалъ сліянія, обанкротившійся теперь,—въ провинцію, гдѣ созрѣла и пріобрѣла вліяніе „идея объ эмиграціи", какъ о „единственномъ реальномъ средствѣ радикальнаго рѣшенія еврейскаго вопроса" (№ 12). Самодѣятельность и самопомощь провинціи противопоставляются тутъ прежней дѣятельности столичныхъ представителей русскаго еврейства (№ 17).

III.

Эмиграціонный вопросъ разсматривался въ первое время и палестинцами, и сторонниками эмиграціи въ Америку, какъ вопросъ экономическій. Сразу выросшая огромная матеріальная нужда народа отодвинула на задній планъ національно-духовные вопросы. Съ точки зрѣнія матеріальнаго устройства народныхъ массъ на новыхъ мѣстахъ и дебатировался вопросъ—куда направить эмиграцію—въ Америку или въ Палестину. Мало-по-малу, однако, споръ этотъ расширяется и вовлекаетъ въ свой кругъ и національную проблему.

Авторъ статьи „Чего не дѣлать?“, Левъ Иври *) („Руск. Евр.“ 1881 г. № 35), возражая одному изъ сторонниковъ „эмиграціи во что бы то ни стало“, который формулировалъ свой взглядъ словами простого еврея: „надо, значитъ, поплестись куда-нибудь, какъ это ни горько, въ Испанію, въ Палестину, въ Америку, все равно“,—спрашиваетъ такихъ приверженцевъ эмиграціи, думаютъ-ли они только о евреяхъ, или также о еврействѣ, о „нравственномъ культѣ“ евреевъ, ихъ историческихъ традиціяхъ и т. п. „Ищутъ-ли они исключительно такого исхода, при которомъ евреи были бы сыты, не терпѣли бы сильной нужды и были бы въ совершенной безопасности на счетъ своей спины со стороны какого бы то ни было кулака, или они озабочены и обрѣтеніемъ такого исхода, который давалъ бы евреямъ возможность культурнаго и нравственнаго развитія?“ Въ матеріальномъ отношеніи Америка имѣетъ безусловное преимущество передъ Палестиной. Но цитируемый авторъ указываетъ на оборотную сторону медали: „за вопросомъ о вѣроятности матеріальнаго успѣха для эмигрантовъ является еще вопросъ объ ихъ нравственномъ и культурно-національномъ положеніи“. Эмигрируя въ Америку, евреи образуютъ разрозненныя партіи переселенцевъ, изъ которыхъ каждая устроится гдѣ-нибудь на свой ладъ. „Евреи будутъ обезпечены, но будетъ-ли обезпечено еврейство?—спрашиваетъ Левъ Иври. Не обратятся-ли евреи въ группу ремесленниковъ, земледѣльцевъ, промышленниковъ, банкировъ и т. д., безъ всякой національной культуры, безъ всякаго національнаго цемента?“ Тогдашнее положеніе американскаго еврейства не даетъ нашему автору надежды на улучшеніе въ дальнѣйшемъ, когда туда хлынетъ новая волна эмигрантовъ. Онъ боится, чтобы процессъ уменьшенія „большой головы“ (духовной силы еврейства) и превращенія ея въ „мускульное мясо“ не пошелъ

*) Л. О. Канторъ.—*Ред.*

слишкомъ далеко. Его симпатіи склоняются поэтому въ пользу Палестины. Но онъ все же допускаетъ, что при осмысленной и организованной эмиграціи въ Америку можно было бы и тамъ избѣгнуть процесса денаціонализаціи.

Эта статья, какъ уже сказано, направлена была противъ сторонника „эмиграціи, во что бы то ни стало", подписавшагося Бенъ-Рабби *). Послѣдній возражаетъ своему оппоненту, между прочимъ, слѣдующее: „Мнѣ кажется, что настоящее положеніе евреевъ не таково, чтобы въ этотъ моментъ задумываться надъ какими бы то ни было высшими соображеніями духовнаго свойства. Когда человѣкъ тонетъ или горитъ, то нашъ религіозный кодексъ игнорируетъ всякія строгости субботняго устава, а наше племя на югѣ Россіи находится теперь именно въ такомъ опасномъ положеніи". (Ibid, № 36).

Другой участникъ этой полемики, А. Сохеръ, письмомъ въ редакцію „Русскаго Еврея" („Въ Америку или въ Палестину", № 36), рѣшительно высказывается въ пользу Америки, будучи несогласенъ съ тѣми, кто утверждаетъ, что „переселиться въ Америку—значитъ чуть-ли не похерить еврейство". „Правда, говоритъ онъ, Палестина—очагъ еврейства. Но старыя воспоминанія, холодныя плиты, стѣна плача—не само еврейство; это обломки нѣкогда величественнаго зданія, памятники величія Израиля. Онѣ способны вызывать воспоминанія, но не одухотворять. Сосѣдство этихъ руинъ прошлаго нашего народа не дастъ ему того, что ему нужно, что ему недостаетъ". Авторъ указываетъ на фанатизмъ палестинскихъ евреевъ, на вліяніе „халуки" и т. п. Америка же, наоборотъ, рисуется автору благодатной страной, гдѣ евреи, пользуясь равноправіемъ, будутъ въ то же время организовываться въ союзы съ религіозными и благотворительными цѣлями. Въ американской атмосферѣ онъ не видитъ ничего антиеврейскаго. Даже при эмиграціи въ разбродъ каждый эмигрантъ по неволѣ долженъ будетъ селиться вблизи своихъ, что должно служить гарантіей противъ опасности, грозящей еврейству въ Америкѣ. „Не гоненія, продолжаетъ А. Сохеръ, привили евреямъ тотъ культъ, который они пронесли черезъ столько вѣковъ и странъ: они только заставляли евреевъ цѣпко держаться за него. А если такъ, то куда бы судьба не загнала евреевъ, нечего опасаться за судьбу всего того, что составляетъ нравственное достояніе нашего народа. Иначе въ еврействѣ не заключалось бы ничего реальнаго, ничего жизненнаго".

---

*) Г. И. Богровъ.—*Ред.*

Что касается „Разсвѣта“, то эмиграціонный вопросъ, какъ мы выше видѣли, трактовался тутъ въ началѣ съ точки зрѣнія экономическаго устройства народной массы. Таковъ характеръ упомянутой выше (гл. II) полемики объ Америкѣ и Палестинѣ. Когда одинъ палестинецъ указалъ на роль традицій, связанныхъ съ древнимъ отечествомъ Израиля (1881 г. № 38), послѣдовало возраженіе „американца“: „Евреямъ теперь не до мечтаній: имъ нуженъ спокойный уголокъ, въ которомъ они могли бы постепенно развивать свои силы, возстановлять пошатнувшіеся въ основаніяхъ положеніе свое“, что, по мнѣнію автора, возможно только въ Америкѣ (№ 40: „Къ вопросу „куда“?).

Эта полемика происходила послѣ первыхъ погромовъ 1881 г. Послѣ второй погромной полосы, начавшейся въ Варшавѣ въ концѣ 1881 г., особенно же послѣ балтскаго погрома, чисто-экономическая роль эмиграціи стала еще болѣе подчеркиваться на столбцахъ „Разсвѣта“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ выплываетъ на поверхность и національно-культурная сторона вопроса. Во вновь завязавшейся въ томъ же журналѣ полемикѣ по вопросу „куда“?—забота о сохраненіи націи послѣ разразившейся катастрофы проявляется уже достаточно ясно. Авторъ статьи „Что же, наконецъ, дѣлать?“, Гамзефонъ *), усиленно подчеркиваетъ необходимость выбрать какой-нибудь центръ, „сборный пунктъ“, для готовыхъ разсѣяться эмигрантовъ. Отдавая предпочтеніе какому-нибудь штату въ Америкѣ, авторъ статьи говоритъ: „Если окажется, что для насъ необходима Палестина, то она вѣдь не будетъ потеряна для насъ и тогда, когда мы будемъ имѣть семейный очагъ въ Америкѣ, — не только не будетъ потеряна, но сдѣлается для насъ гораздо доступнѣе, ибо объединенные, сдѣлавшись изъ бродягъ гражданами міра, мы будемъ имѣть гораздо больше силы и болѣе вѣскій голосъ, чѣмъ теперь. Если вы боитесь, что тѣ, которые заселятъ еврейскій штатъ, слишкомъ привяжутся къ своей новой родинѣ, чтобы двинуться въ Палестину, то развѣ у насъ нѣтъ достаточно людей, чтобы образовать два національныхъ очага“? („Разсв.“ 1882 г. № 5).

Возражая на этотъ взглядъ, авторъ серіи статей „Въ Палестину“ предсказываетъ, что въ Америкѣ евреи, не встрѣчая обычнаго враждебнаго отношенія къ себѣ, „бросятся на ложный путь ассимиляціи“, но такъ какъ они фактически не смогутъ слиться съ окружающимъ населеніемъ, то они, оставаясь разсѣянными

*) М. Заменгофъ, варшавскій учитель.

среди другихъ и конкуррируя съ другими, создадутъ почву для развитія антисемитизма и погромовъ. Въ Палестинѣ же евреи будутъ жить сплошной массой, занимаясь земледѣліемъ. „Не встрѣчая вокругъ себя сильныхъ и организованныхъ народностей, евреи не поглотятся другими, а создадутъ свою самостоятельную культуру, которая будетъ распространяться и на другія, живущія тамъ семитическія племена“ (№ 12).

Редакція „Разсвѣта“, съ своей стороны, выдвигая съ 1882 г. эмиграціонный вопросъ на первый планъ и склоняясь въ пользу колонизаціи Палестины, останавливается въ рядѣ статей и на національной проблемѣ, т. е. на роли Палестины для сохраненія еврейской національности (№№ 22, 25, 27, 31, 33, 43, 46, 48, перед. ст.). „Рѣшившись остаться навсегда въ Европѣ, еврейство имѣетъ передъ собой альтернативу—или продолжать бороться за свою національность и быть осужденнымъ на безконечное продолженіе тѣхъ страданій, которыми до самаго послѣдняго времени такъ обиленъ европейскій періодъ его исторіи, или же отречься отъ себя, слиться съ окружающими его народами и раствориться въ ихъ великой семьѣ. Увѣренные въ жизненности еврейской націи, мы должны ожидать, что она пойдетъ по первому пути и будетъ продолжать стойко защищать и энергически бороться за свое существованіе“. Но для успѣшности этой борьбы необходимо создать „еврейскій уголокъ земли“, ибо антисемитизмъ—не временное явленіе и т. д. (№№ 27, 30, перед.).

Во второй половинѣ 1882 г. наступило нѣкоторое затишье въ погромной хроникѣ. Отставка Игнатьева, циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ Толстого объ отвѣтственности администраціи за непринятіе мѣръ противъ погромовъ, новая судебная практика по погромнымъ дѣламъ,—все это внесло нѣкоторое успокоеніе въ еврейскую жизнь. Съ другой стороны, первыя неудачи эмиграціи въ Америку и Палестину (страданія эмигрантовъ по пути за океанъ, мытарства „билуйцевъ“, запрещеніе турецкимъ правительствомъ въѣзда евреевъ въ Палестину) значительно охладили пылъ піонеровъ „исхода“. Въ это именно время прежніе споры объ организаціи эмиграціонныхъ комитетовъ замѣняются въ „Разсвѣтѣ“ (№№ 22—48) упомянутымъ выше теоретическимъ обсужденіемъ національнаго вопроса. При этомъ сущность націи формулируется извѣстнымъ опредѣленіемъ Ренана: „имѣть общую славу въ прошломъ и общую волю въ настоящемъ, имѣть сообща совершенныя великія дѣла и желать совершить ихъ еще,—вотъ существенныя условія, чтобы быть народомъ“! (№ 43, перед.).

Наступившее затишье „Разсвѣтъ" считалъ, однако, перемиріемъ, а не миромъ. „Ни на одну минуту не должны мы отвлекать своихъ взоровъ отъ страшнаго лезвія Дамоклова меча, которое въ такомъ ужасномъ видѣ блеснуло намъ изъ-подъ на минуту разодранной завѣсы будущаго" (№ 25). „Разсвѣтъ" спорилъ противъ попытокъ превратить палестинофильство въ какой-то „безцѣльный культъ", въ какую-то „своеобразную реформу завѣтнаго ожиданія Мессіи" и ограничиться одной лишь идейной пропагандой, какъ предлагалось въ томъ же журналѣ въ статьѣ Неунывающаго Палестинца, съ которымъ редакція полемизируетъ (№№ 31, 33). Рѣзко выступилъ „Разсвѣтъ" и противъ стремленій нѣкоторой части интеллигенціи успокоиться (въ періодъ затишья) на изученіи древнееврейскаго языка и литературы (№ 46, перед.; № 48, ст. „Они и мы").

IV.

Кризисъ 1881—1882 г.г. особенно ярко проявился въ эволюціи взглядовъ одного изъ бывшихъ борцовъ „обрусенія"—Л. О. Леванды.

Въ первомъ нумерѣ „Руск. Еврея" 1882 г. Леванда останавливается на одной статьѣ варшавской „Izraelita" по національному вопросу. Польско-еврейская газета, критикуя идею созданія еврейскаго государства, спрашиваетъ, есть-ли вообще у еврейской націи какая-нибудь миссія. Если нѣтъ, если евреи дали міру все, что они могли дать, то зачѣмъ—спрашиваетъ „Izraelita"—имъ существовать „отрѣзаннымъ ломтемъ" въ средѣ европейскаго общества; зачѣмъ имъ переносить униженія и оскорбленія, зачѣмъ просить у другихъ народовъ терпимости къ своимъ особенностямъ, которыя „не имѣютъ будущности" и слѣдовательно „лишены права на существованіе"? „Развяжемся, разольемся въ широкомъ океанѣ человѣчества, каждый въ томъ народѣ, въ которомъ судьба назначила ему родиться и жить, и, укрѣпляя собой общее стремленіе, поплывемъ общей волной къ цѣлямъ, поставленнымъ Провидѣніемъ всему роду человѣческому"!... Ибо если единичная личность цѣпляется за свое существованіе по одному лишь инстинкту самосохраненія, то національная индивидуальность должна сознавать смыслъ своего существованія, свою роль въ прошломъ и свое предназначеніе въ будущемъ. Есть-ли все это у еврейскаго народа? — Органъ польской ассимиляціи полагаетъ, что, какъ народъ, евреи никакой миссіи въ мірѣ не имѣютъ. Западно-европейское еврейство уже ассимилируется. Русское же еврейство просто отстало въ

своемъ развитіи, которое должно привести его къ тому же результату. „Izraelita“ дѣлаетъ, однако, оговорку, что какъ „племя“ евреи имѣютъ свои положительныя стороны, которыя при „сліяніи“ окажутъ человѣчеству большія услуги, а какъ вѣроисповѣдная единица они проповѣдуютъ религію мира, братства и всеобщаго счастья.

Эти мысли о благахъ ассимиляціи и вредѣ „обособленія“, въ видѣ стремленій къ созданію „какихъ-то національныхъ союзовъ и центровъ“, вызываютъ со стороны Леванды (въ статьѣ „Привислянская хроника“, подписанной Л. Л.) слѣдующія возраженія: „Все это, скажемъ отъ себя, очень хорошо, но, къ сожалѣнію, ужасно неново. Чтó наши лучшіе люди въ послѣднее тридцатилѣтіе и дѣлами, если не хлопотали изо всѣхъ силъ о пресловутомъ *сліяніи*, въ которомъ они видѣли вѣрнѣйшую панацею противъ всѣхъ нашихъ золъ и ради котораго они даже готовы были поступиться нашими традиціями и бытовыми особенностями? И дѣло это шло такъ шибко, что оно, повидимому, уже очень близко было къ своему осуществленію. Но что дѣлать, когда тѣ, съ которыми мы хотѣли слиться, отбиваются отъ насъ руками и ногами, — руками, вооруженными ломами, и ногами, обутыми въ сапоги съ желѣзными подковами? Не отъ радости многіе изъ насъ предаются теперь самымъ несбыточнымъ планамъ. Даже тотъ мечтатель, по поводу котораго „Izraelita“ и ведетъ свою прочувствованную рѣчь, возмечталъ о самостоятельномъ еврейскомъ царствѣ, мы думаемъ, только потому, что люди и событія толкаютъ насъ въ царство тѣней, такъ какъ мы признаны *лишними*, для которыхъ на родинѣ будто ужъ мѣста не хватаетъ, и мы стѣсняемъ *коренныхъ*, которымъ будто ужъ негдѣ повернуться въ странѣ, на пространствѣ которой солнце никогда не заходитъ. Пусть наши обстоятельства перемѣнятся хоть сколько-нибудь къ лучшему; пусть мы перестанемъ чувствовать, что почва горитъ подъ нами и исчезаетъ изъ-подъ ногъ нашихъ, и—мы увѣрены—тотъ же мечтатель, который такъ живописно рисуетъ передъ нами картину самостоятельной Палестины, т. е. гальванизированной муміи, запоетъ вмѣстѣ со многими русскими евреями: „я русскій — и люблю свой край“!

Леванда тутъ еще не отрекается отъ прежней цѣли „сліянія“, къ которой, по его словамъ, „мы мчались на всѣхъ парахъ“. „Но, говоритъ онъ, что намъ дѣлать, когда чьи-то безжалостныя руки, по мѣрѣ нашего приближенія, отодвигаютъ ее отъ насъ все дальше и дальше, такъ что мы теперь уже совсѣмъ потеряли ее изъ глазъ

и стоимъ растерянные, не зная, мчаться-ли впередъ, бѣжать-ли назадъ безъ оглядки, или свернуть въ сторону, въ какія-то невѣдомыя дебри? Слѣдовательно, въ утопіяхъ нашихъ мечтателей нѣтъ ничего ненормальнаго: онѣ естественные плоды растерявшагося ума и испуганнаго воображенія, а тѣ въ свою очередь—прямое слѣдствіе нелѣпаго положенія, въ которомъ мы внезапно очутились и изъ котораго мы, въ самомъ дѣлѣ, не знаемъ никакого исхода. Паника никогда не выпутывала людей изъ бѣды, а еще больше впутывала ихъ въ нее. Мы одержимы теперь паникой, такъ чего отъ насъ требовать?“

Эти мысли Леванды очень характерны для того распутья, на которомъ онъ находился въ 1881 и въ началѣ 1882 г. Еще раннею весною 1882 г. (№ 13 „Нед. Хрон. Восхода“, ст. „Летучія мысли недоумѣвающаго“) Леванда допускаетъ принципъ невмѣшательства въ поднявшуюся эмиграціонную стихію—„laissez faire, laissez passer“. Но дальнѣйшіе погромные ужасы (балтскій погромъ) окончательно выбили Леванду изъ старой колеи. Не безъ глубокой душевной борьбы, онъ постепенно отрекается отъ своихъ прежнихъ идеаловъ и приходитъ къ мысли о неизбѣжности „исхода“, подъ лозунгомъ возрожденія еврейской націи въ Палестинѣ. Этотъ переворотъ въ міровоззрѣніи Леванды получилъ яркое отраженіе въ его блестящихъ фельетонахъ „Летучія мысли недоумѣвающаго“, „Сонъ недоумѣвающаго“ и „Летучія замѣтки“ (въ „Разсвѣтѣ“, во второй половинѣ 1882 г., за подписью W.).

Говоря о черной кошкѣ, которая пробѣжала между евреями и русскими, онъ замѣчаетъ, что ему нѣтъ дѣла, кто и съ какой цѣлью выпустилъ эту кошку: „довольно того, что она пробѣжала и оставила по себѣ такіе физическіе и нравственные слѣды, которые не изгладятся десятками лѣтъ“... Что же дѣлать?—спрашиваетъ Леванда,—и тутъ же отвѣчаетъ: „На этотъ вопросъ я нѣсколько времени тому назадъ какъ будто зналъ отвѣтъ и былъ сравнительно спокоенъ. Мнѣ именно казалось, что стоитъ только сжечь за собой корабли и полетѣть въ объятія за-антлантическихъ друзей — и я спасенъ“. Однако, мытарства первыхъ эмигрантовъ, необходимость обращаться къ филантропіи разочаровали его. И онъ намѣчаетъ другой исходъ... „Самопомощь — вотъ одно, что можетъ поднять меня на ноги, на которыхъ я долженъ стоять не хуже другихъ, а не пресмыкаться, ползая, какъ червь, во мракѣ и умоляя каждаго встрѣчнаго о милости, снисхожденіи и состраданіи. Если жить, такъ жить по всѣмъ правиламъ мыслящаго существа, а не прозябать, какъ былинка, которую каждый прохожій воленъ топтать

ногами. Если бороться, страдать, то за какую-нибудь благородную цѣль, высокую идею, а не за жалкій кусокъ хлѣба"... И тутъ онъ ставитъ вопросъ: по какому же пути идти, чтобы выбраться на большую дорогу жизни? (№ 27). Въ видѣ отвѣта на этотъ вопросъ, онъ разсказываетъ о кошмарномъ снѣ, какой ему приснился. Снилось ему, между прочимъ, что онъ, олицетворяя собой еврейскій народъ, находится на скамьѣ подсудимыхъ передъ высшимъ судилищемъ. И богиня исторіи, Кліо, съ тяжелымъ укоромъ предупреждаетъ его, что народы поставятъ передъ нимъ, въ концѣ концовъ, вопросъ ребромъ: „Ты кто такой? Если нашъ, то будь нашимъ всецѣло, безъ всякихъ оговорокъ, условій, софизмовъ и мудрованій. Если не нашъ, то будь самимъ собой, займи опредѣленное положеніе: дѣлайся самостоятельнымъ звеномъ,—и мы съ удовольствіемъ пріймемъ тебя въ нашу общую цѣпь, которую уже пора скрѣпить, чтобы она не рвалась. Плутать же между звеньями, цѣпляясь то за одно, то за другое, распѣвать ubi bene, ibi patria, „нехорошо въ Венгріи, уйду въ Америку, нехорошо въ Америкѣ, уйду въ Африку, въ Австралію"—мы тебѣ не позволимъ, потому что ты дѣла не дѣлаешь, а только мѣшаешь,—мѣшаешь окончательному спаиванію нашихъ колецъ... Мы хотимъ имѣть въ тебѣ сосѣда, товарища, сотрудника въ нашей общей работѣ, а не цыгана. Да ты и не родился цыганомъ, а только втянулся въ эту постыдную профессію, съ которой ты и миришься по безпечности своей и нежеланію заглядывать въ будущее. Пожелай только стать другимъ,—и тебѣ это не будетъ очень трудно" (№ 31: „Сонъ недоумѣвающаго").

Во время погромнаго затишья—въ послѣдніе мѣсяцы 1882 г.—Леванда горячо выступалъ противъ тѣхъ, которые ложнымъ самоуспокоеніемъ увѣряли себя и другихъ, что „все идетъ къ лучшему". Онъ, наоборотъ, все больше погружался въ пессимизмъ, утверждая, что „мертвая петля все болѣе и болѣе съуживается около нашей шеи", и что „почва уходитъ изъ-подъ нашихъ ногъ". И исходя изъ этой безнадежности, онъ призывалъ къ настойчивымъ поискамъ опредѣленнаго исхода (№ 36, „Лет. зам.").

Съ горькимъ чувствомъ возвращается Леванда неоднократно къ обманутымъ надеждамъ прошлаго, къ тяжелымъ переживаніямъ и „милліону терзаній" еврейской интеллигенціи. „Чего, говоритъ онъ, чего только она не ожидала отъ полной ассимиляціи и всесторонней руссификаціи? Какихъ жертвъ не приносила она на алтарь этихъ новомодныхъ идоловъ, на которыхъ она всему народу указывала, провозглашая съ крышъ домовъ: „Се боги твои, Израиль!"... (№ 37).

Леванда не вѣритъ больше не только въ будущность еврейскаго народа среди другихъ народовъ (такъ какъ антисемитизмъ, по его мнѣнію, не временное и случайное явленіе, а постоянный историческій факторъ), но и въ цивилизацію вообще, въ которую такъ горячо и беззавѣтно вѣрили наши просвѣтители 60-хъ годовъ. Онъ думаетъ, что европейская цивилизація, достигнувъ высшей ступени своего развитія, подвергнется полному разрушенію новымъ нашествіемъ варварства. И видя, какъ народы, племена и сословія стоятъ другъ противъ друга, вооруженные съ головы до ногъ и готовые начать свою истребительную работу, Леванда вспоминаетъ роковомъ приговорѣ, который передъ потопомъ былъ вынесенъ Верховнымъ Судьей роду человѣческому (№ 44).

Но вся горечь и безпощадность пессимизма Леванды сосредоточивается, конечно, на еврейскомъ вопросѣ. Тутъ онъ не видитъ никакого просвѣта и считаетъ необходимымъ непрестанно говорить о безнадежности въ настоящемъ, дабы разбудить народъ къ жизни и дѣятельности во имя своего возрожденія въ будущемъ. Очень важно, думаетъ онъ, твердить народу: „ты умеръ!"—дабы онъ проникся волей къ воскресенію, которое предсказывали наши пророки. „Невозможнаго у судьбы или Провидѣнія нѣтъ. Не одинъ народъ, казавшійся отошедшимъ въ вѣчность навсегда, возсталъ изъ гроба и зажилъ новой, свѣжей жизнью" (№ 45).

Какъ ни далекъ Леванда начала 80-хъ годовъ отъ автора „Горячаго времени", ихъ сближаетъ одна общая черта—тоска по какомъ-нибудь отечествѣ. Обрусители „Горячаго времени" не нашли отечества,—они ищутъ и надѣются найти его въ Россіи; авторъ замѣтокъ „Недоумѣвающаго" тоже ищетъ, но въ совершенно другомъ направленіи. И тамъ, и здѣсь тоска по этомъ идеалѣ выражена съ одинаковой силой и страстностью. Странствующіе чехи-нищіе, поющіе свою пѣсню о „прелестной странѣ, странѣ Чешской", вызываютъ у Леванды глубокую зависть. Онъ готовъ преклониться передъ ними, ибо у нихъ есть то, чего у него нѣтъ,—отечество. Они—нищіе, пробирающіеся по чужой странѣ, но у нихъ свой домъ, куда они возвратятся... Чехи не посягали на свою національность, не пошли на компромиссы и угодничество по отношенію къ побѣдителю, ради облегченія своей горькой участи. Они терпѣли, протестуя и возбуждая къ себѣ н е н а в и с т ь, но не п р е з р ѣ н і е.

„Горе тому побѣжденному народу, который въ видахъ самосохраненія принимаетъ на себя роль пресмыкающагося! Разсчеты его никогда не оправдываются: вмѣсто того, чтобы своимъ уничиженіемъ возбуждать въ побѣдителѣ состраданіе, онъ возбуждаетъ въ немъ

только омерзѣніе, гадливость, и участь его дѣлается сугубо горькой. И мнѣ кажется, что главная бѣда наша не въ томъ, что мы находимся подъ гнетомъ, а въ томъ, что мы подъ этимъ гнетомъ изображаемъ изъ себя пресмыкающихся... Передъ кѣмъ мы только не пасуемъ? Къ кому мы не примыкаемъ? Чью только культурную маску мы не напяливаемъ на себя? И все это для сохраненія нашего жалкаго существованія, которое будто бы необходимо для выполненія въ мірѣ какой-то важной для человѣчества миссіи! Да полно, миссіонеры-ли мы? Кого мы обращаемъ, на кого мы дѣйствуемъ, стараемся дѣйствовать и можемъ дѣйствовать? Не составляемъ-ли мы, напротивъ, самый благодарный матеріалъ для всяческаго воздѣйствія другихъ?“ (№ 47).

Леванда ищетъ новой—„настоящей, заправской, а не воображаемой или предательской“—почвы для еврейской національности и еврейскаго труда, ибо онъ вполнѣ увѣренъ, что потерянная почва (въ Россіи) больше не вернется. Онъ бичуетъ и еврейскую буржуазію, и еврейскую интеллигенцію, и раввиновъ за то, что они отрицательно относятся къ палестинскому движенію, имѣющему своей цѣлью — пріобрѣсти новую почву (№ 47). Недоволенъ Леванда и тѣми, которые во время погромнаго затишья готовы были успокоиться на изученіи древне-еврейскаго языка и литературы. Онъ знаетъ цѣну еврейской литературѣ. „Но нашему народу теперь не до литературы, да вѣдь для еврейской литературы и нужна-то еврейская почва. Объ этой почвѣ мы и должны теперь думать день и ночь, когда мы встаемъ и когда ложимся“ (№ 52).

Такимъ образомъ, когда появилась „Авто-эмансипація“ д-ра Пинскера, вся эта новая идеологія была уже въ достаточной степени популяризована „Разсвѣтомъ“ и Левандой, какъ и гебраистской печатью,—не только въ формѣ территоріализма (какъ у Пинскера), но и палестинофильства.

И. Сосисъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Доносчики и авантюристы временъ Александра I.

Корнблюмъ. Дорисъ-Іозефина.

По архивнымъ источникамъ.

Много страданій причинили евреямъ доносчики-единовѣрцы, или бывшіе единовѣрцы. Широко разлитая бѣдность, а также преслѣдованія, которымъ подвергалъ кагалъ неугодившихъ ему членовъ общины, пополняли кадръ людей, становившихся предателями изъ-за куска хлѣба или же изъ чувства мести. Доносчики встрѣчали довѣріе и ласковый пріемъ всюду, куда они ни обращались съ извѣтомъ. Народъ страшился ихъ и мстилъ имъ. И эта борьба, сопровождавшаяся нерѣдко тяжкими преступленіями, внесла въ нашу исторію немало мрачныхъ страницъ. Доносчики размножались главнымъ образомъ тогда, когда надъ народомъ скоплялись грозовыя тучи.

Въ этомъ отношеніи еврейская жизнь въ послѣдніе годы царствованія Александра I, какъ и въ нѣкоторые другіе періоды, представляла собою благодарную почву для доносчиковъ. Злобныя силы, давно уже собиравшіяся вокругъ еврейскаго народа, стали все тѣснѣе смыкаться. Достаточно было частнаго случайнаго повода, чтобы обрушиться на евреевъ общей репрессивной мѣрой, оправданіемъ которой выставлялась необходимость положить преграду ихъ „экономическому господству“ или тому злу, которое будто бы распространяетъ вокругъ себя еврейская религія. Обычные пороки и проступки единичныхъ лицъ и отдѣльныхъ группъ еврейскаго населенія объяснялись не общими факторами, влекущими человѣка на путь закононарушеній, а якобы противонравственной основой еврейскаго вѣроученія. Такая склонность придавать религіозный характеръ даже явленіямъ повседневной жизни объясняется, въ извѣстной степени, тѣмъ, что и самъ еврейскій правящій классъ, представленный кагаломъ и раввинатомъ, стремясь удержать за собою власть надъ народной массой, завѣрилъ правительство,—устами депутатовъ отъ кагаловъ, созванныхъ въ 1807 г. въ западныхъ губерніяхъ,—что всякое дѣяніе еврея подчинено тому или иному религіозному обряду, нарушеніе котораго почитается дѣйствительнымъ грѣхомъ, а потому за раввинами

(дѣйствовавшими солидарно съ кагалами) должна быть сохранена издревле предоставленная имъ власть карать непослушныхъ членовъ общины. Болѣе просвѣщенные люди протестовали противъ этого утвержденія, но голосъ консервативныхъ элементовъ заглушалъ ихъ протесты.

Среди испытаній, пережитыхъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I, особое мѣсто занимаютъ обвиненія въ совращеніи христіанъ. Въ ту пору обнаружилось распространеніе секты субботниковъ („іудействующихъ", „жидовствующихъ"), и это сектантское движеніе было поставлено въ вину евреямъ, хотя въ дѣйствительности ячейки секты іудействующихъ, зародившіяся въ невѣдомомъ прошломъ, получили развитіе тамъ, гдѣ не было еврейскаго населенія, и причастность евреевъ къ сектѣ ограничивалась тѣмъ, что субботники, къ которымъ ученіе переходило порою отъ цѣлаго ряда предковъ-сектантовъ, вступали въ общеніе съ отдѣльными евреями. А затѣмъ противъ евреевъ выставили обвиненіе и въ томъ, что они совращаютъ христіанъ непосредственно въ іудейство, потому что „по ихъ ученію считаютъ обязанностью обращать всѣхъ въ свою вѣру".

Чтобы укоренить въ правительствѣ подобное убѣжденіе,—убѣжденіе, оставившее значительный слѣдъ въ русскомъ законодательствѣ о евреяхъ,—не нужно было какихъ-либо неопровержимыхъ данныхъ. Слово доносчика оказывалось сильнѣе, чѣмъ сама дѣйствительность.

Изучая матеріалы по вопросу объ отпаденіи христіанъ въ „Моисеевъ законъ", я ознакомился, между прочимъ, съ собраніемъ документовъ, которое, повидимому, послужило основаніемъ для утвержденія, будто евреи считаютъ своей обязанностью склонять всѣхъ къ принятію ихъ вѣры. Эта коллекція оффиціальныхъ бумагъ обнаруживаетъ, на сколь зыбкой почвѣ былъ воздвигнутъ навѣтъ *). Вмѣстѣ съ тѣмъ она представляетъ и иной, бытовой интересъ.

*) По обвиненію въ совращеніи христіанъ имѣются еще слѣдующія данныя: *1817 г.*—„примѣръ Видзскаго кагала, скрывшаго двухъ обращенныхъ въ еврейскую вѣру христіанскихъ дѣвочекъ, 12-лѣтнихъ, находившихся въ услуженіи у евреевъ" (дѣло изложено въ Сенатскомъ указѣ 9 декабря 1826 г., см. Второе полн. собр. зак. № 736; но оно требуетъ разслѣдованія по архивнымъ матеріаламъ); *1819 г.*—„по примѣру евреевъ Таврической губерніи, которые внушали живущимъ у нихъ христіанамъ презрѣніе къ обрядамъ нашей церкви и уваженіе къ субботѣ"; *1823 г.*—„примѣръ доктора Шпиры (изъ евреевъ), который отклонялъ служившаго у него шляхтича отъ посѣщенія церкви по воскреснымъ днямъ".

Мы вступаемъ въ глухой переулокъ еврейской жизни, гдѣ происходила расправа съ доносчиками. Документы о многомъ не договариваютъ. Вокругъ преступленія всегда царитъ жуткое молчаніе. И трудно быть, по совѣсти, судьею надъ участниками страшнаго дѣла. Но когда пытливо вчитываешься въ старые документы, на которыхъ преступленіе, несмотря на давность, еще не поблекло, когда, слѣдя за борьбою этихъ документовъ, изъ которыхъ одни доискивались правды, а другіе искусно, привычно, укрывали ее, пытаешься разглядѣть, что скрывалось за обманчивыми словами, такъ самоувѣренно бороздившими бумагу ровными, спокойными строками, образъ таинственной Дорисъ Іозефины все ярче вырисовывается, а вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпче ростетъ увѣренность, что она, эта молодая—красивая или ловкая—женщина, извѣдавшая жизнь и жизнью многому наученная, держала въ своихъ рукахъ клубокъ роковыхъ событій.

Въ октябрѣ 1819 г. въ Курляндіи, въ пограничномъ мѣстечкѣ Полангенѣ, былъ задержанъ безпаспортный еврей Абрагамъ Абрагамъ, съ женою Дорисъ Іозефиной. Абрагамъ заявилъ, что онъ, гамбургскій уроженецъ, полтора года назадъ прибылъ изъ Любека съ паспортомъ россійскаго консула, но таковой утерялъ; чтобы раздобыть новый паспортъ, онъ отправился въ Мемель, но тамъ ему не выдали; тогда Абрагамъ пробрался назадъ чрезъ границу и въ это время былъ арестованъ. Рижскій губернаторъ Паулуччи приказалъ отправить супружескую чету за границу на кораблѣ, уплативъ шкиперу изъ казенныхъ суммъ.

Здѣсь, разставшись на время съ Абрагамомъ и его женой, слѣдуетъ вернуться къ болѣе раннимъ событіямъ и къ другимъ персонажамъ.

Въ Могилевѣ проживалъ Янкель Вульфсонъ Корнблюмъ, родомъ изъ Митавы. Его жизнь была полна приключеній. Въ 1811 г. недалеко отъ Фрауенбурга, въ Курляндіи, были убиты два курьера и латышъ-возница. Услыхавъ въ синагогѣ (гдѣ объ этомъ будто бы „открыто говорилось“), что убійство совершено тремя евреями и однимъ польскимъ шляхтичемъ, Корнблюмъ донесъ кому слѣдуетъ, и убійцы были казнены. Чтобы избѣгнуть преслѣдованія со стороны мѣстныхъ евреевъ, Корнблюмъ прибѣгъ къ защитѣ администраціи и получилъ видъ, чтобы вписаться въ ревизію по Виленской губерніи.

Но въ это время — годъ „отечественной войны“ — въ Вильну вступили французы; Корнблюма захватили, и пришлось бросить въ воду всѣ бумаги. Послѣ этого онъ долго скитался; наконецъ, по-

селился въ Ліознѣ (Могилевской губ.), выдавъ себя за прусскаго еврея. Однако здѣсь узнали, что онъ доносчикъ, и зимою 1817 г. двое кагальныхъ вмѣстѣ съ другими двумя евреями — такъ разсказывалъ Корнблюмъ—набросились на него въ синагогѣ и хотѣли задушить, но третій кагальный спасъ его. Тогда Корнблюмъ заявилъ властямъ города Бабиновичи, что въ этомъ районѣ двѣ католички обратились въ еврейство: Людовика Китовичева, проживавшая въ Ліознѣ, и другая изъ мѣст. Колышки, о которой извѣстно лишь то, что она приняла имя Соры и очутилась въ мѣстечкѣ Микулинѣ. Однако и послѣ доноса, какъ жаловался позже Корнблюмъ, чины администраціи не только не приняли мѣръ къ задержанію женщинъ, но увѣдомили объ этомъ богатыхъ евреевъ, и тѣ услали ихъ куда-то. Неудача не остановила Корнблюма; разузнавъ, что Людовика проживаетъ въ Могилевѣ, а Сора въ Невелѣ, онъ поспѣшилъ (іюль 1818 г.) въ Могилевъ, чтобы донести обо всемъ губернатору и мѣстной римско-католической духовной консисторіи.

Людовикѣ было всего 23 года, а между тѣмъ на пройденномъ ею недолгомъ жизненномъ пути уже остались кой-какія непріятныя воспоминанія. Дочь не то мѣщанина, не то доктора медицины, она, не будучи въ бракѣ, родила гдѣ-то по дорогѣ изъ Мигавы въ Ковенскую губернію неживого ребенка. Потомъ, по ея словамъ, въ Сморгони нѣкая еврейка съ мужемъ обратили ее въ свою вѣру; одинъ раввинъ отказался наставить ее въ новой вѣрѣ, подъ предлогомъ, что уже многихъ обратилъ въ еврейство и боится начальства, но другой согласился. Послѣ этого она вышла замужъ за еврея Лейбовича; проживъ съ нимъ всего два съ половиною мѣсяца, она вскорѣ вышла замужъ за Гирша Евно, а по прошествіи нѣсколькихъ недѣль отправилась по разнымъ селеніямъ „для испрошенія подаянія“, причемъ кагалы снабжали ее записками, по которымъ ей давали подводы съ проводникомъ. Въ Могилевъ она прибыла подъ именемъ Дворы Абрамовой. По указанію Корнблюма, Людовику арестовали и препроводили въ женскій монастырь.

Помимо Людовики и Соры, въ еврейство, какъ заявилъ Корнблюмъ, сославшись въ данномъ случаѣ на микулинскаго портного Ужіеля, былъ обращенъ и какой-то священникъ „греко-россійскаго исповѣданія“, скрывавшійся въ Бабиновицкомъ уѣздѣ, въ мѣст. Росаенѣ.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Корнблюмъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: если правительство назначитъ ему вознагра-

жденіе, запишетъ его въ ревизію (еврейскія общества отказывались отъ Корнблюма), опредѣлитъ для его второй жены, дочери и прислужника содержаніе, предпишетъ всѣмъ полицейскимъ учрежденіямъ оказывать ему всякую помощь и дастъ лошадь съ повозкой, то онъ, Корнблюмъ, обязывается „вездѣ превращенныхъ изъ христіанъ евреевъ отыскивать и правительству доставлять. Ибо онъ точно знаетъ, что таковыхъ превратителей въ разныхъ губерніяхъ не малое число находится".

Объ арестѣ Людовики могилевская администрація увѣдомила министра полиціи, а тотъ въ свою очередь не замедлилъ сообщить объ этомъ князю А. Голицыну, министру духовныхъ дѣлъ, которому было поручено высшее завѣдываніе всѣми дѣлами о евреяхъ. Съ другой стороны, и римско-католическая духовная коллегія донесла Голицыну о признаніи Корнблюма, сдѣланномъ въ могилевской консисторіи. Кн. Голицынъ счелъ нужнымъ, не подвергая Людовику установленному наказанію, стараться утвердить ее въ христіанствѣ увѣщеваніемъ и духомъ кротости. Что касается „совратителей", то они заслуживаютъ строгаго наказанія. Нужно произвести разслѣдованіе, не оставивъ безъ вниманія и доноса Корнблюма на Бабиновицкую администрацію.

Въ соотвѣтствіи съ желаніемъ кн. Голицына, министръ полиціи далъ (4 сентября 1818 г.) распоряженіе могилевскому губернатору, при чемъ предписалъ: „Еврея же Корнблюма, сдѣлавшаго извѣтъ о новыхъ совратившихся изъ христіанства, а равно и семейство его, оградить безопасностью отъ гоненія и мщенія собратій его". Одновременно витебскому губернатору было поручено отыскать Сору. Однако поиски не увѣнчались успѣхомъ. Было лишь обнаружено, что въ Колышкахъ одна христіанка прижила съ евреемъ ребенка, который былъ окрещенъ.

Въ Петербургѣ ожидали, что число „совратившихся" окажется значительнымъ. По крайней мѣрѣ министръ полиціи предложилъ кн. Голицыну войти въ комитетъ министровъ съ особымъ представленіемъ о мѣрахъ снисхожденія къ отступникамъ, а также о мѣстѣ и времени ихъ покаянія. Впрочемъ, кн. Голицынъ уклонился отъ этого.

Тѣмъ временемъ Корнблюмъ сталъ развивать всестороннюю дѣятельность. Онъ донесъ на двухъ евреевъ, совершившихъ уголовное преступленіе. Евреи были арестованы; самъ же Корнблюмъ, въ сопровожденіи частнаго пристава, былъ отправленъ въ разныя мѣстности „для поимки преступниковъ изъ его націи, на коихъ онъ доносилъ, а также и христіанъ, кои приняли жидовство". Между

прочимъ, онъ заѣхалъ въ Бабиновичи; этимъ воспользовались евреи — такъ разсказывалъ Корнблюмъ — и добились заключенія его въ тюрьму, гдѣ даже пытались отравить его. Городничій освободилъ Корнблюма, но вскорѣ, воспользовавшись отъѣздомъ городничаго, Корнблюма вновь заточили по обвиненію въ кражѣ лошади, и когда могилевская консисторія потребовала отправки его въ губернскій городъ Могилевъ, Корнблюмъ совершилъ путешествіе въ кандалахъ. Здѣсь ему была дана свобода.

Однако, и по снятіи оковъ отверженный доносчикъ чувствовалъ себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Не найдя защиты со стороны мѣстныхъ должностныхъ лицъ, Корнблюмъ никакъ не могъ записаться въ ревизію и получить паспортъ. Съ другой стороны, онъ не могъ не усмотрѣть личнаго оскорбленія въ томъ, что розыскъ священника, обратившагося въ еврейство, былъ порученъ не ему, Корнблюму, а другимъ двумъ евреямъ, его конкуррентамъ, которымъ былъ выданъ на руки слѣдующій документъ (19 февраля 1819 г.): „Открытое предписаніе городскимъ и земскимъ полиціямъ. Предъявителямъ сего, сотскому Мордуху Келлерману и лантвойту Моськѣ Гилькину, отправленнымъ по Могилевской и сосѣдственной губерніямъ для отысканія и доставленія сюда (въ Могилевъ), по предписанію г. Управляющаго Министерствомъ Полиціи, превратившагося, оказывать къ исполненію описаннаго порученія всевозможное законное пособіе“.

Неудачи побудили Корнблюма искать болѣе сильнаго покровительства. Онъ отправился въ столицу и явился прямо къ кн. Голицыну (мартъ 1819 г.), безъ паспорта, подъ чужимъ именемъ, избѣгая, какъ онъ объяснилъ, преслѣдованія. Повѣдавъ о своей многострадальной жизни и подтвердивъ, что евреи обратили нѣкоторыхъ христіанъ въ іудейство, Корнблюмъ прибавилъ, что крещеные возвращаются къ своей прежней вѣрѣ, что евреи переливаютъ мѣдные пятаки и продаютъ ихъ на вѣсъ, что они торгуютъ водкой съ вредной примѣсью; кромѣ того, онъ заявилъ, что евреи преслѣдуютъ доносчиковъ и даже убиваютъ ихъ. Въ заключеніе Корнблюмъ просилъ снабдить его паспортомъ, иначе онъ не сумѣетъ доказать правдивость всего сказаннаго.

Кн. Голицынъ, приказавъ отобрать у Корнблюма письменное показаніе на нѣмецкомъ языкѣ (конечно, на жаргонѣ), направилъ его къ министру полиціи: важному сановнику, кн. Голицыну врядъ ли было пріятно общество безпаспортнаго доносчика.

Дѣла Корнблюма какъ будто поправились. Онъ былъ отосланъ въ Витебскъ къ бѣлорусскому генералъ-губернатору, которому было

поручено произвести разслѣдованіе по доносамъ Корнблюма, а его самого оградить „отъ могущихъ послѣдовать на него нападеній“. Тогда же въ Бѣлорусскій край былъ командированъ унтеръ-офицеръ.

Время шло, а изъ провинціи не поступало никакихъ извѣстій по дѣлу о Корнблюмѣ. Наконецъ, гр. Кочубей, завѣдывавшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ которымъ слилось въ ту пору и министерство полиціи, запросилъ (декабрь 1819 г.) могилевскаго губернатора, „какіе имѣли успѣхи“ разслѣдованія, произведенныя по доносу, что́ открыто и гдѣ находится самъ Корнблюмъ? Отвѣтъ былъ малоутѣшительный: Людовика, въ свое время помѣщенная въ монастырѣ, бѣжала оттуда; что касается Корнблюма, то мѣстной полиціи было вмѣнено въ обязанность „огражденіе доносителя отъ всякихъ притѣсненій“, но онъ неизвѣстно куда отлучился и, несмотря на поиски, его не нашли, а потому разслѣдованіе по его доносамъ пришлось пріостановить.

Съ этого момента Корнблюмъ не встрѣчается болѣе какъ дѣйствующее лицо. Неизвѣстно, смирился ли онъ и пошелъ на мировую, или онъ палъ отъ руки того, кто охранялъ народъ отъ тяжкихъ послѣдствій, которыя влекъ за собою для тысячъ неповинныхъ людей каждый доносъ, какъ бы мало онъ ни былъ обоснованъ, ибо преступленіе одного порочнаго члена ложилось всей своей тяжестью на цѣлыя общины.

Корнблюмъ безслѣдно исчезаетъ. Но его соперники, Мордухъ Келлерманъ и Моська Гилькинъ, получившіе порученіе отыскать священника, совратившагося въ еврейство, продолжали дѣйствовать. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они производили розыски и, наконецъ, прибыли въ Митаву какъ разъ тогда, когда Дорисъ Іозефина со своимъ мужемъ Абрагамомъ собирались ѣхать на родину. И тогда распоряженіе рижскаго губернатора Паулуччи объ отправкѣ супружеской четы на казенный счетъ заграницу пришлось отмѣнить, такъ какъ Келлерманъ и Гилькинъ заявили, что именно Абрагама они столь долго разыскивали!

Кто же былъ тотъ, кого считали бывшимъ священникомъ? Когда въ 1817 г. появился указъ, который, освободивъ еврейское населеніе отъ кары за прежнюю „утайку душъ“ *), потребовалъ, чтобы всѣ пропущенные по ревизіи объявились и были внесены въ нее, бабиновицкій магистратъ приписалъ къ мѣстному мѣщанству нѣкоего Абрама Абрамовича по прозванію Либина, 37-ми лѣтъ отъ роду,

---

*) Къ этому средству кагалы, подобно прочему русскому населенію, прибѣгали для облегченія податнаго бремени.

объявившаго себя непомнящимъ родства, и его жену, 27-лѣтнюю Нехаму Лейзерову. Это были люди, чуждые здѣшнему еврейскому обществу; по словамъ мѣстныхъ жителей, они „были въ бѣдственномъ состояніи и скитались по разнымъ мѣстамъ"; еврейское общество, какъ видно, не оказывало имъ поддержки. Въ августѣ 1818 г. Абрамъ получилъ паспортъ на свободный проѣздъ, послѣ чего не замедлилъ покинуть пріютившій его городъ. Между тѣмъ, еще въ іюлѣ Корнблюмъ донесъ, какъ мы видѣли выше, что въ мѣст. Росаенѣ, Бабиновицкаго повѣта, „секретно проживаетъ" священникъ, принявшій іудейство. Корнблюмъ не зналъ ни имени, ни прозванія его. Но Келлерманъ и Гилькинъ заявили, что Абрамъ Либинъ и есть бывшій священникъ, который скрывается подъ именемъ Абрагама.

Абрагамъ не призналъ себя тождественнымъ съ Абрамомъ Либинымъ. Онъ показалъ, что, будучи родомъ изъ Гамбурга, гдѣ обучался сапожному ремеслу, онъ, подъ именемъ Каспара Брунинга Грима, получилъ отъ россійскаго консула въ Любекѣ паспортъ, по которому и прибылъ полтора года назадъ въ Курляндію, гдѣ утерялъ паспортъ. Но на передопросѣ, уличаемый Келлерманомъ и Гилькинымъ, онъ объявилъ, что, родившись въ Гамбургѣ, гдѣ и былъ крещенъ въ лютеранской церкви съ нареченіемъ имени Каспара Брунинга, онъ года четыре назадъ перешелъ въ Амстердамѣ въ еврейскую вѣру *). — Тогда было отдано распоряженіе отправить супружескую чету въ Могилевъ.

Случилось это въ октябрѣ 1819 г. Мѣсяцы шли, а ожидаемые гости все еще не пріѣзжали въ Могилевъ. Здѣшній губернаторъ встревожился и далъ знать куда слѣдуетъ. Наконецъ, въ Могилевъ прибыла одна лишь Дорисъ-Іозефина. Оказалось, что вмѣсто того, чтобы быть отправленными въ Могилевъ, арестованные очутились въ Витебскѣ, и здѣсь Абрагамъ скончался въ острогѣ.

Кончивъ такъ неожиданно свою скорбную земную жизнь, Абрагамъ затруднилъ работу слѣдственной власти. Заявивъ, что онъ перешелъ въ Амстердамѣ въ іудейство, Абрагамъ оставилъ открытымъ вопросъ: идентиченъ-ли онъ съ тѣмъ непомнящимъ родства Абрамомъ Либинымъ, который еще недавно проживалъ со своей женою Нехамою въ Бабиновицкомъ уѣздѣ. Эта загадка была бы

---

*) Слѣдуетъ напомнить, что „гере-цедекъ"—обращеннымъ въ іудейскую вѣру—обыкновенно давали имя Авраамъ бенъ-Авраамъ, въ память перваго библейскаго патріарха, принявшаго „знакъ союза"—обрѣзаніе.—*Ред.*

легко разрѣшена, если бы Абрагамъ былъ благополучно доставленъ въ Бабиновицкій уѣздъ, гдѣ онъ могъ быть опознанъ.

Правда, были два человѣка—Келлерманъ и Гилькинъ, которые могли бы подтвердить тождественность Абрагама, мужа Дорисъ, съ Абрамомъ Либинымъ, жена котораго называлась Нехамой. Но поистинѣ злой рокъ, нѣкая мстительная рука тяготѣла надъ людьми, замѣшанными въ это темное дѣло, дѣтище злобы, корысти и предательства. И Келлерманъ и Гилькинъ, которые другъ друга раньше, какъ видно, не знали, но которыхъ соединила жажда награды за навѣтъ, обрѣли одинаковую печальную участь. Они очутились невѣдомыми путями въ виленской тюрьмѣ, и здѣсь въ одно и то же время встрѣтили смерть. Была-ли ихъ жизнь насильственно прервана, объ этомъ документы молчатъ. Но трудно допустить, чтобы исчезновеніе Корнблюма, а затѣмъ гибель Келлермана и Гилькина явились цѣпью случайностей. Нѣтъ, не слѣпая судьба, а твердая рука мстителя, творившая непреклонную волю руководителей заговора противъ доносчиковъ и навѣтчиковъ, вырвала изъ еврейской среды тѣхъ, которые предавали своихъ братьевъ не во имя хотя бы ложно понятаго общественнаго блага и не для того, чтобы былъ наказанъ нарушитель государственнаго закона, а дѣлали навѣтъ, обуреваемые злобой, прельщаемые наживою.

Изъ четырехъ лицъ,—Абрагама съ женою и Келлермана съ товарищемъ,—встрѣтившихся въ недобрый часъ въ Митавѣ, осталась въ живыхъ только Дорисъ. Она одна выскользнула изъ рокового кольца смерти, столь стремительно охватившаго участниковъ темнаго дѣла. И теперь она представляла собою послѣднюю связь между покойнымъ Абрагамомъ и человѣческимъ судомъ, который все еще продолжалъ ломать себѣ голову надъ его преступленіемъ. Дорисъ могла бы, вѣроятно, повѣдать много интереснаго не только о своемъ мужѣ, но и о себѣ самой. Она, къ тому же, вовсе не была молчалива. Но ложью проникнуты слова этой женщины, умѣвшей безъ вреда для себя выходить изъ тѣснинъ жизни; ласковымъ взоромъ, манящей улыбкою прикрывала она неправду, свободно лившуюся изъ ея устъ, и чарами своего обаянія она спасала себя отъ тѣхъ опасностей, которыя для другихъ были столь гибельны. Дорисъ, несомнѣнно, знала ту тайну, которую Абрагамъ унесъ съ собою въ могилу. Но у нея, вѣроятно, были и свои собственныя, которыя она умѣла хранить.

Бабиновицкій повѣтовый судъ, въ сопровожденіи представителей отъ духовенства—ксендза и благочиннаго, совершилъ съ Дорисъ длительное путешествіе по Бабиновицкому повѣту; члены суда

„разспрашивали и допрашивали разныхъ жителей города, мѣстечекъ и селеній“, знаетъ-ли кто-нибудь Дорисъ, не тождественна-ли она съ Нехамой, женою Либина? Но всѣ единогласно утверждали, что Дорисъ совершенно имъ невѣдома, что ее никогда не видѣли въ этихъ мѣстностяхъ.

Конечно, Дорисъ ни въ коемъ случаѣ не могла принадлежать къ бабиновицкому, или иному какому-либо еврейскому обществу „черты осѣдлости“. На почвѣ бабиновицкой еврейской жизни такой типъ не могъ вырости. Она явилась изъ далекаго края. Одна изъ опрошенныхъ христіанокъ обратила вниманіе на то, что и по виду Дорисъ „не здѣшнихъ мѣстъ природная“. И судъ, съ своей стороны, удостовѣрилъ, что „она, видно даже съ обхожденія и языковъ, что не здѣшняго уѣзда родиною“. Дорисъ, знавшая французскій языкъ и подписывавшаяся нѣмецкими буквами такимъ росчеркомъ, который свидѣтельствуетъ, что перо было привычно ея рукѣ, получила образованіе, о которомъ и не мечтали бабиновицкія дѣвицы и дамы тогдашняго еврейскаго общества. Ни по внѣшности, ни по нравственнымъ качествамъ, она не походила на богобоязненныхъ женщинъ, не знавшихъ соблазновъ „большого свѣта“.

Дорисъ не обладала хорошей памятью. При первомъ допросѣ она показала, что будучи родомъ изъ Шверина Мекленбургскаго, гдѣ живутъ ея родные, по фамиліи Матьбрейнъ, она вышла замужъ въ 1818 г., когда ей шелъ 21 годъ, за Абрагама, гамбургскаго еврея-сапожника, прибывшаго въ Шверинъ. Повѣнчавшись въ Гамбургѣ, она вскорѣ вмѣстѣ съ мужемъ, „безъ всякаго письменнаго вида“, отправилась сушею въ Митаву, а затѣмъ жила въ различныхъ сосѣднихъ мѣстностяхъ, гдѣ мужъ занимался сапожнымъ мастерствомъ, пока вдругъ ихъ не арестовали какъ безпаспортныхъ. А позже, на передопросѣ, она заявила, что вышла замужъ года три назадъ, по совѣту родителей, хвалившихъ Абрагама какъ добраго человѣка, причемъ повѣнчалась уже въ Любекѣ. Потомъ они отправились—на этотъ разъ моремъ—въ Ригу, а оттуда въ Митаву, „имѣя при себѣ вѣнчальныя метрики и аттестатъ“. Когда же они поѣхали за полученіемъ паспорта, то были арестованы. Повидимому, бракосочетаніе прошло для Дорисъ незамѣтно, какъ малозначительный фактъ,—она забыла, гдѣ именно вѣнчалась. Пожалуй, можно допустить, что она вовсе не вѣнчалась, а если и вступила въ бракъ, то ни въ Гамбургѣ и ни въ Любекѣ. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, что сочетавшись позже вторымъ бракомъ, она и о немъ скоро забыла.

Съ такой легкомысленной особой было, вѣроятно, не скучно разъѣзжать по Бабиновицкому повѣту. И хотя въ оффиціальномъ донесеніи суда подчеркивалось, что Дорисъ „находилась за карауломъ“, все же можно предположить, что члены суда были уже не такъ суровы къ арестованной. Однако, всему наступаетъ конецъ. Надо было разстаться съ заморской гостьей. Члены суда имѣли доброе сердце. Хотя въ ту пору люди, попавшіе подъ слѣдствіе, просиживали обыкновенно очень долго въ тюрьмѣ, члены суда, „дабы не изнурялась понапрасну еврейка Дорисъ Іозефинъ долговременнымъ содержаніемъ подъ стражей“, отправили ее (августъ 1820 г.) въ Могилевъ. А здѣсь мѣстный мѣщанинъ Мовша Тарканъ, „снисходя на бѣдственное положеніе“ Дорисъ, выразилъ готовность принять ее на свое попеченіе и „доставить для удобнѣйшаго возвращенія на прежнее жилище“. Въ виду этого, губернское правленіе постановило выдать Дорисъ Таркану, подъ его отвѣтственность, снабдивъ ее до Митавы на два мѣсяца свидѣтельствомъ съ описаніемъ ея примѣтъ, съ тѣмъ, чтобы она нигдѣ праздно не проживала, а слѣдовала прямымъ трактомъ.

Можно было думать, что дѣло по доносу Корнблюма подошло къ концу. Убѣдившись, что подъ именемъ Дорисъ отнюдь не скрывалась Нехама, жена Абрама Либина, и придя такимъ образомъ къ заключенію, что Либинъ и Абрагамъ были различные люди (если только не предположить, что Либинъ, покинувъ Нехаму, успѣлъ сойтись съ Дорисъ), бабиновицкій судъ нашелъ, что въ обоихъ случаяхъ дѣло надо прекратить, такъ какъ Абрагамъ умеръ, а Либинъ исчезъ безслѣдно. Съ другой же стороны, какъ сообщилъ могилевскій губернаторъ, „за всѣми тщательнѣйшими розысками нарочито посланныхъ чиновниковъ въ мѣста, показанныя евреемъ Корнблюмомъ, нигдѣ не оказалось совратившихся“, кромѣ заподозрѣннаго Абрагама.

Тѣмъ не менѣе, имени Корнблюма было суждено вновь выплыть— правда, только на короткое время,—и это потому, что Дорисъ рѣшительно не пожелала ѣхать на родину, въ Мекленбургское княжество.

Несмотря на пережитыя невзгоды, Дорисъ вовсе не смотрѣла на Россію, какъ на суровую страну, которую надо возможно скорѣе покинуть. Напротивъ, явившись (конечно, съ опозданіемъ) въ Курляндское губернское правленіе, Дорисъ попросила разрѣшенія отправиться въ Петербургъ, и такъ какъ митавскій кагалъ удостовѣрилъ, что тамъ проживаетъ ея братъ, то правленіе не рѣшилось отказать молодой вдовѣ въ ея просьбѣ, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы она

въ столицѣ выхлопотала себѣ право жить у брата. Конечно, для столицы нуженъ былъ надлежащій туалетъ, и Дорисъ вспомнила, что въ митавской тюрьмѣ ею былъ оставленъ сундукъ съ платьемъ, который ей было неудобно взять съ собою тогда, когда она была отправлена въ качествѣ арестантки въ Могилевъ. Ея заявленіе о сундукѣ подтвердилось, и, какъ засвидѣтельствовала мѣстная администрація, она получила въ этомъ отношеніи „полное удовлетвореніе“.

Прибывъ въ Петербургъ и поселившись въ Адмиралтейской части, Дорисъ легко оріентировалась въ новыхъ условіяхъ и нашла добрыхъ совѣтчиковъ и преданныхъ друзей. Она обратилась къ императрицѣ-матери (вдовѣ императора Павла I) съ ходатайствомъ о помощи. Она повѣдала, что ея отецъ былъ пѣвчимъ въ Шверинской синагогѣ (не этимъ ли она склонила на свою сторону митавскій кагалъ?) и что она вышла замужъ за сапожника Грима, который незадолго до женитьбы обратился въ еврейство. (Она, какъ видно, забыла, что раньше она упорно называла его „прирожденнымъ“ евреемъ). А затѣмъ Дорисъ сообщила нѣчто такое, что должно было тронуть сердце матери-императрицы: она не только потеряла мужа, несчастнаго страдальца, погибшаго въ тюрьмѣ, котораго она ни на одну минуту не покидала; она испытала не только горести жены, но и страданія матери, ибо одновременно съ мужемъ скончался и ихъ ребенокъ, и даже не одинъ, а двое,—тотъ, который уже немного подросъ, и тотъ, который былъ еще въ ея утробѣ.

Эти скорбныя признанія привели къ тому, что Дорисъ было объявлено, что ей слѣдуетъ обратиться къ петербургскому генералъ-губернатору (Милорадовичу). Конечно, она поспѣшила исполнить этотъ совѣтъ. Болѣе того, подавъ ему 31 іюля 1821 г. соотвѣтствующее прошеніе, на которомъ подписалась „Wittwe Frau Abraham“, Дорисъ въ тотъ же день направила такое же прошеніе и къ министру внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубею. Въ одномъ ходатайствѣ она просила довести о ней до свѣдѣнія государя, а въ другомъ—до свѣдѣнія государыни.

Гр. Кочубей счелъ полезнымъ навести о дѣлѣ „вдовы Абрагамъ“ справку у могилевскаго губернатора, который и сообщилъ ему о безрезультатности тѣхъ разслѣдованій, которыя были вызваны доносомъ Корнблюма и, вообще, обо всемъ, что было извѣстно о Дорисъ. И тогда гр. Кочубей, приказавъ выдать Дорисъ 25 рублей, объявилъ ей, что по ея ходатайству ничего болѣе не будетъ сдѣлано. Но Дорисъ продолжала обращаться къ нему съ просьбами,

ходатайствуя о назначеніи ей постояннаго содержанія, такъ какъ она не имѣетъ средствъ вернуться въ свое отечество. Однако, гр. Кочубей не поддался чарамъ молодой вдовы. Дорисъ, повидимому, попытала счастье и у кн. Голицына,—по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что послѣдній запросилъ въ это время гр. Кочубея, чѣмъ кончилось дѣло по доносу Корнблюма,—но и тутъ ее постигла неудача. Тогда она обратилась—въ февралѣ 1822 г.—съ прошеніемъ къ государю. Александръ I приказалъ узнать у губернаторовъ лифляндскаго и могилевскаго, по какимъ причинамъ Дорисъ была арестована. Они не сообщили ничего новаго. Тѣмъ не менѣе Александръ I повелѣлъ комитету министровъ заняться дѣломъ Дорисъ.

Чтобы удостоиться столь милостиваго вниманія, недостаточно было подать одно лишь прошеніе; тутъ необходимо было вліяніе сильныхъ міра сего, нужны были ласковая просьба, кокетливыя слезы неутѣшной беззащитной вдовы.

Въ засѣданіи 28 августа 1823 г. въ комитетѣ министровъ, согласно предложенію гр. Кочубея, который, какъ видно, не могъ отказать въ просьбѣ тому, кто замолвилъ предъ нимъ доброе слово въ пользу Дорисъ, было постановлено отправить ее, если она пожелаетъ, заграницу на казенный счетъ и выдать ей единовременно двѣсти рублей. Но государь проявилъ бо́льшую щедрость; на докладѣ комитета министровъ послѣдовала собственноручная резолюція государя: „выдать пятьсотъ рублей", о чемъ и было объявлено комитету министровъ въ засѣданіи 8 января 1824 г.

Гр. Кочубей не замедлилъ предложить военному генералъ-губернатору—сообщить о высочайшей милости Дорисъ и отобрать у нея подписку о времени, когда она „намѣрена" отправиться на родину, и какъ она желаетъ,—на казенный ли счетъ или на собственный дабы можно было сдѣлать распоряженіе о „выпровожденіи сей еврейки" и о выдачѣ ей денегъ. Однако, исполнить это порученіе вовсе не было легко, ибо Дорисъ, тоскуя по семейной жизни, столь грустно оборвавшейся, вступила во второй бракъ, благодаря чему приняла новое имя. Тѣмъ не менѣе приставу Адмиралтейской части удалось отыскать бывшую Дорисъ Іозефину, ставшую женою либавскаго мѣщанина Лазаря Якобсона. Онъ объявилъ ей о высочайшей милости и освѣдомился о времени отъѣзда. Дорисъ письменно заявила, что желаетъ ѣхать въ маѣ, „если здоровье позволитъ". Къ счастью, петербургскій климатъ не оказался вреднымъ для Дорисъ, и, получивъ пятьсотъ рублей, она покинула 17 іюня 1824 г. столицу, чтобы, согласно предписанію гр. Кочубея, направиться въ Курляндію и оттуда проѣхать заграницу.

Дорисъ измѣнила бы самой себѣ, если бы она выполнила то, что отъ нея требовалось. Вмѣсто Митавы, ея посѣщеніемъ была почтена Вильна. Нечего прибавить, что Дорисъ не воспользовалась „прямымъ трактомъ“ и не избѣгала остановокъ: путешествіе изъ Петербурга въ Вильну продолжалось пять мѣсяцевъ. Въ силу особенностей своей натуры, Дорисъ не выносила прямого пути. Да и надо сказать, что самъ фатумъ заставлялъ ее сворачивать на проселочныя дороги. Судьба, благосклонно дарившая ей извѣстныя утѣхи, все же нерѣдко преслѣдовала ее. И во второмъ бракѣ Дорисъ не нашла счастья. Либавскій мѣщанинъ Якобсонъ сыгралъ столь незамѣтную роль въ ея жизни, что Дорисъ не сочла возможнымъ пользоваться его именемъ. Тутъ ей помогла давняя привычка терять бумаги. Дорисъ заявила въ Вильнѣ, что въ пути у нея исчезли всѣ документы, и чины мѣстной администраціи были столь любезны, что выдали ей новый паспортъ. Разумѣется, Дорисъ не нашла нужнымъ распространяться о своей интимной жизни, о второмъ неудачномъ бракѣ. Для свѣта она осталась прежней Дорисъ Іозефиной, вдовой несчастнаго Абрагама.

Дорисъ предстояло покинуть Россію. Но уѣхала-ли она въ дѣйствительности? Быть можетъ, болѣе счастливый изслѣдователь обнаружитъ въ русскихъ канцеляріяхъ слѣды „вѣчной Дорисъ“ и съ веселымъ сердцемъ опишетъ ея странствованія и приключенія. Мнѣ же, если бы я продолжилъ настоящее повѣствованіе, пришлось бы разсказать много печальнаго. Змѣя навѣта все еще была живуча, и дѣлу по доносу Корнблюма предстояло вновь выплыть на свѣтъ Божій...

Юлій Гессенъ.

Мои сношенія съ М. Драгомановымъ и работа въ „Вольномъ Словѣ“.

V *).

Какъ я уже упомянулъ, горькая правда, которую я высказалъ въ моихъ статьяхъ въ „Вольномъ Словѣ“ (1882 г.), вызвала чрезвычайное негодованіе у большинства русскихъ читателей и вдохновителей этого журнала. Вслѣдъ за моей послѣдней статьей, напечатанной въ № 43 „Вольнаго Слова“, появилась въ слѣдующемъ нумерѣ большая статья, озаглавленная: „Новая сторона еврейскаго вопроса“. Она служила хотя и не прямо отвѣтомъ на мои статьи, но была написана, очевидно, человѣкомъ, очень близко стоявшимъ къ редакціи. Въ эту весьма характерную статью, съ содержаніемъ которой мы сейчасъ познакомимся, читателя вводитъ еще болѣе характерное и изумительное примѣчаніе редакціи, которое я приведу цѣликомъ: „Давъ мѣсто въ предыдущихъ №№ нашего изданія голосу еврея, близко знакомаго съ бытомъ своихъ единовѣрцевъ въ Россіи, мы тѣмъ съ *большимъ удовольствіемъ* (курсивъ мой) помѣщаемъ настоящее, *основанное на фактахъ, обозрѣніе* (курсивъ редакціи „В. С.“) еврейскаго вопроса на Балканскомъ полуостровѣ, что оно проливаетъ новый свѣтъ на повсюдную историческую связь еврейства съ завоевательными, хищническими и враждебными народной свободѣ стремленіями европейскихъ правительствъ и правящихъ классовъ. Къ сожалѣнію, именно на эту существенную причину раздраженія народныхъ массъ не обращено вниманіе г. М. **), отстаивающимъ въ Россійскомъ государствѣ интересы однихъ евреевъ, притомъ исключительно Талмудистовъ“.

Перейдемъ теперь къ этому „основанному на фактахъ“ обозрѣнію. Авторъ въ началѣ статьи устанавливаетъ, какъ

---

*) См. Евр. Стар. 1915 г., кн. III—IV.

**) Напоминаю, что этой буквой подписаны мои статьи въ „В. Словѣ“.

неоспоримный фактъ, что „начатая съ такимъ шумомъ, подъ вліяніемъ митинговъ негодованія и при помощи европейской благотворительности, эмиграція евреевъ изъ Россіи пришла къ неожиданному концу: почти всѣ евреи, отправленные изъ Бродъ въ Лондонъ, а оттуда въ Нью-Іоркъ, возвращаются въ Броды и просятъ только объ одномъ—доставить ихъ на прежнія мѣста ихъ жительства въ Россіи“ („В. Сл.“ № 44, стр. 2). Это категорическое утвержденіе, сдѣланное съ такимъ апломбомъ, показываетъ, какого характера тѣ „факты“, о которыхъ говоритъ редакція. Были несомнѣнно отдѣльные случаи возвращенія; но говорить о возвращеніи „почти всѣхъ евреевъ“ могъ только человѣкъ совершенно неосвѣдомленный.

Далѣе авторъ дѣлаетъ слѣдующую философскую экскурсію: „По моему мнѣнію, еврейскіе безпорядки, иначе говоря — битье жидовъ, происходятъ каждый разъ, коль скоро какая-нибудь мѣстность пресыщается евреями, т.е. когда ихъ численность, а слѣдовательно и своеобразныя отрасли промышленности, которыми они исключительно занимаются, достигаютъ размѣровъ, дѣлающихъ невыносимымъ существованіе остального населенія данной мѣстности и вызывающихъ съ его стороны болѣе или менѣе безобразную реакцію. Каждая изъ этихъ противуеврейскихъ реакцій влечетъ за собою попытку эмигрировать въ Западную Европу, неизмѣнно приходящую—какъ мнѣ случилось замѣтить—къ тому же концу, что и эмиграція нынѣшняго года: къ возвращенію въ прежнія мѣста жительства“.

Откуда авторъ почерпнулъ этотъ „фактъ“—неизвѣстно. Вѣдь до 1881 г. систематическихъ погромовъ не было,—слѣдовательно, нельзя было наблюдать „каждый разъ“ ни попытки эмиграціи „въ Западную Европу“ вслѣдствіе погромовъ, ни возвращенія такихъ эмигрантовъ въ Россію.

Но если попытки эмиграціи въ Западную Европу окончились возвращеніемъ, то—увѣряетъ авторъ—„эмиграція на европейскій Востокъ, т. е. въ дунайскія и балканскія страны, совершается безшумно, но очень успѣшно“. И тутъ-то весь ужасъ и заключается. Совершается эта эмиграція подъ покровительствомъ Австріи и Германіи, которыя „находили въ евреяхъ поддержку противъ оппозиціоннаго славянскаго элемента и всячески покровительствовали этимъ лояльнымъ и патріотическимъ гражданамъ въ австро-венгерскомъ смыслѣ“. Посредствомъ торговыхъ палатъ евреи въ этихъ новыхъ странахъ поселенія добиваются того, что въ рейхсратъ посылаются почти исключительно еврейскіе

депутаты. „Вліяніе этого, долго оставшагося незамѣченнымъ, еврейскаго представительства на законодательство, говоритъ далѣе авторъ, оказалось современемъ весьма ощутительнымъ: переселеніе евреевъ и еврейская индустрія положительно поощрялись". При такой благодати неудивительно, что „русскіе и австрійскіе евреи... двигаются съ неудержимостью стремленія рѣки, со всѣхъ сторонъ запертой плотинами и только въ одномъ направленіи открывающей себѣ свободный истокъ—на балканскій полуостровъ. Эта мѣстность—естественное ложе для теченія еврейской эмиграціи". Евреи захватили все и стали хозяевами страны, при покровительствѣ не только австрійскихъ, но даже и русскихъ властей, такъ какъ служили то интересамъ нѣмецкой культуры, то русско-славянскому долгу.

Въ Румыніи,—говорится далѣе въ статьѣ,—вслѣдствіе „мягкости и выносливости" народа, нельзя было-бы ожидать сильной реакціи противъ пришельцевъ, „которые являлись болѣе и болѣе врагами цѣлаго народа". Но тутъ евреи столкнулись съ интересами прежнихъ эксплуататоровъ страны, шпаньоловъ и особенно грековъ. „Греческая же чернь Галаца дала сигналъ къ энергичной народной реакціи противъ румынскихъ евреевъ, въ сравненіи съ которой балтскій и другіе погромы — дѣтская шутка: *евреевъ топили безъ счета въ Дунаѣ, выбрасывали изъ верхнихъ этажей домовъ*, и т. д. (курсивъ автора). Недурно было-бы вспомнить объ этомъ тѣмъ, которые поторопились провозгласить южно-русскій народъ каннибаломъ" *).

За то,—продолжаетъ авторъ,—въ другихъ балканскихъ странахъ, особенно въ Болгаріи, евреи, которые, будто бы прибывали туда тысячами въ день, почувствовали себя до того сильными, что уже сами стали устраивать погромы противъ несчастнаго мѣстнаго населенія: „пришельцы стали бить хозяевъ страны". Вотъ какъ описываетъ нашъ почтенный авторъ одинъ такой погромъ въ Софіи: „На одномъ публичномъ гуляньи толпа евреевъ, человѣкъ въ 500, не хотѣла ни подчиниться общимъ правиламъ, ни платить за потребленные ею продукты, избивъ прислугу и хозяина ресторана, равно и тѣхъ изъ гулявшихъ болгаръ, которые заступились за своихъ согражданъ; евреи не отступили и передъ поспѣшившей на мѣсто побоища полиціею, крича: „Насъ не смѣете трогать, мы вашихъ законовъ не слушаемъ,

*) Кивокъ въ мою сторону; но само собою разумѣется, что ни о какомъ „каннибальствѣ" я не говорилъ.

мы—подданные русскіе". Другіе же кричали: „а мы австрійскіе подданные! а мы румынскіе подданные!" *). Арестованные полицейскими были тотчасъ-же освобождены, и полиціи приходилось плохо, пока не явился храбрый приставъ г. Тома, который схватилъ двухъ евреевъ за воротъ и собственноручно потащилъ ихъ въ участокъ. Вся толпа съ крикомъ и гвалтомъ двинулась вслѣдъ, не смѣя, однако, тронуть смѣльчака; человѣкъ же сорокъ евреевъ бросились къ княжескому дворцу, вызвали одного изъ адъютантовъ князя, съ которымъ явились въ участокъ выручать соплеменниковъ. Адъютантъ дѣйствительно взялъ сторону евреевъ и приказалъ приставу ихъ выпустить, а самому явиться дать отвѣтъ за свои поступки передъ княземъ; но исполненный цивизма приставъ, оказавшійся единственнымъ мужественнымъ человѣкомъ въ столицѣ Болгаріи (судя по имени, не болгаринъ и не русскій), рѣшительно отказался исполнить незаконное требованіе адъютанта, о чемъ и составилъ протоколъ". Авторъ дальше говоритъ, что „по слухамъ подобное происходитъ и въ другихъ городахъ". Неудивительно, конечно, что послѣ подобныхъ страшныхъ дѣйствій евреевъ „страхъ іудейскій" охватилъ весь болгарскій народъ.

И вотъ такую галиматью, напоминающую писанія провинціальныхъ корреспондентовъ „Новаго Времени", серьезный и ученый профессоръ Драгомановъ не только печаталъ, но рекомендовалъ своимъ читателямъ, какъ „основанное на фактахъ" обозрѣніе еврейскаго вопроса на Балканскомъ полуостровѣ!

Мнѣ трудно выразить то негодованіе, которое возбудила во мнѣ эта статья. Теперь мы привыкли ко всему и уже ничему не удивляемся. Тогда было другое дѣло. Свободный органъ, выступающій борцомъ противъ гнета и всякихъ насилій со стороны сильныхъ, которыхъ онъ безпрерывно бичуетъ и шельмуетъ, обрушивается съ такими злобными, голословными обвиненіями на самый слабый угнетенный народъ, въ то время, когда кругомъ бушуютъ разнузданныя страсти, угрожающія затопить еврейство въ потокахъ крови! Это мнѣ казалось преступленіемъ.

Я сейчасъ побѣжалъ къ Драгоманову. Я его встрѣтилъ у самаго выхода изъ его тогда тихой загородной улицы—chemin Dancet, гдѣ онъ жилъ во все время своего пребыванія въ Женевѣ.

---

*) Тутъ редакція „Вольнаго Слова", совсѣмъ выведенная изъ терпѣнія безшабашностью евреевъ, восклицаетъ въ выноскѣ: „Что можетъ быть оскорбительнѣе для національнаго достоинства болгаръ и наглѣе подобныхъ заявленій!"

Весьма рѣзко я спросилъ его, какъ онъ могъ напечатать такую статью, полную явной и нелѣпой лжи; намѣренъ-ли онъ вызвать новые погромы? И такъ какъ я былъ очень юнъ и крайне взволнованъ, то не очень былъ разборчивъ въ выраженіяхъ и высказалъ ему все, что накипѣло на душѣ. Онъ все время стоялъ, глядя на меня, добродушно улыбаясь и съ такимъ видомъ, какъ будто неудомѣваетъ, почему я такъ волнуюсь. А когда я кончилъ, онъ съ тѣмъ же добродушіемъ потрепалъ меня по плечу и сказалъ тихо: „Чего вы такъ горячитесь? Экая важность, что кто-то написалъ. Ну и пусть себѣ на здоровье пишетъ".

Я совершенно растерялся отъ такого отношенія къ дѣлу вообще и особенно къ статьѣ, такъ горячо рекомендованной редакціей, т. е. самимъ же Драгомановымъ. Несмотря на всѣ усилія, мнѣ такъ и не удалось вызвать его на серьезное объясненіе. Онъ все отшучивался и успокаивалъ меня своимъ несерьезнымъ отношеніемъ ко всей этой исторіи. Я тогда объяснялъ себѣ это тѣмъ, что захваченный врасплохъ, онъ смутился и не зналъ, что отвѣчать.

Это весьма часто наблюдается у юдофобовъ и вообще у людей, не вполнѣ увѣренныхъ въ себѣ и въ правильности своего пути. Увлеченные своими унаслѣдованными предразсудками, они въ своихъ писаніяхъ договариваются до нелѣпостей или до явной клеветы. Когда же сталкиваются лицомъ къ лицу съ объектомъ своей вражды, который требуетъ отъ нихъ отвѣта за содѣянное, они теряются, не зная, что отвѣтить, и весьма рѣдко имѣютъ мужество отстаивать свои злобныя выходки.

Разставаясь со мною и чувствуя неловкость, Драгомановъ мнѣ сказалъ: „Мы еще потолкуемъ объ этомъ въ другой разъ".

VI.

Въ слѣдующемъ, 45-мъ нумерѣ „Вольнаго Слова" самъ Драгомановъ выступилъ со статьею „Еврейскій вопросъ на Украйнѣ". Это, впрочемъ, была уже вторая его статья на этотъ сюжетъ. Къ сожалѣнію, первой статьи, появившейся въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ этого журнала, мнѣ не удалось найти. Но достаточно и этой второй, совершенно самостоятельной, чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній насчетъ отношеній Драгоманова къ еврейскому вопросу.

Драгомановъ прежде всего устанавливаетъ, что *„евреи на Украйнѣ составляютъ особую націю* (курсивъ автора), объединенную между собою физическими и психическими расовыми

признаками и отдѣльнымъ языкомъ". Противъ этого никто спорить не станетъ. Но приведенная подчеркнутая фраза ясно показываетъ, какъ этотъ горячій украинскій патріотъ (доходившій до того, что, когда въ одной статьѣ его называли русскимъ публицистомъ, онъ въ примѣчаніи заявилъ, что онъ—*украинецъ* и что не слѣдуетъ его пріобщать къ *русскимъ* публицистамъ) мало мирился съ тѣмъ, что евреи сохраняютъ свою національность. Эта національная особенность евреевъ, говорится далѣе, усиливается еще ихъ религіею. „Важнѣйшая особенность положенія еврейской націи на Украйнѣ—это ея сословность". Послѣ этого авторъ безъ колебанія заявляетъ: „Можно считать доказаннымъ, что еврейская нація на Украйнѣ представляетъ въ большинствѣ своемъ не только сословіе, но даже въ значительной степени *паразитное сословіе*" (курсивъ автора). Въ доказательство онъ приводитъ статистическія данныя о евреяхъ, населяющихъ Юго-западный край, собранныя Чужбинскимъ (въ трудахъ этнографической экспедиціи, отправленной въ этотъ край).

Какъ комментируетъ Драгомановъ статистическія цифры, чтобы доказать свой тезисъ о паразитствѣ большинства евреевъ, достаточно видно изъ слѣдующаго: 12.000 семей (72.000 душъ) владѣльцевъ и арендаторовъ имѣній, фабрикъ, заводовъ, подрядчиковъ, крупныхъ торговыхъ дѣятелей; 20.000 семей (120.000 душъ) шинкарей онъ причисляетъ къ „явно непроизводительному классу"; 8.000 семей (48.000 душъ) служащихъ и 40.000 душъ домашней прислуги — къ „паразитному населенію"! Зато онъ сумѣлъ въ одномъ отношеніи подняться выше нашихъ тогдашнихъ „маскилимъ", и понявъ важное значеніе для воспитанія народа раввиновъ и меламедовъ, которыхъ тѣ заклеймили именемъ „тунеядцевъ", причисляетъ ихъ къ производительному классу.

Дальше, для доказательства того-же тезиса о паразитизмѣ „еврейской націи", Драгомановъ еще пользуется свѣдѣніями изъ корреспонденціи о евреяхъ въ „Indépendance Belge". По этому поводу приходится сказать нѣсколько словъ. Въ тогдашней Европѣ, у которой сохранились традиціи борцовъ 1848 года, преимущественно же во Франціи, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ ея, если не величайшій поэтъ, то несомнѣнно величайшій гуманистъ Викторъ Гюго, жестокіе россійскіе погромы 1881—82 гг. вызывали сильное осужденіе, а подчасъ и негодованіе. И такъ какъ тогда еще хоть немного стѣснялись предъ Западомъ, то русскому правительству приходилось какъ-нибудь объяснять эти неодобряемыя явленія. Прибѣгали къ обычному въ подобныхъ слу-

чаяхъ объясненію о вредоносности евреевъ и опасности, которая грозитъ отъ нихъ „коренному“ населенію, т. е. правительство дѣлало то же, что и Драгомановъ съ его конституціоналистами. Эту „идею“ о крайней вредоносности евреевъ и „факты“, ее подтверждающіе, русское министерство иностранныхъ дѣлъ проводило черезъ нѣкоторыя бельгійскія газеты (какъ оно ихъ проводитъ въ послѣдніе годы черезъ англійскій „Times“)— главнымъ же образомъ черезъ свой органъ „Nord“, отчасти черезъ „Indépendance Belge“, гдѣ появлялись „корреспонденціи“ изъ Петербурга съ опредѣленной окраской.

Я никакого понятія не имѣлъ о всѣхъ этихъ пріемахъ, и мнѣ даже въ голову тогда не приходило, что можно подкупить журналъ, какъ подкупаютъ станового пристава или квартальнаго надзирателя, что „глаголъ временъ“ есть ничто иное, какъ „металла звонъ“. И вотъ, натолкнувшись на юдофобскія статьи въ бельгійской печати, я былъ крайне пораженъ. Читалъ я эти газеты въ „Société de lecture“, гдѣ я постоянно работалъ. Однажды, когда я читалъ такую статью въ одной изъ названныхъ газетъ, пришелъ Драгомановъ. Я ему выразилъ свое удивленіе по поводу появленія этихъ статей. Онъ мнѣ тогда и объяснилъ, въ чемъ дѣло, т. е., что это обыкновенно статьи, оцѣниваемыя правительствомъ „на вѣсъ золота“.

И все же онъ не побрезгалъ воспользоваться „свѣдѣніями“ одной изъ такихъ „корреспонденцій“, когда это ему понадобилось, какъ орудіемъ противъ евреевъ. Я не утверждаю, что тѣ статистическія свѣдѣнія не точны, такъ какъ мало знакомъ со статистикою; но не думаю, чтобы въ другихъ случаяхъ строгій и добросовѣстный Драгомановъ рѣшился пользоваться свѣдѣніями изъ такого, во всякомъ случаѣ, сомнительнаго источника.

Сопоставивъ эти статистическія цифры объ евреяхъ съ вышеприведенными, Драгомановъ продолжаетъ: „Изъ обоихъ рядовъ цифръ, надѣемся, ясно видно, въ какіе классы населенія стремятся помѣститься индивидуумы, составляющіе еврейскую націю на Украйнѣ. Есть мѣстности, особенно въ селахъ, гдѣ еврей и капиталистъ, эксплуататоръ и его помощникъ сдѣлались синонимами для украинскаго населенія (какъ и для румынскаго, бѣлорусскаго, польскаго). Въ такихъ мѣстностяхъ понятія эксплуататоръ и *жидъ* сдѣлались на народномъ языкѣ синонимами“.

Приведя затѣмъ въ подтвержденіе народную пѣснь на украинскомъ языкѣ, которая собственно ничего не доказываетъ, авторъ гнѣвно продолжаетъ:

„Вотъ почему крайне странно встрѣчаться съ такими проявленіями субъективизма у еврейскихъ націоналистовъ или даже народниковъ. Такой примѣръ показываетъ недавно полученное нами письмо отъ одного почтеннаго еврея-народника, который упрекаетъ насъ за недостаточно энергичное осужденіе еврейскихъ разгромовъ и видитъ въ этомъ недостаткѣ энергіи признакъ національныхъ симпатій къ украинцамъ и антипатій къ жидамъ. „Что-бы вы сказали, говоритъ онъ, если-бы то, что дѣлается съ жидами *), было продѣлано съ вашими украинцами?".

„Какъ будто нація украинская, почти исключительно состоящая изъ крестьянъ, рабочихъ и мелкаго мѣщанства, сравнима съ націей еврейской, при томъ распредѣленіи послѣдней по классамъ, какое мы видимъ выше?! Въ томъ-то и дѣло, что такого распредѣленія не представляетъ и самому объективному наблюдателю никакая другая нація, кромѣ еврейской! Съ другой стороны совершенно наивны и къ тому безплодны будутъ всякія абстрактно-интернаціональныя фразы и увѣщанія по поводу столкновенія рабочихъ, напр. украинской націи, съ евреями и разсужденія въ родѣ тѣхъ, какія можно было читать въ великорусскихъ радикальныхъ изданіяхъ на тему *жидъ* и *кулакъ*, доказывавшія, что кулакъ въ Великороссіи нисколько не лучше жида на Украйнѣ. Очень можетъ быть, что послѣднее и правда (хотя изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ другихъ націяхъ капиталистъ былъ также точно безпощаденъ, какъ *жидъ* и *кулакъ*, какихъ мы знаемъ, а въ жизни важенъ и качественный и количественный анализъ), но собственно тому, кого сосетъ жидъ, не только отъ этого не легче, но и мало до этого дѣла. Подобная проповѣдь, если можетъ для чего-либо годиться, то развѣ только для охлажденія жидофобовъ-руссофиловъ изъ „Руси" и „Нов. Времени" и т. п., но не имѣетъ никакой цѣны въ тѣхъ мѣстахъ, *гдѣ кулакъ и жидъ-синонимы* и гдѣ громаднѣйшій процентъ жидовъ прямо и косвенно живетъ кулачествомъ... Общечеловѣческое кулачество у кулаковъ-евреевъ на Украйнѣ осложняется ихъ еврействомъ,— т. е. ихъ національностью, тою связью между кулаками-евреями, какая естественно вытекаетъ изъ связей, присущихъ національности, какъ біологическому явленію, и какая будучи усилена еще національной религіей даетъ евреямъ такую страшную по силѣ организацію для достиженія ихъ цѣлей. Вдобавокъ острота кулацкихъ отношеній евреевъ къ нееврейскимъ массамъ усиливается тѣмъ раздраженіемъ, которое должны были оставить въ душѣ еврея какъ средневѣковыя гоненія, такъ и исключительность законодательства и, наконецъ, на Украйнѣ память о массовой

*) Сильно сомнѣваюсь, чтобы авторъ письма—еврей употребилъ это слово. Если не ошибаюсь, рѣчь идетъ объ одномъ бывшемъ „народникѣ" (русской партіи; еврейскаго народничества тогда не существовало), который впослѣдствіи сдѣлался однимъ изъ основателей Цюрихскаго кружка „Nir" („Новь", съ девизомъ изъ пророка Іереміи, гл. IV, 3).

реакціи *) противъ евреевъ въ періодъ казацкій и гайдамацкій...

„Печальная судьба еврейскаго племени, по природѣ очень богато одареннаго, но постоянно униженнаго, развила въ немъ болѣзненное самолюбіе, высокомѣріе и страсть къ почестямъ, которыя при первой возможности проявляются наружу и часто самымъ безтактнымъ и даже наглымъ образомъ? Разбогатѣвшій еврей требуетъ, чтобы его называли „ваше высокоблагородіе“, цѣловали руки и т. д. Но независимо отъ явныхъ претензій на панство и грубыхъ проявленій этихъ претензій, которыя могутъ себѣ позволять, особенно въ Россіи, только богатые евреи, всѣ евреи на Украйнѣ считаютъ себя сословіемъ высшимъ надъ украинцами... Между прочимъ и это обстоятельство слѣдуетъ упомянуть при обсужденіи того, что крестьяне и христіанскій пролетаріатъ въ городахъ на Украинѣ во время послѣднихъ погромовъ не щадили и бѣдныхъ евреевъ, даже ремесленниковъ“ („В. Сл.“, № 45, стр. 3—5).

Я остановился такъ долго на этой статьѣ и привелъ изъ нея столь длинныя цитаты потому, что она вполнѣ опредѣляетъ отношеніе Драгоманова къ евреямъ и показываетъ его рѣзкую непріязнь къ нимъ, спускающуюся почти до вульгарныхъ проявленій. Я помню, что мнѣ стоило невѣроятныхъ усилій, чтобы дочитать эту злобную статью до конца. Нѣсколько разъ я съ негодованіемъ бросалъ журналъ въ сторону. Все на меня производило впечатлѣніе какого-то издѣвательства надъ правдой и элементарной справедливостью. Паразиты—вся эта забитая, несчастная еврейская масса, почти сплошь задыхающаяся въ такой нищетѣ, какой не знаетъ ни одинъ народъ въ мірѣ, масса, среди которой не встрѣтишь почти лица, не изсушеннаго работою, глазъ, которые не выражали-бы безконечныя муки и страданія! Все это я не вычиталъ, а выстрадалъ на протяженіи всего дѣтства и юности. Еще года за четыре до того, я, будучи въ послѣднемъ классѣ гимназіи, объѣхалъ во время каникулъ часть Подольской губерніи (Балту, Ольгополь, Чечельники и т. д.) и былъ потрясенъ тою ужасающею нуждою среди огромной части еврейской массы, которую я наблюдалъ повсюду.

Съ другой стороны, я весьма близко зналъ и малороссовъ, среди которыхъ протекло мое дѣтство. Я и позже мѣсяцами жилъ въ малороссійской деревнѣ, наблюдалъ крестьянина въ его хатѣ,—шинкѣ, въ полѣ во время сѣнокоса и „косовицы“ (жатвы), на базарѣ. Видѣлъ я также близко, и даже много испыталъ на себѣ лично, отношенія малорусскихъ мужиковъ къ евреямъ. Зналъ я

*) Уманскую, Немировскую и всякую другую рѣзню, сопровождавшуюся неслыханными звѣрствами, Драгомановъ называетъ мягко „реакціей“.

съ одной стороны, что бѣднѣйшій изъ крестьянъ, если у него и наличныхъ денегъ нѣтъ, то у него всегда есть хата своя, свой хлѣбъ, свое топливо, свои овощи (капуста, огурцы, картофель, лукъ, фасоли, горохъ и т. д.), а весьма часто и свой холстъ, своя шерсть и своя овчина, чего бѣдный еврей не имѣетъ, а если-бы имѣлъ, то считалъ-бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Я зналъ, что то, что въ среднемъ пропиваетъ крестьянинъ, хватило-бы иному еврею на безбѣдное существованіе съ семьею. Что еврей считаетъ себя выше окружающей нееврейской среды, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но развѣ можетъ быть иначе, если это фактъ, если не только по своей унаслѣдованнной культурности, но и по чистотѣ своей жизни, по своему духовному содержанію, онъ на нѣсколько головъ выше окружающей среды? Сравните еврейскую субботу, превращающую еврейскій кварталъ въ уголокъ, полный тихой поэзіи и высшей духовной красоты, съ воскресеньемъ, превращающимъ часто село или цѣлую часть города въ дикое гульбище, гдѣ на каждомъ шагу попадаются пьяныя, избитыя рожи, подбитые глаза. Какъ долженъ послѣдній еврейскій шинкарь, живущій чистой трезвой жизнью со своей семьей, всегда грамотный, всегда хоть въ субботу углубляющійся въ книгу, смотрѣть на своихъ пьяныхъ кліентовъ и кліентокъ съ ихъ непристойными рѣчами и драками?

Тѣмъ не менѣе послѣдній отпѣтый мужикъ, послѣдній пьяница и воришка считаетъ себя куда выше еврея, который въ глазахъ всѣхъ является самымъ презрѣннымъ существомъ, которое не заслуживаетъ ни пощады, ни жалости, которому дѣлать зло есть добродѣтель, обязанность всякаго добраго христіанина.

Все это я высказалъ въ не совсѣмъ спокойномъ тонѣ Драгоманову.

Покажется невѣроятнымъ, но это фактъ, что Драгомановъ началъ опять съ того, что выразилъ свое изумленіе. Онъ юдофобомъ никогда не былъ. Онъ констатировалъ общепризнанные факты, которыхъ никто не можетъ отрицать. Онъ вовсе не желаетъ зла евреямъ; онъ только желаетъ, чтобы еврейскій вопросъ всегда разсматривался объективно. А на это евреи никогда не способны. Они всегда пристрастны къ своимъ и никогда не хотятъ признать правды. Онъ вовсе не отрицаетъ, что есть и еврейская бѣднота; онъ самъ видѣлъ массу бѣдняковъ и много нужды у евреевъ; но и вся эта бѣднота тоже сосетъ мужика, только высасываемое ими переходитъ въ единичныя руки еврейскихъ богачей. Все же, въ общемъ, еврей въ сравненіи съ

украинскимъ крестьяниномъ и рабочимъ живетъ бариномъ. Еврей ѣстъ бѣлую булку, и даже самый большой бѣднякъ непремѣнно имѣетъ въ субботу калачи изъ крупчатой муки. Еврей ѣстъ мясо, а въ субботу имѣетъ часто и курицу и рыбу. Еврейки (онъ часто забывался и говорилъ „жидовочки“; точно также, говоря о еврейскихъ дѣтяхъ, часто употреблялъ слова „жиденята“, „жиденятки“) въ большинствѣ случаевъ по субботамъ и праздникамъ одѣваются въ шелкъ и бархатъ, имѣютъ на шеѣ жемчугъ, въ ушахъ дорогія серьги, носятъ золотыя кольца съ драгоцѣнными камнями и т. д. Евреи льнутъ къ „панству“, къ дворянамъ, и стараются жить по пански. Они себя считаютъ высшимъ *сословіемъ*, а не только высшею націею (это онъ и въ статьѣ говоритъ). Вообще онъ не понимаетъ, почему евреи считаютъ себя выше другихъ. Онъ не видитъ ни въ чемъ ихъ превосходства. Умственно они, конечно, одарены; но такъ какъ этотъ умъ чаще всего направленъ на всякіе коммерческіе извороты, то онъ является больше вреднымъ элементомъ, особенно среди такого простодушнаго населенія, какъ украинцы. Онъ, поэтому, считаетъ себя не только вправѣ, но вмѣняетъ себѣ въ обязанность бороться противъ евреевъ, какъ вредныхъ для украинцевъ. Онъ полагаетъ, что высказанное имъ въ статьѣ даже очень полезно для евреевъ, ибо они должны понять свое положеніе и стараться жить такъ, чтобы не вызывать противъ себя раздраженія окружающихъ.

Тонъ его къ концу особенно сдѣлался очень злымъ, что съ нимъ въ бесѣдѣ случилось, по крайней мѣрѣ со мною, единственный разъ.

Я, разумѣется, не остался въ долгу. Я ему особенно много разсказывалъ о моихъ наблюденіяхъ по части взаимныхъ отношеній евреевъ и крестьянъ за послѣдніе два года моего пребыванія въ гимназіи, когда я очутился въ заброшенномъ уѣздномъ городишкѣ; я привелъ факты дикой, безсмысленной жестокости со стороны христіанскаго населенія къ евреямъ, случаи возмутительнаго издѣвательства надъ ними; я указалъ, что эти именно наблюденія, глубоко меня потрясшія, раскрыли мнѣ глаза и утвердили окончательно въ убѣжденіи, что все сознательное еврейство должно посвятить себя всецѣло служенію только своему народу. Онъ все слушалъ съ большимъ вниманіемъ, какъ это всегда дѣлалъ. Но die Bosheit sucht keine Gründen,—и, помолчавъ пару минутъ, онъ спросилъ: „какіе же выводы отсюда?“ — „Что ваши выводы невѣрны, что въ сужденіи о евреяхъ вы больше руководитесь враждою къ нимъ, чѣмъ дѣйствительными фактами“. Онъ, конечно, опять запротестовалъ.

Несомнѣнно было то, что ему непріятно было, что о немъ такъ думаютъ, и онъ старался, ни въ чемъ не уступая, загладить или смягчить дурное впечатлѣніе.

„Ну,—прибавилъ онъ уже въ концѣ, полушутливымъ тономъ,—что дѣлать? Мы генералы въ двухъ различныхъ лагеряхъ; каждый изъ насъ добросовѣстно борется за своихъ,—ну и хорошо".

Затѣмъ онъ мнѣ предложилъ, но какъ будто неохотно, мои возраженія изложить въ статьѣ.

Я не вполнѣ обѣщалъ, однако думалъ это сдѣлать. Но подошло одно обстоятельство, которое все измѣнило.

VII.

Это обстоятельство собственно уже существовало, когда я спорилъ съ Драгомановымъ, но я о немъ тогда еще не зналъ: иначе все приняло бы навѣрное совсѣмъ другой оборотъ.

Какъ я уже говорилъ, статья Драгоманова „Еврейскій вопросъ на Украйнѣ" до того меня взволновала, что я отбросилъ содержавшій ее нумеръ „Вольнаго Слова", не прочитавъ прочихъ статей. Только черезъ нѣсколько дней, натолкнувшись снова на этотъ нумеръ (45-й), я замѣтилъ, что тамъ есть еще одинъ перлъ, по цѣнности своей превосходящій Драгомановскій. Этотъ перлъ, представляющій собой кульминаціонный пунктъ юдофобіи, заключался въ статьѣ или корреспонденціи подъ заглавіемъ: „Первый международный антисемитическій конгрессъ" (отъ спеціальнаго корреспондента „Вольнаго Слова").

Въ этой первой своей корреспонценціи авторъ (Ш-тъ), сначала въ общихъ чертахъ и съ явной къ нему симпатіей, знакомитъ съ антисемитическимъ движеніемъ въ Германіи и Венгріи и его героями: Генрици, Штеккеромъ, Пинкертомъ, Иштоци, Шимони и др., которые въ его глазахъ являются великими борцами за освобожденіе своихъ странъ отъ евреевъ. Затѣмъ онъ опять въ общихъ чертахъ описываетъ предварительное „интимное" собраніе, имѣвшее мѣсто 9-го сентября 1882 года, на которомъ присутствовало *до 400 человѣкъ*. Поистинѣ рѣдкая „интимность"! Ни на это „интимное" собраніе, ни вообще на международный антисемитическій конгрессъ представители печати не были допущены; о посторонней же публикѣ и говорить нечего. Чтобы туда проникнуть, надо было, какъ сообщалъ авторъ, заявить себя нѣмецкимъ „реформеромъ", христіанскимъ соціалистомъ или же просто антисемитомъ.

Корреспондентъ между прочимъ сообщаетъ, что ему говорили

о присутствіи на конгрессѣ пяти русскихъ, присланныхъ русскимъ правительствомъ *). Онъ самъ слышалъ, какъ одинъ делегатъ говорилъ по русски съ однимъ венгерскимъ славяниномъ. Кромѣ того, это подтверждается тѣмъ, что на предварительномъ собраніи были выражены „горячія симпатіи и даже удивленіе послѣдовательнымъ и энергичнымъ мѣрамъ русскаго правительства, и особенно графа Игнатьева, которому антисемиты просто поклоняются, видя въ немъ человѣка, способнаго избавить отъ евреевъ не только Россію, но и Европу“. Въ послѣднемъ, т. е. въ томъ, что графъ Игнатьевъ освободитъ всю Европу отъ евреевъ, авторъ, однако, сомнѣвается.

Изъ мѣръ, къ которымъ стремятся члены нѣмецкой Reform-Partei, чтобы освободить отечество отъ евреевъ, „интимные“ выдвигали на первый планъ возстановленіе всѣхъ ограничительныхъ законовъ, преимущественно относительно участія евреевъ въ торговлѣ и промышленности. Это, очевидно, и есть „освобожденіе отечества отъ чуждаго духа“, на которое больше всего напиралъ представитель Пинкертъ. Венгерцы, менѣе туманные идеалисты, чѣмъ мечтательные нѣмцы, просто говорили, что „еврейскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ только тогда, когда *невреи рѣшатся не покупать у евреевъ и не занимать у нихъ денегъ*“ (курсивъ автора). Корреспондентъ замѣчаетъ: „Это, дѣйствительно, было бы рѣшеніе радикальное, но не кажется ли оно радикально невозможнымъ?

Въ концѣ корреспондентъ сообщаетъ о томъ, что между прочимъ готовится для конгресса: „Иштоци намѣренъ сдѣлать публичное чтеніе о *ритуальномъ убійствѣ христіанской дѣвушки евреями въ мѣстечкѣ Тисса-Эссларъ* (курсивъ мой), отъ котораго онъ состоитъ депутатомъ. *При этомъ будетъ выставлена картина, представляющая эту дѣвушку и евреевъ*“ и т. д. (курсивъ мой). Авторъ, правда, находитъ это нѣсколько сенсаціоннымъ. „Но, прибавляетъ онъ, произносить сужденіе преждевременно. Между членами конгресса есть замѣчательные люди, изучившіе вопросъ глубоко, напр. Иштоци“ („Вол. Сл.“, № 45, стр. 8).

Прочитавъ эту послѣднюю тираду, я буквально оцѣпенѣлъ. Я могъ всего ожидать отъ редакціи „Вольнаго Слова“. Но чтобы дошло до этого!.. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Я сейчасъ же отправился къ Драгоманову—требовать отъ него объясненія.

---

*) Это сообщеніе потомъ подтвердилось. Русскіе делегаты явились incognito.

На этотъ разъ онъ смутился и сталъ увѣрять, что отдалъ статью въ наборъ, не прочитавши ея, потому что она очень длинная и вообще его мало интересуетъ. Эта явная непрямота со стороны Драгоманова сильно поразила меня. Дѣло въ томъ, что упомянутый корреспондентъ былъ спеціально направленъ редакціею въ Дрезденъ, чтобы доставить ей подробный отчетъ объ антисемитическомъ конгрессѣ.

Я показалъ Драгоманову начало корреспонденціи, которая гласила: „Получивъ по телеграфу въ Берлинѣ Ваше любезное приглашеніе отправиться въ Дрезденъ для извѣщенія Вашего органа о совѣщаніяхъ перваго международнаго антисемитическаго конгресса, я"... и т. д.

Онъ не зналъ, что отвѣтить, и сталъ шутками какъ-нибудь выпутываться изъ непріятнаго положенія, уклоняясь отъ прямого отвѣта. Но видя, что это ему не удастся, онъ рѣшилъ высказаться прямо.

— Почему, скажите пожалуйста,—началъ онъ, — мнѣ не допускать, что у евреевъ есть такая изувѣрская секта, которая въ самомъ дѣлѣ убиваетъ христіанскихъ дѣтей для извѣстнаго ритуала? Я вамъ вполнѣ вѣрю, что вы объ этомъ не знаете, какъ и многіе образованные евреи.

— Но,—воскликнулъ я, весь дрожа отъ негодованія,—я вѣдь выросъ и воспитался среди такъ называемыхъ необразованныхъ евреевъ. При томъ, я въ дѣтствѣ много разъ прямо участвовалъ въ приготовленіи мацы отъ начала, т. е. отъ появленія муки, до окончательнаго ея испеченія. Вообще нѣтъ акта у евреевъ, который совершался бы такъ публично, какъ печеніе мацы. И почти всегда русскіе парни и дѣвки заглядывали черезъ окна въ пекарню, а дѣвки во многихъ мѣстахъ даже работали при изготовленіи мацы.

— Знаю, знаю,—продолжалъ онъ спокойно. Но, во-первыхъ, такія вещи не дѣлаются вѣдь на глазахъ всѣхъ и держатся въ строжайшей тайнѣ. Кромѣ того, я говорю вѣдь объ одной только извѣстной сектѣ, быть можетъ, очень малочисленной. Мало ли изувѣрскихъ сектъ было и еще теперь есть среди христіанъ? Вотъ недавно одинъ швейцарскій ученый напечаталъ изслѣдованіе о различныхъ видахъ причастія, какія употреблялись у различныхъ христіанскихъ сектъ. Сколько тамъ изувѣрства! Такъ, одна секта причащалась женской грудью и т. д. *).

*) Я не рѣшаюсь воспроизвести другіе виды причастія, о которыхъ онъ говорилъ, такъ какъ они уже слишкомъ шокирующаго характера.

Итакъ, пришлось констатировать печальный фактъ, что Драгомановъ доходитъ до той крайности, дальше которой не можетъ идти самый невѣжественный украинскій мужикъ. При этомъ, однако, я долженъ замѣтить, что я слышалъ отъ крестьянъ самыя отчаянныя нелѣпости объ евреяхъ,—напримѣръ, что чортъ приходитъ къ евреямъ въ „кучку" (въ кущу), и они вынуждены прибѣгнуть къ кресту, чтобы его прогнать, или что передъ смертью еврей начинаетъ дѣлать крестное знаменіе, и потому окружающіе сейчасъ бросаютъ на него подушку, чтобы задушить его и не дать ему признать Христа и т. п. Но никогда мнѣ не довелось слышать отъ нихъ что-либо о присутствіи крови въ мацѣ, которою они всегда съ великимъ удовольствіемъ лакомились, если только имъ ее давали. Очевидно, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ инстинктивной непріязни, безсильна вся людская мудрость, весь такъ называемый „свѣтъ" науки и „цивилизаціи".

Теперь я это констатирую вполнѣ спокойно и объективно, sine ira, не потому, что оно относится къ далекому прошлому, а потому, что всѣ эти высокіе культурные титулы „профессоръ", „писатель", „ученый" и т. д. давно уже для меня потеряли свой ореолъ. Тогда же это было для меня истиннымъ потрясеніемъ. Какъ! Драгомановъ вѣритъ въ эту гнусную нелѣпость, созданную свирѣпымъ и кровожаднымъ средневѣковьемъ, онъ, борецъ за правду, ненавистникъ всякихъ предразсудковъ, трезвый умъ и скептикъ во всемъ прочемъ!..

На этой точкѣ я и стоялъ въ моемъ крайне бурномъ объясненіи съ Драгомановымъ. А онъ, по своему обыкновенію, сохранялъ полное спокойствіе, все какъ будто выслушивая очень внимательно, даже дѣлая видъ, что соглашается съ моими доводами, и всегда однако находя какое-то „но".

Когда на его ссылку на различные противоестестественные и безнравственные виды причастія я ему отвѣтилъ, что нельзя сравнивать варварскія племена средневѣковой Европы съ древнимъ культурнымъ еврействомъ, что для тѣхъ ученіе о любви и человѣчности являлось какъ бы одеждою съ чужого плеча и ничего общаго не имѣло съ ихъ инстинктами, между тѣмъ какъ высоко-нравственное ученіе іудаизма было продуктомъ историческаго развитія еврейскаго народа и вошло въ его плоть и кровь,—онъ возразилъ, что жестокія преслѣдованія, перенесенныя евреями (которыя онъ, кстати, часто провозглашалъ заслуженными), могли ожесточить ихъ и заложить въ ихъ душу чувство мести, которое онъ считаетъ вполнѣ естественной.

Я уже неоднократно говорилъ, что Драгомановъ былъ глубоко честный и порядочный человѣкъ; эту честность и порядочность онъ проявлялъ и въ литературѣ, какъ ученый и какъ публицистъ. Исключеніе составляло все то, что относится къ евреямъ. Тутъ онъ ничего не взвѣшивалъ, ни о чемъ серьезно не задумывался и, главное, ничего не изучалъ, а рубилъ съ плеча, руководясь одною только унаслѣдованною антипатіею, до того органически сросшейся съ его существомъ, что онъ ея не сознавалъ. Больше всего эти качества онъ проявлялъ въ данномъ объясненіи. Я убѣдился, что свою чудовищную вѣру въ употребленіе крови онъ рѣшительно никогда и не думалъ себѣ обосновать чѣмъ бы то ни было, какъ бы слѣдовало всякому порядочному и честному человѣку, когда дѣло идетъ объ опозореніи цѣлаго народа и его мірового ученія. И только, когда его уже приперли къ стѣнѣ, онъ сталъ искать доводовъ, къ дѣлу не относящихся, при томъ втискивая въ еврейскую душу свою психологію или психологію своихъ гайдамаковъ и запорожцевъ, изъ слѣпой мести выпускавшихъ внутренности у еврейскихъ женщинъ, убивавшихъ еврейскихъ дѣтей и вѣшавшихъ ихъ на шеи матерей и т. д.

Это я ему въ своемъ крайнемъ возбужденіи и высказалъ.

Даже своей обычной прямоты онъ не проявилъ въ этой кипучей бесѣдѣ, и многое, что онъ говорилъ, походило больше на такъ не подобавшее ему уклоненіе отъ объясненія.

Я съ нимъ, однако, и послѣ этого не разошелся. Было что-то такое въ немъ и въ его дѣйствительно хорошемъ отношеніи ко мнѣ, чему нельзя было противостоять. Какъ хорошо онъ ко мнѣ относился, я особенно узналъ потомъ, когда познакомился и сошелся съ знаменитымъ физіологомъ Морицомъ Шиффомъ, съ которымъ Драгомановъ былъ очень друженъ.

VIII.

Такъ „мало интересовавшія“ Драгоманова корреспонденціи о первомъ антисемитическомъ конгрессѣ, тянулись въ цѣлыхъ пяти нумерахъ „Вольнаго Слова“ (45—49), занимая не менѣе пяти столбцовъ убористой печати въ каждомъ. Онѣ всѣ были написаны въ приподнятомъ тонѣ, съ горячимъ сочувствіемъ какъ къ конгрессу, такъ и къ антисемитизму, на который авторъ смотрѣлъ, какъ на одно изъ замѣчательныхъ движеній вѣка. О „вождяхъ“ антисемитическихъ партій, обо всѣхъ этихъ Пинкертахъ, Генрици, Иштоци, даже о разныхъ выступившихъ на конгрессѣ раз-

нузданныхъ сапожникахъ—корреспондентъ говорилъ какъ о борцахъ за великую идею. Вотъ, напр., какъ онъ эпически повѣствуетъ о „знаменитомъ“, нынѣ совершенно забытомъ, Пинкертѣ: „Начало замѣчательныхъ движеній бываетъ часто весьма скромное и незамѣтное. Въ серединѣ 70-хъ годовъ молодой дрезденскій купецъ, по имени Пинкертъ, занимавшійся вывозной торговлей, сталъ размышлять о причинахъ застоя въ дѣлахъ и вообще матеріальнаго и нравственнаго упадка своего отечества, такъ быстро послѣдовавшаго за славой и добычей германо-французской войны“ (№ 46). Можно бы подумать, что дѣло идетъ объ основателѣ новаго ученія, о какомъ-либо Буддѣ или крупномъ реформаторѣ. О не менѣе „знаменитомъ“ Иштоци авторъ отзывается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Во главѣ ихъ (венгерскихъ антисемитическихъ ферейновъ) стала естественно самая замѣчательная, сильная и высокая личность“. Описавъ затѣмъ съ такимъ же паѳосомъ атлетическую фигуру этого новаго Спартака, онъ продолжаетъ: „...Иштоци—страшнѣйшій изъ враговъ, какихъ имѣютъ евреи“... „Борьба съ еврействомъ у него не средство, не одна изъ цѣлей; это вся цѣль, весь смыслъ его жизни. Иштоци видитъ въ евреяхъ такихъ же угнетателей Венгріи, какъ нѣкогда были турки; онъ считаетъ для всей христіанской Европы еврейское завоеваніе столь же опаснымъ, какъ въ XVI вѣкѣ турецкое; онъ поставилъ себѣ задачей открыть на эту опасность глаза всѣхъ и каждаго и призвать на бой съ евреями всѣхъ, кому дороги свое отечество, религія и культура“. Этому великому мужу принадлежитъ безсмертная идея сдѣлать антисемитизмъ интернаціональнымъ и т. д.

Во всемъ описаніи проявляется явное стремленіе раздуть дрезденскій конгрессъ до размѣровъ мірового событія, а антисемитизмъ возвести въ міровое движеніе. Будучи соціалистомъ, авторъ корреспонденціи старается подогнать антисемитизмъ подъ соціализмъ и часто говоритъ о томъ, что больше всего антисемитическое движеніе проявляется среди рабочихъ и ремесленниковъ. Подтвержденіемъ этой истины для него служитъ присутствовавшій на конгрессѣ, весьма горячившійся и сильно размахивавшій всѣмъ на страхъ руками, сапожникъ, сдѣлавшій подобное заявленіе. Отмѣчаетъ онъ также съ удовольствіемъ всякое проявленіе одобренія русскимъ погромщикамъ и мечтаетъ о томъ, какъ русскіе погромы одухотворятъ западныхъ погромщиковъ in spe. Въ концѣ онъ разсказываетъ объ адресѣ, который конгрессъ постановилъ послать русскимъ вдохновителямъ погромовъ и объяс-

няетъ сравнительную сдержанность его тона тѣмъ, что его желали сдѣлать пріемлемымъ для всѣхъ.

Изъ „пламенной рѣчи“ Генрици, тоже имъ обрисованнаго, какъ горячій борецъ и „трибунъ“, онъ приводитъ слѣдующія слова: „Если мы не примемъ мѣръ, чтобы сдѣлать евреямъ пребываніе непріятнымъ и невыгоднымъ, *то намъ всѣмъ придется послѣдовать примѣру нашихъ русскихъ братьевъ, которые нашлись вынужденными открытою силою отвоевать у евреевъ свою землю*“ (курсивъ автора). „При этихъ словахъ, разсказываетъ дальше авторъ, вся зала потряслась отъ рукоплесканій и восторженныхъ возгласовъ, въ которыхъ не послѣднее участіе принимали и приверженцы умѣреннаго взгляда“.

Естественно, что при такомъ настроеніи нашъ корреспондентъ вылавливалъ самое страшное и сенсаціонное, что говорилось о зловредности евреевъ и объ ужасахъ, которые грозятъ слабымъ и невиннымъ агнцамъ, христіанамъ, отъ безграничной власти этихъ Аттилъ. Вотъ для примѣра одинъ изъ ужасовъ. „Крестьянинъ-старикъ, еще бодрый, съ гордымъ видомъ и аристократическими манерами (тутъ все на подборъ величавы и импозантны), дрожа отъ волненія и съ рыданіемъ въ голосѣ, разсказалъ о положеніи крестьянъ въ Гессенѣ: мелкіе собственники и фермеры наслѣдственно въ долгу у евреевъ и только по имени свободные люди и граждане; угрожаемые ежеминутнымъ изгнаніемъ изъ жилищъ, они приняли отъ евреевъ цѣлый рядъ обязательствъ, составляющихъ истинное рабство; воздержанные по природѣ, *они должны обязательно выпивать ежедневно опредѣленное количество продаваемой евреями водки, которое такъ разсчитано, что оставляетъ за ними силу работать, но не даетъ имъ быть вполнѣ трезвыми*“ (курсивъ автора. „В. С.“, № 47, стр. 10).

Что на антисемитическомъ конгрессѣ можно было въ юдофобскомъ опьяненіи дойти до положенія ризъ и говорить такой смѣхотворный вздоръ, это вполнѣ естественно—и иначе оно быть не могло. Но чтобы нашелся порядочный органъ, съ честной тенденціей, готовый воспроизвести эти гнусныя нелѣпости и выдавать ихъ за святую истину,—это было уму непостижимо.

Само собой разумѣется, что нашъ авторъ приводитъ въ подробностяхъ всѣ тезисы, принятые конгрессомъ и выработанные Штеккеромъ. Но онъ ими невполнѣ доволенъ: слишкомъ умѣренны, слишкомъ много „бранденбургскаго“ холоднаго разума обнаруживаютъ они. До полнаго восторга, почти до состоянія блаженства доходитъ онъ, когда говоритъ о „манифестѣ“ Иштоци. Онъ не

только приводитъ цѣликомъ этотъ безконечно длинный документъ (семь столбцовъ по 68 строкъ каждый!), но описываетъ съ лирическимъ паѳосомъ процессъ чтенія его самимъ Иштоци на конгрессѣ. „Манифестъ производитъ свое полное впечатлѣніе, только когда читается его авторомъ. За то, что это за впечатлѣніе! Слышавшему его однажды трудно не сдѣлаться антисемитомъ на всю жизнь“ (№ 48, стр. 8). Процитировавъ „манифестъ“, нашъ пѣвецъ антисемитическаго конгресса говоритъ: „Увлеченный своимъ трудомъ и еще сильнѣе пораженный глубиною мысли и силою чувства манифеста, я не изложилъ его, какъ имѣлъ намѣреніе, а перевелъ...

Вотъ образчики „глубины мысли“ и „силы чувства“ этого манифеста, которые привожу, чтобы показать, до какого ослѣпленія юдофобія довела какъ автора, такъ и редактора, давшаго мѣсто этимъ поистинѣ безпримѣрнымъ нелѣпостямъ, которыя могли зародиться въ отравленной ненавистью и злобою душѣ:

„Правительствамъ и народамъ христіанскихъ государствъ, которымъ угрожаютъ евреи!

„Какъ въ средніе вѣка существованію европейскихъ христіанскихъ народовъ угрожали попеременно арабы, татары и турки, народы чужой расы и религіи, которые въ свое время были побѣдоносно отражены европейскимъ христіанскимъ оружіемъ, такъ и въ наши дни христіанской Европѣ угрожаетъ чуждое племя, не только не менѣе опасное, но и, судя по его средствамъ и цѣлямъ, еще болѣе опасное, чѣмъ всѣ прежніе завоеватели. И это чуждое опасное племя—племя еврейское!

„Правильный инстинктъ европейскихъ христіанскихъ народовъ до самаго послѣдняго времени не давалъ воли этому заклятому наслѣдственному врагу, относительно котораго всѣ законодательныя мѣры защиты оказывались всегда недостаточными. Но это положеніе съ началомъ нынѣшняго вѣка въ большей части государствъ измѣнилось радикально.

„Побѣдившія съ французской революціей идеи свободы, равенства и братства прорвали всѣ преграды, воздвигнутыя для защиты христіанскихъ народовъ отъ евреевъ.

„Начало свободы было примѣнено къ племени, котораго главная мысль и стремленія—ухищреніями всякаго рода заковать всѣ другіе народы въ матеріальныя и нравственныя цѣпи рабства“... (№ 48, стр. 10).

Затѣмъ слѣдуютъ „конкретные факты“. „Черезъ накопленіе на государствахъ страшныхъ тягостей и особенно непомѣрныхъ долговъ, постоянно увеличиваемыхъ дѣйствіемъ силъ еврейства, *правительства отдѣльныхъ задолжавшихся государствъ упали до значенія простыхъ еврейскихъ агентовъ, органовъ взиманія налоговъ*

въ пользу евреевъ. Этимъ объясняется абсолютное бездѣйствіе *этихъ правительствъ* (курсивы автора) въ еврейскомъ вопросѣ и ихъ какъ бы враждебное отношеніе къ интересамъ собственныхъ народовъ въ угоду евреямъ".

При такой безграничной міровой силѣ всѣ законодательныя ограниченія совершенно безполезны, а потому „конгрессъ объявляетъ, что еврейскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ конечно и вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ только тѣмъ путемъ, какимъ нѣкогда были рѣшены боровшимися за свое существованіе европейскими народами арабскій, татарскій и турецкій вопросы". Разумѣется вытѣсненіе или истребленіе евреевъ.

Не довольствуясь пятью безбрежными корреспонденціями о конгрессѣ, авторъ написалъ въ видѣ прибавленія къ отчету огромную спеціальную статью: „Сущность антисемитическаго движенія", которая печаталась въ двухъ нумерахъ (50—51) „Вольнаго Слова". Поистинѣ, какъ говорятъ хохлы: „писавъ, писавъ, та ще писнувъ". Разумѣется, эта статья отличается той же безграничной ненавистью, тупостью и невѣжествомъ. Здѣсь г. Ш-тъ договорился до того, что, толкуя въ сотый разъ о „еврейскомъ захватѣ", указалъ на проникновеніе евреевъ и въ соціалдемократію, въ которой „даже захватили руководство", въ лицѣ такихъ вождей, какъ Лассаль и Карлъ Марксъ (№ 50, стр. 9). Я по этому поводу шутя сказалъ Драгоманову, что такимъ образомъ можно было бы вѣдь и первоначальное христіанство присоединить къ области „еврейскаго захвата".

IX.

Поистинѣ можно сказать, что нѣтъ той нелѣпости, которая не печаталась бы на страницахъ „Вольнаго Слова", если только она была пропитана духомъ моднаго тогда антисемитизма.

Въ томъ же № 50 журнала есть еще двѣ статьи, посвященныя страшнымъ дѣяніямъ евреевъ. Одна представляетъ собою „Письмо изъ Галиціи", другая называется „Политика и экономія въ уѣздѣ Югозападнаго края".

Вотъ образцы этой „политики" и экономики. „Въ мѣстечкѣ, гдѣ вся торговля находится въ рукахъ евреевъ, нельзя найти стакановъ иныхъ, какъ по девять копѣекъ за штуку (авторъ обвиняетъ евреевъ въ удешевленіи товаровъ въ ущербъ качеству). Если въ семействѣ на два года нужна одна дюжина лучшихъ стакановъ по 25 коп. каждый, то девятикопѣечныхъ нужно четыре дюжины, т. е. въ первомъ случаѣ я плачу 3 рубля, а во второмъ

4 р. 32 к. *Вотъ эти-то 1 р. 32 к. и будутъ налогомъ, установленнымъ евреями на потребителя*". Можно подумать, что это сатира на юдофобскую глупость, какъ и слѣдующее глубокомысленное соображеніе. Вслѣдствіе наплыва евреевъ, „увеличилось число жилыхъ строеній, повлекшее за собой страшную рубку лѣса; вздорожали поэтому дрова, тѣмъ болѣе, что потребовалось больше топлива для новыхъ пришельцевъ. Пришлось поэтому на топливо употреблять преимущественно солому, которая вслѣдствіе этого сильно вздорожала, а это послѣднее повлекло къ тому, что цѣны на наемъ земли сильно поднялись и дошли до 18 р. за десятину".

Вершины безцеремонности и глупости авторъ статьи достигаетъ въ конечномъ выводѣ ея: „Итакъ, что же мы видимъ? Евреи разселились по селамъ и имѣютъ вездѣ какъ-бы конторы всякихъ дѣлъ; находясь въ союзѣ съ волостною и сельскою властью, они, въ силу всего сказаннаго, находятся также въ союзѣ съ полиціею, подчинили себѣ разными путями и другія учрежденія, не исключая и суда, хотя для торжества въ судѣ обладаютъ и сами по себѣ значительнымъ оружіемъ; *всѣ неблагопріятные о себѣ законы они устранили* (курсивъ мой). Такимъ образомъ они обладаютъ властью, дарованную имъ *самимъ правительствомъ*, посредствомъ цѣлесообразно съ ихъ интересами устроеннаго управленія (?), и сверхъ того обладаютъ солидарностью, сокрушающей деньгами всякія препятствія, исходящія свыше, а ниже попирающей ногами населеніе. Они могутъ за малымъ исключеніемъ сказать; все имущество народа принадлежитъ намъ; мы его отдаемъ лишь въ пользованіе, чтобы оно доставляло намъ доходъ".

И къ этой-то статьѣ, этой „похвалѣ глупости" антисемитовъ редакція „Вольнаго Слова" сдѣлала въ концѣ слѣдующее примѣчаніе: „Принося благодарность г-ну Р. Ф. (имя автора) за его очеркъ, мы желали бы получить подобные и изъ другихъ краевъ".

Нельзя, однако, сказать, чтобы Драгомановъ все это печаталъ изъ одной, такъ сказать, любви къ антисемитскому искусству. Помимо борьбы съ евреями, которыхъ онъ считаетъ врагами украинства, онъ въ данномъ случаѣ преслѣдовалъ еще опредѣленную цѣль: очистить своихъ соплеменниковъ отъ обвиненія въ варварствѣ, проявленномъ во время погромовъ, и даже выставлять ихъ героями, борцами-мстителями, которые поднялись противъ своихъ вѣковыхъ угнетателей. Онъ хотѣлъ видѣть въ южнорусскихъ погромахъ нѣчто въ родѣ новой Гайдамачины. Уже въ одной изъ моихъ статей въ самомъ „Вольномъ Словѣ"

я указалъ, что Драгомановъ вмѣняетъ въ заслугу украинцамъ то, что они еще въ прежніе вѣка „трепали“ евреевъ. Я, къ сожалѣнію, не имѣю теперь подъ рукою брошюры его, на которую я тамъ ссылаюсь. Но что таково было его твердое убѣжденіе, проглядываетъ изъ всего, что онъ писалъ и печаталъ въ своемъ органѣ. Въ личной же бесѣдѣ онъ это повторялъ сотни разъ, хотя всегда оговаривался, что такія явленія все таки нежелательны, какъ онъ это часто дѣлалъ и въ печати.

Надо сказать, что Драгомановъ страстно любилъ своихъ украинцевъ (что дѣлаетъ ему только честь), и всякое обвиненіе ихъ въ жестокости вызывало въ немъ величайшее негодованіе. Поэтому онъ долженъ былъ употреблять всѣ усилія, чтобы доказать упомянутую мысль: что погромы—это возстаніе противъ вѣкового угнетателя, поддерживаемаго правительствомъ. Особенно важно было послѣднее. Ибо отожествленіе евреевъ съ правительствомъ придавало погромамъ характеръ революціи, что до смерти хотѣлось всѣмъ доказать. Поэтому всегда отрицался фактъ содѣйствія полиціи погромщикамъ, несмотря на всю доказанность его во многихъ случаяхъ, особенно же въ Балтѣ. Напротивъ, стремились доказать, что полиція свирѣпствуетъ противъ погромщиковъ, защищая столь дорогихъ ея сердцу евреевъ.

Та же идея проводится и относительно австрійскаго правительства въ „Письмахъ изъ Галиціи“, тоже по обыкновенію пропитанныхъ антисемитизмомъ худшаго сорта.

Я уже до того свыкся съ этой системой „Вольнаго Слова“, что она, наконецъ, перестала меня сердить. Я часто говорилъ Драгоманову шутя, что онъ, очевидно, старается выставлять юдофобовъ во всемъ величіи ихъ глупости и такимъ образомъ обезвредить ихъ. Однажды я ему сказалъ, что собственно я очень радъ этимъ юдофобскимъ статьямъ именно въ его органѣ, такъ какъ онѣ откроютъ глаза евреямъ, приставшимъ къ чужимъ крайнимъ партіямъ. Онъ, впрочемъ, и самъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы евреи оставили русскія партіи и работали среди своего народа, но... для денаціонализаціи своихъ и приготовленія къ великому акту исчезновенія, къ „сліянію“.

Долженъ, однако, отдать справедливость Драгоманову, что мои національные идеалы возрожденія онъ понималъ лучше, чѣмъ кто либо изъ тогдашнихъ культурныхъ евреевъ, симпатизировалъ имъ и интересовался ими. И я объ этихъ идеалахъ съ нимъ однимъ тогда и могъ говорить въ Женевѣ. Это есть одна изъ причинъ, почему я съ Драгомановымъ никогда не могъ разойтись.

Желалъ-ли бы онъ національнаго возрожденія евреевъ въ самой Украйнѣ—это другой вопросъ, на который слѣдуетъ отвѣтить отрицательно.

X.

Въ заключеніе остановлюсь на интересномъ эпизодѣ съ Поляковскимъ „общежитіемъ для студентовъ“, вызвавшемъ студенческія волненія въ петербургскомъ университетѣ, о чемъ въ „Вольномъ Словѣ“ появилось нѣсколько корреспонденцій.

Въ началѣ 80-хъ годовъ извѣстный желѣзнодорожный строитель Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ преподнесъ министру народнаго просвѣщенія Делянову двѣсти тысячъ рублей на устройство общежитія для студентовъ при петербургскомъ университетѣ. Утверждаютъ, что онъ этимъ хотѣлъ добиться титула барона, о чемъ министръ просвѣщенія и хлопоталъ у Государя Александра III, но безъ успѣха *). Правда-ли это или нѣтъ, но нѣтъ сомнѣнія, что свое крупное пожертвованіе Поляковъ сдѣлалъ для того, чтобы получить награду не въ будущей жизни, а въ болѣе близкомъ будущемъ.

3-го октября 1882 года произошло освященіе этого общежитія. Молебствіе совершило высшее православное духовенство. Какъ водится, былъ устроенъ потомъ завтракъ для высокопоставленныхъ лицъ, а затѣмъ былъ данъ и обѣдъ, на которомъ, кромѣ сановныхъ лицъ и нѣкоторыхъ профессоровъ (между прочимъ былъ и Таганцевъ, котораго будто оскорбили, не принявъ предложеннаго за него тоста, какъ утверждаетъ корреспондентъ „Вольнаго Слова“), присутствовало также около двухсотъ студентовъ. „Ошибся бѣдный Поляковъ, говоритъ упомянутый корреспондентъ: думалъ угодить студентамъ (полагаю, что Поляковъ мѣтилъ куда выше своей угодливостью), а между тѣмъ за эти два дня сколько разъ произносили студенты его имя—да уже не всуе, а съ приложеніемъ эпитетовъ: эксплуататоръ, хищникъ общественнаго пирога, государственныхъ денегъ, вампиръ народный, грабитель солдатъ, подрядчикъ, спекулянтъ и т. д.“ („В. Сл.“ № 48, стр. 3).

Недовольство студентовъ было вызвано разными причинами. Одни негодовали потому уже, что нашлись такіе студенты, которые согласились принять даръ „эксплуататора“ и „хищника“; другіе—за то, что въ общежитіе принимали только политически

*) „Вольное Слово“ № 48, стр. 5.

„благонадежныхъ“ и т. д. Однако, какъ утверждаетъ корреспондентъ „Вольнаго Слова“, все обошлось бы благополучно, если бы не было рѣшено поднести Полякову адресъ отъ имени студентовъ. Этотъ адресъ будто бы былъ составленъ инспекціею университета и преподносился для подписи наиболѣе „покладистымъ“ студентамъ. Такихъ нашлось 108 человѣкъ (другіе утверждаютъ—двѣсти). Тогда-то студенчество заволновалось и рѣшило протестовать. Пошли прокламаціи, сходки.

Самая большая сходка состоялась 8-го октября, и тамъ студентами было рѣшено заявить обществу объ ихъ протестѣ, о негодованіи противъ „недостойныхъ студентовъ“, о презрѣніи къ Полякову и его благотворительности. Но студентамъ не удалось опубликовать свой протестъ въ русской легальной прессѣ, такъ какъ получилось распоряженіе отъ министра внутреннихъ дѣлъ—ничего не печатать изъ того, что связано со студенческими волненіями. Тогда они прибѣгли къ заграничной прессѣ.

Привожу цѣликомъ этотъ столь нашумѣвшій и характерный для тогдашняго студенчества „протестъ“ („В. Сл. № 48“).

„Товарищи! 3-го октября порокъ праздновалъ свое торжество: съ нимъ, въ лицѣ своихъ представителей, братски обнимались нынѣ правящая власть, религія, наука и нѣкоторая часть студенчества. Мы говоримъ про то пиршество, которое устроилъ Поляковъ—этотъ крупнѣйшій представитель породы хищниковъ, претворивъ потъ и кровь народную, слезы сотенъ матерей въ рейнвейнъ, коньякъ и т. п. Насъ не возмутило бы то обстоятельство, что за однимъ столомъ съ этимъ вампиромъ русскаго народа мы видимъ представителей правительства: Поляковы, Губонины и К⁰—родныя дѣти его, вскормленныя и вспоенныя имъ, ихъ оно поддерживаетъ и на нихъ же опирается; мы не удивились бы и тому, что служитель Христовъ пьетъ изъ одной чаши съ тѣмъ, который, указывая на Христа и его истинныхъ послѣдователей, охрипъ отъ криковъ: „распни ихъ“: религія давно служитъ опорой сильныхъ и угнетателемъ слабыхъ; для насъ не было бы новымъ и то, что человѣкъ науки поднимаетъ кубокъ за благоденствіе и преуспѣяніе хищной породы: люди науки давно продали себя и самую quasi-науку хищникамъ... Но мы до глубины души были возмущены, когда среди этихъ пирующихъ негодяевъ, давно заглушившихъ въ себѣ всякое здоровое чувство, увидѣли своего же брата-студента, проѣдающаго и пропивающаго свою честь, свое „нравственное я“ хищнику, подлому грабителю общества и народа. Товарищи, съ 3-го октября позоръ легъ на университетъ, на студенчество! Всякій теперь можетъ ткнуть пальцемъ на „коллегію“, какъ на доказательство, что и студенчество—этотъ источникъ борцовъ за народное дѣло, за правду и справедливость—открыто стало на сторону хищниковъ. Смотрите,

уже Суворинъ уличаетъ насъ въ холопствѣ и „лакейской“ благодарности!“ (См. „Нов. Вр.“, 5-го окт.). Скорѣе же, скорѣе, товарищи, отшатнемся отъ этихъ молодыхъ, развращенныхъ негодяевъ, продающихся Поляковымъ, устроившихъ изъ себя добровольное шпіонство (8-го февр. 82 г. пунцовые бантики), по слову ректора *)—этого двуличнаго негодяя, за деньги выдающихъ товарищей Судейкину („для университета шпіоновъ довольно“, говоритъ сей послѣдній); заявимъ открыто имъ свое негодованіе и отвращеніе; пусть никто изъ насъ не считаетъ ихъ болѣе своими товарищами, не протягиваетъ имъ руки! Но это еще не все. Зараза далеко уже проникла и имѣетъ за собой силу, бороться съ которой можно только коллективными усиліями, противопоставивъ той развращенной силѣ, продажной, силу новую, богатую здоровыми нравственными идеалами, проникнутую идеей служенія правдѣ. Сплотимся же, товарищи, создадимъ дружную организацію, и пусть девизомъ ея будетъ умственная и нравственная, теоретическая и практическая подготовка на служеніе народу, ибо въ осуществленіи идеи народной заключается осуществленіе идеи правды и справедливости!

Соединяйтесь же, товарищи!

Голоса изъ организаціи.

С.-Петербургъ, 1882 г. 5-го октября.

Редакція написала по этому поводу двѣ статьи, но весьма умѣренныя, въ которыхъ какъ-то обходитъ евреевъ, не пытаясь прицѣпить ихъ къ дѣлу, что было уже совсѣмъ удивительно.

Въ данномъ случаѣ Драгомановъ познакомилъ меня со всѣмъ дѣломъ еще до печатанія и спросилъ, что я объ этомъ думаю. Я откровенно сказалъ, что нахожу это пожертвованіе Полякова актомъ пресмыкательства, что если бы имъ дѣйствительно руководило желаніе дѣлать доброе дѣло, онъ отдалъ бы свое пожертвованіе своимъ разгромленнымъ и ограбленнымъ братьямъ, что я поэтому очень радъ, что студенчество такъ оцѣнило его „благодѣяніе“. Драгомановъ согласился со мною, что протестъ студентовъ написанъ въ вульгарномъ тонѣ, но объяснилъ, что напечаталъ его только, какъ „документъ“.

Въ маѣ 1883 года „Вольное Слово“ прекратило свое существованіе, и у меня не было больше поводовъ къ столкновеніямъ съ Драгомановымъ. Впрочемъ, въ послѣднихъ восьми нумерахъ вообще уже рѣдко что-либо попадалось о евреяхъ.

Отношенія наши за всѣ пять лѣтъ моего тогдашняго пребыванія въ Женевѣ оставались до конца хорошими, дружескими.

*) Ректоромъ тогда былъ Бекетовъ, который былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ порядочныхъ и либеральныхъ профессоровъ. (Б. А.).

Драгомановъ былъ единственный человѣкъ въ Женевѣ, съ которымъ было интересно встрѣчаться. Ибо, если оставить въ сторонѣ его юдофобію—это черное пятно на дѣятельности крупнѣйшаго публициста и народнаго борца, Драгомановъ несомнѣнно и какъ человѣкъ, и какъ ученый, обладалъ многими цѣнными качествами и былъ одной изъ выдающихся личностей своего времени. И я долженъ признаться, что мнѣ стоило большихъ усилій, чтобы высказать здѣсь всю эту горькую правду объ его отношеніяхъ къ еврейству. Но amicus Plato, sed magis amica veritas. И при томъ я вѣдь все высказывалъ въ свое время самому Драгоманову.

Эти глубоко грустные факты являются отраженіемъ не личности, а трагическихъ сцѣпленій и столкновеній, созданныхъ жестокой къ еврейству исторіей, вырвавшей насъ изъ родной почвы и бросившей на произволъ чуждыхъ намъ элементовъ. Личности же чаще всего являются невольными носителями того, что взвалилъ на ихъ плечи безпощадный рокъ исторіи. Отъ этой ноши рѣдко кто можетъ освободиться...

Въ іюлѣ 1886 года я покинулъ Женеву, чтобы возвратиться въ Россію. Драгомановъ просилъ меня писать ему косвенными путями. Но это было слишкомъ рискованно. За четыре слова въ письмѣ моего шурина: „Сердечно тебѣ кланяется Драгомановъ"—я находился пять лѣтъ подъ надзоромъ полиціи. Жандармы, видно, нашли, что я не совсѣмъ удачно выбираю своихъ друзей, и поэтому за мною необходимо присматривать...

Бенъ-Ами.

Женева, 27 февраля 1916 года.

Отъ редакціи. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность пролить нѣкоторый свѣтъ на странную роль „Вольнаго Слова" въ еврейскомъ вопросѣ, столь ярко изображенную г. Бенъ-Ами. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ историкъ революціоннаго движенія въ Россіи, В. Я. Богучарскій (въ своей книгѣ „Изъ исторіи политической борьбы", стр. 387—389, и въ статьѣ „Земскій союзъ или священная дружина", *Русская Мысль*, 1912 г., кн. IX), доказывалъ, что „Вольное Слово" Драгоманова получало субсидію отъ полицейско-сыскной „Священной Дружины", образовавшейся въ Петербургѣ послѣ катастрофы 1-го марта 1881 г., подъ покровительствомъ высшихъ сановниковъ, для охранныхъ цѣлей. Дѣятель „Дружины" графъ П. П. Шуваловъ давалъ деньги редакціи „Вольнаго Слова" черезъ своего агента Мальшинскаго, который редактировалъ этотъ журналъ въ 1881—82 г.г., сначала одинъ, а потомъ вмѣстѣ съ Драгомановымъ. Послѣдняго Мальшинскій увѣрялъ, что субсидія получается отъ либе-

ральнаго „Земскаго Союза“, которому Шуваловъ будто бы сочувствуетъ. Цѣль субсидіи состояла въ томъ, чтобы слѣдить за дѣятельностью революціонеровъ за-границей. Въ февральской книжкѣ историческаго журнала „Голосъ Минувшаго“ за 1916 г. (стр. 157) этотъ фактъ окончательно установленъ записью изъ дневника агента „Священной Дружины“, В. Смѣльскаго, подъ 24 ноября 1881 г. Вотъ эта запись:

„Вчера гр. Шуваловъ высказалъ, что издающееся въ Женевѣ „Вольное Слово“ есть изданіе нашей „Священной Дружины“, на что тратится значительная сумма; издателемъ состоитъ агентъ Дружины Мальчевскій *), а помощникомъ его Божидаровичъ **). Газета эта установлена для того, чтобы привлечь къ ней революціонеровъ, ...и въ ней пишутъ статьи Драгомановъ и другіе революціонеры, и вотъ этимъ-то способомъ и разузнаютъ, гдѣ обитаютъ и что творятъ революціонеры... Мальчевскій полякъ, и при томъ изъ передавшихся намъ революціонеровъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что сидѣвшій въ редакціи агентъ „Священной Дружины“ Мальшинскій (о которомъ упоминаетъ и г. Бенъ-Ами въ началѣ своей статьи) былъ вдохновителемъ злобной юдофобской кампаніи въ „Вольномъ Словѣ“. Онъ могъ заказывать корреспонденціи и объ антисемитическомъ конгрессѣ и прочія боевыя статьи противъ евреевъ. Драгомановъ же, несомнѣнно сохранившій въ душѣ частицу старо-гайдамацкихъ идеаловъ, видѣлъ въ этихъ статьяхъ выраженіе „прогрессивнаго антисемитизма“.—Нужно еще обратить вниманіе на указаніе г. Бенъ-Ами, что въ послѣднихъ восьми нумерахъ „Вольнаго Слова“ рѣдко попадались выходки противъ евреевъ, и сопоставить это съ тѣмъ фактомъ, что Мальшинскій вышелъ изъ состава редакціи 1-го января 1883 г. („*Гол. Мин.*“, стр. 157, прим.), т. е. за 4 мѣсяца до прекращенія „Вольнаго Слова“,—чтобы оцѣнить темную роль „агента“ въ юдофобіи „Вольнаго Слова“.

---

*) Редакція „Гол. Мин.“ правильно исправляетъ фамилію: Мальшинскій.

**) Впослѣдствіи сотрудникъ „Новаго Времени“, подъ псевд. „Аргусъ“ (Примѣч. ред. „Г. М.“

Изъ писемъ А. Е. Ландау.

Матеріалы для исторіи „Восхода" (1884—1896).

Въ русско-еврейской литературѣ послѣднихъ двухъ десятилѣтій минувшаго вѣка „Восходъ" занималъ центральное положеніе. Независимо отъ той или другой партійной оцѣнки публицистики „Восхода", не подлежитъ сомнѣнію, что это двойное изданіе—еженедѣльное и ежемѣсячное—сосредоточивало въ себѣ бóльшую часть того, что вообще въ тѣ годы производила русско-еврейская литература. Съ 1884 по 1899 годъ (отъ прекращенія „Русскаго Еврея" до возникновенія „Будущности") изданіе А. Е. Ландау было единственнымъ представителемъ нашей періодической печати на русскомъ языкѣ. Для исторіи той эпохи, ея общественныхъ кризисовъ и литературныхъ исканій „Восходъ" даетъ богатѣйшій матеріалъ. Вотъ почему представляетъ значительный интересъ и судьба самого „Восхода", внѣшній и внутренній ростъ журнала.

Отыскивая для этого матеріалы въ старой перепискѣ, я прежде всего остановился на письмахъ А. Е. Ландау, создателя „Восхода", издававшаго его непрерывно отъ 1881 до 1899 года. Я извлекъ изъ своего архива весьма солидныя пачки писемъ Адольфа Ефимовича ко мнѣ, какъ постоянному сотруднику журнала и порою участнику редакціи (въ теченіе ряда лѣтъ я редактировалъ научныя статьи для ежемѣсячника). Но изъ большого количества писемъ мнѣ удалось извлечь лишь очень скудный чисто-литературный матеріалъ, что объясняется особенностями натуры моего корреспондента. Для всѣхъ, лично знавшихъ А. Е. Ландау, не составляло тайны, что издатель въ немъ преобладалъ надъ редакторомъ, хотя онъ сильно работалъ и надъ редактированіемъ журнала и самъ много писалъ въ еженедѣльникѣ (многія передовыя статьи, замѣтки въ хроникѣ и т. п.).

По крайней мѣрѣ, въ сношеніяхъ съ сотрудниками издательскіе интересы выступали у него на первый планъ, что дѣлало переписку съ нимъ довольно тяжелымъ занятіемъ. Въ издателѣ „Восхода“ было много чертъ Краевскаго, энергичнаго издателя „Отечественныхъ записокъ“ и „Голоса“, отношеніе котораго къ сотрудникамъ (Бѣлинскому и др.) сдѣлало его классическою фигурою въ исторіи русской печати. Вообще терпимый къ чужимъ мнѣніямъ, любитель смѣлой публицистики, часто пренебрегавшій и цензурными опасностями, А. Е. Ландау проявлялъ особую нервность во всемъ, что касалось матеріальной стороны изданія. Это, можетъ быть, оправдывалось тяжелою борьбою за матеріальное упроченіе „Восхода“ въ первые годы его существованія. Но потомъ это чрезмѣрное „хозяйственное“ рвеніе вошло въ натуру и слишкомъ часто вторгалось въ сферу литературныхъ отношеній, къ немалому для послѣднихъ ущербу.

Такой ущербъ потерпѣла и переписка А. Е. Ландау со мною. На мои литературные вопросы и редакціонныя справки (я большею частью жилъ внѣ Петербурга) мой корреспондентъ давалъ рѣдкіе и весьма лаконическіе, сухо-дѣловые отвѣты, относясь холодно къ тому, что меня подчасъ волновало. Но зато по издательско-конторской части онъ пускался въ излишнія подробности, иногда весьма полемическаго свойства, и большая часть его писемъ полна этимъ нелитературнымъ матеріаломъ.

Изъ этой коммерческой области просачивалось что-то непріятное и въ чисто-литературную часть писемъ Ландау, непріятная рѣзкость и грубоватость тона, какая-то раздражительность, отчасти можетъ быть извинительная при спѣшной и нервной работѣ редактора-издателя, несшаго въ теченіе многихъ лѣтъ обузу двухъ изданій и пережившаго немало цензурныхъ бѣдствій.

Вотъ почему изъ большинства писемъ А. Е. Ландау ко мнѣ пришлось извлечь лишь незначительные отрывки литературнаго содержанія, но кое-гдѣ прихвачены и сообщенія издательскія, характеризующія внѣшній ростъ „Восхода“. Наибольшій интересъ представляютъ письма 1891 года, когда изданіе, послѣ двухъ предостереженій, было пріостановлено министромъ Н. И. Дурново на шесть мѣсяцевъ, какъ разъ наканунѣ московскаго изгнанія и другихъ свирѣпыхъ репрессій. Въ общемъ, я полагаю, нижеслѣдующіе отрывки изъ писемъ А. Е. Ландау могутъ дать нѣкоторый, во всякомъ случаѣ, аутентичный матеріалъ для исторіи нашей журналистики. Всплыветъ кое-что забытое, вспом-

нится тернистый путь еврейскаго редактора-издателя, которому многое простится за перенесенныя имъ тяготы и тревоги, за то, что онъ все таки въ теченіе 20 лѣтъ охранялъ главный арсеналъ русско-еврейской литературы.

Мои подстрочныя примѣчанія уяснятъ читателю тѣ загадочныя мѣста въ печатаемыхъ ниже письмахъ, смыслъ которыхъ могъ быть вполнѣ ясенъ только адресату.

С. Дубновъ.

№ 1. Петербургъ. (Лѣто 1884 г.).

Статья Ваша идетъ въ ноябрьской книжкѣ „Восхода". Что же касается отвѣта Гордону [1]), то я считаю это дѣло слишкомъ мелочнымъ, чтобы вновь къ нему возвратиться. Замѣтка Ваша хотя и набрана, но я ее все таки не пустилъ, тѣмъ болѣе, что относительно *выдуманности* книги и авторовъ Вы не правы...

№ 2. Спб. 17. XI. 1887.

...Относительно Вашего „Введенія" [2]) я долженъ Вамъ сказать, что оно не только въ ноябрьскую, но едва ли въ декабрьскую книгу попадетъ. Ноябрьская книжка уже вышла, а въ декабрьской надо кончать начатыя статьи, а Ваша занимаетъ около 2-хъ листовъ. Впрочемъ, увижу.

Для декабрьской книги не мѣшало бы написать „Литературную лѣтопись" о новой книгѣ Ренана [3]). Вы, вѣроятно, найдете ее въ варшавскихъ книжныхъ магазинахъ, а нѣтъ—такъ въ редакціи „Izraelita", къ редактору котораго г. Пельтыну прилагаю Вамъ письмо. Онъ Вамъ будетъ полезенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Познакомьтесь тамъ съ Адольфомъ Когономъ [4]), черезъ г. Пельтына,—онъ тоже можетъ быть полезенъ и Вамъ и „Восходу". При его помощи вы найдете для меня въ Варшавѣ дѣльнаго корреспондента, который бы давалъ отчеты о еврейской жизни въ Польшѣ, равно какъ и о литературныхъ явленіяхъ и журнальныхъ статьяхъ по еврейскому вопросу въ Царствѣ Польскомъ.—Ад. Когонъ самъ можетъ взяться за это дѣло. Вы только ему будете исправлять русскій слогъ...

---

[1]) Въ 5-й книжкѣ „Восхода" 1884 г. была напечатана моя рецензія на полемическую книжку Михеля Гордона и Я. Вайсберга („Литер. Лѣтопись", стр. 42—46). Написанная съ юношескимъ задоромъ, рецензія вызвала отвѣтъ поэта Л. Гордона въ 7-й книжкѣ журнала. Въ настоящемъ письмѣ А. Е. Ландау рѣчь идетъ о моемъ возраженіи на отвѣтъ Гордона. Ср. объ этомъ эпизодѣ „Iggarot I. L. Gordon", II, 75, 79 (Варшава, „Ахіасафъ" 1894).

[2]) Введеніе въ исторію хасидизма.

[3]) 1-й томъ „Histoire du peuple d'Israel".

[4]) Извѣстный адвокатъ, соредакторъ „Izraelita", одно время печаталъ въ „Восходѣ" обзоры еврейской жизни въ Польшѣ. См. *Евр. Стар.* 1914, стр. 42 сл.

№ 3. Спб. 9. I. 1888 г.

...Подписка на „Восходъ" идетъ такъ же, какъ въ прошломъ году, не хуже и не лучше. Ужъ не знаю, что дѣлать. Всѣ довольны, но никто не подписывается. Просто умопомраченіе...

Повидайтесь, пожалуйста, съ г. Адольфомъ Когономъ. Его адресъ Вы узнаете въ редакціи Izraelity или Prawdy. Онъ условился со мною написать корреспонденцію и выдержки изъ польскихъ газетъ, а до сихъ поръ не имѣю отъ него ни строчки. Пусть дастъ отвѣтъ, будетъ ли онъ писать или нѣтъ. Мнѣ это необходимо знать.

№ 4. Спб. 5. VI. 1888.

...Книжку задержала цензура на цѣлый мѣсяцъ, потому что она изъ-за статьи Карпелеса вновь попала въ духовную цензуру. Редакторъ „Восхода" тотъ же Ландау, который былъ. Жиды же остаются тѣми же, какіе они были. И когда книжки выходили каждое 1-ое число, и теперь число подписчиковъ одинаковое. Тутъ ничего не подѣлаешь. Суть не въ этомъ и даже не въ содержаніи книжекъ журнала, а въ скаредности и инертности нашихъ богачей и интеллигентовъ [1]).

№ 5. (Октябрь 1888 г.).

Прежде всего, успокойтесь... Не только никто меня не уговаривалъ насчетъ Вашей статьи о жаргонной литературѣ, но никто даже со мною не говорилъ объ ней [2]). Мало того, я даже до сихъ поръ не читалъ ее. Изъ всего этого можете заключить, каковы Ваши достовѣрные корреспонденты и гдѣ куются интриги, у меня или около меня, или же Вашими собственными друзьями— противъ кого уже не знаю. Такъ о данномъ случаѣ,—о какихъ же другихъ интригахъ Вы говорите, я уже совершенно не знаю. Надо думать, что Вы въ послѣднее время стали уже болѣе нервны. По строжайше наведеннымъ справкамъ оказывается, что статью Вашу никто никому изъ типографіи не давалъ, но что во время чтенія первой корректуры корректоромъ тутъ случился Ф., и онъ ее мелькомъ просмотрѣлъ. Но ни онъ—я съ нимъ вообще, какъ Вамъ извѣстно, не говорю—ни кто либо другой со мною о статьѣ не говорилъ. Да, какъ я уже выше говорилъ, я самъ только собираюсь прочесть ее въ корректурѣ. Чтобы закончить съ этимъ дѣломъ, я еще прибавлю, что Вы напрасно не сообщили имени того лица, которое передало Вамъ это достовѣрное извѣстіе, въ которомъ Вы, очевидно, нисколько „не сомнѣвались". Прошу Васъ сообщить мнѣ это имя, такъ какъ нужно же и мнѣ знать, кто меня окружаетъ и какіе пути эти

---

[1]) Отвѣтъ на мой упрекъ относительно неаккуратности выхода книжекъ „Восхода" и слабости нѣкоторыхъ статей.

[2]) Въ 10-й книжкѣ „Восхода" за 1888 г. появилась моя большая статья „О жаргонной литературѣ". По поводу промедленія редакціи въ помѣщеніи этой статьи, мнѣ писалъ Шаломъ-Алейхемъ изъ Кіева, что по его свѣдѣніямъ кто-то въ Петербургѣ агитируетъ въ редакціи противъ ея идеи —защиты жаргона въ литературѣ.

окружающіе избираютъ для своихъ цѣлей, для меня впрочемъ совершенно непонятныхъ.

Не могу ничего сказать и о сущности Вашей статьи, такъ какъ я ее не читалъ, но вообще я полагаю, что мы уже черезъчуръ много стали заниматься жаргонной литературой, которая въ сущности, какъ и вообще вся нынѣшняя древнееврейская литература, за самыми микроскопическими исключеніями, выѣденнаго яйца не стоитъ—уже потому одному, что всѣ эти авторы и авторишки круглые невѣжды и что всѣ ихъ писанія, будь они написаны на какомъ-нибудь европейскомъ языкѣ, едва ли когда-нибудь увидѣли бы печатный станокъ. Во всякомъ же случаѣ, самое лучшее изъ нихъ не можетъ сравниться съ самымъ посредственнымъ произведеніемъ какой-либо другой литературы,—а мы носимся съ ними какъ съ писанной торбой и все снова и снова къ нимъ возвращаемся. Право, слишкомъ много чести.

Романъ „Софія Маличъ" [1]) написанъ русскимъ, а то, что онъ плохъ, это я знаю, потому что онъ въ рукописи еще былъ отданъ въ „Восходъ", но автору было предложено сократить его на половину при помощи Лазарева [2]) и получить половину гонорара, но онъ почему-то не согласился. Г. Ге—старый человѣкъ, но большой либералъ и повидимому юдофилъ. Онъ изъ Николаева—земскій дѣятель, и всегда заступался за евреевъ. Надо немножко „dan lekaf sechut", но конечно быть строго безпристрастнымъ. Онъ говоритъ, что его романъ хотѣли взять въ какой-то журналъ, но съ тѣмъ, чтобы его героиня впослѣдствіи перешла въ христіанство, на что онъ не согласился...

№ 6. Спб. 24. V. 1889 г.

Посылаю Вамъ вмѣстѣ съ симъ корректуры Вашихъ статей о революціи и „Литературную Лѣтопись". Я рѣшительно не понимаю, какъ можно написать болѣе двухъ листовъ объ одномъ романѣ, въ общемъ безобразномъ [3]). Ничего подобнаго не практиковалось ни въ одной литературѣ даже о шедеврахъ... Я еще не успѣлъ прочесть эту „лѣтопись". Лѣтопись не попала поэтому въ майскую книжку, а появится въ іюньской, такъ какъ надо

---

[1]) Большой соціальный или „идейный" романъ *I. Н. Ге*, обстоятельно разобранный мною въ 11—12-й книжкѣ „Восхода" 1888 г. Главная героиня, интеллигентная еврейка-космополитка, мечется между русскимъ и еврейскимъ обществомъ, не находя себѣ пристанища ни тамъ, ни здѣсь послѣ погромовъ начала 80-хъ годовъ.

[2]) Секретарь редакціи, писавшій фельетоны въ еженедѣльникѣ подъ именемъ „Оптимистъ".

[3]) Статья о романѣ-памфлетѣ В. Крестовскаго „Тьма Египетская" (*Восх.* 1889, кн. VI, стр. 7—30), имѣла цѣль публицистическую: обличеніе тогдашней правящей юдофобіи, что по цензурнымъ условіямъ легче было дѣлать въ формѣ критики романа. Отсюда и значительные размѣры статьи, о которой редакторъ судилъ какъ говорится дальше, не успѣвъ прочесть ее (онъ обыкновенно читалъ мои статьи лишь въ послѣдней корректурѣ передъ выходомъ книжки).

было сократить для этого первый отдѣлъ. Въ майскую пошла вся Ваша библіографія...

Прилагаю вырѣзку изъ „Правительственнаго Вѣстника" о романѣ Крестовскаго, о которой можно было бы написать маленькій postscriptum [1]).

№ 7. 28. IX. 1889.

...Что будетъ съ „Литературной Лѣтописью?" Если Вы не намѣрены рецензировать книгу Моргулиса и сочиненія Рабиновича [2]), то напишите мнѣ объ этомъ, и я это передамъ кому-нибудь другому. Нельзя такъ долго игнорировать такія книги.

Корректура Вашей статьи при семъ прилагается. Сколько еще будетъ продолжаться „Цадикизмъ?"—Напишите, когда Вы доставите „Литературную Лѣтопись" для сентябрьской книги—и вообще доставите ли ее. Надо теперь поспѣшить, потому что надо скорѣе выпустить книгу. Если бы „Литературная Лѣтопись" была уже въ моихъ рукахъ, я бы выпустилъ сейчасъ октябрьскую книгу.

№ 8. 17. XI. (1889).

... Вы заявляете сперва, что до ноября, а затѣмъ до декабря, а теперь даже уже, что и въ январьской книгѣ не будетъ Вашей „Литературной Лѣтописи" [3]). Такъ дѣло вести нельзя. Еще одну, другую книжку можно какъ-нибудь обойтись безъ постояннаго рецензента, но набирать „Литературную Лѣтопись" съ сосенки и съ бору постоянно—это дѣло для меня неподходящее. При томъ я не вижу никакой необходимости, чтобы Вы изъ-за „Хасидизма", котораго уже есть у Васъ, какъ видно, на цѣлыхъ 6 книгъ, теперь оставили критическій отдѣлъ, который нуженъ сейчасъ же. Впрочемъ, это Ваше дѣло, но я долженъ предупредить Васъ, что я буду искать себѣ другого *постояннаго сотрудника* по литературно-критическому отдѣлу. По всей вѣроятности я остановлюсь на Гордонѣ [4]), которому я пока передалъ собраніе сочиненій Рабиновича, въ виду того, что онъ къ разбору можетъ присоединить свои личныя воспоминанія, такъ какъ онъ находился съ Рабиновичемъ въ постоянной перепискѣ. Откровенно скажу Вамъ, что для меня это было бы далеко непріятно, но что же дѣлать, когда Вы сами меня къ этому вынуждаете?

И вотъ я жду Вашего отвѣта, для того, чтобы принять то или другое рѣшеніе. Если Вы желаете сохранить за собою критическій отдѣлъ, который Вы всегда такъ отстаивали, съ такимъ необычайнымъ энтузіазмомъ, и который, когда это Вамъ удобно,

---

[1]) Въ „Правит. Вѣстн." появился похвальный отзывъ о романѣ Крестовскаго, что еще болѣе оттѣняло его политическое значеніе.

[2]) „Вопросы еврейской жизни" М. Г. Моргулиса и вышедшее тогда собраніе сочиненій О. Рабиновича.

[3]) Занятый сложною работою по исторіи хасидизма, я на время сократилъ свое участіе въ критическомъ отдѣлѣ „Восхода".

[4]) Поэтъ Л. Гордонъ, мой предшественникъ по веденію критическаго отдѣла въ „Восходѣ" (подъ псевдонимомъ *Меваккеръ*).

Вы бросаете на произволъ разныхъ случайныхъ людей, то оставьте на время Вашъ хасидизмъ, который понадобится намъ не раньше марта мѣсяца, и возьмитесь тотчасъ за „Лѣтопись“ для декабрьской книжки. „Лѣтопись“ эту я долженъ имѣть въ первыхъ числахъ декабря,—и во всякомъ случаѣ, если уже не для декабрьской книги, то для январьской *всенепремѣнно*, и она должна быть не позже 15—18 декабря у меня въ рукахъ, и желательно, чтобы она была интересной. Если же Вы этого не можете или вѣрнѣе не желаете, то я вынужденъ буду передать дѣло окончательно Гордону, причемъ я тогда долженъ буду вообще перенести нѣкоторыя Ваши нравственныя права, какъ постояннаго сотрудника, на того же Гордона. Повторяю, я это сдѣлалъ бы крайне неохотно, и это было бы не въ пользу журнала, но находиться постоянно въ неизвѣстности—кому отдать книги для рецензій, и набирать рецензентовъ откуда попало, я считаю еще вреднѣе. А потому рѣшайте и дайте мнѣ немедленно отвѣтъ.

№ 9. 13. I. 1890.

...Число подписчиковъ въ 1889 не превышало 2.300, въ томъ числѣ около 100 даровыхъ. Денежныхъ, слѣдовательно, не болѣе 2.200. Эти статистическія данныя значенія не имѣютъ, такъ какъ... (слово не разобрано) входитъ 3 и иногда 4 раза адресъ одного и того же подписчика. Мы печатали журналъ только въ количествѣ 2.500 экз., а газету только въ количествѣ 2.350 экз. Когда Вы будете въ Петербургѣ, то это увидите по книгамъ подписчиковъ и по цензурнымъ книгамъ типографіи...

№ 10. Спб. 27. I. 1890.

...Гордонъ отказался рецензировать Рабиновича, какъ я уже писалъ Вамъ раньше...

Теперь одно очень важное обстоятельство, на которое прошу обратить серьезное вниманіе. Я условился съ Мордовцевымъ, чтобы онъ написалъ для „Восхода“ разсказъ или романъ изъ временъ Хмѣльницкаго или Гайдамачины. Вы въ послѣднее время усиленно занимались изученіемъ этой эпохи и, вѣроятно, встрѣчались съ матеріалами и эпизодами, которые могли бы быть эксплоатированы для повѣсти или какого-либо иного беллетристическаго произведенія. Просьба моя и Мордовцева состоитъ въ томъ, чтобы возможно подробнѣе намѣтили подходящіе сюжеты и указали источники, которые могли бы служить подспорьемъ для автора. Очень прошу Васъ не медлить и дать отвѣтъ по возможности скорѣе, и чѣмъ подробнѣе—тѣмъ лучше [1]).

---

[1]) Требуемыя свѣдѣнія мною были даны. Повѣсть Мордовцева, п. з. „Между молотомъ и наковальней: изъ временъ уманской рѣзни“, печаталась въ первыхъ трехъ книжкахъ „Восхода“ 1891 г., но была прервана, попавъ въ перечень статей „крайне вреднаго направленія“, за которыя „Восходъ“ въ мартѣ 1891 г. былъ пріостановленъ на полгода. Позже вышла въ скомканномъ видѣ, подъ заглавіемъ „Между Сциллой и Харибдой“.

Подписка на „Восходъ" въ этомъ году увеличилась на 200 человѣкъ. И теперь уже у насъ около 2.600 подписчиковъ.

№ 11. Спб. 25. III. 1890.

...Относительно цензуры надо быть очень осторожнымъ, въ особенности въ вопросахъ религіозныхъ.

Сегодня отправляемъ въ цензуру мартовскую книгу, и я очень занятъ.

№ 12. Спб. 7. II. 1891.

...Подписка идетъ лучше, чѣмъ въ прошломъ году, и въ настоящее время имѣется уже около 2.800 подписчиковъ, такъ что пожалуй можно разсчитывать на 3.000; но конечно къ 1-му апрѣля она опять уменьшится на 500, какъ всегда.

...Вы пишете, что дадите передышку читателямъ своимъ „Расколомъ" [1]). Въ такомъ случаѣ можно бы уже теперь одну-другую книжку пропустить, чтобы дать возможность помѣстить другія вещи, лежащія въ портфелѣ редакціи уже цѣлые годы. Вы поэтому не удивляйтесь, если въ мартовской книгѣ не будетъ Вашего „Хасидизма". Дѣло въ томъ, что я собираюсь во что бы то ни стало установить такой порядокъ, чтобы книжки выходили непремѣнно въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца. А это я могу начать уже теперь съ мартовской книги, если я не подожду Вашего „Хасидизма". Все остальное уже готово, и нѣсколько листовъ уже даже напечатано. Задержка только за Вашею „Литературною Лѣтописью", корректуру которой прошу Васъ выслать немедленно,—иначе я вынужденъ буду печатать ее безъ Вашей корректуры.—Я надѣюсь, что Вы ничего не будете имѣть противъ того, что „Расколъ" начнется опять печатаніемъ въ апрѣльской книгѣ...

№ 13. Спб., 20. III. 1891 г.

Ударъ былъ для меня совершенно неожиданный [2]), тѣмъ болѣе, что уже около полугода не имѣлъ рѣшительно никакихъ объясненій по дѣлу изданія. И до сихъ поръ не выяснена истинная причина этого рокового распоряженія. Предварительныя объявленія я на слѣдующій же день послалъ черезъ Свержинскаго [3]) въ одесскія газеты. Не знаю, напечатаны ли они уже или нѣтъ. Но какъ ни тяжелъ былъ ударъ для меня—моя первая мысль была о Васъ..., что я и высказалъ бывшему у меня въ то время, какъ принесли роковое „распоряженіе", Фругу и

---

[1]) „Исторія хасидскаго раскола", печатавшаяся въ „Восходѣ" 1890—1891 г.г.

[2]) Пріостановленіе „Восхода" по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ на полгода, послѣ двухъ предостереженій, за „упорствованіе въ своемъ крайне вредномъ направленіи". Распоряженіе министра было объявлено 13 марта 1891 г., незадолго до изгнанія евреевъ изъ Москвы, въ моментъ крайняго усиленія репрессивной политики по отношенію къ евреямъ. Я тогда жилъ въ Одессѣ.

[3]) Агентъ „Восхода" въ Одессѣ.

въ письмѣ къ С. просилъ его тотчасъ же зайти къ Вамъ и успокоить Васъ.

Но что особенно печально во всемъ этомъ дѣлѣ—это вторичное убѣжденіе въ томъ, что я здѣсь, въ Петербургѣ, стою совершенно одинъ, и что ни нашимъ богачамъ, ни нашимъ интеллигентамъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла ни до меня, ни до „Восхода". Представьте, что до сихъ поръ, кромѣ Фруга и Грузенберга, ни одна еврейская собака не заходила ко мнѣ, хотя бы для приличія, выразить свое сочувствіе. Единственное утѣшеніе, что хоть въ христіанскомъ кругу „Восходъ" пользуется большимъ сочувствіемъ. Бершадскій, Сементковскій, Н. Д. Градовскій, Никитинъ, Песковскій, Мордовцевъ уже на слѣдующій день или лично были у меня или прислали сочувственныя письма. И вотъ тутъ поневолѣ рождается вопросъ: „для кого мы работаемъ" и стоитъ ли подвергаться всѣмъ этимъ превратностямъ, всѣмъ этимъ нервнымъ потрясеніямъ? Не смѣшны ли мы съ нашими напрасными усиліями, и вообще нужны ли мы кому-нибудь и на что-нибудь? Вотъ гдѣ самая печальная, нравственная сторона этого дѣла, и она дѣйствуетъ гораздо болѣе интенсивно, чѣмъ ударъ, нанесенный извнѣ чужою рукою, рукою тѣхъ, которые не понимаютъ въ сущности ни нашего положенія, ни нашего горя. И этотъ, такъ сказать, внутренній ударъ до сихъ поръ не даетъ мнѣ успокоиться, производитъ странное нервное разстройство, такъ что я рѣшительно не въ состояніи на чемъ-либо сосредоточиваться, принять какое-либо рѣшеніе.

Вѣроятно, и мое настоящее письмо крайне базсвязно написано, все вслѣдствіе нервнаго разстройства, и предметы въ немъ перескакиваютъ съ пятаго на десятое. Мысль о Сборникѣ, конечно, и мнѣ тотчасъ же пришла въ голову [1]), но по всей вѣроятности она могла бы осуществиться, если бы подписчики съ разсрочкой возобновили свои взносы. Дѣло въ томъ, что подписчиковъ, уплатившихъ за цѣлый годъ, имѣется не болѣе 1000 человѣкъ. Всѣ остальные съ разсрочкою. Около 500 уже, положимъ, внесли второй взносъ. Но теперь уже чувствуется пріостановка высылки 2-го взноса. Если хоть 1200 человѣкъ не внесутъ 2-го взноса, то вѣдь это будетъ окончательное для меня разореніе ($1200 \times 6 = 7.200$ р.), и что мы тогда сдѣлаемъ со Сборникомъ? Куда мы его дѣнемъ? И если провинція обнаружитъ такой же индиферентизмъ, какъ Петербургъ, то въ какомъ мы очутимся положеніи? Поэтому рѣшеніе вопроса о Сборникѣ надо отложить по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ, пока выяснится отношеніе провинціи. Но на нее надо дѣйствовать, а я отсюда ничего не могу сдѣлать. Можетъ быть, это вамъ, одесситамъ, удобнѣе будетъ, уже потому одному, что въ одной Одессѣ около 150 подписчиковъ, подписавшихся съ разсрочкой, а въ близкомъ Хер-

---

[1]) Я совѣтовалъ А. Е. Ландау издать для подписчиковъ на время перерыва большой сборникъ литературно-политическаго содержанія.

сонѣ тоже человѣкъ 50. Точно также у васъ найдется много людей, имѣющихъ связи въ остальной провинціи. Дѣйствуйте.

Я только-что получилъ письмо отъ Моргулиса, въ которомъ онъ мнѣ пишетъ, между прочимъ, что онъ остановился посылкою Свержинскаго для вербовки подписчиковъ для „Восхода". Это совершенно напрасно. Напротивъ, теперь самое время дѣйствовать въ пользу, и это было бы двойнымъ утѣшеніемъ и удовлетвореніемъ. Первыя три книги и №№ 1—10 имѣются еще въ количествѣ 100—150 экземпляровъ, и было бы очень кстати, если бы на нихъ появился вновь спросъ...

...Благодарите отъ моего имени всѣхъ тѣхъ, которые дѣйствительно искренно мнѣ сочувствуютъ. Прочтите мое письмо Моргулису. Я ему сегодня пишу отдѣльно, но коротко, такъ какъ я сильно волнуюсь, когда мнѣ приходится затрагивать предметъ, столь близко задѣвшій интересы и матеріальные, но еще болѣе нравственные.

№ 14. 31. III. 1891 г.

Относительно „Сборника" нельзя дѣлать никакихъ объявленій, да и говорить объ этомъ всѣмъ и каждому нельзя. Издателемъ его, вѣроятно, будетъ фигурировать или П. Я. Левенсонъ [1]), или другое какое-нибудь лицо. Редакція не имѣетъ права печатать что-нибудь другое въ удовлетвореніе подписчиковъ и *объявить* объ этомъ. Это можетъ быть предметомъ *частнаго* соглашенія. Объявленіе въ „Гамелицѣ" объ удовлетвореніи уже было, и цензура тамъ не пропустила словъ объ удовлетвореніи „инымъ способомъ". Точно также редакція „Гацефира" сообщаетъ, что и тамъ цензоръ не пропустилъ это объявленіе.

Относительно отдѣльныхъ оттисковъ Вашей исторической статьи [2]) дѣло крайне затруднительно, такъ какъ она меньше десяти листовъ, и ее надо представить въ предварительную цензуру цѣликомъ. Надо, значитъ, набрать всю статью заразъ и держать шрифтъ, пока цензоръ не возвратитъ. Или же ее надо представить въ рукописи. И такъ какъ ни первое, ни второе очевидно невозможно, такъ какъ Вы намѣрены править статью въ корректурѣ, то Вы или должны отказаться отъ отдѣльныхъ оттисковъ (не исключая, конечно, 25), или же заплатить за новый наборъ. Признаться, я даже не особенно понимаю, для чего Вамъ эти отдѣльные оттиски. Вѣдь самъ „Сборникъ"—развѣ будетъ библіографическою рѣдкостью? Напишите Ваше рѣшеніе.

Скажите NN, что я думалъ пустить его „Черезъ границу" въ „Сборникѣ", но прочитавъ его очеркъ, я пришелъ къ заключенію, что онъ не можетъ замѣнить собою требующагося для „Сборника" беллетристическаго оригинальнаго произведенія...

---

[1]) Извѣстный адвокатъ, авторъ путевыхъ очерковъ о Европѣ и монографіи „Неразгаданный богатырь" (о Биконсфильдѣ-Дизраэли) въ „Восходѣ".

[2]) „Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ" (сборникъ „Восхода" 1891 г., кн. IV—IX), вышедшая и отдѣльной книжкой.

Его придется пустить въ „Восходѣ“. Но можетъ быть—у него есть на готовѣ что-нибудь другое, болѣе такъ сказать литературнаго и беллетристическаго характера,—пусть пришлетъ для Сборника. Жду для Сборника что-нибудь и отъ Моргулиса.

Пожалуйста, берите Моргулиса за бока, чтобы онъ сдѣлалъ все возможное для матеріальной поддержки „Восхода“, а то чистое разореніе.

№ 15. 20. V. 1891 г.

Я Вамъ не писалъ, потому что писать нечего: ничего опредѣленнаго я самъ не знаю. „Восходъ“ я, конечно, разсчитываю продолжать непремѣнно, но будетъ ли это возможно со стороны не отъ меня зависящей—этого я не знаю, такъ какъ до сихъ поръ не выяснилось, откуда былъ направленъ ударъ и на что именно. „Сборникъ“ печатается, а выйдетъ ли онъ, тоже это вѣдь не отъ издателя зависитъ. Корректуру второй половины Вашей статьи Вамъ вышлютъ завтра. 2 страницы изъ этой новой корректуры уже напечатаны, и ихъ править уже нельзя. Если „Сборникъ“ вообще выйдетъ, то онъ выйдетъ въ среднихъ числахъ іюня. Листовъ 10 уже напечатано. Общее положеніе какъ будто стало сноснѣе. По крайней мѣрѣ—такъ говорятъ.

...Представьте себѣ, что отдѣльное изданіе Градовскаго — „О чертѣ осѣдлости“ задержано вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ, и не выпускаютъ [1])...

№ 16. (Іюнь ?) 1891.

Я вамъ не могъ дать никакого положительнаго отвѣта на Ваше письмо, потому что самъ еще не зналъ, да и до сихъ поръ не знаю, что будетъ. Знаю только то, что я буду издавать „Восходъ“ до тѣхъ поръ, пока это будетъ возможно, а это можетъ выясниться по его возобновленіи.

„Сборникъ“ печатается и подходитъ къ концу. Онъ, вѣроятно, выйдетъ въ первыхъ числахъ іюля, если не будетъ препятствій. Издатель его—П. Я. Левенсонъ...

Весьма желательно было бы, чтобы Вы взялись за составленіе *дополненія* къ „Исторіи литературы“ Карпелеса, который совершенно игнорировалъ не только русскую, но русско-еврейскую литературу, т. е. еврейскихъ литераторовъ въ Россіи. Это могло бы быть дано въ видѣ приложенія къ „Восходу“, а еслибы даже „Восходъ“ не выходилъ, то это можно было бы издать отдѣльно. Можно бы, кажется, написать листовъ 15—20...

№ 17. 17. IX. 1891.

...Теперь о томъ, что касается положенія „Восхода“. Вы, точно, живете въ какой-то Аркадіи и не хотите знать, что я

---

1) Книга чиновника Н. Д. Градовскаго (братъ извѣстнаго профессора-юриста), печатавшаяся рядъ лѣтъ въ „Восходѣ“ и доказывавшая, что терпимое отношеніе къ евреямъ совмѣстимо съ православіемъ, самодержавіемъ и народностью—тремя китами русской государственности...

самъ рѣшительно ничего не знаю о его судьбѣ, такъ какъ существуетъ цензура, отъ которой все зависитъ. Только вчера выяснилось нѣсколько будущее положеніе „Восхода“ и „Хроники“, а сегодня вышелъ „Сборникъ“, т. е. собственно теперь уже не Сборникъ, а „Восходъ“ за апрѣль—сентябрь, что въ цензурномъ отношеніи оказалось гораздо удобнѣе. А выяснилось слѣдующее: журналъ будетъ выходить на прежнихъ основаніяхъ [1]); „Хроника“ же собственно будетъ выходить тоже безъ цензуры, въ томъ смыслѣ, что цензоръ не въ правѣ ничего вычеркивать, но ему предоставлено право конфисковать № за всякую фразу, которая ему не понравится, безъ всякихъ объясненій и безъ преданія суду. № затѣмъ уничтожается—и дѣлу конецъ. И вотъ теперь задача—писать такъ, чтобы цензоръ не имѣлъ повода это сдѣлать. Понимаете положеніе? Но за то мнѣ обѣщали, что если мѣсяца 3—4 буду держаться прилично въ цензурномъ отношеніи, то съ меня снимутъ эту кару, и положеніе „Восхода“ улучшится и упрочится, такъ какъ онъ будетъ чистъ отъ всѣхъ предостереженій. Но для этого нужно крайне осторожно держаться не только въ „Хроникѣ“, но и въ журналѣ, такъ какъ это въ сущности одно и тоже,—и вотъ Вамъ все это для руководства. Объясните это и Б. А., который вообще, кажется, думаетъ, что ни однимъ словомъ изъ его статей нельзя пожертвовать изъ-за цензурныхъ отношеній. Пусть онъ въ своихъ письмахъ и статьяхъ имѣетъ въ виду, что малѣйшее сомнительное слово будетъ безпощадно вычеркнуто, ибо совершенно безполезно набрать то, что не будетъ пропущено. Надо имѣть терпѣніе.

№ 18. 19. XII. 1891.

Я никакъ не ожидалъ, что Вы поддадитесь безобразному и гнусному требованію какихъ-то распорядителей—кстати сообщите мнѣ, пожалуйста, ихъ драгоцѣнныя имена—и измѣните надпись на вѣнкѣ Пинскеру [1]). Вѣдь этакій деспотизмъ не обнаруживаетъ даже и русская полиція по отношенію къ выраженію своихъ симпатій и антипатій къ усопшимъ. Вѣдь это хуже всякаго херима. Неужели они еще не тащутъ людей на улицахъ за шиворотъ въ кутузку, если они смѣютъ свое сужденіе имѣть?

---

[1]) Т. е. безъ предварительной цензуры.

[2]) Это—любопытный эпизодъ, въ свое время вызвавшій въ Одессѣ и Петербургѣ бурю въ стаканѣ воды. Въ декабрѣ 1891 г., послѣ смерти д-ра Л. Пинскера, автора „Авто-эмансипаціи“, А. Е. Ландау телеграфировалъ мнѣ въ Одессу, чтобы я возложилъ вѣнокъ на гробъ съ надписью: „Убѣжденному, *но* толерантному другу народа—редакція Восхода“. Родные и близкіе покойнаго, особенно же его сподвижникъ по палестинской работѣ Лиліенблюмъ и другіе „ховеве-ціонъ“, запротестовали противъ обиднаго „но“ въ надписи на вѣнкѣ. Такъ какъ это было заявлено за нѣсколько часовъ до похоронъ и снестись телеграфно съ Петербургомъ было невозможно, то пришлось уступить и замѣнить дразнящее „но“ мирнымъ, хотя и безсмысленнымъ, „и“. По этому поводу редакція помѣстила въ „Восходѣ“ ругательную замѣтку противъ „цензоровъ-распорядителей“ (*Хрон.* № 24, ст. 704), а Ландау послалъ мнѣ сердитое письмо.

Вѣдь это же самый безобразный терроръ. Но вы то, Семенъ Марковичъ, какое право Вы имѣли, не спросясь меня,—Вы могли это сдѣлать по телеграфу на мой счетъ,—переиначить надпись? Вѣдь я хотѣлъ этимъ что-нибудь сказать, вѣдь въ этомъ выраженъ взглядъ „Восхода" на Пинскера, а Вы взяли и написали банальную фразу. По какому праву? Еслибы я хотѣлъ, чтобы на вѣнкѣ была безразличная надпись, то я бы телеграфировалъ просто: возложить вѣнокъ отъ моего имени. Но я телеграфировалъ текстъ надписи,—значитъ, я объ ней думалъ и зналъ, чего я хочу—и, какъ оказывается, отлично зналъ, отлично понимаю этихъ безобразниковъ. И Пинскера я отлично зналъ, зналъ его не по наслышкѣ, а *по его письмамъ ко мнѣ*. И на основанiи этихъ данныхъ я и телеграфировалъ текстъ надписи. Но вообще это нѣчто неслыханное. Мнѣ не впервые возлагать вѣнки и видѣть ихъ, читать надписи, бывать на похоронахъ, но впервые вижу и слышу, чтобы кто либо осмѣлился измѣнить текстъ, который желаетъ имѣть на вѣнкѣ лицо, возлагающее его. И эти-то фанатики, не умѣющіе держаться и воздерживаться въ такихъ ничтожныхъ дѣлахъ, хотятъ создать государство, хотятъ быть руководителями народа, его—небось—правителями! Вѣдь эдакъ всѣ тюрьмы будутъ переполнены, всѣ казематы биткомъ набиты, а гильотина будетъ работать днемъ и ночью. Тьфу, какая гадость!

Теперь, скажите мнѣ, какое такое удовлетворенiе я имѣю дать Бенъ-Ами. Повѣрите ли или нѣтъ, но только послѣ Вашего послѣдняго письма я додумался до того, что подъ „сынами народа" Гр. могъ разумѣть Бенъ-Ами [1]). Я же попросту подъ этимъ титуломъ разумѣлъ у него тѣхъ, которые играютъ этимъ названiемъ, щеголяютъ имъ и хвастаютъ, что только они одни—сынки народа. Я въ качествѣ редактора не думалъ его имѣть въ виду, когда позволилъ Гр. писать то, что онъ писалъ, а тѣмъ болѣе не можетъ объ этомъ думать публика, которая совершенно не знаетъ закулисной стороны дѣла. Какъ честный человѣкъ говорю Вамъ, что только теперь соображаю, что Гр. могъ его имѣть въ виду, а то можетъ быть дѣйствительно не пропустилъ бы этого названiя „сынки народа", не потому конечно, что Бенъ-Ами можетъ быть полезенъ журналу, а потому, что мнѣ просто не по душѣ такого рода полемика, хоть ничего обиднаго и позорнаго въ этомъ не заключается. Это Вы можете ему передать, а затѣмъ, право, не знаю, о какомъ такомъ удовлетворенiи тутъ можно еще говорить.

№ 19. Спб. X. 1893.

Статью Вашу о „еврейской исторiи" [2]) я хотя и отдалъ въ

[1]) Въ своемъ письмѣ я протестовалъ противъ обиднаго намека на этого писателя, сдѣланнаго въ одной изъ „заграничныхъ хроникъ" С. О. Грузенберга въ формѣ ироническаго эпитета „сынки народа", примѣненнаго къ „палестинцамъ" или вообще нацiоналистамъ,—не помню уже.

[2]) „Что такое еврейская исторiя" (Восх. 1893, кн. 10—12).

типографію для набора, но нахожу, что тонъ ея слишкомъ приподнятый, и въ такомъ видѣ едва ли пройдетъ благополучно черезъ цензуру. Мало того, изъ-за этого тона она можетъ запретить всю статью. Но помимо этого, даже вполнѣ раздѣляя Ваши взгляды, нельзя не сознать, что тонъ ея въ настоящее время крайне неумѣстенъ и неполитиченъ и, кромѣ вреда и неистовыхъ криковъ о самомнѣніи, намъ ничего принести не можетъ. Тѣмъ не менѣе, какъ я уже сказалъ, я отдалъ статью въ наборъ безъ всякихъ измѣненій, предоставляя Вамъ самимъ произвести таковыя, въ сущности незначительныя, такъ какъ тутъ рѣчь главнымъ образомъ идетъ о замѣнѣ словъ и фразъ и удаленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ...

№ 20. Спб. 12. V. 1894.

Меня очень удивляетъ, что Вы опять посвятили свою „Лѣтопись" *жаргону*,—уже слишкомъ много мы имъ занимаемся въ то время, какъ необходимо было разобрать статьи Шугурова въ „Русскомъ Архивѣ" и статью Ст. въ „Русскомъ Обозрѣніи", о которыхъ я уже давно писалъ Вамъ. Сообщите, возьметесь ли Вы за разборъ этихъ статей. Если нѣтъ, то я поручу это другому лицу, потому что игнорировать эти статьи „Восходу" отнюдь не приходится. Отвѣтъ прошу Васъ мнѣ дать немедленно по полученіи этого письма...

№ 21. Спб. 4. XI. 1894 г.

Все, что Вы мнѣ сообщаете по поводу телеграммъ и разсужденій о пріостановкѣ „Восхода" [1]), свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что одесситы не только никакого понятія не имѣютъ о законахъ о печати,—иначе они бы знали, что такая пріостановка невозможна,—но что они кромѣ того никакъ не могутъ отдѣлаться отъ извѣстной дозы холопства, несмотря на то, что они корчатъ изъ себя совершенныхъ европейцевъ. Провинція, очевидно, всетаки остается провинціей, хотя бы это была Одесса. Что же, по мнѣнію одесситовъ—лучше показать кукишъ въ карманѣ? Это будетъ тактично, что-ли? Что-же касается момента, то это именно и былъ настоящій моментъ, иначе былъ бы obar semano botel korbono. И фельетонъ, и передовая статья именно тѣмъ и хороши, что они появились во время, въ самый подходящій моментъ. Ну, ужъ цѣнители и судьи! Вотъ бы они лучше оцѣнили именно то, что „Восходъ" идетъ впереди всѣхъ и все на свой собственный страхъ и рискъ... Впрочемъ, мнѣ не привыкать стать verkannt zu werden, и не только отъ

---

[1]) Послѣ смѣлой для того времени статьи „Восхода", содержавшей оцѣнку только что кончившагося царствованія Александра III, въ Одессѣ распространились слухи о пріостановкѣ „Восхода". Объ этомъ мнѣ передали также въ засѣданіи комитета Общества Просвѣщенія. Настоящее письмо есть отвѣтъ на мой телеграфный запросъ, отвѣтъ странный, осуждающій „одесситовъ" за ихъ безпокойство объ участи журнала, смѣлость котораго всѣми привѣтствовалась.

постороннихъ, но и отъ лицъ, очень близко стоящихъ къ еврейско-русской литературѣ. Независимость „Восхода"—вотъ что колетъ многимъ глаза, вотъ что составляетъ его преступленіе, которое ему никакъ простить не могутъ. Ну, довольно объ этомъ.

Впрочемъ, еще маленькое сообщеніе по этому поводу. „Восходъ" дѣйствительно былъ задержанъ, но именно октябрьская книжка, за романъ „Дѣти гетто", въ которомъ пришлось выкинуть нѣсколько страницъ—соціалистическія рѣчи на еврейскомъ митингѣ рабочихъ. Вотъ и все...

№ 22. 25. XI. 1894.

Я Вамъ выслалъ на-дняхъ статью Минора [1]), которую прошу прочесть какъ можно скорѣе, такъ какъ онъ—раввинъ и не даетъ мнѣ покоя. Если она годна къ печати, то исправьте ее...

№ 23. Спб. 25. XII. 1894.

Старость не радость, Семенъ Марковичъ, и съ нею приходятъ еще разныя недомоганія, которыя пристаютъ постоянно ко мнѣ. Вотъ причины, что я только сегодня отвѣчаю Вамъ на Ваше письмо отъ 6-го с. м. Къ тому еще предновогоднее время вообще разсчитано по минутамъ, а вдобавокъ ко всему этому я уже вожусь 3 недѣли съ декабрьской книгой, которую мнѣ задержали изъ-за статьи о стародубскомъ процессѣ [2]). Наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ статью и книжку освободили, и она сегодня разсылается подписчикамъ, а я вздохнулъ нѣсколько свободнѣе...

№ 24. Спб. 4. XI. 1896.

С. О. Грузенбергъ передалъ мнѣ содержаніе Вашего письма къ нему и его отвѣтъ. Съ моей стороны могу Вамъ только подтвердить то, что онъ писалъ Вамъ. Я вернулся въ Петербургъ всего нѣсколько дней тому назадъ и могу Васъ увѣрить, что я только здѣсь самъ впервые услышалъ, что вообще говорятъ о продажѣ мною „Восхода". Со мною до моего прибытія въ Петербургъ никто не только о продажѣ, но даже о подобныхъ слухахъ не говорилъ [3]). Это все одесситы—не знаю, кому все это на руку тамъ—такъ усердно занимаются „Восходомъ", и то запрещаютъ его, какъ два года тому назадъ, то продаютъ, какъ теперь. Какъ тогдашніе, такъ и теперешніе слухи имѣютъ совершенно одинаковыя основанія.

---

[1]) Статья трагически высланнаго изъ Москвы казеннаго раввина С. Минора касалась, насколько помню, историческихъ изслѣдованій Бершадскаго и моихъ; но она была написана такъ ненаучно и даже нелитературно, что ее пришлось забраковать.

[2]) По дѣлу о погромѣ 1891 года.

[3]) Объ этомъ см. „Письма С, О. Грузенберга" (*Еврейская Старина* 1914 г., стр. 388—89).

Что же касается Вашего запроса относительно цензуры, то Сам. Осип. [1]), кажется, не совсѣмъ точно отвѣтилъ Вамъ. Какъ книжка, такъ и „Хроника" издаются безъ предварительной цензуры. Книжка совершенно на такихъ же основаніяхъ, какъ она издавалась съ самаго ея возникновенія. Относительно „Хроники" произошла въ 1891 г. та перемѣна, что я обязанъ представить ее въ цензуру до 11 часовъ вечера и не имѣю права выпускать ее до полученія увѣдомленія, что нѣтъ препятствія къ выпуску. Цензоръ можетъ конфисковать газету, но вычеркивать слова или выкидывать статьи онъ не имѣетъ права. До 1891 г. же я могъ выпускать газету, не дожидаясь увѣдомленія цензуры, которое должно, однако, послѣдовать въ тотъ же вечеръ. Въ извѣстной степени это даже гораздо лучше, такъ какъ не измѣняя въ сущности характера цензурныхъ отношеній, настоящее положеніе избавляетъ газету отъ возможности получать предостереженія и подвергаться закрытію. Если Вы прочтете относящуюся сюда статью закона въ цензурномъ уставѣ, то Вы лучше всего уясните себѣ это положеніе... *А. Ландау.*

---

[1]) Грузенбергъ.

Матеріалы и сообщенія.

Дѣло о богохульствѣ (1804).

(Изъ дѣлъ Таврическаго историческаго архива).

Таврическая Ученая Архивная Комиссія въ настоящее время занята разборомъ „сенатскихъ дѣлъ“ Таврическаго Губернскаго Историческаго Архива. Взявшій на себя этотъ трудъ членъ Архивной комиссіи П. В. Никольскій, по моей просьбѣ, согласился предоставить мнѣ дѣла, имѣющія какое-либо отношеніе къ евреямъ. Выражая ему за это свою благодарность, позволю себѣ ознакомить читателей „Еврейской Старины“ съ двумя изъ такихъ дѣлъ.

„Дѣло сенатское. По рапорту Таврическаго Губернскаго Прокурора Тарновскаго о произнесеніи богохулительныхъ словъ жительствующими въ городѣ Евпаторіи армянами и цыганами и Бакчисарайскомъ купцѣ Еврее *) Веніаминѣ Шумайловичѣ, преданномъ за то подъ судъ 1804 года“.

Дѣло начинается двумя рапортами Таврическаго губернскаго прокурора Тарновскаго министру юстиціи Лопухину, слѣдующаго содержанія *):

1. „Евпаторійскаго уѣзда стряпчій коллежскій регистраторъ Петренко въ присланномъ ко мнѣ рапортѣ изъясняетъ, что жительствующіе въ г. Евпаторіи Армяне и Цыгане произносили слова о богохуленіи, о чемъ онъ стряпчій съ тамошнимъ полицмейстеромъ приступилъ къ изслѣдованію для поступленія кто виновнымъ окажется по законамъ, о каковомъ произшествіи вашей Свѣтлости имѣю честь донести“.

2. „Бахчисарайскій полицмейстеръ Самбуровъ рапортуетъ мнѣ, что тамошній купецъ евреинъ Веніаминъ Шумайловичъ, будучи въ кофейнѣ между разговорами съ случившимись тамо греками произнесъ богохуленіе, за что по изслѣдованіи имъ Самбуловымъ, онъ Шумайловичъ преданъ сужденію бакчисарайской ратуши, о чемъ вашей Свѣтлости донести честь имѣю“.

Какъ видно изъ 1-го рапорта, евреи прямого отношенія къ Евпаторійскому дѣлу не имѣютъ, но изъ дѣлопроизводства оказывается, что все же къ дѣлу насильно пристегнутъ еврей („евреинъ“),

---

*) Орѳографія сохранена.

Евпаторійскій „глава" Исакъ Мошевичъ *). Въ другомъ своемъ рапортѣ министру юстиціи по этому дѣлу прокуроръ Тарновскій пишетъ:... „Евпаторійскому полицмейстеру предписано прислать подсудимыхъ евпаторійскихъ мѣщанъ Чауша и Чубара, для взятья отъ нихъ показаній, въ разсужденіи здѣланнаго ими въ допросахъ при чинимомъ слѣдствіи разнорѣчія въ томъ, что они показаніе ихъ на евреина Мошевича о его богохуленіи отмѣнивъ сказали, что сіе взведено ими на него Мошевича по наущенію исправлявшаго въ Евпаторіи полицмейстерскую должность капитана Мусмана".

Суть дѣла заключается въ слѣдующемъ. Погребщикъ-виноторговецъ, армянинъ Довидовъ, угостивъ зашедшихъ къ нему въ погребъ цыганъ Чауша и Чубара квартою „ренского" вина, заставилъ ихъ разучить и пропѣть на татарскомъ языкѣ пѣсню, со включеніемъ въ нее словъ: „Марьемъ ана̀", что по толкованію пристава Лазаревича значило: „Матерь Божія, Богородица". Побитые армянами и греками цыгане были посажены полицмейстеромъ Мусманомъ подъ караулъ. Приставъ Лазаревичъ, приходившій къ нимъ во время нахожденія ихъ подъ карауломъ, уговорилъ ихъ показать, что этой пѣснѣ научилъ ихъ еврей, Евпаторійскій глава Мошевичъ. Впослѣдствіи, на учиненной имъ Таврическимъ вице-губернаторомъ Шестакомъ очной ставкѣ съ Мошевичемъ, цыгане отъ этого показанія отказались. Кромѣ того переводчикъ, титулярный совѣтникъ Зимайловъ, знатокъ татарскаго языка, удостовѣрилъ, что „Марьемъ ана̀" не значитъ „Божья Матерь" или „Богородица", а просто „мать Марія", а слѣдовательно и пѣсня не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго христіанскому благочестію.

На основаніи этого Судъ постановилъ: 1) „Капитана Мусмана, неосновательно увѣрившагося на неопытнаго переводчика и навлекшаго таковое важное событіе, подвергнуть строжайшему взысканію, сверхъ того, что онъ уже отъ временной должности полицмейстерской правительствомъ увольненъ.... 2) Бывшаго пристава Лазаревича за неправильное истолкованіе.... слова „Марьемъ ана̀",.... чрезъ что произошло было между народомъ смятеніе, и за то что онъ побуждалъ и наущалъ пѣвшихъ оную цыганъ.... оговорить тамошняго главу Мошевича, также сверхъ отрѣшенія его отъ должности посадить на хлѣбъ и воду. 3) Переводившему оную пѣснь Казанлію.... такъ же выдержать на хлѣбѣ и водѣ десять дней, потомъ освободить. 4) Погребщика Довидова.... также выдержать подъ карауломъ двѣ недѣли, и 5) Хотя преданные сужденію за сію пѣснь цыгане за оклеветаніе ими главы Мошевича и за прочіе по дѣлу значащіеся происшедшіе отъ нихъ непорядки и подлежали наказанію, но уважая долговременное ихъ по сему дѣлу нахожденіе подъ стражею и изнуреніе.... вмѣня имъ оное, отпустить на прежнее жилище съ подтвержденіемъ впредь поведеніе свое исправить и ни на чьи обольщенія къ оклеветанію не посягать, но во всякихъ дѣлахъ поступать сущей справедливостью"....

---

*) Копія рѣшенія Таврическаго уголовнаго и гражданскаго суда, 1804 г. Августа 19 дня. Изъ дѣла по алфавиту № 4834. Таврич. Губерн. Истор. Архивъ, № 139.

Второе, Бахчисарайское дѣло имѣетъ уже непосредственное отношеніе къ евреямъ какъ по національности подсудимаго, такъ и по предмету обвиненія и мотивамъ рѣшенія.

Суть дѣла въ изложеніи Таврическаго гражданскаго и уголовнаго суда, съ сохраненіемъ орѳографіи его, состоитъ въ слѣдующемъ:

„...Доказатель прапорщикъ Стамати Николаевъ, равно и купецъ Евреинъ Веніаминъ Шумайловичъ, прошлаго 1803 г. декабря 30 числа заведши Бахчисарайскаго-жъ купца Сулейманова въ кофейнѣ разговоръ во-первыхъ о Десяти Заповѣдяхъ, коихъ Евреи не соблюдаютъ, а потомъ далѣе продолжая, изъ нихъ прапорщикъ Николаевъ говорилъ въ отвѣтъ Шумайловичу, что Евреи не соблюдаютъ оныхъ, ибо де: родственницъ въ замужество берутъ, но Шумайловичъ сказалъ, что Евреи по тѣмъ заповѣдямъ поступая наблюдаютъ Субботы, а христіане почему празднуютъ воскресенье; а въ доказательство сего прапорщикъ Николаевъ объяснилъ, что Господь Іисусъ Христосъ въ сей день воскресе, почему и празднуютъ сей день всѣ вѣрующіе, но Шумайловичъ напослѣдокъ говорилъ, что Іисусъ Христосъ не есть мессія и проч.—что и потомъ еще 300 лѣтъ почитали всѣ народы Субботу и обрѣзаніе получали; по поводу чего и случившіесь при семъ послѣдствіи свидѣтели за присягою показали...“ (слѣдуютъ показанія свидѣтелей христіанъ, евреевъ и магометанъ, далѣе указаніе на статьи законовъ).

„...Съ сихъ послѣдствій открывается, что Шумайловичъ, будучи природный Евреинъ и упоенъ извѣстной Ересью своею, противу христіанскаго благочестія, хотя возраженія свои произносилъ прапорщику Николаеву съ легкомыслія на тотъ конецъ, чтобы по недружелюбію доказать обожаемую имъ свою Ересь въ первенствѣ, и происходилъ между ними одинъ споръ, представлявшій народу соблазнъ, но поелику вышеприведенными законами заводить споръ противу православія запрещено, къ томужъ сей разговоръ завелся между Шумайловичемъ и Николаевымъ не въ пристойномъ мѣстѣ, и между людьми разныхъ исповѣданій, отъ коего Шумайловичу по немолодымъ его лѣтамъ слѣдовало было воздержаться, и отъ продолженія отстать, чемъ самымъ и избѣгнуть бы могъ отъ послѣдствій, и соблюдено бы было благочиніе въ своемъ порядкѣ,—то къ прекращенію подобныхъ случаевъ, какъ онъ Шумайловичъ показываетъ, что состоитъ во 2-ой гильдіи купечества, по силѣ вышепомянутыхъ законовъ выдержавъ его при бахчисарайской полиціи на хлѣбѣ и водѣ три дня, потомъ истребовавъ въ сей судъ, въ Присутствіи учинить ему строжайшій выговоръ съ подтвержденіемъ разумѣть состояніе свое и въ подобные споры не входить; а для пользы здѣшняго приказа общественнаго призрѣнія наложить на его и пени двадцать пять рублей... Прапорщикъ же Николаевъ донесши о вышеописанномъ на онаго Шумайловича, за таковой и его не въ пристойномъ же мѣстѣ разговоръ о православіи, хотя бы по напомянутымъ же выше статьямъ такъ же подлежалъ особому взысканію, но какъ доказательство отъ его по сему случаю происходило полагать отъ ревности и усердія къ исповѣдуемой имъ

вѣрѣ, сообразно 5-му военному артикулу, то дабы и онъ впредь отъ подобныхъ и до его не касающихся толкованій воздержался, призвавъ его въ сей судъ учинить въ присутствіи строжайшій выговоръ и подтвердить ему впредь имѣть о разговорахъ лучшее понятіе и въ непринадлежащее до него не входить, въ противномъ же случаѣ съ него взыскано быть имѣетъ по силѣ законовъ“...

А. Гидалевичъ.

Бесѣда В. К. Плеве съ Л. Вольфомъ (1903).

Въ дополненіе къ напечатанному у насъ недавно (*Евр. Стар.* 1915 г., кн. 3—4, стр. 412 сл.) циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ Плеве о еврейскомъ національномъ движеніи, мы имѣемъ теперь возможность опубликовать еще болѣе выразительный документъ изъ того же источника и отъ той же фатальной даты—1903 г., „года Кишинева и Гомеля“.

Въ октябрѣ 1903 г. извѣстный англо-еврейскій общественный дѣятель и публицистъ (сотрудникъ „Times“) *Люсьенъ Вольфъ* имѣлъ бесѣду съ В. К. Плеве по еврейскому вопросу. Министръ изложилъ ему свои взгляды въ формѣ, пріемлемой для собесѣдника-европейца, съ явнымъ желаніемъ смягчить впечатлѣніе жуткихъ событій того года и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать свою политику. Кишиневъ и Гомель совершенно обойдены молчаніемъ въ этой бесѣдѣ—или, точнѣе, монологѣ—министра, но полицейская подкладка его антиеврейской политики проглядываетъ и здѣсь. Вольфъ записалъ бесѣду Плеве и, спустя нѣкоторое время, послалъ ему изъ Лондона свою запись для провѣрки. Плеве немедленно вернулъ запись своему корреспонденту при письмѣ отъ 13 декабря (ст. ст.), слѣдующаго содержанія (на французскомъ языкѣ) *):

„Увѣдомляя Васъ о полученіи Вашего письма отъ 19 декабря (н. ст.), благодарю Васъ за любезную присылку текста части Вашей бесѣды, относящейся къ нашей встрѣчѣ въ минувшемъ октябрѣ. Я внесъ туда нѣкоторыя измѣненія, съ цѣлью болѣе точной передачи моей мысли, изложенной Вами—мнѣ пріятно это отмѣтить—довольно точно. Такъ какъ французскій текстъ Вашего посланія, повидимому, переведенъ съ англійскаго, я счелъ нужнымъ исправить его въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Вы, можетъ быть, замѣтите, что напримѣръ англійскія слова: „constructive policy“ обозначаютъ по французски „une politique créatrice“, а выраженіе „the permanent griefs“ должно быть передано по французски словами „la misère permanente“.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою текстъ бесѣды Плеве въ его собственной редакціи, да еще въ „исправленномъ изданіи“. Приводимъ этотъ документъ въ переводѣ съ французскаго оригинала, а также самый оригиналъ.

*) Относящіеся сюда документы недавно поступили изъ Лондона въ архивъ Еврейскаго Историко-этнограф. Общества.

Изложеніе ведется отъ имени собесѣдника, Люсьена Вольфа, и повидимому, предназначалось для опубликованія *).

„Во время аудіенціи, данной мнѣ г. фонъ-Плеве 23 октября, его превосходительство сказалъ мнѣ, что онъ вполнѣ оцѣниваетъ серьезность еврейскаго вопроса. Его ославили—сказалъ онъ—ожесточеннымъ врагомъ евреевъ. Это не вѣрно. Проведши свою юность въ Варшавѣ, городѣ почти наполовину еврейскомъ, онъ знаетъ евреевъ и цѣнитъ хорошія стороны этого интеллигентнаго племени; но онъ раздѣляетъ мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что трудно предоставить евреямъ свободный доступъ внутрь Россіи, такъ какъ русскій крестьянинъ самъ очень бѣденъ и, если бы евреи тамъ поселились, ему пришлось бы дѣлиться своимъ скуднымъ достояніемъ съ переселеленцами, которые большею частью принадлежатъ къ непроизводительному классу. Въ политикѣ, сказалъ г. фонъ-Плеве, онъ причисляетъ себя къ школѣ графа Толстого **), этого консервативнаго государственнаго мужа, заслуги котораго еще не были достаточно оцѣнены. Именно графу Толстому принадлежитъ заслуга прекращенія антиеврейскихъ безпорядковъ, происходившихъ въ 1881 г. Г. фонъ-Плеве, какъ министръ, не либералъ и не консерваторъ: онъ только вѣрный исполнитель приказаній Его Величества и стражъ государственной безопасности. Если его политика кажется суровою, то лишь потому, что въ государствѣ имѣются элементы, противъ которыхъ необходимо дѣйствовать быстро и строго. Онъ подтвердилъ, напримѣръ, что еврейская молодежь съ головою окунулась въ революціонное движеніе. Ведя борьбу съ этими печальными тенденціями, онъ исполнялъ только свой долгъ.

„Въ то же время господину фонъ-Плеве не безызвѣстно, что для облегченія постоянной нужды, въ которой находятся евреи, необходима политика созидательная. Онъ хочетъ, прежде всего, сдѣлать все возможное, чтобы облегчить ассимиляцію культурныхъ евреевъ, т. е. верхнихъ слоевъ этого народа, съ прочими русскими гражданами и патріотами. Эту цѣль достигнуть нетрудно, но это значитъ только слегка коснуться вопроса. Гораздо труднѣе разрѣшить его, когда рѣчь идетъ о низшихъ классахъ, принимая во вниманіе громадную численность и бѣдность необразованныхъ евреевъ, не поддающихся русскому воспитанію. Помочь этой нуждѣ—задача самая настоятельная. Онъ сознаетъ, что прежде чѣмъ рѣшить вопросъ о воспитаніи, нужно изыскать для этихъ евреевъ способъ заработать себѣ кусокъ хлѣба. Для этой цѣли предполагается расширить районъ осѣдлости въ областяхъ, уже открытыхъ для евреевъ. Въ этихъ видахъ недавно появился декретъ, разрѣшающій жительство евреямъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, гдѣ

*) Въ русско-еврейской печати того времени мы однако не нашли никакихъ свѣдѣній объ этой бесѣдѣ, что было бы необъяснимо, если бы она появилась въ заграничной прессѣ.

**) Реакціоный министръ внутреннихъ дѣлъ при Александрѣ III, Д. А. Толстой, въ министерствѣ котораго Плеве занималъ постъ директора Департамента Полиціи.

имъ раньше запрещалось жить, и уже готовъ еще декретъ, который скоро поступитъ въ совѣтъ министровъ и который еще болѣе расширитъ черту осѣдлости *). До сихъ поръ эмиграція запрещалась, но онъ полагаетъ, что необходимо измѣнить законъ въ смыслѣ облегченія эмиграціи **). Можетъ быть, удастся провести и другія реформы.

„Кстати объ эмиграціи. Г. фонъ-Плеве сказалъ мнѣ, что русское правительство было бы довольно, если бы Оттоманское правительство разрѣшило евреямъ въѣздъ въ Палестину. Г. Плеве не противникъ чистаго сіонизма, но у него возникаютъ опасенія, что политическій сіонизмъ окажется химерою. Тѣмъ не менѣе онъ не будетъ препятствовать поощренію сіонистскихъ идей, лишь бы онѣ содѣйствовали эмиграціи. Затѣмъ внутри Россіи сіонистскія идеи, можетъ быть, будутъ успѣшно соперничать съ идеями соціализма.

Касаясь вопроса о допущеніи евреевъ въ восточную Сибирь, г. Плеве сказалъ, что ему говорили о проектѣ колонизаціи евреевъ въ Манджуріи и что онъ намѣренъ переговорить объ этомъ съ адмираломъ Алексѣевымъ при ближайшемъ посѣщеніи имъ Петербурга. Г. Плеве также обѣщалъ мнѣ поговорить съ адмираломъ по поводу проекта, который я ему представилъ, относительно устройства еврейскихъ колоній въ южной Сибири, съ цѣлью создать тамъ преграду,—если не изъ русскихъ людей, то изъ русскихъ подданныхъ,—которая бы сдерживала все возрастающее вторженіе китайцевъ въ этотъ край“.

Copy.

Au cours d'une audience que M. de Plehvé m'a accordée le 23 Octobre, Son Excellence m'a dit qu'il appréciait pleinement la gravité de la question juive. On le fait passer, a-t-il dit, pour un ennemi acharné des Juifs. Cela n'est pas vrai. Ayant passé sa jeunesse à Varsovie, ville presque à demi israélite, il connait les Juifs et apprécie les bons côtés de cette race intelligente; mais il partage l'opinion de ceux qui trouvent qu'il est difficile d'admettre le libre accès des Juifs dans l'intérieur de la Russie, parce que le paysan russe est luimeme très pauvre et que, s'ils s'y établissaient, il lui faudrait partager le peu qu'il a avec les immigrants, qui pour la plupart sont des non-producteurs. En politique, a dit M. de Plehvé, il

*) Рѣчь идетъ о „дарѣ Плеве“—101 селеніи, гдѣ евреямъ было разрѣшено жить указомъ 10 мая 1903 г., дополненнымъ въ декабрѣ того же года.

**) Архаическая статья Уложенія о наказаніяхъ, карающая за „самовольное оставленіе отечества“, уже съ 80-хъ годовъ не примѣнялась къ евреямъ, а уставомъ Еврейскаго Колонизаціоннаго Общества, высочайше утвержденнымъ въ 1892 г., она и оффиціально была отмѣнена, причемъ учредителю Общества барону Гиршу ставилось даже въ обязанность вывезти изъ Россіи въ 25 лѣтъ 3 милліона евреевъ.

est de l'école du Comte Tolstoy, cet homme d'Etat conservateur dont les mérites n'ont jamais été assez appréciés. C'est au Comte Tolstoy que revient le mérite d'avoir arrêté les troubles anti-juifs, qui eurent lieu en 1881. M. de Plehvé, comme ministre, n'est ni libéral, ni conservateur: il est le fidèle exécuteur des ordres de Sa Majesté et le gardien de la sécurité du pays. Si sa politique a paru sévère, c'est parce qu'il se trouve dans l'Empire des elements contre lesquels il est nécessaire de réagir promptement et rigoureusement. Il a constaté, par exemple, que la jeuness israélite donnait tête basse dans le mouvement révolutionnaire. En combattant ces tendances déplorables, il n'a fait que son devoir.

En même temps, M. de Plehvé n'ignore pas que la misère permanente, dans laquelle se trouvent les Juifs, réclame, pour être allégée, une politique créatrice. Il veut, d'abord, faire son possible pour faciliter l'assimilation des Juifs cultivés, c'est à dire des couches supérieures de cette nation, avec les autres citoyens et patriotes russes. Ce but ne doit pas être difficile à atteindre; mais ce ne serait encore qu'effleurer la question. Elle devient beaucoup plus difficile à résoudre, quand il s'agit des classes inférieures, étant donné la très grande quantité et la pauvreté des Juifs non cultivés, qui ne sont pas accessibles à l'éducation russe. Secourir cette misère est le problème le plus urgent. Il reconnaît qu'avant même de traiter la question d'éducation, il faut trouver à ces Juifs des moyens pour gagner leur pain. Ce qu'on se propose de faire à cet effet, c'est d'élargir le rayon de résidence dans les provinces déja ouvertes aux Juifs. Dans ce but a paru dernièrement un décret autorisant l'établissement des Juifs dans certaines bourgades, où il leur était interdit de résider, et on a préparé un autre décret, qui sera bientôt soumis au Conseil des Ministres, en vertu duquel le rayon de résidence serait encore étendu. Un autre remède qu'on a en vue, c'est l'émigration. Jusqu'à présent l'émigration a été interdite, mais il croit qu'une modification de la loi est nécessaire pour faciliter l'émigration. Peut-être aussi d'autres reformes seraient possibles.

A propos de l'émigration, M. de Plehvé m'a dit que le gouvernement russe verrait d'un bon œil l'autorisation que le gouvernement ottoman donnerait aux Juifs d'entrer en Palestine. M. de Plehvé n'est donc pas l'adversaire du Sionnisme pur; mais il commence à craindre que le Sionnisme politique ne soit une chimère. Néanmoins il ne s'opposera pas à l'encouragement des idées sionnistes, pourvu quelles favorisent l'émigration. Puis, dans l'intérieur de la Russie, les idées sionnistes auront peut-êtré l'avantage de combattre celles du socialisme. Touchant la question d'introduire les Juifs dans la Sibérie orientale, M. de Plehvé dit qu'on lui a parlé d'un projet de colonisation juive en Mandchourie et qu'il avait l'intention d'en conférer avec l'Amiral Alexéieff, lors de sa

prochaine visite à Pétersbourg. M. de Plehvé m'a promis également de consulter l'Amiral à propos d'un projet que je lui ai soumis pour l'établissement des colonies juives dans le sud de la Sibérie, afin de créer une barrière qui serait formée, sinon de russes, au moins de sujets russes, pour s'opposer à un envahissement, toujours croissant, de ce pays par les Chinois.

Сообщ. **А. Браудо**.

Смѣсь.

Воспоминанія И. В. Лучицкаго о кантонистахъ.—Въ статьѣ проф. Е. Тарле по поводу юбилея проф. И. В. Лучицкаго („Голосъ Минувшаго" 1914 г., январь) приводятся изъ воспоминаній юбиляра нѣкоторыя данныя, относящіяся къ еврейству. Оказывается, что почтенный историкъ и либеральный общественный дѣятель наблюдалъ въ дѣтствѣ картины мученій еврейскихъ кантонистовъ, и эти наблюденія оставили въ его душѣ такой же глубокій слѣдъ, какъ картины крѣпостничества въ душѣ многихъ лучшихъ русскихъ людей: они внушили ему отвращеніе къ безправію и рабству. И. В. Лучицкій провелъ свое дѣтство въ городѣ, „большинство населенія котораго состояло изъ поляковъ и евреевъ". И вотъ что онъ пишетъ о своихъ раннихъ впечатлѣніяхъ.

„Въ дѣтствѣ я игралъ съ дѣтьми евреевъ-сосѣдей, и мнѣ приходилось терять этихъ товарищей, такъ какъ еще и тогда ихъ отнимали у ихъ семей, чтобы забрать въ кантонисты. Я выслушивалъ не разъ и не два крики, плачъ и рыданія товарищей, ихъ отцовъ и матерей, когда являлись власти въ сосѣдніе съ нами дома и забирали дѣтей. На мою нервную натуру это производило ужасающее впечатлѣніе. Я просыпался среди ночи, мнѣ слышались и во снѣ крики и стоны, и не мало усилій стоило матери успокоить меня. И много лѣтъ спустя эти воспоминанія и на яву, и во снѣ мучили меня. А было еще и другое. Мой отецъ зналъ древне-еврейскій языкъ, былъ между прочимъ преподавателемъ и этого языка въ семинаріи; къ нему поэтому нерѣдко приходили старики-евреи для бесѣдъ. То были почтенные старцы, и отецъ постоянно подчеркивалъ свое уваженіе къ нимъ.

„И когда въ 1905—1906 гг. мнѣ пришлось участвовать—разсказываетъ И. В.—въ комитетѣ поданія помощи пострадавшимъ во время октябрьскаго погрома въ Кіевѣ,—образъ одного изъ посѣтителей отца, Абрума, его обликъ, длинная, сѣдая борода, величавыя движенія—все это вдругъ и съ поразительной живостью воскресло передо мною. Тогда одинъ изъ членовъ комитета, сѣдой еврей, на просьбу одного рабочаго, участвовавшаго въ погромѣ, категорически заявилъ, что онъ подастъ

голосъ за выдачу ему пособія, ибо пособія должны даваться и эллину и іудею безразлично, разъ есть на лицо страданіе. Я протестовалъ, но еврей настоялъ на своемъ, и выдача состоялась".

Кейданская синагога и польское возстаніе 1831 г.—(Памятная книжка Ковенской губерніи на 1899 годъ. Приложеніе III, *И. Пташкинъ.* Мѣстечко Кейданы: опытъ историко-экономическаго описанія, стр. 71. Изданіе Ковенскаго губернскаго Статистическаго Комитета. Ковна, 1899).

„Мѣстная синагога (м. Кейданъ) существуетъ уже болѣе 114 лѣтъ; она самой незатѣйливой архитектуры; зато внутри достойно вниманія посѣтителя имѣющійся тамъ замѣчательной рѣзьбы кивотъ, въ которомъ хранятся свитки торы и сводъ, который художественно разукрашенъ разными видами флоры и фауны. Синагога эта имѣетъ впрочемъ и нѣкоторое историческое значеніе. Многіе старожилы разсказываютъ, что въ 1831 году, во время перваго польскаго мятежа, когда въ синагогѣ шло вечернее служеніе и она была полна молящихся, ядро, пущенное стоящимъ на противоположной сторонѣ мѣстечка и прибывшимъ для усмиренія войскомъ, пробила собою довольно толстую восточную стѣну, прожужжала надъ самыми головами молящихся и черезъ отворенную дверь вылетѣла на открытое поле, не причинивъ, къ счастью, никому никакого вреда. Образовавшееся отверстіе и по сіе время не задѣлывается и какъ бы сохраняется въ назиданіе потомству. Здѣсь живы еще очевидцы этого страшнаго момента, которые не безъ содроганія разсказываютъ объ этомъ. Въ стѣнѣ одного изъ домовъ на базарѣ и теперь видно чугунное ядро, оставшееся отъ усмиренія поляковъ въ 1831году, Разсказываютъ, что двое евреевъ, Хлойне (Хойне) Пергаментъ и Мордухъ Каведзанцъ, во время взятія Кейданъ, со страху залѣзли на чердакъ и оттуда какъ-то выглянули, но, принятые за шпіоновъ, были подстрѣлены".

Библіографія.

Проф. И. Г. Троицкій. Библейская Археологія. VIII + 480. СПБ. 1913. Цѣна 3 руб.

Литература по библейской наукѣ на русскомъ языкѣ такъ скудна и занятіе ею до такой степени сосредоточено въ консервативныхъ кругахъ православнаго духовенства, что каждую вновь появляющуюся книгу изъ этой области приходится открывать со смѣшаннымъ чувствомъ радости и опасенія: откроетъ ли она собою новый рядъ свободныхъ изслѣдованій, или удлинитъ серію научныхъ лишь по формѣ книгъ, которыя отъ времени до времени издаютъ различныя Духовныя Академіи, Палестинское Общество и другія оффиціальныя учрежденія, весьма далекія отъ научныхъ интересовъ? Въ частности, библейская археологія уже давно ожидаетъ новой и соотвѣтствующей современному состоянію науки обработки на русскомъ языкѣ. Послѣднимъ и почти единственнымъ (если не считать незаконченной „Библейской Археологіи“ архимандрита Іеронима, 1884 г.) руководствомъ въ этой области является изданный въ 1875 г. подъ редакціей проф. Олесницкаго переводъ извѣстнаго, но уже для того времени устарѣвшаго труда F. Keil'я: Handbuch der biblischen Archäologie (1858—59). Если принять во вниманіе тотъ переворотъ, который совершился за послѣднюю четверть прошлаго столѣтія во всей системѣ библейской науки,—не говоря уже о множествѣ вновь добытыхъ источниковъ,—станетъ ясно, что автору новаго труда по библейской археологіи предстояла широкая, объемлющая всю сумму библейскаго знанія задача: на основахъ разработанной историко - критическимъ методомъ системы дать исчерпывающій очеркъ всѣхъ сторонъ израильскаго быта въ ихъ послѣдовательномъ развитіи. Эту область знанія, конечно, не приходилось всецѣло разрабатывать на-ново, такъ какъ въ западноевропейской наукѣ имѣлось немало руководствъ, болѣе или менѣе полно отвѣчающихъ указанной выше задачѣ (достаточно упомянуть получившіе широкую извѣстность труды Nowack'a и Benzinger'a, содержащіе весьма богатый и очень умѣло систематизированный матеріалъ).

Авторъ разбираемаго труда при выработкѣ своего *плана* послѣдовалъ за этими и другими классическими образцами библейскихъ археологій: изложенію предпослана исторія этой отрасли науки и полный очеркъ ея источниковъ, весь описательный матеріалъ разбитъ на три одинаковыхъ по объему отдѣла—частный, общественный

и религiозный бытъ, и до самыхъ мелкихъ частностей схема труда разработана законченно и стройно. Въ главу о наукѣ и искусствѣ у древнихъ евреевъ включены, между прочимъ, отсутствующiе въ большинствѣ другихъ археологiй (напр. у Бенцингера) краткiе очерки естественно-историческихъ представленiй древнихъ евреевъ, ихъ литературнаго творчества и литературнаго языка *).

Переходя къ вопросу о фактическомъ содержанiи, которое вмѣщаетъ въ себѣ этотъ планъ, приходится указать, что авторъ чрезвычайно сузилъ свою задачу. Согласно его собственному опредѣленiю предмета своего труда, онъ имѣетъ въ виду дать „описанiе быта древняго еврейства, *насколько оно имѣло отношенiе къ устроенiю спасенiя рода человѣческаго*" (стр. 1), или, выражаясь иначе, „описанiе древне-еврейскаго *теократическаго* быта" (стр. 2).

Первый изъ этихъ признаковъ, не говоря уже о полной субъективности въ опредѣленiи понятiя „Heilsgeschichte", не имѣетъ никакого отношенiя къ трактуемому предмету, ибо историческая среда, которую описываетъ археологiя, должна быть для нея самодовлѣющимъ объектомъ, а не интересовать ее лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ опредѣленной идеологiи. Въ равной мѣрѣ противорѣчитъ самымъ основнымъ принципамъ научнаго анализа *априорное* опредѣленiе того быта, который еще только подлежитъ изслѣдованiю, какъ „теократическаго". *Въ результатѣ* анализа можно было бы дать ту или иную общую характеристику быта и сдѣлать изъ этого и тѣ или иные теоретическiе выводы. Но если предвосхищая, или вѣрнѣе навязывая, опредѣленный итогъ, авторъ характеризуетъ бытъ цѣлаго народа на протяженiи почти полнаго тысячелѣтiя его исторической жизни однимъ словомъ: „теократiя", то все послѣдующее изложенiе является уже не научнымъ изслѣдованiемъ, а лишь иллюстрацiей предпосланнаго тезиса. Тезисъ этотъ къ тому же является въ высшей степени расплывчатымъ, такъ какъ „теократiя, какъ идея, и теократiя, какъ соцiальный институтъ"—по извѣстному противопоставленiю Велльгаузена—не только глубоко различны, но въ извѣстномъ смыслѣ даже противоположны, и потому при описанiи израильскихъ бытовыхъ формъ „теократическiй" характеръ ихъ ни въ какой мѣрѣ не можетъ играть роли объективнаго критерiя.

Въ такихъ произвольно суженыхъ рамкахъ авторъ оперируетъ съ богатымъ историческимъ матерiаломъ, но совершенно не историческими методами. Всѣ данныя библейскаго текста имъ „признаются непреложными" (стр. 11), и въ пониманiи ихъ онъ „слѣдуетъ прямому, непосредственному смыслу" (стр. VIII); „источникъ библейскихъ бытовыхъ формъ" онъ усматриваетъ „большей частью

---

*) Интересную, но еще очень мало разработанную область представилъ бы собою анализъ *психологическихъ* воззрѣнiй древнихъ евреевъ, т. е. ихъ взгляда на сущность души и—въ связи съ сужденiями библейскихъ авторовъ о происхожденiи „грѣха"—пониманiя ими мотивовъ человѣческаго поведенiя. Основныя черты этой проблемы очерчены въ изслѣдованiи I. Koeberle: Natur und Geist nach der Auffassung des Alten Testaments. Eine Untersuchung zur historischen Psychologie (München, 1900).

не въ еврейскомъ нацiональномъ характерѣ, а въ божественномъ откровенiи“ (стр. 3). Понятно поэтому, что, съ его точки зрѣнiя, „новѣйшiя системы еврейской археологiи Бенцингера, Новака и др. представляются весьма искусственными“ (тамъ-же).

Ясно такимъ образомъ, что характеристики израильскаго быта въ его *послѣдовательномъ развитiи* въ трудѣ проф. Троицкаго искать не приходится. Передъ нами не живая, эволюцiонирующая историческая среда, а созданная на основанiи опредѣленныхъ богословскихъ предпосылокъ схема, нивеллирующая историческую дѣйствительность до полной потери перспективы. При такой концепцiи библейской археологiи Библiя является не источникомъ, а самымъ *объектомъ* изложенiя, и археологiя изъ самостоятельнаго изслѣдованiя на основанiи Библiи дѣлается лишь систематизированной сводкой библейскихъ данныхъ. Въ виду этого тѣ части труда, которыя посвящены описанiю постоянныхъ или мало измѣнчивыхъ сторонъ жизни и быта (географическiя и климатическiя условiя, жилища, пища, одежда, до извѣстной степени также и занятiя и нѣкоторые элементы семейной жизни), даютъ болѣе или менѣе правдивую картину дѣйствительности. Но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о постоянно смѣняющихся формахъ общественнаго уклада, и въ особенности о слагавшихся въ непрестанной борьбѣ новыхъ формахъ религiознаго быта,—тамъ такое изложенiе исторической дисциплины, которое однѣми и тѣми же чертами описываетъ и эпоху Эль-Амарны и эпоху Iеремiи, должно быть признано лишеннымъ всякаго научнаго значенiя.

Объ этомъ приходится, конечно, крайне сожалѣть, и разбираемая книга не можетъ такимъ образомъ заполнить того крупнаго пробѣла, который имѣется въ литературѣ о Библiи на русскомъ языкѣ.

Изданiе *научной* библейской археологiи по-прежнему остается однимъ изъ очередныхъ вопросовъ нашей научной литературы. Полная и систематично составленная археологiя, снабженная подробнымъ предметнымъ указателемъ и указателемъ цитируемыхъ библейскихъ мѣстъ (въ кн. проф. Троицкаго указателя вообще не имѣется), можетъ до нѣкоторой степени служить замѣною научнаго комментарiя къ Библiи, появленiя котораго при нынѣшнемъ состоянiи у насъ библейской науки въ близкомъ будущемъ ждать, конечно, не приходится.

Возвращаясь къ рецензируемой книгѣ, слѣдуетъ указать, что издана она (если не считать множества опечатокъ въ еврейскихъ словахъ) хорошо, но число рисунковъ по сравненiю съ западно-европейскими археологiями и съ требованiями самаго текста весьма незначительно (около 50-ти; во 2-мъ изданiи Бенцингера—свыше 250), и исполнены они большей частью очень примитивно (клише изготовлялись, повидимому, не непосредственно съ напечатаныхъ въ другихъ изданiяхъ рисунковъ, а съ неудачно перерисованныхъ копiй). Изъ замѣченныхъ въ текстѣ погрѣшностей надо указать на слѣдующiя: праздникъ Древоношенiя праздновался въ 14-ый день лооса или аба, авторъ же указываетъ 3-ье элула (стр. 464);

въ ряду праздниковъ отсутствуетъ день 15-го шебата, а вмѣсто 17-го таммуза указано 7-го (стр. 462); авторъ весьма произвольно классифицируетъ животный міръ (стр. 95—97): скорпіонъ (паукообразное) фигурируетъ среди пресмыкающихся, въ число „малыхъ водяныхъ животныхъ" включены „водяные микробы, инфузоріи и бакциллы" (?); въ спискѣ животныхъ породъ, который претендуетъ на полноту, отсутствуютъ піявка (Притчи 30,15), улитка (Пс. 58,9) и нѣкот. др., но включены миѳическія животныя вродѣ летающаго дракона и морскихъ змѣй; термину „ширъ гамаалотъ" дается совершенно устарѣлое толкованіе (стр. 429), какъ обозначеніе пѣсенъ, пѣвшихся левитами, стоявшими на ступеняхъ, а не „пѣсенъ восхожденія" (въ Іерусалимъ).

Значительнымъ пробѣломъ является отсутствіе какой-либо, хотя бы схематической, карты Палестины; это тѣмъ болѣе затрудняетъ оріентировку въ географическомъ очеркѣ, что транскрипція именъ (въ общемъ согласная съ сефардскимъ чтеніемъ) часто уклоняется отъ принятой въ географическихъ атласахъ (напр., Ѳекоя вм. Текоа, Сефала вм. Шефела, Ермонъ вм. Хермонъ и др.).

М. Соловейчикъ.

В. Войтинскій и А. Горнштейнъ. Евреи въ Иркутскѣ. Иркутскъ. 1915. XVI + 393 стр.

Еврейская община „вчерашняго дня", въ далекомъ Иркутскѣ, дождалась своей исторіи. Солидный томъ, составленный двумя авторами и изданный двумя учрежденіями (Хозяйственнымъ правленіемъ иркутской синагоги и мѣстнымъ отдѣломъ Общества просвѣщенія евреевъ) посвященъ изображенію всѣхъ сторонъ еврейской жизни въ общинѣ, насчитывающей нынѣ всего 6—7 тысячъ человѣкъ. Исторія тутъ, конечно, миніатюрная: „древній" періодъ—середина прошлаго вѣка, а новый—начало нынѣшняго. До „древности"—полоса доисторическая, которая для *Сибири* вообще тянется отъ XVII до середины XIX вѣка. Имѣются архивныя свѣдѣнія отъ 1635 и 1658—59 гг. о „жидахъ", которые вмѣстѣ съ „литовскими людьми" были взяты въ плѣнъ во время московско-польскихъ войнъ и сосланы въ Сибирь. Строить на этихъ свѣдѣніяхъ какія-нибудь гипотезы, а тѣмъ болѣе „съ несомнѣнностью заключать" (какъ это дѣлаетъ первый авторъ разсматриваемой книги), что „въ началѣ XVII столѣтія въ Сибири было довольно значительное число евреевъ" (стр. 7), нѣтъ никакого основанія. Еще менѣе допустимы догадки о томъ, что „въ этой еврейской группѣ (ссыльныхъ плѣнныхъ) намѣчалась тенденція къ сліянію съ окружающимъ русскимъ населеніемъ", или что высланные въ 1659 г. изъ Москвы евреи (несомнѣнно плѣнные изъ взятой Алексѣемъ Михайловичемъ Литвы) „были жертвами какого-то крупнаго *политическаго* (курсивъ подлинника) процесса, подробности котораго до насъ не дошли" (ibid). Очевидно, тутъ на автора повліялъ мутный источникъ — наивная книга: „Торговыя права евреевъ въ Россіи" Н. Градовскаго, вообразившаго или желавшаго убѣдить

другихъ, что древняя Москва кишѣла евреями, къ которымъ цари относились весьма „вѣротерпимо“.

Но если оставить въ сторонѣ эти рискованныя экскурсіи въ XVII и XVIII вѣкъ (стр. 43 — 46), нужно сказать, что историческій очеркъ жизни сибирскихъ евреевъ и въ частности иркутскихъ, начиная съ момента дѣйствительнаго ихъ появленія тамъ въ качествѣ сосланныхъ за уголовныя преступленія, переселенныхъ колонистовъ - земледѣльцевъ и солдатъ - „николаевцевъ“ (т. е. съ первой половины XIX-го вѣка), составленъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Авторъ хорошо сдѣлалъ, предпославъ исторіи иркутской общины очеркъ о „правовыхъ условіяхъ“ жизни евреевъ въ Сибири вообще въ XIX и началѣ XX вѣка (гл. I). Здѣсь рельефно изображенъ тотъ *спеціальный* механизмъ безправія, который примѣнялся цѣлыми поколѣніями бюрократовъ къ сибирскимъ евреямъ, поставленнымъ въ сугубо исключительныя условія. Благодаря этому общему очерку, становятся понятными бѣдствія иркутской общины въ различныя „эпохи“, носящія имена мѣстныхъ сатраповъ: Синельникова, Горемыкина, Селиванова—крупнѣйшихъ сибирскихъ генералъ-губернаторовъ и генералъ-юдофобовъ послѣдняго полувѣка (гл. IV, стр. 130—156; гл. V, стр. 247—280). Своеобразный сибирскій институтъ „прикрѣпленія евреевъ къ мѣстамъ приписки“, запрещеніе евреямъ *свободнаго* поселенія при существованіи ссылки въ Сибирь на поселеніе за преступленіе, недопущеніе даже „привилегированныхъ“, кончившихъ высшее учебное заведеніе, и прочіе самобытные пріемы сибирско-еврейскаго законодательства вполнѣ заслуживаютъ той подробной характеристики, которую дали имъ авторы настоящей книги.

Изъ двухъ частей книги въ первой съ исчерпывающей полнотою описана *внѣшняя* жизнь еврейской общины въ Иркутскѣ: происхожденіе и составъ общины (правильно организованной въ 1863 г.), ея естественный и механическій приростъ, статистика еврейскаго населенія Иркутска и его губерніи по сословіямъ и профессіямъ роль евреевъ въ хозяйственной жизни города и губерніи (стр. 81 сл.). Здѣсь мы считаемъ излишнимъ только привлеченіе методологіи экономики и пространныхъ разсужденій о „евреяхъ, какъ носителяхъ капиталистическаго духа при колонизаціи Иркутской губерніи“,—слишкомъ большая шапка для Сеньки. Очень интересна глава: „Евреи и мѣстная общественная жизнь“, трактующая объ оффиціальной и неоффиціальной юдофобіи, о тревогахъ общины въ 1905—1906 гг., когда и въ Иркутскѣ завелась „черная сотня“, и объ участіи политическихъ ссыльныхъ - евреевъ въ изученіи Сибири (Іохельсонъ, Штернбергъ и др.; нужно, однако, отмѣтить неправильное причисленіе писателя Тана-Богороза къ „евреямъ“ безъ оговорокъ). Еще большій интересъ представляетъ *внутренняя* жизнь Иркутской общины, описанная во второй части книги (185—366). Оригинальна фигура основателя общины Я. С. Домбровскаго, попавшаго въ Иркутскъ послѣ удивительныхъ приключеній; печальны разсказы бывшихъ кантонистовъ, вошедшихъ въ составъ общины и ея правленія; поучительна борьба между „воль-

ными“ и „ссыльными“—двумя враждебными группами въ общинѣ, которыя, однако, постепенно примирились; наконецъ обычны отношенія высшей краевой администраціи къ общинѣ, окрашенныя въ яркій сибирско-полицейскій цвѣтъ. Подробное описаніе просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій общины и обширныя статистическія таблицы въ приложеніяхъ (распредѣленіе евреевъ въ Иркутской губерніи по группамъ занятій, по переписи 1897 г.)—довершаютъ богатое содержаніе книги.

Имѣютъ свою судьбу и общины. Иркутская община удостоилась обширной монографіи, а большинство крупныхъ, дѣйствительно историческихъ, общинъ „черты осѣдлости“ не описаны даже въ краткихъ брошюрахъ. Впрочемъ, кто знаетъ? Если Сибирь не связана съ прошлымъ еврейства, то она можетъ быть связана съ его будущимъ, и черезъ полвѣка мы, пожалуй, будемъ имѣть дѣло съ Вильною въ Иркутскѣ.

С. Д.

Къ еврейскому вопросу въ Польшѣ. Сборникъ статей, съ предисловіемъ Н. Н. Полянскаго. Москва, 1915 (258 стр.).

Во главѣ сборника помѣщены двѣ статьи историческаго содержанія. Г-жа Стоклицкая-Терешковичъ обозрѣваетъ „Еврейскій вопросъ въ Польшѣ наканунѣ ея паденія“ (стр. 7—34) и довольно удачно резюмируетъ отношенія польскаго законодательства и общества къ евреямъ, сложившіяся въ послѣдніе вѣка предъ раздѣломъ Польши. Второй очеркъ: „Евреи въ польскихъ возстаніяхъ“ г-жи Мстиславской (стр. 35—67) является какъ бы продолженіемъ предыдущей статьи, такъ какъ въ немъ описано участіе евреевъ въ польскихъ возстаніяхъ 1794, 1831 и 1863 гг., т. е. попытки нѣкоторой болѣе или менѣе ассимилированной части еврейскаго общества пріобщиться къ польской политической жизни. На 1863 годѣ нить исторіи обрывается, и начинается рядъ публицистическихъ статей, касающихся современности. Г. Букшпанъ характеризуетъ „Національно-экономическія отношенія въ Царствѣ Польскомъ“; г. Шейнисъ говоритъ объ отношеніи польскихъ депутатовъ Государственной Думы къ участію евреевъ въ городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ, по законопроекту 1911—13 гг. Гг. Емельяновъ и Гейликманъ трактуютъ о національныхъ правахъ евреевъ въ будущей автономной Польшѣ. Статья г. Ракитина освѣщаетъ „національныя отношенія въ Польшѣ“ въ первое полугодіе нынѣшней войны, но даетъ освѣщеніе не полное, вслѣдствіе сжатости изложенія и невольныхъ цензурныхъ пробѣловъ. Г. Малянтовичъ, въ статьѣ „о правѣ вмѣшательства“ (русскаго общества въ защиту правъ евреевъ автономной Польши) приходитъ къ выводу, что русская Государственная Дума, санкціонируя будущую автономію Польши, вправѣ требовать гарантіи правъ еврейскаго національнаго меньшинства. Этотъ вопросъ о вмѣшательствѣ трактуется мимоходомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ; но въ такой постановкѣ онъ уже устарѣлъ, такъ какъ положеніе

польскаго вопроса въ настоящій моментъ иное, чѣмъ годъ тому назадъ, во время появленія разсматриваемаго сборника.

Въ общемъ статьи сборника, при нѣкоторой партійности въ освѣщеніи вопросовъ (съ „марксистской“ точки зрѣнія), содержатъ немало полезныхъ свѣдѣній и дѣльныхъ сужденій. Хаотическое впечатлѣніе производятъ только двѣ статьи польско-еврейскаго журналиста г. Гляса (Аванти): „Хаосъ“ и „Литературный бойкотъ“. Авторъ ссорится съ поляками, заставляющими ассимилированную еврейскую интеллигенцію терзаться муками отвергнутой любви, и нападаетъ на русскихъ евреевъ, ведущихъ себя „безтактно“ въ Польшѣ, какъ носители „русской“ культуры. Авторъ забываетъ, что поляки ненавидятъ и евреевъ, борющихся за свою національную культуру, и не прощаютъ имъ созданія жаргонной прессы въ Варшавѣ.

И. Канаи. Польско-еврейскія отношенія (34-ая война). Сборникъ статей. М. 1915 (156 стр.).

Въ этой книжкѣ собраны письма изъ Варшавы, печатавшіяся въ сіонистскомъ „Разсвѣтѣ“ въ первое полугодіе нынѣшней войны. Въ письмахъ, очевидно написанныхъ знатокомъ мѣстныхъ политическихъ отношеній, подробно освѣщенъ съ національно-еврейской точки зрѣнія походъ польскаго общества противъ еврейства, который прогрессистъ-антисемитъ Свентоховскій назвалъ „34-ю войною“, пытаясь выставить виновниками „войны“ евреевъ, подвергшихся коварному нападенію. Партійность не помѣшала автору быть довольно объективнымъ въ оцѣнкѣ подвиговъ польскаго шовинизма. Обиліе фактическихъ данныхъ въ текстѣ и въ „приложеніяхъ“ дѣлаетъ сборникъ статей г. Канаи полезнымъ источникомъ для будущаго историка военной трагедіи евреевъ въ Польшѣ, хотя по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ многіе грустные факты не могли быть затронуты имъ въ его опубликованныхъ „письмахъ“.

В. Огородниковъ. Иванъ III и Зарубежные евреи. (Сборникъ статей въ честь Д. А. Корсакова, стр. 52—75. Казань, 1912—13).

П. Тучапскій. Иванъ III и Зарубежные евреи. По поводу статьи В. Огородникова. (Записки Имп. Одесскаго Общества исторіи и древностей, т. XXXII, протоколы, стр. 67—74. Одесса, 1915).

Статья г. Огородникова представляетъ собою новую спеціальную попытку изслѣдованія вопроса о дѣловыхъ сношеніяхъ между Московскимъ великимъ княземъ Иваномъ III и вліятельными евреями Крымскаго ханства, Хозею Кокосомъ и Захаріей Гуилъ-Гурсисомъ, въ періодъ времени между 1472 и 1500 гг. Относящійся сюда матеріалъ (извѣстныя грамоты Московскаго князя, опубликованныя въ 1884 г. въ 41-мъ томѣ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, воспроизведенные въ нашихъ „Регестахъ и надписяхъ“, т. I, №№ 193—218) подвергнутъ въ изслѣдованіи г. Огородникова тщательному анализу, который далъ автору возможность нарисовать довольно яркую картину оживленныхъ сно-

шеній Ивана III съ своими еврейскими дипломатическими агентами въ Крыму, въ услугахъ которыхъ онъ нуждался *).

Отвѣтомъ на эту статью является докладъ г. Тучапскаго, помѣщенный въ Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей. Оперируя тѣмъ же матеріаломъ, критикъ оспариваетъ выводы г. Огородникова только въ части, касающейся второго изъ крымскихъ контрагентовъ Ивана III — Захаріи Гуилъ Гурсиса. По мнѣнію г. Тучапскаго, личность Захаріи и послѣ работы г. Огородникова, является такою-же неясною, какою она представлялась до того. Установленное г. Огородниковымъ тождество Кафинскаго „евреянина" Захаріи-Скаріи съ „таманскимъ княземъ" Захаріей Гуилъ-Гурсисомъ представляется критику весьма спорнымъ. Онъ полагаетъ, что въ группѣ относящихся сюда документовъ рѣчь идетъ о двухъ разныхъ лицахъ, изъ которыхъ только первый былъ евреемъ.

Г. Огородниковъ высказываетъ предположеніе, что дружеское отношеніе гордаго Ивана III, перваго „государя всея Руси", къ еврею Захаріи, котораго онъ звалъ къ себѣ на службу въ Москву, объясняется вліяніемъ совѣтника князя, дьяка Ѳеодора Курицына, втайнѣ принадлежавшаго къ сектѣ жидовствующихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не признаетъ тождества крымскаго Захаріи-Скаріи съ одноименнымъ ересіархомъ секты жидовствующихъ въ Новгородѣ, — гипотеза, которая сама собою напрашивается (ее высказалъ академикъ Соболевскій въ кн. „Переводная литература Московской Руси", Спб., 1903, стр. 397). Г. Тучапскій же считаетъ эту гипотезу вполнѣ допустимою.

Всѣ эти вопросы трудно, конечно, теперь съ точностью рѣшить. Во всякомъ случаѣ, представляется любопытнымъ, что русскіе ученые проявили интересъ къ вопросу о наиболѣе раннихъ въ исторіи русско-еврейскихъ отношеніяхъ. При такомъ вниманіи къ исторіи еврейства въ старой Руси могутъ быть выяснены еще многіе спорные вопросы этого темнаго періода, нуждающіеся въ научной разработкѣ.

Б. Топоровскій.

Присланы въ редакцію:

Max. Radin. The Jews among the Greeks and Romans. Philadelphia Jewish Publication Society of America, 1915 (421 p.p.).

Л. Я. Штернбергъ. Античный культъ близнецовъ при свѣтѣ этнографіи. Оттискъ изъ III т. „Сборника музея антропологіи и этнографіи при Академіи наукъ". Петр. 1916 (стр. 133—189).

Н. Огановскій. Враги-ли русскому народу евреи? Москва, 1916. (47 стр.).

Х. Г. Коробковъ. Экономическая роль евреевъ въ русской лѣсной торговлѣ и промышленности. Петроградъ, 1916 (173 стр.).

---

*) См. объ этомъ также ст. *Ю. И. Гессена*: „Евреи въ Московскомъ государствѣ" (*Евр. Стар.* 1915 г., кн. I, стр. 5—11).

ИЗВѢСТІЯ

Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

---

5 декабря 1915 г. состоялось, подъ предсѣдательствомъ М. М. Винавера, общее собраніе членовъ Евр. Историко-Этн. Общества. Былъ выслушанъ докладъ *С. М. Дубнова*: „Борьба индивидуальнаго и національнаго начала въ исторіи іудаизма", по слѣдующей программѣ:

Индивидуальное начало: отдѣльная личность—единица религіознаго міроотношенія, потребность личной вѣры, личнаго безсмертія. Національное начало: нація, коллективъ—единица исторіи, объектъ Провидѣнія: религія, какъ національная дисциплина.—Смѣна и борьба этихъ двухъ началъ въ древнемъ іудаизмѣ (профетизмъ, литература Псалмовъ и др.). — Національная религія средневѣковья: цѣльность раввинизма, двойственность каббалы.—Мессіанскій мистицизмъ XVI—XVII в. и противовѣсъ индивидуальнаго начала въ хасидизмѣ XVIII вѣка. — Борьба противъ національнаго начала во имя индивидуальнаго въ реформѣ XIX вѣка.—Заключеніе: перевѣсъ въ борьбѣ двухъ началъ зависитъ отъ историческихъ судебъ народа въ каждую данную эпоху, а синтезъ ихъ возможенъ при нормальныхъ условіяхъ существованія еврейства.

Въ преніяхъ принимали участіе д-ръ Л. И. Каценельсонъ и С. Л. Цинбергъ.

---

15 февраля 1916 г. состоялось, подъ предсѣдательствомъ С. Г. Лозинскаго, общее собраніе членовъ, гдѣ по поводу предыдущаго доклада С. М. Дубнова прочелъ свой докладъ *М. М. Марголинъ*: „О сущности профетизма", по слѣдующей программѣ:

Выступленіе пророковъ противъ еврейской народной религіи, начиная съ VIII в. до Р. Х. Борьба съ жертвеннымъ культомъ. Основы новаго ученія. Элементы универсализма и индивидуализма въ пророческомъ ученіи. Законченность религіозно-этической системы пророковъ.—Режимъ Торы (номократія) въ періодъ послѣ вавилонскаго плѣна. Прогрессивныя и тѣневыя стороны фарисеизма. Реакція противъ мертвящаго формализма фарисейской системы. Судьба пророческаго ученія въ эпоху діаспоры. Талмудизмъ. Реакція противъ талмудической системы. Будущность іудаизма.

Возражалъ докладчику С. М. Дубновъ.

По предложенію С. М. Дубнова, охарактеризовавшаго личность недавно скончавшагося въ Петроградѣ члена Общества, житомирскаго раввина И. И. Кулишера, память покойнаго была почтена вставаніемъ.

---

27 мая 1916 г. состоялось, подъ предсѣдательствомъ М. М. Винавера, годовое общее собраніе членовъ Общества для обсужденія отчета за 1915 годъ и утвержденія смѣты на 1916 г. Произведены выборы 4-хъ членовъ Комитета и 2-хъ кандидатовъ къ нимъ, вмѣсто выбывающихъ по очереди: М. И. Кулишера, С. В. Познера, С. А. Рапопорта, Г. Б. Сліозберга, И. І. Тувима и М. И. Шефтеля. Избраны первые четыре члена Комитета и два новыхъ; С. М. Гинзбургъ и М. М. Марголинъ.

М. И. Кулишеръ въ томъ же засѣданіи прочиталъ докладъ на тему: „Сто лѣтъ тому назадъ" (изъ исторіи евреевъ во Франціи во время революціи и въ Польшѣ). Докладъ вызвалъ пренія, въ которыхъ участвовали С. Г. Лозинскій, С. М. Гинзбургъ, С. М. Дубновъ и М. М. Винаверъ.

Въ началѣ засѣданія предсѣдатель посвятилъ нѣсколько теплыхъ словъ памяти недавно скончавшихся: писателя Шаломъ-Алейхема и члена Общества М. В. Познера (члена бывшей Историко-этнографической комиссіи).

Въ *архивъ* и *музей* Евр. Историко-Этнограф. Общества продолжаютъ поступать многочисленные матеріалы. О новыхъ поступленіяхъ будетъ сообщено въ слѣдующихъ выпускахъ „Еврейской Старины". Тамъ же предполагается печатать опись архива и музея.

Іудеи въ Боспорскомъ царствѣ и общества „почитателей Бога Всевышняго“.

Изслѣдованіе Э. Шюрера (Schürer).

Отъ редакціи. — Въ исторіи еврейскаго народа останется знаменательнымъ тотъ фактъ, что первыя еврейскія колоніи на югѣ нынѣшней Россіи были выселками древней іудео-эллинской діаспоры. Этотъ фактъ открываетъ намъ широкіе историческіе горизонты: онъ связываетъ отдаленные концы жизни націи, ярко освѣщаетъ истоки и пути ея тысячелѣтнихъ передвиженій, въ особенности тотъ малоизвѣстный путь, который велъ отъ периферіи древней Іудеи— Сиріи и Малой Азіи — къ сѣверному побережью Чернаго моря и степямъ Скиѳіи. Слѣды іудео-эллинскихъ колоній въ Тавридѣ уже давно открыты въ найденныхъ тамъ памятникахъ эпохи возникновенія христіанства. Время замело болѣе ранніе слѣды іудейской колонизаціи на этой межѣ античной цивилизаціи и скиѳскаго варварства, а переселеніе народовъ смыло позднѣйшіе остатки еврейской культуры въ заброшенномъ углу „великой діаспоры“. Но еще долго вниманіе историковъ будетъ приковано къ этому моменту, какъ исходному пункту еврейской колонизаціи въ восточной Европѣ, и нѣдра Крымской земли вынесутъ на свѣтъ, вѣроятно, еще не одну страницу нашего классическаго прошлаго.

Чтобы разгадать „историческую тайну Крыма“, нужно одновременно вести изслѣдованіе съ двухъ концовъ: древне-греческаго и средневѣково-татарскаго. Попытка въ послѣднемъ родѣ была сдѣлана въ „Еврейской Старинѣ“ (1914 г., кн. I, стр. 1—20), но цѣлесообразно было бы предпослать всякимъ новымъ изысканіямъ очеркъ тѣхъ изслѣдованій, которыя были ранѣе произведены въ этой области. Здѣсь, въ полосѣ ранней іудео-эллинской колонизаціи, наиболѣе компетентною работою является небольшой этюдъ недавно умершаго историка Эмиля Шюрера (автора классическаго трехтомнаго труда: „Исторія еврейскаго народа въ эпоху Христа“), подъ заглавіемъ: „Іудеи въ Боспорскомъ царствѣ и общества „почитателей Бога Всевышняго“, Прочитанный въ видѣ доклада въ 1897 г., въ засѣданіи Берлинской Академіи Наукъ, и напечатанный въ отчетахъ Академіи (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1897, pp. 200—225), этюдъ Шюрера извѣстенъ лишь ограниченному кругу спеціалистовъ. А между тѣмъ онъ заслуживаетъ

большаго распространенія, какъ авторитетное руководство—и понынѣ не устарѣвшее—для дальнѣйшихъ изысканій въ этой области. Два десятка лѣтъ, протекшихъ со времени опубликованія этюда Шюрера, прибавили лишь немного эпиграфическаго матеріала къ тому, что тогда было извѣстно, послѣ выхода 2-го тома монументальнаго собранія крымскихъ надписей В. В. Латышева (Inscriptiones antiquae, томъ II, Спб., 1890 г.), и выводы Шюрера до сихъ поръ не поколеблены. Ясно, что дальнѣйшія раскопки могутъ только подтвердить обоснованные и осторожные выводы историка древней діаспоры.

Мы даемъ здѣсь этюдъ Шюрера въ переводѣ нѣсколько популяризованномъ. Въ изданномъ Берлинской Академіей Наукъ оригиналѣ всѣ греческія надписи и части ихъ приведены только на греческомъ языкѣ, для надобностей спеціалистовъ. Мы приводимъ всѣ эти греческіе тексты въ переводѣ, и лишь въ случаяхъ крайней необходимости цитируемъ греческія слова, которыя, вслѣдствіе типографическихъ трудностей, передаются здѣсь въ латинской транскрипціи. Мѣстами мы опускаемъ чрезчуръ спеціальныя детали научныхъ экскурсовъ автора, указывая на это и большей частью передавая вкратцѣ содержаніе опущеннаго. Наконецъ, мы даемъ дополнительныя свѣдѣнія о документальныхъ данныхъ, появившихся послѣ 1897 года.

Между іудеями діаспоры и языческимъ міромъ, среди котораго они жили, установилось, несмотря на своеобразіе іудейской жизни, взаимодѣйствіе въ различныхъ видахъ. Іудеи усвоили языкъ и образованіе грековъ; вліяніе язычества отразилось отчасти и на нравахъ и обычаяхъ іудеевъ. Но они, съ своей стороны, также оказывали сильное вліяніе на язычниковъ: ко многимъ іудейскимъ общинамъ примыкали такъ называемые „почитатели Бога“ (Sebomenoi ton Theon), почитавшіе единаго истиннаго Бога безъ изображеній и частично исполнявшіе предписанія іудейскаго закона *). Интересные примѣры того и другого представляютъ греческія надписи Боспорскаго царства, опубликованные Латышевымъ съ большей нолнотой, чѣмъ это дѣлалось раньше **). Онѣ показываютъ съ одной стороны, что іудеи заимствовали у грековъ даже нѣкоторые правовые институты, а съ другой—что существовали религіозныя сообщества, которыя хотя не могутъ считаться іудейскими, но ясно обнаруживаютъ слѣды вліянія іудейства въ самомъ своемъ наименованіи и въ формѣ обозначенія

*) См. мою „Geschichte d. jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi“, II, 564—566. (Въ новомъ 4-мъ изданіи 1909 г.—томъ III, 172—174.—Ред.).

**) Латышевъ. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. II. (Inscriptiones regni Bosporani), Petropoli, 1890.

почитаемаго ими Божества. Надписи относятся къ первымъ столѣтіямъ по Р. Х. Онѣ найдены въ слѣдующихъ мѣстахъ: *Пантикапей*—нынѣшняя Керчь, у киммерійскаго Боспора (Керченскаго пролива), *Горгиппія*—нынѣшняя Анапа, къ востоку отъ киммерійскаго Боспора; *Танаидъ* (Танаисъ) — на крайней границѣ греческой культуры, на сѣверо-восточной оконечности „Меотійскаго болота“ (Азовскаго моря). Всѣ эти города входили въ составъ владѣній Боспорскихъ царей. Надписи показываютъ, что іудейство прочно утвердилось тамъ не позже I-го столѣтія по Р. Х., а по всей вѣроятности еще раньше.

I.

Во второмъ томѣ книги Латышева, № 52, имѣется слѣдующая надпись изъ *Пантикапея*, датированная 81 годомъ по Р. Х. (срав. Corpus inscriptionum graecarum, т. II, стр. 1005, и прибавленія къ № 2114):

„Въ царствованіе царя Тиберія Юлія Рескупорида *), друга кесаря и друга римлянъ, благочестиваго, въ 377 году, мѣсяца Перитія 12-го (дня), я, Хреста, бывшая жена Друза, отпускаю въ молельнѣ (proseuche) вскормленника моего Геракла, (объявляя его) свободнымъ разъ навсегда, согласно моему обѣту, незахватываемымъ и не тревожимымъ со стороны какого бы то ни было наслѣдника. Обращаться ему, гдѣ захочетъ безпрепятственно, кромѣ обязанности—являться въ молельню для поклоненія и постояннаго присутствованія. (Совершено) съ одобренія наслѣдниковъ моихъ, Гераклида и Эликоніады, и съ участіемъ въ опекѣ (надзорѣ) *синагоги іудеевъ* (Synepitropeuses... tes synagoges ton Joudaion)“.

Надпись обозначена датою 12-го Перитія 377 года Боспорской эры, т. 81 г. по Р. Х. Она содержитъ оффиціальное заявленіе іудейки Хресты объ отпущеніи на волю раба ея, Геракла. Отпущеніе совершается въ молельнѣ — „просеухѣ“, т. е. въ синагогѣ — вѣроятно, въ собраніи общины и въ силу даннаго обѣта (kata euchen). Рабъ впредь долженъ быть свободнымъ, неприкосновеннымъ со стороны наслѣдниковъ бывшей владѣлицы, и можетъ жить гдѣ пожелаетъ. Цѣль оффиціальнаго заявленія въ томъ, чтобы обезпечить свободу раба и на случай смерти госпожи: наслѣдники также должны быть

*) Эту и слѣдующія надписи приводимъ въ русскомъ переводѣ Латышева, съ нѣкоторыми отступленіями въ смыслѣ приближенія къ греческому тексту и большей точности греческой транскрипціи. Тамъ, гдѣ толкованіе Шюрера, особенно въ дефектныхъ мѣстахъ надписи, отступаетъ отъ общепринятаго, мы переводимъ въ духѣ этого научнаго толкованія. Ср. *Регесты и надписи* т. I, № 1.—Ред.

связаны ея волеизъявленіемъ. Поэтому, въ концѣ надписи опредѣленно объявляется, что наслѣдники дали свое согласіе и что „община (synagoge) іудеевъ участвуетъ въ надзорѣ“ (epitropeo тождественно съ epitropeuo, а не epitrepo). Община іудеевъ постоянно наблюдаетъ за исполненіемъ объявленнаго, какъ и нынѣ власти наблюдаютъ за правильнымъ завѣдываніемъ частными фондами. Свобода раба ограничена только однимъ условіемъ: онъ располагаетъ полною свободою передвиженія, но обязанъ почитать синагогу и регулярно ее посѣщать *)... Слово proskarteresis (постоянное присутствіе, правильное посѣщеніе) употреблено въ Посланіи къ Эфессянамъ, VI, 18. Такъ какъ въ нашемъ документѣ proseuche обозначаетъ синагогу, то соотвѣтствующая фраза означаетъ „постоянство по отношенію къ синагогѣ“, т. е. регулярное посѣщеніе ея. Это вмѣняется отпущеннику въ обязанность, а іудейской общинѣ поручается слѣдить, чтобы это условіе выполнялось, но чтобы во всемъ прочемъ свобода отпущеннаго не подвергалась никакимъ ограниченіямъ **).

Въ извѣстныхъ мѣстахъ, а именно въ сѣверной Греціи, отпущеніе рабовъ часто совершалось путемъ фиктивной продажи ихъ какому-нибудь божеству ***). Такой актъ совершался въ храмѣ: господинъ продавалъ раба божеству, причемъ самъ рабъ долженъ былъ внести продажную цѣну. Фактически это, однако, не означало, что проданный становится храмовымъ слугою,—онъ только духовно посвященъ богу, а въ дѣйствительности свободенъ. Іудейскія общины, конечно, не могли заимствовать эту языческую правовую форму безъ измѣненій. Наша надпись ясно указываетъ, какъ языческое право

---

*) Опускаемъ грамматическое изслѣдованіе соотвѣтствующей греческой фразы и предположенія относительно дополненія дефектныхъ частей словъ.—Ред.

**) „Proskarteresis eis ten proseuchen“ означаетъ, слѣдовательно, нѣчто большее, чѣмъ пребываніе въ іудействѣ, какъ полагаетъ Деренбургъ въ своемъ объясненіи нашей надписи (Journal asiatique 1868, t. XI, p. 525—537).

***) Ср. Foucart, Memoire sur l'affranchissement des esclaves par forme de vente à une divinité, d'apres les inscriptions de Delphes (Archives des missions scientifiques, 2-e serie, t. III, 1866, p. 375—424). Mitteis, Reichsrecht u. Volksrecht in d. östlichen Provinzen d. Römischen Kaiserreichs, 1891, p. 374 ss. (указываетъ и на христіанское manumissio in ecclesia,—Cod. Theodosianus IV, 7; Cod. Justin. I, 13 etc.).—Для дополненія: Латышевъ, Nouveaux actes d'affranchissement a Chéronée (Bulletin de correspondance hellénique, t. VIII, 1884, p. 53—75). Тѣ же надписи см. также въ Corp. inscrip. graec., vol. I (ed. 1892). Многіе новые документы—въ Bulletin etc. t. XVII, 1893, p. 343—409.

фактически послужило тутъ образцомъ и только было облечено въ особенную іудейскую форму. Какъ тамъ заявленіе дается въ храмѣ (капищѣ), такъ тутъ оно дается въ синагогѣ. Тамъ рабъ продается божеству, а тутъ онъ обязывается къ посѣщенію синагоги. Онъ духовно посвящается божеству, которое доставило и обезпечило ему свободу. Можетъ быть, намъ слѣдуетъ допустить вмѣстѣ съ Деренбургомъ, что такой рабъ былъ раньше язычникомъ, и только путемъ отпущенія *) обращается въ іудейство. Тогда аналогія становится еще болѣе близкою: продажѣ божеству у язычниковъ соотвѣтствуетъ у іудеевъ обращеніе къ (истинному) Богу путемъ доброжелательнаго принужденія. За это предположеніе говоритъ и то, что въ одной іудейско-языческой надписи, о которой будетъ упомянуто дальше, имѣется посредствующая формула anetheken te proseuche, т. е. господинъ „посвящаетъ" рабыню молельнѣ. Во всякомъ случаѣ, языческое вліяніе въ нашемъ документѣ сказывается въ заключительной формулѣ. Ибо замѣчаніе, что наслѣдники изъявили свое согласіе, обыкновенно встрѣчается въ греческихъ актахъ объ отпущеніи рабовъ **).

Вторая надпись Пантикапея (Латышевъ, т. II, № 53; Corp. inscrip. graec. t. II, ad. № 2114) ***) такъ фрагментарна, что составить связный текстъ невозможно. Содержаніе ея совершенно сходно съ первою, но въ ней рѣчь идетъ объ отпущеніи нѣсколькихъ рабовъ („отпускаю моихъ... свободными"). Отпускной актъ совершается и здѣсь также въ синагогѣ. Заключительныя строки, съ дополненіями дефектныхъ мѣстъ, гласятъ: „(кромѣ обязанности являться въ) молельню для поклоненія и постояннаго присутствованія, съ участіемъ въ опекѣ синагоги іудеевъ".

Одна надпись у Латышева (т. II, № 400), съ памятника въ *Горгиппіи*, нынѣшней Анапѣ, отъ 41 г. по Р. Х., гласитъ:

„*Богу Всевышнему, Вседержителю* (*Пантократору*), *Благословенному*, въ царствованіе царя (Полемона), друга Германика и любящаго отечество, въ 338 г., въ мѣсяцъ Дій, Потъ (сынъ) Стратона посвятилъ въ молельнѣ, по обѣту, вскормленницу свою, по имени Хриса, съ тѣмъ, чтобы была она неприкосновенна и необижаема отъ всякаго наслѣдника, подъ (попеченіемъ) Зевса, Геи и Геліоса".

Дата надписи, мѣсяцъ Дій 338 года Воспорской эры, совпадаетъ съ 41 г. по Р. Х. Первый издатель, Стефани, призналъ над-

*) Въ благодарность за отпущеніе?—Ред.

**) Mitteis, указ. мѣсто, стр. 372 сл.

***) Ср. также *Регесты и надписи* I, № 2 (по Латышеву).—Ред.

пись іудейскою, основываясь на ея вступительныхъ словахъ (Bulletin de l'Académie de St.-Pétersbourg, t. 1, 1860, 244 s.). Онъ долженъ былъ такъ поступить, ибо послѣднія строки надписи ему не удалось ясно разобрать. Между тѣмъ, стала извѣстною другая сходная надпись, на которой послѣднія слова (Ypo Dia, Gen, Helion)) можно ясно прочесть (Ancient greek inscriptions in the British Museum, P. II, № 180; Латышевъ, II, № 54), и, по сообщенію Латышева, не подлежитъ сомнѣнію, что и послѣднюю строку нашей надписи слѣдуетъ читать именно такъ. На этомъ основаніи Латышевъ призналъ надпись языческою (т. I, стр. 130; II, 209). На самомъ дѣлѣ, однако, приходится сказать, что она въ такой же мѣрѣ языческая, какъ и іудейская. Формула, что рабыня освобождается именемъ Зевса, Геи и Геліоса—языческая; кто ее безъ колебаній употребляетъ, хотя бы только какъ формулу, не можетъ быть іудеемъ. Да и въ другихъ отношеніяхъ нашъ актъ отпущенія отличается по фразеологіи отъ вышеприведенныхъ двухъ іудейскихъ надписей. Здѣсь не говорится объ іудейской общинѣ, какъ власти надзирающей. Заявленіе не сдѣлано въ синагогѣ, въ „просеухѣ", но указано, что рабыня посвящается, какъ даръ, молельнѣ-„просеухѣ"... Мы, слѣдовательно, здѣсь имѣемъ нѣчто, тѣснѣе примыкающее къ обычной языческой формѣ. Какъ въ другихъ случаяхъ отпускаемые рабы *продаются* Богу, такъ здѣсь рабыня *посвящается* Богу, т. е. отдается какъ духовная собственность. Яркую іудейскую подкладку мы замѣчаемъ, однако, въ выраженіи, что этотъ актъ совершается во имя „Бога Всевышняго, Вседержителя, Благословеннаго". Это обозначеніе Божества обыкновенно носитъ іудейскій отпечатокъ; оно совершенно чуждо внѣбиблейскому словоупотребленію. „Пантократоръ" (вседержитель) въ несмѣтномъ количествѣ употребляется въ Септуагинтѣ, большею частью, въ сочетаніи: „Господь-Вседержитель" (Kyrios pantokrator, евр. Jahve-Zebaot; ср. кн. Амоса, III, 13; IV, 13; V, 14—16, 27); въ кн. Іова этимъ словомъ передается еврейское „Schaddai". Въ греческихъ апокрифахъ это слово также часто встрѣчается (Мудр. Солом., VII, 25; Сираха, XLII, 17 и др.; Баруха, III, 1; Юдиѳь, IV, 13; VIII, 13 и др.; II кн. Маккав., I, 25; III, 22, 30, etc.; III кн. Маккав. II, 2, 8, etc.). Въ Новомъ Завѣтѣ эпитетъ „пантократоръ" употреблено (не считая цитаты во Второмъ посланіи къ Коринѳянамъ, VI, 18) только въ Апокалипсисѣ (I, 8; IV, 8 и еще многія мѣста). Господствующее въ христіанскомъ міросозерцаніи представленіе о Богѣ, какъ милосердномъ Отцѣ, скоро вытѣснило эпитетъ „пантократоръ". Но въ христіанское исповѣданіе вѣры онъ былъ включенъ („вѣрую въ Бога—Отца-Вседер-

жителя"), а въ древнѣйшей патристической (святоотеческой) литературѣ онъ встрѣчается часто (см. сводъ Гарнака: Patrum apostolicorum opera, I, 2, и его же въ „Bibliothek der Symbole und Glaubensregeln, 3 изд., 1897, стр. 370 сл.). Во всей же внѣбиблейской греческой письменности терминъ „пантократоръ" для обозначенія Бога едва ли встрѣчается *).

То же примѣнимо и къ слову „eulogetos"—благословенный. И это слово, какъ переводъ еврейскаго „baruch", является въ Библіи обычнымъ предикатомъ Бога. Въ Апокрифахъ оно встрѣчается въ различныхъ мѣстахъ Эзры (III, 40, 60; VIII, 25), Тобита (III, 11 и др.), Юдиѳи (XIII, 17, 18), I кн. Маккав. (IV, 30), II кн. Маккав. (I, 17; XV, 34), III кн. Маккав. (VII, 23). Въ Новомъ Завѣтѣ: Маркъ, XIV, 61; Лука, I, 68; Посл. къ Римл., I, 25 и IX, 5; II Посл. къ Коринѳ., I, 3 и XI, 31; Эфес., I, 13. И этотъ эпитетъ чуждъ греческому языку внѣ области библейской письменности.

Такимъ образомъ, мы въ нашей надписи видимъ своеобразную смѣсь специфически іудейскихъ религіозныхъ понятій съ столь же специфически языческими. Трудно сказать, какой элементъ имѣлъ перевѣсъ въ представленіяхъ человѣка, пользовавшагося этими выраженіями. Своеобразіе тутъ именно въ смѣшеніи обоихъ элементовъ. Но смѣшеніе приводитъ къ обезличенію. Іудейскій монотеизмъ, вѣроятно, въ ущербъ іудейской „законности", мирился тутъ съ фразеологіей, которая, въ точномъ своемъ смыслѣ, связана съ языческимъ политеизмомъ.

То же обозначеніе Бога, по всей вѣроятности, можно возстановить на слѣдующей надписи, испорченной въ началѣ и концѣ (Латышевъ, II, № 401, также въ Горгиппіи): „Богу Всевышнему, Пантократору, Благословенному. Въ царствованіе царя Тиберія Юлія Савромата, друга кесаря и римлянъ, благочестиваго, (я) Тимоѳей (сынъ) Нимфагора Макаріева (сына) съ сестрою Элидой, женой Нанобаламира, по обѣту отца нашего Нимфагора Макаріева, отпускаемъ рабыню нашу Дорею (на свободу)" и т. д.

Послѣ всего сказаннаго, эта надпись не нуждается для нашей цѣли въ поясненіяхъ.

II.

Разсмотрѣнныя выше надписи свидѣтельствуютъ о существованіи и вліяніи іудейскихъ общинъ въ Боспорскомъ царствѣ въ первые

*) Въ этой области мнѣ извѣстенъ только одинъ случай употребленія эпитета „пантократоръ"—въ надписи на о. Критѣ, гдѣ онъ приложенъ къ Гермесу (Corp. inscrip. graec. № 2569).

вѣка христіанской эры. Но съ очень большою вѣроятностью можно объяснить іудейскимъ вліяніемъ и появленіе тѣхъ *религіозныхъ обществъ*, которыя упоминаются въ нижеслѣдующихъ надписяхъ:

Вотъ надпись изъ *Танаида*, приведенная у Латышева, т. II, № 449:

„Богу (всевышнему), въ царствованіе царя Тиберія Юлія Рескупорида, друга Кесаря и друга римлянъ, благочестиваго, *усыновленные братья, почитающіе Бога всевышняго*, поставили (эту) доску, вписавъ туда свои имена" . . . . (Слѣдуетъ списокъ сильно искаженныхъ именъ).

Сходная, но крайне испорченная надпись, также изъ Танаида, имѣется у Латышева, т. II, № 450. Тамъ же, подъ № 452, приводится третья надпись изъ Танаида, помѣченная 228 годомъ по Р. Х.

„Съ добрымъ счастіемъ. Богу всевышнему обѣтъ. Въ царствованіе царя Тиберія Юлія Котуса, друга Кесаря и римлянъ, благочестиваго, усыновленные братья, чтущіе Бога всевышняго, вписали свои имена, имѣя во главѣ пресбитера М . . . . . Гераклида и Аристона (сына) Менестрата и Каллигена (сына) Мирона, Алексіона Патроклова (сына)" . . . . (Слѣдуетъ списокъ именъ членовъ).

Сходна съ нею, но очень дефектна, помѣщенная тамъ же (№ 456) четвертая надпись изъ Танаида.

Изъ этихъ надписей третья датирована 1 Горпія 525 года боспорской эры (228 г. по Р. Х.). По отношенію къ другимъ, близко родственнымъ, надписямъ можно также предположить, что онѣ относятся къ первымъ десятилѣтіямъ III вѣка по Р. Х. Надписи содержатъ списки „усыновленныхъ братьевъ, почитающихъ Бога всевышняго" (eispoietoi adelphoi sebomenoi Theon hypsiston). Точность этихъ самоопредѣленій не подлежитъ сомнѣнію, ибо пробѣлы №№ 449 и 452 взаимно дополняются, и слѣды тѣхъ же выраженій сохранились еще во фрагментахъ другихъ надписей. Эпитетъ „усыновленные" ясно указываетъ, что эти лица вновь приняты въ братскій союзъ „почитателей всевышняго Бога". Они чествуютъ Бога постановкою „теламона", каменной доски, на которой начертаны ихъ имена (въ такомъ же смыслѣ слово telamon употребляется часто въ надписяхъ той мѣстности; см. Латышевъ II, №№ 29, 351, 353, 438—39, 449—50, 452, 456, 459). Это дѣлалось такимъ образомъ, что вновь принятые въ союзъ группировались вокругъ одного или нѣсколькихъ „пресбитеровъ"—старѣйшинъ... Въ № 450, какъ видно изъ размѣра мѣста (въ спискѣ

именъ), подразумѣвается одинъ пресбитеръ; въ № 452 указано четверо пресбитеровъ, за перечнемъ коихъ слѣдуютъ имена вновь принятыхъ въ именительномъ падежѣ; въ № 456 отмѣчено шесть пресбитеровъ или больше. Эти „пресбитеры" были, очевидно, старѣйшіе члены религіознаго братства, къ которымъ вновь принятые примыкали для полученія дальнѣйшихъ наставленій и усовершенствованія.

Надо полагать, что усовершенствованіе не ограничивалось областью религіи. Изъ *Танаида* мы имѣемъ еще другія надписи, тѣсно связанныя съ вышеприведенными *). Онѣ распадаются на двѣ группы. Въ одной группѣ культовые союзы обозначены только именами главарей, къ которымъ примыкаютъ прочіе члены: „Собраніе (synodos), имѣющее во главѣ іерея... и синагогоса... и филагатона... и парафилагатона...и неанискарха... и гимнасіарха" **) (такъ въ общемъ одинаково гласятъ Латышевъ, т. II, №№ 445 и 454, менѣе полны №№ 437, 438, 441—443; списки главарей также въ №№ 439, 440). Въ другой группѣ при наименованіи союза названо также имя божества, почитаемаго его членами: „собраніе подъ главенствомъ Бога всевышняго, іерея, синагогоса" и т. д. (Латышевъ, II, №№ 446—448, 451). У особыхъ группъ во главѣ надписи обыкновенно значится: „Богу всевышнему" или „Богу всевышнему, милостивому"... Такъ какъ среди функціонеровъ союза названы и „гимнасіархъ" и „неанискархъ", то можно заключить, что эти союзы были не исключительно религіозными, а занимались также тѣлесными упражненіями и воспитаніемъ юношества. Съ этими союзами, соблюдавшими культъ всевышняго Бога (Theos hypsistos), находились несомнѣнно въ тѣсной связи вышеупомянутые „усыновленные братья, почитающіе Бога всевышняго". Послѣдніе составляли союзы новообращенныхъ, которые еще нуждались въ руководствѣ пресбитеровъ. Другія „синоды" были сообществами зрѣлыхъ почитателей Бога всевышняго. Наличность нѣсколькихъ „синодовъ" свидѣтельствуетъ, что почитатели „всевышняго Бога" въ Танаидѣ не объединились въ одну большую религіозную общину. Они составляли небольшіе союзы, по 40 приблизительно членовъ въ каждомъ (столько именно обозначено въ

---

*) Собраны и освѣщены у **Цибарта**: Das griechische Vereinswesen (1896), стр. 59—61 и 208—210.

**) Титулы нотаблей общины: жрецъ, созывающій общину; добролюбъ, завѣдующій благотворительностью; помощникъ его, воспитатель юношества, начальникъ „гимнасіи".

нѣкоторыхъ именныхъ спискахъ), которые держались вмѣстѣ только силою духовной связи—общностью культа.

Формула „sebomenoi Theon hypsiston“ напоминаетъ каждому теологу о „почитателяхъ Бога“ въ „Дѣяніяхъ апостоловъ“. Можемъ-ли мы образованіе тѣхъ религіозныхъ союзовъ въ Танаидѣ приписать іудейскому вліянію? Чтобы не судить слишкомъ поспѣшно, нужно прежде всего изслѣдовать, насколько обозначеніе божества эпитетомъ „всевышній“ (hypsistos) было распространено у язычниковъ и іудеевъ.

Въ указателѣ къ Corpus inscriptionum graecarum, стр. 31, при словѣ hypsistos указаны четыре божества, къ которымъ этотъ эпитетъ примѣняется; Аполлонъ, Аттисъ, Зевсъ, Мандулисъ. Но по отношенію къ Аполлону и Мандулису такое указаніе основано на невѣрномъ или сомнительномъ чтеніи текста надписей; къ Аттису этотъ эпитетъ примѣненъ только одинъ разъ. Сравнительно чаще онъ встрѣчается при имени Зевса. Но параллельно употребляются также выраженія hypsistos и Theos hypsistos самостоятельно.

[Далѣе, на стран. 209—213, Шюреръ даетъ перечень мѣстъ въ греческой литературѣ и эпиграфикѣ, гдѣ встрѣчается эпитетъ hypsistos въ различныхъ сочетаніяхъ. При имени Зевса онъ изрѣдка попадается у Пиндара, Эсхила, Софокла, Теокрита, Павзанія; но въ надписяхъ на греческихъ памятникахъ выраженіе Zeus hypsistos (Dios hypsistou, Dii hypsisto и т. п.) имѣется въ различныхъ мѣстахъ: въ Аѳинахъ, Арголидѣ, Македоніи, Малой Азіи, Финикіи, Пальмирѣ. Въ надписяхъ Пальмиры, относящихся ко II и III вѣкамъ христіанской эры, встрѣчается рядомъ съ греческимъ текстомъ и арамейскій. Тамъ, гдѣ греческая надпись гласитъ: Dio hypsisto kai epekoo (Зевсу высочайшему и внемлющему), въ арамейской поставлено еврейскими буквами: „labrich schemo léolamo“ (Тому, имя котораго славится во вѣки). Затѣмъ слово hypsistos отдѣльно для обозначенія Бога встрѣчается въ греческихъ надписяхъ очень рѣдко. Чаще на памятникахъ фигурируетъ формула Theos hypsistos. Она встрѣчается на памятникахъ Аѳинъ, Александріи, Рима, Ѳракіи, Крита, Кипра, а больше всего въ странахъ Малой Азіи, Фригіи, Пергамѣ, Лидіи, и др. Въ Финикіи греческая надпись гласитъ: „Богу всевышнему, небесному“ (ouranio).—Ред.].

Эта статистика навѣрное еще не полна. При разбросанности матеріала отъ моего вниманія, несмотря на долгое собираніе, могло ускользнуть то или другое. Но общая картина, представляемая нашимъ перечнемъ,—я полагаю,—вѣрна. Въ сравненіи съ большой массой надписей посвященія, которыя въ греческомъ культурномъ

мірѣ дѣлались въ честь различныхъ божествъ, число указанныхъ здѣсь надписей сравнительно невелико. Уже для формулы Zeus hypsistos это число не особенно значительно, еще меньше оно для формулы hypsistos или Theos hypsistos.

Для оцѣнки нашего матеріала слѣдуетъ принять во вниманіе, что почти всѣ указанныя здѣсь надписи относятся къ эпохѣ римской имперіи. Для многихъ это установлено, для прочихъ—вѣроятно. Въ эту эпоху по греко-римскому міру пронеслась извѣстная тяга къ монотеизму, подготовленная уже греческою философіей и главнымъ образомъ *вліяніемъ восточныхъ религій*. Съ этой точки зрѣнія нужно разсматривать и наши надписи. Если въ Коринѳѣ рядомъ съ Зевсомъ хтоническимъ, земнымъ, почитался и „Зевсъ всевышній“ (Павзаній II, 2, 8), то мы здѣсь имѣемъ еще дѣло съ настоящимъ политеизмомъ; Zeus hypsistos является здѣсь только однимъ божествомъ въ ряду многихъ другихъ. Но если въ Пальмирѣ этотъ „Зевсъ всевышній“ приравнивается къ туземному великому Богу, чье „имя да будетъ прославлено на вѣки, Богу доброму и милосердному“,—то получается совершенно иное представленіе, ближе подходящее къ монотеизму. Влеченіемъ къ монотеизму объясняются и тѣ случаи, когда индивидуальный „Зевсъ всевышній“ превращается въ общую, обезличенную форму „Богъ всевышній“. Этому обобщенію и обезличенію сильно содѣйствовали восточныя вліянія, какъ видно уже изъ того, что большая часть нашихъ надписей относится къ Востоку (Малая Азія и др.). Но эллинизмъ шелъ навстрѣчу этимъ вліяніямъ: греческая основа ясно выступаетъ не только тамъ, гдѣ сохранено имя Зевса, но и въ другихъ формулахъ. Среди надписей въ честь „*Бога* всевышняго“ имѣются три (въ Аѳинахъ, Лесбосѣ и Тіатирѣ), помѣщенныя подъ изображеніемъ орла. „Богъ всевышній“ тутъ хотя не тождественъ съ старымъ Зевсомъ, но является наслѣдникомъ его.

Къ почитанію „всевышняго *Бога*“ могли, такимъ образомъ, коегдѣ прійти и помимо іудейскихъ вліяній. Ибо и тамъ, гдѣ дѣйствовали *восточныя* вліянія, мы не всегда должны ихъ считать іудейскими *). Но данныя относительно почитанія „Бога всевышняго“

---

*) Съ наибольшею достовѣрностью мы можемъ вывести культъ „Зевса всевышняго“ изъ туземныхъ культовъ въ *Финикіи*. Филонъ Библосскій называетъ среди финикійскихъ божествъ, которыхъ онъ въ духѣ эвгемеризма представляетъ въ образѣ людей (героевъ), нѣкоего Самемрума „высоконебеснаго“ (hypsouranios) и „Эліуна, называемаго всевышнимъ“ (Elioun kaloumenos hypsistos; см. Eusebius, Praeparatio evangelica I, 10, 9; у Миллера, Fragm. hist. gr. III, 566 сл.).

немногочисленны въ сравненіи съ огромной массой надписей посвященія въ честь всевозможныхъ боговъ языческаго пантеона; первыя всегда нссятъ характеръ единичныхъ случаевъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло *на почвѣ библейскаго міра*. Здѣсь Theos hypsistos занимаетъ большое мѣсто, особенно въ позднѣйшихъ книгахъ Канона и въ Апокрифахъ. Еврейскій эпитетъ Бога—Elion здѣсь переводится ho hypsistos, то въ видѣ отдѣльнаго слова, то въ сочетаніи ho Theos ho hypsistos = El Elion (въ Септуагинтѣ и по ея нумераціи—Бытіе XIV, 18—22; Числа XXIV, 16; Второз. XXXII, 8; II Сам. XXII, 14 и мн. др. *). Въ арамейскихъ отрывкахъ книги Даніила этими же двумя способами переводятся слова Ilaja или Elionin (Дан. III, 26, 32; IV, 14, 21—22; V, 18, 21; VII, 18—27). Очень часто эти двѣ формы встрѣчаются въ греческихъ текстахъ Апокрифовъ (Сирахъ, Тобитъ, Юдиѳь, Кн. Маккавеевъ,—особенно у Сираха, напр. VII, 9, 15; XII, 6 и мн. др.). Въ Новомъ Завѣтѣ можно указать на такія выраженія, какъ „сынъ Бога всевышняго" (Маркъ V, 7), „наречется сыномъ Всевышняго", „наречется пророкомъ Всевышняго" (Лука I, 32 и 76), „Всевышній не во храмахъ живетъ" (Дѣян. Апост. VII, 48) и др.—Въ IV книгѣ Эзры (латинскій апокрифъ) эпитетъ Altissimus является обычнымъ обозначеніемъ Бога. Въ Assumptio Mosis (VI, 1) о хасмонейскихъ князьяхъ-священникахъ говорится: „Sacerdotes summi dei vocabuntur". Такъ они себя, повидимому, именовали, ибо еще въ указѣ императора Августа Гирканъ именуется „первосвященникомъ Бога всевышняго" (Іуд. Древн. Іосифа, XVI, 6, 2), Замѣчательно, что и Филонъ (Александрійскій) пользуется этимъ выраженіемъ именно тамъ, гдѣ онъ упоминаетъ объ одномъ распоряженіи Августа... (Посланіе къ Каю, § 23; ср. еще § 40). Возможно, что и римскія власти пользовались выраженіемъ „всевышній Богъ" для обозначенія Бога іудеевъ, такъ какъ послѣдніе сами Его такъ величали.

Оффиціальное употребленіе такого титула среди іудеевъ подтверждается слѣдующею греческою надписью, найденною въ Атрибеѣ, въ Нижнемъ Египтѣ (Revue des études juives 1888, XVII, pp. 235—238): „Именемъ царя Птолемея и царицы Клеопатры, Птолемей сынъ Эпикуда, начальникъ стражи, и находящіеся въ Атрибеѣ іудеи (воздвигли) эту молельню Богу всевышнему".

---

*) Длинный указатель мѣстъ въ Библіи, Апокрифахъ и другихъ источникахъ нами здѣсь и дальше значительно сокращенъ, такъ какъ достаточны лишь примѣры соотвѣтствующихъ выраженій.—Ред.

Что евреи, особенно въ мѣстахъ, гдѣ они вели религіозную пропаганду среди язычниковъ, пользовались этимъ божественнымъ именемъ, мы видимъ и изъ мнимыхъ стиховъ Эсхила, которые въ передачѣ нѣкоторыхъ отцовъ церкви уже давно признаны іудейскою поддѣлкою (Nauck, Tragic. gr. fragm. Aesch. № 464, etc.). Стихи воспѣваютъ вознесеніе Бога надъ природою. Они начинаются словами: „Удали смертнаго бога и не думай плотское подобіе Ему поставить". Конецъ, по одной дошедшей до насъ версіи, гласитъ: „Panta dynatai gar doxa d'hypsistou Theou" (Justin, De monarchia, c. II).....

Возвращаясь къ религіознымъ сообществамъ въ Танаидѣ, мы видимъ тамъ тотъ поразительный фактъ, что они *всѣ соблюдаютъ исключительно культъ „всевышняго Бога"*. Съ полнымъ правомъ говоритъ Цибартъ, на основаніи своей богатой коллекціи матеріаловъ о греческихъ союзахъ: „Союзы въ Танаидѣ стоятъ совершнено одиноко по своей организаціи, своему культу и всему своему характеру. Можетъ быть, самое примѣчательное въ нихъ то, что они—насколько это доступно нашему знанію—всѣ посвящены культу одного божества, именно Theos hypsistos" *). Изъ многочисленныхъ надписей Танаида только въ трехъ названы греческія божества: „богинѣ Артемидѣ", „богу Аполлону", „Зевсу, Арею и Афродитѣ" (Латышевъ II, №№ 421—423); но эти памятники поставлены отдѣльными лицами. Поскольку же надписи относятся къ союзамъ, въ нихъ всегда значится посвященіе „Богу всевышнему" **)... И, какъ уже сказано, не одинъ только союзъ соблюдаетъ этотъ культъ, но одновременно нѣсколько союзовъ, рядомъ стоящихъ. Это свидѣтельствуетъ о силѣ тяги къ монотеизму, особенно разительная на языческой почвѣ. Къ тому монотеизмъ здѣсь свободенъ отъ всякой миѳологіи. Почитаемое божество именуется не Зевсъ, Геліосъ или Митра, а просто „всевышній Богъ". Но такое обычное обозначеніе божества существовало, какъ извѣстно, только у классическаго народа монотеизма, у іудеевъ, между тѣмъ какъ на языческой почвѣ оно встрѣчалось рѣдко. Изъ приведенныхъ выше примѣровъ нѣкоторые, стало быть, можно отнести на долю іудейскаго вліянія. На основаніи этихъ фактовъ мы вправѣ предположить, что возникновеніе столь своеобразныхъ религіозныхъ союзовъ въ Танаидѣ *имѣетъ связь съ іудейской пропагандой*. Это предположеніе подкрѣпляется еще слѣдующими соображеніями:

---

*) Ziebarth, Das griechische Vereinswesen, S. 208.

**) Опущены нѣкоторыя замѣчанія о разныхъ сочетаніяхъ этихъ словъ въ надписяхъ.—Ред.

1. Вѣрное доказательство, что въ Боспорскомъ царствѣ возникали, благодаря іудейскому вліянію, смѣшанныя (религіозныя) образованія, даютъ разобранныя выше надписи Горгиппіи, на которыхъ употреблено специфически іудейское обозначеніе Бога, какъ „Пантократора прославленнаго“ (Латышевъ II, № 400—401). Это обстоятельство особенно важно для обсужденія вопроса о культовыхъ союзахъ въ Танаидѣ. Ибо если почитаніе „Бога всевышняго, вседержителя прославленнаго“ въ Горгиппіи выросло навѣрное на почвѣ іудейской пропаганды, то почитаніе „Бога всевышняго, внемлющаго“ въ близлежащемъ Танаидѣ могло вырости изъ того же корня.

2. Имена членовъ союза въ танаидскихъ надписяхъ почти всѣ—не еврейскія, большею частью и не греческія, а варварскія. Однако нѣкоторыя изъ нихъ слѣдуетъ считать еврейскими, а именно: а) *Самбатіонъ* (въ №№ 434, 446—48, 451), ибо Сабатіосъ, Самбатіосъ и Санбатіосъ—несомнѣнно іудейскія или христіанскія имена; б) *Азаріонъ* (№№ 446, 454), по всей вѣроятности образовавшееся изъ имени Азаріи *).

3. Терминологія надписей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ та же, что у другихъ греческихъ союзовъ. Самъ союзъ называется „синодомъ“ (synodos), члены—thiaseitai или thiasotai (совершающіе обрядъ, участники религіознаго культа); имена главарей—преимущественно чисто-греческія. Но кое-что напоминаетъ скорѣе іудейскую терминологію, чѣмъ греческую. Обозначеніе членовъ „братьями“ (adelphoi, №№ 449—56), категоріи „пресбитеровъ“, „отцовъ собраніи“ (pater synodou), „синагоговъ“ (synagogos)—имѣютъ больше аналогій на іудейской почвѣ, чѣмъ на греческой. Но что особенно возбуждаетъ наше вниманіе—это формула sebomenoi Theon hypsiston на четырехъ вышеприведенныхъ надписяхъ, послужившихъ исходнымъ пунктомъ нашего изслѣдованія. Выраженіе это является у іудеевъ техническимъ терминомъ совершенно опредѣленнаго значенія: онъ обозначалъ (какъ равнозначущее phoboumenoi ton Theon—„боящіеся Бога“) тѣхъ неіудеевъ, которые посѣщали іудейское богослуженіе и соблюдали простѣйшіе іудейскіе законы о пищѣ и о чистотѣ, безъ рѣзкаго отграниченія отъ язычества и безъ формальнаго вступленія въ составъ іудейскихъ общинъ путемъ акта обрѣзанія. Что такихъ кружковъ было очень много и что во многихъ мѣстахъ, вслѣдствіе

---

*) См. W. Schulze, Zeitschrift f. vergleichende Sprachforschung, t. 33, 1895 г., стр. 378—384.

іудейской пропаганды, къ общинамъ діаспоры примыкали такіе придатки—„богобоязненные“ язычники,—не подлежитъ сомнѣнію даже при скудныхъ указаніяхъ нашихъ источниковъ *). Іосифъ Флавій объясняетъ богатство іерусалимскаго храма тѣмъ, что туда посылали свои приношенія „іудеи всего міра и sebomenoi ton Theon (*Древн.* XIV, 7, 2). Апостолъ Павелъ находилъ почти вездѣ, куда ни пріѣзжалъ, такія группы „богобоязненныхъ“ и имѣлъ среди нихъ особый успѣхъ. Въ Антіохіи Писидійской онъ обращается къ собравшимся въ синагогѣ такъ: „Мужи-израильтяне и боящіеся Бога; мужи-братья, дѣти рода Авраамова и боящіеся Бога между вами“ (phoboumenoi ton Theon, *Дѣян. Апост.* XIII, 16, 26). По окончаніи богослуженія за Павломъ послѣдовали многіе іудеи и *почитатели* (Бога)-„*прозелиты*“, но іудеи возмутили противъ апостола „почитательницъ (Бога) и почетныхъ женщинъ“ (*Дѣян.* XIII, 43, 50). Въ Филиппи онъ нашелъ торговку пурпуромъ изъ Тіатира, по имени Лидія, „почитавшую Бога“ (*Дѣян.* XVI, 14). Въ Ѳессалоникѣ Павелъ обратилъ „изъ эллиновъ, чтущихъ (Бога), великое множество“ (*Дѣян.* XVII, 4); въ Аѳинахъ онъ разсуждалъ въ синагогѣ съ іудеями и почитателями (XVII, 17); въ Коринѳѣ, послѣ неудачи у іудеевъ, апостолъ „пошелъ въ домъ нѣкоего Юста, почитавшаго Бога“ (XVIII, 7).—Техническое употребленіе термина выясняется еще изъ латинскихъ надписей: встрѣчающееся здѣсь часто въ различныхъ сочетаніяхъ выраженіе *metuens* (боящійся, чтущій), есть ничто иное, какъ греческое phoboumenos или sebomenos. Вотъ сводка матеріала, значительно возросшаго со времени изслѣдованія Бернайса, насколько онъ мнѣ извѣстенъ. Въ Полѣ (Верхняя Италія): Aur. Soteriae matri pietissimae *religionis judaicae metuenti* (Corp. inscr. lat. V, 1, № 88). Въ окрестностяхъ Рима: Aemilio Valenti romano *metuenti*... **). Родственнымъ является здѣсь греческое слово theosebes (богобоязненный), находящееся на одной римской надписи: („Агриппа Фуску Файнесіосъ Теосебесъ“; см. *Kaibel*, Inscr. gr. Sic. et Italiae, 1325).—Іосифъ Флавій употребляетъ этотъ эпитетъ по отношенію къ императрицѣ Поппеѣ (*Древн.* XX, 8, 11). Въ эпоху Кирилла Александрійскаго въ Финикіи и Палестинѣ существовали религіозныя общества „богобоязненныхъ“ (theosebeis). Нѣчто большее, чѣмъ простое metuens, означаетъ очевидно выра-

*) Cp. Bernays, Die Gottesfürchtigen bei Juvenal (Commentationes philologicae in honorem T. Mommseni, 1877), и мою Gesch. d. jüd. Volk. II, 564—66 (въ нов. изд. 1909 г. стр. 168—177).

**) Опускаемъ еще пару образцовъ такого же рода.—Ред.

женіе „juste legem colens“ (праведно соблюдающее законъ), какъ говорится о нѣкоей Юліи Иренѣ Аристѣ въ одной римской надписи (Corp. inscrip. lat. VI, 29, 758).

Такимъ образомъ, выраженіе sebomenoi Theon сдѣлалось въ іудейской рѣчи устойчивою формулою съ совершенно опредѣленнымъ значеніемъ, чему не находимъ никакой аналогіи во внѣіудейскомъ словоупотребленіи. Слѣдовательно, если мы встрѣчаемъ это выраженіе въ религіозныхъ обществахъ Танаида, мы, значитъ, находимъ здѣсь сильное подтвержденіе іудейскаго вліянія. Конечно, то не были истинно-іудейскіе „почитатели“,—для этого греческій элементъ здѣсь еще слишкомъ силенъ. Вѣдь всѣ эти союзы имѣли своего „іерея“, стало быть—и кой-какой жертвенный культъ, между тѣмъ какъ іудеямъ жертвоприношеніе запрещалось внѣ Іерусалима еще со временъ Второзаконія. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ нашихъ надписяхъ находится изображеніе орла—доказательство, что культъ „всевышняго Бога“, вопреки всякимъ іудейскимъ вліяніямъ, имѣлъ также отношеніе и къ Зевсу *)... Конечно, не слѣдуетъ переоцѣнивать значеніе изображенія орла на этихъ надписяхъ при характеристикѣ ихъ. Изъ 20 приблизительно надписей только на пяти имѣется такое изображеніе (№№ 437, 438, 445, 449, 450 во II томѣ кн. Латышева). О нѣкоторыхъ, вслѣдствіе отрывочности сохранившагося текста, нельзя сказать, было ли тамъ изображеніе или нѣтъ. Девять же настолько сохранились, что вопросъ о наличности на нихъ образныхъ украшеній разрѣшается отрицательно (№№ 439, 446—48, 451—55). Изображеніе, слѣдовательно, здѣсь отнюдь не является преобладающею особенностью. Уже наличность двойного изображенія [упомянутыя надписи украшены большею частью изображеніемъ двухъ орловъ] указываетъ, что это въ сущности лишь орнаментальное украшеніе, о значеніи котораго едвали много думали. Это—воспоминаніе о старомъ Зевсѣ, но настолько потускнѣвшее, что мы вправѣ предположить, что чтимый „всевышній богъ“ имѣлъ больше сходства съ ветхозавѣтнымъ владыкой неба и земли, чѣмъ съ греческимъ Зевсомъ.

---

*) Объ орлѣ, какъ символѣ Зевса, см. Sittl, Der Adler... als Attribute d. Zeus etc. (Jahrb. f. class. Philologie, 1885); Pauly-Wissowa, Real-Enc. I, 373.—[Объ изображеніи орла на гробницахъ древне-эллинской Тавриды—см. еще Ростовцевъ, Античная декоративная живопись на югѣ Россіи (Спб. 1914), стр. 429 и др. (см. указатель s. v. Орелъ). Опускаемъ дальше въ текстѣ Шюрера техническое описаніе тѣхъ памятниковъ, на которыхъ имѣется изображеніе орла. Оно приводится у Латышева II, къ №№ 437, 438, 445, 449, 450.—Ред.].

* * *

Результатъ предыдущаго изслѣдованія сводится къ тому, что столь своеобразные религіозные союзы въ Танаидѣ были плодомъ іудейской пропаганды въ тѣхъ отдаленныхъ областяхъ. Люди, основавшіе эти союзы, направлялись своими руководителями-іудеями въ сторону „наивысшаго" Бога, котораго нельзя называть никакимъ именемъ, рядомъ съ которымъ нѣтъ другихъ боговъ. Но съ этимъ іудейскимъ монотеизмомъ они связывали элементы греческихъ представленій о Зевсѣ, которыя въ свою очередь клонились къ идеѣ единобожія.

Благопріятное подтвержденіе этотъ выводъ находитъ въ томъ, что подобныя образованія извѣстны намъ и изъ позднѣйшаго времени. Мы имѣемъ въ виду „гипсистаріевъ" и родственныхъ имъ сектантовъ, упоминаемыхъ въ произведеніяхъ отцовъ церкви IV и V столѣтій *).

Въ Каппадокіи существовало въ IV в. по Р. Х. религіозное общество, носившее имя „Гипсистаріевъ". Члены его молились только „Вседержителю" („пантократору"), отвергали божескія изображенія и жертвоприношеніе, но оказывали нѣкоторыя почести огню и свѣтовымъ явленіямъ. Обрѣзаніе они отвергали, но соблюдали еврейскую субботу и извѣстные законы о пищѣ. Такъ рисуетъ ихъ Григорій Назіанскій въ надгробномъ словѣ о своемъ отцѣ (374 г. по Р. Х.), который самъ до перехода въ христіанство принадлежалъ къ этому сообществу (Orat. XVIII, 5; въ изд. Migne, Patrol. gr. 35, 990 сл.)... Здѣсь съ одной стороны явственно выступаетъ іудейская подкладка, а съ другой — вѣроятное воздѣйствіе парсизма. Во всякомъ случаѣ мы тутъ видимъ предъ собою почитателей „всевышняго" Бога, которые приняли въ свой культъ и іудейскіе и другіе элементы **)...

Сходное съ этимъ явленіе представляли собою *эвфемиты* или *массаліанцы*, о которыхъ упоминаетъ Епифаній, считающій ихъ впрочемъ чисто-греческою сектою (Haeres. 80, 1): „Иные изъ эллиновъ не привержены къ іудаизму, не причисляются къ христіанамъ, не являются послѣдователями самаритянъ, но, будучи въ дѣйствительности только эллинами, не чтутъ (своихъ) боговъ, ни-

---

*) Ср. Suicerus, Thes. eccl., s. v. Hypsistarios.—Ullmann, De Hypsystariis saeculi p. Chr. quarti secta, Heidelb. 1823.—Boehmer, De Hypsistariis etc. Berol. 1824.

**) Опускаемъ дальнѣйшія ссылки на литературу о гипсистаріяхъ, мало прибавляющія къ вышесказанному.—Ред.

кому не поклоняются, а только оказываютъ почтеніе и молятся *пантократору*". Послѣднее замѣчаніе показываетъ, вопреки увѣренію Епифанія относительно чисто-греческаго характера этой секты, что она находилась подъ іудейскимъ вліяніемъ. Въ пользу родства ея съ сектою Гипсистаріевъ въ Каппадокіи говоритъ и дальнѣйшее замѣчаніе Епифанія, что эти люди совершаютъ свое богослуженіе „при зажиганіи множества факеловъ и свѣточей" (80, 2).

Другую разновидность монотеистовъ, находившихся подъ іудейскимъ вліяніемъ, выводитъ Кириллъ Александрійскій. Говоря о мидіанитахъ временъ Моисея (De adoratione, въ изд. Migne Patr. gr. 68, 282), онъ замѣчаетъ: „Поклоняясь всевышнему Богу..., они (сектанты этого имени) вмѣстѣ съ тѣмъ допускаютъ и другихъ боговъ, но причисляютъ къ вѣдѣнію его (Всевышняго) избранныхъ тварей, землю и небо, солнце и луну и наиболѣе значительныя звѣзды". Въ непосредственной связи съ этимъ Кириллъ продолжаетъ: „...Такъ думаютъ нѣкоторые безумствующіе изъ находящихся въ Финикіи и Палестинѣ, называющихъ себя богобоязненными (Theosebeis); въ богослуженіи они придерживаются нѣкоей середины, не соблюдая точно ни іудейскихъ обычаевъ, ни греческихъ, но къ тѣмъ и другимъ какъ будто одинаково склоняясь и между ними шатаясь". Такимъ образомъ и эти богобоязненные изъ Финикіи и Палестины шли „среднимъ путемъ" между іудействомъ и эллинствомъ, не будучи ни настоящими іудеями, ни настоящими эллинами, оставаясь половинчатыми. Изъ этихъ круговъ безъ сомнѣнія вышелъ, извѣстный намъ по римской надписи, вышеупомянутый Агриппа Фуску Файнесіосъ Theosebeis, ибо „Файнесіосъ" значитъ „изъ Фены", хорошо извѣстнаго мѣста въ Трахонитидѣ, къ востоку отъ Генисаретскаго озера. Обозначеніе себя титуломъ „богобоязненныхъ" указываетъ на связь сектантовъ съ „почитателями Бога". Theosebeis—это тѣ sebomenoi, которые при сохраненіи извѣстныхъ эллинистическихъ элементовъ организовывались въ самостоятельныя общины.

Сходныя съ этимъ явленія мы встрѣчаемъ и на Западѣ. Въ законодательствѣ римскихъ и византійскихъ императоровъ и у Августина говорится о Coelicolae (почитатели Неба), повидимому родственныхъ съ іудеями, но не тождественныхъ съ ними. Въ декретѣ императоровъ Гонорія и Ѳеодосія отъ 408 г. по Р. Х. говорится (Codex Theodos. XVI, 5, 43): „Всѣ изданныя нами въ силу общихъ законовъ предписанія относительно (сектъ) Донатистовъ, называющихся и Монтенсами, Манихеевъ или Присциліанистовъ, а также язычниковъ—мы повелѣваемъ не только оставить въ силѣ,

но и приводить въ дѣйствительное исполненіе во всей ихъ полнотѣ, такъ чтобы и зданія этихъ (сектъ) или почитателей Неба (Coelicolarum), которые исповѣдують догматы какого-то неизвѣстнаго сообщества, забирались въ пользу церквей". Декретъ тѣхъ же императоровъ отъ слѣдующаго 409 года повелѣваетъ (Cod. Theod. XVI, 8, 19): „Имя Coelicolarum, дотолѣ неслыханное, обличаетъ новое преступленіе (на почвѣ) суевѣрія. Если эти люди въ теченіе годового срока не обратятся къ культу Бога и почитанію христіанскому и не будутъ придерживаться законовъ, установленныхъ нами для привлеченія еретиковъ,... то они осмѣлятся затронуть (христіанскій законъ) такъ, что иныхъ христіанъ втянутъ въ союзъ и примутъ гнусное наименованіе *іудеевъ*". Изъ письма Августина мы знаемъ о существованіи этой „секты" именно въ Сѣверной Африкѣ (Epist. 44, alias 163, c. 13; ed. Benedict II, p. 80).

Обращеніе къ „Небу" осмѣивалось римскими сатириками, преимущественно какъ особенность іудеевъ *), а вышеупомянутый императорскій декретъ 409 года свидѣтельствуетъ, что Coelicolae ближе всего родственны іудеямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они и въ приведенныхъ декретахъ и у Августина трактуются какъ члены вновь возникшей тогда „секты". Изъ названія сектантовъ, которое они едва-ли сами себѣ присвоили, можно заключить, что они придавали наибольшее значеніе почитанію Бога безъ всякихъ изображеній. Іудейскіе законы они едва-ли соблюдали, или соблюдали лишь отчасти. Этимъ объясняется, что латинскій переводъ „Дѣяній апостоловъ", сохранившійся въ Кембриджскомъ кодексѣ **), передаетъ въ двухъ мѣстахъ греческое слово sebomenoi черезъ coelicolae (Дѣян. XIII, 50 и XVII, 4). Свѣдущій авторъ или исправитель этого текста очевидно зналъ, что извѣстные ему coelicolae составляютъ явленіе того же разряда, какъ и sebomenoi временъ апостольскихъ. Они дѣйствительно тождественны либо съ послѣдними, либо съ „гипсистаріями" Востока, какъ полагаетъ Ветштейнъ (Nov. Test. I proleg. p. 31, 38). Во всякомъ случаѣ всѣ эти образованія близко родственны между собою.

Знакомство съ гипсистаріями и родственными имъ сектами убѣдило насъ, что іудейская пропаганда, особенно въ Малой Азіи и Сиріи, въ дѣйствительности порождала іудео-эллинскія смѣшанныя образованія. Внутренняя сила монотеизма, представительствуемаго іудеями, не преминула и тутъ произвести свое дѣйствіе. Съ другой

*) Ювеналъ, Сатиры XIV, 97: „Nil praeter nubes et *caeli* numen adorant".

**) Bezae. Codex Cantabrigiensis... ed. by. Scrivener, Cambridge, 1864.

стороны, въ самой греческой религіи, въ позднѣйшей фазѣ ея развитія, скрывалась извѣстная тяга къ монотеизму. Сюда присоединялось и вліяніе другихъ восточныхъ религій, которыя также обнаружили монотеистическія наклонности. Такъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ сходились въ одну точку перекрещивавшіяся линіи, которыхъ исходныя точки были различны, но которыя всѣ вели къ почитанію „Бога всевышняго“. Для этой пестрой ткани іудаизмъ далъ самую крѣпкую монотеистическую подкладку. Мы поэтому вправѣ поставить вопросъ о разсмотрѣніи въ этомъ свѣтѣ вышеупомянутыхъ свидѣтельствъ надписей о почитаніи всевышняго Бога. Чисто-греческая эволюція едва-ли могла привести къ превращенію „Зевса высочайшаго“ въ „Бога всевышняго“,—вѣдь на почвѣ коренной Греціи не обнаружено почти ни одного памятника такого рода. Въ этомъ процессѣ, несомнѣнно, дѣйствовали восточныя вліянія, которыя, какъ уже сказано, были не исключительно іудейскими. Туземныя религіи Малой Азіи, Египта, Сиріи, Персіи,—всѣ внесли туда свою долю. Но и іудаизмъ не стоялъ на заднемъ планѣ. Именно, въ Малой Азіи, давшей наибольшее количество свидѣтельствъ (о смѣшанномъ культѣ), іудейство было широко распространено и оказывало явное вліяніе на языческіе круги *).

Исходя изъ этихъ предпосылокъ, мы поймемъ, какъ могли образоваться въ Танаидѣ религіозные союзы, соблюдавшіе исключительно культъ Theos hypsistos. Религія этихъ „братьевъ“ была не іудейство и не христіанство, а нейтрализація обоихъ. Отъ іудейскихъ учителей они заимствовали „почитаніе Бога всевышняго“. Не пребывая въ положеніи іудеевъ второго ранга, въ качествѣ придатка къ іудейскимъ общинамъ, какъ было въ другихъ мѣстахъ, а создавая свою самостоятельную организацію, эти братства принимали или удерживали въ своемъ быту также и греческіе элементы.

Этотъ примѣръ поучителенъ и для древнѣйшей исторіи христіанства. Извѣстные симптомы говорятъ за то, что созданіе свободныхъ отъ Закона языческо-христіанскихъ общинъ было не исключительно дѣломъ апостола Павла. Этому содѣйствовало, повидимому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (какъ напр. въ Римѣ) то, что

---

*) Стоитъ только вспомнить о распространеніи библейскаго сказанія о потопѣ въ Апамеѣ, во Фригіи. См. Madden, On some coins of Septimius Severus... at Apamea, with the legend Noe (Numism. Chr. 1866, 173—219). О распространеніи іудейства въ Малой Азіи и сосѣднихъ странахъ см. мою Gesch. d. jüd. Volk. II. 498 сл. [въ нов. изд. 1909 г. т. III, 12 сл.].

проповѣдь о Христѣ находила откликъ прежде всего въ кружкахъ „почитателей Бога“, sebomenoi. Такъ какъ послѣдніе, усвоивъ лишь нѣкоторые элементы іудейскаго Закона, порывали связь съ іудейскими общинами и учреждали свои собственныя, они могли легко пойти на полное отреченіе отъ Закона. Здѣсь мы видимъ явленіе, сходное съ образованіемъ эллинскихъ культовыхъ союзовъ въ Танаидѣ. Подобно тому, какъ эти союзы выходили изъ кружковъ sebomenoi ton Theon и все-таки стали чѣмъ-то инымъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ изъ тѣхъ же кружковъ, въ силу аналогичнаго процесса, произошли христіанскія общины.

Дополненія.

Начавъ свое изслѣдованіе съ вопроса о древности поселенія *іудеевъ* въ Боспорскомъ царствѣ, Шюреръ перешелъ къ своей главной темѣ—къ теологическому вопросу о вліяніи *іудейства* на смѣшанныя религіозныя новообразованія первыхъ вѣковъ христіанства. Для уясненія перваго изъ этихъ вопросовъ, можно указать еще на нѣкоторые памятники и надписи. Въ Мелекъ-Чесменскомъ и Царскомъ курганахъ, близъ Керчи (древняго Пантикапея—Боспора), сохранились еврейскія надгробія III—IV вѣковъ христ. эры, изъ которыхъ одни имѣютъ либо греческую, либо еврейскую надпись, другія— надпись на обоихъ языкахъ, а третьи причисляются къ іудейскимъ только по имѣющимся на нихъ изображеніямъ семисвѣчника, пальмовой вѣтви, трубнаго рога и т. п. На одномъ надгробіи, съ высѣченнымъ изображеніемъ семисвѣчника, имѣется греческая надпись: Seimon, т. е. *Симонъ* (имя покойнаго *)). Другое надгробіе III или IV вѣка имѣетъ и еврейскую, и греческую надпись. Первая гласитъ (съ дополненіемъ дефектовъ, по Хвольсону): „Эта могила есть мѣсто успокоенія Исаака, блаженной памяти,... юноши, да пребудетъ душа его въ мирѣ“. Греческая надпись, лучше сохранившаяся, гласитъ въ переводѣ: „За упокоеніе души Исаакія блаженнѣйшаго, миръ и покой! **)). Имѣются еще надгробные памятники съ именами „Израиль“ (?) и „Самуилъ сынъ Севера“ (первое по еврейски, второе по гречески), а затѣмъ группа надгробій безъ надписей, съ указанными выше эмблемами еврейскаго религіознаго обихода—семисвѣчника или девятисвѣчника и т. п. ***)). Кромѣ этихъ пантикапейскихъ памятниковъ сохранились, но еще не разработаны, надгробія въ другихъ древнихъ центрахъ Тавриды,

---

*) Латышевъ, н. с. т. IV, № 405 (Спб. 1901); ср. Марти, Описаніе Мелекъ-Чесменскаго кургана. Одесса, 1913, стр. 17—18, 48.

**) Латышевъ, IV, № 404; Марти, № 98 (стр. 55).

***) Марти, стр. 55 (№ 98а), 71 (№ 167), 75, 77.

гдѣ несомнѣнно существовали еврейскія общины въ первые вѣка христіанской эры *).

Что касается мнѣнія Шюрера о іудаизаціи эллинскаго культа въ Тавридѣ при посредствѣ идеи „Theos hypsistos", то новѣйшія изслѣдованія внесли туда нѣкоторые коррективы. Здѣсь преобладаетъ мнѣніе о близости „гипсистовъ" къ фригійскому культу *Сабазія*, имя котораго фигурируетъ на многихъ надгробныхъ памятникахъ Малой Азіи. Малоазійскій Сабазій, по этому мнѣнію, представленъ на тавридскихъ надписяхъ подъ именемъ Theos hypsistos, причемъ культъ Сабазія былъ здѣсь „измѣненъ и углубленъ не только при посредствѣ сліянія его съ идеями солярнаго генотеизма, но и съ идеями іудейскаго монотеизма" **). Однако и этотъ вопросъ, подъ угломъ зрѣнія еврейской исторіи, сводится къ слѣдующему: откуда именно исходили іудейскія религіозныя вліянія при образованіи смѣшаннаго культа въ Тавридѣ,—проникали ли они съ южнаго берега Понта—изъ Малой Азіи, гдѣ въ общинахъ бродила смѣсь эллинско-іудейско-христіанскихъ воззрѣній, или они шли изъ болѣе близкаго источника—отъ іудейскихъ общинъ въ Пантикапеѣ, Танаидѣ, Горгиппіи и другихъ городахъ Тавриды? Тутъ мы опять стоимъ передъ вопросомъ о величинѣ и роли діаспорическаго центра въ древней Тавридѣ. Мы видѣли, что постепенно открываемые памятники подтверждаютъ предположеніе о значительности организованныхъ еврейскихъ общинъ въ сѣверномъ Черноморьѣ съ момента возникновенія христіанства. Дальнѣйшія открытія и изслѣдованія должны внести болѣе конкретное содержаніе въ этотъ установленный историческій фактъ.

С. Дубновъ.

---

*) Chwolson, Corpus inscript. hebr. (Спб. 1882, стр. 138 сл.); ср. „Евр. Стар." 1913 г., стр. 61 сл. (ст. С. Вейсенберга), а также 1914 г. вып. I. („Историческая тайна Крыма").

**) Ростовцевъ, Античная живопись на югѣ Россіи (Спб. 1914), стр. 432 сл. Тамъ же литература вопроса.

Евреи въ Пруссіи XVIII вѣка.

I.

Правовое положеніе.

„О гражданской и религіозной свободѣ,—пишетъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей Мендельсонъ, — даже въ царствованіе короля-философа имѣютъ, повидимому, весьма противорѣчивыя представленія. Я въ этомъ ежедневно убѣждаюсь на прискорбныхъ примѣрахъ“. Такъ говорилъ, безспорно въ слишкомъ мягкомъ тонѣ, философъ, послужившій образцомъ для Натана Мудраго, о положеніи евреевъ въ Пруссіи при Фридрихѣ Великомъ. „Вольнодумство“ короля не распространялось на область еврейскаго вопроса, какъ не коснулось оно и политическихъ и экономическихъ привилегій дворянства. Фактически почти свободное отъ обложенія въ пользу государства, дворянство господствовало надъ своими крѣпостными экономически и юридически. Офицерскій корпусъ—за исключеніемъ періода Семилѣтней войны—былъ всецѣло дворянскимъ; бюрократія была также въ значительной степени аристократическо-феодальной. Принципъ сохраненія обособленности дворянскаго класса въ качествѣ господствующаго проводился настолько послѣдовательно, что часто правительство запрещало дворянамъ вступать въ бракъ съ лицами недворянскихъ сословій—крестьянства и мѣщанства. Городское населеніе, „бюргерство“, скованное тисками цехового строя и крайняго меркантилизма торговой политики Фридриха II, было еще политически и экономически такъ слабо, что серьезной силы въ государствѣ не представляло. Еще ниже было положеніе крестьянства, которое знало однѣ повинности, но не обладало никакими правами. Система внутренняго управленія Фридриха Великаго такимъ образомъ, правильно была охарактеризована, какъ компромиссъ между политическимъ абсолютизмомъ и соціально-экономическимъ феодализмомъ.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ общимъ строемъ государства было при Фридрихѣ II отношеніе къ евреямъ. До второй половины

XVIII вѣка, т. е. до начала дѣятельности Мендельсона (1729—1786) и его учениковъ, евреи, не дѣлавшіе почти никакихъ попытокъ пріобщиться къ духовной жизни народовъ, среди которыхъ они жили *), оставались совершенно неизвѣстными окружающему міру со стороны своего внутренняго быта. О нихъ, за весьма малыми исключеніями, судили на основаніи такихъ, полныхъ злобы и клеветъ, книгъ, какъ напримѣръ „Das entdeckte Judentum" Эйзенменгера, — книги, изъ которой черпаютъ свои обвиненія противъ евреевъ еще и антисемиты новѣйшихъ временъ. Фридрихъ II всецѣло раздѣлялъ предразсудки противъ евреевъ, считалъ ихъ крайне вредными для государства и думалъ, что ихъ нужно по возможности ограничивать въ правахъ и что они могутъ быть полезными только въ одномъ отношеніи—въ качествѣ источника государственныхъ доходовъ.

Этимъ опредѣлялось законодательство о евреяхъ при Фридрихѣ II. Въ концѣ его царствованія оно было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже хуже, чѣмъ тогда, когда Великій Курфюрстъ (1640—1688) разрѣшилъ нѣкоторымъ еврейскимъ семьямъ поселиться въ Бранденбургскомъ государствѣ. Въ эдиктѣ отъ 21 мая 1671 г. курфюрстъ мотивировалъ свое разрѣшеніе тѣмъ, что допущеніе евреевъ должно оказаться полезнымъ для промышленности и торговли. Вслѣдствіе этого онъ и разрѣшилъ пятидесяти еврейскимъ семействамъ, изгнаннымъ тогда изъ Австріи, поселиться въ предѣлахъ его владѣній. Эдиктъ давалъ евреямъ право жительства во владѣніяхъ курфюрста, т. е. въ собственномъ Бранденбургѣ и герцогствѣ Кроссенъ, право арендовать и покупать дома (съ предоставленіемъ однако христіанамъ права обратнаго выкупа), торговать мануфактурными товарами, платьемъ, шерстью, бакалейнымъ товаромъ въ открытыхъ лавкахъ и на ярмаркахъ. Но имъ запрещалось заниматься ростовщичествомъ, покупать краденыя вещи, вывозить хорошія монеты и ввозить плохія. За всѣ эти права они должны были платить ежегодно налогъ „за покровительство" (Schutzgeld) въ размѣрѣ 8 талеровъ съ семьи, а въ случаѣ заключенія брака вносить по золотому гульдену (Goldgulden). Въ разборѣ гражданскихъ дѣлъ они подчинены юрисдикціи бургомистра мѣстности, въ которой они поселились; въ уголовныхъ же дѣлахъ

*) Это достаточно доказывается такимъ фактомъ, что еще въ 40-хъ годахъ XVIII вѣка молодой еврей, родоначальникъ банкирской семьи Блейхредеръ, былъ высланъ, по настоянію одного изъ старшинъ еврейской общины, изъ Берлина за то, что у него была найдена книжка на нѣмецкомъ языкѣ. Ср. Graetz, Geschichte der Juden, т. XI, стр. 5.

они были подсудны самому курфюрсту. Это разрѣшеніе было дан первоначально на 20 лѣтъ, но и по истеченіи этого срока поселившіеся евреи не были удалены изъ Бранденбурга. Допущеніе евреевъ находилось въ общей связи съ политикой Великаго Курфюрста, который всячески стремился содѣйствовать развитію торговли и промышленности въ своемъ государствѣ и съ этой же цѣлью далъ убѣжище въ 1685 г. изгнаннымъ изъ Франціи гугенотамъ. Однако, преемники курфюрста, не продолжавшіе его экономической политики, придерживались и въ отношеніи евреевъ другихъ взглядовъ. На евреевъ стали смотрѣть не какъ на полезный для государства элементъ, а наоборотъ—какъ на зло, которое должно быть сведено къ возможному минимуму. Поэтому законодательные акты послѣдовавшихъ за Великимъ Курфюрстомъ правителей Пруссіи проникнуты стремленіемъ не расширять безъ крайней необходимости правъ евреевъ и въ то же время увеличивать всѣ поборы, которые съ нихъ взимались.

Сопоставляя акты о евреяхъ, изданные въ теченіе XVIII вѣка до смерти Фридриха Великаго, мы находимъ въ нихъ очень мало существенныхъ улучшеній, а весьма часто приходится констатировать даже ухудшеніе положенія евреевъ. Часто ничтожныя улучшенія въ одномъ эдиктѣ отмѣнялись въ слѣдующемъ. Создалось запутанное, полное противорѣчій законодательство о правахъ отдѣльныхъ категорій евреевъ, ихъ дѣтей и пр. Наряду съ этимъ шло систематическое усиленіе налогового бремени. По эдикту 7 декабря 1700 года, подушная пошлина (Leibzoll), которая уплачивалась при въѣздѣ евреевъ черезъ границу государства или заставу города, была отмѣнена при путешествіи внутри страны; ежегодная сумма налога за покровительство была установлена въ размѣрѣ 1000 дукатовъ (дукатъ = 9,6 марокъ), которые должны уплачиваться всѣмъ еврействомъ сообща въ видѣ полугодовыхъ взносовъ. Не имѣвшіе права жительства (unvergleitete Juden) подлежали высылкѣ, а евреямъ, дававшимъ имъ убѣжище, грозила строгая кара. Ограниченія относительно содержанія открытыхъ торговыхъ заведеній были оставлены въ силѣ; при ссудахъ небольшихъ суммъ или на короткіе сроки разрѣшалось брать 12%, при крупныхъ суммахъ 8%. Воспрещалось евреямъ также дальнѣйшее пріобрѣтеніе домовъ, и только тѣ дома, которыми они уже владѣли, могли остаться у нихъ или у ихъ наслѣдниковъ. Эдиктъ 1714 г. отмѣнилъ нѣкоторыя ограниченія, установленныя послѣ 1671 г. Было снова разрѣшено евреямъ содержать открытыя торговыя заведенія и брать болѣе высокіе проценты (которые

однако вскорѣ были понижены до 10); былъ облегченъ доступъ къ занятіямъ ремеслами, снова была разрѣшена покупка домовъ и отмѣнена круговая отвѣтственность при внесеніи налога за покровительство. За взносъ 8.000 талеровъ (евреи впослѣдствіи говорили о 28.000) регламентъ 1700 года былъ упраздненъ, и евреи были избавлены отъ „извѣстнаго знака“, т. е. желтаго кружка на платьѣ, который они должны были носить въ средніе вѣка въ видѣ отличительнаго признака. Иностраннымъ евреямъ разрѣшалось переселеніе въ страну лишь въ томъ случаѣ, если они обладали состояніемъ въ 10.000 талеровъ.

Значительное ухудшеніе въ сравненіи съ положеніемъ 1714 г. внесъ эдиктъ 29 сентября 1730 г. Отвѣтственность за исполненіе еврейскихъ повинностей была распространена не только на членовъ каждой общины, но и на все еврейское населеніе Пруссіи. Было запрещено торговать бакалейными и колоніальными товарами. Изъ ремеселъ были разрѣшены только выдѣлка печатей и убой скота. Далѣе запрещалось братѣ болѣе 12%, причемъ сложные проценты совсѣмъ не разрѣшались, и воспрещено пріобрѣтать дома; торговцамъ дозволялось имѣть при себѣ не болѣе одного слуги и двухъ служанокъ изъ своихъ соплеменниковъ.

Въ виду того, что число евреевъ все-таки постепенно росло, законодателями принимались все болѣе и болѣе суровыя мѣры къ ограниченію ихъ прироста. Если Великій Курфюрстъ и разрѣшилъ поселиться въ бранденбургскомъ государствѣ только 50 семействамъ, онъ все-таки воздержался отъ какого бы то ни было ограниченія числа ихъ потомства. Въ эдиктѣ же 1714 г. уже вводится ограниченіе размноженія евреевъ. Наряду съ раздѣленіемъ евреевъ на состоящихъ подъ защитой государства (Schutzjuden), подлежавшихъ внесенію въ особые списки, и на такихъ, на которыхъ защита государства не распространялась и, слѣдовательно, подлежавшихъ выселенію, въ эдиктѣ было введено и то ограниченіе, что привилегированные евреи могли передавать свои права не всему своему потомству, а только первымъ тремъ дѣтямъ по порядку рожденія. Только этимъ разрѣшалось вступать въ бракъ. Однако, и это право было связано съ нѣкоторымъ имущественнымъ цензомъ. Только первый потомокъ становился безусловно наслѣдникомъ правъ главы семейства. Второй вносился въ списки привилегированныхъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ обладалъ состояніемъ въ размѣрѣ тысячи талеровъ, а третій лишь тогда, когда располагалъ имуществомъ въ двѣ тысячи талеровъ. Кромѣ того, за внесеніе въ списки второго потомка съ еврея взимался налогъ въ размѣрѣ 50 талеровъ, а

третьяго—100 талеровъ. „Генеральная привилегія“ 1730 г. ввела еще новое ограниченіе. Она установила максимумъ для привилегированныхъ еврейскихъ семействъ, проживающихъ въ Берлинѣ: такихъ могло быть не больше ста,—„остальныя должны вымереть“, говорится въ текстѣ закона; во всѣхъ же другихъ частяхъ государства количество евреевъ тоже должно быть фиксировано и не превышать въ будущемъ цифры, которой оно достигло въ годъ изданія этого акта (1730) *). Тотъ-же актъ ограничилъ *двумя* число потомковъ, на которыхъ переходили права главы семейства, причемъ первый потомокъ вносился въ списки не безусловно, какъ разрѣшалъ еще актъ 1714 г., а лишь за плату въ 50 талеровъ, и то только въ томъ случаѣ, если онъ обладалъ состояніемъ въ 1.000 талеровъ; со второго взимались уже 100 талеровъ, при условіи владѣнія имуществомъ въ 2.000 талеровъ. Затѣмъ было установлено, что даже эти привилегированные потомки должны вноситься въ списки только тогда, когда въ предѣлахъ установленнаго для числа евреевъ максимума имѣются свободныя вакансіи.

Изданная въ 1750 году новая „Генеральная привилегія“ еще больше ограничила число привилегированныхъ потомковъ и допускала включеніе въ списки только одного, перворожденнаго, такъ какъ Фридрихъ Великій еще въ 1749 г. призналъ, что при разрѣшеніи внесенія въ списки двухъ потомковъ не будетъ достигнута преслѣдуемая закономъ цѣль, именно сокращеніе числа

---

*) На самомъ дѣлѣ число евреевъ было больше указаннаго въ законѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая, характерная во многихъ отношеніяхъ исторія. Въ началѣ 1737 г. въ Берлинѣ была совершена кража серебра, въ которой участвовалъ и еврей Іосифъ-Исаакъ. Узнавъ объ этомъ, король Фридрихъ-Вильгельмъ I приказалъ взыскать съ берлинскихъ евреевъ 1.000 талеровъ, а затѣмъ указомъ 26 апрѣля 1737 г. предписалъ сократить число еврейскихъ семействъ въ Берлинѣ. Было рѣшено довести число этихъ семействъ до 120, а ихъ слугъ и общинныхъ должностныхъ лицъ—до 250, всѣ же остальные должны были быть высланы въ теченіе 4-хъ недѣль. Вслѣдствіе этого подлежало удаленію 584 еврея. Евреи обратились съ ходатайствомъ къ министру Бройху, предсѣдателю еврейской комиссіи (Judenkomission), которому было поручено привести въ исполненіе это распоряженіе. Евреи указывали на то, что жалобы на вредное вліяніе ихъ въ торговлѣ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, что, наоборотъ, христіанскіе ремесленники наживаются благодаря присутствію евреевъ. На министра это прошеніе оказало, повидимому, нѣкоторое вліяніе, и выселяемымъ была дана небольшая отсрочка. Однако король стоялъ на своемъ и написалъ на представленіи „генеральной директоріи“ собственноручно, что дѣло должно быть исчерпано до его возвращенія въ Берлинъ. (Въ „Генеральной директоріи“, точнѣе General-Ober-Finanz-

евреевъ. Наоборотъ, слѣдуетъ опасаться, полагалъ онъ, что при предоставленіи евреямъ возможности передавать свои права двумъ потомкамъ, число евреевъ можетъ въ 20 или 30 лѣтъ удвоиться или утроиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ актъ 1750 г. раздѣлялъ еще привилегированныхъ евреевъ на двѣ категоріи: на потомственныхъ (ordentliche Schutzjuden), у которыхъ права главы семейства переходили, съ вышеизложенными ограниченіями, къ его потомству, и на личныхъ (ausserordentliche Schutzjuden), только лично пользовавшихся предоставленными имъ правами. Число потомственныхъ „Schutzjuden" должно быть фиксировано, и увеличеніе его могло произойти только съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ высочайшаго разрѣшенія. Личнымъ привилегированнымъ евреямъ воспрещалось вступать въ бракъ, или же, если вступленіе въ бракъ состоялось до изданія этого указа, запрещеніе переносилось на ихъ дѣтей. Точно также воспрещалось вступленіе въ бракъ и тѣмъ дѣтямъ потомственныхъ привилегированныхъ евреевъ, на которыхъ права главы семейства не распространялись. Однако, тринадцать лѣтъ спустя, указомъ 11 ноября 1763 года, Фридрихъ Великій, который послѣ Семилѣтней войны очень нуждался въ деньгахъ, разрѣшилъ внесеніе въ списки еще и второрожденныхъ дѣтей привилегированныхъ потомственныхъ евреевъ, за что евреи внесли въ казну 70.000 талеровъ.

Евреи были затѣмъ ограничены во всѣхъ отрасляхъ практиче-

Kriegs- und Domänendirektorium было сосредоточено со времени Фридриха-Вильгельма I все управленіе страной. Предсѣдателемъ директоріи былъ самъ король. Она дѣлилась на 5 департаментовъ съ министромъ во главѣ каждаго, но окончательное рѣшеніе принималось по коллегіальномъ обсужденіи вопроса всѣми членами директоріи. Указомъ 16 декабря 1808 г. генеральная директорія была упразднена и на мѣсто ея учреждены пять отдѣльныхъ министерствъ (внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, военное), подчиненныхъ Государственному Совѣту, Staatsrat). По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, были удалены однако въ дѣйствительности только 387 человѣкъ, а прочіе остались и, повидимому, не подвергались болѣе преслѣдованіямъ. По крайней мѣрѣ дальнѣйшихъ актовъ о выселеніи евреевъ нѣтъ, хотя въ іюлѣ того же года, при произведенной безъ предупрежденія провѣркѣ еврейскаго населенія, было обнаружено 127 „сверхкомплектныхъ" евреевъ. Полиція такимъ образомъ оказалась въ данномъ случаѣ болѣе либеральной, чѣмъ король, который при чтеніи доклада о высылкѣ евреевъ замѣтилъ: „Слава Богу, что они ушли. Нужно удалить и остальныхъ, но чтобы они не поселились въ другихъ моихъ городахъ и областяхъ, иначе они должны быть удалены и оттуда". Ср. L. Geiger, Geschichte der Juden in Berlin, т. I, стр. 48; т. II, стр. 81—83.

ской дѣятельности. Едвали нужно говорить, что они не могли занимать должности по государственной службѣ. Имъ разрѣшалось заниматься только тѣми ремеслами, которыя не составляли привилегіи опредѣленныхъ цеховъ, напримѣръ изготовленіе печатей, граненіе драгоцѣнныхъ камней и оптическихъ стеколъ, вышиваніе золотомъ и серебромъ, леченіе чесотки и т. д. Запрещалось же имъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, винокуреніемъ и пивовареніемъ, продажей пива и водки. Но даже въ области торговли въ узкомъ смыслѣ, которая разсматривалась какъ специфическое занятіе евреевъ, для нихъ были созданы разнаго рода ограниченія, которыя являлись даже шагомъ назадъ по сравненію съ эдиктомъ Великаго Курфюрста. Такъ генеральная привилегія 1730 г. установила среди покровительствуемыхъ евреевъ различіе между лицами со спеціальнымъ разрѣшеніемъ (Schutzjuden mit besonderer Koncession) и такими, у которыхъ особыхъ разрѣшеній не было. Только первые имѣли право содержать открытые лавки и магазины, остальнымъ же предоставлялось торговать исключительно старымъ платьемъ и тряпьемъ, вообще заниматься мелочной торговлей, торговать лошадьми и содержать мѣняльныя лавки. Но даже и обладатели спеціальнаго разрѣшенія не имѣли права содержать больше одного открытаго торговаго заведенія и больше опредѣленнаго числа приказчиковъ. Эти постановленія перешли и въ регламентъ 1750 г., который, подобно акту 1733 г., запрещаетъ евреямъ торговать скотомъ внутренняго происхожденія (einheimisch), шерстью, необработанной кожей рогатаго скота и лошадей, сырой и окрашенной кожей, иностранными шерстяными издѣліями (за исключеніемъ особо оговоренныхъ), виномъ, табакомъ, бакалейнымъ и колоніальнымъ товаромъ, селедками, масломъ, сыромъ, солью, мыломъ, свѣчами, яйцами, разными сортами рыбы, горохомъ, овощами и другими продуктами огородничества. Въ нѣкоторыхъ областяхъ существовали еще особыя ограниченія; такъ, напримѣръ, въ Помераніи и еще нѣкоторыхъ провинціяхъ запрещалась мелочная торговля разными металлами, кожей и т. д. Такимъ образомъ евреямъ запрещалось торговать почти всѣми видами сырья и разрѣшалось только производить торговлю продуктами обрабатывающей промышленности, мануфактурными товарами и предметами роскоши. Разрѣшалось имъ также и открытіе фабрикъ, которое часто являлось основаніемъ для выдачи фабриканту охранной грамоты (Schutzbrief). Евреямъ запрещалось также заниматься хирургіей и содержать цирюльни; еврейскіе врачи не принимались на городскую или государственную службу, несмотря на то, что они практиковали съ большимъ успѣхомъ во всей странѣ.

Таковы были общія ограниченія. Но въ отдѣльныхъ городахъ прусскаго государства существовали еще особыя стѣсненія. Напримѣръ, въ Магдебургѣ, Штетинѣ, Кольбергѣ и Эльбингѣ евреи совершенно были лишены права жительства, а въ Кенигсбергѣ, гдѣ съ нихъ брали еще специальный налогъ подъ названіемъ Juden-Nachschuss, имъ воспрещалось торговать всѣми товарами, которые „продаются на мѣру и на вѣсъ“ (was Scheffel und Wage passirt). Это ограниченіе примѣнялось тамъ даже къ тѣмъ евреямъ, которые на основаніи особыхъ разрѣшеній получили „права христіанскихъ купцовъ“, и евреи жаловались на то, что въ виду растяжимости понятія „продажи на мѣру и на вѣсъ“, христіанскіе купцы придаютъ ему такое распространительное толкованіе, что торговлѣ евреевъ наносится чрезвычайный ущербъ.

По всей странѣ евреямъ воспрещалась торговля въ разносъ (Hausirehandel) по деревнямъ.

Одновременно съ усиленіемъ ограниченій въ правахъ, въ теченіе XVIII вѣка до смерти Фридриха II, происходило также возрастаніе еврейскихъ повинностей. Такъ, напримѣръ, при допущеніи евреевъ въ 1671 г. былъ установленъ спеціальный налогъ въ размѣрѣ 8 талеровъ съ каждой еврейской семьи, что составляло для всѣхъ принятыхъ 50 семействъ 400 талеровъ. Въ 1700 г. этотъ налогъ достигъ уже 3.000 талеровъ, въ 1728 году—15.000, а въ 1768 г.—25.000 талеровъ. Въ годъ смерти Фридриха Великаго (1786) взимавшіеся съ евреевъ поборы складывались изъ цѣлаго ряда спеціальныхъ налоговъ *). Кромѣ только что упомянутаго налога за покровительство (Schutzgeld), евреямъ приходилось платить установленный съ 1728 г. налогъ на содержаніе гвардейцевъ, т. н. рекрутскій налогъ (Rekrutengelder), что составляло 4.800 талеровъ въ годъ. Затѣмъ въ 1766 году евреямъ было вмѣнено въ обязанность доставлять ежегодно монетному двору въ Берлинѣ 12.000 слитковъ серебра по установленной цѣнѣ: 12 талеровъ за слитокъ. Такъ какъ цѣна слитка колебалась въ дѣйствительности отъ 13 талеровъ и 22 зильберъ-грошеновъ (Silbergroschen=12 пф.) до 14 талеровъ, то евреи теряли на разницѣ въ цѣнѣ приблизительно 24.000 талеровъ въ годъ.

Затѣмъ съ евреевъ взимались ежегодно 400 талеровъ въ пользу

*) Они подробно перечислены въ запискѣ, врученной прусскому правительству въ 1787 г. представителями еврейскихъ общинъ и напечатанной въ книгѣ Давида Фридлендера (который, повидимому, и былъ авторомъ записки): „Actenstücke, die Reform der jüdischen Kolonien in den Preussischen Staaten betreffend“. Berlin. 1793, pp. 53—118.

академіи наукъ, подъ названіемъ „календарныхъ денегъ" (Kalendergelder), за то, что академія составляла еврейскіе календари, и 300 талеровъ въ пользу кассы ломбарда („ad montem pietatis"). Отъ уплаты этихъ повинностей освобождались лишь тѣ, которые состояли на службѣ у общины и не могли заниматься торговлей. Всѣ эти налоги должны были вноситься сообща евреями провинцій прусскаго государства, за исключеніемъ Силезіи, Западной Пруссіи и Восточной Фризіи. Такъ какъ доля силезскихъ евреевъ въ поставкѣ серебра составляла 3.900 слитковъ, то всѣ остальные прусскіе евреи должны были сообща вносить 46.700 талеровъ въ годъ, которые они распредѣляли между собой по областямъ черезъ каждыя 5 лѣтъ.

Къ этимъ общимъ налогамъ присоединялся еще цѣлый рядъ особыхъ поборовъ въ отдѣльныхъ городахъ и мѣстностяхъ. Такимъ налогомъ былъ напримѣръ „серебряный акцизъ" (Silberaccise), который составлялъ въ Берлинѣ ежегодно 200 талеровъ, во Франкфуртѣ-на-Одерѣ 40 талеровъ, а въ областяхъ Курмаркъ и Неймаркъ, на которыя дѣлилось Бранденбургское маркграфство, взимался въ размѣрѣ 1 талера съ каждаго отца семейства. „Никому изъ насъ, — говорится въ цитированной запискѣ,—неизвѣстно, за что собственно мы платимъ эти деньги". Сюда же относятся такіе мѣстные налоги, какъ „Probsteigelder" *) (въ одномъ Берлинѣ 75 талеровъ) и „Indemnisationsgelder" (въ Берлинѣ 165 талеровъ). Евреи, жившіе въ Неймаркѣ платили ежегодно 500 талеровъ въ пользу склада при большомъ сиротскомъ пріютѣ въ Потсдамѣ **) и 50 талеровъ такъ называемыхъ „Korrespondenzgelder", т. е. вознагражденія чиновнику, который вѣдалъ въ этой области еврейскія дѣла. Послѣдняя сумма продолжала взиматься даже и тогда,

---

*) Этотъ налогъ возникъ слѣдующимъ образомъ. Въ 1717 г. берлинскій пробстъ обратился къ королю съ жалобой на то, что евреи-домовладѣльцы не платятъ ему тѣхъ налоговъ, какіе онъ получаетъ отъ христіанъ-домовладѣльцевъ. Вслѣдствіе этого король распорядился, чтобы въ пользу пробста ежегодно съ каждаго еврейскаго домовладѣльца взималось по одному талеру (ср. *König*, Annalen der Juden in den preussischen Staaten, besonders in der Mark Brandenburg, Berlin, 1799, стр. 257).

**) Налогъ въ пользу склада при сиротскомъ пріютѣ первоначально взимался съ евреевъ въ иномъ видѣ. Въ 1722 г. евреямъ было вмѣнено въ обязанность покупать въ этомъ складѣ ежегодно шерстяныхъ издѣлій на 10.000 талеровъ. Такъ какъ въ концѣ концовъ это оказалось неудобнымъ какъ для евреевъ, такъ и для склада, то по ходатайству евреевъ эта обязанность была впослѣдствіи замѣнена обложеніемъ въ размѣрѣ 500 талеровъ.

когда этотъ чиновникъ уже получилъ другое назначеніе и къ еврейскимъ дѣламъ никакого отношенія больше не имѣлъ.

Къ этимъ постояннымъ налогамъ присоединялись еще и спеціальные, взимавшіеся въ опредѣленныхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, при утвержденіи старостъ еврейскихъ общинъ, которые избирались на три года, въ разныхъ городахъ уплачивались различныя суммы: въ Берлинѣ 130 талеровъ, въ Ландсбергѣ-на-Вартѣ 70 талеровъ и т. д.

При возникновеніи пожара въ городѣ евреи должны были платить опредѣленную сумму (напримѣръ, въ Берлинѣ каждый разъ 15 талеровъ), на томъ основаніи, что они не состоятъ членами пожарной дружины и поэтому не принимаютъ участія въ тушеніи пожара. Этотъ налогъ, носившій названіе „Sublevationsgelder“, вносился даже тогда, когда пожаръ прекращался до прибытія на мѣсто пожарной команды. Всевозможныя штемпельныя обложенія были для евреевъ значительно выше, чѣмъ для христіанъ. Напримѣръ, Paraphenstempeljura за штемпель, который ежегодно ставился на дѣловыхъ книгахъ послѣ того, какъ они зашнуровывались, евреями уплачивался въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ христіанами. Всѣ евреи, получившіе „генеральныя привилегіи“, а также и тѣ, которые имѣли право вносить второрожденныхъ потомковъ въ списки привилегированныхъ, были включены въ первый разрядъ, всѣ-же евреи, посѣщавшіе ярмарки—во второй, хотя среди обѣихъ категорій, говорится въ вышецитированной запискѣ Фридлендера, „не мало несостоятельныхъ и бѣдныхъ людей“. Христіанскіе же купцы платили 10 талеровъ этого налога только въ томъ случаѣ, если были въ дѣйствительности крупными коммерсантами. Далѣе, при составленіи актовъ по дѣламъ о бракосочетаніи, евреями уплачивался большій гербовый сборъ, чѣмъ христіанами. Съ послѣднихъ взимался въ такихъ случахъ сборъ въ размѣрѣ 4 зильбергрошеновъ, за исключеніемъ дворянъ, чиновниковъ и горожанъ въ большихъ городахъ, которые платили по 2 талера. Евреи же были раздѣлены на этотъ случай на 8 разрядовъ, при чемъ при вступленіи въ бракъ лицъ, обладающихъ генеральными привилегіями, получившихъ новыя привилегіи, или обладавшихъ правомъ включенія вторыхъ потомковъ, взималось 20 талеровъ; остальные евреи платили меньше, но все же—даже включенные въ послѣдній разрядъ—не менѣе 3—4 талеровъ. При внесеніи перваго потомка въ списки привилегированныхъ, въ столицахъ взималось 94 талера, а въ провинціальныхъ городахъ приблизительно 104 талера. При внесеніи второго потомка платили отъ 155 до 160 талеровъ.

Евреямъ-мужчинамъ разрѣшалось вступать въ бракъ не раньше достиженія 25-лѣтняго возраста. Въ случаѣ же исходатайствованія разрѣшенія вступить раньше въ бракъ, съ еврея брали 40 талеровъ. Если женихъ или невѣста были иностранцами, разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ опять было обусловлено взносомъ 30 талеровъ, и сверхъ того 6 талеровъ и 16 зильбергрошеновъ на канцелярскіе расходы, т. е. въ общемъ около 40 талеровъ. Кромѣ того за выдачу свидѣтельства о бракосочетаніи (Trauschein) съ евреевъ брали 2 фридрихсдора (фридрихсдоръ = 16,8 марки), что составляло съ еще нѣкоторыми канцелярскими расходами 14 талеровъ. Христіанскіе же подданные отъ этого были совершенно освобождены. При вторичномъ вступленіи въ бракъ съ евреевъ бралась еще по меньшей мѣрѣ 20 талеровъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда при этомъ требовалось особое разрѣшеніе, напримѣръ, если одинъ изъ супруговъ былъ иностранецъ, прибавлялась особая пошлина въ размѣрѣ отъ 40 до 80 талеровъ. При записи еврея студентомъ въ университетѣ и при сдачѣ экзамена съ него брали большую плату, чѣмъ съ христіанина, а въ медицинской академіи (Obercollegium Medicum) въ Берлинѣ для евреевъ была установлена двойная плата *).

Кромѣ этихъ денежныхъ поборовъ, существовали еще иные виды обложенія. Въ 1763 г. прусскіе евреи, внесшіе 70 тысячъ талеровъ въ казну, получили за это право включать въ списки привилегированныхъ и „вторыхъ потомковъ", т. е. вторыхъ по порядку рожденія сыновей или дочерей. Хотя это право было выдано безъ оговорки, правительство однако стало вскорѣ разрѣшать это включеніе лишь въ томъ случаѣ, если лицо, добившееся этого права, пріобрѣтало на 1.500 талеровъ мануфактурнаго товару, изготовленнаго на прусскихъ фабрикахъ, и вывозило его за-границу. Точно также въ 1768 г. евреямъ было вмѣнено въ обязанность оказывать поддержку фабрикамъ въ Темплинѣ, которыя пришли въ упадокъ. Фабрики эти изготовляли шапки, чулки, шелковыя кружева и т. д. Евреи вынуждены были взять на себя управленіе этими фабриками и пріобрѣсти ихъ инвентарь. Единственная уступка, которая была сдѣлана за это евреямъ, состояла въ томъ, что освободили тѣхъ, которымъ впредь будутъ выдаваться привилегіи, отъ обязательнаго вывоза мануфактурныхъ товаровъ за-границу.

Чтобы увеличить вывозъ издѣлій королевскихъ фарфоровыхъ заводовъ за-границу (königliche Porzellan-Manufaktur), въ 1769 г. для евреевъ было установлено слѣдующее обязательство.

*) *Rönne u. Simon.* Die Verhältnisse d. Juden in den sämmtlichen Landesteilen d. Preussischen Staates (Breslau, 1843), 248—252.

При внесеніи перваго потомка въ списки привилегированныхъ, еврей долженъ пріобрѣсти у этихъ заводовъ на 300 талеровъ фарфоровыхъ издѣлій и сбыть ихъ обязательно заграницу. То же самое полагалось при включеніи второго потомка. При полученіи генеральной привилегіи полагалось купить форфора для вывоза на 500 талеровъ; при пріобрѣтеніи евреемъ дома, какъ равно при переходѣ дома отъ одного еврея къ другому, независимо отъ его стоимости—на 300 талеровъ; затѣмъ при полученіи какого бы то ни было разрѣшенія опять на опредѣленную сумму. До чего доходило стремленіе навязывать евреямъ при всякой представлявшейся возможности королевскій фарфоръ, видно изъ слѣдующаго случая. Когда нѣкій Абель Левинъ въ Фрейнвальде просилъ о разрѣшеніи ему стать могильщикомъ на службѣ у тамошней еврейской общины, онъ получилъ разрѣшеніе лишь при условіи покупки фарфора на 28 талеровъ *).

Тяжесть этого обложенія для евреевъ увеличилась еще тѣмъ, что они не имѣли права выбирать при пріобрѣтеніи фарфора тѣ сорта, которые можно было сбыть заграницу съ наименьшей потерей. Было установлено правило, согласно которому евреи должны были брать на фабрикѣ на 1/3 товаровъ лучшаго сорта, на 1/3 средняго и затѣмъ на послѣднюю треть худшаго сорта. Такимъ образомъ потери при продажѣ этихъ издѣлій заграницей часто достигали 50% и даже больше. Такъ какъ этотъ новый налогъ шелъ въ разрѣзъ съ полученными уже раньше правами включенія перваго и второго потомка и т. д., то онъ вызвалъ жалобы со стороны евреевъ. Вслѣдствіе этихъ жалобъ, было издано въ 1771 г. распоряженіе понизить стоимость фарфоровыхъ издѣлій, обязательныхъ для пріобрѣтенія при включеніи второго потомка, до 100 талеровъ въ Берлинѣ и Кенигсбергѣ, до 75 въ среднихъ городахъ и до 50 талеровъ въ мѣстечкахъ. Отсюда вытекало, что при включеніи перваго потомка фарфора совсѣмъ не надо было пріобрѣтать. Однако 8 лѣтъ спустя, въ 1779 г., правительство взяло это облегченіе обратно и потребовало съ евреевъ уплаты всей суммы, которая соотвѣтствовала бы первоначальному закону 1769 г. Получившаяся такимъ образомъ за восемь лѣтъ недоимка достигла суммы 223 тысячъ талеровъ, что составляло для евреевъ ущербъ не меньше, чѣмъ въ 100 тысячъ талеровъ, въ виду 50%-ой въ среднемъ потери при продажѣ фарфоровыхъ издѣлій заграницей. Правительство примѣняло крайне суровыя мѣры для того, чтобы

*) „Vossische Zeitung". Abendsblatt, 20 октября 1913. (Статья К. Іоэля).

добиться уплаты этой недоимки. Имущество многихъ евреевъ, особенно въ маленькихъ городахъ, было описано, дома проданы, у иныхъ отняты привилегіи, и многіе были разорены. Тѣмъ не менѣе не удалось взыскать этой суммы цѣликомъ. Хотя при своемъ вступленіи на престолъ Фридрихъ-Вильгельмъ II нѣсколько разъ понижалъ размѣры подлежащей взысканію недоимки, евреямъ тѣмъ не менѣе пришлось купить въ 1787 году на 38 тысячъ талеровъ фарфору въ видѣ чрезвычайнаго обложенія. Заграницей эти фарфоровыя издѣлія носили часто названіе „еврейскаго фарфора“ (Judenporzellan) *).

Какое значеніе имѣло это обложеніе для дѣятельности фарфоровыхъ заводовъ, можно судить потому, что въ 1769 г. оборотъ завода достигъ 95 тысячъ талеровъ, причемъ чистая прибыль составила 16.700 талеровъ. Въ послѣдніе годы жизни Фридриха Великаго заводъ давалъ ежегодно въ среднемъ 36.000 талеровъ чистаго дохода при оборотѣ въ 120.000 талеровъ **). Очевидно, что при такомъ сравнительно небольшомъ оборотѣ и такихъ размѣрахъ прибыли—насильственное обложеніе евреевъ въ пользу королевской фарфоровой мануфактуры имѣло очень большое значеніе.

Ко всѣмъ этимъ налогамъ и поборамъ присоединился еще одинъ, быть можетъ, наименѣе обременительный, но безспорно одинъ изъ

*) Исторія фарфороваго налога слѣдующая. Фарфоровый заводъ былъ построенъ въ Берлинѣ, въ 1750 г., купцомъ Вегели. Заводъ не оплачивался и въ 1761 г. перешелъ къ купцу Гоцковскому, а спустя два года заводъ былъ купленъ королемъ, за 225.000 талеровъ, въ частную собственность. Съ тѣхъ поръ Фридрихъ II старался всячески увеличить доходность этого предпріятія. Такъ, напримѣръ, компаніи, снимавшей въ откупъ генеральную лоттерею, было предписано покупать ежегодно на 6.000 талеровъ, а съ 1783 г. на 96.000 талеровъ издѣлій этого завода и вывозить ихъ за-границу. Въ мартѣ 1769 г. подобная повинность была создана и для евреевъ. Согласно донесенію отъ 3 апрѣля 1787 г., съ евреевъ накопилась недоимка въ размѣрѣ 78.865 талеровъ. Новый король приказалъ сократить эти недоимки на половину и взыскать оставшуюся половину съ богатыхъ евреевъ. 10 апрѣля онъ еще нѣсколько понизилъ сумму, подлежащую взысканію, именно до 35.000 талеровъ, и приказалъ, чтобы она была внесена въ теченіе ближайшихъ 4 мѣсяцевъ всѣми тѣми евреями, имущество которыхъ превышало 10.000 талеровъ. А затѣмъ, 6 декабря того же года, евреи были вообще освобождены отъ этого крайне тягостнаго для нихъ обложенія. Старшины еврейскихъ общинъ выразили свою благодарность за отмѣну этого налога и обратились со всеподданнѣйшимъ представленіемъ, въ которомъ просили вторично подтвердить отмѣну, во избѣжаніе недоразумѣній въ будущемъ. Эта просьба была удовлетворена изданіемъ новаго королевскаго указа отъ 12 февраля 1788 г. Ср. *L. Geiger* назв. соч. т. II, стр. 101 и 171.

**) Ср. Berliner Tageblatt, 1913 г. № 519, отъ 12 октября.

самыхъ унизительныхъ видовъ обложенія. Это такъ называемая „подушная пошлина“ (Leibzoll), которая взималась съ евреевъ за пропускъ черезъ границу государства или городскую заставу. Эдиктъ 1671 г. освободилъ отъ этого налога всѣхъ евреевъ, получившихъ тогда разрѣшеніе проживать въ Бранденбургскомъ государствѣ, но сохранилъ его для всѣхъ проѣзжающихъ иностранныхъ евреевъ. Въ 1684 г. налогъ этотъ былъ отмѣненъ взамѣнъ единовременной уплаты 400 талеровъ, но въ январѣ 1700 г. онъ опять былъ введенъ, притомъ уже не только для иностранныхъ евреевъ, но и для пользовавшихся покровительствомъ внутри страны. Однако еще въ томъ же году, именно въ силу изданнаго 7 декабря 1700 г. положенія, привилегированные евреи были отъ подушной пошлины вновь освобождены, и она осталась въ силѣ только для иностранныхъ евреевъ. Это было подтверждено и въ эдиктѣ 1714 г. Однако и Schutzjuden были освобождены отъ пошлины только въ предѣлахъ той области, къ которой они были приписаны; при въѣздѣ же въ предѣлы другой области государства они должны были уплачивать пошлину, и когда въ 1746 г. евреи обратились къ Фридриху Великому съ просьбой освободить ихъ отъ этого налога, они получили отказъ въ очень рѣзкой формѣ. Евреи жаловались не столько на матеріальную обременительность пошлины, сколько на позоръ, заключавшійся въ томъ, что еврей подвергался оплатѣ поштучно, точно скотъ или багажъ. Въ посвященной этому вопросу спеціальной книгѣ F. I. R. Scheppler'а (Ueber die Aufhebung des Judenleibzolls nebst einer skizzirten Geschichte der Juden, ihrer Schicksale und staatsrechtlichen Verhältnisse besonders in Deutschland. Hanau und Leipzig 1805, стр. 112), говоритъ, что $^{15}/_{16}$ этого налога взимали съ наиболѣе бѣдныхъ классовъ еврейскаго населенія. Болѣе богатые евреи были освобождены отъ „лейбцолла“, потому что они часто разъѣзжали въ качествѣ факторовъ или агентовъ правительства, или же добились освобожденія отъ этого налога на основаніи спеціальныхъ привилегій. Кромѣ того болѣе богатые евреи, путешествовавшіе въ закрытыхъ собственныхъ экипажахъ, часто проѣзжали черезъ заставы, не обращая на себя вниманія стражи, не узнававшей въ нихъ евреевъ. Тамъ-же (стр. 102) указывается, что „лейбцоллъ“, вслѣдствіе тогдашняго обилія мелкихъ самостоятельныхъ государствъ въ Германіи, принималъ иногда значительные размѣры. Такъ, напримѣръ, на разстояніи отъ Фридберга до Франкфурта-на-Майнѣ еврей уплачивалъ 12 крейцеровъ, отъ Фридберга до Вецлара 23 крейцера, а отъ Фридберга до Гиссена 27 крейцеровъ и 2 геллера.

Съ какой жестокостью и безцеремонностью взимался этотъ налогъ съ евреевъ, можно судить по примѣрамъ, приведеннымъ въ книгѣ Шепплера, стр. 114—123.

Въ Пруссіи подушная пошлина составляла для пѣшеходовъ 2 зильбергрошена, для проѣзжавшихъ на лошадяхъ — 4, для равриновъ, женщинъ и дѣтей половину *).

Для довершенія картины тяжелаго положенія, въ которомъ находились тогда евреи, надо имѣть въ виду и то, что помимо общихъ ограничительныхъ законовъ, существовали еще специальные и мѣстные. Во многихъ городахъ, часто въ крупныхъ торговыхъ центрахъ, имъ совсѣмъ воспрещалось жительство. Напримѣръ, въ провинціяхъ Восточной и Западной Пруссіи евреямъ изъ провинціи Помераніи разрѣшалось пребываніе даже тогда, когда оно не превышало сутокъ, лишь по уплатѣ 3 талеровъ и 18 грошеновъ. (Въ нѣкоторыхъ частяхъ Помераніи евреямъ вообще разрѣшалось пребываніе только въ теченіе 24 часовъ). Но и въ тѣхъ частяхъ государства, въ которыхъ такихъ спеціальныхъ запретовъ не было, разрѣшеніе выдавалось только по мѣсту приписки и не распространялось на все государство. Евреямъ далѣе воспрещалось пріобрѣтеніе и владѣніе земельной недвижимостью внѣ черты городовъ и мѣстечекъ, они не имѣли права содержать питейныя заведенія и гостиницы, и даже въ городахъ пріобрѣтеніе недвижимости было для нихъ обставлено разнаго рода ограниченіями. Напримѣръ, въ Берлинѣ число домовъ, принадлежавшихъ евреямъ, не должно было превышать 40; въ провинціи только каждый пятый еврей могъ быть домовладѣльцемъ. Уголовныя преступленія, совершавшіяся евреями, напримѣръ, банкротство, воровство, скупка краденаго имущества и т. д., карались строже, чѣмъ у христіанъ. Общественныя благотворительныя учрежденія, въ родѣ больницъ и богадѣленъ, не оказывали евреямъ никакой помощи. Въ судѣ для нихъ существовала особая присяга, унизительная по формѣ и по содержанію. „Еврей-

---

*) Наряду съ установленными закономъ поборами существовали еще и подношенія деньгами или натурой болѣе или менѣе добровольнаго характера, которыя дѣлались евреями разнымъ начальствующимъ лицамъ, расположеніе которыхъ важно было сохранить. Такъ напримѣръ, Л. Гейгеръ (назв. соч. т. II, стр. 105) приводитъ любопытный списокъ берлинской общины, относящійся къ новолѣтію 1780 г., въ которомъ перечислены всѣ сановныя лица, получившія къ празднику отъ евреевъ въ даръ разную домашнюю птицу: почти каждый получилъ по 2 индѣйскихъ пѣтуха и по 1 курицѣ. Въ спискѣ фигурируетъ и королева, разные принцы королевскаго дома и т. д. Только у нѣкоторыхъ лицъ, внесенныхъ въ списки, сдѣлана надпись: „не приняли“.

ская присяга“ занимала въ системѣ униженія евреевъ особенно выдающееся мѣсто. Подъ вліяніемъ Эйзенменгера и другихъ писателей-юдофобовъ, государственная власть тогда раздѣляла убѣжденіе, что присяга, которую евреи приносятъ на судѣ передъ христіанскимъ судьей, ни къ чему ихъ не обязываетъ, въ виду того, что еврейская религія будто бы снимаетъ съ нихъ отвѣтственность за лжеприсягу на христіанскомъ судѣ. Поэтому для нихъ въ 1712 г. была установлена особая формула присяги, которая должна быть принесена въ синагогѣ, въ присутствіи десяти евреевъ, при чемъ присягающій долженъ надѣть молитвенныя принадлежности („талесъ“ и „тфилинъ“), держать въ рукахъ свитокъ торы и положить локоть на седьмой стихъ главы XX, книги II Пятикнижія. Въ особенно серьезныхъ случаяхъ онъ долженъ былъ надѣть саванъ, сѣсть на гробъ съ ножомъ для убоя скота („халофъ“) въ рукѣ. Въ текстѣ присяги еврей призывалъ на свою голову и на своихъ ближнихъ самыя ужасныя проклятія въ случаѣ, если онъ скажетъ неправду. Послѣ возобновленія этого закона въ 1757 г., евреи запротестовали противъ позорящей ихъ формулы присяги, и наконецъ въ 1786 г. былъ изданъ новый законъ, который отмѣнилъ наиболѣе унизительныя формы еврейской присяги и установилъ формулу, соотвѣтствовавшую предложенію Мендельсона. Тѣмъ не менѣе обязательство принесенія присяги въ синагогѣ сохранилось и было окончательно отмѣнено лишь значительно позднѣе, именно въ 1862 году.

Ко всему этому присоединялось еще и то, что еврейская община была отвѣтственна за отдѣльныхъ ея членовъ. На основаніи указа 1747 г. она отвѣчала за каждаго вора или пособника въ воровствѣ, который оказывался въ ея средѣ. Если непосредственно виновный не былъ въ состояніи возмѣстить причиненный имъ ущербъ, это должны были сдѣлать всѣ жившіе въ данной мѣстности евреи; еврей, признанный виновнымъ въ воровствѣ, подвергался изгнанію изъ страны со всѣми единовѣрцами, которые были внесены въ его охранную грамоту, причемъ освобождавшаяся вакансія уничтожалась и уже не могла быть заполнена какимъ-либо другимъ еврейскимъ семействомъ. Такого же рода наказаніемъ каралось и злостное банкротство.

При такомъ отношеніи правительства къ евреямъ неудивительно, что въ уставѣ гильдіи берлинскихъ торговцевъ москательными и мануфактурными товарами могла сохраниться до 1802 г. включенная въ 1716 г. статья, гласившая: „такъ какъ купеческая гильдія состоитъ изъ честныхъ и порядочныхъ людей, въ ней не должны

быть терпимы евреи, убійцы, воры, прелюбодѣи, богохульники, клятвопреступники и вообще лица, опозоренныя тяжкими преступленіями и пороками“.

Немногимъ лучше, чѣмъ въ остальной Пруссіи, было положеніе въ *Силезіи*, гдѣ нѣсколько лѣтъ по смерти Фридриха II, 21 мая 1790 г., былъ изданъ особый регламентъ о евреяхъ. Онъ хотя и ограничивалъ число евреевъ въ Бреславлѣ 160 семействами и облагалъ ихъ, конечно, цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ повинностей, но тѣмъ не менѣе былъ значительно мягче законовъ, дѣйствовавшихъ въ другихъ частяхъ Пруссіи. Такъ, напримѣръ, бреславцамъ было предоставлено право заниматься почти всѣми видами торговли, равно какъ и ремеслами и поденнымъ трудомъ. Администрація области принимала также рядъ мѣръ къ тому, чтобы повысить нравственный и умственный уровень силезскаго еврейства. Точно также было нѣсколько болѣе благопріятно положеніе евреевъ въ *польскихъ областяхъ*, перешедшихъ къ Пруссіи при раздѣлѣ Польши въ 1793 и 1795 г.г. Введенный тамъ въ дѣйствіе регламентъ о евреяхъ 17 апрѣля 1797 г. былъ свободенъ отъ многихъ ограниченій, существовавшихъ въ коренной Пруссіи. Такъ, напримѣръ, въ немъ содержалось постановленіе, что въ случаѣ поступленія еврея на военную службу онъ освобождается отъ уплаты налога за покровительство. Разрѣшалось самостоятельное занятіе ремеслами, пріобрѣтеніе и эксплоатація имѣній и т. д.

Безправное положеніе евреевъ отражалось весьма существенно также и на организаціи ихъ общинъ. При допущеніи евреевъ, въ царствованіе Великаго Курфюрста, государство не обнаруживало никакого интереса къ внутренней организаціи еврейской общины и ограничилось тѣмъ, что въ эдиктѣ 1671 г. предоставило евреямъ право собираться въ своихъ домахъ для отправленія молитвъ и религіозныхъ обрядовъ, содержать рѣзника для убоя скота согласно требованіямъ еврейской религіи, учителя для обученія дѣтей ихъ и т. д. Со временемъ, однако, отношеніе государства къ внутреннему строю еврейскихъ общинъ измѣнилось. Стремясь прежде всего къ обезпеченію правильнаго поступленія еврейскихъ податей, государственная власть постепенно стала примѣнять принципъ круговой поруки и, такимъ образомъ, облагать повинностями все прусское еврейство, вмѣсто того, чтобы распредѣлять ихъ между отдѣльными, ничѣмъ не связанными другъ съ другомъ, евреями. А такъ какъ евреи были организованы главнымъ образомъ для религіозныхъ цѣлей въ общину, то государство и воспользовалось органами ихъ внутренняго общиннаго самоуправленія для исполненія ряда полицейско-

фискальныхъ функцій. Такъ, напр., община должна была вносить „налогъ за покровительство“ за всѣхъ своихъ членовъ; старосты общинъ обязаны были наблюдать за тѣмъ, чтобы въ ея средѣ не находились укрыватели краденныхъ вещей и вообще всякаго рода подозрительныя личности, а также доводить до свѣдѣнія при возникновеніи подозрѣній въ томъ, что членъ общины намѣревается учинить злостное банкротство. При обѣдненіи какого-либо члена общины, старосты должны были принимать мѣры къ тому, чтобы государственные доходы съ евреевъ не потерпѣли ущерба, должны были давать свѣдѣнія о лицахъ, которымъ выдавалось разрѣшеніе на жительство и вообще какія-либо концессіи. Вмѣстѣ съ раввиномъ они обязаны были слѣдить за ростомъ и убылью еврейскаго населенія, вести регистрацію рожденій, браковъ и смертей. Они должны были слѣдить за чужестранными и иногородними евреями. Ни одинъ чужой еврей не впускался въ городъ, если онъ не былъ снабженъ выданнымъ старостами свидѣтельствомъ о цѣляхъ его пріѣзда. У воротъ, черезъ которыя впускались евреи въ городъ (напримѣръ, въ Берлинѣ такими воротами были по эдикту 1750 г. Prenzlauer- и Hallesches-Tor), находился спеціальный еврейскій сторожъ, на обязанности котораго лежало просматривать документы прибывавшихъ евреевъ, доводить до ихъ свѣдѣнія о дѣйствующихъ въ данной мѣстности въ отношеніи евреевъ законахъ, затѣмъ ежедневно докладывать полицейскому правленію о движеніи евреевъ черезъ заставы.

Только отдѣльныя разбогатѣвшія семейства получали большія права, благодаря выдачѣ такъ называемыхъ „общихъ привилегій“ („General-Privilegium“) или „привилегій христіанскихъ купцовъ“. Эти привилегіи предоставляли право лицамъ, которымъ онѣ выдавались, равно какъ и ихъ потомству, селиться повсюду въ государствѣ, пріобрѣтать недвижимость и заниматься торговлей и промыслами на общихъ со всѣмъ населеніемъ основаніяхъ и освобождали ихъ отъ всѣхъ спеціальныхъ постановленій относительно евреевъ въ судахъ.

Послѣ Семилѣтней войны, когда многіе берлинскіе евреи разбогатѣли на подрядахъ и поставкахъ для арміи и монетнаго двора (христіанскіе купцы часто отъ этихъ операцій воздерживались, считая ихъ для себя слишкомъ рискованными), число евреевъ, получившихъ такія привилегіи, значительно возросло. Нѣкоторые получали ихъ безвозмездно, въ видѣ вознагражденія за оказанныя услуги, другимъ онѣ выдавались послѣ довольно значительныхъ денежныхъ взносовъ. Такъ, напримѣръ, извѣстенъ случай, когда за выдачу

такой привилегіи было внесено 100 дукатовъ, куплено фарфору для вывоза на 500 талеровъ и поставлено на монетный дворъ серебра на 25.000 марокъ безъ барыша. Иногда такія разрѣшенія выдавались не только семьямъ богатыхъ купцовъ, но и семьямъ лицъ, стяжавшихъ себѣ извѣстность заслугами передъ обществомъ. Такъ, напримѣръ, эти права были предоставлены вдовѣ и дѣтямъ Моисея Мендельсона. Въ сношеніяхъ государственныхъ учрежденій съ этими привилегированными евреями на адресѣ значилось: „банкиру“ или „купцу“ N. N.“ (а не „еврею“ или „Schutzjude“ N. N., какъ это дѣлалось по отношенію къ „простымъ“ евреямъ). Наконецъ, были еще болѣе счастливыя исключенія. Напримѣръ, семья берлинскихъ богачей Итцигъ получила въ 1791 г. „патентъ о натурализаціи“, который сдѣлалъ членовъ этой семьи полноправными гражданами во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и правъ государственной службы; въ то же время на нихъ были распространены и всѣ обязанности христіанъ, въ томъ числѣ и воинская повинность. Дѣйствію спеціальнаго еврейскаго права они были подчинены только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ затрагивались интересы еврейской религіи.

Число объектовъ этого законодательства было довольно значительно. По переписи 1787 года, во всей Пруссіи евреевъ было 20.689, а въ Силезіи приблизительно 11.000; слѣдовательно, въ общемъ 31.700. Въ среднемъ, по этой переписи 1 еврей приходился на 175 жителей. На самомъ дѣлѣ, число евреевъ въ Пруссіи было, вѣроятно, больше, такъ какъ при переписи указаны только евреи, располагавшіе правами жительства въ Пруссіи. Съ раздѣломъ Польши число евреевъ въ Пруссіи значительно возросло. Въ отошедшихъ къ ней при 2-мъ раздѣлѣ Польши въ 1793 г. Познанской и Петроковской областяхъ, которыя получили тогда названіе Южной Пруссіи (Südpreussen), число евреевъ составляло приблизительно 53.000, хотя это число не можетъ считаться твердо установленнымъ. Прусскій тайный финансовый совѣтникъ Гэкингъ исчисляетъ количество евреевъ въ отнятыхъ Пруссіей частяхъ Польши въ 150.000, другіе же указываютъ значительно низшую цифру—напр., 28.200. При 3-мъ раздѣлѣ Польши въ 1795 г., въ Варшавскомъ округѣ, который былъ включенъ въ область Южной Пруссіи, было приблизительно 31.000 евреевъ, а въ тѣхъ округахъ, изъ которыхъ была образована область Neu-Ostpreussen—около 40.000 евреевъ *).

*) Ср. статью *R. Lewin*, „Die Judengesetzgebung Friedrich Wilhelm II“, въ Monatsschrift für Wissenschaft d. Judentums, 1913, стр. 96, 475—76 и 581.

II.

Обсужденіе еврейскаго вопроса въ литературѣ. (Книга Х. В. Дома и вызванная ею полемика).

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что Фридрихъ II не только не улучшилъ положенія евреевъ въ Пруссіи, но, наоборотъ, во многихъ отношеніяхъ еще ухудшилъ его. Но если на короля, такъ любившаго щеголять раціоналистическо-просвѣтительными идеями французскихъ писателей XVIII вѣка, эти идеи не оказали никакого вліянія тамъ, гдѣ изъ нихъ могли быть сдѣланы благопріягные для евреевъ выводы, то онѣ не прошли безслѣдно для прусскаго общества. Новыя идеи, проникшія въ ряды еврейства, вызвали въ немъ просвѣтительное движеніе, связанное съ именемъ Моисея Мендельсона. Германскіе евреи не только перестали чуждаться культуры христіанскихъ народовъ, но даже горячо, со всей свойственной еврейскому интеллекту жаждой духовной пищи, устремились въ этотъ невѣдомый имъ дотолѣ міръ, стараясь усвоить все, что было въ немъ лучшаго. Параллельно съ этимъ положительнымъ культурнымъ движеніемъ шла, конечно, и внѣшняя „ассимиляція"—стремленіе нѣкоторыхъ слоевъ еврейства, преимущественно разбогатѣвшей буржуазіи, перенять внѣшность христіанскаго быта,—что, какъ повсюду въ аналогичныхъ условіяхъ, не могло не породить многихъ каррикатурныхъ явленій. Но сущность пережитаго тогда евреями внутренняго перелома сводилась, конечно, не къ этимъ неизбѣжнымъ и досаднымъ явленіямъ, дававшимъ уже тогда благодарный матеріалъ для антисемитскаго остроумія. Истинное значеніе этого періода состояло въ томъ, что еврей, житель моральнаго и физическаго гетто (хотя оффиціально гетто въ Пруссіи не было), подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка, становился носителемъ европейской культуры.

Съ другой стороны и тѣ круги нееврейскаго общества, которые находились подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей французскихъ энциклопедистовъ, выраженныхъ потомъ въ лозунгѣ французской революціи: „братство, равенство и свобода", не могли сдѣлать исключеніе изъ этого лозунга для евреевъ, не впадая въ полное противорѣчіе съ самими собою. А такъ какъ распространеніе просвѣщенія среди евреевъ, уничтожившее вѣковую стѣну, отдѣлявшую ихъ отъ окружающаго міра, дало возможность многимъ изъ нихъ вступить въ личныя сношенія съ христіанами, то послѣдніе не могли не замѣтить, что обвиненіе евреевъ въ разныхъ порокахъ, будто бы являющихся неотъемлемымъ признакомъ ихъ національности, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Эта „переоцѣнка цѣнностей" вызвала

появленіе такихъ всѣмъ извѣстныхъ произведеній, какъ драмы Лессинга: „Евреи“ (въ 1747 г.) и „Натанъ Мудрый“ (въ 1779 г.). Новыя идеи не ограничивались міромъ изящной литературы, а стали проникать и въ круги политическихъ дѣятелей. Если далеко не всѣ, то по крайней мѣрѣ часть политическихъ дѣятелей сдѣлала выводъ, логически вытекавшій изъ этихъ идей — именно о необходимости уравненія евреевъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ. Уже въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка отдѣльные представители прусской бюрократіи начинаютъ высказывать мнѣнія, благопріятныя для евреевъ. Такъ, напримѣръ, финансовый совѣтникъ Маниціусъ выразилъ въ учрежденной тогда комиссіи по еврейскимъ дѣламъ взглядъ, что главная причина ограниченія евреевъ въ правахъ заключается— какъ писалъ онъ на курьезномъ бюрократическомъ языкѣ той эпохи— въ „ex papatu originierende odium religiosum“, которое является источникомъ всякаго зла и духомъ преслѣдованія на землѣ. Но теперь—говоритъ Маниціусъ—просвѣщенные люди не могутъ раздѣлять этихъ предразсудковъ, и нелегко будетъ найти человѣка, который былъ бы настолько ограниченъ, чтобы отказывать цѣлой націи въ терпимости и защитѣ изъ-за разногласій по религіознымъ вопросамъ. Къ аналогичному заключенію пришелъ 20 лѣтъ спустя, въ 1765 г., генералъ-фискалъ (должность, приблизительно соотвѣтствующая должности министра юстиціи) д'Аньеръ (d'Asnières), когда на очереди стоялъ вопросъ о повышеніи налога за покровительство. Онъ высказался не только противъ повышенія, но вообще призналъ, что не можетъ найти „справедливаго и основаннаго на разумѣ принципа“ въ этомъ обложеніи. Налогъ этотъ возникъ въ видѣ вознагражденія правителямъ за защиту, оказываемую евреямъ противъ преслѣдованія со стороны суевѣрныхъ народовъ; къ тому же государство пользовалось беззащитнымъ положеніемъ евреевъ для пополненія своей казны. Теперь же, когда эти преслѣдованія кончились, налогъ теряетъ всякій смыслъ. За это выраженное имъ мнѣніе, д'Аньеръ получилъ строгій выговоръ отъ генеральной директоріи. Ему въ довольно рѣзкой формѣ замѣтили, что его не спрашивали о положеніи евреевъ, которое-де вовсе не такъ плохо, или о чувствѣ (sentiment), которое ему внушаютъ еврейскіе налоги, и что онъ долженъ былъ только отвѣтить на поставленный ему вопросъ *).

Эти голоса были, однако, единичны и случайны. Болѣе полно выразилось теченіе въ пользу уравненія евреевъ въ правахъ въ книгѣ военнаго совѣтника Дома: „Ueber die bürgerliche Verbesserung

---

* Ср. *L. Geiger*, l. c., I, 59—60; II, 87—88 и 96—101.

der Juden", появившейся въ 1781 году и вызвавшей оживленную полемику по еврейскому вопросу *). Толчкомъ къ составленію книги послужило обращеніе эльзасскихъ евреевъ къ Мендельсону съ просьбой выступить въ ихъ защиту. Мендельсонъ сначала предложилъ Дому принять участіе въ редактированіи представленной эльзасскими евреями записки. Но у Дома матеріалъ такъ разросся, что получился самостоятельный трактатъ о евреяхъ, куда меморандумъ эльзасскихъ евреевъ былъ включенъ въ видѣ приложенія (Mémoire sur l'état des juifs en Alsace, ч. I, 165—210).

Основныя идеи этой замѣчательной для своего времени книги заключаются въ слѣдующемъ.

Повсюду уже укрѣпилось представленіе, что основой благосостоянія страны является возможно болѣе высокая цифра населенія. Правители государствъ, поэтому, всѣми силами стараются увеличить число своихъ подданныхъ. Исключеніе изъ этого общаго правила дѣлается только въ отношеніи евреевъ, которыхъ Домъ называетъ „несчастными бѣглецами изъ Азіи". Съ ними поступаютъ какъ разъ наоборотъ. Ихъ размноженію ставятся всевозможныя препятствія: имъ отказываютъ въ наиболѣе существенныхъ и необходимыхъ правахъ, лишь съ трудомъ имъ разрѣшается жительство, сильно затрудняется торговая и промышленная дѣятельность, и имъ почти ничего другого не остается, какъ заниматься ростовщичествомъ или мелочной тор-

*) Христіанъ-Вильгельмъ Домъ (Dohm) родился въ 1751 г. въ княжествѣ Липпе. Отецъ его былъ пасторомъ и отличался глубокой религіозностью. Въ 1769 г. юный Христіанъ поступилъ въ лейпцигскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи по богословію и языковѣдѣнію, юриспруденціи, беллетристикѣ, исторіи и философіи. Желаніе увидѣть свѣтъ побудило его поступить въ качествѣ пажа-гофмейстера къ принцу Фердинанду, младшему брату Фридриха Великаго, но по истеченіи 6 мѣсяцевъ онъ снова вернулся къ своимъ занятіямъ и сталъ заниматься переводами французскихъ и англійскихъ научныхъ сочиненій. Въ 1776 г. Домъ вмѣстѣ съ Бойе сталъ издавать ежемѣсячный журналъ „Deutsches Museum", который историкъ Шлоссеръ называетъ „безспорно лучшимъ журналомъ изъ всѣхъ, издававшихся въ Германіи для широкой публики". Домъ написалъ для этого журнала очень много статей. Вскорѣ онъ былъ назначенъ профессоромъ финансовыхъ наукъ и статистики въ Касселѣ, но не былъ доволенъ своимъ положеніемъ, такъ какъ стремился къ государственной службѣ. Правительства Гессенъ-Дармштадта и Австріи дѣлали ему предложенія поступить къ нимъ на службу, причемъ въ Австріи ему ставили условіемъ переходъ въ католичество. Однако, онъ отказался отъ этихъ предложеній и продолжалъ добиваться поступленія на государственную службу именно въ Пруссіи, гдѣ тогдашній король Фридрихъ Великій казался ему идеаломъ монарха. Тогда же онъ написалъ очеркъ французской и англійской колонизаціи въ Остъ-

товлей. Кромѣ стѣсненія въ правахъ, на нихъ ложится еще огромной тяжестью всеобщее презрѣніе, такъ какъ, „толпа никогда не прощаетъ еврею того, что онъ еврей, даже тогда, когда онъ обладаетъ выдающимися достоинствами ума и сердца". Въ основѣ этой всеобщей вражды, находящей себѣ выраженіе въ правовыхъ стѣсненіяхъ, лежитъ представленіе, что евреи, въ силу своего религіознаго ученія и своихъ обычаевъ, должны быть врагами христіанъ. Но это представленіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. „Законъ Моисеевъ" признается священнымъ вѣдь и христіанами; заключающееся въ немъ признаніе евреевъ „избраннымъ народомъ" и вытекающая оттуда вражда ко всѣмъ остальнымъ народамъ относится только къ тѣмъ временамъ, когда еврейская религія создавалась. Нынѣшнее еврейство этого чувства уже не знаетъ, и вражда евреевъ къ христіанамъ является теперь результатомъ преслѣдованія, которому они подвергаются. Книга Эйзенменгера полна злобы къ евреямъ и не можетъ считаться безпристрастной. Въ религіозныхъ книгахъ евреевъ не содержится ничего дурного. Если евреи гордятся тѣмъ, что они являются избраннымъ народомъ, то въ сущности ни одинъ народъ не свободенъ отъ такого самомнѣнія. И если правда, что нѣкоторые раввины учатъ, что слова: „люби своего ближняго, какъ самого себя" относятся лишь къ единовѣрцамъ-евреямъ (ч. I, стр. 21), то дѣлать всѣхъ евреевъ отвѣтственными

Индіи и меморандумъ о возможномъ развитіи торговли Пруссіи съ Остъ-Индіей. Въ 1778—79 гг. онъ напечаталъ свой извѣстный критическій разборъ ученія физіократовъ и „Матеріалы для статистики и новѣйшей политической исторіи". Въ 1781 г. онъ издалъ упомянутую выше въ текстѣ книгу „О гражданскомъ улучшеніи евреевъ". Въ 1779 г. ему удалось поступить наконецъ на прусскую государственную службу въ качествѣ „военнаго совѣтника, тайнаго секретаря и архиваріуса" въ Берлинѣ, гдѣ онъ былъ занятъ главнымъ образомъ въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ. Послѣ этого Домъ еще написалъ рядъ книгъ и брошюръ о германскихъ политическихъ дѣлахъ того времени. Въ 1797 г. онъ былъ однимъ изъ прусскихъ делегатовъ на конгрессѣ въ Раштадтѣ. Кромѣ того онъ въ эти годы исполнялъ разнаго рода дипломатическія порученія. Въ 1807 г. Домъ, который былъ владѣльцемъ имѣнія вблизи Нордгаузена, оказался подданнымъ вестфальскаго короля, такъ какъ эта область была отнята у Пруссіи Тильзитскимъ миромъ. Онъ продолжалъ службу въ Вестфальскомъ государствѣ, но вышелъ въ 1810 г. въ отставку и уже не возвращался больше на государственную службу даже по возстановленіи Пруссіи послѣ 1813 г. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ написалъ свои воспоминанія въ 5 томахъ („Denkwürdigkeiten meiner Zeit, 1778 — 1806"). Эти воспоминанія содержатъ чрезвычайно интересный матеріалъ для исторіи царствованія Фридриха Великаго. Домъ умеръ въ 1820 г.

за такое толкованіе нельзя, какъ нельзя дѣлать всѣхъ католиковъ отвѣтственными за ученіе іезуитовъ. Евреи могутъ стать такими же хорошими патріотами, какими становятся, напримѣръ, квакеры, въ ученіи которыхъ также есть много антигосударственныхъ элементовъ (ч. I, стр. 30).

Домъ, который собирался написать обстоятельную исторію еврейскаго народа послѣ уничтоженія его политической самостоятельности доказываетъ многими примѣрами, что плохое обращеніе съ евреями вызвало тѣ недостатки, которые имъ теперь ставятся въ вину. Онъ указываетъ, что до 418 года (ч. I, стр. 44) евреи пользовались въ Римской имперіи всѣми гражданскими правами, и что съ тѣхъ поръ положеніе ихъ систематически ухудшалось. И до сихъ поръ евреи нигдѣ не пользуются въ полномъ объемѣ гражданскими правами. Если въ Польшѣ имъ предоставлена нѣсколько большая свобода въ области занятій торговлей, то это происходитъ лишь потому, что въ Польшѣ существуютъ только дворянство и крѣпостные и нѣтъ средняго торговаго сословія, мѣсто котораго занимаютъ евреи. Анализируя черты характера, которыя образуются у человѣка въ зависимости отъ того, занимается ли онъ земледѣліемъ, ремесломъ или торговлей (I, 106—117), Домъ приходитъ къ заключенію, что недостатки евреевъ являются результатомъ выработанной вѣками психологіи торговцевъ. Изъ того, что евреи исповѣдуютъ другую религію, отнюдь не можетъ вытекать необходимость поставить ихъ въ исключительное положеніе, точно такъ же, какъ не могутъ служить основаніемъ для ограниченія въ правахъ тѣ или иныя научныя или политическія воззрѣнія. „Великая и благодарная задача правительства состоитъ въ томъ, чтобы смягчать исключающіе другъ друга принципы отдѣльныхъ обществъ и такимъ образомъ не давать имъ причинять вредъ объединяющему ихъ цѣлому". Не смотря на различіе въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, евреи—если они будутъ уравнены въ правахъ—станутъ хорошими гражданами; упреки, которые дѣлаются евреямъ въ фанатической ненависти къ христіанамъ, нечестности въ дѣлахъ и въ стремленіи захватить всю торговлю въ свои руки, Домъ признаетъ не лишенными основанія, но—говоритъ онъ — испорченность еврейскихъ нравовъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ гнета, въ которомъ они живутъ въ продолженіе стольких вѣковъ.

Христіанскіе священники (ч. I, стр. 47) побуждали императоровъ послѣдней эпохи существованія римской имперіи издавать суровые ограничительные законы противъ евреевъ, а эти законы потомъ перешли къ германскимъ народамъ. Съ другой стороны, терпи-

мость, проявленная къ евреямъ арабскимъ государствомъ въ Испаніи, вызвала у нихъ расцвѣтъ умственныхъ способностей и гражданскихъ добродѣтелей. Принципы нетерпимости, которые въ одинаковой степени противорѣчатъ гуманности и политикѣ, которые такъ ясно носятъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ мрачныхъ вѣковъ, когда они возникли, недостойны просвѣщеннаго духа нашего времени и поэтому уже давно должны были бы потерять свою силу“ (ч. I, стр. 91). Лишать гражданскихъ правъ можно только преступника. Тотъ же, который съ уваженіемъ относится къ закону и стремится увеличить благосостояніе, долженъ имѣть возможность стать гражданиномъ. Предоставленіе правъ евреямъ, которые уже не являются чужими въ большинствѣ государствъ и повсюду обнаружили способность къ торговлѣ, должно дать прекрасные плоды. Привязанность евреевъ къ своей религіи не должна быть разсматриваема какъ упрямство, заслуживающее презрѣнія, а наоборотъ, есть выдающаяся положительная сторона ихъ характера. „Развѣ можно отказать въ уваженіи еврею, котораго никакія пытки не заставятъ ѣсть то, что по его вѣрѣ запрещено Богомъ кушать, и не презирать негодяя, который изъ-за низменной пользы отказывается отъ вѣры своей юности, своихъ родныхъ и своего народа и оскверняетъ священную вѣру христіанъ тѣмъ, что присоединяется къ ней въ то время, когда онъ не имѣетъ внутренняго убѣжденія въ ея божественной правдѣ?“ (ч. I, стр. 102).—Правда, что на ряду съ этой добродѣтелью евреевъ, съ ихъ преданностью своей религіи и привязанностью къ своимъ родственникамъ и единовѣрцамъ, у нихъ сильно выражено стремленіе къ наживѣ и къ ростовщичеству; но это опять таки не черты, свойственныя исключительно евреямъ. Занятіе торговлей вообще отражается менѣе благопріятно на нравственныхъ чертахъ человѣка, чѣмъ занятіе земледѣліемъ и ремеслами. И еще рѣзче должно быть это вліяніе на еврейскаго торговца, у котораго характеръ портится не только профессіональными занятіями, но и униженнымъ положеніемъ, въ которомъ онъ находится, его невѣжествомъ, и тѣмъ, что въ теченіе вѣковъ ему не даютъ заниматься ничѣмъ, кромѣ торговли. Если будетъ устранена причина деморализаціи, отпадутъ и послѣдствія, которыя она вызываетъ. Нужно радикально измѣнить отношеніе къ евреямъ, тогда наступитъ нравственное ихъ улучшеніе, которое будетъ имѣть благотворныя послѣдствія не только для нихъ, но и для всего государства. Правда, что государство тогда потеряетъ доходъ, поступающій въ видѣ разныхъ еврейскихъ поборовъ, но за то уменьшится и ростовщичество евреевъ, которое служитъ для

покрытія этихъ поборовъ. Нужно привлечь евреевъ къ отбыванію воинской повинности, исполненію которой ихъ религія, вопреки распространенному взгляду, отнюдь не препятствуетъ. Домъ рядомъ ссылокъ на древнюю исторію доказываетъ, что евреи принимали участіе въ походахъ при Александрѣ Великомъ, при Птолемеяхъ, Цезарѣ, Помпеѣ и т. д. и что только въ 418 г. христіанской эры императоръ Гонорій призналъ ихъ неспособными къ военной службѣ (ч. I, стр. 151). Религіозные законы о соблюденіи субботы нисколько не мѣшаютъ евреямъ сражаться наравнѣ съ неевреями. Въ результатѣ своихъ разсужденій Домъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ (ч. I, стр. 117—136):

Слѣдуетъ предоставить евреямъ всѣ права, отмѣнить всѣ унижающія ихъ различія и спеціальные поборы, при чемъ слѣдуетъ издать общій для всѣхъ гражданъ законъ, который урегулировалъ бы денежныя ссуды подъ залогъ. Евреямъ затѣмъ слѣдуетъ дать свободу заниматься всякаго рода торговлей и ремеслами, равно какъ и земледѣліемъ, при чемъ однако Домъ полагаетъ, что было бы нежелательно, чтобы евреи стали крупными землевладѣльцами или арендаторами, такъ какъ они тогда придали бы и этой отрасли труда характеръ торговли. На первое время можно было бы ограничить число евреевъ-купцовъ, чтобы такимъ путемъ отвлечь ихъ отъ исключительнаго занятія торговлей. Торговыя книги евреевъ должны вестись на языкѣ страны, въ которой они живутъ, и всякое проявленіе нечестности въ торговлѣ должно караться особенно строго. Евреямъ долженъ быть открытъ доступъ ко всѣмъ наукамъ и искусствамъ. Однако Домъ считаетъ цѣлесообразнымъ затруднить имъ доступъ къ государственной службѣ, такъ какъ кандидатовъ на такія должности достаточно и среди христіанъ, а чрезмѣрную склонность евреевъ къ торговлѣ лучше парализовать обученіемъ ихъ физическому труду, чѣмъ канцелярскими занятіями. „Для государства и для еврея будетъ лучше, если еврей возьмется за плугъ, чѣмъ если онъ сядетъ въ канцелярію“. Тѣмъ не менѣе Домъ высказывается все-таки за назначеніе еврея чиновникомъ въ томъ случаѣ, если у него откроются выдающіяся способности. Правительство должно заботиться о распространеніи просвѣщенія среди евреевъ, что должно достигаться обученіемъ евреевъ въ христіанскихъ школахъ, пока еще нѣтъ достаточнаго количества хорошихъ еврейскихъ школъ. Домъ также рекомендуетъ способствовать общенію христіанъ съ евреями для взаимнаго ознакомленія. Нужно предоставить евреямъ полную свободу въ отправленіи своего культа, при чемъ попеченіе о бѣд-

ныхъ могло бы находиться въ вѣдѣніи автономныхъ еврейскихъ общинъ, которыя могутъ быть снабжены извѣстными правами въ наложеніи денежныхъ взысканій на своихъ членовъ и исключеніи ихъ изъ общины. Община должна находиться подъ контролемъ государства, во избѣжаніе злоупотребленія дарованной ей властью. Домъ предлагаетъ отнести къ вѣдѣнію органовъ автономныхъ еврейскихъ общинъ и разрѣшеніе въ судѣ первой инстанціи частно-правовыхъ споровъ между евреями, причемъ однако желающіе имѣютъ право обращаться къ государственнымъ судьямъ уже въ первой инстанціи (ч. I, стр. 135). Такимъ образомъ Домъ готовъ былъ предоставить еврейской общинѣ довольно широкое самоуправленіе. Христіане также должны стараться освободиться отъ своихъ предразсудковъ по отношенію къ евреямъ; уже съ дѣтства христіанамъ должна быть внушена мысль, что евреи люди и братья христіанъ, которые отличаются лишь тѣмъ, что инымъ путемъ надѣются достигнуть Божьяго благословенія *).

Сочиненіе Дома вызвало оживленную полемику по еврейскому вопросу, а въ 1783 г. авторъ долженъ былъ напечатать 2-е изданіе своей книги въ двухъ частяхъ, причемъ во второй части подвелъ итоги полемической литературѣ, вызванной первою частью. Изложить подробно эту литературу нѣтъ надобности. Ограничимся лишь самыми интересными выступленіями съ обѣихъ сторонъ.

Изъ противниковъ Дома наибольшее вниманіе заслуживаетъ профессоръ богословія геттингенскаго университета *Михаэлисъ*, который пользовался тогда репутаціей знатока еврейскаго языка и еврейской литературы. По мнѣнію Михаэлиса **), еврейская религія создаетъ непроходимую пропасть между евреями и христіанами, и поэтому никакое уравненіе евреевъ въ правахъ немыслимо. Въ частности онъ указываетъ на то, что законъ о соблюденіи субботы лишаетъ евреевъ возможности отбывать воинскую повинность, къ которой они не способны вообще, въ силу другихъ причинъ—

*) Въ припискѣ къ первой части своей книги, помѣченной „іюнь 1781 г.“, Домъ съ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ слухи о предстоящемъ въ Австріи изданіи эдикта, значительно расширяющаго права евреевъ. Онъ видитъ въ этомъ чрезвычайно цѣнное для политическаго писателя признаніе правильности его аргументаціи, которое пріобрѣтаетъ особенное значеніе, когда оно исходитъ отъ такого, „выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ монарха“, какъ императоръ Іосифъ II. Дѣйствительно, законы Іосифа II о евреяхъ, изданные 19 октября, 2 ноября и 19 декабря 1781 г., существенно расширили права евреевъ въ Австріи, хотя были очень далеки отъ провозглашенія равноправія.

**) Оно изложено подробно въ книгѣ Дома, ч. II, стр. 31—71.

прежде всего потому, что они обыкновенно не достигаютъ роста, требуемаго при зачисленіи въ солдаты. Если въ Австріи въ 1781 г. императоръ Іосифъ II въ своемъ „Толеранцъ-эдиктѣ“ расширилъ права евреевъ, то это не можетъ служить доказательствомъ въ пользу аргументаціи Дома, такъ какъ въ Австріи народонаселеніе тогда исчислялось въ 26 милліоновъ, т. е. было почти въ 5 разъ больше населенія Пруссіи, въ которой тогда едва было шесть милліоновъ жителей. Такимъ образомъ евреи тамъ не могутъ имѣть такого значенія, какъ въ Пруссіи. Свободное же допущеніе евреевъ къ разнаго рода либеральнымъ профессіямъ Михаэлисъ считаетъ неудобнымъ еще и потому, что вообще число лицъ, посвящающихъ себя этимъ профессіямъ, и среди христіанъ слишкомъ велико, что является, какъ онъ пишетъ, большимъ политическимъ зломъ; вслѣдствіе того, что эти лица поздно устраиваются, они очень поздно вступаютъ въ бракъ, а это опять вредно отражается на количествѣ солдатъ, которое необходимо странѣ. Увеличить этотъ, какъ выражаются теперь, интеллигентный пролетаріатъ допущеніемъ евреевъ— было бы поэтому совершенно нецѣлесообразно.

Мотивъ, что евреи непригодны къ военной службѣ, повторяется и въ возраженіяхъ, сдѣланныхъ Дому проповѣдникомъ Швагеромъ *). Евреи слишкомъ любятъ другъ друга для того, чтобы въ случаѣ войны между двумя государствами сражаться въ рядахъ двухъ армій другъ противъ друга. Онъ далѣе находитъ, что нерасположеніе евревъ къ ремесленному и земледѣльческому труду основано не столько на ихъ законахъ, сколько на особенностяхъ ихъ духа, которому больше всего соотвѣтствуетъ занятіе торговлей, а такъ какъ въ Пруссіи имъ эта возможность предоставлена, то улучшать ихъ положеніе въ этомъ государствѣ нѣтъ надобности. Если-же они пожелаютъ отправиться въ другія государства, гдѣ имъ предоставленъ большій просторъ, то христіанское населеніе Пруссіи можетъ ихъ только напутствовать своимъ благословеніемъ.

Еще болѣе враждебный характеръ носитъ написанная по поводу произведенія Дома книга Ф. Т. Гартмана („Untersuchung, ob die bürgerliche Freiheit der Juden zugestatten sei“. Berlin, 1783, 268 стр.). Она была посвящена министру Вердеру и такимъ образомъ преслѣдовала не только литературныя цѣли, но имѣла также въ виду вліять на настроеніе бюрократіи въ этомъ вопросѣ. Гартманъ указываетъ опять-таки на субботу, какъ на причину, лишающую евреевъ возможности служить въ арміи, и спрашиваетъ,

*) Въ книгѣ Дома, II, 89—111.

что стало бы съ прусскими крѣпостями, если бы защита ихъ была ввѣрена евреямъ. Затѣмъ препятствіемъ къ уравненію евреевъ въ правахъ должно служить и особое „еврейское право“, отъ котораго они не желаютъ отказаться, такъ что пришлось бы либо создать особое министерство юстиціи для евреевъ, либо заставить чиновъ судебнаго вѣдомства быть знакомыми съ еврейскимъ правомъ для разбора еврейскихъ дѣлъ. Далѣе онъ вычисляетъ, что евреямъ невозможно заниматься ремеслами или сельскимъ хозяйствомъ и вообще никакимъ производительнымъ трудомъ вслѣдствіе обилія праздниковъ. Гартманъ насчитываетъ не менѣе 282 дней въ году, будто бы празднуемыхъ евреями; онъ при этомъ считаетъ „праздниками“ такіе дни, какъ первое число каждаго мѣсяца, понедѣльники и четверги, причисляетъ къ субботамъ послѣобѣденные часы въ пятницу и т. п. Дальнѣйшее препятствіе къ проведенію реформы онъ видитъ въ еврейскихъ законахъ о пищѣ.

Своеобразный интересъ представляетъ появившаяся въ Галле въ 1792 г. книга „Freimüthige Gedanken über die vorgeschlagene Verbesserung der Juden, von einem Juden mit Zusätzen eines Christen“. Она вышла хотя значительно позднѣе книги Дома, но несомнѣнно находится въ связи съ полемикой по поводу этой книги. Анонимный еврейскій авторъ находитъ, что необходимымъ условіемъ уравненія евреевъ въ правахъ долженъ быть отказъ ихъ отъ разныхъ религіозныхъ своихъ обычаевъ, которые будто бы препятствуютъ совмѣстной жизни съ христіанами. Къ этой категоріи еврейскихъ обычаевъ онъ относитъ соблюденіе законовъ о пищѣ, многочисленные праздники, которые будто бы лишаютъ евреевъ возможности заниматься ремеслами и, удорожая жизнь еврея, заставляютъ его для увеличенія своего заработка прибѣгать къ ростовщичеству. Пока евреи отъ всего этого не откажутся, они попрежнему будутъ коснѣть въ невѣжествѣ и предразсудкахъ. Безъ реформы еврейской религіи въ этомъ направленіи еврей не можетъ быть полезенъ государству ни въ качествѣ солдата, ни въ качествѣ ремесленника, ни вообще въ какой бы то ни было производительной профессіи. Эта брошюра характерна въ томъ отношеніи, что доказываетъ,—если допустить, что анонимный авторъ ея дѣйствительно еврей,—что въ нѣкоторыхъ кругахъ даже еврейскаго общества (надо полагать, не особенно многочисленныхъ) юдофобскія утвержденія считались соотвѣтствующими дѣйствительности.

Во второй части книги Дома напечатаны также отрывки изъ частныхъ писемъ, полученныхъ авторомъ отъ читателей. Среди

нихъ попадаются довольно курьезныя предложенія. Такъ, напримѣръ (отрывокъ 4), авторъ письма, заявляющій себя сторонникомъ равноправія, предлагаетъ выдѣлить евреевъ въ особый городъ съ внутренней автономіей, въ надеждѣ, что изоляція ихъ отъ окружающаго населенія устранитъ всѣ недостатки въ ихъ характерѣ, вызываемые совмѣстной жизнью съ христіанами.

Въ спорѣ принялъ участіе и Мендельсонъ, который сдѣлалъ нѣсколько возраженій противъ Михаэлиса. Онъ доказывалъ, что свѣдѣнія о преступности евреевъ, которыми пользовался Михаэлисъ, невѣрны (въ „Gesammelte Schriften“ Мендельсона, изд. 1843 г., т. III, стр. 365). Затѣмъ Мендельсонъ написалъ предисловіе къ переводу извѣстнаго произведенія Манассе бенъ-Израэля „Въ защиту еврейства“, представленное въ свое время Кромвелю. Переводъ былъ сдѣланъ врачомъ Маркусомъ Герцомъ (тамъ-же, стр. 177 сл. и 203—254).

Въ своемъ предисловіи, въ которомъ между прочимъ опровергается легенда, будто бы курфюрстъ Іоахимъ II былъ отравленъ евреемъ Липпольдомъ,—легенда, послужившая поводомъ къ изгнанію евреевъ изъ Бранденбурга въ 1573 г.,—Мендельсонъ доказываетъ, что выставляемыя противъ евреевъ въ разныя эпохи въ различныхъ формахъ обвиненія служатъ только для того,чтобы оправдать ненависть прочихъ народовъ къ нимъ. Прежде обвиняли евреевъ въ томъ, что они отравляютъ колодцы, оскверняютъ христіанскія святыни, употребляютъ христіанскую кровь, занимаются колдовствомъ и т. д. Въ послѣднее же время имъ ставятъ въ вину, что они коснѣютъ въ невѣжествѣ, неспособны къ производительному труду, склонны къ ростовщичеству. „Намъ не даютъ (говоритъ Мендельсонъ) заниматься науками, искусствомъ и производительными занятіями, преграждаютъ намъ всѣ пути къ самоусовершенствованію, и въ то же время обвиняютъ насъ въ томъ, что мы недостаточно культурны. Намъ связываютъ руки и затѣмъ упрекаютъ насъ въ томъ, что мы ими не пользуемся“. Мендельсонъ далѣе доказываетъ, что евреи весьма полезны для государства, такъ какъ они способствуютъ развитію торговли. Создавая конкурренцію между торговцами, они способствуютъ удешевленію товаровъ и такимъ путемъ приносятъ огромную пользу массѣ потребителей. Мендельсонъ также полемизируетъ противъ аргументаціи физіократовъ. „Если видѣть производителей только въ земледѣльцахъ,—говоритъ онъ,—придется объявить непроизводительнымъ сословіемъ также и ученыхъ, военныхъ и т. д., равно какъ и землевладѣльцевъ или мастеровъ, которые сами не работаютъ: придется сдѣлать заключеніе, что вообще преобладающая часть населенія состоитъ изъ людей, которыхъ нельзя считать производителями. Между тѣмъ, это неправда,

такъ какъ и такъ-называемыя непроизводительныя сословія своими занятіями во всякомъ случаѣ освобождаютъ производительный классъ отъ нѣкоторой затраты труда и времени, такъ что уже хотя по одному этому тоже выполняютъ производительную работу. То же самое примѣнимо и къ честной торговлѣ, и торгующій еврей поэтому не только потребитель, но является также полезнымъ жителемъ страны, дѣйствительнымъ производителемъ". Мендельсонъ ссылается при этомъ на примѣръ Голландіи, которая достигла высокаго уровня благосостоянія именно благодаря тому, что тамъ всѣ граждане, безъ различія вѣроисповѣданія, въ томъ числѣ и евреи, свободно допускаются къ занятію торговлей и промышленностью. Торговля въ мелкихъ и крупныхъ размѣрахъ, которой они занимаются, отнюдь не служитъ только къ ихъ личному обогащенію, но необходима также для благосостоянія всего государства. Трудъ этихъ торговцевъ въ извѣстномъ отношеніи является такимъ же производительнымъ, какъ трудъ земледѣльца или ремесленника.

Къ взглядамъ Дома присоединился и Г. Дицъ, который посвятилъ вопросу спеціальную брошюру *). Авторъ идетъ даже дальше Дома, и не считаетъ нужнымъ дѣлать тѣ оговорки относительно государственной службы, которыя мы находимъ у Дома. По словамъ Греца („Geschichte der Juden", т. XI, стр. 77), Дицъ является авторомъ письма, напечатаннаго во 2-ой части книги Дома (стр. 114—115), въ которомъ говорится между прочимъ, что Домъ напрасно, говоря объ „испорченности" евреевъ, упускаетъ изъ виду то, что испорченность христіанъ, „конечно, не меньше, чѣмъ евреевъ". Дицъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что государство вообще не должно имѣть ничего общаго съ религіей и можетъ интересоваться ею лишь по стольку, по скольку это обусловливается требованіями общественнаго порядка.

Послѣ передачи мнѣній согласныхъ и несогласныхъ съ нимъ авторовъ, Домъ самъ резюмируетъ основные мотивы, выдвинутые съ обѣихъ сторонъ (ч. II, стр. 246—348). Возраженія, что евреи неспособны къ занятію земледѣліемъ и что недопущеніе ихъ къ этому занятію уже диктуется недостаткомъ земли и для земледѣльцевъ-христіанъ,—Домъ опровергаетъ тѣмъ, что о недостаткѣ земли говорить не приходится, ибо сельское хозяйство способно ко всякаго рода дальнѣйшимъ улучшеніямъ, при которыхъ необходимы новые люди; только опытъ можетъ показать, обладаютъ ли евреи вообще достаточной физической силой и способностью къ земледѣлію, и какимъ образомъ могутъ быть преодолѣны тѣ препятствія,

*) H. H. Dietz: „Ueber Juden". Dessau und Leipzig, in der Buchhandlung der Gelehrten. 1783.

которыя вытекаютъ изъ ихъ законовъ о субботѣ, пищѣ и т. д. Эти же законы препятствуютъ будто бы и поступленію ихъ въ обученіе къ христіанскимъ мастерамъ. Мастера, сгруппированные въ цехи, говорили противники допущенія евреевъ къ ремесламъ, не будутъ принимать еврейскихъ учениковъ, которые къ тому же, вслѣдствіе законовъ о пищѣ и вообще своей обособленности, не захотятъ работать у христіанъ. Домъ согласенъ съ тѣмъ, что организація ремесленныхъ цеховъ дѣйствительно препятствуетъ пріобщенію евреевъ къ занятію ремеслами, но онъ считаетъ вообще существованіе цеховъ отнюдь не необходимымъ. Домъ не рѣшается высказаться за непосредственную отмѣну цеховъ, но считаетъ, что постепенная реформа цехового строя и упраздненіе цеховыхъ рамокъ необходимы. До отмѣны же цехового строя онъ предлагаетъ дать евреямъ возможность заниматься ремеслами внѣ цеховыхъ организацій. Такимъ образомъ отпадаютъ и тѣ возраженія, которыя основаны на несовмѣстимости цеховаго строя съ расширеніемъ правъ евреевъ. Если евреи не захотятъ, въ силу религіозныхъ или какихъ-либо другихъ причинъ, заниматься ремеслами—это ихъ дѣло, государства же это не касается. Въ то же время Домъ склоняется даже къ принятію извѣстныхъ насильственныхъ мѣръ для привлеченія евреевъ къ занятію ремеслами. Напримѣръ, онъ совѣтуетъ обязать еврея-отца, у котораго много дѣтей, сдѣлать по меньшей мѣрѣ одного изъ своихъ сыновей ремесленникомъ. Онъ также не прочь по возможности затруднить имъ занятіе мелкой торговлей. При такомъ планомѣрномъ отвлеченіи ихъ отъ торговли значительная часть евреевъ могла бы приблизительно черезъ 50 лѣтъ стать ремесленниками и земледѣльцами.

Большая часть дальнѣйшихъ разсужденій Дома посвящена полемикѣ по вопросу о присягѣ евреевъ, о томъ, что будто бы молитва „Колъ-Нидрей“ освобождаетъ ихъ отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ христіанамъ. Домъ доказываетъ, что эти обвиненія, заимствованныя большей частью у Эйзенменгера, не выдерживаютъ критики. Между прочимъ, онъ присоединяется къ мнѣнію одного изъ рецензентовъ его книги, геттингенскаго профессора Бекмана, который предложилъ (ч. II, стр. 356) поручить путешественнику объѣхать Европу съ цѣлью ознакомленія съ дѣйствительнымъ состояніемъ евреевъ, съ пользой и вредомъ, которые они приносятъ разнымъ государствамъ. Домъ увѣренъ, что такое безпристрастное изученіе вопроса значительно содѣйствовало бы его выясненію и уничтоженію многихъ предразсудковъ.

Ссылками на еврейскіе авторитеты и на примѣры изъ прошлаго Домъ опровергаетъ также и утвержденіе, что еврейская религія слу-

жить препятствіемъ для исполненія воинской повинности. Еврейская религія—доказываетъ онъ—обязываетъ еврея защищать свою родину, и освобождаетъ его въ случаѣ войны отъ соблюденія субботы. Что же касается того, что евреи въ душѣ ждутъ Мессію, который ихъ освободитъ отъ гнета и порабощенія, то можно предположить,—говоритъ онъ,— что съ уничтоженіемъ гнета исчезнетъ и ожиданіе избавленія.

Домъ предполагалъ выпустить еще 3-ью часть своей книги, но она не появилась *).

Взгляды Дома на еврейскій вопросъ находятся въ связи съ его общими экономическими воззрѣніями, изложенными, главнымъ образомъ въ его трудѣ о физіократахъ („Ueber das Physiokratische System“). Они сводятся въ сущности къ тому, что промышленность развивается лучше всего тогда, когда соревнованію отдѣльныхъ личностей предоставлена наибольшая свобода. Несмотря на то, что въ своей полемикѣ противъ ученія физіократовъ онъ высказывается за требованія меркантильной школы—способствовать развитію промышленности при помощи защитительныхъ таможенныхъ ставокъ, Домъ является меркантилистомъ только въ вопросахъ внѣшней торговой политики, т. е. въ стремленіи устранить конкуренцію иностранныхъ государствъ; внутри же государства онъ считаетъ необходимымъ отмѣнить преграды, которыя парализуютъ свободу проявленія личности, и придерживается принципа laisser faire. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ въ своей книгѣ о евреяхъ (ч. II, стр. 282), что люди наилучшимъ образомъ устраиваютъ дѣла, относящіяся къ ихъ собственному благополучію, когда имъ даютъ свободу. Поэтому Домъ и опубликовалъ, почти одновременно съ своимъ произведеніемъ противъ физіократіи, переводъ распоряженія французскаго министра Тюрго объ отмѣнѣ цеховъ.

Любопытно, что до того, какъ онъ серьезно занялся еврейскимъ вопросомъ, Домъ выражалъ нерасположеніе къ евреямъ. Онъ, напр., писалъ (въ „Deutsches Museum“ 1778 г., ч. I, стр. 122), что городъ Франкенталь можетъ считать себя счастливымъ, что въ немъ живетъ лишь одна еврейская семья. Однако, своимъ новымъ взглядамъ на еврейскій вопросъ, высказаннымъ въ его спеціальной книгѣ, Домъ остался вѣренъ до конца своей жизни. Спустя почти 40 лѣтъ, онъ писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ не измѣнилъ взглядамъ, изложеннымъ въ этой книгѣ. Онъ выражаетъ сожалѣніе, что Фридрихъ II такъ плохо обращался съ евреями, и объясняетъ это тѣмъ, что обиліе государственныхъ дѣлъ лишало его возможности вдуматься

*) См. M. W. Rapporort: „Ch. W. Dohm. Der Gegner der Physiokratie.—Berlin. 1908.

въ еврейскій вопросъ („Denkwürdigkeiten", т. IV, стр. 484, прим.). „Съ радостью—говоритъ онъ—авторъ выражаетъ свое убѣжденіе, что и теперь—послѣ того, какъ по этому предмету столько написано, притомъ отчасти въ духѣ совершенно отличномъ отъ его воззрѣній,— онъ считаетъ высказанные имъ тогда принципы единственно правильными и цѣлесообразными для правительства, которое серьезно стремится сдѣлать евреевъ полезными гражданами". Онъ и въ этихъ воспоминаніяхъ повторяетъ (т. IV, стр. 483, прим.), что „недостатки" евреевъ вытекаютъ не изъ ихъ религіи, а являются неизбѣжнымъ результатомъ вліянія рода ихъ торговыхъ занятій на ихъ нравственность,—„вліяніе, которое исчезнетъ лишь тогда, когда будетъ уничтожена вызывающая его причина и евреямъ будетъ дана возможность добиваться средствъ существованія во всѣхъ отрасляхъ труда наравнѣ со всѣми остальными членами общества" *).

Противники Дома, конечно, не преминули пустить сплетню, что евреи щедро вознаградили автора за его книгу. На самомъ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго основанія вѣрить этому слуху. Извѣстно лишь, что еврейская берлинская община подарила Дому ко дню его рожденія серебряный сервизъ, что въ честь его одна еврейская семья въ Бреславлѣ приняла фамилію „Домъ" и что онъ получилъ отъ евреевъ Бразиліи благодарственный адресъ.—Взгляды Дома, книга котораго была переведена на французскій и англійскій языки, были всецѣло усвоены Мирабо, который въ 1787 г. напечаталъ въ Лондонѣ очень любопытную во многихъ отношеніяхъ книгу подъ заглавіемъ: „Sur Moses Mendelssohn et la reforme politique des juifs" etc. (Лондонъ, 1787). Въ этой книгѣ, начинающейся длинною полемикой противъ Лафатера, Мирабо съ восторгомъ говоритъ о Мендельсонѣ, разсказываетъ исторію его жизни, передаетъ содержаніе нѣкоторыхъ его сочиненій и излагаетъ со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ наиболѣе существенные аргументы Дома въ пользу политической эмансипаціи евреевъ. Мирабо, который пріѣхалъ въ Берлинъ въ 1786 г. и былъ тамъ чѣмъ-то вродѣ неоффиціальнаго представителя Франціи, уже не засталъ въ живыхъ Мендельсона, который умеръ незадолго

*) Редакція полагаетъ, что указанныя почтеннымъ авторомъ колебанія въ отношеніи Дома къ еврейскому вопросу могли бы быть объяснены установленіемъ болѣе вѣрнаго взгляда, отступающаго отъ общепринятаго, на роль этого писателя. Домъ не сталъ абсолютно „юдофиломъ" и послѣ изданія своей книги. Онъ въ сущности раздѣлялъ общее мнѣніе объ „испорченности" еврейскаго племени и отличался отъ юдофобовъ лишь тѣмъ, что вѣрилъ въ исправимость евреевъ. Онъ и книгу свою озаглавилъ: „Объ улучшеніи евреевъ" и всецѣло примыкалъ къ „исправительной" системѣ въ рѣшеніи еврейскаго вопроса, принятой въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма". *Ред.*

до его пріѣзда. Но въ Берлинѣ тогда многіе евреи уже занимали такое высокое соціальное положеніе, что Мирабо не могъ не побывать и въ еврейскихъ домахъ. Онъ пошелъ на одну изъ лекцій Маркуса Герца по физикѣ, которыя тогда посѣщались представителями высшаго общества, и побывалъ въ салонѣ его жены—красавицы Генріеты Герцъ, которая много лѣтъ спустя говорила въ своихъ воспоминаніяхъ, что никто не умѣлъ такъ увлекательно говорить, какъ Мирабо.

Книга Дома произвела на Мирабо такое сильное впечатлѣніе, что онъ рѣшился говорить о необходимости улучшенія положенія евреевъ Фридриху II, въ аудіенціи, которую тотъ ему далъ незадолго до своей смерти, не смотря на то, что отрицательное отношеніе короля къ евреямъ было очень хорошо извѣстно Мирабо.

Въ своей многотомной книгѣ „De la monarchie Prussienne" (Lond., 1788) Мирабо посвящаетъ много мѣста и евреямъ. Онъ былъ настолько увѣренъ въ своемъ неотразимомъ вліяніи на прусскій дворъ, что уже въ первый день вступленія на престолъ преемника Фридриха Великаго, Фридриха Вильгельма II, послалъ ему обширное письмо, въ которомъ преподаетъ рядъ совѣтовъ, почти диктуя ему программу правительственной дѣятельности. Въ этомъ письмѣ, наряду съ совѣтомъ превратить прусскую армію въ милицію, отмѣнить ввозныя пошлины, разрѣшить вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ и т. д., были и такіе пункты, какъ введеніе свободы печати и предоставленіе евреямъ равноправія.

Книга Дома составила эпоху въ жизни прусскихъ евреевъ, хотя непосредственныхъ результатовъ, въ видѣ улучшенія ихъ правового положенія, она не имѣла. Но она заставила общественное мнѣніе заниматься этимъ вопросомъ: послѣ опубликованія ея, почти не проходило года, чтобы не появилось какое-нибудь произведеніе за или противъ евреевъ. И если политическая полемика вообще рѣдко достигаетъ своей прямой цѣли, такъ какъ почти никогда не удается переубѣдить противника, ставшаго на опредѣленную позицію, то для болѣе или менѣе безпристрастныхъ читателей она все-таки безслѣдно не проходитъ. Не прошла она безслѣдно и для евреевъ, какъ показали дальнѣйшія событія *).

И. Левинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) Полемическая литература по поводу книги Дома изслѣдована въ диссертаціи R. Reuss'a: Dohm's Schrift über die bürgerliche Verbesserung der Juden und deren Einwirkung auf die gebildeten Stände Deutschlands, 1891. Cp. L. Geiger: Geschichte der Juden in Berlin, II, 155—159.

Періодъ кризиса.

Общественныя теченія въ литературѣ 80-хъ годовъ.

(*Окончаніе*).

V.

Въ противоположность охарактеризованному выше направленію, нашедшему свое яркое выраженіе въ „Развѣтѣ“ (за послѣдній годъ его существованія) и въ статьяхъ Леванды,—другія общественныя теченія, выразившіяся въ „Русскомъ Евреѣ“ и „Восходѣ“, не выходили изъ стараго русла—борьбы за право и надеждъ на улучшеніе положенія евреевъ въ Россіи.

Непосредственно послѣ апрѣльскихъ погромовъ 1881 г. въ Елисаветградѣ, Кіевѣ и другихъ мѣстахъ, „Русскій Еврей“ призывалъ къ терпѣнію и выжиданію, къ вѣрѣ въ лучшую будущность, когда лже-патріоты будутъ посрамлены, а другіе поймутъ, „что мы имѣемъ право на все человѣческое, что изъ насъ можно сдѣлать элементъ, счастливый внутри себя и полезный для государства; когда вѣчный страхъ за себя и вѣчная мнительность другихъ не помѣшаютъ намъ сдѣлать все для нашего самовоспитанія и самоусовершенствованія“ (№ 18, перед.). Публицисты журнала съ возмущеніемъ говорили о проектахъ массоваго переселенія евреевъ изъ ихъ русскаго отечества, считая такіе проекты не только несбыточными, но и глубоко вредными для главной задачи русскаго еврейства—борьбы за равноправіе, которое должно служить и лучшимъ средствомъ противъ погромовъ, возникающихъ на почвѣ безправія. Этотъ мотивъ служилъ обычной темой передовыхъ статей „Русскаго Еврея“ (вначалѣ и „Развѣта“—см. № 18 за 1881 г.), политическихъ обозрѣній ежемѣсячнаго „Восхода“, а потомъ и „Недѣльной хроники Восхода“.

Продолжается старая аргументація въ защиту евреевъ: „Только ослѣпленные страстью юдофобы не видятъ и не желаютъ видѣть,

что все наше молодое поколѣніе и очень значительная доля болѣе зрѣлаго уже давно примкнули къ русскимъ, какъ по воспитанію, такъ и влеченіямъ, по своимъ симпатіямъ и антипатіямъ. Они давно не думаютъ и не могутъ думать ни о какомъ другомъ отечествѣ, кромѣ Россіи..., и если бы не продѣлки разныхъ „патріотовъ своего отечества", превращеніе всѣхъ русскихъ евреевъ въ настоящихъ русскихъ гражданъ не заставило бы себя долго ждать"... („Рус. Евр.", 1881 г., № 24, нед. обозр.).

„Русскій Еврей" неоднократно критикуетъ сторонниковъ всеспасающей эмиграціи, видя въ этомъ увлеченіе новымъ мессіей, котораго постоянно ищетъ еврейская интеллигенція: раньше она находила его въ просвѣщеніи, обрусѣніи, теперь—въ эмиграціи: „Тѣ же самые молодые люди, которые еще не очень давно со свойственной молодежи живостью и страстностью доказывали, что евреямъ необходимо чѣмъ скорѣе стать русскими гражданами въ полномъ и законченномъ смыслѣ этихъ словъ, не останавливаясь даже для этого ни передъ какими жертвами, тѣ же молодые люди, которые четыре-пять лѣтъ назадъ съ горячимъ увлеченіемъ призывали, не хуже любого русскаго, грозную месть на голову мусульманъ, поработившихъ родственныя Россіи племена,—теперь съ несказанной горечью, съ какой-то лихорадочной горячностью говорятъ объ эмиграціи, какъ о единственномъ средствѣ. Благородная, неопытная молодежь! Она съ какимъ-то отчаяніемъ, съ какимъ-то остервененіемъ разрушаетъ свои прежніе идеалы; для нея оказалось не подъ силу перенести свое тяжелое разочарованіе"... Однако, своимъ увлеченіемъ еврейская молодежь, по мнѣнію журнала, только играетъ на руку юдофобамъ, которымъ и нужно, чтобы „евреи бѣжали съ поля битвы" (№ 31, нед. обозр.).

„Русскій Еврей" ничего не имѣетъ противъ эмиграціи, какъ *нормальнаго явленія*, происходящаго во всякой странѣ. Но когда одни смотрятъ на эмиграцію, какъ на якорь спасенія для русскихъ евреевъ, а другіе—какъ на средство избавленія отъ нихъ; когда евреи не эмигрируютъ, а бѣгутъ подъ вліяніемъ погромовъ, репрессій и ограниченій,—„Русскій Еврей" считаетъ своимъ долгомъ снова и снова напоминать, что евреи—граждане Россіи, что здѣсь—центръ ихъ труда и стремленій, что эмиграція можетъ быть дѣломъ филантроповъ, но не лозунгомъ общественной работы (№ 33, нед. об.; № 34, перед.).

Спокойная аргументація „Русскаго Еврея" вызывала обвиненія въ равнодушіи къ народному горю. Посыпались протестующія письма, постороннія статьи на тему, что дѣлать, куда идти,—въ

Америку или Палестину и т. д. (см. выше, гл. III). Одинъ изъ этихъ оппонентовъ указываетъ, между прочимъ, что „многія изъ статей нашихъ органовъ за послѣднее время напоминаютъ стройную арію опернаго пѣвца, распѣвающаго и тогда, когда въ его грудь вонзаютъ кинжалъ по самую рукоятку“ (№ 34, „Что дѣлать?“). Тутъ—прямой намекъ на публицистику „Русскаго Еврея“. Редакція осталась, однако, непоколебимой въ своей позиціи по эмиграціонному вопросу.

Даже въ началѣ 1882 г., послѣ заявленія министра Игнатьева о томъ, что „западная граница открыта для евреевъ“, „Русскій Еврей“ повторяетъ свое обычное успокоеніе: „При всемъ томъ мы не должны терять надежды и, въ сознаніи нашихъ правъ, терпѣливо выжидать, пока эти наши права будутъ признаны за нами. Ни о какомъ обще-еврейскомъ эмиграціонномъ движеніи въ Россіи не можетъ быть и рѣчи“. На возраженіе о томъ, что пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ, редакція отвѣчаетъ, что вѣдь и эмиграція дѣло длительное: прежде, чѣмъ путемъ эмиграціи удастся переселить до полумилліона человѣкъ, „евреи будутъ признаны полноправными русскими гражданами“ (№ 5, перед.).

Признавая необходимость поддержки тѣхъ, которые уже оставили насиженныя мѣста и пустились въ далекій путь, „Русскій Еврей“ предупреждалъ противъ искусственнаго усиленія эмиграціи, которая ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться общенароднымъ дѣломъ (№№ 6, 9, перед.). Если признать эмиграцію общенароднымъ дѣломъ, это означало бы, по мнѣнію цитируемаго органа, что нѣтъ другого исхода и для остающихся въ Россіи, но это было бы равносильно тому, чтобы „отказаться отъ нашихъ гражданскихъ правъ на Россію, которыя мы пріобрѣли многовѣковымъ пребываніемъ въ ней и участіемъ, наравнѣ съ другими гражданами, въ ея государственномъ ростѣ“ (№ 21, нед. обозр.).

VI.

Эта анти-эмиграціонная позиція свойственна была тогда значительной части петербургскаго еврейскаго общества и его представителей, которыхъ провинція обвиняла въ томъ, что изъ-за интересовъ еврейской буржуазіи и ея „патріотизма“ они жертвуютъ насущными нуждами народа. „Разсвѣтъ“ пламенно бичевалъ этотъ эгоизмъ, это равнодушіе къ страданіямъ тысячъ эмигрантовъ, „оглашающихъ своими рыданіями поля и лѣса Галиціи, города Германіи и Турціи“; указывалъ на то, что даже за границей орга-

низуются комитеты помощи бѣглецамъ, въ парламентахъ (Англіи и Америки) дѣлаются запросы о положеніи евреевъ въ Россіи, а „петербургскіе тузы“, боясь обвиненій въ отсутствіи патріотизма, отказываются ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи самимъ евреямъ регулировать эмиграціонное движеніе. Горе народное достигло своего апогея. „Но они („самозванные столпы еврейскаго народа“)—возмущается „Разсвѣтъ“—молчатъ; но стоны голодающихъ братьевъ безсильны передъ союзомъ эгоизма и легкомыслія, безсердечія и личнаго самолюбія; но въ одну изъ самыхъ критическихъ минутъ, которыхъ когда-либо переживалъ нашъ народъ, вмѣсто Абарбанелей и Менасе-бенъ-Израилей, представителями его оказались денежные тузы“... (1882 г., № 24, перед.).

Представители эмиграціонныхъ кружковъ въ провинціи, съ своей стороны, выражали свое негодованіе по этому поводу, противопоставляя интересы массы, спасеніе которой они видѣли въ эмиграціи, стремленіямъ богачей, не желающихъ оставлять свои теплыя мѣста. „Послѣдній еврейскій чернорабочій знаетъ поименно своихъ представителей (петербургскихъ) и клеймитъ ихъ уже теперь именемъ анти-эмиграціонистовъ“,—говорится, между прочимъ, въ одномъ заявленіи (изъ Одессы) представителей эмиграціонныхъ кружковъ (№ 10, стр. 372). По поводу съѣзда еврейскихъ представителей въ Петербургѣ (апрѣль 1882 г.), высказавшагося противъ оффиціальной организаціи эмиграціоннаго движенія, корреспондентъ „Разсвѣта“ изъ Минска съ возмущеніемъ восклицаетъ: „Что намъ дѣлать противъ произвольнаго захвата нашими тузами права представительства и общественнаго мнѣнія?“—Однородныя заявленія и протесты поступили и изъ другихъ городовъ (№ 14, стр. 514 *).

Несомнѣнно, вліяніе погромовъ на имущіе классы и народныя массы было различно: первые сравнительно быстро успѣли оправиться отъ матеріальныхъ потрясеній; массы же, вынесшія на своихъ плечахъ главную тяжесть разгрома (бѣдные еврейскіе кварталы, какъ извѣстно, оказались особенно беззащитными во время погромовъ,—напримѣръ, въ Кіевѣ, Одессѣ, Варшавѣ), большей частью совершенно лишились своего экономическаго базиса, который былъ серьезно расшатанъ еще до того кризиса. Кромѣ того, еврейское общество, получившее нѣкоторое расширеніе своихъ правъ въ „эпоху великихъ реформъ“ и воспользовавшееся насту-

---

*) Живо изображены эти эмиграціонныя волненія въ мемуарахъ *М. Г. Кагана* „Meereb ad ereb“, т. I, стр. 83—88, 99—100.

пившимъ тогда большимъ промышленнымъ оживленіемъ, продолжало еще лелѣять нѣкоторыя надежды на равноправіе. Народная же масса, выбитая изъ своей прежней хозяйственной колеи именно этимъ усиленнымъ темпомъ промышленнаго развитія и оставшаяся безправной и послѣ великихъ реформъ, не питало никакихъ надеждъ на возможность улучшенія своего положенія въ Россіи.

Необходимо еще замѣтить, что петербургское еврейство, къ которому въ періодъ кризиса устремлены были взоры провинціи, находилось въ особенно благопріятныхъ условіяхъ не только въ экономическомъ отношеніи, но и въ смыслѣ безопасности: это былъ единственный еврейскій уголокъ, на который не распространилась *непосредственная* погромная паника.

На этомъ основаніи и возникли упомянутые упреки въ эгоизмѣ и индифферентизмѣ къ народнымъ страданіямъ. Даже умѣренный „Русскій Еврей", самъ стоявшій близко къ наиболѣе безпечнымъ кругамъ петербургскаго еврейства, указывалъ на многихъ, которые „изъ прекраснаго далека, изъ болѣе или менѣе безопасной гавани" наблюдали за событіями въ „чертѣ" (1882 г., № 15, перед.), и бичевалъ невозмутимыхъ: „Мы, правда, уже далеко зашли по части нашей невозмутимости; но неужели и теперешнее наше положеніе не заставитъ насъ очнуться отъ нашего эгоистическаго сна, въ которомъ мы видимъ только жирные барыши, только честолюбивые замыслы, только желаніе блистать или набить свою мошну?" (№ 17, перед.). По мѣрѣ ослабленія притока пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ погромовъ, „Русскій Еврей" съ еще большей настойчивостью возобновлялъ свои обычные призывы къ благотворительности, протестуя противъ девиза: „моя хата съ краю", ибо „крайняя хата въ критическую минуту можетъ оказаться въ серединѣ" (№ 28, пер.).

Однако, отрицательное отношеніе петербургскихъ еврейскихъ сферъ къ регулированію эмиграціи объясняется и чисто принципіальными соображеніями, которые особенно ярко проявились на упомянутомъ выше съѣздѣ еврейскихъ общественныхъ дѣятелей, состоявшемся послѣ наиболѣе трагическаго акта погромной эпопеи— балтскаго погрома.

Изъ протоколовъ этого съѣзда мы видимъ, что участники его (подъ впечатлѣніемъ происшедшихъ событій и переговоровъ съ гр. Игнатьевымъ, его указаній на возможность—точнѣе, желательность—переселенія евреевъ въ среднюю Азію, въ Ташкентъ и Ахалъ-Теке) были увѣрены, что передъ ними стоитъ дилемма: санкціонировать исходъ или же дальше отстаивать равноправіе

евреевъ. „Одно изъ двухъ, говорилъ одинъ изъ делегатовъ (Е. Х. Мандельштамъ): выселиться или получить права. Попираютъ ногами наше человѣческое достоинство, насъ грабятъ, оскорбляютъ честь нашихъ женъ и дочерей; мы не рабы: или человѣческія права, или мы пойдемъ, куда глаза глядятъ!" Другой делегатъ (И. Д. Ротенбергъ) выразилъ опасеніе, что именно эмиграція вызоветъ погромы, ибо какъ только станетъ извѣстно, что евреи рѣшили уйти, ихъ имущество будетъ расхищено („Нед. Хрон. „Восхода", 1882 г., № 33). Съ другой стороны, у нѣкоторыхъ делегатовъ еще не утеряна была надежда на равноправіе. „Кто знаетъ,— говорилъ Н. И. Бакстъ, — можетъ быть, постигшія насъ теперь злосчастныя событія и составляютъ ту узкую тропинку, по которой мы пройдемъ къ свѣту полноправія русскихъ гражданъ"?.. „Не все въ Россіи пропало для евреевъ,—утверждалъ другой делегатъ.— Судьба трехмилліоннаго народа не зависитъ отъ прихоти того или другого сановника. Никакія мѣры не могутъ насъ лишить права на отечество... Добровольно евреи никогда не уйдутъ" (ibid). Въ такомъ же духѣ высказались и нѣкоторые другіе делегаты, причемъ иные свое отрицательное отношеніе къ эмиграціи подкрѣпляли данными имъ полномочіями (№№ 34, 36). Въ то же время говорилось о провинціальныхъ настроеніяхъ въ пользу эмиграціи и о томъ, что среди еврейской массы даже возможны волненія, если съѣздъ отнесется съ полнымъ пренебреженіемъ къ вопросу объ эмиграціи (№ 36 *).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что отрицательное отношеніе многихъ изъ тогдашнихъ общественныхъ дѣятелей къ регулированію эмиграціи имѣло свои серьезные принципіальные мотивы, нашедшіе себѣ отраженіе въ охарактеризованной выше публицистикѣ „Русскаго Еврея". Недаромъ даже такой истинный народный печальникъ, какъ ребе Ицхокъ-Элхононъ, вмѣстѣ съ другими делегатами высказался противъ ходатайствованія передъ правительствомъ о разрѣшеніи регулировать эмиграцію (№№ 33, 36).

VII.

Наряду съ практическими вопросами, въ родѣ вопроса объ эмиграціи, періодическая печать продолжала обсуждать и проблемы идеологическія, въ связи съ тѣмъ кризисомъ ассимиляціонной идеологіи, о которомъ говорилось выше (гл. IV). Въ этомъ отношеніи

*) О политической ситуаціи „съѣзда нотаблей" 1882 г. см. *Евр. Стар.* 1916 г., вып. I, стр. 11—14.

весьма интересна анонимная статья „Безъ иллюзій“, напечатанная въ „Разсвѣтѣ“ вскорѣ послѣ первыхъ погромовъ *). Авторъ слѣдующимъ образомъ пытается объяснить основныя причины ухода значительной части еврейской интеллигенціи отъ своего народа.

При зарожденіи еврейской интеллигенціи въ Россіи, старое еврейство своей опекой надъ индивидуальными запросами, своимъ безпощаднымъ преслѣдованіемъ всякихъ уклоненій отъ разъ на всегда установленной патріархальной нормы, обострило борьбу интеллигенціи за свою индивидуальность, за свободу мышленія и исканія новыхъ путей жизни. На эту борьбу уходили лучшія молодыя силы; освобожденіе отъ гнета „отцовъ“ считалось высшимъ подвигомъ жизни. И когда достигался этотъ идеалъ, когда интеллигенты, отряхнувъ отъ своихъ ногъ прахъ „черты“, вступали въ новый міръ (университетъ, область либеральныхъ профессій), контрастъ между старымъ берегомъ и новой пристанью оказался огромнымъ и ослѣпляющимъ. Тамъ—смерть, здѣсь—жизнь; тамъ—власть „косной и невѣжественной массы“, здѣсь—новая общегражданская жизнь, — такъ рисовался этотъ переломъ піонерамъ обновленія. Еще не зажили свѣжія раны, полученныя молодыми людьми въ борьбѣ противъ косной массы и ея, къ несчастью, своекорыстныхъ заправилъ, еще не разсѣялись мрачные образы приниженной и забитой жизни, еще звучали въ ушахъ озлобленныя отповѣди, посылавшіяся общегражданскому строю, который давалъ себя чувствовать евреямъ съ одной лишь унижающей ихъ стороны, путемъ ограниченій, насмѣшекъ и гнета. „Такъ вотъ она—масса! Вотъ отъ какой жизни она отворачивается! Вотъ отъ чего она удерживала насъ въ своихъ желѣзныхъ лапахъ!.. У молодежи открылись глаза, къ несчастью, глаза близорукіе“ (1881 г. № 32).

А какъ разъ къ этому времени (цитируемый авторъ имѣетъ въ виду „эпоху великихъ реформъ“) начался періодъ „золотыхъ грезъ“ и лозунговъ „сліянія“. „Такихъ идей, такихъ стремленій, такого порыва молодежь не знала за „чертой“. Что она тамъ видѣла? Жалкую повседневную погоню за хлѣбомъ насущнымъ, жалкое корпѣніе надъ никому ненужными разсужденіями о снесенномъ въ праздникъ яйцѣ. Произволъ, олицетворяемый общественными воротилами, неблаговидныя сдѣлки съ мелкими и крупными полицейскими чинами“... Все это заставило выходцевъ черты похоронить прошлое и искать спасенія въ новомъ, живомъ потокѣ жизни.

---

*) Авторомъ ея былъ временно редактировавшій „Разсвѣтъ“ М. С. Варшавскій. См. *Евр. Стар.* 1916, вып. I, стр. 25, прим.

Мрачныя стороны еврейской жизни были отожествлены со всей культурою еврейства, которая должна быть обновлена путемъ „слиянія" (ibid.).

Однако, и этотъ процессъ не былъ доведенъ до конца. Еврейская молодежь, оставившая свой народъ, оказалась все таки большей частью непослѣдовательной. „Ничѣмъ, кромѣ случайности происхожденія, не связанные со своимъ народомъ, отрицая еврейство, какъ самостоятельное и имѣющее право на существованіе цѣлое, и оставаясь въ то же время евреями, — эти люди сами не замѣчали, какое фальшивое, какое неудобное положеніе межъ двухъ стульевъ они заняли. Чтобы быть послѣдовательными, имъ надо было провести въ жизнь идею „слиянія" до крайнихъ ея предѣловъ. Или еврейство существуетъ и должно существовать, тогда нечего отрекаться отъ него огуломъ и стремиться поглотить его въ общегражданскомъ потокѣ; или же нѣтъ еврейства, не должно оно существовать,—тогда нечего было оставаться евреями"... Многіе все таки не сдѣлали этого шага. И вотъ сама логика событій и пробужденіе русскаго націонализма заставили, наконецъ, и еврейскаго ассимилированнаго интеллигента опредѣлить свою позицію по отношенію къ еврейству и такъ или иначе рѣшить ставшую передъ нимъ альтернативу: „или открыто объявить себя ренегатомъ, или же принять на себя долю въ страданіяхъ народа" (№ 32).

Авторъ рѣзко критикуетъ прежній оптимизмъ еврейской интеллигенціи и предлагаетъ болѣе реалистически относиться къ дѣйствительности и готовить къ этому молодое поколѣніе. „Не довѣряя жизни больше, чѣмъ она можетъ дать, заранѣе готовясь встрѣтить отпоръ тамъ, гдѣ мечты сулятъ имъ братскій привѣтъ, наши молодыя силы войдутъ въ русское общество не наивными новичками, на которыхъ первый щелчокъ можетъ произвести впечатлѣніе ошеломляющаго удара, а самосознающими и подготовленными къ случайностямъ жизни людьми".

„А дальше?—продолжаетъ цитируемый авторъ.—Дальше мы уповаемъ на нравственныя силы нашего народа, мы надѣемся на вразумляющее и оздоравливающее дѣйствіе времени. Не станемъ себя обманывать и въ этомъ отношеніи: мы не ждемъ любви, мы не надѣемся, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ, на братскія пожатія. Быть можетъ современемъ наступитъ и эта блаженная пора. Но до тѣхъ поръ мы желаемъ и должны стремиться достигнуть лишь одного: уваженія нашей личности, признанія за нами нашего человѣческаго достоинства,—и при томъ не въ идеѣ только,

не на одной лишь бумагѣ, а въ свободномъ сознанiи русскаго общества" (№ 31).

VIII.

„Русскій Еврей", также критикуя прошлое, усиленно, однако, доказывалъ, что „нѣтъ поворота", что только сторонники крайняго сліянія, подъ вліяніемъ погромныхъ событій, сразу потеряли почву подъ ногами и съ какимъ-то „остервенѣніемъ" стали сожигать за собой корабли. Прежде они возлагали всѣ свои надежды на прогрессъ, теперь они совершенно разувѣрились въ цивилизаціи и братствѣ народовъ, твердя, что евреи предоставлены самимъ себѣ и что необходимо или отречься отъ еврейства и цѣной этого отреченія купить права, или же пренебречь всѣмъ этимъ и пойти по новому пути (1882 г. № 31).

Характеризуя такимъ образомъ воззрѣнія своихъ противниковъ (см. №№ 33, 35, 52, перед. ст.) и приписывая имъ лозунгъ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше" (№ 49, перед. ст.), „Рус. Еврей" указывалъ на то, что погромы хотя и были страшны своей неожиданностью, но относительно живучести антисемитизма и раньше не слѣдовало дѣлать себѣ никакихъ иллюзій, и нечего, слѣдовательно, приходить въ отчаяніе: „Еврейство пережило уже не одно такое движеніе и уцѣлѣло. Почему же теперь именно въ еврейской жизни обнаружился поворотный пунктъ, мы не видимъ съ достаточной ясностью... Нѣтъ, намъ крутыхъ поворотовъ не нужно. Намъ слѣдуетъ только подумать немного надъ нашимъ прошлымъ и исправлять, по мѣрѣ возможности, нѣкоторыя крупныя ошибки, которыя совершенно сбили насъ съ толку и внесли въ нашу жизнь много безурядицы. Мы говоримъ о нашемъ самоуничиженіи и самоуничтоженіи, которыми мы такъ долго занимались съ усердіемъ, достойнымъ гораздо лучшаго примѣненія. Мы, т. е. еврейство, какъ народный индивидуумъ, не только картинно гнули спину передъ каждымъ „паномъ", глубоко унижая свое достоинство, но даже какъ бы извинялись передъ каждымъ въ своемъ существованіи, какъ бы стараясь увѣрять, что это только такъ кажется, будто мы существуемъ, а въ дѣйствительности это только оптическій обманъ. Это было гадко и малодушно, если бы даже приносило намъ какую-нибудь пользу, а теперь это еще, кромѣ того, жалко и смѣшно"...

Развѣнчивая такимъ образомъ прошлыя увлеченія въ дѣлѣ національнаго самоупраздненія, „Рус. Еврей" въ то же время стремился продолжать лучшія традиціи „эпохи великихъ реформъ" въ

дѣлѣ русско-еврейской гражданственности, сближенія съ другими народами и совмѣстнаго шествія „по пути цивилизаціи и нравственнаго усовершенствованія". Этотъ процессъ долженъ только проходить безъ самоуничтоженія и растворенія въ другой національной средѣ, ибо „нашъ циклъ въ исторіи еще не завершенъ, а совершить самоубійство надъ собой вовсе не подобаетъ народу, столь долго держащемуся на поверхности исторіи" (№ 31, перед. ст.). Въ дѣлѣ національнаго самосохраненія журналъ выдвигаетъ на первый планъ развитіе древнееврейскаго языка и литературы и школьное воспитаніе: „Воспитайте въ вашихъ дѣтяхъ гражданъ и евреевъ, внушите имъ любовь и уваженіе къ своему народу, познакомьте ихъ съ его прошлымъ, съ его литературой,—и они останутся евреями, и постыдный актъ самоотреченія станетъ для нихъ совершенно немыслимъ" (тамъ-же).

Въ статьѣ „Что-же дальше? (подп. А. Кф.) повторяется тотъ же мотивъ—о сближеніи евреевъ съ окружающей ихъ средой при равноправіи, съ отрицательной оговоркой на счетъ сліянія и растворенія, въ видѣ воздаянія за дарованіе правъ: „Прошло время сліятельныхъ грезъ и ассимиляціонныхъ вожделѣній. Не обезличивая себя, сохраняя свою индивидуальность или самобытность—какъ хотите, назовите,—евреи могутъ быть и тѣми „истинными русскими гражданами", которыми будто бы желаютъ ихъ видѣть ихъ „друзья" (№ 35).

„Рус. Еврей", возражая противъ діагноза и прогноза „Автоэмансипаціи" (хотя временами редакція выражала сочувствіе палестинской колонизаціи, какъ частности еврейской проблемы; № 15, перед. ст.), доказывала, что „къ выдающимся свойствамъ евреевъ принадлежитъ способность, сознавая себя націей и не отказываясь отъ своихъ національныхъ идеаловъ, оставаться вѣрными гражданами вездѣ, гдѣ за ними признаны человѣческія права, ибо для своего гражданства евреямъ и нѣтъ надобности отказаться отъ своей національной индивидуальности" (№ 48).

По національному вопросу „Рус. Еврей" велъ борьбу на два фронта: противъ „крайне-сліятельнаго направленія, отнимающаго у еврейства все и оставляющаго ему только его кодексы", и противъ сторонниковъ новаго „исхода". Крайнихъ ассимиляторовъ онъ не одобрялъ, горячо доказывая, что еврейская національность—не индивидуальное достояніе, отъ котораго можно отречься, а наслѣдіе вѣковъ и будущность грядущихъ поколѣній. Онъ осуждалъ родителей, воспитывавшихъ дѣтей только для карьеры и гнавшихся за внѣшнимъ европейскимъ лоскомъ, не думая о томъ, что отчужде-

ніемъ молодого поколѣнія отъ еврейской націи они лишаютъ молодежь возможности имѣть нравственную опору въ періоды обще-національныхъ бѣдствій, какъ во время погромовъ, когда молодежь стала смотрѣть на своихъ родителей „съ улыбкой горькой обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ" (№ 34, перед. ст.). Съ другой стороны „Рус. Еврей" возмущался тѣми, которые, окончательно извѣрившись въ благотворности прогресса и цивилизаціи, оплевываютъ все прошлое русско-еврейской интеллигенціи и гражданственности, закидываютъ грязью „все то, за что страдали и боролись лучшіе и безкорыстнѣйшіе наши дѣятели, благороднѣйшіе и даровитѣйшіе сыны народа нашего" (№ 15, перед. ст.).

По поводу спора о томъ, могутъ-ли евреи, не имѣя своей собственной территоріи, считаться націей, „Русскій Еврей" указываетъ на общность происхожденія, общій типъ, расовыя особенности, сознаніе своего единства и индивидуальнаго существованія: „Да что такое послѣ этого нація, если къ евреямъ этотъ терминъ не идетъ? Неужели случайная масса людей, живущихъ на „своей" территоріи, больше заслуживаетъ названія національности, чѣмъ народность, которую не могли стереть и смять двухъ-тысячелѣтнія преслѣдованія?" (№ 42, нед. обз.).

Къ концу 1882 г., во время наступившаго затишья, „Рус. Еврей" снова формулировалъ свои задачи, поставленныя имъ еще наканунѣ погромовъ: *„поощреніе образованія, производительнаго труда и распространеніе въ нашемъ обществѣ знанія нашего прошлаго и нашей литературы"* (курс. подл., въ объявленіи о подпискѣ на 1883 г.).

IX.

Событія 1881—1882 г.г. окончательно порвали связь, существовавшую раньше между правительствомъ и той частью еврейской интеллигенціи, которая въ значительномъ числѣ, благодаря правительственнымъ попеченіямъ и привилегіямъ, завоевала себѣ видное мѣсто въ сферѣ либеральныхъ профессій. Ростъ оппозиціонности въ этой средѣ намѣтился еще въ одесскомъ „Днѣ" (см. *Евр. Стар.* 1915 г. II, стр. 133—134) и усилился въ концѣ 70-хъ годовъ. Въ русско-еврейской журналистикѣ начала 80-хъ годовъ этотъ духъ протеста особенно ярко проявился въ „Восходѣ", единственномъ органѣ русско-еврейской журналистики, который издавался безъ предварительной цензуры. Погромныя событія 1882 г. (когда начала издаваться „Недѣльная Хроника Восхода") нашли поэтому въ журналѣ наиболѣе яркую оцѣнку.

Въ то же время и лозунгъ самообороны (попытки которой наблюдались въ различныхъ пунктахъ разгромленной „черты“) особенно настойчиво звучалъ въ „Восходѣ“. „Разсвѣтъ“, всецѣло поглощенный эмиграціонной проблемой, только мимоходомъ (въ перед. ст. № 16 за 1882 г.) затронулъ вопросъ о разрѣшеніи самообороны, а „Русскій Еврей“ былъ слишкомъ робокъ, чтобы провозгласить такой девизъ. Послѣ балтскаго погрома, „Восходъ“ горячо призывалъ къ самозащитѣ, какъ „единственному спасенію“, какъ къ дѣлу, объ организаціи котораго нужно „прежде всего думать“. „Очень можетъ быть“,—говорится въ редакціонной статьѣ „Нед. Хр. Восх.“,—что когда сами евреи вздумаютъ прибѣгнуть къ самозащитѣ, то при первомъ столкновеніи съ погромщиками и грабителями ударъ выйдетъ сильнѣе, наказаніе будетъ остервененнѣе. Но она, несомнѣнно, отвратитъ дальнѣйшія послѣдствія и предотвратитъ нападенія въ будущемъ. Грубой силѣ можно только противопоставить силу же. Ей одной она только и покоряется“ (1882 г. № 15, перед. ст.).

О томъ, какое потрясающее дѣйствіе произвели погромы на обрусившуюся еврейскую интеллигенцію, даютъ особенно яркое представленіе отрывки изъ „частной переписки“, печатавшейся въ „Нед. Хрон. Восхода“ *). Оттолкнутая, оскорбленная, интеллигенція потянулась къ родной націи, отдаваясь преимущественно дѣлу экономической самопомощи бѣдствующей еврейской массѣ. Но не сразу совершился этотъ переходъ отъ „чужихъ виноградниковъ“ къ своимъ. Остались еще значительные элементы, индиферентные къ народному дѣлу, на что горько сѣтовала еврейская печать (см. напр. „Разсвѣтъ“ 1881 г. № 49, перед. ст.). Особенно еврейская интеллигентная женщина, лишенная по своему воспитанію тѣхъ связей съ еврейской культурой, которыя возвращали къ народу удалившуюся отъ него часть мужской интеллигенціи, оставалась и въ періодъ кризиса вдали отъ народныхъ нуждъ. Это явленіе было отмѣчено въ письмѣ въ редакцію „Разсвѣта“ (1881 г. № 44) за подписью „Еврейка“. Авторъ письма бичуетъ „поражающее равнодушіе, безучастіе и бездѣйствіе русско-еврейской женщины“, которая оказалась „дряблѣе и ничтожнѣе“ своихъ отцовъ, братьевъ и мужей въ самый тревожный моментъ, когда еврейская женщина должна была выступить и „явиться поощрительницей увядающаго національнаго духа...“ „Гдѣ же она, эта желанная русско-еврейская женщина, гдѣ искать ее? Среди-ли темной массы, среди-ли просвѣ-

*) См. *Евр. Стар.* 1916 г. вып. I, стр. 25.

щенныхъ интеллигентовъ? Да есть-ли она еще теперь?! Живетъ-ли она еще гдѣ-нибудь въ тиши?"

Въ разсматриваемый періодъ русско-еврейская печать, взывая къ активности еврейской интеллигенціи, обращала исключительное вниманіе на экономическіе и гражданскіе вопросы, не касаясь національной проблемы. Въ эмиграціонномъ вопросѣ „Восходъ" выступалъ противъ внесенія идеологическихъ споровъ и разногласій. Народныя массы бѣгутъ, разгромленныя и разоренныя. „А мы-то, негодуетъ А. Ландау, здѣсь сидимъ въ нашихъ кабинетахъ, палецъ о палецъ не ударяемъ, чтобы хоть какъ-нибудь организовать, упорядочить это поголовное бѣгство. Мы тутъ сидимъ и забавляемся вопросами: куда?.. Въ Палестину-ли, въ Испанію-ли, или въ Америку?.. Да полно, господа, хоть намъ-то комедію разыгривать... У людей петля на шеѣ, а мы задаемся вопросомъ: куда? Забавляемся разсужденіями на религіозной, нравственной, политической и всякой другой подкладкѣ... Куда? Да не все-ли равно куда? И туда, и сюда, и куда хотите. Время и опытъ уже покажутъ, куда лучше и цѣлесообразнѣе. А пока насытите голодные желудки, покройте окоченѣвшіе члены, дайте кровъ и пристанище матерямъ и ихъ груднымъ дѣтямъ. Удержите людей отъ пропасти, въ которую они бросаются, очертя голову..." И „Восходъ" выдвигаетъ необходимость организаціи эмиграціонныхъ комитетовъ, которые регулировали бы паническое бѣгство (1881 г. октябр. кн., внутр. обозр., стр. 46—47). Въ слѣдующемъ году, когда нашумѣвшая въ свое время аудіенція д-ра Оршанскаго у гр. Игнатьева обнаружила взглядъ правительства на эмиграцію, какъ на желательный исходъ евреевъ изъ Россіи, а „Разсвѣтъ" все настойчивѣе сталъ защищать необходимость организованной эмиграціи,—„Восходъ" все рѣзче выступалъ противъ принципіальныхъ „эмиграціонистовъ". При этомъ приводилась та же аргументація, какою пользовался и „Рус. Евр." (см. гл. V). Отвѣчая на полученныя изъ провинціи упреки въ равнодушіи къ эмиграціонному движенію, редакція „Восхода" указываетъ, что проектируемые „Разсвѣтомъ" и д-ромъ Оршанскимъ эмиграціонные комитеты могли-бы послужить орудіемъ въ рукахъ юдофобовъ для дискредитированія гражданственности евреевъ, для обвиненія ихъ въ томъ, что „при малѣйшей невзгодѣ евреи не только бѣгутъ сами, но ихъ лучшіе люди поощряютъ всевозможнымъ образомъ эмиграцію" (Хрон. 1882 г., № 9, перед.; см. также №№ 5, 6, 11, перед. ст.).

Послѣ балтскаго погрома „Восходъ" заговорилъ о невозможности въ такой критическій моментъ давать опредѣленные отвѣты на роковые вопросы. „Спасайся, кто можетъ! — вотъ что развѣ можно

сказать при данныхъ обстоятельствахъ, или-же: сомкнитесь въ строй для защиты и самообороны, и боритесь и защищайтесь, кто какъ можетъ. A la guerre, comme à la guerre!..“ (№ 13, перед. ст.).

Вскорѣ, однако, „Восходъ“ вернулся къ своимъ основнымъ задачамъ—борьбѣ за равноправіе, обличенію политики правительства и полемикѣ съ юдофобской печатью. Онъ рѣзко осуждалъ прежнюю тактику еврейскихъ общественныхъ дѣятелей—систему ходатайствъ передъ высшими властями (такимъ духомъ умѣренности и смиренія проникнута была и публицистика „Русск. Еврея“). Оцѣнивая итоги вышеупомянутаго съѣзда общественныхъ дѣятелей, „Недѣл. Хроника Восхода“ писала: „Черезъ всѣ засѣданія съѣзда проходитъ одинъ мотивъ—желаніе „разъяснить и указать мѣры къ предотвращенію погромовъ“, „исходатайствовать властное слово“ къ умиротворенію разнуздавшихся страстей буйной толпы. Спрашивается, до какой степени деморализаціи, нравственнаго приниженія, необходимо дойти, чтобы вмѣсто самаго рѣзкаго и рѣшительнаго протеста противъ погромовъ и всевозможныхъ репрессалій, дѣлающихъ еврейскому населенію жизнь хуже смерти, ограничиться „указаніями“, „разъясненіями“ и „ходатайствами“?! (№ 39, перед.).

Другой результатъ съѣзда — его торжественная „присяга“ въ отсутствіи „кагала“ у евреевъ и унизительная форма этой деклараціи—не нашелъ надлежащей оцѣнки въ тогдашней русско-еврейской печати.

„Восходъ“, неоднократно возвращаясь къ итогамъ 1881—1882 гг., отмѣчалъ пассивность лучшей части русскаго общества къ разразившейся надъ евреями катастрофѣ. Какъ извѣстно, только отдѣльные представители русской интеллигенціи: Влад. Соловьевъ, Щедринъ, Мордовцевъ и нѣкоторые другіе—въ той или другой формѣ протестовали противъ погромовъ. А 50-лѣтній юбилей Пирогова, совпавшій съ первой погромной грозой, заставилъ еврейскую интеллигенцію вспомнить (въ ея адресахъ юбиляру) о своемъ лучшемъ и неизмѣнномъ другѣ. Русская-же интеллигенція въ цѣломъ осталась совершенно пассивной, что особенно рѣзко бросалось въ глаза послѣ варшавскаго погрома, когда лучшая часть польскаго общества громко выразила—и въ печати, и на собраніяхъ, и въ организаціи помощи пострадавшимъ—свое негодованіе противъ погромовъ и противъ русской юдофобской печати, злорадно констатировавшей, что и культурная Польша присоединилась къ погромной полосѣ (см. „Рус. Евр.“ 1881 г. № 52).

Въ „Разсвѣтѣ“ приведено было интересное письмо христіанина изъ Звенигородки. Авторъ указываетъ на необходимость организаціи

той части русскаго общества, которая сочувствуетъ евреямъ, и увѣряетъ, что такихъ сочувствующихъ много, но они привыкли дѣйствовать „по предписаніямъ“, а не по собственной иниціативѣ. Онъ поэтому предлагаетъ организовать „Русскій комитетъ друзей еврейства“, который поставилъ бы своей задачей—помогать евреямъ и предотвращать дальнѣйшіе погромы путемъ распространенія здравыхъ понятій о евреяхъ и организаціи защиты для нихъ. Въ сочувственномъ-же духѣ получено было коллективное письмо и отъ нѣкоторыхъ другихъ христіанъ („Разсв.“ 1882 г., № 19, стр. 707 и 708). Но подобные голоса оставались одинокими.

Только послѣ года погромовъ, когда поднята была усиленная тревога въ западной Европѣ и Америкѣ, въ печати и парламентахъ *), а съ другой стороны появились признаки финансоваго кризиса,—раздался въ Россіи первый общественный протестъ. Но онъ исходилъ отъ узкаго круга московскихъ промышленниковъ и мотивировался (въ заявленіи на имя министра финансовъ) исключительно экономическими интересами. Выходило такъ — коментировалъ этотъ фактъ „Восходъ“,—что „вся интеллигентная часть русскаго общества хранила гробовое молчаніе, потому что она не могла говорить отъ имени интересовъ кармана, хотя моральные интересы этой мыслящей части русскаго общества страдали въ тысячу разъ больше, чѣмъ интересы одного торгово-промышленнаго сословія“ („Нед. Хр.“ 1882 г., № 23, перед. ст.).

Возвращаясь снова къ этому вопросу, „Восходъ“ приходитъ къ заключенію, что русское общество—это „фикція“, что русскаго общественнаго мнѣнія „нѣтъ и въ зародышѣ“. При этомъ „Восходъ“ вспоминаетъ, какъ наканунѣ „эпохи великихъ реформъ“ сравнительно мелкій фактъ (оскорбительная выходка „Иллюстраціи“ по адресу евреевъ) вызвалъ внушительный протестъ русскихъ писателей, изъ которыхъ иные—какъ И. С. Аксаковъ и др.—оказались въ началѣ 80-хъ годовъ въ лагерѣ юдофобовъ (№ 35, перед.).

При такихъ обстоятельствахъ особенно тяжело было моральное состояніе еврейской интеллигенціи, недавно лишь считавшей себя органическою частью русскаго общества. Когда „Голосъ“, неоднократно мѣнявшій свою позицію въ еврейскомъ вопросѣ, заговорилъ послѣ погромовъ о необходимости воспитанія еврейской массы въ духѣ русской гражданственности, „Восходъ“ съ большой горечью указалъ на безпочвенность такой пропаганды: „Да, говоря на чистоту, по какому праву еврейская интеллигенція стала-бы теперь-то проповѣ-

*) См. *Евр. Стар.* 1916 г., вып. I, стр. 3—7.

дывать своей низшей братіи объ отожествленіи со всѣмъ русскимъ? Какіе такіе идеалы и блага она могла-бы сулить не только этой безправной, нищей массѣ, но даже образовывающемуся молодому поколѣнію, отъ общенія съ русскимъ обществомъ, теперь-то, *въ наше-то время*, на горячихъ слѣдахъ чудовищныхъ оргій самобытной политики и самобытнаго русскаго кулака?" Нельзя проповѣдывать русскую гражданственность, когда еврейская народная масса ищетъ спасенія въ эмиграціи. Очередь теперь не за еврейской интеллигенціей, а за представителями русской интеллигенціи, которые должны проповѣдывать русскому обществу искупленіе,—„искупленіе того позора, которымъ оно покрыло себя во время погромовъ, не поднимая ни своего протестующаго голоса противъ этихъ неистовствъ, ни своей благотворительной руки для оказанія помощи пострадавшимъ отъ нихъ". — „А если вы не въ состояніи сдѣлать это — обращается „Восходъ" къ русскимъ публицистамъ,—если вы не въ силахъ расшевелить возмутительную въ этомъ отношеніи апатію русскаго общества, если вы не въ силахъ побудить его искупить весь этотъ грѣхъ, весь этотъ позоръ, то дайте хоть срокъ набросить на все это покровъ забвенія. И когда наступитъ время, повѣрьте, за еврейской интеллигенціей дѣло не станетъ" (№ 35, перед. ст.).

И. Сосисъ.

„Пустыня“ въ исторіи и идеологіи древняго Израиля.

Разгромъ Израильскаго царства ассирійцами въ 722 году и окончательное завоеваніе Іудейскаго вавилонянами въ 586 году были не только рѣшающими событіями *политической* жизни Израиля: они и въ отношеніи *духовной* культуры сыграли роль поворотныхъ пунктовъ, знаменовавшихъ собою новыя цѣли и пути религіи Израиля и новыя формы его идейнаго уклада. Установленіе этого историческаго факта и соотвѣтствующее ему освѣщеніе всего древнѣйшаго періода еврейской исторіи является великой заслугой „историко-критической“ школы библейской науки, такъ какъ этимъ было положено начало стройному, координированному развитію всѣхъ библейскихъ дисциплинъ.

Согласно этому воззрѣнію, разгромъ Самаріи окончательно поколебалъ старый взглядъ на Іагве, какъ на покровителя и защитника Израиля quand même, и создалъ благопріятную почву для усвоенія пророческаго ученія объ условномъ, т. е. *этическомъ* характерѣ связи между Іагве и Израилемъ. Возникшее на этой почвѣ религіозно-національное движеніе завершилось провозглашеніемъ (въ 622 году) Второзаконія, какъ государственно-обязательнаго акта, и коренной реформой всего религіознаго быта на основѣ централизаціи культа и освобожденія его отъ пережитковъ анимизма и явныхъ остатковъ ханаанейскаго ваализма.

Паденіе Іерусалима и полное уничтоженіе политической жизни Израиля внесли еще бóльшую смуту въ руководящіе умы. Для уразумѣнія обрушившихся грозныхъ событій приходилось уже не только перетолковывать *содержаніе* Синайскаго союза: самый договоръ между Іагве и Израилемъ казался теперь совершенно расторгнутымъ и—въ виду завоеванія всей Палестины врагомъ—лишеннымъ своего наиболѣе реальнаго объекта. Пророческое ученіе о *„священномъ остаткѣ“*, который сохранится и обратится (schear

jaschub, Исаія 10, 19—22 и др.), оказалось теперь отвѣчающимъ на запросы времени; будучи воспринято вавилонскими изгнанниками, оно положило начало той религіозной и литературной работѣ, которая получила свое полное выраженіе, съ одной стороны, въ „Законѣ о святости“ (Левитъ, гл. 17—26), а съ другой въ Священническомъ Кодексѣ, возведенномъ Великимъ Соборомъ 444-го года (Нехемія, гл. 8—10) на степень основного акта новой религіозной жизни.

Такимъ образомъ, историко-критическая школа устанавливаетъ въ израильской исторіи два періода наиболѣе усиленнаго идейнаго творчества и слѣдующаго за нимъ бытового переустройства: во второй половинѣ VIII-го вѣка и въ серединѣ VI-го вѣка, и эти два періода служатъ вѣхами для раздѣленія всей древнѣйшей исторіи евреевъ на три эпохи: до-пророческую, пророческую (причемъ подъ пророками въ этой терминологіи разумѣются „письменные“ пророки отъ Амоса до Исаіи II-го) и послѣ-плѣнную (nachexilisch). Этимъ тремъ эпохамъ соотвѣтствуютъ, какъ извѣстно, три законодательныхъ памятника (Книга Союза и упомянутые выше Второзаконіе и Священническій Кодексъ), три пласта библейской литературы (Іагвистическо-Элогистическій, Девтерономическій и Священническій) и лежащія въ основѣ этихъ идеологическихъ тріадъ три формы политической жизни Израиля: преобладаніе Сѣвера (Эфраима), концентрація на Югѣ (въ царствѣ Іуды) и гегемонія иноземной державы (Вавилоніи и Персіи),

Въ области религіознаго быта и литературнаго творчества это тройственное дѣленіе впервые провелъ, съ непревзойденной послѣдовательностью и законченностью, Велльгаузенъ въ своихъ „Prolegomena“. Основываясь на свидѣтельствахъ самихъ библейскихъ памятниковъ, сопоставляемыхъ имъ согласно его общему взгляду на эволюцію израильской исторіи, онъ даетъ въ хронологическомъ разрѣзѣ рядъ характеристикъ различныхъ сторонъ бытовой и литературной исторіи Израиля, которыя въ суммѣ своей составляютъ полную картину исторіи культа и письменности.

Въ настоящемъ очеркѣ мы хотимъ сдѣлать попытку примѣнить аналогичный методъ къ освѣщенію одного частнаго вопроса израильской духовной жизни, сыгравшаго, на нашъ взглядъ, значительную роль при кристаллизаціи пророческаго міровоззрѣнія,—а именно вопроса о томъ, какую роль играла „пустыня“ (midbar) въ исторіи Израиля и, главнымъ образомъ, каково было *отношеніе израильтянъ къ своему кочевому прошлому* въ различные моменты библейской эпохи.

Основными предпосылками нашего изложенія являются: 1) дѣленіе Шестикнижія на упомянутые выше три пласта и 2) ихъ датировка (приблизительная) IX-мъ, VII-мъ и V-мъ вѣками. Прямо вытекающія изъ этихъ предпосылокъ свидѣтельства о религіи, литературѣ и бытѣ Израиля въ тотъ или иной періодъ будутъ нами приводиться лишь со ссылками на соотвѣтственныя библейскія цитаты, но безъ особаго каждый разъ объясненія, почему настоящая цитата характерна именно для того, а не для другого періода: фактъ ея принадлежности къ данному источнику implicite заключаетъ въ себѣ и ея датировку. Въ дѣленіи источниковъ, не только основныя черты, но и крупныя детали котораго не вызываютъ больше споровъ въ библейской наукѣ, мы придерживаемся труда Кауцша „Die Heilige Schrift" (III-е изд., 1909—1910).

I.

1. Подъ „пустыней", поскольку рѣчь идетъ о ней не какъ объ идеологическомъ, а какъ о реальномъ факторѣ израильской исторіи, мы разумѣемъ *Сирійско-Аравійскую степь*, отъ Суэцкаго залива до Евфрата, которая служила (и служитъ понынѣ) переходнымъ этапомъ для всѣхъ аравійскихъ кочевниковъ на ихъ пути къ культурнымъ областямъ сѣвера и сѣверо-запада. Аравія представляетъ изъ себя, какъ извѣстно, родину всѣхъ семитовъ, тотъ резервуаръ, изъ котораго накоплявшееся въ теченіе вѣковъ избыточное населеніе періодическими — приблизительно, черезъ каждыя полтора тысячелѣтія—волнами выбрасывалось къ побережью Средиземнаго моря, къ отрогамъ Тавра и къ обширной и плодородной долинѣ Двурѣчья. Такихъ главныхъ волнъ обыкновенно насчитываютъ четыре: вавилоно-ассирійскую (ок. 4000 лѣтъ до хр. эры), аморейскую (ок. 2500 л.), арамейскую (около 1000 л.) и арабскую (ок. середины I тысячелѣтія послѣ хр. эры). Эбериты (бне-Эберъ), къ которымъ наряду съ моабитянами, аммонитянами и эдомитянами принадлежали и израильтяне, были, очевидно, принесены къ преддверію Палестины послѣднимъ всплескомъ аморейской волны и до вторженія въ страну кочевали у границъ ея, въ западной части Сирійско-Аравійской степи. Процессъ внѣдренія въ культурныя области совершался медленно: по мѣрѣ осѣданія въ нихъ, изъ расплывчатыхъ этническихъ массъ выкристаллизовывались въ извѣстной хронологической и географической послѣдовательности опредѣленныя племенныя индивидуальности. Заселеніе Пріорданья, исходившее изъ Аравіи, какъ изъ центра, должно было есте-

ственно идти въ направленіи отъ ю.-в. къ с.-з.,—и дѣйствительно, Моабъ осѣлъ раньше Аммона, за ними послѣдовалъ Израиль, и лишь Эдомъ, отколовшись отъ Израиля и найдя всѣ окружающія области занятыми, былъ вынужденъ продвинуться на югъ.

Какъ долго могло продолжаться это кочеванье у границъ орошаемой и годной для осѣдлой жизни страны, — на этотъ вопросъ можно дать только очень неопредѣленный отвѣтъ, такъ какъ начало этой эпохи не поддается даже приблизительному прямому опредѣленію. Если, согласно мнѣнію большинства современныхъ изслѣдователей, считать, что гиксосы были занесены въ Египетъ тѣмъ же семитическимъ движеніемъ, которое привело эберитовъ къ областямъ Кадеша, Петры и Хаурана, а съ другой стороны—что „хабиры“ Эль-Амарнскихъ таблицъ тождественны съ эберитами въ тотъ періодъ, когда они уже угрожали непосредственно Ханаану, то длительность этой кочевой эпохи надо будетъ опредѣлить въ 500 лѣтъ (отъ конца XIX в. до середины XIV в.). Это полутысячелѣтіе и представляетъ собою тотъ періодъ, къ которому въ позднѣйшее время относили почти все „классическое“ духовное творчество Израиля: основаніе Іагвизма, пребываніе въ Египтѣ и выходъ изъ него, законодательство и религіозно-бытовое устройство израильскихъ колѣнъ.

Въ предѣлы намѣченной нами темы не входитъ разсмотрѣніе вопроса о достовѣрности и дѣйствительномъ содержаніи всѣхъ тѣхъ событій, которыя послѣдующіе вѣка неизмѣнно связывали съ эпохой кочеванья. Связь между этими событіями и между пустыней въ большинствѣ случаевъ чисто внѣшняя: пустыня является лишь сценаріемъ, тѣмъ только абстрактно-географическимъ, а не реально-бытовымъ фономъ, на который творческая мысль и фантазія позднѣйшихъ поколѣній отбрасывала претворенныя ею формы религіозной и исторической традиціи.

Не какъ странствующіе бедуины (подобно изображеннымъ на гробницѣ въ Бени-Гассанъ „аму“ пустыни) приходятъ, по библейскому сказанію, израильтяне въ Египетъ, а изъ застроенной городами страны, изъ центра Ханаана—Сихема (Бытіе 37, 12), гдѣ они занимались не однимъ только скотоводствомъ, но и земледѣліемъ (Бытіе 33, 19; 37, 7). Не какъ свободныя полчища кочевниковъ, все достояніе которыхъ заключается въ стадахъ и палаткахъ, продвигаются израильскія колѣна отъ Синая до Мертваго моря, а какъ стройно, чуть ли не государственно, организованное цѣлое съ богато разукрашеннымъ, великолѣпнымъ, по тогдашнимъ представленіямъ, переноснымъ храмомъ въ центрѣ и съ обширнымъ,

іерархически сгруппированнымъ духовенствомъ вокругъ него. Очевидно, ретроспективное творчество позднѣйшихъ вѣковъ характеризовало давно минувшую эпоху чертами *своей* культурной среды, глубоко отличной отъ описываемой, и вытекавшіе отсюда многочисленные анахронизмы и служили главнымъ основаніемъ для отрицанія библейскими критиками всякой исторической достовѣрности за неточно или неправильно описанными историческими событіями.

Въ этомъ отношеніи за послѣдніе 2—3 десятилѣтія въ наукѣ произошелъ, какъ извѣстно, рѣзкій переломъ, обусловленный главнымъ образомъ открытіемъ многихъ памятниковъ, относящихся къ исторіи древняго Востока въ первую половину II-го тысячелѣтія до хр. эры: въ этой расширенной на полтысячелѣтія перспективѣ находятъ себѣ мѣсто тѣ событія, которыя раньше историкъ считалъ себя вынужденнымъ признавать легендарными. Для трактуемаго здѣсь вопроса это, смѣнившее прежнее полное отрицаніе, болѣе положительное отношеніе исторической науки къ библейской традиціи представляетъ интересъ постольку, поскольку, основываясь на всей совокупности добытыхъ раскопками и исторической критикой данныхъ, большинство современныхъ изслѣдователей относитъ еще къ до-палестинской, т. е. кочевой эпохѣ еврейской исторіи возникновеніе, хотя бы въ зачаточной формѣ, идеи общеизраильскаго единства и Іагвизма, какъ религіознаго воплощенія его.

Таковой представляется въ самыхъ общихъ контурахъ роль пустыни въ тотъ, обычно называемый „до-историческимъ", періодъ исторіи Израиля, когда пустыня служила для него географической и соціальной средой, т. е. была наиболѣе крупнымъ факторомъ его нарождавшейся культуры.

2. Каково же отраженіе этого древнѣйшаго періода въ библейской письменности?

Въ той мѣрѣ, въ какой библейскія преданія о разсматриваемой эпохѣ могутъ, согласно вышесказанному, служить характеристикой не самого кочевого быта, а лишь тѣхъ періодовъ израильской исторіи, когда эти преданія возникли или получили ту форму, въ которой они до насъ дошли, они будутъ разобраны въ соотвѣтственныхъ главахъ настоящаго очерка. Здѣсь же мы хотимъ разсмотрѣть вопросъ, сохранились ли и могли ли вообще сохраниться въ библейской письменности какіе-нибудь *непосредственные* литературные слѣды этой эпохи, которые не только абстрактной *темой*, но и *конкретной формой* своей были бы связаны съ кочевой

жизнью и въ самомъ созвучьи словъ своихъ донесли бы до насъ отголосокъ сирійско-аравійскихъ степей?

Еще одно-два десятилѣтія тому назадъ самая постановка подобнаго вопроса представлялась бы съ научной точки зрѣнія ересью. Основной тезисъ „классической“ школы библейской науки, гласившій, что „исторію народа, къ какимъ бы древнѣйшимъ временамъ ни восходить, нельзя довести дальше той эпохи, въ которую возникъ самъ народъ“ (Wellhausen, Isr. u. jüd. Gesch., 11), считался вполнѣ примѣнимымъ и къ исторіи литературы. Но научная эволюція послѣднихъ десятилѣтій въ значительной мѣрѣ поколебала приведенный тезисъ, такъ какъ сравнительный анализъ древнѣйшихъ и первобытныхъ литературъ показалъ, что и въ считавшихся чисто-легендарными пластахъ древней письменности часто заключается ядро достовѣрныхъ историческихъ воспоминаній, которыя могутъ восходить даже до эпохи, предшествовавшей возникновенію даннаго народа, какъ *вполнѣ опредѣлившагося* этническаго цѣлаго.

И въ этомъ смыслѣ можно сказать, что литература народа можетъ быть древнѣе его самого. Племена и кланы, слившіеся въ народъ, могли внести въ его зарождающуюся духовную культуру смутныя, но—въ силу древности и самобытности своей—живучія и творчески-дѣйственныя воспоминанія, не только какъ элементъ *бытовой традиціи*, но и какъ облеченныя въ примитивную форму *словесныя произведенія*—эмбріонъ позднѣйшей народной литературы.

Древнѣйшей и наиболѣе примитивной литературной формой у Израиля, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, была пѣсня, и потому вышеприведенный вопросъ нашъ можно формулировать такъ: сохранились ли среди дошедшихъ до насъ въ Библіи—обычно въ видѣ включенныхъ въ повѣствованіе фрагментовъ и цитатъ—древнихъ пѣсенъ такія, возникновеніе которыхъ можетъ быть съ извѣстнымъ основаніемъ отнесено къ кочевому періоду израильской исторіи?

Въ 21-й главѣ книги Чиселъ, въ разсказѣ о странствованіи израильтянъ изъ Синайской пустыни въ Ханаанъ, описываются приключенія ихъ въ Заіорданьи въ областяхъ, населенныхъ эдомитянами и моабитянами, и — вѣроятно, въ связи съ засухой или жаждой, отъ которой имъ приходилось тамъ страдать—цитируется слѣдующая „пѣснь о колодезѣ“, которую „спѣлъ тогда Израиль“:

„Наполнись, колодезь!“—такъ пойте ему:—
„Тебя рыли князья,

„Буравили вожди народные
„Своими жезлами, своими посохами—
„*Ты—даръ пустыни!*“ (Числа 21, 17—18 *).

Мѣстность, къ которой относится этотъ разсказъ, такъ и прозванная „Беерь“ (колодезь), нѣсколько выше характеризуется такъ: „Это и есть тотъ самый Беерь, о которомъ Іагве сказалъ Моисею: собери народъ—и *Я* дамъ имъ воды!“

Независимо отъ вопроса объ *исторической* достовѣрности разсказа (въ немъ въ сущности нѣтъ никакого *факта*, который могъ бы вообще претендовать на достовѣрность), совершенно очевидно, что въ этомъ отрывкѣ мы имѣемъ дѣло съ древнѣйшей *литературной* традиціей. Дѣйствительно, предшествующіе стихи 21-ой главы представляютъ собою обычный въ книгѣ Чиселъ перечень стоянокъ израильтянъ въ пустынѣ: „и двинулись они далѣе изъ Оботъ и расположились лагеремъ въ мѣстности Иіе-Гаабаримъ; и двинувшись оттуда, остановились въ долинѣ рѣки Зередъ“ и т. д. И вотъ, дойдя въ этомъ сухомъ реестрѣ географическихъ названій до имени Беерь, одинъ изъ авторовъ (или глоссаторъ) счелъ умѣстнымъ включить въ свой перечень тѣ извѣстные ему древнѣйшіе поэтическіе отрывки, которые сохранила народная память (вѣроятно въ сборникахъ, на подобіе цитируемой въ той же главѣ „Книги войнъ Іагве“) и возникновеніе которыхъ она, надо думать, неизмѣнно пріурочивала именно къ данной мѣстности. Мы имѣли бы въ такомъ случаѣ предъ собою типичный образецъ того весьма распространеннаго вида *локальной* народной поэзіи, гдѣ въ формѣ пѣсни или сказанія объясняется происхожденіе названія данной мѣстности,—вопросъ, далеко не праздный для античнаго человѣка, умъ котораго не воспринималъ названій безразлично, а представлялъ себѣ, что названіе должно выражать самую сущность предмета. Ясно, что этотъ видъ народной поэзіи неразрывно связанъ съ той мѣстностью, которая является его темой, ибо лишь для жителей Бетъ-Эля, Беерь-Шебы и т. д. вопросъ о происхожденіи названія ихъ родины имѣлъ живой, реальный интересъ. Такимъ образомъ приведенная выше „пѣснь о колодезѣ“ — совершенно безотносительно къ вопросу о странствованіи „12-ти колѣнъ

*) Конецъ 18-го стиха читается, отчасти согласно Septuagint'ѣ, отчасти согласно Самаританской версіи: „bimechokekam bemisch'anotemo mimidbar mattana“. Начало XIX ст., также по LXX, слѣдуетъ читать: umibeer nachaliel, и тогда этотъ стихъ непосредственно примыкаетъ къ первой половинѣ XVI ст., какъ продолженіе прерваннаго ради пояснительныхъ цитатъ перечня стоянокъ.

израильскихъ“ черезъ области Эдома и Моаба — переноситъ насъ въ Заіорданье, къ границамъ Сирійско-Аравійской степи, въ ту незапамятную эпоху, когда появленіе воды въ колодезѣ—вѣроятно, послѣ періода лѣтней засухи или песчаныхъ заносовъ,—неизмѣнно поражая примитивное воображеніе, встрѣчалось пѣньемъ мѣстныхъ жителей, собиравшихся вокругъ колодезя со своими шейхами во главѣ, и сопровождалось символическими, а можетъ быть и какими-либо культовыми, дѣйствіями надъ колодеземъ, пережитками былого анимизма. Мы находимся здѣсь, очевидно, на зарѣ израильской исторіи.

Въ ту же, или близкую ей, эпоху переносятъ насъ и двѣ другія, сохранившіяся въ той же книгѣ Чиселъ пѣсни, занимающія понынѣ почетное мѣсто въ синагогальной литургіи. Мы имѣемъ въ виду стихотворные возгласы, сопровождавшіе передвиженіе того священнаго предмета, преданіе о которомъ не сохранило ни достовѣрнаго описанія, ни назначенія его, а лишь неопредѣленное имя „кивота“ (аронъ). „Когда кивотъ начиналъ шествіе“, восклицали:

„Встань, Іагве!—
„И да разсѣются враги Твои,
„И да разбѣгутся недруги Твои предъ лицомъ Твоимъ!“

Когда же кивотъ „возвращался на мѣсто“, возглашали:

„Возсядь, Іагве!
„И благослови
„Миріады Израиля!“ (10, 35—36).

Совершенно не затрагивая вопроса о томъ, былъ ли кивотъ фетишемъ или трономъ, былъ ли онъ пустъ или заключалъ въ себѣ какой-либо священный предметъ и какой именно, былъ ли онъ исконно-израильской принадлежностью культа или заимствованной у кенитянъ или египтянъ; не касаясь вообще совокупности сложныхъ проблемъ, связанныхъ съ кивотомъ,—мы на основаніи всего того, что намъ о немъ извѣстно, и прежде всего на основаніи вышеприведенныхъ пѣсенъ, должны считать неоспоримымъ, что онъ былъ *переноснымъ* предметомъ культа, причемъ это свойство его не было случайнымъ, какъ то, напримѣръ, разсказывается о кивотѣ въ эпоху Самуила (I Сам., гл. 4—7), а первичнымъ и составляющимъ самую его сущность; передвижной же кивотъ есть главная принадлежность религіознаго культа номадовъ, и потому связанныя съ нимъ и выражающія его кочевой характеръ обрядовыя пѣсни корнями своими, несомнѣнно, теряются въ пескахъ Сирійско-Аравійской степи.

Мы ограничимся этими двумя наиболѣе яркими примѣрами литературныхъ пережитковъ, чтобы считать установленнымъ, что на пустыню, какъ на пра-родину израильтянъ, указываетъ не только этнографія, не только нѣкоторые пласты позднѣйшей, уже не свободной отъ тенденціи, подчасъ и отъ примитивной учености, исторіографіи Израиля, но что туда же ведутъ и древнѣйшія произведенія его народной словесности, словно чудомъ пережившія не только „вѣковъ завистливую даль“, но и всю многообразную, полную превратностей судьбу „священнаго канона“. Этимъ положеніемъ мы, конечно, имѣемъ въ виду не подкрѣпить выводы науки свидѣтельствомъ библейскаго текста, а лишь установить тотъ, весьма существенный для нашего дальнѣйшаго изложенія, фактъ, что въ израильскомъ народѣ изстари жили вполнѣ конкретныя и связанныя съ его литературой и бытомъ воспоминанія о томъ, что нѣкогда онъ кочевалъ въ степяхъ, тянущихся къ югу и юго-востоку отъ его нынѣшней родины и что съ *пустыней сплетена его древнѣйшая исторія*.

II.

1. Съ переходомъ къ осѣдлой жизни реальная связь съ пустыней, естественно, порывается. Процессъ этотъ, конечно, совершается не сразу, такъ какъ ему должно предшествовать завоеваніе занятыхъ ханаанеянами областей, и протекаетъ онъ въ разныхъ частяхъ страны различно, въ зависимости отъ устанавливающихся съ мѣстнымъ населеніемъ отношеній, отъ относительной военной и культурной силы пришельцевъ и туземцевъ и отъ природныхъ условій данной области. Сихемъ (Суд., гл. 9), города Изреэльской долины (Суд., 1, 27) и Лаишъ (Суд. 18, 27) — вотъ три главныхъ типа внѣдренія израильскихъ кочевниковъ въ Ханаанъ. Продолжительность этого процесса должна быть опредѣлена приблизительно въ триста лѣтъ: отъ начала XIII вѣка, когда были совершены первые набѣги на западно-іорданскую область, до конца XI-го вѣка, когда укоренившіяся привычки и потребности земледѣльческой и городской культуры создаютъ почву для возникновенія царской власти. Начало царствованія Давида мы можемъ считать послѣдней гранью, отдѣляющей окончательно осѣвшій и слившійся съ Ханааномъ Израильскій народъ отъ прежнихъ промежуточныхъ стадій.

Считаемъ нужнымъ оговорить, что на крайнемъ югѣ страны, въ областяхъ, населенныхъ родственными іудейскому племенами

кенитовъ, кенизитовъ, калебитовъ и др., формы кочевой жизни, въ силу естественныхъ условій такъ называемаго Негеба, сохранились значительно дольше и даже, въ сущности, никогда не исчезли совершенно: донынѣ югъ Іудеи, постепенно переходящій въ пустыню, въ значительной части своей населенъ кочующими среди рѣдкихъ поселеній бедуинами. Въ настоящемъ очеркѣ мы, однако, оставляемъ эти племена внѣ разбора, чтобы избѣгнуть чрезмѣрнаго усложненія и сплетенія двухъ близкихъ, но все же самостоятельныхъ проблемъ; вопросъ о народностяхъ Негеба и о связанномъ съ ними, повидимому, глубоко своеобразномъ рехабитскомъ теченіи, въ виду необходимости совершенно иного способа трактовки его, цѣлесообразнѣе выдѣлить изъ общей темы объ Израилѣ и пустынѣ и сдѣлать его предметомъ особаго разсмотрѣнія.

Отнынѣ мы, такимъ образомъ, имѣемъ уже дѣло съ осѣдлымъ Израилемъ, и многочисленные, настоятельные и сложные интересы новой осѣдлой жизни застилаютъ предъ взоромъ молодого народа образы и воспоминанія далекой пустыни. Болѣе того, пустыня, или, точнѣе выражаясь, степь, бывшая нѣкогда кормилицей израильскихъ номадовъ, становится для поселянъ Іудеи и Гилеада угрозой, такъ какъ оттуда можно было ждать набѣга кочевниковъ на стада и неубранныя еще поля израильскія. Правда, теперь, подъ скипетромъ могущественнаго царя, нагнавшаго страхъ на всѣ окружающіе народы и покорившаго многіе изъ нихъ, имъ нечего было бояться этихъ дикихъ ордъ. Но всѣмъ еще хорошо было памятно то тяжелое время, когда бывало нагрянутъ изъ пустыни мидіаниты, амалекитяне и вся та пестрая смѣсь племенъ, которую израильтяне называли суммарнымъ именемъ „народовъ востока" (бене-кедемъ), „истребятъ все, что произрастила земля, и не оставятъ никакого пропитанія для Израиля, а также ни овцы, ни вола, ни осла: ибо они приходили со своимъ скотомъ и со своими шатрами, и было ихъ такое множество, словно саранча — имъ и верблюдамъ ихъ не было числа" (Судьи 6, 4—5). И въ чисто физическомъ смыслѣ пустыня была врагомъ воздѣланной земли, такъ какъ на границѣ между нею и степью послѣдняя очень легко, какъ только ослабѣвала энергія земледѣльца, заглушала его сады и пашни и уничтожала плоды многолѣтнихъ трудовъ.

Поскольку пустыня еще продолжала играть нѣкоторую роль въ исторіи Израиля въ до-царскій періодъ, то была уже не великая Сирійско-Аравійская степь, тянувшаяся отъ моря до моря, а *Іудейская пустыня*, которая въ эту трудную, переходную эпоху народ-

ной жизни давала убѣжище тѣмъ, кто не сумѣлъ приноровиться къ новымъ усложненнымъ потребностямъ времени и, не находя болѣе опоры въ разлагающихся родовыхъ союзахъ, былъ вынужденъ вести въ пустынѣ полу-бродячую жизнь. Сюда стекались къ Давиду, бѣжавшему отъ царскаго преслѣдованія, цѣлыя сотни такихъ отчаявшихся людей, которыхъ библейскій повѣствователь опредѣляетъ, какъ „разнаго рода угнетенныхъ, всѣхъ тѣхъ, у кого были долговыя обязательства, и вообще всякихъ озлобленныхъ людей“ (1 Сам. 22, 2). Но постепенно и эта роль пустыни, какъ убѣжища, сводилась на-нѣтъ, по мѣрѣ того какъ крѣпла государственная организація и народъ приспособлялся къ новымъ, перенятымъ у ханаанеянъ, формамъ жизни.

Это приспособленіе надо понимать не только въ смыслѣ соціально-экономическаго устройства, но и въ смыслѣ религіознаго и вообще духовнаго уклада. Съ заимствованнымъ у ханаанеянъ земледѣліемъ былъ тѣсно связанъ, какъ неразрывная составная часть его, правильный, т. е. „угодный“, а потому и цѣлесообразный, культъ того божества, отъ покровительства котораго исключительно зависѣлъ, по античному міровоззрѣнію, успѣхъ въ данной области труда и безъ помощи котораго всѣ усилія были бы тщетны. Такъ какъ силы земли находились въ полномъ повиновеніи у „господина“ этой земли, у ея „ваала“, то цѣлесообразный, вѣками испытанный культъ этого ваала, точнѣе вааловъ тѣхъ или другихъ мѣстностей, былъ перенятъ израильтянами какъ важнѣйшій элементъ земледѣльческой техники. Создавшійся на этой почвѣ религіозный синкретизмъ могъ принимать самыя разнообразныя формы въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ въ данной области наряду съ земледѣліемъ сохранилось и скотоводство, какую роль въ численномъ и соціальномъ отношеніи продолжали играть въ данной мѣстности ханаанеяне и насколько сильны были локальныя ваалическія традиціи. Постепенно, однако, всѣ эти различія въ оттѣнкахъ сгладились, и *народная* религія стала во всемъ Израилѣ болѣе или менѣе единой: іагвистической по имени, ваалической по содержанію: Іагве сталъ Вааломъ Палестины *). Наряду съ

*) Очень яркой иллюстраціей этого процесса является исторія Пасхи, которая ясно сохранила слѣды своего первоначальнаго характера — праздника кочевниковъ-скотоводовъ подъ позднѣйшими земледѣльческими наслоеніями. Одна изъ стадій религіознаго законодательства Библіи даже сохранила слѣды слiянія этихъ двухъ формъ Пасхи—кочевой и земледѣльческой: „Въ 14-й день перваго мѣсяца, къ вечеру — Пасха для Іагве (т. е. жертвоприношеніе первородныхъ животныхъ), а въ 15-й день того же мѣсяца—праздникъ Опрѣсноковъ для Іагве“ (т. е. приношеніе первинокъ ячменнаго хлѣба: Левитъ 23, 5—6).

Нимъ продолжали еще — аналогично домашнимъ богамъ, „терафимъ“ — существовать и локальные „ваалы“, культъ которыхъ густой зарослью анимистическихъ пережитковъ окружалъ и заглушалъ основной стволъ религіи — Іагвизмъ. Послѣдній, въ этомъ процессѣ приспособленія къ Ханаану, претерпѣлъ глубокія модификаціи: онъ утратилъ свой былой, обусловленный пустыней, суровый характеръ и пріобрѣлъ цѣлый рядъ вакхическихъ чертъ. Въ результатѣ всего этого вѣками продолжавшагося процесса, Іагве потерялъ свою общую органическую связь съ пустыней, какъ со своимъ исконнымъ мѣстожительствомъ, и переселился въ избранное имъ мѣсто въ Палестинѣ. Самое представленіе о томъ, что корни того союза, которымъ неразрывно спаяны Израиль и Іагве, лежатъ въ пустынѣ, стало мало-по-малу исчезать изъ народной памяти.

2. Литературныя произведенія этой переходной эпохи въ полной мѣрѣ отражаютъ обрисованныя нами реальныя историческія условія.

Выкристаллизовавшееся при возникновеніи царской власти и окрѣпшее въ эпоху Давида и Соломона національное сознаніе народа нашло себѣ, какъ извѣстно, яркое выраженіе въ великомъ миѳологическомъ эпосѣ, возсоздавшемъ въ формѣ послѣдовательныхъ цикловъ сказаній историческое и до-историческое прошлое Израиля, вплоть до „первыхъ людей“, родоначальниковъ всего человѣчества. Такъ какъ въ народной памяти сохранились, какъ мы указывали выше, общія воспоминанія о томъ, что древнѣйшая исторія Израиля связана съ пустыней и съ кочевой жизнью, то естественно ожидать, что эта прочная традиція найдетъ себѣ выраженіе и въ израильскомъ эпосѣ. И дѣйствительно, какъ въ трехъ циклахъ о патріархахъ, такъ и въ обширномъ повѣствованіи о Моисеѣ Сирійско-Аравійская степь занимаетъ немало мѣста. Однако, въ той роли, какая приписывается пустынѣ, и въ томъ отношеніи, какое проявляется къ кочевой жизни, ясно выступаетъ та соціально-духовная среда, которая создала этотъ эпосъ, воплотила его въ его нынѣшнюю форму, — среда сросшихся съ Палестиной хлѣбопашцевъ-садоводовъ, не мыслящихъ Израиля внѣ связи съ землей и съ основанной на земледѣліи культурой.

Правда, цѣлый рядъ бытовыхъ сценъ и эпизодовъ, включенныхъ въ этотъ эпосъ, вѣрно и ярко воспроизводитъ жизнь кочевниковъ, или точнѣе полу-бедуиновъ, т. е. бродячихъ пастуховъ, обмѣнявшихъ верблюдовъ на рогатый и мелкій скотъ и изъ глубины пустыни продвинувшихся къ границамъ воздѣлываемой земли; но всѣ эти художественно-правдивые разсказы о спорахъ изъ-за

колодцевъ (Быт., гл. 21 и 26), о раздѣлѣ пастбищъ при размноженіи рода (Быт., гл. 13) и т. п. представляютъ изъ себя въ сущности только *жанръ*, черты котораго могли быть схвачены бытописателемъ у современныхъ ему кочевниковъ-сосѣдей: они не подымаются до высоты *исторіи*, хотя бы въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какой этотъ терминъ пріобрѣтаетъ въ примѣненіи къ библейскому эпосу. Поскольку же послѣдній заключаетъ въ себѣ черты *исторической* традиціи или, по крайней мѣрѣ, оперируетъ съ данными историческаго порядка, онъ стоитъ всецѣло на почвѣ осѣдлой культуры въ Палестинѣ и связанъ тысячами нитей съ сложившимся тамъ бытомъ.

Патріархи ведутъ жизнь, полную странствованій, которая, однако, имѣетъ весьма мало общаго съ настоящей кочевой жизнью. Во-первыхъ, кочевая жизнь имѣетъ своей основой скотоводство, между тѣмъ какъ въ быту патріарховъ, большую роль играетъ и земледѣліе (Быт. 27, 28; 30, 14; 37, 7; 43, 11 и мн. др.); во-вторыхъ, кочевая жизнь неразрывно связана со степью, патріархи же кочуютъ большей частью по Палестинѣ, которая, несмотря на фигурирующія всюду названія городовъ, несмотря также на робкія глоссы о жившихъ тогда въ странѣ ханаанеянахъ (Быт. 12, 6 и 13, 7), мыслится какъ населенная однимъ только родомъ патріарховъ. Это послѣднее противорѣчіе — страна безъ населенія, но съ городами — особенно характерно, такъ какъ оно ясно указываетъ на тотъ идейный процессъ согласованія традиціи (о кочевомъ прошломъ въ пустынѣ) съ дѣйствительностью (городской и земледѣльческой культурой), который лежитъ въ основѣ всего эпоса о патріархахъ. И города, упоминаемые въ связи съ именами великихъ родоначальниковъ Израиля, не суть случайныя географическія названія, приведенныя лишь для конкретизаціи или оживленія разсказа,—это все центры современной повѣствователю политической и, въ первую очередь, религіозной жизни страны, средоточія пышнаго, угоднаго Іагве, какъ „хозяину“ (Ваалу) земли, культа. Роняя какъ бы вскользь свои указанія на основанныя еще патріархами жертвенники и массебы въ Сихемѣ, Бетъ-Элѣ, Хебронѣ, Мицпѣ, Маханаимѣ, Пенуэлѣ, разсказчикъ попутно преслѣдуетъ цѣль — связать нынѣшнюю религіозную жизнь Израиля съ его прошлымъ, окружить новыя, относительно недавно перенятыя у ханаанеянъ, святилища ореоломъ исконно-израильской старины и незапамятной избранности.

Связь патріарховъ съ Палестиной является, такимъ образомъ, *органической*, наряду съ которой отдѣльныя указанія на Харанъ

(Быт. 12, 5) и Уръ (Быт. 15, 7), какъ родину Авраама, играютъ совершенно второстепенную роль. Эти указанія представляютъ изъ себя, какъ и аналогичное указаніе на арамейское происхожденіе Израиля (Второз. 26, 5), въ извѣстномъ смыслѣ, конструкцію автора, которая—независимо отъ вопроса объ обоснованности ея—должна быть названа ученой, въ отличіе отъ *народной* версіи о Палестинѣ, какъ пра-родинѣ патріарховъ, т. е. Израиля *). Мы потому считаемъ правильнымъ назвать вавилонскую версію „ученой“, что она, надо думать, явилась результатомъ позднѣйшаго знакомства израильтянъ съ древними центрами государственности въ Месопотаміи (а въ послѣдующіе вѣка — съ Арамомъ) и была выраженіемъ естественнаго желанія связать себя въ лицѣ своихъ родоначальниковъ съ этими великими народами, конечно, импонировавшими Израилю своимъ могуществомъ и степенью своей культуры (Wellhausen, Isr. u. jüd. Gesch., 9). Но эти построенія не могли вытѣснить коренившагося въ естественномъ чувствѣ народа представленія о томъ, что съ родной почвой, его поилицей и кормилицей, онъ спаянъ испоконъ вѣка. Здѣсь на всѣ лады—на яву, въ сновидѣніяхъ и теофаніяхъ, въ эпосѣ о патріархахъ—варіируется все та же излюбленная тема о нерасторжимой, *природной* связи между Израилемъ и его заповѣднымъ владѣніемъ, Ханааномъ.

Но Ханаанъ былъ для библейскаго эпика X-го и IX-го вѣковъ не только географическимъ понятіемъ: онъ знаменовалъ собою опредѣленный бытъ и жизненный укладъ, основанный на осѣдлости и земледѣльческой культурѣ. И поэтому, если въ повѣствованіи о патріархахъ въ центрѣ событій—вопреки традиціи и самой темѣ, одинаково связанныхъ съ пустыней—оказывается Ханаанъ, то естественно ожидать соотвѣтственнаго отношенія разсказчика и къ кочевой жизни. И дѣйствительно, всюду, гдѣ ему приходится выбирать между формами быта номада и хлѣбопашца-садовода, или, по крайней мѣрѣ, живущаго осѣдлой жизнью, его симпатіи

*) Интересно отмѣтить, что тезисъ о Палестинѣ, какъ родинѣ Авраама, необходимо приводитъ библейскаго повѣствователя къ выводу, что и Лотъ, т. е. объединенныя племена Моаба и Аммона, пришли въ Заіорданье изъ Ханаана (Быт. 13, 3—6). Этнографически, или точнѣе, этно-генетически — ибо такъ слѣдуетъ, конечно, понимать всѣ семейныя взаимоотношенія въ библейскомъ эпосѣ — весь разсказъ о Лотѣ (близость Моаба и Аммона, ихъ родственная связь съ прочими терахитами, ихъ переходъ къ осѣдлости раньше Израиля и т. д.) представляется правильнымъ отраженіемъ дѣйствительныхъ отношеній; тѣмъ рѣзче бросается въ глаза это географически невозможное допущеніе, навязанное повѣствователю его же собственной предпосылкой.

неизмѣнно по сторонѣ послѣдняго. Во всемъ его отношеніи къ землѣ и ея благамъ явственно проглядываетъ міроощущеніе того израильскаго поселянина, который выше всего цѣнилъ „покой и владѣніе“ (Второз. 12, 9) и считалъ жизнь „подъ виноградникомъ своимъ и смоковницей своей“ (1 Цар. 5, 5) истиннымъ назначеніемъ человѣка на землѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ прежде всего сравнительныя оцѣнки Исаака и Измаила, представителя чистой кочевой жизни (Быт. 21, 20), а также Якова и Исава, къ которому повѣствователь не скрываетъ полу-презрительнаго отношенія (Быт. 25, 27—34; 27, 34—39). Жизнь номада представляется ему, привыкшему уже къ благамъ организованной государственности, царствомъ полнаго произвола, въ которомъ господствуетъ мечъ, грубая сила (Быт. 27, 40), въ которомъ человѣкъ подобенъ дикому ослу: „его рука направлена противъ всѣхъ и руки всѣхъ—противъ него“ (Быт. 16, 12). Далѣе, благословеніе, испрашиваемое Исаакомъ у Бога, касается въ первую очередь того, что ближе всего душѣ землепашца: дождя и росы, зерна и виноградного сока (Быт. 27, 28; ср. отрицательную часть благословенія Исава 27, 39). Точно также проклятіе Каина (Быт. 4, 12) говоритъ о землѣ и о ея обработкѣ, и весь ужасъ наказанія состоитъ въ томъ, что Каинъ отрывается отъ воздѣланной имъ пашни и ввергается въ скитальческую жизнь кочевника. Не менѣе характерно и то, что первымъ дѣломъ Ноя на опустошенной потопомъ землѣ является насажденіе виноградной лозы, вѣнца средиземной флоры и символа діонисовской культуры. Проявляющееся во всемъ этомъ отношеніе къ кочевому быту дѣлаетъ намъ понятной ту объективность, съ которой повѣствователь отмѣчаетъ, что для египтянъ эбериты, какъ скотоводы, были омерзеніемъ (Быт. 43, 32; 46, 34): онъ, очевидно, могъ быть увѣреннымъ въ томъ, что сужденіемъ этимъ не задѣнетъ чувства своихъ слушателей и даже, можетъ быть, встрѣтитъ ихъ полное пониманіе и сочувствіе. Мы видимъ, такимъ образомъ, что связь между эпосомъ о патріархахъ и кочевымъ бытомъ оказывается, дѣйствительно, весьма слабой и чисто внѣшней, что въ сущности Ханаанъ является въ этомъ эпосѣ и источникомъ и объектомъ поэтическаго творчества.

Былъ, однако, періодъ въ прошломъ Израиля, воспоминаніе о которомъ было особенно живуче въ народномъ сознаніи, ибо оно болѣе глубокими, внутренними узами было связано съ пустыней: рѣчь идетъ, конечно, о періодѣ странствованія въ степяхъ Синая и Сеира послѣ исхода израильтянъ изъ Египта. Но и въ относящихся сюда частяхъ библейскаго эпоса ясно чувствуется

то же отношеніе библейскаго разсказчика къ пустынѣ, какъ къ чуждому ему и отрицательному началу. Онъ мыслитъ странствованіе израильтянъ въ пустынѣ не какъ естественное, бытовое явленіе, а какъ сознательный, планомѣрный актъ, какъ путешествіе, имѣющее своей единственной цѣлью Ханаанъ. Продолжительность этого странствованія суживается имъ до сорока лѣтъ (Исх. 16, 35), и въ противовѣсъ этому чрезвычайно удлиняется египетское рабство (Быт. 15, 13). Пребываніе въ пустынѣ является для него въ конечномъ счетѣ наказаніемъ за малодушіе и невѣріе (Числа 14, 23), а положительнымъ, цѣннымъ представляется въ немъ только Синайское откровеніе и связанное съ нимъ устройство народа. Повѣствователь, всецѣло стоящій уже на почвѣ государственнаго жизнеустройства и разсматривающій до-царскую эпоху, какъ хаосъ (Суд. 18, 1 и др.), переноситъ и на пустыню черты государственно-подобной организаціи (Исх., гл. 18), и тѣмъ лишаетъ свое описаніе кочевого періода всего характернаго для него и типичнаго, если не считать постоянно повторяющагося мотива о недостаткѣ воды.

Весь этотъ процессъ приспособленія литературной традиціи къ новымъ, обусловленнымъ переходомъ къ осѣдлой жизни, идейнымъ предпосылкамъ кульминируетъ въ томъ переворотѣ, который произошелъ въ изображеніи связи между Іагве и пустыней. Грозный и суровый Богъ Синая, Онъ сначала не покидаетъ своего исконнаго мѣстожительства, и только въ рѣшительные моменты народной жизни „приходитъ изъ Сеира, шествуетъ изъ степи Эдома“ (Суд. 5, 4) и становится во главѣ полчищъ израильскихъ. Затѣмъ въ долгіе и тяжелые годы борьбы съ ханаанеянами и усвоенія ханаанейской культуры, Іагве мыслится все столь же далекимъ и порою даже словно забывшимъ народъ свой на высотахъ Хореба: появленіе „посла Ягве“ передъ домомъ Іоаша вызываетъ со стороны Гидеона удивленный вопросъ: „Развѣ Іагве еще съ нами?“ (Суд. 6, 13). Но постепенно, подъ вліяніемъ окрѣпшаго національнаго сознанія Израиля съ одной стороны, и какъ слѣдствіе религіознаго синкретизма съ другой, связь Іагве съ Ханааномъ упрочивается. Въ своихъ откровеніяхъ Якову Онъ обѣщаетъ никогда не покидать Израиля (Быт. 28, 15), съ нимъ вмѣстѣ *переселиться изъ Ханаана въ Египетъ* и съ нимъ же вернуться изъ Египта въ Ханаанъ (Быт. 46, 4),—что онъ и осуществляетъ впослѣдствіи въ той или иной формѣ (Исх. 16, 10; 23, 20; 33, 3—11 и др.). Въ результатѣ этого процесса сліянія Іагве съ Ханааномъ, Синай, нѣкогда живой источникъ религіознаго твор-

чества, низводится на степень символа, становится отдаленнымъ историческимъ воспоминаніемъ и теряетъ всякую живую связь съ религіознымъ бытомъ осѣдлаго Израиля.

Гдѣ-то далеко, въ тайникахъ народнаго сознанія, въ замкнутыхъ кругахъ „ревнителей Іагве" еще продолжала, вѣроятно, жить память о той порѣ, когда передъ величественными вершинами Хореба или у священныхъ водъ Кадеша впервые открылись другъ другу извѣчный Богъ и юный народъ,—но подлинная религіозная жизнь Израиля была всецѣло заполнена радостнымъ культомъ, шумными пиршествами „передъ лицомъ Іагве" у высотъ Самаріи и Бетъ-Эля, и ихъ вакхическій характеръ нисколько не нарушалъ той новой гармоніи, которая установилась между Израилемъ и его Богомъ въ Ханаанѣ.

Лишь исходя изъ очерченной выше идейной эволюціи, мы можемъ понять то совершенно новое освѣщеніе, которое получила идея „пустыни" въ міровоззрѣніи пророковъ, и оцѣнить ту знаменательную роль, которую она сыграла при выработкѣ историческихъ воззрѣній и эсхатологическихъ чаяній профетизма.

М. Соловейчикъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Воспоминанія о Шаломъ-Алейхемѣ и его литературная переписка.

Была глухая, сумеречная пора 80-хъ годовъ. Что-то рождалось въ нашей богатой языками и обѣднѣвшей содержаніемъ литературѣ, но что именно—не знали и тѣ, которые испытывали родовыя муки. Еще неясны были силуэты дебютировавшихъ тогда будущихъ творцовъ нашего литературнаго ренессанса. Въ литературѣ на древне-еврейскомъ языкѣ еще кишѣли эпигоны „мелицы"—пустой фразеологіи, прикрывавшей убожество мысли. Въ зачинавшейся жаргонной литературѣ разрослись сорныя травы лубочныхъ романовъ Шомера и его компаніи, готовыя заглушить здоровыя сѣмена нашего славнаго сѣятеля, Абрамовича-Менделе. Выросла только литература на русскомъ языкѣ: С. Г. Фругъ принялъ поэтическій жезлъ изъ рукъ Л. Гордона; показались еще нѣкоторыя молодыя силы въ періодическихъ изданіяхъ еврейскаго Петербурга. При всѣхъ своихъ внутреннихъ недостаткахъ, русско-еврейская (т. е. русская по языку) литература того времени имѣла одно безспорное достоинство: европейскій критерій въ пріемахъ и въ оцѣнкѣ литературнаго творчества. Критика принялась тогда чистить авгіевы стойла гебраизма и жаргона. Роль такого чистильщика выпала и на мою долю, и Критикусъ исполнялъ ее въ „Восходѣ" 80-хъ годовъ съ большимъ рвеніемъ. Бывало, получишь изъ редакціи кучу литературныхъ новинокъ для рецензіи, жадно ищешь среди любительскихъ упражненій чего-то подлиннаго, признаковъ литературнаго призванія, и рѣдко-рѣдко находишь такую жемчужину въ книжномъ мусорѣ.

Весною и лѣтомъ 1887 года я съ особеннымъ азартомъ велъ борьбу съ дѣлателями уличныхъ романовъ изъ компаніи Шомера-Шайкевича и вообще съ литературнымъ диллетантизмомъ *).

---

*) См. „Бѣдная еврейская беллетристика", *Восходъ* 1887 г., кн. 5; „Новыя свидѣтельства о бѣдности" (кн. 7–8).

Какъ-то разъ въ кучѣ такихъ „свидѣтельствъ о бѣдности" нашей литературы я нашелъ тоненькую брошюрку: „Dos Messerl"— разсказъ „изъ дѣтскихъ лѣтъ" малоизвѣстнаго еще писателя съ веселымъ псевдонимомъ — *Шаломъ-Алейхемъ.* Чѣмъ-то освѣжающимъ повѣяло на меня отъ этой дѣтской исторіи, безконечно грустной и вмѣстѣ съ тѣмъ полной юмора,—и я отмѣтилъ это въ своемъ критическомъ обзорѣ въ іюль-августовской книжкѣ „Восхода", озаглавленномъ: „Новыя свидѣтельства о бѣдности современной еврейской беллетристики". На разсказецъ Шаломъ-Алейхема я указалъ, какъ на маленькое исключеніе, которое только подтверждаетъ общее правило, какъ на „грошъ въ сумѣ нищаго". Впослѣдствіи я узналъ, какое ободряющее дѣйствіе имѣлъ этотъ скромный отзывъ юнаго критика на начинающаго юмориста; но объ этомъ послѣ.

Вскорѣ между Шаломъ-Алейхемомъ и мною завязалась оживленная литературная переписка. Онъ жилъ въ Кіевѣ, куда я пріѣхалъ на нѣсколько дней осенью 1887 г., но тогда мы не встрѣтились. Какъ-то лѣтомъ 1888 г. я получилъ отъ него письмо литературнаго содержанія, на бланкѣ съ печатнымъ адресомъ: „Соломонъ Наумовичъ Рабиновичъ",—а затѣмъ онъ сталъ писать мнѣ довольно часто, сообщая о своихъ литературныхъ замыслахъ, объ издававшейся имъ „Volksbibliothek", гдѣ печатались его двѣ большія повѣсти „Стемпеню" и „Іосель Соловей", о проискахъ враговъ „жаргона", и т. п. Три года длилась эта переписка, поддерживаемая особенно дѣятельно съ его стороны. Переписывались мы на русскомъ языкѣ, на которомъ началъ переписку самъ Шаломъ-Алейхемъ. Въ 1889 и особенно въ 1890 г. мой корреспондентъ усиленно приглашалъ меня къ себѣ на дачный отдыхъ близъ Кіева, и лѣтомъ 1890 г. я принялъ приглашеніе. Мнѣ нужно было тогда побывать въ Кіевѣ для лѣченія глазъ у д-ра Мандельштама, столь же хорошаго окулиста, какъ и славнаго еврея, и я рѣшилъ погостить недѣлю-другую у Шаломъ-Алейхема.

Тутъ я впервые познакомился съ нимъ лично. Я видѣлъ его и въ городской обстановкѣ, въ богатой квартирѣ на Елизаветинской улицѣ, и на прекрасной дачѣ въ громадномъ сосновомъ лѣсу—въ Бояркѣ, близъ Кіева. Шаломъ-Алейхемъ доживалъ тогда послѣдніе дни своего буржуазнаго счастья. Какъ извѣстно, онъ въ тѣ годы увлекался биржевыми операціями и нажилъ значительный капиталъ, но потомъ фортуна отвернулась отъ него, и онъ сталъ спускать нажитое. Когда я гостилъ у него, онъ уже

былъ близокъ къ банкротству. Въ долгихъ нашихъ бесѣдахъ, во время прогулокъ по грандіозной сосновой колоннадѣ лѣса, Шаломъ-Алейхемъ иногда намекалъ мнѣ на свое критическое положеніе, посвящая меня, профана, въ тайны биржевого ажіотажа; порою я видѣлъ его разстроеннымъ, въ припадкахъ „дѣловой“ мигрени, съ мокрымъ полотенцемъ на головѣ. Но большею частью онъ казался веселымъ и по обыкновенію шутилъ. Во время моего двухнедѣльнаго пребыванія въ Кіевѣ и Бояркѣ, наши бесѣды обыкновенно вращались вокругъ литературныхъ и общественныхъ явленій. То было лѣто особенно лютой юдофобской реакціи, лѣто „губернаторскихъ циркуляровъ“, направленныхъ къ „обузданію евреевъ“ въ предѣлахъ тюрьмы черты осѣдлости. Изъ высшихъ сферъ бюрократіи шли рѣшительные проекты „искорененія“, возбудившіе тревогу даже въ заграничной прессѣ. Я самъ вовлекся тогда въ журнальную борьбу съ провинціальными искоренителями-помпадурами въ одной изъ „еврейскихъ“ губерній (см. ниже, въ примѣчаніи къ письму № 25). Для бесѣдъ на подобныя темы не хватало иногда шутокъ даже у Шаломъ-Алейхема.

Однажды вечеромъ, около Тише-беаба, сидимъ мы съ Шаломъ-Алейхемомъ и его женою на балконѣ дачи и ведемъ тихую бесѣду. Близилась полночь. Вдругъ Ш.-А. встаетъ и говоритъ: „Семенъ Марковичъ, дадимъ другъ другу слово, что черезъ десять лѣтъ мы непремѣнно увидимся, если будемъ живы, куда бы ни забросила насъ судьба и каковы бы ни были тогда наши личныя обстоятельства“. Меня плѣнила романтическая красота этого предложенія, и я выразилъ свое согласіе.—„Ну, скрѣпимъ это обязательство письменно“ — сказалъ Шаломъ-Алейхемъ. Мы взяли наши визитныя карточки и на каждой изъ нихъ начертали слѣдующее: „Погруженные въ грустныя думы о превратныхъ судьбахъ человѣчества вообще и нашего народа-страдальца въ особенности, мы рѣшили и обязались словомъ, въ ознаменованіе этого момента, непремѣнно свидѣться другъ съ другомъ черезъ десять лѣтъ, въ самомъ началѣ XX вѣка. Доживемъ ли мы?... Memento mori. 18 іюля 1890 года, Боярка. Nichtab wnechtam bearbaa assar jom l'jerach hamar wehanimhar Ab, bischnat zara umezuka tar-nun“ *). Затѣмъ слѣдовали наши подписи. Документъ скрѣпила своей подписью, въ качествѣ свидѣтель-

*) Въ подлинникѣ написано, конечно, еврейскими литерами. Это означаетъ: „Написано и подписано въ 14-й день горькаго и жестокаго мѣсяца Аба, въ годъ горя и бѣдствій (5) 650“.

ницы, жена писателя.—Впослѣдствіи я подумалъ, что могъ быть еще одинъ мотивъ для оригинальнаго предложенія Шаломъ-Алейхема. Онъ со дня на день ждалъ финансоваго краха и опасался, что этотъ кризисъ, который произойдетъ при нелестныхъ для писателя условіяхъ (что скоро и случилось), оттолкнетъ отъ него литературныхъ друзей; онъ хотѣлъ испытать и крѣпость нашей чисто-литературной дружбы, хотѣлъ убѣдиться, не примкну-ли и я къ осуждающимъ. Его опасенія не оправдались.

Вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Кіева, я получилъ отъ Ш.-А. письмо съ воплемъ: „Вашъ раздвоенный другъ... соскользнулся и погибъ,... погибъ для міра золота и бумаги". Я понялъ, о чемъ рѣчь идетъ. Въ это время (осень 1890) я уѣхалъ изъ своего провинціальнаго уединенія въ Петербургъ, а оттуда переѣхалъ на жительство въ Одессу. Тутъ я узналъ, что Шаломъ-Алейхемъ обанкротился и долженъ былъ бѣжать изъ Кіева. Въ Одессѣ я встрѣтилъ семью пострадавшаго писателя, а къ веснѣ 1891 г. туда прибылъ изъ Румыніи и самъ „бѣглецъ". Кіевская обстановка новаго „гвира" смѣнилась здѣсь обстановкою разорившагося богача. Помню свои посѣщенія семьи писателя въ тѣсной, темноватой квартиркѣ на Канатной улицѣ.

Отчетливо сохранилось въ моей памяти лѣто 1891 г., года московскаго изгнанія, зловѣщихъ слуховъ и панической эмиграціи. Мы оба жили тогда на дачахъ въ окрестностяхъ Одессы: Ш.-А. на Большомъ Фонтанѣ, а я на нѣсколько верстъ дальше, въ колоніи Люстдорфъ. Такъ какъ въ колонію почтовая корреспонденція доставлялась не регулярно, то Ш.-А. получалъ всю мою корреспонденцію и ежедневно пересылалъ ее мнѣ первобытнымъ способомъ—черезъ кучера омнибуса или „линейки", возившей дачниковъ изъ Фонтана въ Люстдорфъ. Мы нерѣдко посѣщали другъ друга, особенно въ тѣ дни, когда наши одесскіе друзья (С. Абрамовичъ и др.) дѣлали экскурсію изъ города въ наши дачныя мѣста. Въ тѣ же дни, когда мы не видались, мы переписывались съ Шаломъ-Алейхемомъ на особенномъ, условленномъ между нами хасидскомъ діалектѣ—жаргонизированномъ „лошенъ-койдешъ", образецъ котораго далъ сатирикъ Іосифъ Перль въ своей уморительной перепискѣ двухъ хасидовъ („Megale temirin"), съ приправою пустозвонной „мелицы" новѣйшихъ гебраистовъ. Наша юмористическая переписка шла черезъ „линейщика": Ш.-А. писалъ мнѣ каждый разъ при пересылкѣ почтовой корреспонденціи, а я отвѣчалъ ему „обратной почтой". У меня

донынѣ сохранилось два десятка такихъ писемъ отъ Шаломъ-Алейхема, изобилующихъ юмористическими отрывками,—конечно наряду съ неизбѣжнымъ шаржемъ *).

Въ это же лѣто Ш.-А. написалъ по-русски свою повѣсть „Романъ моей бабушки", которую я редактировалъ со стороны языка безъ особеннаго труда, такъ какъ авторъ довольно хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ. „Романъ" былъ напечатанъ при моемъ посредствѣ въ большомъ сборникѣ „Восхода", изданномъ осенью 1891 г. вмѣсто книжекъ журнала, пріостановленнаго правительствомъ на полгода.

Въ слѣдующіе годы я теряю Шаломъ-Алейхема изъ виду. Онъ возвращается въ Кіевъ, ищетъ занятій и переживаетъ тяжелое время. Обрывается какъ-то и наша переписка. Съ грустью слышалъ, что онъ вынужденъ хвататься за всякія занятія для заработка и, между прочимъ, читать за плату свои произведенія въ домахъ кіевскихъ богачей, забавлять этихъ господъ, которые цѣнили въ писаніяхъ юмориста только смѣхотворный, иногда шаржированный, элементъ и не замѣчали ни трагической подчасъ подкладки читаемаго, ни личной трагедіи „веселаго" чтеца.

Лѣтомъ 1900 г. наступилъ десятилѣтній срокъ, въ который мы нѣкогда обязались встрѣтиться. Еще въ апрѣлѣ этого года Ш.-А. напомнилъ мнѣ письмомъ о давнемъ уговорѣ и предложилъ, чтобы мы съѣхались лѣтомъ для свиданія въ той дачной мѣстности сѣверо-западнаго края, гдѣ я тогда проводилъ лѣтніе мѣсяцы въ обществѣ нѣкоторыхъ литературныхъ товарищей. При письмѣ была приложена написанная въ шутливомъ тонѣ „программа празднествъ по случаю торжественной встрѣчи двухъ еврейскихъ писателей". Пріѣхавъ на дачу, я все приготовилъ для „торжественной встрѣчи", но свиданіе не состоялось: сначала пріѣзду Ш.-А. помѣшало мелководье на Днѣпрѣ, а потомъ семейныя обстоятельства. Онъ просилъ меня заѣхать къ нему въ Кіевъ, когда буду въ этомъ городѣ проѣздомъ по пути въ Одессу. Не помню, состоялось ли это свиданіе той же осенью, или позже; но помнится, что поэтическій замыселъ 1890 года завершился „въ началѣ XX вѣка" въ очень будничной формѣ.

Опять промежутокъ въ нѣсколько лѣтъ,—и въ концѣ 1903 г. я получаю пару изящныхъ томовъ собранія сочиненій Шаломъ-Алейхема, печатавшихся тогда въ Краковѣ, съ трогательною

*) Они будутъ скоро напечатаны въ одномъ изъ сборниковъ на еврейскомъ языкѣ.

надписью, напомнившею мнѣ давніе молодые годы. Къ обычному посвященію, заканчивающемуся словами „отъ благодарнаго автора“, сдѣлано въ формѣ выноски слѣдующее примѣчаніе: „Первый толчокъ и первую мысль къ дальнѣйшему развитію моей литературной дѣятельности подалъ мнѣ отзывъ „Критикуса“ въ „Восходѣ“ о первой моей вещицѣ „Dos Messerl“. Этому обстоятельству я обязанъ, *поистинѣ обязанъ* *) всей моей литературной карьерой“. Читая эти строки, въ которыхъ моя роль, конечно, сильно преувеличена, я понялъ, что мой старый другъ писалъ ихъ подъ напоромъ нахлынувшихъ воспоминаній, „въ минуту жизни трудную“, когда душа поетъ гимнъ отошедшему и доступна наивысшимъ эмоціямъ. А жизнь писателя была невесела. Онъ тогда разъѣзжалъ по городамъ и за опредѣленный гонораръ читалъ свои произведенія въ собраніяхъ, большею частью въ частныхъ квартирахъ (публичныя чтенія тогда—въ дни Плеве—очень рѣдко разрѣшались). Въ сентябрѣ 1904 г. онъ съ той же цѣлью пріѣхалъ въ Вильну и нѣсколько дней прогостилъ у меня. Оттуда онъ уѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью устроить свое постоянное сотрудничество въ газетѣ „Фрайндъ“, но дѣло, кажется, не уладилось, и писатель остался необезпеченнымъ.

Послѣ октябрьскаго погрома 1905 г., который вышибъ Ш.-А. съ его семьей изъ Кіева, странствованія писателя принимаютъ болѣе широкіе размѣры. Онъ попадаетъ въ Америку, пишетъ мнѣ оттуда о своихъ тріумфахъ, прилагая вырѣзки изъ крикливыхъ ньюіоркскихъ газетъ, и какъ будто обрѣтаетъ тамъ свою стихію. Но спустя два-три года его все-таки потянуло отъ американской трескотни въ Россію. Здѣсь тогда открылась возможность публичныхъ чтеній, — одно изъ немногихъ завоеваній 1905 года,—и Шаломъ-Алейхемъ широко воспользовался этой возможностью, такъ широко, что въ одномъ городкѣ Минской губерніи слегъ въ постель: у переутомившагося чтеца кровь пошла горломъ. Я получилъ эту грустную вѣсть въ Петербургѣ въ 1908 г., и мы здѣсь сдѣлали все возможное для облегченія участи больного писателя, вступивъ для этого въ сношенія съ его варшавскими и кіевскими друзьями. Италія, а затѣмъ Швейцарія, гдѣ поселился Шаломъ-Алейхемъ, возстановили его здоровье. Онъ началъ много писать, его прежнія сочиненія бойко расходились и переводились на разные языки; онъ достигъ вершины своей популярности. И вдругъ ему опять пришла въ голову

*) Подчеркнуто въ надписи.

несчастная мысль поѣхать въ Россію для лекторскаго турнэ. Весною 1914 г. онъ читалъ въ рядѣ городовъ, а въ маѣ прибылъ въ Петербургъ. Онъ былъ крайне утомленъ и опасался рецидива болѣзни; поэтому я его освободилъ отъ визита ко мнѣ и самъ заѣхалъ къ нему въ гостиницу „Асторія", гдѣ онъ остановился съ сопровождавшей его женою.

Не могу безъ волненія вспомнить объ этомъ послѣднемъ свиданіи. Въ солнечный майскій день сидѣли мы въ его номерѣ, въ гудѣвшей какъ улей первоклассной гостиницѣ, съ видомъ на Исаакіевскій соборъ, и, послѣ обычныхъ разговоровъ о здоровьѣ и литературныхъ планахъ, предались воспоминаніямъ о быломъ. Шаломъ-Алейхема какъ будто тянуло къ этой задушевной бесѣдѣ. Онъ разсказалъ мнѣ, что пишетъ свою автобіографію, и тутъ же передалъ нѣкоторые эпизоды ея. Тихо лилась его рѣчь, какъ реквіемъ прошлому. „А знаете-ли вы, что вашъ отзывъ о „Dos Messerl" больше всего поощрилъ меня къ литературной дѣятельности? А помните наши бесѣды въ Бояркѣ, наше условіе свидѣться черезъ десять лѣтъ? Вотъ и свидѣтельница нашего обязательства",—прибавилъ онъ, указывая на сидѣвшую тутъ же жену. „А помните нашу переписку между Фонтаномъ и Люстдорфомъ на хасидскомъ діалектѣ? Въ моемъ жизнеописаніи все это будетъ отмѣчено"... Было ли предчувствіе послѣдней разлуки въ этомъ стремленіи оглянуться на прошлое? Тогда мы еще говорили о предстоящемъ ему возвращеніи въ тихую Лозанну. Случилось иное. Черезъ два мѣсяца вспыхнулъ пожаръ міровой войны, застигшій Шаломъ-Алейхема гдѣ-то на германскомъ курортѣ и забросившій его сначала въ Копенгагенъ, а потомъ въ Америку. Тутъ и произошла печальная развязка жизненной драмы.

Писатель умеръ, не успѣвъ описать свою жизнь, разсказать о своихъ встрѣчахъ и личныхъ переживаніяхъ. И я почувствовалъ потребность на этихъ немногихъ страницахъ, посвященныхъ его памяти, разсказать о моихъ встрѣчахъ на скорбномъ жизненномъ пути со „смѣющимся", но насквозь пропитаннымъ грустью, Шаломъ-Алейхемомъ. Въ этихъ воспоминаніяхъ читатели, можетъ быть, найдутъ кое-что характерное для личности и литературной физіономіи покойнаго.

Та же потребность побудила меня помѣстить здѣсь часть переписки Шаломъ-Алейхема, а именно его письма ко мнѣ за 1888—1890 гг. Въ эти годы созрѣвалъ талантъ писателя, расправились его крылья, скоро, къ несчастью, подрубленные пре-

вратностями судьбы. Въ нашей перепискѣ выступаетъ важный литературно-общественный моментъ—первыя робкія домогательства „жаргона“ на мѣсто въ литературѣ и противодѣйствіе имъ со стороны рутинеровъ. Здѣсь рисуется и темпераментъ писателя, его чаянія, порывы, колебанія, его исканіе опоры и признанія. Изъ приводимыхъ ниже писемъ устранено то немногое, что имѣетъ отношеніе лично ко мнѣ, а если еще кое-что осталось изъ этого элемента, то лишь потому, что его въ данномъ мѣстѣ нельзя было выдѣлить изъ матеріала, характеризующаго личность и литературную дѣятельность Шаломъ-Алейхема.

С. Дубновъ.

Письма Шаломъ-Алейхема (1888—1890).

№ 1. Кіевъ, 29 мая 1888 г.

Препровождая при семъ мое сочиненіе „Дасъ Бинтель Блюменъ“, или „Букетъ“, *стихотворенія въ прозѣ* (первый опытъ на еврейскомъ жаргонѣ писать подобные стихи, доводя языкъ до совершенства, не прибѣгая ни къ нѣмецкимъ, ни къ русскимъ оборотамъ рѣчи и словамъ), прошу дать Вашъ отзывъ въ ближайшей книжкѣ „Восхода“ *).

Судьбѣ не угодно было свести насъ, когда Вы были здѣсь; лишь когда Вы уѣхали, г. Калмансонъ передалъ мнѣ, что Вы были въ Кіевѣ; а жаль: мнѣ нужно было съ Вами поговорить о многомъ, въ особенности же о моемъ предпріятіи—издавать еврейскій журналъ на жаргонѣ.

Еще хотѣлось бы Вамъ слово-другое передать касательно Вашего труда „Исторія Хассидизма“. Дѣло, видите-ли, въ томъ, что здѣсь есть одна личность весьма оригинальная (мой добрый знакомый), утверждающая, что одинъ изъ благородныхъ отпрысковъ чистокровнаго Бешта принялъ св. крещеніе и долгое время служилъ въ Петербургѣ чиновникомъ какого-то Департамента. Не знаю, насколько подобный фактъ интересенъ самъ по себѣ для Вашей статьи, такъ какъ „Введеніе“ Ваше еще не вполнѣ ясно опредѣляетъ характеръ дальнѣйшихъ Вашихъ трудовъ.

До Вашего благосклоннаго отвѣта остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ *Шаломъ-Алейхемъ* **).

---

*) Краткая рецензія объ этой книжкѣ появилась въ обзорѣ „О жаргонной литературѣ“ (Восх. 1888, кн. X, стр. 21—22).

**) Подпись „Шаломъ-Алейхемъ“ подъ этимъ письмомъ, какъ частію и подъ слѣдующими, на еврейскомъ языкѣ. Всѣ еврейскія слова внутри текста писемъ переданы здѣсь въ латинской транскрипціи.

№ 2. Кіевъ, 4. VII. 88.

Ваше почтенное письмо отъ 28 іюня получилъ и спѣшу отвѣтить Вамъ, что субъектъ, отъ котораго Вамъ желательно получить свѣдѣнія о цадикахъ, вовсе не такого свойства человѣкъ, чтобы снизойти до нашей братіи щелкоперовъ—*сообщать свѣдѣнія*. Но благодаря тому положенію, которое я, волею судебъ, занимаю среди здѣшней архи-плутократіи, я могу косвеннымъ путемъ выжимать изъ него все нужное Вамъ. И то при случаѣ, сторонкою, между прочимъ, что обѣщаю Вамъ исполнить самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Въ „Сборникѣ" моемъ я располагаю однимъ интереснымъ очеркомъ о цѣлой хассидской группѣ, который, мнѣ сдается, также не лишенъ для Васъ интереса. Онъ написанъ извѣстнымъ критикомъ-сатирикомъ М. А. Шацкесомъ. Когда будете въ Кіевѣ, я весь къ Вашимъ услугамъ.

Въ заключеніе, я къ Вамъ съ просьбою. Вы ѣдете въ Кіевъ къ Мандельштаму *). Городъ Кіевъ—городъ святой, и посему не особенно гостепріимный для нашего брата. У меня, смѣю Васъ увѣрить, Вы бы жили славно, вольготно, лучше, нежели у самого Христа за пазухой. Поэтому я и жена моя, т. е. моя жена и я, челомъ бьемъ, хлѣбомъ-солью встрѣтимъ Васъ, многоуважаемый Семенъ Марковичъ, дорогимъ гостемъ будете у насъ. Знаю, что Вы отвѣтите на это уклончиво, конечно очень вѣжливо: дескать, такъ и такъ и все прочее—другое, между тѣмъ, какъ я никакихъ резонтовъ не принимаю, а Вашъ отказъ будетъ для меня, выражаясь на *моемъ* языкѣ, kimeat a'patsch in ponim.

Итакъ, рѣшено. Ну, и прекрасно. Жду только Вашего извѣщенія о днѣ выѣзда Вашего. Совѣтовалъ бы пріѣхать сюда къ 15 іюля: по случаю 900-лѣтія крещенія Руси у „насъ" здѣсь большой будетъ праздникъ; съѣдется къ намъ весь міръ, или по крайности полміра. До свиданія. Весь къ Вашимъ услугамъ *Шаломъ-Алейхемъ*.

№ 3. Кіевъ, 7 авг. 1888.

Ваше любезное письмо отъ 31 іюля получилъ. Чтобы еще больше убѣдить Васъ въ томъ, что Вы *должны* остановиться у меня, я долженъ сообщить Вамъ весьма прискорбный эпизодъ изъ пребыванія здѣсь одного Вашего знакомаго, котораго я

---

*) Извѣстный окулистъ и общественный дѣятель, къ которому я ѣздилъ для леченія глазъ.—*С. Д.*

люблю. Его зовутъ Я. Динензонъ *). Сей честный мужъ остановился на Подолѣ у своихъ знакомыхъ, и ровно въ полночь, когда онъ наслаждался чтеніемъ моего „Букета“ (это—между прочимъ), къ нему постучались въ дверь... ну, и такъ дальше. Его попросили „Стихотворенія въ прозѣ“ оставить на другой разъ, а „покудова что“ его продержали часовъ десять въ какомъ-то погребѣ. Это было лишь недѣли двѣ тому назадъ. Онъ далъ себѣ слово никогда моихъ произведеній не читать, но и на Подолѣ не останавливаться. Теперь ясно, кажется, что квартира Ваша должна быть у меня. О стѣсненіяхъ же не можетъ быть рѣчи. Увѣряю Васъ. Къ тому же жена моя въ сентябрѣ собирается въ Ялту; тогда Вы просто облагодѣтельствуете меня. Забылъ тогда сообщить Вамъ, что у меня есть два херувимчика, въ образѣ дѣвочекъ, которыхъ Вы сразу полюбите, какъ полюбилъ ихъ Динензонъ и еще заставилъ г. Ф. издали (изъ Варшавы) влюбиться въ нихъ.

Вы спрашиваете, что за Сборникъ издаю я **) и когда онъ выйдетъ? Отвѣчу Вамъ прежде на послѣдній вопросъ: выйдетъ онъ черезъ полтора мѣсяца ровно, и до того времени подписка не принимается, ибо бѣдный читатель жаргонной книжки, заплативши трудовую копѣйку, не можетъ долго дожидаться этой самой книжки. На первый же вопросъ я отвѣчу Вамъ еще короче: я увѣренъ, что онъ (Сборникъ) вполнѣ заслужитъ Вашу симпатію. У него двоякая цѣль: во 1-хъ, дать возможно больше лучшаго матеріала за доступную цѣну и дать возможность нуждающимся литераторамъ (а какой литераторъ не нуждается?) зарабатывать рубль-другой, что, какъ Вамъ извѣстно, въ нашей литературѣ (т. е. вообще еврейской) дается не такъ-то легко. Достаточно Вамъ замѣтить, что до сего числа мной уплочено гонорара моимъ друзьямъ-сотрудникамъ почти тысяча рублей. Но этимъ еще не исчерпывается главная суть моего Сборника. Я хотѣлъ подняться на такую высоту, до которой не доходило еще ни одно изъ подобныхъ изданій, не исключая „Гаасифа“, „Кнесес'а“ и пр., и вмѣстѣ съ тѣмъ оставаться доступнымъ для народа. Я сгруппировалъ дѣйствительно все, что есть лучшаго въ нашей литературѣ. Въ пылу увлеченія жаргономъ, ко мнѣ перешли лучшія силы древне-еврейской литературы, во главѣ коихъ Вы встрѣтите и Льва Осиповича *Гордона* и

*) Извѣстный жаргонный писатель, изъ Варшавы.

**) „Die Jüdische Volksbibliothek“. I томъ вышелъ въ Кіевѣ въ 1888 г.

Д. Фришмана, а за нимъ и маститаго Готлобера, и Шацкеса, и Вейсберга, и Егалела, и Калменсона etc. Изъ посмертныхъ сочиненій я раздобылъ драгоцѣнную въ историческомъ отношеніи рукопись р. Исака-Бера Левинзона и мудрые стихи Цвейфеля; также переписку, имѣющую важный интересъ, между р. Исакъ-Беромъ Левинзономъ и д-ромъ Эттингеромъ. Живое участіе въ моемъ изданіи принимаютъ также Абрамовичъ и Линецкій. Всѣхъ не исчислишь въ письмѣ. Одна изъ статей Шацкеса имѣетъ нѣкоторый интересъ и для Васъ, какъ матеріалъ для „Исторіи Хассидизма", но я ее въ I томѣ моей „Библіотеки", кажется, не дамъ; но какъ будете здѣсь, то воспользуетесь ею, если найдете нужнымъ.

Въ заключеніе — просьба, и просьба всепокорнѣйшая. На фельетонъ г. Случайнаго Фельетониста въ послѣднемъ номерѣ „Восхода" я написалъ возраженіе, каковое я думалъ отправить въ редакцію „Восхода" *); но подумалъ—и весьма основательно,— что возраженіе мое попадетъ прямо въ „корзину" и, при лучшихъ обстоятельствахъ, удостоюсь еще отвѣта въ „почтовомъ ящикѣ Редакціи". Поэтому я обращаюсь къ Вамъ съ убѣдительной просьбой оказать мнѣ эту важную для меня услугу, которой я Вамъ не забуду никогда въ жизнь мою. Извините только, что не будучи еще съ Вами знакомъ, я *уже* надоѣдаю Вамъ своими просьбами; что уже будетъ *потомъ*? Ничего не будетъ. Вы только пріобрѣтете себѣ горячо преданнаго Вамъ друга, который можетъ быть Вамъ полезенъ и пріятенъ во всѣхъ отношеніяхъ (какъ Гоголевская дама).

Еще хотѣлъ я Васъ спросить: когда Вы разсчитываете окончить Вашу „Исторію Хассидизма"? Я ужъ говорилъ съ однимъ студентомъ, который согласенъ перевести ее на жаргонъ для моей „Библіотеки" (II тома). Разумѣется, прежде всего мнѣ нужно Ваше согласіе, а затѣмъ мнѣ нужно съ Вами поговорить относительно того, что необходимо ее, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,

---

*) По поводу напечатаннаго въ газетахъ проспекта I тома „Jüd. Volksbibliothek" Шаломъ-Алейхема, Случайный Фельетонистъ (псевдонимъ недавно скончавшагося С. Г. Фруга) помѣстилъ въ „Недѣльной Хроникѣ Восхода" (1888 г. № 31) очень ѣдкій фельетонъ, гдѣ, допуская „жаргонъ", какъ „зло временное и неизбѣжное", осмѣиваетъ модную тогда конкурренцію издателей литературныхъ сборниковъ, которые множились безъ особенной надобности, ибо въ нихъ участвовали одни и тѣ же писатели. Насмѣшливая форма фельетона была несомнѣнно обидна для Шаломъ-Алейхема. Онъ прислалъ черезъ меня „письмо въ редакцію" съ весьма дѣльными возраженіями, и оно было напечатано въ № 35 „Нед. Хрон. Восхода".—*С. Д.*

сокращать; особенно о „Schibche Bescht" нужно съ „моими" читателями говорить совершенно въ иномъ тонѣ. „Мои" читатели могутъ это принять за чистую монету, и тогда получится второе „Schibche Bescht". Я откладываю эту бесѣду до личнаго свиданія.

Не отпущу Васъ. Еще одинъ вопросъ. Г. Калменсонъ (сынъ) написалъ для моей „Библіотеки" (I т.) недурную компиляцію о *мнѣніяхъ, высказанныхъ разными учеными и философами о еврейскомъ народѣ*. Статья написана недурно, но меня безпокоитъ мысль, что не слѣдуетъ *народу* подносить такой „цымесъ", что мы, дескать, великая цаца у Господа Бога, ato bechartonu. Какъ Ваше сужденіе на этотъ счетъ? Жду отвѣта. Готовый на всевозможныя услуги, преданный Вамъ *Рабиновичъ*.

P. S. Забылъ о самой сути моей просьбы. Я прошу Васъ, чтобы Вы похлопотали за меня въ редакціи „Восхода". Пошлите мое „Письмо" туда, и тогда его навѣрно напечатаютъ. Если же Вамъ неудобно, чтобы письмо проходило черезъ Ваши руки, то Вы мнѣ пришлите „Письмо" обратно, и я его самъ вышлю туда, а Вы тѣмъ временемъ имъ напишите. Я посылаю его Вамъ въ готовомъ конвертѣ, и Вы бы могли отправить письмо, если бы хотѣли, изъ Мстиславля; редакція не замѣтитъ.

№ 4. Кіевъ, 2 сентября 1888.

Одновременно съ № „Восхода" получилъ я Ваше любезное письмо, и, признаться, мнѣ теперь совѣстно: не знаю, чѣмъ могу я Вамъ услужить за оказанную Вами мнѣ великую услугу. Я въ полной увѣренности, что безъ Вашего содѣйствія письмо не было бы напечатано. Важность же заключается не въ томъ, что я нѣсколько оправдался передъ публикой; вовсе нѣтъ, ибо всѣ знающіе и незнающіе меня проникнуты убѣжденіемъ, что мое предпріятіе—дѣло не коммерческое, дѣло хорошее. Я хотѣлъ только передъ читателями „Восхода", большинство коихъ смотрятъ на жаргонъ глазами Случайнаго Фельетониста, выставить любимый мой жаргонъ въ болѣе благообразномъ свѣтѣ, какъ онъ (жаргонъ) этого и заслуживаетъ, съ чѣмъ Вы, какъ я вижу, тоже согласны. Къ сожалѣнію, не многіе раздѣляютъ наше мнѣніе. Иные на самомъ дѣлѣ смотрятъ на насъ, какъ на маленькихъ людей, Пимперле; иные плечами пожимаютъ отъ удивленія; иные же, глядя черезъ желтые очки зависти на эту *новую* литературу, лопаются отъ злости. При такихъ-то обстоятельствахъ намъ приходится работать. Какой-же тутъ можетъ быть успѣхъ?

Итакъ, я долженъ поблагодарить Васъ за Ваше участіе, но благодарить не буду, а буду ждать случая, когда съумѣю услужить Вамъ при первой возможности.

Въ знакъ признательности и глубокаго моего къ Вамъ уваженія, посылаю Вамъ мою фотографическую карту, и былъ бы радъ, еслибы Вы отплатили мнѣ тѣмъ-же.

Забылъ предупредить Васъ, что „Р. Сендеръ Бланкъ“ есть собственно 1-я часть романа *). 2-я часть — „Маркусъ Бланкъ“ у меня заканчивается въ рукописи, а 3-ю—„Послѣдній изъ Бланковъ“ я лишь напишу современемъ, когда лучше и подробнѣе, всестороннѣе познакомлюсь съ нашимъ юнымъ поколѣніемъ, достойнымъ серьезнаго изученія. Вы видите, что я задался мыслью Э. Зола при составленіи его безсмертнаго труда „Карьера Ругоновъ“ (lehawdel).

Я все еще не теряю надежды видѣть Васъ здѣсь.

Для моего Сборника я пишу *„еврейскій* романъ“ подъ названіемъ „Стемпеню“. Имя это принадлежитъ личности до извѣстной степени исторической, по крайней мѣрѣ для югозападнаго еврейства. Стемпеню былъ никто иной, какъ замѣчательный маэстро, скрипачъ въ Бердичевѣ. Сегодня я вернулся изъ Бердичева, гдѣ я на мѣстѣ собралъ кой-какія свѣдѣнія объ этомъ героѣ,—и вообразите себѣ, что всѣ описанныя мною подробности, даже внѣшность его и пр. ни на іоту не уступаютъ всему тому, что передали мнѣ Бердичевскіе старожилы. Въ одномъ лишь я согрѣшилъ противъ истины: мнѣ необходимо было, чтобы Стемпеню не оставилъ послѣ себя потомства; анъ оказывается, что въ Бердичевѣ и понынѣ живутъ его дѣти. Типовъ, т. е. я хотѣлъ сказать *характеровъ*, во всемъ романѣ лишь три: Стемпеню—художникъ, поэтъ и пр. въ еврейскомъ смыслѣ; его супружница—особа мелочная, жадная и жестокая, и, наконецъ, еврейская Лаура, идеалъ чистоты, кротости, красоты и чувства. Фабула самая незатѣйливая, процессъ любви—мгновеніе, какъ подобаетъ въ такомъ порядкѣ вещей у евреевъ и лѣтъ 20 тому назадъ. Стиль доведенъ до совершенства.

Боже мой, что за богатство для нашего брата-маляра городъ Бердичевъ! Жаль, что дѣла (проклятыя *дѣла*!) не позволяютъ мнѣ подольше оставаться въ этомъ еврейскомъ Парижѣ. Но я буду его навѣщать отъ времени до времени. При личномъ сви-

---

*) Отзывъ о немъ см. въ ст. „О жаргонной литературѣ“, *Восходъ* 1888 г., кн. X, стр. 19—21.

даній я разскажу Вамъ повѣсть изъ дѣйствительной жизни въ Бердичевѣ, отъ которой Вы прійдете въ умиленіе. Вотъ она жизнь!... Но я Вамъ порядкомъ таки надоѣлъ. 7-го я ѣду денька на три—провожать мою супругу, уѣзжающую въ Ялту. Я ѣду до Одессы. Наконецъ, я увижу Абрамовича. Онъ великій человѣкъ. Его никто изъ читающихъ жаргонъ не знаетъ, никто рѣшительно. Еслибы я не зналъ, что время Вамъ такъ дорого, я бы, не взирая на неприличіе, выслалъ бы Вамъ его очеркъ (въ корректурѣ) „Волшебное кольцо", который напечатаю въ моей „Библіотекѣ".

Считаю пріятнымъ долгомъ подѣлиться съ Вами отрадною новостью, что Бенъ-Ами высылаетъ мнѣ свой очеркъ для „Библіотеки". Затѣмъ г. М. Г. Моргулисъ (Одесса) выразилъ готовность принять участіе въ „Библіотекѣ". Mi la'adonoj elai! Всѣ сюда!

Имѣю еще кой о чемъ съ Вами поговорить да посовѣтоваться, да совѣстно просто. Жму Вашу руку. Глубоко преданный Вамъ *Соломонъ Рабиновичъ.*

P. S. Когда именно Вы переѣдете въ Питеръ, и какъ будетъ Вашъ адресъ туда?

№ 5. Кіевъ, 20, IX, 1888.

Еслибы я зналъ, что Вы еще въ Мстиславлѣ, я бы сообщилъ Вамъ возмутительную новость о неслыханномъ кощунствѣ надъ Вашей работой въ одной редакціи *),—поруганіи, поразившемъ меня до глубины души. Совѣтую принять всѣ мѣры предосторожности противъ людей, подкапывающихся подъ Вами и читающихъ Ваши труды *вчернъ*, насилуя Вашу *свободную* мысль самымъ наглымъ образомъ...

Ради Бога, пусть это сообщеніе останется между нами! Глубоко преданный Вамъ *Соломонъ Рабиновичъ.*

№ 6. Кіевъ, 1 октяб. 1888.

Для удовлетворенія Вашего вполнѣ законнаго любопытства, посылаю Вамъ при семъ „письмо", которое должно выяснить Вамъ причину моей тревоги.

Считаю лишнимъ повторить Вамъ мою просьбу держать „секретъ" въ секретѣ. Полагаюсь на Вашу честность, о которой мнѣ извѣстно, и прошу лишь возвратить мнѣ „письмо", при семъ прилагаемое.

---

*) См. слѣдующее письмо и примѣчаніе къ нему.

Вы, конечно, примете надлежащія мѣры для прекращенія подобныхъ безобразій, но сдѣлайте это такъ умно и осторожно, чтобы эти господа, читающіе Ваши сочиненія въ корректурѣ, не угадали бы своего шпіона (т. е. меня).

Этотъ п... г. Л. говоритъ въ письмѣ, между прочимъ: „я успѣлъ убѣдить и т. д.“ Что сіе означаетъ? Уже не „передѣлали“-ли тамъ Вашу статью? *). Откладывая отвѣтъ на остальные Ваши вопросы до другого раза, спѣшу на почту. Весь Вашъ *Соломонъ Рабиновичъ.*

№ 7. Кіевъ. 13. X. 88.

Посылаю Вамъ проспектъ о выходѣ (въ ноябрѣ) моего Сборника „Евр. Народная Библіотека“. Желательно было бы, въ назиданіе моимъ врагамъ, чтобы въ „Восходѣ“ была помѣщена замѣтка объ этомъ отрадномъ литературномъ явленіи. Прошу Васъ, если можете, посодѣйствовать мнѣ въ этомъ. Жду еще отвѣта Вашего и возврата извѣстнаго Вамъ письма. Преданный Вамъ *Рабиновичъ.*

№ 8. Кіевъ, 18 ноября 1888.

Вчера лишь вернулся изъ Ялты, гдѣ пробылъ недѣльки три, и засталъ Ваше письмо отъ 24 октября. Спѣшу увѣдомить Васъ, что Ваше письмо съ „документомъ“ получилъ еще передъ отъѣздомъ въ Ялту. Забылъ добавить Вамъ тогда, что въ дѣлѣ просматриванія Вашей статьи въ корректурѣ, по моему, фигурировала одна очень уважаемая и даровитая личность... Но не будемъ больше объ этомъ говорить. Когда-нибудь, при личномъ свиданіи, я Вамъ сообщу много интереснаго и поучительнаго касательно этихъ „уважаемыхъ и даровитыхъ“ личностей. Пока же, дабы не показаться Вамъ чрезвычайнымъ мизантропомъ, я

*) Этотъ инцидентъ имѣетъ связь съ тѣмъ, что сообщено мною недавно въ примѣчаніи къ перепискѣ А. Е. Ландау (*Евр. Стар.* 1916 г., вып. I, стр. 105, письмо № 5 и примѣчаніе къ нему). Такъ и оставшаяся для меня неясною, „интрига“ заключалась въ томъ, что Шаломъ-Алейхему писали изъ Петербурга, будто кто-то читалъ въ редакціи „Восхода“ корректуру моей статьи „О жаргонной литературѣ“, появившейся потомъ въ октяб. книжкѣ 1888 г., и „подкапывался подъ нее“. Не помню уже содержанія приложеннаго таинственнаго письма, своевременно возвращеннаго Шаломъ-Алейхему. Упоминаемый здѣсь подъ иниціаломъ Л. авторъ этого письма есть, насколько помнится, редакторъ петербургскаго еженедѣльника „Jüd. Volksblatt“ Израиль Леви, который къ Ш.-Ал. относился непріязненно. (См. ниже, письмо № 15). Изъ упомянутаго выше письма А. Е. Ландау видно, что редакторъ „Восхода“ объ „интригѣ“ ничего не зналъ.—*С. Д.*

спѣшу оговориться, что я, по натурѣ своей, слишкомъ довѣрчивъ, а по неопытности слишкомъ непрактиченъ, а то и другое вмѣстѣ стоятъ мнѣ очень дорого въ смыслѣ крови и жизни.

Неужели Вы такъ-таки въ Кіевѣ не будете? Видно, Ваши глаза „плюютъ" на Мандельштама. А когда Вы собираетесь въ Питеръ? Не проходитъ письма безъ просьбы. Опять просьба. Дѣло въ томъ, что мой новый романъ „Стемпеню", о которомъ я Вамъ давеча писалъ и который входитъ въ составъ „Библіотеки", печатается особо—въ Одессѣ—и уже вышелъ изъ печати. Вотъ мнѣ хотѣлось бы, чтобы Вы взглянули на него прежде еще, чѣмъ выйдетъ „Библіотека", и *частно* высказали бы мнѣ о немъ свое мнѣніе. Идетъ?

Видно, никакія вылазки Леви и нападки Случ. Фельетониста не имѣютъ никакого дѣйствія: подписка на „Библіотеку" идетъ *очень бойко*, и, кажется, въ успѣхѣ моего предпріятія уже нельзя сомнѣваться. Впрочемъ, еще посмотримъ дальше. Будьте здоровы и не медлите отвѣтомъ. Весь Вашъ *С. Рабиновичъ.*

№ 9. Кіевъ, 11 января 1889.

Одновременно съ симъ посылаю Вамъ заказной бандеролью мое новое произведеніе „Стемпеню", *первый* мой романъ, давно обѣщанный мною Вамъ. „Стемпеню" есть произведеніе *художественное*, и отъ его успѣха зависитъ вся дальнѣйшая судьба моей литературной дѣятельности. Задавшись мыслью написать еврейскій романъ для *народа*, я спустился къ нему, къ народу, заимствовалъ у него всѣ прекрасныя легенды объ этой, такъ сказать, исторической личности. „Стемпеню", дѣйствительно, личность, существовавшая въ нашемъ краѣ, а въ Бердичевѣ (гдѣ онъ родился), Житомирѣ и другихъ городахъ Волыни и Украйны нѣтъ того еврея-старожила, который бы не зналъ, если не самого „Стемпеню", то по крайней мѣрѣ массу анекдотовъ, исторій и легендъ по поводу него. Для этой цѣли я поѣхалъ въ Бердичевъ, вошелъ въ переписку и личныя сношенія съ „клезмерами", которые отчасти раскрыли предо мною душу этого человѣка; остальное же досоздала моя творческая фантазія. Помимо (этого), и не дожидаясь Вашего печатнаго отзыва, я прошу Васъ удостоить меня *письменно* Вашимъ авторитетнымъ для меня мнѣніемъ. Полагаю, что Вы еще въ Мстиславлѣ, ибо не получилъ отъ Васъ обѣщаннаго увѣдомленія о перекочеваніи Вашемъ на Сѣверъ.

При семъ прилагаю *оглавленіе* моего Сборника, изъ котораго

Вы убѣдитесь, что Сборникъ уже совершенно готовъ; на-дняхъ будетъ разосланъ. Ст. XXXVI, взятая въ красную рамку, касается Васъ лично. Жду отвѣта. Преданный Вамъ *Шаломъ-Алейхемъ.*

№ 10. Кіевъ. 9. II. 89.

Очень жаль, что обстоятельства помѣшали Вамъ пройтись по моему Сборнику. Буду надѣяться, что съ пріѣздомъ Вашимъ въ Мстиславль Вы не забудете вернуться къ нашему жаргону, который считаетъ Васъ своимъ *высокимъ покровителемъ* послѣ того, какъ цѣлое десятилѣтіе, если не больше, наша эмансипированная сестра *русско-еврейская* литература совершенно игнорировала своего даровитаго подростка—жаргона. Въ особенности меня интересуетъ Ваше безпристрастное мнѣніе о „Стемпеню", который ужъ не есть копія дѣйствительности, а художественная картинка, одухотворяющая дѣйствительность въ сочетаніи стройныхъ, гармоничныхъ и яркихъ образовъ и штриховъ. Это первая моя попытка создать нѣчто прекрасное въ области фантазіи на еврейской народной почвѣ. Вамъ предстоитъ оцѣнить, вѣрно или невѣрно рѣшена мною задача художника. Въ послѣдующихъ произведеніяхъ я возвращаюсь къ обычному моему жанру—бытописанію.

Вы спрашиваете, какъ идетъ подписка, т. е. продажа „Библіотеки". Если это есть успѣхъ, то „Библіотека" можетъ на него претендовать, ибо въ теченіе января мѣсяца разослано до 2000 экз. и подписка еще продолжается, такъ что, по мнѣнію экспедитора, въ февралѣ и мартѣ она должна разойтись и потомъ ужъ составитъ библіографическую рѣдкость. Отзывы же mevinim достигаютъ высшихъ предѣловъ въ своихъ восторгахъ. Но Ваше мнѣніе для меня важно въ виду собиранія матеріала для II тома, къ которому имѣю желаніе приступить скоро, несмотря на всѣ трудности, непріятности, мерзости, пакости и безконечныя сплетни... Весь Вашъ *Шаломъ-Алейхемъ.*

P. S. Неужели въ „Нед. Хр. Восх." никто словомъ не обмолвится о „Библіотекѣ"?

№ 11. Кіевъ. 14. IV. 89.

Только сегодня узналъ, что Вы уже въ Мстиславлѣ. Горю нетерпѣніемъ узнать Ваше мнѣніе о моемъ „Стемпеню". Это не простое любопытство, а интересъ важный для меня въ отношеніи дальнѣйшихъ моихъ произведеній. Ваше слово всегда служитъ для меня путеводною звѣздою на моемъ писательскомъ поприщѣ.

Имѣю къ Вамъ еще частную просьбу. Не знаете-ли Вы, изъ какихъ источниковъ могу я почерпнуть свѣдѣнія по исторіи происхожденія еврейскаго костюма? Профессоръ Доброславинъ въ ПБургѣ недавно прочелъ лекцію о ермолкѣ у евреевъ. Но это недостаточно для моей задачи.

Собираю матеріалъ для II тома моей „Народной Библіотеки".

Будьте здоровы. В. В. *С. Рабиновичъ.*

№ 12. Ю.-З. ж. д. Ст. Боярка. 19 мая 1889.

Я Вамъ сообщилъ уже исходъ Вашего ходатайства за меня передъ г. Фругомъ, увѣнчавшагося успѣхомъ, за что еще разъ спасибо. Не знаете-ли Вы, кому я могъ бы поручить въ Петербургѣ собрать матеріалы или сдѣлать прямо извлеченія изъ той жаргонной книжки о „Geserat tach w'tat", на которую Вы указываете въ „Библіографіи" при разборѣ брошюры г. Гурлянда? Я этотъ матеріалъ собираю для моей „Библіотеки", и если бы я зналъ, что Вы не примете это за обиду, то я бы просилъ Васъ лично принять на себя сей трудъ за приличный гонораръ. Такъ или иначе, жду Вашего скораго отвѣта.

№ 13. Боярка, Ю.-З. ж. д. 18 іюля 1889.

Благодарю Васъ за карточку. Извините, что до сихъ поръ Вамъ не отвѣчалъ. Дѣла, дѣла и дѣла! (литературныя преимущественно). Въ скоромъ времени приступаю къ печатанію II т. „Библіотеки", который долженъ перещеголять первый томъ во всѣхъ своихъ отдѣлахъ. Самъ написалъ я повѣсть „Perele" *), которая стоитъ мнѣ полгода труда и, кажется, нѣсколько лѣтъ жизни. Никогда я еще столько не трудился надъ произведеніемъ, тщательно обрабатывая его со всевозможныхъ сторонъ. Характеръ новаго моего романа—лирическій; при всей моей наклонности къ веселому юмору, у меня при нынѣшнемъ нашемъ соціальномъ положеніи не хватаетъ духу юродствовать, тѣмъ болѣе, что въ жизни, которую я описываю, я нахожу, откапываю такіе перлы, какъ Perele, или Rochele въ „Стемпеню". Кстати, „Стемпеню" печатается теперь въ нѣмецкомъ переводѣ во Львовскомъ „Израелитѣ". Нашлись, однако, люди, сумѣвшіе оцѣнить вещь хотя бы на жаргонѣ. Въ нашей же еврейской литературѣ я имѣю теперь столько антагонистовъ, что, право, не понимаю, за что такая честь, ибо „много враговъ—много чести". Иногда же мнѣ становится довольно жутко при такихъ обстоятельствахъ.

*) Впослѣдствіи романъ „Іосель Соловей".

Не имѣете ли Вы такого знакомаго въ Петербургѣ, который бы взялъ на себя трудъ—за приличное вознагражденіе—списать брошюру „Maasse gedola mitebach Uman“ въ библіотекѣ Академіи Наукъ? Когда разсчитываете Вы быть въ Питерѣ? Мнѣ это нужно знать. Еще разъ простите, что опоздалъ отвѣтомъ. Весь Вашъ *С. Рабиновичъ.*

P. S. Будетъ ли скоро отзывъ въ „Восходѣ“ о моей „Библіотекѣ“? Мои древнееврейскіе „Типы и Силуэты“ печатаются въ „Гамелицѣ“. Пришлю Вамъ потомъ цѣлую книжку этихъ крошечныхъ вещицъ.

№ 14. Кіевъ. 3 августа 1889.

Будьте столь любезны и сообщите мнѣ, гдѣ могу я достать книгу о кавказскихъ евреяхъ, которую Вы, помнится, разбираил въ прошломъ году... „Восхода“ я, живя на дачѣ, давно не читалъ.—Кажется, я Вамъ уже сообщилъ, что мой „Стемпеню“ переведенъ на нѣмецкій языкъ въ „Израелитѣ“ (Львовскомъ). Преданный Вамъ *С. Рабиновичъ.*

№ 15. Боярка. 17. VIII. 89.

Ваше открытое письмо получилъ. И рецензію Вашу въ „Восходѣ“ (Іюль) читалъ. Вы—единственный писатель, сочувственно и съ гуманностью относящійся къ бѣдному жаргону. Трудно выразить Вамъ ту искреннюю благодарность, которую я долженъ былъ выразить Вамъ. Я переживаю нынче столько гоненій и несправедливыхъ нападокъ на меня и на жаргонъ, съ которымъ почему-то связали мое имя, что не могу не радоваться отъ всякаго добраго слова. Въ особенности мнѣ достается отъ одного психопата, забравшаго въ свои нечистыя руки единственный „Народный Листокъ“, который обращенъ имъ теперь въ клоаку для изліянія помоевъ по адресу жаргона и его адептовъ-поклонниковъ, въ особенности по моему адресу, послѣ того, какъ я—что бы Вы думали?—отказалъ этому проходимцу (Леви) въ ссудѣ 6000 руб!!. Съ того самаго момента и начинается его походъ противъ меня и жаргона (несчастный, ни въ чемъ неповинный жаргонъ!). И Вамъ нужно видѣть, какъ издатель (онъ же фактическій редакторъ) *жаргонной* газеты кричитъ въ каждомъ нумерѣ: „долой поганный жаргонъ“! Вотъ геройство! Но это бы ничего. Чтобы окончательно подорвать авторитетъ жаргона, онъ въ передовыхъ статьяхъ, въ фельетонахъ, въ политической и иностранной хроникахъ повѣствуетъ читателямъ о томъ, что Шаломъ-Алейхемъ-де куритъ десятирублевыя сигары и подку-

паетъ своихъ критиковъ (въ томъ числѣ и Васъ, конечно) для рекламированія своихъ произведеній, и т. п. грязь, которую повторять стыдно. И это все—въ *единственномъ* органѣ для массы! Удивительно, какъ, однако, моя „Библіотека“ такъ быстро и съ такимъ успѣхомъ разошлась въ народѣ; а отзывы и сочувствіе людей искреннихъ придаютъ мнѣ силу и бодрость бороться противъ явной несправедливости двумя путями: презрительнымъ отношеніемъ ко всякой сволочи и энергичнымъ стремленіемъ впередъ, распространяя полезныя книги въ массѣ.—Ваше замѣчаніе относительно существеннаго пробѣла въ „Библіотекѣ“—историческихъ популярныхъ статей—принялъ къ свѣдѣнію съ душевной признательностью. Пред. Вамъ *С. Рабиновичъ*.

№ 16. Кіевъ. 2 февраля 1890.

Давненько не писалъ я Вамъ. Не то, чтобы не было о чемъ, а скорѣе отъ невозможности самому оторваться отъ усиленныхъ занятій (на-дняхъ II томъ моей „Библіотеки“ выходитъ въ свѣтъ) и нежеланія мѣшать другому заниматься. Прошли тѣ блаженныя времена, когда люди нуждались въ обмѣнѣ мыслей. Теперь этотъ обмѣнъ мыслей замѣнили либо дѣловой корреспонденціей, либо журнальной перегрызкой. Единственное спасеніе — это искусство, куда удаляешься на время и забываешь всю эту литературную мразь. Говоря объ искусствѣ, я считаю для себя пріятнымъ долгомъ увѣдомить Васъ, что черезъ недѣльки двѣ пришлю Вамъ мой новый романъ „Іоселе Соловей“, имѣющій войти во II томъ „Библіотеки“. Если Вы отнеслись къ „Стемпеню“ такъ благосклонно, то я не знаю, что Вы уже скажете объ этомъ произведеніи. Я, по крайней мѣрѣ, переписывалъ его разъ пять и, кажется, не даромъ потрудился надъ нимъ. Кстати, посылаю Вамъ одновременно съ этимъ письмомъ мои „Типы и Силуэты“, первые мои опыты на языкѣ нашихъ праотцевъ. Преданный Вамъ *С. Рабиновичъ*.

№ 17. Кіевъ. 16 февр. 1890 г.

Я уже начинаю думать, что Вы въ Питерѣ и письма мои такимъ образомъ пропадаютъ въ Мстиславлѣ. Но я рискую и пишу все-таки Вамъ опять и опять. Одновременно съ симъ посылаю Вамъ мои мелкіе разсказцы на древне-еврейскомъ языкѣ, какъ первые опыты, пробы пера (я, кажется, послалъ Вамъ ихъ въ Петербургъ). Со стороны содержанія ихъ я не могу похвалиться, ибо обратилъ все свое вниманіе на изящество слога. Я выну-

жденъ былъ обратиться вначалѣ къ типамъ „отживающимъ“, въ виду того, что хочу дать цѣлую серію такихъ типовъ и силуэтовъ вплоть до новѣйшаго времени, и эти типики мнѣ пригодятся для параллели... Если время позволитъ Вамъ, пишите о нихъ отзывъ въ „Восходѣ“ и, кстати, сообщите мнѣ Ваше мнѣніе. На-дняхъ получите мой новый романъ „Іоселе Соловей“, который прошу прочесть съ *особеннымъ* вниманіемъ. До свиданія. В. В. *С. Рабиновичъ.*

№ 18. Кіевъ. 5. III. 90.

Посылаю Вамъ, наконецъ, мой романъ и письмо изъ критическаго отдѣла „Библіотеки“, въ которомъ излагается profession de foi романа, т. е. не одного этого романа, а цѣлаго ряда произведеній, какъ я Вамъ однажды уже докладывалъ. Жду съ нетерпѣніемъ Вашего частнаго отзыва. Пред. Вамъ *С. Рабиновичъ.*

№ 19. Кіевъ. 15. III. 90.

Посылаю Вамъ шутку-феерію изъ кружковой жизни нашей провинціальной еврейской интеллигенціи.

Какъ жаль, что поспѣшилъ высылкой Вамъ моего романа „Іоселе Соловей“! Въ настоящую минуту печатается дополнительная глава къ нему (между XXXI и XXXII). Какъ только будетъ готово, пришлю и попрошу вставить ее въ книжку мою. Преданный Вамъ *С. Рабиновичъ.*

№ 20. Кіевъ. 20. IV. 90.

Вчера лишь возвратился изъ Одессы, гдѣ участвовалъ въ качествѣ делегата въ выборахъ членовъ Палестинскаго Комитета, и получилъ Ваше письмо и брошюры Ваши, за которыя сердечное Вамъ спасибо. Вы не можете себѣ представить, какъ огорчило меня Ваше письмо, гдѣ Вы сообщаете о Вашемъ рѣшеніи сложить съ себя, хотя бы на время, обязанность рецензента. Я бы просилъ Васъ, по крайней мѣрѣ, постараться, чтобы безъ Васъ никто не писалъ рецензіи о II томѣ „Е. Н. Б.“, ибо я знаю, кто и съ какими взглядами возьмется за это дѣло; не обойдется также и безъ дрязгъ и неизмѣнныхъ донесеній, каковымъ уже дано мѣсто въ „Письменомъ ящикѣ Редакціи“ въ Хроникѣ Восхода. Жду Вашего извѣщенія о новомъ Вашемъ изданіи, въ которомъ я себя заранѣе объявляю сотрудникомъ и словомъ и дѣломъ. Весь Вашъ *С. Рабиновичъ.*

№ 21. Ю.-З. Ж. Д. Ст. Боярка, 17 мая 1890.

Ваше письмо меня обрадовало: наконецъ-то мы съ Вами познакомимся. Но будете ли Вы *скоро* въ Кіевѣ? Во всякомъ слу-

чаѣ, если пріѣдете въ Кіевъ, то прошу Васъ заѣхать либо въ Кіевъ, на Елизаветинскую улицу, № 8, либо въ Боярку, дача 26, по Вашему выбору. Мой совѣтъ—заѣзжайте прямо въ Боярку, откуда Вы имѣете 5—6 кіевскихъ поѣздовъ въ день. Д-ръ Мандельштамъ также живетъ въ Бояркѣ, т. е. пріѣзжаетъ ежедневно въ Боярку дачнымъ поѣздомъ въ 5 часовъ и проводитъ здѣсь до слѣдующаго утра, по обычаю всѣхъ дачниковъ. Я совѣтую Вамъ потому такъ дѣлать, дабы не приходилось Вамъ *ночевать* въ Кіевѣ, что важно во *всѣхъ* отношеніяхъ. Наконецъ, я требую и настоятельно прошу ускорить Вашъ пріѣздъ, ибо въ Іюнѣ-Іюлѣ—кто знаетъ?—д-ръ Мандельштамъ можетъ куда-нибудь уѣхать. Ясно, кажется, какъ лѣтній день, что Вы *должны* немедлено пріѣхать,—и въ Вашемъ полномъ распоряженіи моя зимняя квартира, которая теперь совершенно гуляетъ, а также полный отдыхъ и самое что ни на есть простое „балебатыше" гостепріимство въ Бояркѣ. Жалуйте-же, Семенъ Марковичъ, не медлите, ибо въ середину лѣта я собираюсь въ Одессу. Жду Вашего письма съ назначеніемъ дня и недѣли Вашего къ намъ пріѣзда. Весь Вашъ *Соломонъ Рабиновичъ.*

P. S. Казусъ съ г. Линецкимъ для меня не новъ *): этотъ несносный авторъ стоитъ мнѣ много денегъ, крови и жизни. 70 чертей и 140 вѣдьмъ тому, кто выдумалъ жаргонную журналистику и *жаргонныхъ писателей.*

№ 22. Боярка, 14 іюня 99.

Получилъ Вашу открытку и вижу, что Вы норовите пріѣхать именно тогда, когда меня дома не будетъ, потому что въ Одессу я ѣду по вызову... (слово неразборчиво); весьма возможно, могутъ вызвать ежедневно отъ 20 до 25 іюня. Пробуду я тамъ дней 8. Но я нашелъ modus vivendi, чтобы свиданіе „двухъ литераторовъ еврейскихъ" состоялось во что бы то ни стало, а именно: и я и Вы обязываемся въ день выѣзда нашего изъ нашихъ гнѣздъ сообщить другъ другу краткою телеграммою: „выѣзжаю сегодня", такъ что каждый изъ насъ будетъ предупрежденъ относительно другого. Если напримѣръ, я 18, 19 или даже 20 по-

---

*) При этомъ письмѣ Ш.-А. я нашелъ письмо отъ извѣстнаго писателя Линецкаго изъ Одессы, адресованное редактору „Восхода" и пересланное мнѣ „для свѣдѣнія". Линецкій—талантливый, но нѣсколько „дикій" писатель—жалуется на Шаломъ-Алейхема, который во 2-мъ томѣ „Библіотеки" сократилъ и „обезобразилъ" повѣсть Л—го „Der Wurm in chrein". См. объ этомъ въ моей статьѣ о „Библіотекѣ", *Восходъ* 1890, кн. IX, стр. 29—30 (отд. II).

лучаю депешу Вашу о выѣздѣ Вашемъ въ Боярку, то я, несмотря на вызовъ, жду Васъ день-другой, и мы, погостивъ здѣсь малость, можемъ сообща уѣхать въ Одессу. Или, если я Вамъ 20 іюня сообщаю о моемъ выѣздѣ въ Одессу, то Вы воздерживаетесь дома, положимъ, до 25 или 26 іюня, когда я Вамъ изъ Одессы сообщу о выѣздѣ моемъ обратно домой. Словомъ, будемъ держать въ извѣстности другъ друга. Такимъ образомъ „свиданіе двухъ литераторовъ“ обезпечено, обезпечено также и политическое равновѣсіе Европы; затѣмъ слѣдуетъ всеобщее разоруженіе, налоги падаютъ, промышленность процвѣтаетъ, „волкъ живетъ съ овцою“ и т. д. *). Очень было бы кстати, если бы мы вмѣстѣ могли быть въ Одессѣ. Пока же пишите открытки ежедневно, чтобы знать все таки, когда Вы намѣрены оставить Мстиславль, хотя я, признаться, противъ этого города ничего не имѣю. Весь Вашъ *Шаломъ-Алейхемъ.*

№ 23. Боярка. 20 іюля 1890.

Сиръ и вдовъ брожу я весь день въ саду, по излюбленной Вами аллеѣ, и все думаю о томъ, какъ бы было пріятно, хорошо и полезно, еслибы стукъ Вашихъ каблуковъ раздавался въ столовой, хотя бы тогда даже, когда я буду спать. Лучшимъ доказательствомъ, что я скучаю, это то, что я почти потерялъ аппетитъ, увы!.. Но довольно сантиментальничать. Поговоримъ о дѣлахъ болѣе важныхъ. Эмма **), Ваша любимица, спрашиваетъ, разыскивая кого-то въ саду: „гдѣ дядя“? Не знаете ли, Милостивый Государь, о комъ мечтаетъ сія дѣвица? Извините, я, какъ отецъ, беру себѣ право вникать въ сокровенныя тайны моихъ дочекъ, ведущихъ кумовство съ еврейскими писателями. Кстати, о нихъ, о писателяхъ нашихъ... „Но неужели они еще Вамъ не надоѣли“?— скажете Вы. Совершенно вѣрно, они мнѣ надоѣли страшно, но все же какая-то сила проклятая тянетъ меня къ нимъ. Я увѣренъ, что будь я теперь въ Америкѣ, либо въ Мстиславлѣ, ликъ Дубжевича предсталъ бы передъ мои духовные очи.... Моя картинная галлерея писателей или „Orajta begoluta“ печатается съ № 159 „Hameliz'a“. Въ томъ же № есть много интереснаго для Васъ и даже нужнаго для Вашей работы. Я бы писалъ да писалъ Вамъ, но знаю какъ $2 \times 2 = 4$, что въ данную минуту Вы плывете по Днѣпру, затѣмъ Вы, по живости Вашего темпе-

*) Эта библейская фраза приведена въ письмѣ въ подлинникѣ.
**) Трехлѣтняя дочка Ш.-А.

рамента, проведете денька 3—4 съ „Моткой", затѣмъ простоите съ недѣльку во городѣ во Пропойскѣ, и лишь къ Hoschana-raba пріѣдете домой. Такого мнѣнія держатся всѣ мои домашніе, которые шлютъ Вамъ сердечнѣйшіе поклоны... Обнимаю Васъ и грызу ногти отъ досады, что я дѣлаю впрочемъ всегда. Весь Вашъ *Шолемъ-Алейхемъ*.

№ 24. Боярка, 27 іюля 1890.

Я нисколько не удивляюсь, что до сихъ поръ не имѣю отъ Васъ ни гу-гу. Я бы гораздо больше удивился, если бы почта вдругъ принесла мнѣ отъ Васъ письмо. Это, впрочемъ, не снимаетъ съ Васъ отвѣтственности въ поддержаніи нашей корреспонденціи. Всѣ мы здравствуемъ и... виноватъ, вовсе не здравствуемъ, а болѣемъ холериной, свирѣпствующей здѣсь безжалостно. Въ настоящую минуту я не на шутку боленъ; думалъ сегодня, что страдаю холерой, хотѣлъ ужъ сдѣлать надлежащія распоряженія, да грѣхи литературные не допустили. Дѣло въ томъ, что часъ тому назадъ я закончилъ новое произведеніе на жаргонѣ, маленькій шедевръ, подъ заглавіемъ „A Kwitel af jischuw Erezisroel". По шапочкѣ Вы догадываетесь, въ чемъ дѣло. Это, однако, не мѣшаетъ чтобы разсказъ былъ изданъ Кіевскимъ кружкомъ „Chowewe-Zion", а прежде я думаю прочесть рукопись публично въ Кіевѣ же. То-то зашевелится муравейникъ нашъ, прости Господи!—Былъ у меня авторъ „Lo dubim welo jaar" *); даже въ гостяхъ наши еврейскіе литераторы бываютъ въ халатѣ и въ туфляхъ... Весь Вашъ *С. Рабиновичъ*.

P. S. В. Л. Берманъ прислалъ мнѣ приглашеніе участвовать въ издаваемомъ имъ Сборникѣ „Палестина". Слышали Вы что-нибудь объ этомъ Сборникѣ.—P. P. S. Сдѣлайте шаговъ 500 и отвѣчайте сейчасъ-же.

№ 25. Кіевъ. 5 августа 1890.

Получилъ, наконецъ, Ваше письмо послѣ долгаго-долгаго ожиданія. Чтобы ввести порядокъ въ нашу переписку, мнѣ слѣдовало бы ожидать Вашего отвѣта на второе мое письмо; но это значило бы ждать еще около мѣсяца, что при моей экспансивности рѣшительно невозможно. Съ тѣхъ поръ, какъ мы обнюхались съ Вами, я чувствую особую потребность дѣлиться съ Вами

*) Полемическая книжка вышеупомянутаго Дубжевича, кіевскаго писателя, печатавшаго старомодныя экзегетическія замѣтки въ еврейскихъ журналахъ.

всѣми мыслями и чувствами; а тутъ мстиславская глушь съ ея медлительностью въ способѣ передачи писемъ. Ахъ, какъ бы я хотѣлъ уже, чтобы Вы переѣхали въ Питеръ! Не знаю почему, но я ненавижу Вашъ Мстиславль!—Кстати, о немъ и литература начинаетъ, повидимому, забывать: его смѣнили Бѣлостокомъ, а мѣсто Вашего предводителя дворянства занялъ теперь д-ръ Грановскій, художникъ, ультра-реалистъ и татуировщикъ *). Но и сей послѣдній, вѣроятно, скоро будетъ оставленъ въ пользу третьяго героя. Ничего нѣтъ вѣчнаго подъ луною. Неужели Васъ потащутъ въ судъ? Меня это не только не радуетъ, но даже просто безпокоитъ. Я боюсь этого слова пуще огня.

Разсказецъ мой, о которомъ я Вамъ писалъ, уже былъ читанъ въ засѣданіи нашихъ „Хойввей" и, какъ говорятъ, привелъ всѣхъ въ восхищеніе. Я его печатаю скоро. Вмѣстѣ съ нимъ выйдетъ въ свѣтъ еще одинъ очеркъ мой, уже на древнееврейскомъ языкѣ: „Prosdor utraklin",—также съ цѣлью пропаганды палестинской идеи,—конечно, безъ тенденціи, которой я не терплю, и на реальномъ основаніи. Кстати, скажите, ради Бога, какъ мнѣ перевести на русскій языкъ названіе Prosdor utraklin? Передняя и салонъ, прихожая и залъ, или какъ-нибудь иначе?..

Особенныхъ новинокъ и новостей пока нѣтъ. Состояніе моего духа все одинаково; лишь порой отдыхаю на работѣ, т. е. пишу, но все мелкія, хотя и удачныя, кажется, вещи, и больше на древнемъ языкѣ, который полюбился-таки мнѣ смертельно. И все спѣшу я, да спѣшу, точно въ самомъ дѣлѣ, какъ я Вамъ говорилъ, не успѣю, опоздаю... Ну, а Вы-то какъ живете? Завидую, что собираетесь куда бы то ни было, а тѣмъ паче въ Питеръ. А я-то *куда* собираюсь?..

До свиданія, дорогой другъ, не забывайте же. Истинно преданный Вамъ *Соломонъ Рабиновичъ.*

---

*) Рѣчь идетъ о „мстиславской исторіи" (угроза мѣстныхъ властей, на основаніи губернаторскаго циркуляра, подвергать тѣлесному наказанію всѣхъ евреевъ, которые при встрѣчѣ не будутъ кланяться начальству). Оглашеніе мною этого факта и надлежащее его комментированіе въ „Восходѣ" вызвали шумъ въ русской и заграничной прессѣ. Вскорѣ нашумѣла и дикая выходка д-ра Грановскаго въ Бѣлостокѣ, который разрисовалъ ляписомъ лицо еврейскому мальчику, забравшемуся въ его садъ. Мнѣ тогда грозилъ не судъ, какъ дальше говорится въ письмѣ, а расправа административная, такъ какъ „охрана" хорошо знала, отъ кого исходятъ разоблаченія, волновавшія тогда общественное мнѣніе.—*С. Д.*

№ 26. Кіевъ. 28 августа.

...Что же до меня касается, то столь много накопилось, что писать грѣшно и невозможно. Живу собачьей жизнью. Отдыхаю лишь тогда, когда уже сильно занятъ и разбросанъ. Мчусь на суетно-житейскомъ аэростатѣ, по всѣмъ направленіямъ. Голова ходуномъ идетъ, въ ушахъ постоянный звонъ, и вся душа моя будто находится въ чьей-то власти, во власти современнаго Демона; лишь изрѣдка поглядываю внизъ, на растилающійся подо мною міръ, и я созерцаю его прелести, упиваюсь его красотами и смѣюсь надъ его неисчерпаемою глупостью. Словомъ, это не жизнь, а какая-то дьявольщина, и Богъ вѣсть, куда я попаду—навѣрное въ адъ...

Моя жаргонная книжка новая скоро увидитъ свѣтъ. Разсказецъ юмористическаго свойства, живой, бойкій и не лишенъ психологической правды. Древнееврейскій же разсказъ мой тоже готовъ къ печати, но я остался имъ недоволенъ, и едва ли онъ увидитъ свѣтъ, если его не исправлю. Весь Вашъ *С. Рабиновичъ.*

№ 27. Кіевъ. 2. X. 90.

Тяжело будетъ для Васъ то, что я Вамъ сообщу здѣсь, но каково уже мнѣ! Вашъ раздвоенный другъ, столь бурно прошедшій бурную жизнь, соскользнулся и погибъ... погибъ для міра золота и бумаги. Пробилъ его послѣдній часъ, и онъ, сложивъ оружіе, обратился въ бѣгство, разумѣется до поры до времени. Что скажетъ „свѣтъ“? Какъ примутъ это мои друзья, искренніе и неискренніе? Но до того-ли мнѣ теперь? Считая Васъ добрымъ, искреннимъ другомъ, я прошу Васъ вспомнить о томъ, что говорено было между нами въ Бояркѣ. Дѣла уже *тогда* были скверны, но одинъ шагъ, устремленный мною къ выходу изъ неопредѣленнаго и шаткаго положенія, ускорилъ лишь конецъ. Двѣ-три крупнѣйшихъ неудачи, два-три ужаснѣйшихъ банкротства—и я очутился въ огнѣ, объятый пламенемъ долговъ и обязательствъ, грозящихъ мнѣ не только раззореніемъ, но чѣмъ-нибудь болѣе ужаснымъ. Куда направлюсь я—одному Богу извѣстно!

Радъ я, что Вы очутились въ Одессѣ. Adonaj schlochocho. Тамъ живетъ теперь моя семья. Долженъ ли я просить Васъ быть для нея утѣшителемъ? Сойдитесь съ Б.-А... Онъ святой человѣкъ. У него Вы узнаете адресъ моей супруги и дѣтокъ. Прощайте, дорогой товарищъ. Весь Вашъ *Шаломъ-Алейхемъ.*

Эммануилъ Борисовичъ Левинъ (1820—1913).

По автобіографическимъ замѣткамъ.

Жизнь и общественная дѣятельность скончавшагося въ 1913 году Эммануила Борисовича Левина мало извѣстна, хотя онѣ преимущественно протекли въ заботахъ объ улучшеніи бытовыхъ условій и облегченіи безотрадныхъ судебъ русскаго еврейства. А между тѣмъ жизнь эта тѣмъ болѣе интересна, что она обнимаетъ три послѣднія четверти минувшаго XIX вѣка,—эпоху большихъ кризисовъ въ бытѣ и положеніи евреевъ.

Общественная дѣятельность Э. Левина въ ея совокупности распадается на два періода: 1) отъ начала 40-хъ до конца 50-хъ годовъ—дѣятельность педагогическая, на поприщѣ просвѣщенія еврейскаго юношества, съ нерѣдкими проявленіями общественной дѣятельности, и 2) отъ конца 50-хъ годовъ почти до конца трудовой его жизни—дѣятельность общественная на пользу русскихъ евреевъ вообще. Достаточно указать, что начиная съ 1858 года, когда баронъ Евзель Гинцбургъ, а затѣмъ его сынъ Горацій, приняли на себя представительство передъ высшею властью въ дѣлѣ расширенія гражданскихъ правъ евреевъ, вплоть до 1893 года, всѣ труды по составленію разнаго рода бумагъ и записокъ по этому предмету исполнены были Э. Левинымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ обширный архивъ Гинцбурговъ.

Помимо этого Э. Левинъ находилъ время и на литературные труды, составляющіе въ настоящее время большею частью библіографическую рѣдкость (труды эти указаны будутъ ниже). Первый печатный его трудъ—„Русская Грамматика", составленная на еврейскомъ языкѣ съ цѣлью распространенія знанія русскаго языка между взрослыми евреями, появился въ Вильнѣ въ 1846 году; послѣдній же печатный его трудъ—„Сборникъ ограничительныхъ законовъ и постановленій о евреяхъ"—появился 56 лѣтъ спустя, въ 1902 году.

Нижеприведенныя данныя, касающіяся жизни и дѣятельности Э. Левина, позаимствованы въ большинствѣ изъ автобіографическихъ его замѣтокъ, оказавшихся среди бумагъ его личнаго архива, пожертвованнаго, по его желанію (вмѣстѣ съ историческимъ отдѣломъ его цѣнной библіотеки), архиву и библіотекѣ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества, членомъ и неутомимымъ сотрудникомъ коего онъ состоялъ еще въ то время, когда оно существовало въ видѣ Историко-Этнографической Коммиссіи при Обществѣ распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи.

Эммануилъ Борисовичъ Левинъ родился въ Минскѣ 3/15 декабря 1820 года, что по еврейскому лѣтосчисленію соотвѣтствуетъ 10 числу мѣсяца Тебетъ 5581 года. Относительно своихъ родителей онъ говоритъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ слѣдующее:

„Отецъ мой былъ родомъ изъ мѣстечка Ракова, Минской губерніи, но проживалъ въ Вильнѣ. Онъ былъ ученымъ талмудистомъ; три года сряду онъ былъ „порушемъ", не употреблялъ въ пищу ни рыбы, ни мяса, ни яицъ, ни молока и вообще никакихъ животныхъ продуктовъ, а питался исключительно лишь произведеніями растительнаго царства и жилъ въ затворничествѣ, все изучая талмудъ и раввинскую литературу. Выйдя изъ затворничества, придавшаго ему въ глазахъ ортодоксовъ особый престижъ, онъ сталъ преподавать талмудическія знанія маленькому кружку учениковъ, отъ четырехъ до шести, при чемъ это были всегда люди взрослые, женатые, готовящіеся къ занятію раввинскаго кресла".

„Въ это время, продолжаетъ Э. Левинъ, отецъ моей матери, человѣкъ со значительнымъ достаткомъ, искалъ для своей единственной дочери жениха *ламдина*, то-есть ученаго талмудиста. Благодаря содѣйствію неизбѣжнаго свата, *шадхена*, партія была сосватана, по тогдашнему обычаю, заочно и безъ спроса наиболѣе въ томъ заинтересованныхъ молодыхъ людей, которые и соединены были брачными узами (1811 г.). Но весьма юная новобрачная съ перваго же дня не возлюбила навязаннаго ей супруга, вслѣдствіе чего бракъ оказался несчастливымъ. Нѣсколько разъ мать моя оставляла мужа и уѣзжала къ своимъ родителямъ, требуя расторженія ненавистнаго ей брака, но дѣдушка мой ни за что не хотѣлъ лишиться предмета, удовлетворявшаго его

тщеславію, въ лицѣ зятя, котораго многіе ему завидовали, а потому онъ каждый разъ отвозилъ дочь свою къ мужу и водворялъ ее тамъ противъ ея воли.

„Появленіе мое на свѣтъ на девятомъ году ихъ брачнаго сожительства (1820 г.) нисколько не улучшило отношеній между моими родителями, и наконецъ, послѣ одиннадцати лѣтъ супружескихъ несогласій и раздоровъ, дѣдушка вынужденъ былъ согласиться на расторженіе брака его дочери разводомъ (1822 г.), при чемъ онъ взялъ ее съ ея первенцомъ къ себѣ, и мы оставались на содержаніи и попеченіи дѣдушки до конца дней его (онъ умеръ въ Воложинѣ въ 1833 году).

„Несмотря на то, что мать моя черезъ нѣкоторое время вышла вторично замужъ (второй мужъ—Яковъ бенъ р. Бецалель), она продолжала жить у дѣдушки вмѣстѣ со мною, новымъ своимъ мужемъ и тремя дѣтьми, которыя она ему родила.

„Отецъ мой, послѣ развода съ моей матерью, женился на дочери раввина еврейской общины уѣзднаго города Ошмяны (Виленской губерніи), рабби Авраама Городненскаго и, изучивъ теоретически и практически искусство рѣзака, поселился въ Ошмянахъ, сдѣлавшись рѣзакомъ при мѣстной общинѣ".

Какъ видно изъ другой замѣтки, учителемъ мальчика Эммануила въ 1831—1833 г. состоялъ мѣстный миснагидскій раввинъ ребъ-Мейшель, у котораго онъ изучалъ талмудъ, начавъ съ трактатовъ: Бава Кама, Мецція, Басра, далѣе Ксубōтъ, Кдушинъ, Гитинъ, Хулимъ; тогда же онъ изучалъ энциклопедію наукъ Эліи-Пинхоса Гурвица — „Сеферъ Габрисъ", переизданную въ Вильнѣ въ 1818 г. Все это имѣло мѣсто въ Молодечнѣ; дальнѣйшее же талмудическсе образованіе онъ получилъ въ Вилейкѣ.

Тамъ же, 1 января 1834 года (3 Шебатъ 5595 г.), состоялась помолвка Эммануила Борисовича, которому минуло тогда 14 лѣтъ отъ роду, съ Элькою-(Еленою) Рахилью, дочерью Цви-Гирша бенъ-Іосифъ; бракосочетаніе же ихъ состоялось 24 іюля 1835 г. Съ этой женою онъ прожилъ вмѣстѣ болѣе шестидесяти лѣтъ: она умерла въ сентябрѣ 1895 г. въ Петербургѣ.

Общее образованіе Эммануилъ Левинъ получилъ уже послѣ женитьбы, въ Молодечненскомъ пятиклассномъ Дворянскомъ Училищѣ, куда онъ поступилъ въ 1836 и окончилъ его въ 1841 г. Въ 1842 г., онъ выступаетъ уже на педагогическомъ поприщѣ, въ качествѣ учителя русскаго языка и ариѳметики въ открывшемся тогда въ Вильнѣ частномъ еврейскомъ училищѣ Клячко (отца извѣстнаго польскаго писателя Юліана Клячко), первомъ

изъ училищъ современнаго типа въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Должность эту онъ занималъ до закрытія училища, послѣдовавшаго въ 1844 году.

Осенью 1844 г. Левинъ переселился въ Минскъ, гдѣ уже въ началѣ 1845 г. былъ назначенъ секретаремъ Временной Губернской Еврейской Училищной Коммиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ тогдашняго директора училищъ Минской губерніи Бориса Фишера; членами ея въ то время состояли раввинъ Моше-Цви Гальпринъ и купецъ 1-й гильдіи Янкель Гурвичъ. Въ іюлѣ того же года онъ былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ и преподавателемъ русскаго языка и ариѳметики въ Минское Общественное Еврейское Училище (Талмудъ-Тору), при открытіи коего произнесъ рѣчь. Затѣмъ въ іюлѣ 1846 г., онъ былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка, ариѳметики и географіи въ Минскомъ Частномъ Еврейскомъ Училищѣ для купеческихъ дѣтей, гдѣ при открытіи ему пришлось также произнести рѣчь въ присутствіи генералъ-губернатора.

Объ успѣшности и пользѣ педагогической дѣятельности Левина въ это время можно судить по тому, что уже въ іюлѣ 1847 г. ему объявлена была признательность отъ министерства народнаго просвѣщенія за усердіе. При этомъ молодой учитель находилъ еще время и для научныхъ и литературныхъ занятій. Въ 1846 г. имъ написана и издана была въ Вильнѣ „Русская Грамматика на еврейскомъ языкѣ", составляющая нынѣ библіографическую рѣдкость; цѣль автора состояла въ облегченіи взрослымъ евреямъ изученія русскаго языка; при составленіи этого учебника авторъ, какъ видно, пользовался появившейся нѣсколько времени ранѣе „Русскою Грамматикою" Греча, которую его книга напоминаетъ и по наружному виду. Въ это время онъ подготовлялся также къ экзамену по предметамъ гимназическаго курса, который и выдержалъ при минской гимназіи въ 1847 году.

Въ январѣ 1848 года Левинъ былъ опредѣленъ учителемъ русскаго, а вслѣдъ затѣмъ и нѣмецкаго языка въ Минское Казенное Еврейское Училище 1-го разряда.

Отъ проницательнаго взора этого хотя еще молодого, но опытнаго педагога не могъ ускользнуть крупный пробѣлъ въ образованіи тогдашняго еврейскаго юношества, а именно полное пренебреженіе къ женскому образованію и отсутствіе училищъ для этой цѣли. Желая дать толчокъ развитію этого дѣла, Левинъ тогда уже возбуждаетъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія

ходатайство о разрѣшеніи ему совмѣстно съ женою открыть въ городѣ Минскѣ еврейское женское училище. Ходатайство это увѣнчалось успѣхомъ, и разрѣшеніе послѣдовало 24 декабря 1849 г. Училище открыто было въ январѣ 1850 г. Посѣтившій это училище шесть мѣсяцевъ спустя, директоръ училищъ Минской губерніи нашелъ успѣхи ученицъ столь блестящими, что счелъ необходимымъ выразить учредителю особенную свою признательность и въ то же время довести о томъ до свѣдѣнія высшаго начальства. Это первое въ Россіи еврейское женское училище не могло, однако, существовать на средства, доставляемыя платою за обученіе; министерство же народнаго просвѣщенія отклонило ходатайство попечителя Бѣлорусскаго учебнаго округа о назначеніи этому училищу нѣкотораго пособія изъ суммъ, предназначенныхъ на образованіе евреевъ,—вслѣдствіе чего училище пришлось закрыть уже въ слѣдующемъ 1851 году.

Огорченный этою неудачею, Левинъ рѣшилъ совсѣмъ покинуть Минскъ. Воспользовавшись предложеніемъ Кіевскаго генералъ-губернатора и начальника Кіевскаго учебнаго округа, онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности учителя при минскомъ казенномъ еврейскомъ училищѣ, и въ началѣ августа 1851 г. отправился въ Кіевъ. Въ виду предполагавшагося тогда открытія въ Подольской губерніи казенныхъ еврейскихъ училищъ, въ Кіевскомъ учебномъ округѣ оказался недостатокъ преподавателей еврейскихъ предметовъ, а потому тотчасъ послѣ своего прибытія Левинъ получилъ мѣсто учителя еврейскихъ предметовъ въ Проскуровскомъ казенномъ еврейскомъ училищѣ 1-го разряда, гдѣ вскорѣ ему поручено было и преподаваніе нѣмецкаго языка. При открытіи этого училища, 14 октября, имъ произнесена была рѣчь.

Въ томъ же 1851 году Левинымъ составленъ былъ и изданъ въ Вильнѣ „Русскій Письмовникъ“—руководство для евреевъ въ веденіи корреспонденціи на русскомъ языкѣ; но всѣмъ этимъ изданіемъ завладѣлъ тогда его сводный братъ М. І. Гальпринъ, такъ что автору - издателю не досталось ни одного экземпляра этой книги.

Жизнь въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ не особенно улыбалась энергичному, рвавшемуся къ болѣе широкой дѣятельности, труженику. Онъ стремился развернуть свои силы на болѣе просторномъ поприщѣ, что ему и удалось уже въ концѣ 1852 года, когда онъ изъ Проскурова былъ переведенъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Житомірское Раввинское училище. Въ апрѣлѣ

17

1853 г. онъ былъ назначенъ также надзирателемъ надъ казеннокоштными воспитанниками этого заведенія. Вскорѣ послѣ назначенія на эти должности, ему поручено было корпораціей учителей составленіе записки на имя высшаго учебнаго начальства съ ходатайствомъ объ освобожденіи учителей Раввинскаго училища отъ податей и сборовъ. Въ 1855 г. Левинъ, по предложенію директора Раввинскаго училища, составилъ рѣчь, подъ заглавіемъ „Прощальное Слово", для прочтенія на торжественномъ актѣ однимъ изъ учениковъ перваго выпуска училища; въ этой рѣчи разсмотрѣны условія правильнаго и цѣлесообразнаго воспитанія юноши, какъ человѣка и гражданина. Затѣмъ въ 1856 г. имъ составлена была записка министру народнаго просвѣщенія Норову съ ходатайствомъ: а) объ устройствѣ училищной синагоги, б) объ освобожденіи учителей Раввинскаго училища отъ податей и сборовъ, в) о прибавкѣ жалованія учителямъ Раввинскаго училища, и г) объ основаніи при училищѣ ученолитературнаго журнала. Затѣмъ въ маѣ 1857 г., по собственному желанію, онъ былъ уволенъ отъ службы въ Раввинскомъ училищѣ и вообще по учебному вѣдомству. Въ октябрѣ того же года, по просьбѣ инспектора раввинскаго училища Я. Эйхенбаума и всего персонала преподавателей еврейскихъ предметовъ, Левинъ составилъ рапортъ по начальству съ опроверженіемъ несправедливыхъ обвиненій противъ упомянутыхъ лицъ (поддержанныхъ бывшимъ ученымъ евреемъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія Леономъ Мандельштамомъ передъ попечителемъ учебнаго округа) въ некорректной, съ точки зрѣнія евреевъ-ортодоксовъ, частной ихъ жизни,—какъ напр., что они не молятся аккуратно три раза въ день, что у нихъ по субботамъ ставятъ самовары, что они соблюдаютъ не всѣ посты, что они позволяютъ себѣ иногда въ гостяхъ или съ гостями у себя играть въ карты и т. п.

Съ переходомъ на службу въ Житоміръ общественная дѣятельность Левина, начавшаяся въ Минскѣ въ 1845 г. (когда имъ составлена была жалоба министру народнаго просвѣщенія по поводу насильственнаго окрещенія двухъ малолѣтнихъ еврейскихъ дѣтей) должна была принять болѣе широкіе размѣры. Съ 1853 г. имъ составлены были записки съ ходатайствомъ по слѣдующимъ вопросамъ: 1) объ освобожденіи учителей какъ Раввинскаго училища, такъ и другихъ казенныхъ еврейскихъ училищъ отъ всякихъ податей и сборовъ; 2) объ обузданіи житомірской по-

лиціи, подвергавшей еврейскихъ женщинъ, не соглашавшихся выходить на улицу безъ париковъ, разнымъ издѣвательствамъ и насиліямъ *); 3) объ облегченіи бѣднымъ еврейскимъ вдовамъ возможности полученія „халицы“ отъ корыстолюбивыхъ и алчныхъ деверовъ своихъ; 4) цѣлый рядъ жалобъ на злоупотребленія при ловлѣ безпаспортныхъ евреевъ и сдачѣ ихъ въ рекруты въ качествѣ „пойманниковъ“. Дѣло въ томъ, что въ 1853 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, коимъ предоставлено было еврейскимъ обществамъ и отдѣльнымъ евреямъ сдавать за себя въ рекруты пойманныхъ безпаспортныхъ единовѣрцевъ своихъ. Эта необычная мѣра вызвала среди евреевъ вопіющія злоупотребленія и возмутительныя посягательства на личность своихъ ближнихъ. Левинымъ по этому предмету составлена была въ мартѣ 1855 г. особая записка **), которая при содѣйствіи одного изъ высокопоставленныхъ сановниковъ доложена была императору Александру II вскорѣ по восшествіи его на престолъ, и результатомъ ея былъ именной указъ отъ 26 августа 1856 г., коимъ эта жестокая мѣра была отмѣнена.

Въ ноябрѣ 1856 г., во время своего пребыванія въ Кіевѣ, Левинъ составилъ отъ имени евреевъ-купцовъ и мѣщанъ Кіевской и смежныхъ губерній прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ, съ ходатайствомъ объ упраздненіи двухъ отдѣльныхъ для евреевъ постоялыхъ дворовъ въ Кіевѣ (подворій) и о расширеніи правъ жительства и пріѣзда евреевъ въ Кіевъ вообще. Въ результатѣ этого ходатайства, постоялые дворы были немедленно упразднены въ административномъ порядкѣ; правила же о правѣ пріѣзда и жительства евреевъ въ Кіевѣ были значительно смягчены нѣсколько позже въ порядкѣ законодательномъ (законъ отъ 11 декабря 1861 года).

По порученію попечителя Кіевскаго учебнаго округа Н. Р. Ребиндера, Левинъ составилъ записку съ проектомъ преобразованія казенныхъ еврейскихъ училищъ. Записка была представлена тому же попечителю 18 декабря 1856 г., а затѣмъ, въ дополненіе къ ней, былъ представленъ подробный проектъ новаго положенія о еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Годъ спустя, по порученію Кіевскаго военнаго генералъ-губернатора, Левинымъ составлена была записка о причинахъ накопленія на еврейскихъ общинахъ податныхъ недоимокъ и о средствахъ къ ихъ устраненію въ будущемъ (подана 22 декабря

*) Напечатано въ *Евр. Старинѣ* 1915 г., стр. 399—403.
**) Напечатана въ *Евр. Старинѣ* 1915 г., стр. 216—224.

1857 года). Въ этой запискѣ авторъ указалъ, что причины недоимокъ лежатъ внѣ воли еврейскаго населенія, и предлагалъ самыя дѣйствительныя мѣры, могущія устранить эту неурядицу.

Въ мартѣ 1857 г. Гесель Марковичъ Розенбергъ предложилъ Левину поступить на частную службу къ Евзелю Гинцбургу, на что Левинъ изъявилъ согласіе. Онъ взялъ отпускъ, отправился въ Каменецъ-Подольскъ и поступилъ на новую службу, а въ маѣ того же года, какъ указано уже выше, по собственному желанію, былъ уволенъ отъ службы въ Раввинскомъ училищѣ. На новой службѣ ему первоначально поручено было закрытіе всѣхъ уѣздныхъ конторъ акцизнаго откупа Подольской губерніи, что имъ закончено было въ августѣ 1859 года. Уже въ іюлѣ этого года Левинъ препроводилъ Евзелю Гинцбургу въ Петербургъ записку, въ которой проектировались слѣдующія мѣры: 1) основаніе еврейской газеты на русскомъ языкѣ, 2) основаніе учено-литературнаго журнала на еврейскимъ языкѣ, 3) преобразованіе казенныхъ еврейскихъ училищъ, 4) установленіе раціональной системы взиманія съ евреевъ государственныхъ податей и налоговъ *). Записка эта не осталась безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу Левина: такъ какъ возложенное на него порученіе къ тому времени было уже исполнено, то онъ былъ вызванъ Гинцбургомъ въ Петербургъ, куда и прибылъ въ августѣ 1859 года.

О томъ, какую извѣстность доставили Левину уже въ то время его общественная дѣятельность и заботы относительно улучшенія правового положенія еврейскаго населенія, въ особенности заботы о пойманникахъ, и какимъ уваженіемъ онъ пользовался среди своихъ соплеменниковъ всѣхъ партій, можно судить по слѣдующему факту, отмѣченному въ автобіографическихъ отрывкахъ Левина. „Хассидскій цадикъ, рабби Моисей Коростышевскій, одинъ изъ десяти сыновей знаменитаго въ свое время цадика рабби Мотеля Чернобыльскаго, въ свою очередь правившихъ каждый многочисленною паствою приверженцевъ, повидимому, пожелалъ вознаградить еще на этомъ свѣтѣ мои заслуги по спасенію массы лицъ, въ томъ числѣ, конечно, многихъ изъ почитателей и приверженцевъ его, рабби Моисея, изъ рукъ новаго рода ловцовъ, охотившихся по всѣмъ дорогамъ за безпаспортными своими соплеменниками; при этомъ они (ловцы) позволяли себѣ уничтожать находимые у нихъ и еще непросро-

*) Эта записка помѣщена въ настоящей книжкѣ *Евр. Старины*, въ отдѣлѣ „Матеріаловъ“.

ченные паспорта, а несчастныхъ „пойманниковъ“ продавать за деньги нуждавшимся въ такомъ живомъ товарѣ единовѣрцамъ своимъ, для представленія ихъ въ рекрутскія присутствія за свои семейства, подъ видомъ безпаспортныхъ.—Для осуществленія своего желанія рабби Моисей воспользовался остановкою моею въ Коростышевѣ, проѣздомъ въ Кіевъ зимою 1856 года, у проживающаго въ этомъ городкѣ, резиденціи названнаго цадика одного изъ моихъ друзей Вольфа Лурье, и прислалъ старшаго своего габбая пригласить меня къ себѣ. Когда, принявши послѣ нѣкотораго колебанія приглашеніе, я явился къ почтенному старцу, рабби Моисей, окруженный своими приближенными, принялъ меня съ особенною торжественностью. По знаку цадика, габбай внесъ и поставилъ на столъ большой серебряный подносъ съ виномъ и сластями. Приглашеніе рабби Моисея отвѣдать принесенное я съ удивленіемъ попытался отклонить указаніемъ на то, что тотъ день былъ днемъ поста, именно 10 число мѣсяца Тебетъ, оказавшимся, по странному совпаденію, какъ разъ днемъ моего рожденія. Тогда старецъ поднялся съ кресла и растроганнымъ отъ волненія голосомъ произнесъ: „именно потому, что сегодня постъ, я прошу васъ вкусить при мнѣ вина и сластей, ибо вы сдѣлали много добра, спасли много людей и семействъ отъ бѣдствія, и заслуга ваша передъ Господомъ столь велика, что вамъ нѣтъ надобности изнурять себя постомъ. Вотъ почему я, въ силу моей пастырской власти, разрѣшаю васъ на всю вашу жизнь отъ обязанности соблюденія всѣхъ постовъ, за исключеніемъ лишь одного, установленнаго Моисеемъ въ Пятикнижіи, т. е. поста въ день искупленія (Іомъ Кипуръ). „Такъ совершилось, заканчиваетъ замѣтка, единственное въ своемъ родѣ нелицемѣрное чествованіе хассидскимъ цадикомъ своего антипода—учителя Раввинскаго училища“.

Поступивъ въ 1857 г. на частную службу къ откупщику акцизныхъ сборовъ, впослѣдствіи барону, Е. Г. Гинцбургу, по завѣдыванію акцизными сборами девяти губерній,—Левинъ исполнилъ данное ему порученіе по ликвидаціи уѣздныхъ конторъ акцизнаго откупа Подольской губерніи, а затѣмъ вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ окончательно поселился въ 1859 году. Здѣсь ему сначала поручено было веденіе дѣлъ по разсчетамъ и взаимнымъ претензіямъ между казною и откупщикомъ, по бывшимъ въ содержаніи послѣдняго акцизнымъ и чарочнымъ откупамъ въ разныхъ губерніяхъ. Но на ряду съ этимъ поле общественной его дѣятельности значительно расширилось.

Въ октябрѣ 1859 г. бывшій попечитель Кіевскаго учебнаго округа, занявшій къ этому времени постъ директора департамента народнаго просвѣщенія, Н. Р. Ребиндеръ, конфиденціально передалъ Левину на заключеніе поступившій въ министерство проектъ изготовленія образцовыхъ проповѣдей, которыя должны быть изданы министерствомъ на счетъ суммъ свѣчного сбора для обязательнаго чтенія въ синагогахъ, а также проектъ изданія нравоучительныхъ книгъ для евреевъ. Отзывъ объ этомъ проектѣ представленъ былъ Левинымъ въ томъ смыслѣ, что „казенныя" проповѣди и „казною" изданныя нравоученія едва ли будутъ признаны евреями душеспасительными, и что вмѣсто такой безполезной траты денегъ гораздо цѣлесообразнѣе было бы открыть въ еврейскихъ общинахъ женскія училища.

Въ ноябрѣ 1859 г. Левинъ представилъ Ребиндеру подробный проектъ новаго положенія о еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Подъ конецъ 1859 и въ теченіе 1860 года, Левину пришлось понести немало трудовъ по поводу поступившаго тогда на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, тянувшагося восемь лѣтъ, Саратовскаго ритуальнаго дѣла.

Въ теченіе 1861 г. Левину пришлось много ходатайствовать по дѣлу Цыпки Мендакъ и по цѣлому ряду однородныхъ случаевъ заманиванія либо насильственнаго похищенія малолѣтнихъ еврейскихъ дѣтей и тайнаго ихъ окрещенія въ католическую вѣру. По этому дѣлу имъ составлены были записка и передовая статья для газеты „Сѣверная Пчела"; статья была послана 22 августа цензоромъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ чиновнику Сущеву; послѣдній отправилъ ее Мансурову, а Мансуровъ препроводилъ ее Варадинову; послѣдній же 4 сентября отвѣтилъ, что на подобную статью будто бы не дано дозволенія. Хотя статья эта и не была напечатана, но она все-таки дала возбужденному вопросу сильный толчокъ, результатомъ чего было изданіе закона 4 декабря 1861 года, въ силу котораго надъ малолѣтними евреями, не достигшими 14-лѣтняго возраста, крещеніе можетъ быть совершено не иначе, какъ съ согласія ихъ родителей или опекуновъ, изъявленнаго письменно. Корректурный листъ упомянутой статьи съ надписями вышеназванныхъ чиновниковъ сохранился среди бумагъ автора.

Въ томъ же 1861 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ происходили засѣданія особой Раввинской коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ Е. Г. Гинцбурга, и секретаремъ коммиссіи избранъ

былъ Левинъ. Въ числѣ вопросовъ, подлежавшихъ ея разсмотрѣнію, однимъ изъ наиболѣе важныхъ былъ вопросъ объ устройствѣ управленія духовными дѣлами евреевъ и объ учрежденіи еврейской духовной консисторіи. По этому вопросу члены коммиссіи раздѣлились на три фракціи: ортодоксовъ, прогрессистовъ и умѣренныхъ; послѣдняя впрочемъ имѣла лишь одного представителя, въ лицѣ предсѣдателя коммиссіи. Каждая фракція твердо знала цѣль своихъ стремленій, но ни одна не имѣла въ своей средѣ лица, способнаго достаточно убѣдительно обосновать мнѣніе своихъ единомышленниковъ. Поэтому на Левина возложена была нелегкая задача—редактировать три различныя мнѣнія, исходящія изъ различныхъ точекъ зрѣнія и приходящія къ различнымъ выводамъ, сообразуясь съ воззрѣніями каждой фракціи. Результатъ, конечно, оказался соотвѣтствующимъ закону равновѣсія силъ. Еврейскихъ духовныхъ консисторій нѣтъ и понынѣ, но и ортодоксальные раввины правительствомъ до сихъ поръ не признаны.

Въ 1862 году Левинымъ составленъ былъ проектъ устава „Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи“, дѣйствующій и понынѣ съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. По утвержденіи устава, въ первомъ же распорядительномъ засѣданіи Общества, состоявшемся 17 декабря 1863 г., одновременно съ избраніемъ личнаго состава комитета, Левинъ избранъ былъ единогласно на должность секретаря Общества. Онъ отказался отъ опредѣленнаго для этой должности жалованья и прослужилъ Обществу безвозмездно въ теченіе девяти лѣтъ.

Но и среди усиленныхъ трудовъ и заботъ по общественнымъ дѣламъ въ столицѣ, Левинъ находилъ время для излюбленныхъ имъ ученыхъ трудовъ. Въ 1867 г. онъ перевелъ съ еврейскаго языка на русскій и снабдилъ соотвѣтствующими примѣчаніями этическій трактатъ Мишны „Пиркэ Аботъ“ (изданъ вмѣстѣ съ еврейскимъ текстомъ въ Петербургѣ). Экземпляръ книги былъ поднесенъ авторомъ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія Д. Толстому, который, взявъ книгу въ руки, открылъ ее и сталъ внимательно просматривать ея содержаніе; затѣмъ поблагодаривъ автора, онъ выразилъ удивленіе по поводу глубокихъ этическо-философскихъ мыслей, содержащихся въ книгѣ. По распоряженію Толстого, министерствомъ пріобрѣтено было отъ автора 600 экземпляровъ этой книги для разсылки въ казенныя еврейскія училища, какъ руководства при преподаваніи ученикамъ еврейской

этики (предложеніе Департамента народнаго просвѣщенія отъ 10 августа 1867 г.).

Вслѣдствіе доносовъ пресловутаго автора „Книги Кагала“, ренегата Якова Брафмана, и представленныхъ имъ проектовъ реформъ религіознаго и гражданскаго быта евреевъ въ Россіи, учреждена была въ 1866 году въ Вильнѣ, при Управленіи главнаго начальника Сѣверо-западнаго края, „Коммиссія по улучшенію быта евреевъ“. Сѣверо-западный край состоялъ тогда изъ слѣдующихъ пяти губерній: Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской и Минской; постъ же главнаго начальника края занималъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ. Какое отношеніе существовало между многообѣщающимъ наименованіемъ Коммиссіи и дѣйствительною ея цѣлью, видно уже изъ первоначальнаго ея состава: предсѣдателемъ ея состоялъ Тарасовъ, а членами два чиновника Управленія генералъ-губернатора, два ренегата— вышеупомянутый Я. Брафманъ и Гурьевъ, и три еврея: Л. Герштейнъ, состоявшій чиновникомъ для особыхъ порученій по еврейскимъ дѣламъ при генералъ-губернаторѣ, Л. Леванда и А. Л. Воль. Составленный этою Коммиссіею проектъ, по положенію, долженъ былъ послужить матеріаломъ при обсужденіи вопроса въ законодательномъ порядкѣ. По истеченіи трехъ лѣтъ, труды Коммиссіи были окончены и всѣ проекты готовы. Но въ это время постъ начальника края занялъ генералъ-адъютантъ Потаповъ. Ознакомившись съ трудами Коммиссіи, которые, согласно ея докладу, слѣдовало представить въ Петербургъ, онъ призналъ справедливымъ предварительно выслушать и мнѣніе еврейскихъ общинъ о заключеніяхъ Коммиссіи, такъ какъ общины могли бы представить уважительныя на нихъ возраженія. Сообразно этому, предписано было еврейскимъ общинамъ губернскихъ городовъ края избрать и прислать въ Вильно по два уполномоченныхъ делегата отъ каждой. Избраны были отъ Виленской общины—Э. Б. Левинъ и бывшій членъ Равинской коммиссіи Яковъ Баритъ; отъ Витебской—Л. Зельцеръ и отъ хассидской партіи Фогельсонъ; отъ Гродненской—нотаріусъ Кнорозовскій и купецъ Бульковштейнъ; отъ Ковенской— Израиль Леви и аптекарь Шапиро; наконецъ отъ Минской— раввинъ З. Миноръ и М. Соломоновъ. О проектахъ Коммиссіи, покрытыхъ канцелярскою тайною, ходили зловѣщіе слухи среди евреевъ. Кромѣ названныхъ делегатовъ, въ Вильно, съ разрѣшенія Потапова, не препятствовавшаго гласности въ этомъ дѣлѣ, съѣхались разныя выдающіяся лица изъ всѣхъ губерній края,

между прочимъ Кейданскій раввинъ и Вольфъ Каганъ изъ Витебска. Прежде чѣмъ делегаты съѣхались въ Вильно, между ними состоялось соглашеніе, чтобы, въ виду опытности Левина въ дѣлахъ и спеціальныхъ его свѣдѣній, руководительство дѣйствіями делегатовъ было предоставлено ему. Для этой цѣли въ Вильнѣ приготовлено было помѣщеніе съ просторнымъ заломъ для предварительныхъ совѣщаній делегатовъ, какъ между собою, такъ и со съѣхавшимися другими лицами. Ко времени съѣзда делегатовъ въ Вильно личный составъ Коммиссіи оказался уже измѣненнымъ; предсѣдателемъ ея состоялъ камергеръ Спасскій, а членами: прежній предсѣдатель и членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Тарасовъ, предсѣдатель мирового съѣзда П. И. Небольсинъ, два чиновника отъ Губернскаго Правленія и Казенной Палаты, Я. Брафманъ (Гурьевъ изъ состава Коммиссіи выбылъ); изъ евреевъ же—прежніе члены Герштейнъ Леванда и Воль; дѣлопроизводителемъ состоялъ чиновникъ Управленія главнаго начальника края, Скрынниковъ. Левинъ прибылъ изъ Петербурга въ Вильно 2 октября 1869 г.; 5 октября делегаты въ полномъ составѣ были представлены предсѣдателемъ Коммиссіи начальнику края и его помощнику князю Багратіону. Въ тотъ же день вечеромъ делегаты собрались на совмѣстное съ Коммиссіею засѣданіе въ генералъ-губернаторскомъ дворцѣ. Вотъ перечень проектированныхъ Коммиссіею мѣръ, которыя предложены были делегатамъ на обсужденіе:

I. По части религіозной:

1. Учредить у евреевъ синагогальные приходы и причты, какъ у христіанъ. Во главѣ каждаго прихода поставить раввина, которому вмѣнить въ обязанность лично совершать *всѣ* религіозные обряды *безъ изъятія*; за исключеніемъ часовъ богослуженія держать синагогу запертою на замокъ, ключъ отъ котораго раввинъ обязанъ хранить исключительно у себя.

2. Всѣ рѣшительно бетгамидраши и молельни упразднить.

3. Упразднить погребальныя братства.

4. Упразднить ешиботы.

5. Упразднить хедеры и меламдовъ.

6. Принадлежащіе еврейскимъ богоугоднымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ недвижимыя имущества и капиталы передать въ вѣдѣніе подлежащаго начальства, для употребленія доходовъ на содержаніе этихъ учрежденій.

7. Отмѣнить обрядъ „халицы“.

8. Разрѣшить еврейскимъ женщинамъ, коихъ мужья нахо-

дятся *пять* лѣтъ въ безвѣстной отлучкѣ или лишены всѣхъ правъ состоянія, вступать въ новый бракъ, безъ предварительнаго расторженія прежняго брака разводомъ.

9. Разрѣшить и узаконить смѣшанные браки евреевъ съ православными и католиками.

II. По части гражданской:

1. Соединить еврейскія городскія общины съ городскими же христіанскими обществами, при чемъ однакожъ перевѣсъ въ городскомъ общественномъ управленіи долженъ оставаться на сторонѣ христіанъ.

2. Евреевъ, живущихъ въ мѣстечкахъ, раздѣлить на группы, приписать къ окрестнымъ крестьянскимъ обществамъ, подчинивъ ихъ въ порядкѣ управленія крестьянскимъ властямъ, то-есть волостному старшинѣ, сельскимъ старостамъ и крестьянскому суду, при чемъ возложить на нихъ всѣ крестьянскія повинности, но безъ надѣленія ихъ землею.

Делегаты имѣли всего шесть совмѣстныхъ съ Коммиссіею засѣданій, отъ 5-го до 9-го октября включительно. На этихъ засѣданіяхъ делегатами представлены были устно и письменно весьма вѣскія и убѣдительныя возраженія противъ перечисленныхъ выше предположеній Коммиссіи, выясненъ былъ вредъ проектированныхъ ею мѣръ, ихъ несправедливость, нецѣлесообразность, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже нелѣпость. Все это было доказано настолько неоспоримо, что начальникъ края Потаповъ, два раза прислушивавшійся къ дебатамъ въ смежной съ заломъ засѣданій комнатѣ, приказалъ: всѣ проекты и предположенія Коммиссіи, касающіеся вопросовъ религіозныхъ, совсѣмъ изъять изъ дѣла и уничтожить, замѣнивъ уже подписанные протоколы новыми. Замѣчанія же делегатовъ на предполагаемое Коммиссіею радикальное измѣненіе устройства еврейскихъ общинъ, какъ мѣстечковыхъ, такъ и городскихъ, принять во вниманіе. Степень успѣха, достигнутаго делегаціею, ясно отразилась въ словахъ, которыми на прощаніе обмѣнялись главные дѣятели. По закрытіи послѣдняго засѣданія, руководитель работъ делегаціи Э. Б. Левинъ обратился къ члену коммиссіи Я. Брафману со слѣдующими словами: „Мы разстаемся съ Вами безъ непріязненныхъ чувствъ. Ваши рѣчи показали намъ, какъ много Вы страдали отъ сборщиковъ податей. Но месть низкое чувство. Преслѣдовать весь народъ за вину нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ—крайне несправедливо. Мы надѣемся, что Вы откажетесь отъ такого образа дѣйствій, являющагося недостойнымъ

честнаго человѣка и одинаково противнымъ ученію какъ той религіи, которую Вы отринули, такъ и той вѣры, въ которую Вы обратились". На это Брафманъ отвѣтилъ: „Господа, ваша делегація является историческимъ событіемъ. Все было направлено влѣво, но все пошло направо. Если когда-нибудь напишутъ исторію евреевъ въ Россіи, то это событіе составитъ одну изъ прекрасныхъ ея страницъ".

Такимъ образомъ трехлѣтнія работы Коммиссіи, враждебно настроенной къ евреямъ, были частью совершенно уничтожены, частью измѣнены въ пользу евреевъ, и все это совершено было въ 6-ти засѣданіяхъ, въ которыхъ участвовали и еврейскіе члены Коммиссіи. Главный начальникъ края, отпуская делегатовъ въ прощальной аудіенціи, далъ каждому изъ нихъ на память фотографическую свою карточку.

Въ воздаяніе заслугъ Левина по руководительству работами делегаціи, ему 22 октября, отъ имени евреевъ всѣхъ пяти губернскихъ городовъ сѣверо-западнаго края, поднесенъ былъ въ подарокъ старинный, миніатюрный свитокъ Торы, вышиною въ 8 сантиметровъ (менѣе 2 вершковъ), составляющій своего рода рѣдкость, съ серебряными чеканной работы ручками; эта Тора написана на весьма тонкомъ оленьемъ пергаментѣ, мелкимъ, но красивымъ и четкимъ почеркомъ; къ свитку приложено свидѣтельство отъ спеціальнаго корректора о томъ, что въ немъ нѣтъ ни описокъ, ни ошибокъ противъ массоретскаго текста, и что поэтому онъ можетъ быть употребляемъ для чтенія при общественномъ богослуженіи. Тора эта поднесена была Левину на большомъ серебряномъ подносѣ—подарокъ Виленской еврейской общины,—на которомъ выгравирована надпись: „Виленское Еврейское Общество делегату своему Еммануилу Борисовичу Левину въ память незабвенныхъ дней: 5, 12 и 22 октября 1869 года". 23 октября 1869 года, Левинъ изъ Вильны вернулся въ Петербургъ.

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ Вильны, въ началѣ ноября 1869 г., Левинымъ получены были отъ Абрама Дынина и А. Гринберга изъ Кишинева, а также отъ Е. Г. Гинцбурга изъ Парижа, телеграммы о немедленномъ возбужденіи ходатайства за жившихъ въ пограничной полосѣ бессарабскихъ евреевъ, которые, по распоряженію Новороссійскаго генералъ-губернатора Коцебу, подверглись насильственному выселенію. Мѣстныя власти принялись за исполненіе этого распоряженія съ такимъ рвеніемъ, что взваливали на телѣги дряхлыхъ старцевъ, больныхъ, рожениц и

малыхъ дѣтей, вывозили за черту и тамъ выбрасывали и оставляли беззащитными въ открытомъ полѣ. Подобная участь угрожала около 30.000 еврейскимъ семействъ. Поводомъ къ такой суровой мѣрѣ послужило то обстоятельство, что въ силу Парижскаго трактата часть Бессарабіи отошла къ Румыніи, вслѣдствіе чего городъ Кишиневъ и окружающій его значительный раіонъ очутился внутри 50-верстной полосы отъ западной границы Имперіи, гдѣ евреямъ не-старожиламъ, т. е. не приписаннымъ къ мѣстнымъ обществамъ ранѣе 1858 года, проживать не дозволялось. Левинъ немедленно составилъ обстоятельную записку по этому дѣлу и представилъ директору департамента торговли и мануфактуръ, князю Оболенскому. Записка и словесныя къ ней объясненія Левина оказались настолько убѣдительными, что Оболенскій на слѣдующій же день снесся съ директоромъ департамента таможенныхъ сборовъ, и по взаимному соглашенію директоровъ обоихъ департаментовъ, выработано было отношеніе отъ министра финансовъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, въ основу котораго положена была аргументація представленной записки. Въ результатѣ послѣдовало телеграфное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ о немедленномъ прекращеніи выселеній. Все это совершено было въ теченіе десяти дней со времени представленія записки по дѣлу. За столь быстрое и успѣшное дѣйствіе Левинъ въ декабрѣ 1869 г. получилъ благодарственные адреса изъ Кишинева и изъ Динабурга (нынѣ Двинска). Авторъ второго адреса, д-ръ Левенталь, въ особомъ письмѣ къ Левину (на нѣмецкомъ языкѣ) отъ 16 января 1870 г., говоритъ: „Что касается сужденія о Вашей дѣятельностм, которую Вы, по Вашей скромности, не дооцѣниваете, то позволю себѣ лишь замѣтить, что, если бы мнѣ пришлось составлять исторію евреевъ въ Россіи, то я разсуждалъ бы слѣдующимъ образомъ. Если Монтефіоре, Кремье и т. п. сдѣлали для своего народа много великаго, то въ ихъ распоряженіи были для этого необычныя, громадныя средства: первому изъ нихъ путь къ его дѣяніямъ прокладывали фирманы коронованныхъ лицъ; второму—блестящая политическая слава. Спрашивается, чье высокое заступничество проложило Вамъ путь къ сердцамъ высокопоставленныхъ лицъ? И тѣмъ не менѣе въ условіяхъ, въ которыхъ пришлось Вамъ дѣйствовать, Вы исполнили великое дѣло. Во сколько разъ болѣе поэтому должны были быть усилія, во сколько разъ громаднѣе жертва! Поэтому я продолжаю утверждать еще и нынѣ, что Вашихъ заслугъ въ этомъ дѣлѣ я нисколько не преувеличилъ“.

Въ 1870 г. Левинъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены двухъ ученыхъ обществъ: Русскаго Географическаго, по этнографическому отдѣленію, и Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ; затѣмъ 26 марта 1872 г. онъ былъ избранъ Обществомъ для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи въ почетные члены.

Продолжая свою дѣятельность въ области улучшенія правового положенія евреевъ въ Россіи, Левинъ въ 1871 г., а затѣмъ въ 1876 г., возбудилъ ходатайство передъ министрами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о распространеніи правъ, дарованныхъ евреямъ-кандидатамъ университетовъ, на евреевъ, получившихъ ученыя степени лекаря, провизора и ветеринара.

Во время работъ высочайше учрежденной въ 1873 г. коммиссіи для составленія новаго устава о всеобщей воинской повинности, Левинъ составилъ по вопросу о воинской повинности евреевъ записку, которая препровождена была барономъ Г. О. Гинцбургомъ всѣмъ членамъ этой коммиссіи. Приведенные въ запискѣ аргументы оказались настолько убѣдительными, что изданный затѣмъ Уставъ о всеобщей воинской повинности не содержалъ ни одного ограничительнаго для евреевъ постановленія. Результатомъ этого необычнаго отсутствія въ законѣ пресловутаго выраженія „кромѣ евреевъ" было появленіе въ это время въ русской арміи нѣсколькихъ офицеровъ-евреевъ *).

Для учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ князя Лобанова-Ростовскаго, „Коммиссіи объ улучшеніи быта евреевъ" (1873—1880 г.) Левинъ перевелъ съ еврейскаго на русскій языкъ „Моисеево брачное право по талмудо-раввинскому ученію". Переводъ этотъ представленъ былъ авторомъ предсѣдателю коммиссіи 22 декабря 1875 г. и напечатанъ въ трудахъ коммиссіи.

Перу Левина принадлежитъ также переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій извѣстнаго труда профессора Д. А. Хвольсона (писавшаго большею частью по-нѣмецки): „О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ" (2-е изданіе 1880 г.).

На двухъ съѣздахъ еврейскихъ делегатовъ, созванныхъ въ Петербургѣ въ 1881 и 1882 г.г. по поводу возникшихъ въ это время погромовъ, Левинъ исполнялъ обязанности секретаря. Затѣмъ, по поводу тѣхъ же печальныхъ событій Левинъ, по

*) Но жестокія ограничительныя для евреевъ новеллы появились въ ближайшіе послѣ изданія Устава годы (1876—78).—*Ред.*

предложенію А. И. Зака, который въ свою очередь руководствовался совѣтомъ члена Государственнаго Совѣта графа Баранова, составилъ обстоятельную, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, записку подъ заглавіемъ: „Еврейскій вопросъ и антиеврейское движеніе въ Россіи въ 1881 и 1882 годахъ“. Записка эта гектографирована была анонимно въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и препровождена А. И. Закомъ не только ея иниціатору графу Баранову, но и другимъ членамъ Государственнаго Совѣта и министрамъ. Эта записка не потеряла своего историческаго интереса и понынѣ *).

Въ томъ же 1882 г. Левинымъ была составлена также книга подъ заглавіемъ: „Обзоръ нынѣ дѣйствующихъ исключительныхъ законовъ о евреяхъ, состоящихъ въ подданствѣ Россіи“. Этотъ критическій обзоръ отпечатанъ былъ въ 1883 г. въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и безъ обозначенія имени автора, на счетъ барона Г. О. Гинцбурга, и препровожденъ членамъ Государственнаго Совѣта, министрамъ и другимъ сановникамъ.

Въ 1885 г., Левинъ составилъ новый, болѣе обширный трудъ: „Сводъ узаконеній о евреяхъ, съ разъясненіями изъ рѣшеній Правительствующаго Сената и министерскихъ циркуляровъ“. Трудъ этотъ напечатанъ былъ въ ограниченномъ количествѣ (350) экземпляровъ, также на счетъ Г. О. Гинцбурга. Это критическое изданіе обратило на себя вниманіе начальника Кодификаціоннаго отдѣла при Государственномъ Совѣтѣ тѣмъ, что въ немъ, между прочимъ, указано было 75 кодификаціонныхъ ошибокъ и недосмотровъ, вкравшихся въ оффиціальное изданіе Свода Законовъ, въ постановленіяхъ, касающихся однихъ только евреевъ. Это обстоятельство повлекло за собою постепенное съ тѣхъ поръ исправленіе указанныхъ ошибокъ въ новыхъ изданіяхъ частей Свода Законовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что годомъ ранѣе (1884) изданъ былъ по распоряженію „Высшей Коммиссіи для пересмотра дѣйствующихъ о евреяхъ въ Имперіи законовъ“, дѣлопроизводителемъ ея В. В. Вашкевичемъ, „Сборникъ узаконеній, касающихся евреевъ“; но при сличеніи этого

---

*) См. *Евр. Стар.* 1909 г., кн. 1—2, гдѣ эта анонимная записка была частью перепечатана. Болѣе краткая записка по тому же предмету была составлена Левинымъ и роздана сановникамъ годомъ раньше, въ іюлѣ 1881 г. Она недавно напечатана въ „Голосѣ Минувшаго“ (1916 г., кн. III), съ предисловіемъ С. М. Дубнова. См. ниже, въ ст. „Изъ историческихъ журналовъ“.—*Ред.*

Сборника съ официальнымъ изданіемъ Свода Законовъ Левинъ обнаружилъ въ немъ 347 ошибокъ и пропусковъ. Болѣе же раннее (1872 г.) изданіе законовъ о евреяхъ—Сборникъ, составленный по распоряженію Министерства внутреннихъ дѣлъ, при Департаментѣ Исполнительной Полиціи—оказалось еще болѣе слабымъ. Въ виду приведенныхъ достоинствъ труда Левина, министръ народнаго просвѣщенія Деляновъ, въ вѣдомствѣ коего Левинъ прежде состоялъ на службѣ, призналъ справедливымъ поднести экземпляръ этого труда императору Александру III, который велѣлъ объявить автору высочайшую благодарность (2 февраля 1885 г.), и сверхъ того возвелъ его въ почетное гражданство (17 августа того же года).

Въ засѣданія упомянутой выше, состоявшей подъ предсѣдательствомъ графа Палена, Высшей Коммиссіи для пересмотра законовъ о евреяхъ, въ числѣ другихъ лицъ, былъ приглашенъ въ качествѣ свѣдущаго лица также баронъ Г. О. Гинцбургъ. По предложенію послѣдняго, Левинъ составилъ, для внесенія въ Коммиссію, нѣсколько записокъ, гдѣ между прочимъ говорилось о своеобразномъ принципѣ русскаго законодательства, а именно, что для неевреевъ все то, что не запрещено закономъ, считается дозволеннымъ, въ то время какъ для евреевъ все то, что не дозволено имъ прямымъ закономъ, признается запрещеннымъ, — начало, противоположное основнымъ принципамъ права всѣхъ европейскихъ государствъ и права русскаго, въ части не распространяющейся на евреевъ.

Въ 1888 г. Левинъ отдалъ въ типографію Стасюлевича для печатанія новую записку, подъ заглавіемъ: „Къ вопросу объ устройствѣ раввината въ еврейскихъ общинахъ“. Когда записка эта представлена была типографіею въ Цензурный Комитетъ, послѣдній, не рѣшаясь самостоятельно пропустить ее, препроводилъ рукопись въ Департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Противъ всякаго ожиданія, не только не послѣдовало разрѣшенія на печатаніе этой записки, но даже ея рукопись не была возвращена ни типографіи, ни автору.

Въ томъ же году Левинъ перевелъ съ еврейскаго на русскій языкъ извѣстный религіозно-философскій гимнъ Соломона Габироля „Кетеръ Малхутъ“. Къ переводу онъ присовокупилъ краткую біографію еврейскаго поэта XI вѣка. Но трудъ этотъ не появился въ печати. Рукописный экземпляръ перевода поднесенъ былъ авторомъ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія Делянову, ко дню 50-лѣтняго юбилея его службы, т. е.

къ 23 ноября 1888 года. Незадолго до своей кончины, Деляновъ подарилъ эту рукопись барону Д. Г. Гинцбургу, который включилъ ее въ свою богатую коллекцію рукописей.

Неутомимый труженникъ, два года спустя, на 70 году своей жизни (1890), составилъ новый трудъ: „Перечень нынѣ дѣйствующихъ исключительныхъ и ограничительныхъ законовъ о евреяхъ въ Россіи, ихъ толкованіе и примѣненіе на практикѣ“. Но такъ какъ трудъ этотъ, въ виду критическихъ примѣчаній составителя, не могъ по цензурнымъ условіямъ появиться въ печати, то онъ былъ изданъ безъ примѣчаній и лишь въ количествѣ 100 экземпляровъ, такъ какъ печатать больше этого числа не было дозволено. Книга эта, конечно, въ продажу не поступила, а была лишь препровождена Г. О. Гинцбургомъ, подобно прежнимъ запискамъ, членамъ правительства и разнымъ высшимъ сановникамъ. Однако же одинъ экземпляръ книги случайно попалъ заграницу и тамъ вскорѣ переведенъ былъ на англійскій, французскій и нѣмецкій языки.

Начиная съ 1895 года, когда Левинъ избранъ былъ въ члены-сотрудники Историко-Этнографической Коммиссіи при Обществѣ распространенія просвѣщенія между евреями, онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ ея трудахъ по составленію свода матеріаловъ по исторіи евреевъ въ Россіи и положилъ въ это дѣло не мало знанія и труда. Коммиссія эта впослѣдствіи преобразована была въ самостоятельное Еврейское Историко-Этнографическое Общество.

Въ декабрѣ 1900 г., по случаю 80-лѣтія со дня рожденія Левина, ему поднесено было не мало адресовъ и поздравительныхъ телеграммъ.

Но и послѣ этого юбилея, въ 1902 году, маститымъ труженикомъ составленъ былъ обширный (513 страницъ) трудъ, подъ заглавіемъ: „Сборникъ ограничительныхъ законовъ и постановленій о евреяхъ, по 1-е іюля 1902 года“. Книга эта составлена была по предложенію барона Г. О. Гинцбурга и напечатана на его счетъ, для раздачи высшимъ сановникамъ, а потому на книжный рынокъ не поступила.

Съ этого времени Левинымъ ничего болѣе опубликовано не было, но тѣмъ не менѣе онъ не прекращалъ своихъ научныхъ занятій, занимаясь главнымъ образомъ изслѣдованіемъ книги „Зогаръ“; всѣ три тома этой книги въ изданіи 1796 года исписаны были его рукой весьма интересными примѣчаніями, и онъ намѣревался еще опубликовать по этому предмету спеціальный

трудъ, но преклонный возрастъ и вызванное имъ ослабленіе физическихъ силъ воспрепятствовали осуществленію этого намѣренія. Онъ скончался въ Петербургѣ на 93 году жизни, 14 октября 1913 г.

Начавъ свою дѣятельность въ качествѣ педагога въ сороковыхъ годахъ минувшаго вѣка, въ то время, когда въ западныхъ губерніяхъ Россіи впервые стали открываться частныя, а затѣмъ казенныя еврейскія училища, Левинъ впервые разрѣшилъ на практикѣ вопросъ о женскомъ образованіи среди евреевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, посвятивъ себя дѣятельности общественной, онъ поставилъ себѣ главною цѣлью посильную защиту гражданскихъ правъ еврейскаго народа, и въ этомъ отношеніи, въ особенности съ конца пятидесятыхъ годовъ, съ поступленіемъ на службу къ Е. Г. Гинцбургу, не было, можно сказать, вопроса духовной или правовой жизни русскихъ евреевъ, обсуждавшагося въ оффиціальныхъ сферахъ, въ которомъ онъ не принималъ бы дѣятельнаго участія. Къ этой области относятся всѣ многочисленные его меморандумы, записки и литературные труды.

Въ заключеніе настоящаго очерка, для характеристики нравственной личности Левина, приводимъ, въ русскомъ переводѣ, отрывокъ благодарственнаго его письма къ одному изъ его друзей, выразившаго соболѣзнованіе Левину по поводу смерти его жены, съ которою онъ прожилъ болѣе шестидесяти лѣтъ (въ сентябрѣ 1895 г.); какъ письмо, такъ и отвѣтъ составлены въ оригиналѣ на нѣмецкомъ языкѣ.

„Любезный другъ! Прошу Васъ принять мою сердечную благодарность за соболѣзновательное письмо Ваше, въ которомъ Вы, въ столь теплыхъ выраженіяхъ, соблаговолили изъявить мнѣ свое сожалѣніе и сочувствіе въ моей скорби.

„По отношенію ко всякому другому я вполнѣ ограничился бы такимъ краткимъ отвѣтомъ съ выраженіемъ моей признательности за таковую отзывчивость; но по отношенію къ Вамъ я нахожу необходимымъ присовокупить еще нѣчто къ этому отвѣту.

„Въ одномъ мѣстѣ упомянутаго письма Вашего Вы говорите буквально слѣдующее: „Я воздерживаюсь отъ словъ утѣшенія, ибо въ столь глубокой скорби словами утѣшить невозможно, а смягчить столь глубокую печаль можетъ одно лишь время“.—Это истинныя, чисто еврейскія и вмѣстѣ съ тѣмъ настоящія человѣческія слова.

„Но на ряду съ этимъ, изъ-подъ пера Вашего въ письмѣ выронены чуждыя этому выраженія, какъ напримѣръ: что „перенести стойко столь глубокую скорбь является выраженіемъ мужества“, а также, что „Вы убѣждены, что въ эти дни невыразимой печали и горя одна лишь духовная сила содѣйствовала моему утѣшенію“; затѣмъ, что „Вамъ отлично извѣстно, что я умѣю стойко переносить самые жестокіе удары судьбы“; и наконецъ, что „это именно обстоятельство составляетъ наиболѣе дѣйствительное утѣшеніе во время печали и грусти“.

„Но, прошу простить мнѣ великодушно, всѣ эти фразы не только не еврейскія, но и не человѣческія, а онѣ являются чисто тевтонскими. Онѣ безсознательно позаимствованы Вами отъ тщеславныхъ нѣмцевъ, которые любятъ хвастать, будто всѣ они составлены изъ дубовыхъ стволовъ, и гордиться своей поддѣльною безчувственностью.

„Прислушайтесь лучше къ словамъ нашихъ мудрецовъ, повторяемымъ нами ежедневно въ утренней молитвѣ нашей: „Господи, Боже вселенной! Кто мы? Что наша жизнь? Что наше милосердіе? Что наши заслуги? Что наша помощь? Что наша сила и крѣпость? Развѣ не всѣ великіе герои ничто передъ Тобою, а люди славы—какъ бы никогда не существовали? Мудрецы являются передъ тобою какъ бы безсознательными, а люди разумные—какъ бы безразсудными. Вся совокупность ихъ дѣяній—ничто! а дни ихъ жизни—что мимолетное дуновеніе, и преимущество человѣка передъ тварью ничтожно, ибо все является бреннымъ“!

„Нашъ патріархъ Авраамъ былъ вѣдь человѣкъ сильный духомъ, и тѣмъ не менѣе онъ глубоко страдалъ по поводу кончины Сары и явно ее оплакивалъ, отнюдь этого не стѣсняясь. Патріархъ Яковъ, человѣкъ тоже не слабохарактерный, тѣмъ не менѣе, въ теченіе многихъ лѣтъ скорбѣлъ о потерѣ сына своего Іосифа и не позволялъ утѣшать себя въ этомъ горѣ, повторяя: „Нѣтъ, со скорбью я сойду въ могилу, къ сыну моему“!

„Мы евреи, всѣ вообще, люди не слабодушные. Многолѣтнія физическія и нравственныя пытки, а также пылавшіе костры, служатъ нагляднымъ доказательствомъ мощи нашего духа, нашей стойкости и непреодолимой силы воли, при извѣстныхъ условіяхъ и по мотивамъ возвышеннаго свойства; но въ нашей внутренней, семейной и частной жизни мы являемся едва ли не наиболѣе мягкосердечными и нѣжными людьми.

„Поэтому и мнѣ незачѣмъ стѣсняться моихъ чисто человѣческихъ чувствъ. Въ данномъ случаѣ *я не могу и не хочу* проявлять силу духа. Я не желаю принимать никакихъ утѣшеній у гроба дорогой подруги моей жизни, которая съ *двѣнадцатилѣтняго* своего возраста неизмѣнно сопутствовала мнѣ, въ теченіе полныхъ *шестидесяти* лѣтъ, раздѣляя со мною много, премного страданій и испытавъ мало, неизмѣримо мало радости, а нынѣ оставила меня на свѣтѣ въ старческомъ возрастѣ, одинокимъ, на склонѣ моей жизни".

С. Гольдштейнъ.

Воспоминанія о жизни экстерновъ въ Одессѣ (1896 г.) *).

(Посвящается „дѣдушкѣ“ еврейской литературы, Менделе Мойхеръ-сфоримъ).

I.

Это было въ 1896 г.,—достопамятный годъ въ моей жизни, время моего „бѣгства“ изъ провинціи въ „просвѣщенную Одессу“. Бѣжалъ я не отъ кары властей за преступленіе, а отъ власти своего собственнаго семейнаго очага, въ составъ котораго входили: родители мои, молодая жена и дитя. Мнѣ, мужу и отцу, миновало тогда 19 лѣтъ. До „брачнаго года“ (18 лѣтъ) я денно и нощно занимался талмудомъ и прослылъ въ своемъ городкѣ „илуемъ“. Ради моей „учености“ меня охотно „купили“, запрягли въ семейный возъ и велѣли тащить его; другими словами — меня, неопытнаго, никчемнаго, заставили вооружиться „канчукомъ“ и меламедствовать, вопреки моему желанію. Но вотъ хлынули въ мою юную голову свободныя эпикурейскія мысли; я началъ тайно сноситься съ мѣстнымъ вольнодумцемъ— „зятемъ“ (такъ звали у насъ пріѣхавшго къ намъ зятя нашего „гвира“), получая у него новыя еврейскія книжки и даже „Гамелицъ“. Тогда я почувствовалъ, что „тамъ“ другой міръ, свѣтлый, радостный. „Превращенный“, вылетѣлъ я изъ оболочки и прилетѣлъ прямо въ Одессу.

---

*) Даемъ мѣсто этому безхитростному описанію жизни многочисленной категоріи молодежи, которая, вслѣдствіе жестокихъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій еврейской жизни въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка, очутилась внѣ нормальной школы, въ положеніи самоучекъ, экстерновъ, „внѣшкольниковъ“. Одесскій центръ этой категоріи былъ наиболѣе значительнымъ въ 90-хъ годахъ. Превратности судьбы тогдашняго поколѣнія экстерновъ могутъ уяснить намъ весьма многое въ исторіи образованія современной народной интеллигенціи и особенно провинціальной полуинтеллигенціи въ хасидской средѣ югозападнаго края.—*Ред.*

Изъ „Гамелица“ я узналъ, что въ Одессѣ функціонируетъ учрежденіе подъ именемъ „внѣшкольная комиссія при Обществѣ распространенія просвѣщенія между евреями“, ставящее себѣ цѣлью поддерживать „Ломоносовцевъ“ — взрослыхъ самоучекъ. Слѣдуетъ замѣтить, что тогда цѣлыми группами, изъ разныхъ мѣстечекъ югозападнаго края, стекались „бородатые ученики“ въ Одессу для полученія образованія или созиданія своей карьеры. „Удастся сдѣлаться докторомъ — очень хорошо; нѣтъ, то хоть окончившимъ учителемъ — мечтали „Ломоносовцы“. — Вѣдь учительство тоже интеллигентная, свободная профессія: сидишь безъ шапки и преподаешь въ „классѣ“; можешь одѣваться по послѣдней модѣ, никто тебѣ и слова не скажетъ; не то, что меламедъ въ ермолкѣ, въ грязномъ хедерѣ“. Носились слухи, что одесскіе просвѣщенцы особенно охотно принимаютъ подъ свое покровительство ешиботниковъ, знающихъ талмудъ и еврейскую литературу. Таковымъ немедленно даютъ пособіе, снабжаютъ ихъ всѣми нужными учебниками, нанимаютъ студентовъ-учителей,—словомъ, живи себѣ припѣваючи на всемъ готовомъ, и не въ Касриловкѣ, а въ богатой Одессѣ: только учись и „просвѣщайся“.

Но каково было мое разочарованіе по прибытіи въ Одессу, когда моимъ глазамъ представилась слѣдующая картина. Около сотни молодыхъ людей съ бородами, а нѣкоторые еще съ длинными „пейсами“, столпились во дворѣ одесской „Дешевой кухни“ вокругъ одной низенькой, толстенькой фигуры съ трубкой во рту. То былъ популярный въ Одессѣ радѣтель просвѣщенія, старичокъ Жвифъ, или, какъ учащіеся звали его, „дѣдушка Жвифъ“. Дѣло было передъ обѣдомъ. Жвифъ держалъ въ рукахъ кучу билетиковъ на полученіе безплатнаго обѣда въ кухнѣ и раздавалъ ихъ осаждавшимъ его учащимся, а изголодавшіеся молодые люди стремительно пускались въ кухню, чтобы захватить мѣсто и выгодную порцію. Первые забираютъ лучшія порціи,—такъ говорили опытные кліенты кухни. Я тутъ же поговорилъ съ успѣвшими пообѣдать о цѣли своего пріѣзда и, къ моему прискорбію, услышалъ отъ нихъ одни проклятія: проклинали они самихъ себя, проклинали одесскихъ распространителей просвѣщенія и т. п. Только о старикѣ Жвифѣ они говорили съ благоговѣніемъ, какъ о своемъ спасителѣ отъ голодной смерти. И дѣйствительно, дѣдушка Жвифъ, помимо Общества Просвѣщенія, часто обходилъ одесскихъ благотворителей, собиралъ пожертвованія (самъ онъ былъ бѣднякъ) и такимъ путемъ одинъ кормилъ массу учащихся даровыми обѣдами. Значительная часть уча-

щихся жила цѣлыя сутки исключительно однимъ Жвифскимъ обѣдомъ.

Прошла весна. Наступило лѣто. „Просвѣщенцы“ разъѣхались на дачи—наслаждаться такою жизнью, о которой мы, голодные, и представленія не имѣли. А на дверяхъ канцеляріи Общества красовалось объявленіе, что въ лѣтнее время комиссія будетъ засѣдать и принимать просителей изъ внѣшкольныхъ учащихся только по пятницамъ. И вотъ по пятницамъ канцелярія осаждалась „Ломоносовцами“. Члены комиссіи, бывало, выслушиваютъ ихъ просьбы, а иногда, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, предлагаютъ просителю вопросы по русской грамматикѣ—новой для него наукѣ, поправляютъ его ошибки и неправильности произношенія русскихъ словъ; при этомъ внушаютъ ему правила приличія, что, молъ, некрасиво носить такія бороды, а тѣмъ болѣе— „пейсы“: вѣдь здѣсь не Касриловка, а Одесса. Выслушивая все это на голодный желудокъ, учащіеся съ возмущеніемъ заявляли, что уже нѣтъ мочи больше терпѣть, что имъ придется вернуться домой, къ своимъ очагамъ, и махнуть рукой на просвѣщеніе. Но „распространители“ наши не обращали на подобныя заявленія никакого вниманія, и все откладывали наше дѣло изъ недѣли въ недѣлю: то нѣтъ того члена комитета, то — другого, то у нихъ на очереди теперь болѣе важные вопросы—„школьныя дѣла“, о субсидируемыхъ ими училищахъ, о платѣ за правоученіе студентовъ въ университетѣ и т. п.

Такъ мы околачивались почти все лѣто. Нашъ кружокъ сталъ понемногу рѣдѣть: менѣе стойкіе духомъ учащіеся стали уѣзжать на „учительскій промыселъ“,—большей частью тѣ, которые обладали еще изъ дому нѣкоторыми первоначальными знаніями по русскому языку и, главное, красивымъ почеркомъ. Такіе учителя охотно приглашались въ деревни къ еврею типа стараго „арендатора“, который требовалъ, чтобы его сына обучали Библіи, Талмуду и русскому языку (писать красиво адресъ на письмахъ, вексель и т. п.), а также „по нѣмецки“. Учителя подобнаго типа, посредствомъ специальныхъ маклеровъ, находили такія должности безъ всякаго труда. Вотъ на такія-то занятія пошла значительная часть нашихъ „Ломоносовцевъ“. Правда, тутъ еще дѣйствовало и то, что эти несчастные получали письма отъ своихъ женъ, оставленныхъ безъ всякихъ средствъ и вдоволь наголодавшихся, съ требованіемъ „выкинуть дурь изъ головы“, бросить ученіе и взяться за дѣло—„зарабатывать на хлѣбъ“. Но учащіеся, особенно терпѣливые, въ томъ числѣ и я, рѣ-

шившіе во что бы то ни стало достичь намѣченной цѣли, продолжали свою мученическую жизнь стойко и мужественно. Каждую пятницу ходили мы въ канцелярію просвѣщенскую. Обыкновенно обращались мы къ младшему писарю съ вопросомъ, кто принимаетъ сегодня. Этотъ направлялъ насъ къ „старшему“. Послѣдній давалъ намъ неопредѣленные отвѣты, или же кричалъ, что мы не вѣжливы, вторгаемся во „внутренніе покои“, не даемъ людямъ работать, и приказывалъ намъ терпѣливо ждать. Тогда, бывало, оставляемъ канцелярію и принимаемся измѣрять одесскія улицы, считать плиты мостовой: бродимъ, какъ тѣни въ „Эйломъ-гатойгу“. Затѣмъ снова возвращаемся въ канцелярію, авось кто-нибудь изъ членовъ уже явился на засѣданіе и „о насъ сегодня заговорятъ“. Вотъ мы уже опять, какъ въ прошлую пятницу, заглядываемъ въ щели дверей залы засѣданія, а сердце щемитъ больно, и изъ груди вырываются вздохи. Одно насъ еще предохраняло отъ полнаго упадка духа: это наше братское единство, теплое отношеніе другъ къ другу, установившееся у насъ, учащихся. Этою солидарностью мы держались и, вопреки „просвѣщенцамъ“, остались въ Одессѣ.

Разъ, въ одну изъ пятницъ, расхаживаю я въ корридорѣ просвѣщенской канцеляріи. Вижу: идетъ мимо меня человѣкъ высокаго роста, съ пріятнымъ лицомъ, выражавшимъ благородство и доброту. Этого человѣка я не зналъ, но какая-то сила потянула меня къ нему. Несмотря на свою робость, я рѣшился подойти къ нему и, подавая ему руку, поздоровался съ нимъ. Съ особой любезностью спросилъ онъ меня, не учащійся ли я?—„Да,—отвѣтилъ я по древнееврейски,—и мнѣ коечто снится“... Улыбка на его добромъ лицѣ ободрила меня, и я излилъ передъ нимъ свою душу: разсказалъ о всѣхъ нашихъ мытарствахъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Я сообщилъ ему также, что я отлично знаю талмудъ и древнееврейскую литературу. Господинъ внимательно выслушалъ меня и, пожавъ мою руку, сказалъ: „крѣпитесь и мужайтесь, молодой человѣкъ; не далекъ часъ, и вы будете удовлетворены, достигнете своей цѣли“. Процитировавъ талмудическій афоризмъ: „обращайтесь бережно съ бѣдными дѣтьми, ибо отъ нихъ исходитъ Тора“,—онъ продолжалъ: „Подобные люди, какъ вы, несомнѣнно достигнутъ своей цѣли и будутъ полезны еврейскому народу“. Эти ободряющія слова оживили меня, и я долго стоялъ, какъ вкопанный, и смотрѣлъ въ ту сторону, куда этотъ „Илія Пророкъ“ направился. А направился онъ въ залъ засѣданія... Когда я

узналъ тутъ-же, что этотъ добрый человѣкъ не кто иной, какъ „Менделе Мойхеръ-сфоримъ“, авторъ моихъ любимыхъ книгъ „Клячи“, „Досъ клейне меншеле“, „Фишка деръ крумеръ“, я заплакалъ отъ радости и умиленія, что я, провинціалъ, удостоился говорить съ такимъ великимъ евреемъ. Съ души скатилось все наболѣвшее, и такъ легко, легко стало! Почувствовалъ я свое человѣческое достоинство и съ гордостью вошелъ въ просвѣщенскую канцелярію. Тутъ р. Менделе,—думалъ я,— онъ мой, онъ мнѣ ближе, чѣмъ просвѣщенцамъ. Я его читалъ, я его понимаю, а они что? Развѣ эти Крезы понимаютъ его „Фишку“ и другіе разсказы? Мнѣ онъ „дѣдушка“, а для нихъ онъ членъ школьной комиссіи, Абрамовичъ.

Вошедши въ канцелярію или пріемную, я увидѣлъ такую картину: среди столпившихся въ кружокъ учащихся стоитъ Менделе, бесѣдуетъ съ ними—и велико ликованіе! Учащіеся весело расположены. Менделе разсказываетъ эпизоды изъ жизни, цитируетъ талмудическія изреченія, а мы слушаемъ и захлебываемся отъ восторга. Просвѣщенская канцелярія—наше роковое мѣсто— превратилась будто въ какую-то древнюю академію, гдѣ добрый, терпѣливый Гилель бесѣдуетъ со своими учениками на досугѣ, послѣ трудной лекціи по галахѣ. И среди насъ, учащихся, были „бѣдовые“, умные парни, которые своими анекдотами изъ провинціальнаго быта очаровали Менделе, и онъ тоже чувствовалъ себя очень хорошо... Наконецъ р. Менделе оставилъ насъ и пошелъ въ залъ засѣданія. Мы въ пріемной хорошо слышали его слова, его пѣвучій голосъ. Замѣтно было и среди просвѣщенцевъ нѣкоторое оживленіе и подъемъ духа. Всѣ члены говорили и смѣялись. Р. Менделе внесъ своимъ присутствіемъ много жизни въ обычно сухое засѣданіе. Сердце намъ предвѣщало, что сегодня мы выйдемъ изъ нашего критическаго положенія. Дѣйствительно такъ и было. Въ тотъ же день мы получили положительные отвѣты на наши ходатайства: всѣмъ дали карточки къ студентамъ, изъявившимъ желаніе безвозмездно заниматься съ самоучками. Дали намъ также учебники, пожертвованные для этой цѣли одесскими гимназистами; эти учебники кучами валялись на полу тутъ-же, въ канцеляріи. Учащимся, которые были болѣе близки къ цѣли, ассигновали мѣсячное пособіе, хотя мизерное. Я, въ видѣ исключенія, былъ приглашенъ „внутрь“, въ залъ засѣданія къ р. Менделе, который заговорилъ со мною на моемъ родномъ языкѣ, жаргонѣ. Онъ предложилъ мнѣ составить по древнееврейски автобіографію и съ нею явиться къ нему на домъ, что и было мною исполнено впослѣдствіи.

II.

„Осень наступила, высохли цвѣты“. И мы, учащіеся, порядкомъ высохли. Нашъ организмъ все больше ослабѣвалъ отъ недостатка пищи, наши желудки разстраивались отъ плохого питанія, наши нервы расшатывались отъ усиленной, весьма непріятной работы, отъ сухой зубровки школьной мудрости. Шуткали — заниматься взрослому человѣку, а то еще и семейному, 15—16 часовъ въ сутки одной зубровкой? Зубришь фонетику, правила орѳографіи, склоненія и спряженія, зазубриваешь по Янчину острова, полуострова и т. п., по Колосову церковно-славянскую грамматику и т. д. То и дѣло, зубри да зубри, а „ѣда—хлѣбъ да вода“ (чай), какъ выражались наши шутники, да еще Живифскій однообразный обѣдъ. И то еще не всѣ и не постоянно могли пользоваться безплатнымъ обѣдомъ. Вѣдь нужно уроки готовить, а на безплатный обѣдъ тратить добрыхъ два часа: ждешь очереди при входѣ въ „кухню“, ждешь свободныхъ столовъ въ самой „кухнѣ“. А ходьба? Учащіеся большей частью жили на окраинахъ Одессы—на Молдаванкѣ, на концѣ Новаго Базара, гдѣ квартиры подешевле и гдѣ побольше найдешь по удешевленной цѣнѣ черстваго хлѣба и другихъ бракованыхъ припасовъ—селедокъ, кислыхъ огурцовъ и даже „предметовъ роскоши“: нѣсколько смятаго винограда, полугнилыхъ яблокъ и упомянутыхъ въ Библіи гранатовыхъ яблокъ. Тутъ, на этихъ улицахъ, учащійся могъ на выданные ему просвѣщенцами 8 руб. въ мѣсяцъ найти себѣ и комнатку-конурку. Комнатка съ окномъ, выходящимъ хотя бы въ просторный дворъ, считалась у насъ рѣдкимъ счастьемъ. Ужасно сердились мы на одесскихъ домостроителей, у которыхъ непремѣнно окна такихъ комнатъ выходили или въ полусвѣтлый корридоръ, или заслонялись высокой стѣной сосѣдняго дома или флигеля. Вотъ почему тусклый ламповый свѣтъ часто освѣщалъ наши жилища и днемъ. Выходишь на улицу изъ такой „освѣщенной“ конуры, и приходится простоять нѣсколько минутъ, пока мелькающія предъ утомленными глазами разноцвѣтныя точки не исчезнутъ и глаза привыкнутъ къ дневному свѣту.

Но что значили наши физическія страданія въ сравненіи съ душевными мытарствами, которымъ подвергались особенно мы, учащіеся-талмудисты! Каково было намъ послѣ рѣзкаго перехода изъ міра абстрактнаго—отъ ученія талмуда къ будничной зубровкѣ сухихъ предметовъ или, какъ мы это называли, „жеванію щебня“! Мы привыкли искусно плавать по „морю талмуда“, нырять

въ его глубины, жестикулировать всѣмъ корпусомъ и распѣвать воодушевляющій мотивъ при разгадкѣ замысловатыхъ вопросовъ галахи, послѣ чего, бывало, выплываешь на островокъ для отдыха: увлекаешься фантастическимъ міромъ „агады", чувствуешь себя въ мірѣ чудесъ и вѣчнаго блаженства, гдѣ „праведные сидятъ и наслаждаются сіяніемъ Всевышняго". А тутъ сидишь изнуренный, слабый, и вяло шевелишь губами: „горы въ Африкѣ—Атласскія, Килиманджаро", „горы въ Африкѣ — *Атламанджаро*"... Вдругъ, будто кто-то ущипнулъ тебя, вскрикнешь: „нѣтъ! Атласскія, Килиманджаро". Наши учителя, для поощренія, говорили намъ: учитесь хорошо, и вы приготовитесь къ экзамену на аттестатъ зрѣлости, а по выдержаніи его поступите на медицинскій или на юридическій факультетъ. Всѣ эти поощренія будили въ насъ сильное желаніе достичь аттестата; но именно мечты, возникавшія каждый разъ при такихъ словахъ, отчасти мѣшали намъ работать. Бывало, сидишь надъ этимологіей, зубришь спряженія неправильныхъ глаголовъ, спотыкаешься поминутно отъ ошибочно заученнаго еще дома: „мы хочемъ", „они хочутъ",— и досада беретъ, сердце защемитъ; вдругъ прерываешь работу и задумываешься. Начинаешь мечтать, какъ пріятно будетъ, когда студентомъ въ фуражкѣ съ синимъ околышемъ появишься въ провинціи. То-то будетъ удовольствіе! Провинціалы съ благоговѣніемъ и завистью скажутъ: ай, бывшій меламедишко— молодецъ, на доктора готовится! А жена, родители, хотя ортодоксальные, перестанутъ коситься на тебя и будутъ тобою только гордиться... На такія размышленія уходили у насъ часы, а прока не было въ нихъ, въ смыслѣ поддержанія нашей бодрости, ибо тотчасъ послѣ такихъ грезъ мы еще острѣе чувствовали свою ничтожность. Знали мы, что отъ этимологіи Кирпичникова до аттестата зрѣлости громадное разстояніе, какъ отъ одного конца міра до другого, и мы впадали послѣ этого въ апатію и уныніе.

III.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Уже зима на исходѣ. Нѣкоторыхъ изъ насъ, экстерновъ, особенно семейныхъ, такъ измучила эта отшельническая жизнь, что мы задумали сдѣлать „перерывъ", т. е. вернуться домой, въ провинцію, и тамъ временно учительствовать. Каждый изъ насъ, вѣдь, въ теченіе цѣлаго года достаточно набрался уму-разуму и былъ уже въ состояніи конкурировать съ наѣзжающими въ провинцію учителями, которые

набираютъ тамъ массу мальчиковъ и дѣвочекъ и обучаютъ ихъ русскому языку. Мы уже свободно объяснялись на русскомъ языкѣ. Мы даже, какъ учителя-студенты насъ наставляли, свыклись „думать по-русски". Конечно, мы рѣшили пробыть дома всего одинъ семестръ, подкрѣпиться: поправить свое здоровье, сколотить кой-какой капиталецъ и вернуться къ „аттестату зрѣлости". Но одно насъ удерживало: какъ пріѣхать домой безъ пейсовъ, безъ бороды, полнымъ франтомъ, и безъ „бумажки" (свидѣтельства)? Особенно было неловко тѣмъ изъ учащихся, у которыхъ родители изъ „клей-койдешъ": духовный раввинъ, „шойхетъ" и т. п. А какъ покажешься своей набожной женѣ, покрывающей свою голову парикомъ?.. И вотъ мы устроили по этому поводу совѣщаніе, въ которомъ участвовало насъ человѣкъ десять. Это были избранные, изъ бывшихъ „бесъ-медрешниковъ", которые по своимъ качествамъ и характерамъ такъ сошлись, что остались хорошими друзьями еще со временъ лѣтняго челобитья предъ просвѣщенцами.

Въ день совѣщанія мы были совершенно свободны отъ приготовленія уроковъ. Такихъ дней было у насъ немало, и по простой причинѣ: наши студенты, даровые учителя, не занимались съ нами слишкомъ усердно. Согласно ихъ заявленію въ Обществѣ Просвѣщенія, они должны были заниматься съ нами 3—4 раза въ недѣлю, но именно въ назначенные дни и часы Провидѣніе устраивало такъ, что „учитель ушелъ по важному дѣлу", или же „чортъ гостя принесъ". Не дожидаясь возвращенія учителя домой или ухода надоѣдливаго гостя, мы въ такихъ случаяхъ уходили домой и брались за самостоятельныя занятія: чтеніе классиковъ или изученіе математики, которая давалась намъ легче другихъ предметовъ. Признаться, въ послѣднее время мы мало огорчались недобросовѣстнымъ отношеніемъ даровыхъ учителей нашихъ. Въ душѣ мы стали даже довольны пропусками уроковъ. Значитъ, это уже лѣнь стала подкрадываться къ намъ. Мы тогда почувствовали то, что чувствуетъ малолѣтній хедерникъ при отсутствіи или болѣзни „ребе". Когда у насъ возникла мысль о временномъ перерывѣ занятій и поѣздкѣ домой, мы эти свободные дни использовали для бесѣдъ и совѣщаній, а то просто и для гулянья по одесскимъ бульварамъ и парку. Одесская веселая жизнь стала впослѣдствіи соблазнять наши измученныя души! Обладая достаточнымъ временемъ, мы въ свободные дни могли удовлетворять и наши желудки безплатнымъ обѣдомъ въ „Дешевой кухнѣ". И вотъ на

сытый желудокъ совѣщанiе велось у насъ очень весело и оживленно.

Началось съ того, что каждый изъ насъ, какъ всегда, шутилъ, острилъ о будущей жизни въ провинцiи. „Я—сказалъ одинъ товарищъ N, имѣвшiй уже 8-милѣтняго сына и очень набожную жену—по прiѣздѣ домой немедленно схвачу „головной тфилинъ" („шелъ-рошъ"), взберусь на колокольню нашей церкви, прикрѣплю его къ верхнему кресту, и давай бить еврейскую святыню трефной колбасой! Этимъ-то отомщу своимъ провинцiаламъ-фанатикамъ, преслѣдующимъ меня постоянно, распространяя обо мнѣ разные ложные слухи".

Думаю, что не безынтересно остановиться на этомъ субъектѣ. Былъ онъ родомъ изъ маленькаго мѣстечка Подольской губернiи, воспитывался въ строго-религiозномъ духѣ и готовился получить „смихо" на санъ духовнаго раввина. Посѣщалъ Мирскiй ешиботъ. На 18 году его женили на дочери шойхета, очень набожной, но ихъ супружеская жизнь какъ-то не ладилась, хотя у нихъ уже былъ сынокъ. Тесть терпѣть его не могъ. Онъ прямо преслѣдовалъ зятя за обнаружившiеся у него симптомы вольнодумства. „Зятекъ" этотъ—такъ иронически звали его въ домѣ—напримѣръ, позволялъ себѣ читать на глазахъ у всѣхъ „Гамелицъ", никогда не ѣздилъ на праздники къ „цадику"—„магиду" этого мѣстечка*), не соблюдалъ обряда утренняго омовенiя рукъ („негель-вассеръ"); носились слухи, что онъ иногда даже пропускаетъ „класть тфилинъ". Чувствуя себя беззащитнымъ и гонимымъ въ домѣ тестя, онъ въ одно прекрасное утро бѣжалъ въ Одессу, чѣмъ опозорилъ все семейное гнѣздо тестя. Послѣднiй опасался строгаго выговора отъ „магида", а можетъ быть—и лишиться своей „хазаки", должности. Всѣ въ домѣ проклинали бѣглеца, все мѣстечко съ презрѣнiемъ отзывалось о немъ. Было даже рѣшено снарядить человѣка въ Одессу и потребовать у него развода для жены. Послѣдняя, по разсказамъ тамошнихъ жителей, попавшихъ въ Одессу, узнавъ о бѣгствѣ мужа, плюнула въ воздухъ три раза и, извиняясь, что не умыла рукъ, произнесла благодарственную молитву Всевышнему за то, что Онъ спасъ ее отъ преступнаго мужа, а сына—отъ грѣшнаго воспитателя. Прибывъ въ Одессу, бѣглецъ N., сохранившiй еще наружность ортодоксальнаго еврея и не знавшiй о существованiи

*) Каждое мѣстечко имѣетъ своего „магида", начальника надъ раввиномъ и шойхетомъ.

въ городѣ отдѣленія Общества Просвѣщенія, попалъ въ „Литовскую синагогу“. Тамъ онъ пробылъ около полугода, училъ талмудъ на распѣвъ вмѣстѣ съ другими „батлунимъ“ или „порушимъ“, и прихожане его поддерживали: кто приглашалъ его къ себѣ на обѣдъ, кто—на субботу. Вдругъ откуда-то проникла въ Литовскую синагогу вѣсть, что въ Общество Просвѣщенія прибыла масса молодыхъ людей („inge leitlech“) изъ провинціи съ цѣлью „учиться быть докторами“ и что Общество даетъ имъ матеріальную помощь для достиженія этой цѣли. Учащійся N., обладая твердой волею и необыкновенною смѣлостью, сразу преобразился въ настоящаго франта: надѣлъ пиджачный костюмъ, быстро остригъ свою бороду, пейсы и — съ девизомъ „наплевать!“—началъ вести такой свободный образъ жизни, что прослылъ въ нашихъ кружкахъ героемъ. Намъ вообще труднѣе всего было разстаться съ бородой. Снятіе бороды считалось у насъ послѣдней стадіей преображенія. Оно производилось нами съ большимъ волненіемъ. Одинъ товарищъ рѣшилъ наконецъ побриться, но поплатился за это въ цырюльнѣ: отъ сильнаго волненія и тревожной торопливости, онъ задѣлъ полами своего сюртука стеклянныя банки, которыя разбились вдребезги; онъ выбѣжалъ на улицу, цырюльникъ погнался за нимъ, и произошелъ скандалъ...

Не удивительно поэтому, что N. на совѣщаніи торжественно заявилъ, что онъ готовъ ѣхать домой, будучи увѣренъ, что тамъ его никто не посмѣетъ обижать. „Увидите, сказалъ онъ, что въ субботу мнѣ еще дадутъ „мафтиръ“. У насъ въ синагогѣ постоянно давали „мафтиръ“ какому-нибудь пріѣзжему „шліеху“—вояжеру или „подрядчику“, и еще какъ льстили ему, восхищаясь его пріятнымъ голосомъ и правильнымъ произношеніемъ „гафторы“. Вотъ это значитъ—твердили провинціалы—„гой“ ученый не простой!

IV.

Послѣ долгой бесѣды и веселыхъ дебатовъ, мы почти всѣ рѣшили поѣхать домой на приближавшуюся Пасху. Особенно это рѣшеніе упрочилось, когда на совѣщаніе явился одинъ экстернъ не изъ нашего кружка и сообщилъ намъ со словъ одной попечительницы одесской дешевой кухни непріятную новость: что учащіеся не сумѣютъ „пасховать“ въ кухнѣ, такъ какъ послѣдняя отведена еврейскимъ солдатамъ на всю пасху, по распоряженію общественныхъ дѣятелей. „Возможно, передалъ онъ, что намъ

придется праздновать Пасху вмѣстѣ со стариками- инвалидами въ одесской еврейской богадѣльнѣ. Такъ проэктируется въ Обществѣ Просвѣщенія. Слѣдуетъ замѣтить, что еврейская богадѣльня находилась за городомъ, на концѣ Пересыпи, такъ что туда и обратно будетъ добрыхъ восемь верстъ, а отъ Молдаванки еще больше; значитъ, ежедневно къ утренней и вечерней транезамъ придется сдѣлать разстояніе въ 16 верстъ. Мы прямо были поражены этой вѣстью. Почувствовали себя отъ этого такими униженными, что хотѣлось моментально плюнуть на все и бѣжать за тридевять земель. И такъ, мы остановились на слѣдующемъ: такъ какъ до Пасхи осталось еще около мѣсяца, то пусть N., „нашъ герой", сдѣлаетъ первый шагъ, пусть онъ теперь же поѣдетъ домой, а мы потомъ послѣдуемъ его примѣру. Тѣмъ временемъ мы услышимъ, какъ обошлись съ нимъ тамъ, въ провинціи.

Но не прошло и двухъ недѣль, а N. уже вернулся назадъ въ Одессу. Онъ съ горечью разсказалъ, что человѣку болѣе или менѣе культурному абсолютно нѣтъ никакой возможности уживаться среди фанатиковъ-мракобѣсовъ (kanoim), отъ которыхъ ему досталось изрядно. Онъ разсказалъ, что за нимъ гнались по улицѣ мальчишки, какъ за сумасшедшимъ, сопровождая его камнями и бранными словами; это вызывало веселый хохотъ и среди прохожихъ. Дома, у тестя, преслѣдовали его на каждомъ шагу, просто желая избавиться отъ такого „гоя" и „трефняка". Послѣдній эпитетъ получилъ онъ за умываніе себя мыломъ и водою изъ кошерной кружки. Словомъ, разсказы N. о своей жизни дома, о „радушномъ пріемѣ", котораго онъ удостоился „у своихъ единовѣрцевъ", нанесли ударъ всѣмъ нашимъ планамъ относительно поѣздки на родину. И тутъ же мы рѣшили—сжечь за собою корабли, остаться въ Одессѣ и продолжать тянуть лямку до полученія „бумажки".

Но какъ же быть съ приближающейся Пасхой? Этотъ вопросъ сильно безпокоилъ насъ. При видѣ того, какъ люди „осѣдлые" готовятся къ Пасхѣ, пробудилась въ насъ сильная тоска по пасхальномъ „сейдерѣ" въ семейномъ кругу; затѣмъ убійственно дѣйствовало на насъ сознаніе, что мы, люди зрѣлые, служимъ игрушкою въ рукахъ одесскихъ патроновъ и патронессъ, усердно обсуждающихъ вопросъ: куда дѣвать „этотъ хламъ", т. е. какъ и гдѣ устроить на Пасху насъ, голодныхъ паріевъ, лишнихъ людей. Одесскія благотворительныя дамы были тогда очень озабочены нами и другими. Онѣ распредѣляли между собою роли,

какъ наблюдать при накормленіи такой оравы. Злость взяла насъ, когда мы подумали о „священнодѣйствіи" этихъ добрыхъ опекуновъ.

До Пасхи осталось всего два дня. Вотъ и заявляетъ намъ старичокъ Живифъ съ замѣтной досадой, что уже послѣдовала резолюція Общества Просвѣщенія: опредѣлить насъ на восемь дней Пасхи въ богадѣльню. Мы возмутились. Вотъ— говорили мы—просвѣщенцы думали, думали и додумались! Видно, имъ хочется для воспитательныхъ цѣлей сочетать два міра—міръ молодыхъ, начинающихъ жить, и міръ стариковъ, доживающихъ свой вѣкъ. Если Общество Просвѣщенія,—саркастически замѣтили нѣкоторые,—ставящее себѣ цѣлью *поощрять* молодыхъ людей, желающихъ учиться, поощряетъ насъ теперь ссылкою въ станъ отживающихъ, то, кажется, было бы цѣлесообразнѣе опредѣлить насъ на Пасху въ зданіе конторы одесскаго кладбища, гдѣ мы отлично научились бы, что вся жизнь—суета суетъ.

И такъ, мы опять совѣщаемся: пойти-ли въ богадѣльню, или „забастовать". Нашъ герой N. твердилъ одно: „наплевать"; я голоденъ, а тамъ могу достать пищу, значитъ—я долженъ туда пойти, ибо если я пойду въ другое мѣсто, мнѣ добровольно не дадутъ, придется насильно требовать, а за это будутъ по рукамъ бить. Одинъ изъ нашихъ товарищей, бывшій часовой мастеръ, ярый демократъ, всѣми фибрами души ненавидѣвшій богачей-филантроповъ, прямо бранился по адресу одесскихъ дѣятелей и по поводу нашего „упорнаго суевѣрія". Глупо!—кричалъ онъ—непремѣнно ѣсть „мацу" и править сейдеръ. Я смѣло купилъ бы себѣ черный солдатскій хлѣбъ за 2—3 коп. фунтъ, съѣлъ бы его съ аппетитомъ и запилъ бы водою, — вотъ и были бы у меня и „мацосъ", и „арба койсосъ". Хорошо тебѣ,—возразили ему, — что у тебя деньги водятся и ты въ состояніи купить черный хлѣбъ (онъ иногда зарабатывалъ отъ починки часовъ), а намъ-то?.. Въ дѣйствительности хотѣлось ему сказать слѣдующее: хорошо тебѣ, какъ воспитавшемуся у верстака часового мастера; но мы, бывшіе бесъ-медрешники, не можемъ такъ смѣло разсѣчь гордіевъ узелъ и ѣсть „хомецъ" въ Пасху. Одинъ экстернъ, по характеру тихій, пользовавшійся у насъ авторитетомъ, выступилъ какъ бы въ защиту просвѣщенцевъ. Я—говорилъ онъ—доволенъ рѣшеніемъ Общества. Гораздо пріятнѣе будетъ намъ провести Пасху въ кругу почтенныхъ стариковъ, несомнѣнно религіозныхъ, нежели среди одесскаго кухонскаго нищенства. Въ богадѣльнѣ почувствуемъ вполнѣ святость Пасхи, почти какъ дома. Здѣсь-то спра-

вимъ настоящій „сейдеръ“, будемъ настоящими „царьками“ или „принцами“. Что же касается траты времени на ежедневную ходьбу, то онъ предложилъ просить правленіе богадѣльни, чтобы при утренней трапезѣ выдавали намъ пасхальную пищу на сутки, до слѣдующаго утра.

И такъ, мы тутъ же рѣшили „пасховать“ въ богадѣльнѣ. Завтра—канунъ Пасхи, и въ 4 часа дня должны мы всѣ вмѣстѣ („въ шеренгу!“—закричали нѣкоторые) отправиться на первый сейдеръ въ богадѣльню... Ничего,—стали ободрять наши „палестинцы“,—теперь мы пасхуемъ въ одесской богадѣльнѣ, а въ будущемъ году будемъ праздновать Пасху въ Іерусалимѣ!—„Въ іерусалимской богадѣльнѣ“! — подхватили наши шутники. Тамъ веселѣе будетъ, тамъ цѣлая армія стариковъ и старухъ, нѣсколько сотъ человѣкъ, да и мы-то сами къ тому времени отъ такой жизни тоже состаримся и присоединимся къ нимъ“.

V.

Насталъ „канунъ Пасхи“. Погода стояла прекрасная. Весеннее солнце проникало въ наши полутемныя комнаты, и на душѣ стало легче. Только минутами щемило сердце при мысли о предстоящемъ „походѣ“ въ богадѣльню. На квартирахъ у нашихъ хозяевъ замѣтно было большое движеніе: всѣ члены семьи суетились: шла энергичная чистка посуды. Пошелъ по комнатамъ трескъ и стукъ отъ передвиженія старой, ломающейся мебели. „Все, какъ у насъ дома“,—съ какимъ-то страннымъ, непонятнымъ для насъ удовольствіемъ думали мы. Хозяева нашихъ квартиръ были „свѣжіе“ выходцы изъ провинціи. А гдѣ найдешь въ Одессѣ комнату за 3 руб. въ мѣсяцъ, если не у такихъ хозяевъ, у пришельцевъ, живущихъ здѣсь по мѣстечковому? Отъ насъ тоже потребовали, чтобы мы произвели въ нашихъ комнаткахъ „ревизію“ чемодановъ и кафтановъ, дабы не застряла, не дай Богъ, гдѣ-либо крошка „хомеца“. На счетъ послѣдняго одинъ учащійся успокаивалъ свою хозяйку: вѣдь у нашего брата нѣтъ ни гроша на покупку хлѣба. Къ полудню, когда каждый уголокъ въ домѣ принялъ праздничный видъ, когда наши хозяйки уже сказали свое послѣднее слово въ уборкѣ комнатъ, насъ охватила настоящая тоска. Какой-то червь точилъ душу. Пойти на Пасху въ богадѣльню (слово это прямо рѣзало нашъ слухъ)! Какъ посмотритъ на насъ администрація богадѣльни при первомъ нашемъ визитѣ? Вѣдь мы покажемся ей нищими, дармоѣдами. Одинъ

экстернъ, мечтавшій постоянно сдѣлаться писателемъ (изъ своего городка онъ часто корреспондировалъ въ „Гамелицъ“, а во время своего экстерничества въ Одессѣ дѣлалъ наброски, записывалъ впечатлѣнія въ дневникѣ), принялся утѣшать насъ: человѣкъ долженъ на своемъ вѣку все испытать, узнать и непремѣнно бѣдствовать; вѣдь, что за интересъ въ однообразной, хотя бы роскошной жизни? Вотъ когда-нибудь, когда выйдемъ въ люди, мы разскажемъ нашимъ роднымъ и знакомымъ, какъ мы провели Пасху въ одесской богадѣльнѣ, а можетъ быть,—прибавилъ онъ нѣсколько застѣнчиво,—о нашей теперешней жизни будутъ составлены мемуары и оглашены въ печати.

Наши учителя какъ разъ въ этотъ день назначили намъ занятія. Мы нехотя повторили уроки и пошли заниматься. Учителя замѣтили наше неспокойное настроене и поинтересовались узнать, въ чемъ дѣло. Каждый изъ насъ вылилъ свою наболѣвшую душу предъ своимъ учителемъ: мы говорили объ отношеніи Общества Просвѣщенія къ намъ, о задуманномъ было нами планѣ временнаго перерыва занятій и т. д. Учителя, принявъ къ сердцу наше горе, посовѣтовали намъ отказаться отъ напрасныхъ приготовленій къ экзамену по курсу гимназіи и экзаменоваться при испытательной коммиссіи на званіе учителя; этимъ, говорили они, вы обезпечите себя хлѣбомъ и сумѣете жить самостоятельно. Когда я выслушалъ такой совѣтъ, я отнесся къ нему отрицательно, понимая, что если сдѣлаешься патентованнымъ учителемъ, то прощай аттестатъ зрѣлости, а тамъ и университетъ, къ чему меня сильно влекло. Но когда мы вечеромъ сошлись почти всѣ, учащіеся разныхъ кружковъ, для совершенія похода въ богадѣльню и заговорили объ этомъ новомъ планѣ, то онъ многимъ понравился. Всякаго прельщала возможность сейчасъ „пойти держать экзаменъ“. Это значило, что намъ особенно готовиться не надо, по увѣренію нашихъ учителей. Мы, вѣдь, прошли курсъ 4-хъ классовъ гимназіи, предостаточный для полученія учительскаго свидѣтельства. Ярые сторонники этого плана доказывали, что пора уже какъ-нибудь пристроиться, перестать жить на счетъ Общества. Вотъ увидите,—говорили оптимисты,—въ маѣ получимъ учительское свидѣтельство, а въ августѣ уже получимъ гдѣ-нибудь должность учителя. Говорятъ,—сказалъ одинъ экстернъ, — что здѣсь въ Одессѣ чувствуется большой недостатокъ въ учителяхъ, знающихъ еврейскій языкъ. Въ здѣшнихъ училищахъ преподаютъ еврейскіе предметы настоящіе „амгаарацимъ“ (невѣжды). „И такъ,—весело и бодро

скомандовалъ кто-то,—нашъ маршрутъ теперь таковъ: сейчасъ въ богадѣльню, потомъ, послѣ Пасхи, въ одесскую 4-ую гимназію (гдѣ засѣдала испытательная коммиссія), а въ августѣ—на культурную работу въ одесскія частныя или общественныя училища. Въ этотъ моментъ у насъ былъ необыкновенный подъемъ духа. Нѣкоторые воскликнули: „Бейсъ Яковъ лху в'нейлху"—(двинемте, чада Якова!),—и „шествіе" тронулось.

„Знаете что,—предложилъ одинъ изъ товарищей,—намъ предстоитъ сдѣлать разстояніе въ 4—5 верстъ, на что нужно тратить около часу времени. Я берусь за это время повторить вслухъ передъ вами всю этимологію, нужную намъ для экзамена". „Давай!" подхватили другіе. „Я буду предлагать вопросы"—сказалъ одинъ экстернъ, считавшійся знатокомъ грамматики, такъ какъ онъ прошелъ нѣсколько учебниковъ, даже Говорова. „Хорошо", согласилась компанія. „Что такое склоненіе?"—былъ первый вопросъ. Кто-то моментально, жестикулируя, отвѣтилъ: „Склоненіе... это склоненіе; есть 1-ое склоненіе, 2-ое, 3-е". Тогда нашъ допросчикъ, принявъ роль экзаменатора, сказалъ: „отвѣчайте русскимъ языкомъ, что такое склоненіе? что такое видъ, залогъ?" Словомъ, ни одинъ изъ компаніи не могъ отвѣчать на заданные вопросы. „А я вамъ отвѣчу,—побѣдоносно сказалъ нашъ знатокъ: склоненіе есть измѣненіе существительнаго и т. д. по падежамъ и числамъ. Видомъ называется свойство глагола показывать продолжительность дѣйствія, оконченность и т. д. Вотъ, прибавилъ экзаменаторъ, такъ нужно отвѣчать на экзаменѣ!" Тутъ выпалилъ нашъ часовой мастеръ: въ этомъ виноваты просвѣщенцы; они снабдили насъ сухимъ учебникомъ Кирпичникова и тому подобными подержанными учебниками, которымъ мѣсто среди книжнаго хлама на одесскомъ толчкѣ. И дѣйствительно, большая часть пожертвованныхъ для насъ книгъ была допотопнаго изданія. Тѣмъ не менѣе всѣ хорошо помнили формы этимологіи и бойко цитировали правила изъ синтаксиса. Потомъ перешли къ чтенію наизусть и синтаксическому разбору прочитаннаго. Для этой цѣли мы выбрали недавно заученное нами наизусть стихотвореніе „Утопленникъ": „Прибѣжали въ избу дѣти, наши сѣти притащили мертвеца, и т. д.". На декламаціи нѣкоторые учащіеся сильно спотыкались. Интонація, произношеніе—чисто еврейское. Какъ ни старались они шлифовать, чеканить прочитанное на русскій манеръ,—ничего не выходило. Очень трудно было имъ справиться при произношеніи словъ съ буквою „л" на концѣ или передъ „ся" („рваться"), а также тамъ, гдѣ встрѣчались „а" и „я"

въ одномъ словѣ („телята—телатя“). „Ангельскій быть долженъ голосокъ“—непремѣнно выходило „дольженъ“, подъ вліяніемъ „ь“ въ словѣ „быть“. Иные усердно декламировали: „на полатяхъ мужъ лежитъ“, а выходило „на полятяхъ“. Только нашъ часовой мастеръ отличался въ декламаціи. У него произношеніе было чисто русское, прямо „кацапское“, какъ выражались товарищи. Когда мы по дорогѣ читали „Утопленника“, онъ все твердилъ сердито: не такъ, не тутъ удареніе! Наконецъ воскликнулъ: „Эхъ, вамъ-бы съ вашимъ произношеніемъ въ клойзѣ сидѣть, а не мечтать объ экзаменахъ! Вы идете въ богадѣльню, чтобы ѣсть „мацу“ и читать „гагаду“. Вотъ это вамъ и подобаетъ, суевѣры вы такіе“! Я не вытерпѣлъ, слушая его кощунствованія: „вамъ“, „суевѣры“— и, припоминая слова вѣроотступника (рошо) изъ гагады: „что это тамъ у васъ“, хотѣлъ прямо осуществить совѣтъ, данный намъ составителемъ гагады: „гакгей эсъ шиновъ“; но во избѣжаніе скандала, неумѣстнаго въ нашемъ дружномъ товарищескомъ кругу, я удовольствовался тѣмъ, что обозвалъ его „сквернымъ евреемъ“ и замѣтилъ, что ему не мѣсто среди насъ. Не знаю, чѣмъ кончилась бы эта ссора, если бы вдругъ не выросло передъ нами зданіе богадѣльни, черезъ окна котораго уже пробивался яркій свѣтъ множества электрическихъ лампочекъ.

VI.

Вотъ и богадѣльня! Что-жъ, зайдемте!—очнувшись отъ увлеченія споромъ, крикнули мы какъ бы въ отчаяніи. То было отчаяніе рѣшимости—идти на что-то крайне непріятное. Каждому изъ насъ хотѣлось войти послѣднимъ въ это зданіе, и поэтому вышло, что мы столпились у самаго входа и не двигались дальше. Но въ эту минуту показался у дверей кто-то изъ служащихъ и ободрилъ насъ вопросомъ: „это вы сюда, молодые люди?“,— и мы вошли въ громадный залъ, облитый яркимъ электрическимъ свѣтомъ. Нѣсколько оправившись отъ смущенія, мы замѣтили, что въ залѣ все было устроено торжественно-празднично: длинные столы уставлены всѣми принадлежностями, относящимися къ церемоніалу „сейдера“—блюдами съ мацою, графинами съ виномъ, хрѣномъ, „харойсесомъ“ и т. д. Вотъ и старики, обитатели дома, всѣ въ одинаковыхъ сѣрыхъ длинныхъ кафтанахъ и черныхъ ермолкахъ, степенно вошли въ залъ изъ сосѣдней, тоже освѣщенной комнаты. Они только что помолились „маривъ“ въ прилегающей къ залу, вполнѣ оборудованной, молельнѣ. Старики

усѣлись по-хозяйски у накрытыхъ столовъ, мы—у нашихъ столовъ „для учащихся". Сидимъ и ждемъ, а голодъ даетъ себя чувствовать. Нѣкоторые старики съ добрыми, патріархально-красивыми лицами подошли къ намъ, посмотрѣли на насъ съ любопытствомъ и подали намъ „шоломъ-алейхемъ". Другіе старики тоже хотѣли послѣдовать примѣру своихъ товарищей, но вдругъ появился толстый господинъ, распорядитель, и помѣшалъ этому. Вотъ онъ идетъ, сказали шопотомъ старики, и ушли на свои мѣста.

Распорядитель что-то сказалъ одному служителю относительно насъ, что замѣтно было по его взгляду, брошенному въ нашу сторону. Моментально служитель явился къ намъ съ пачкой „гагадойсъ" и роздалъ ихъ намъ. Съ нѣкоторой ироніей, думая угодить намъ, вольнодумцамъ, онъ спросилъ: „вы у насъ будете читать гагаду?"... „Отчего нѣтъ?—возразили наши серьезнымъ тономъ. Мы такіе же евреи, какъ всѣ, и будемъ-таки читать гагаду". Только нашъ часовой мастеръ сдѣлалъ такую жалкую мину, искрививъ свое и безъ того болѣзненное лицо, что мы поневолѣ расхохотались. Пробормотавъ какую-то брань по адресу нашихъ „націоналистовъ", онъ принялся нервно перелистывать „гагаду".

Вотъ вошли въ залъ и старухи, тоже въ установленной формѣ. Почти всѣ сгорбленныя, хилыя, куда хуже стариковъ выглядятъ. Морщины на ихъ лицахъ такія глубокія, глаза такіе большіе и даже злые, что, глядя на нихъ, жутко становилось. Старухи показались намъ сказочными вѣдьмами изъ породы Лилисъ. Вотъ какъ проклятая старость изуродовала этихъ женщинъ, нѣкогда вѣроятно интересныхъ. Нѣкоторые изъ нашихъ, отъ нечего дѣлать, стали искать въ этихъ отжившихъ женщинахъ слѣды прежней красоты, но напрасно. Наши шутники изъ женатыхъ стали сравнивать своихъ женъ съ этими старухами. „Когда моя жена состарится, она будетъ похожа вотъ на эту". „А моя—на эту", отозвался другой, и раздался хохотъ. „Вотъ и настоящее развлеченіе!"—замѣтилъ кто-то; и дѣйствительно, въ разговорахъ и шуткахъ мы забыли про мучашій насъ голодъ.

Но вотъ подошелъ къ намъ какой-то блюститель порядка и вѣжливо сказалъ намъ: „пожалуйста, господа, потише, мадамъ Х. пріѣхали". Видно, что это ее ждали до сихъ поръ къ „сейдеру". Вошла въ залъ богатая нарядная дама преклонныхъ лѣтъ, но довольно красивая, и любезно поклонилась всѣмъ. При появленіи этой дамы, въ залѣ все зашевелилось: старики повставали съ мѣстъ и усердно кланялись ей. Служащіе всѣ обступили ее и

по-лакейски докладывали ей о чемъ-то, а дама „изволила смѣяться“ и, жеманясь, стала разспрашивать стариковъ и старухъ. Видно было, что патронесса очень хорошо себя здѣсь чувствовала, чѣмъ вызвала у насъ какую-то злобу и отвращеніе. Пошли у насъ споры о филантропіи вообще и объ этой благотворительницѣ въ частности, и мы пришли къ заключенію, что благодѣтели-крезы должны быть благодарны бѣднымъ людямъ, которые даютъ имъ возможность пользоваться почетомъ и прикрывать филантропіей свои подлые житейскіе поступки. Нашъ часовой мастеръ чувствовалъ себя такъ плохо во время встрѣчи этой дамы, что намъ казалось, что съ нимъ приключится обморокъ. Наконецъ онъ сказалъ съ замѣтной болью: „Охъ, эти мнѣ золотые тельцы! Повѣсить бы ихъ всѣхъ! Смотрите, какъ она мило бесѣдуетъ со стариками и старухами! А что она дѣлала сегодня дома до пріѣзда сюда? Сколько она причинила непріятностей своимъ подчиненнымъ, эксплуатируемымъ ею и ея жестокимъ мужемъ? Своихъ слугъ, навѣрное, за волосы таскала, а теперь она одѣлась въ мантію благодѣтельницы и пріѣхала сюда священнодѣйствовать“. Дальнѣйшимъ его изліяніямъ помѣшалъ начавшійся „сейдеръ“.

VII.

Одинъ изъ нашей компаніи вызвался вести за нашимъ столомъ всю церемонію „сейдера“, и онъ эту миссію выполнилъ отлично. Умѣло разставилъ онъ на столъ тарелки, хрѣнъ, „харойсесъ“ и прочее, все по установленному обычаю. Выпивъ рюмку вина при „кидушѣ“ и съѣвъ „карпасъ“—картофель въ соленой водѣ, мы стали бодрѣе и начали читать „гагаду“, въ унисонъ со стариками. Мы сначала шутили: произносили слова съ установленнымъ напѣвомъ, желая дразнить этимъ нашего нервнаго демократа, интернаціональнаго часовщика. Особенно смѣшили насъ шамканье старухъ, ихъ глаза, вооруженные большими очками, привязанными веревочкой къ ихъ ушамъ, а также ихъ большія „корбанъ-минхосъ“; но потомъ нѣкоторые изъ насъ совсѣмъ „размякли“; они со слезами въ голосѣ произносили слова: „Изъ рода въ родъ возстаютъ на насъ, чтобы уничтожить насъ, а Всесвятый избавляетъ насъ“. Среди стариковъ слышались стоны и плачъ. Вѣроятно, не одинъ изъ нихъ вспомнилъ свое прошлое, старое горе—похороны жены, дѣтей и внуковъ. Одинъ старичекъ съ плачемъ читалъ изъ Псалмовъ: „Изъ

праха подымаетъ Онъ убогаго, изъ грязи возноситъ неимущаго, чтобы посадить его среди благородныхъ",—на что кстати замѣтилъ одинъ изъ насъ съ сарказмомъ: „Ему нечего теперь плакать, вѣдь его теперь посадили среди „благородныхъ". Вотъ рядомъ съ нимъ благородная дама". И на насъ подѣйствовали воспоминанія о нашей ранней юности, протекшей въ стѣнахъ „бесгамедреша", о хорошихъ моментахъ изъ нашей семейной жизни; вспомнились увѣщанія нашихъ родителей на счетъ религіозности, ихъ мольбы быть „хорошими евреями", молиться ежедневно и соблюдать субботу и т. п. Вспомнилось намъ тогда, сколько горя мы причинили нашимъ родителямъ, а то и женамъ, тѣмъ, что ушли изъ бесгамедреша въ другой, „грѣшный" міръ. Какъ хотѣлось тогда свободно выплакаться, подобно этимъ старикамъ! Чтобы удержать стремившіяся наружу слезы, мы громче и быстрѣе стали дочитывать гагаду. Настало время ужина. „Гагада-то сошла у насъ удачно, посмотримъ теперь, каковъ будетъ ужинъ"—замѣтили нѣкоторые товарищи.

Засуетились служители богадѣльни, зашевелилась и наша дама. Стали подносить всѣмъ порціи рыбы, мяса. Дама обходила стариковъ и старухъ, дополняла по ошибкѣ недоданное, за что старики льстиво награждали ее каждый разъ благословеніями: „чтобы вы здоровы были, чтобы никогда не знали горя". Обходила дама и насъ, но тутъ она ничего лестнаго не услышала и, кажется, могла замѣтить на нашихъ лицахъ даже презрѣніе къ ея священнодѣйствію. Еще хорошо, что нашъ ярый демократъ не выругался, когда дама обратилась къ нему съ какимъ-то вопросомъ.

Во вторую половину „сейдера", послѣ ужина, намъ особенно пріятно было на сытый желудокъ развлекаться анекдотами, толкованіями подобающихъ библейскихъ стиховъ и даже казуистикой, что привлекло вниманіе стариковъ-талмудистовъ. Послѣдніе совершенно сблизились съ нами. Особенно полюбилъ насъ одинъ старичекъ, помнится, по фамиліи Штейнъ. Это былъ знатокъ древней литературы и отличный математикъ. Къ нему, какъ потомъ выяснилось, часто обращалась одесская учащаяся молодежь (студенты, гимназисты) съ трудными математическими задачами, которыя онъ рѣшалъ безъ всякихъ затрудненій. Старики его звали „профессоромъ" и увѣряли, что онъ когда-то получилъ это званіе заграницей. Всѣ его глубоко уважали. Съ особымъ удовольствіемъ бесѣдовали мы съ нимъ во всѣ дни Пасхи. Мы думали знакомство это утилизировать, т. е. позаим-

ствовать у него что-нибудь по части математики, но, къ сожалѣнію, это намъ не удалось. Мы стѣснялись обращаться къ нему съ „нашей математикой“—ариѳметикой, начальной алгеброй и геометріей въ объемѣ младшихъ классовъ гимназіи. Почувствовали мы опять свою ничтожность въ области знаній. Стыдно было намъ, когда однажды въ бесѣдѣ Штейнъ сдѣлалъ намъ упрекъ въ томъ, что мы, талмудисты („gmoro keplach“) и „маскилимъ“, не изучили до сихъ поръ математики на древнееврейскомъ языкѣ, хотя бы по „Хохмосъ гашіуръ“ Слонимскаго. „Такое явленіе — замѣтилъ онъ — встрѣчается только среди „польскихъ“ евреевъ, но не среди литовцевъ. У насъ молодой человѣкъ, ешиботникъ, заодно съ талмудомъ проходитъ почти всю математику и отлично понимаетъ всѣ трудные мѣста въ талмудѣ, основанныя на математическихъ выводахъ. Мы съ досадою признались ему, что наше „гасколо“ заключалось только въ чтеніи еврейской беллетристики: Мапу, Смоленскаго, Шульмана и т. п., по наукѣ же мы ничего не читали. Что же касается трудныхъ мѣстъ въ талмудѣ, то талмудисты наши ихъ пропускаютъ. Даже меламеды наши, при изученіи „Раши“, пропускаютъ трудныя мѣста, гдѣ этимологически объясняется данное библейское слово, говоря, что это „дикдукъ“ и не подлежитъ изученію. Когда, однажды, мы разсказали „математику“ о нашемъ рѣшеніи оставить курсъ гимназіи и пойти держать экзаменъ на званіе учителя, онъ ничего не сказалъ, а только махнулъ рукой и больше о математикѣ съ нами не разговаривалъ.

VIII.

Прошла Пасха. За все это время мы и думать не могли о занятіяхъ. Время уходило на ходьбу въ богадѣльню, на бесѣды со стариками и на посѣщеніе одесскихъ хоральныхъ синагогъ. На счетъ подготовки къ учительскому экзамену мы были вполнѣ спокойны. Учителя, вѣдь, увѣряли насъ, что свидѣтельство уже почти въ нашихъ рукахъ. Наши учителя-студенты уже совсѣмъ прекратили занятія съ нами. Они пожелали намъ успѣховъ въ предстоящихъ экзаменахъ, а въ душѣ, разумѣется, произнесли по нашему адресу извѣстное благословеніе: „Борухъ шепторони“. Изъ нашей группы выдѣлилось нѣсколько человѣкъ болѣе знающихъ, въ числѣ которыхъ былъ и я,—и мы пошли къ экзамену. Насъ выслали впередъ, какъ бы на „развѣдку“, чтобы мы, „піонеры“, проторили дорогу остальнымъ, менѣе знающимъ,

„прихрамывающимъ“, какъ мы ихъ называли. Отъ насъ ждали вѣрныхъ результатовъ; но случилось иначе.

Ничего не вышло изъ необдуманнаго шага, на который толкнули насъ учителя. Послѣдніе представляли себѣ учительскій экзаменъ какъ испытаніе ученическое, въ знаніи курса 4-хъ классовъ гимназіи, а экзаменаторы иначе смотрѣли на дѣло. Они подчеркнули намъ при первомъ письменномъ русскомъ экзаменѣ, что это—*учительскій* экзаменъ и что намъ, какъ будущимъ учителямъ, необходимо, согласно новой оффиціальной программѣ, вошедшей только что въ силу, безукоризненно написать изложеніе статьи изъ извѣстной хрестоматіи, содержаніе которой мы должны обстоятельно знать, почти наизусть. Такъ заявилъ намъ извѣстный тогда экзаменаторъ по русскому языку, строгій Копотиловъ. Кромѣ того, мы должны основательно знать методику предмета, по которой будутъ насъ спрашивать по билетамъ. То же самое заявили намъ экзаменаторы по математикѣ, исторіи и географіи. „Боже, четыре письменныхъ изложенія, методика!“—въ изумленіи сказали мы другъ другу. Почему учителя наши и не заикнулись даже объ этомъ? Что дѣлать? Деньги мы уже внесли за экзаменъ, и вотъ зовутъ насъ въ классъ... И мы вошли, чтобы насмѣшить экзаменаторовъ, но рѣшили въ случаѣ провала заявить, что насъ выпустило Общество Просвѣщенія.

Новая обстановка, учителя въ мундирахъ, масса экзаменующихся, веселыхъ и здоровыхъ—это все такъ ошеломило насъ, чувствовавшихъ себя тогда кругомъ несчастными, что мы совершенно растерялись. Но вотъ екнуло сердце: открылась дверь комнаты засѣданія Испытательной Коммиссіи, вышелъ экзаменаторъ по русскому языку и густымъ басомъ сказалъ: пишите изложеніе „Исторіи одной яблони“; кто знаетъ хорошо содержаніе этой статейки изъ хрестоматіи, причемъ еще владѣетъ русскимъ языкомъ, тотъ безъ всякаго затрудненія напишетъ эту курсовую тему. Такъ какъ мы и понятія не имѣли объ этой статейкѣ, то заранѣе могли быть увѣренными въ провалѣ на экзаменѣ; но руководствуясь извѣстнымъ специфическимъ для еврея правиломъ: „если даже острый ножъ на твоей шеѣ, не унывай и надѣйся на спасеніе“,—мы все-таки взялись за перья. Мы такъ разсуждали: цѣль экзаменаторовъ убѣдиться въ нашемъ умѣніи выражать письменно наши мысли, а главное—провѣрить наши знанія въ ороографіи; значитъ, имъ должно быть безразлично, что бы мы ни написали о яблонѣ;

поэтому мы рѣшили хоть что-нибудь написать. Одинъ изъ насъ, имѣвшій дѣйствительно сочинительскій талантъ, написалъ цѣлый трактатъ. Другой совсѣмъ отказался писать. „Я могъ бы—шутливо замѣтилъ онъ—написать много на тему „о яблонѣ“ и доказать изъ мидраша, что дерево познанія добра и зла была яблоня, а не смоковница, какъ другіе увѣряютъ; но врядъ ли это понравится экзаменаторамъ, этимъ „гоимъ“. Куда имъ до мидраша или талмуда!“ Сидимъ, удрученные, и ждемъ, сами не знаемъ чего. Листы бумаги лежатъ предъ нами, а писать нечего. Мы даже не хотѣли провѣрить написанное. Оно намъ опротивѣло. Одинъ только нашъ талантливый писака писалъ, зачеркивалъ и переписывалъ. На лицѣ его замѣтно было, что онъ доволенъ своей работой. Возможно, что онъ надѣялся своей письменной работой заслужить похвалы у экзаменаторовъ: вѣдь требуется только „изложеніе“, а онъ написалъ „сочиненіе“. Мы могли бы заявить надзирателю гимназіи, что мы кончили дѣло, отдать ему „листы“ и убраться во свояси; но намъ показалось тогда, что некуда намъ итти, бездомнымъ. И такъ мы просидѣли въ классѣ до самаго конца экзаменовъ. Пришелъ наконецъ экзаменаторъ, забралъ у насъ „испорченные листы“, т. е. наши письменные отвѣты, и велѣлъ явиться къ слѣдующему письменному экзамену.

Мы рѣшили было ужъ не пойти больше къ экзамену, но, благодаря настоянію нашего „сочинителя“, мы вторично явились. Съ поникшими головами, какъ провинившіеся въ тяжкомъ грѣхѣ, вошли мы въ классъ. Не успѣли мы оглянуться, какъ подошелъ къ намъ экзаменаторъ по русскому языку, съ „листами“ въ рукахъ, и сердито заявилъ: „Вы всѣ срѣзались и не допущены къ слѣдующимъ экзаменамъ“. Нашъ „сочинитель“ въ отчаяніи возразилъ, что несправедливо поступаютъ съ нимъ, но получилъ отвѣтъ, что его работа рѣшительно не соотвѣтствуетъ программѣ, что онъ „напуталъ какую-то безсмыслицу“. Заявленіе экзаменаторовъ прямо поразило его: онъ, вѣдь, предполагалъ, что экзаменаторы похлопаютъ его по плечу и назовутъ молодцомъ. Намъ же гораздо легче было выслушать приговоръ, къ которому мы были готовы. Въ душѣ, признаться, мы почти были рады тому, что нашъ товарищъ тоже срѣзался. Это было очень нечестно съ нашей стороны, но таковъ психологическій законъ среди людей, даже самыхъ идеальныхъ. Выдержалъ бы онъ одинъ, гораздо тяжелѣе было бы намъ.

IX.

Въ полномъ отчаяніи, сознавая свое безвыходное положеніе, вышли мы изъ гимназіи на шумную улицу и остановились, какъ вкопанные, парализованные мыслью: куда итти? Что предпринять? Съ завистью смотрѣли мы на проходящихъ: всѣ бодро идутъ по своимъ дѣламъ, толкаютъ другъ друга, имъ некогда, у нихъ „дѣла важныя", а мы—жалкія, блуждающія овцы.

Подошли къ намъ ждавшіе насъ на улицѣ товарищи съ вопросами: „Ну, что? Онъ тоже срѣзался? Значитъ, намъ еще далеко и до полученія учительскаго свидѣтельства. Теперь-то уже непремѣнно придется оставить Одессу—и маршъ въ провинцію; ничего не подѣлаешь!" И дѣйствительно, что намъ теперь Одесса?—думалось намъ. Учителя наши дали намъ „чистую отставку", а гдѣ достанемъ мы другихъ учителей? Развѣ остаться здѣсь ради Жвифскаго обѣда? Одинъ экстернъ, недавно прибывшій въ Одессу и срѣзавшійся тоже на учительскомъ экзаменѣ, совѣтовалъ намъ именно теперь опять взяться за курсъ гимназіи. „*Сами* найдемъ себѣ учителей,—сказалъ онъ: пойдемъ въ университетъ, попросимъ студентовъ, пойдемъ въ гимназію, попросимъ самихъ учителей; чтобы прожить, поищемъ *сами* для себя уроковъ, спросимъ по синагогамъ и у знакомыхъ. Скорѣе получимъ аттестатъ зрѣлости, чѣмъ учительское свидѣтельство". Совѣтъ товарища на насъ сильно подѣйствовалъ. Мы снова почти уже рѣшили продолжать ученіе и готовиться только „на аттестатъ".

Рѣшеніе это окончательно упрочилось черезъ нѣкоторое время. Дѣло было такъ. Пришелъ къ намъ одинъ экстернъ, горячій націоналистъ, и съ радостью сообщилъ намъ пріятную новость. „Появилась звѣзда на нашемъ горизонтѣ: нѣмецкій еврей, д-ръ Герцль, хочетъ поселить всѣхъ русскихъ евреевъ въ Палестинѣ, и для этого призываютъ и насъ, молодыхъ, къ сіонистской работѣ. Я только что говорилъ объ этомъ съ однимъ докторомъ, ярымъ націоналистомъ. Тутъ, господа, съ ироніей сказалъ онъ, не „исторія одной яблони", а исторія возрожденія еврейскаго народа въ странѣ нашихъ предковъ, гдѣ будемъ имѣть наши школы, гимназіи и даже университеты. Перестанемъ быть холопами на чужбинѣ, а будемъ свободными гражданами у себя дома. Говорятъ, что на-дняхъ будетъ по поводу этого собраніе у здѣшняго д-ра С. Тамъ будутъ всѣ наши одесскіе писатели: Ахадъ-Гаамъ, Бенъ-Ами и др. Пойдемъ туда непремѣнно! Говорятъ еще, что здѣсь есть одинъ студентъ Василевскій, который уже энергично работаетъ во имя сіонизма,

затѣмъ какой-то д-ръ А, большой ораторъ. Онъ въ субботу будетъ говорить въ одной синагогѣ на Ново-Рыбной улицѣ. Непремѣнно пойдемъ туда!"... „Пойдемъ! Пойдемъ"!—съ энтузіазмомъ подхватили наши экстерны.—„Ну, теперь ужъ не уѣдемъ изъ Одессы",—сказали мы радостно, и рѣшили примкнуть къ работающимъ сіонистамъ.

Появились уже мечты на этой почвѣ; мечталось, что стоишь на амвонѣ въ синагогѣ и говоришь пламенную рѣчь предъ „братьями" и „сестрами". И какова была наша радость, когда я и еще одинъ товарищъ познакомились со студентомъ Василевскимъ, и онъ самъ вызвался заниматься съ нами и обѣщалъ достать учителей для всѣхъ насъ! Очень много могъ бы я разсказать объ этомъ святомъ юношѣ, моемъ учителѣ, сошедшемъ во цвѣтѣ лѣтъ въ могилу; но тутъ не мѣсто.

Въ новой средѣ, среди нео-сіонистовъ, идеальныхъ общественныхъ дѣятелей и нашихъ писателей, совсѣмъ иначе чувствовали мы себя. Вскорѣ появился въ нашемъ кружкѣ бѣдно одѣтый студентъ, съ черной бородой, и объединилъ вокругъ себя всѣхъ націоналистовъ-самоучекъ. То былъ студентъ Ш., который выдвинулся своей первою рѣчью въ первый день Пасхи въ синагогѣ по Авчиникову переулку. Мы всѣ, учащіеся-сіонисты, были учениками этого апостола сіонизма; работа съ нимъ насъ ободряла и подняла нашу энергію. Изъ нашей среды выдѣлились усердные работники-сіонисты, хорошіе пропагандисты и организаторы.

Б. Кругликъ.

Матеріалы и сообщенія.

„Записка объ эмансипаціи евреевъ въ Россіи" (1859).

Подъ этимъ громкимъ заглавіемъ была представлена въ 1859 г. главѣ петербургской еврейской общины, Е. Г. Гинцбургу, записка его секретаря по оффиціальнымъ ходатайствамъ въ пользу евреевъ, Э. Б. Левина. Мы воспроизводимъ эту записку (по авторской копіи, хранящейся въ архивѣ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества), какъ документъ, характеризующій настроеніе передовыхъ круговъ еврейскаго общества, стоявшихъ близко къ правительственнымъ сферамъ въ первые годы царствованія Александра II. Вся сложная проблема „эмансипаціи" сводится здѣсь къ четыремъ пунктамъ: изданію еврейской газеты на русскомъ языкѣ и „ученолитературнаго" журнала на еврейскомъ языкѣ, преобразованію еврейскихъ казенныхъ училищъ и системы взиманія спеціальныхъ податей. Однако, при всей этой упрощенности представленій объ „эмансипаціи" и консервативно-монархической ея мотивировкѣ, въ запискѣ содержится много фактическихъ свѣдѣній и замѣчаній, вводящихъ насъ въ кругъ интересовъ, волновавшихъ тогдашнюю еврейскую интеллигенцію и весьма поучительныхъ для ея преемницы—интеллигенціи нашего времени.

Ред.

„Записка объ эманципаціи евреевъ въ Россіи". Въ видахъ подготовленія къ этому, предлагаются *четыре* мѣры: 1) основаніе еврейской газеты на русскомъ языкѣ; 2) основаніе учено-литературнаго журнала на еврейскомъ языкѣ; 3) преобразованіе казенныхъ еврейскихъ училищъ и 4) преобразованіе системы взиманія податей съ евреевъ. Послана Евзелю Габріелевичу Гинцбургу въ Петербургъ, 13 іюля 1859 г.

Цѣль, къ которой въ нынѣшнее время должны стремиться всѣ благомыслящіе евреи въ Россіи, есть безспорно: достиженіе *эманципаціи*, т. е. полнаго уравненія въ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ русскими. За исключеніемъ Франціи, Голландіи и Бельгіи, во всей остальной Европѣ эманципація евреевъ достигалась лишь послѣ многолѣтней борьбы, въ которой извѣстные писатели и просвѣщеннѣйшіе умы принимали живое и дѣятельное участіе. Несмотря на то, однако, евреи въ Западной Европѣ не

вездѣ еще вполнѣ эманципированы. Причина этого, по нашему мнѣнію, лежитъ, съ одной стороны, въ вѣковомъ предубѣжденіи, постоянно поддерживаемомъ въ народахъ враждебными христіанскими писателями, которые сознательно извращая еврейское вѣроученіе, силятся доказать, будто еврейскій народъ неспособенъ къ развитію и потому недостоинъ того, чтобы ему возвращены были гражданскія права, отнятыя у него мрачнымъ средне-вѣковымъ фанатизмомъ. Съ другой же стороны, причина эта кроется въ конституціонномъ образѣ правленія многихъ европейскихъ государствъ, гдѣ страсти и духъ партій имѣютъ болѣе свободное поле дѣйствій и гдѣ одна воля монарха не въ силахъ ихъ обуздывать.

Ничего этого нѣтъ въ Россіи. Въ отечествѣ нашемъ литература до сихъ поръ, за немногими исключеніями, очень мало или почти вовсе не касалась евреевъ: іудаизмъ не признавался достаточно важнымъ, чтобы стоило имъ серьезно заниматься. Нѣкоторые единичные писатели, враждебные евреямъ, къ счастью, не пользовались авторитетомъ. Что же касается новѣйшей журналистики, то она теперь проникнута гуманнымъ духомъ и относится къ намъ благопріятно. Въ этомъ отношеніи единовѣрцы наши во всей Германіи могутъ намъ позавидовать. Съ другой стороны, общественное мнѣніе у насъ въ Россіи еще въ колыбели и едва *начинаетъ* образоваться; власть же самодержавная не ограничена никакими парламентскими формами. Правда, въ простомъ русскомъ народѣ существуетъ нѣкоторая антипатія къ евреямъ, соединенная съ какою-то смѣшною боязнью. Но антипатія эта весьма далека отъ германской ненависти; она безотчетна, не основана на твердомъ сознаніи, потому-то ее легко поколебать и превратить со временемъ въ братское единодушіе, если только съумѣемъ приняться за дѣло, какъ слѣдуетъ.

Для достиженія эманципаціи евреевъ въ Россіи, необходимо дѣйствовать на нарождающееся общественное мнѣніе, предупредить ложныя сужденія, которыя недоброжелатели наши, при пробужденіи нашей гражданской жизни, не замедлятъ распространять о насъ; необходимо стараться ознакомить русскую публику съ нашею трехтысячелѣтнею исторіею, богатою литературою, истиннымъ вѣроученіемъ, нравами, обычаями и свойствами еврейскаго народа. Нужно ли доказывать, что въ Россіи никто рѣшительно, даже образованные классы и само правительство, не знаетъ евреевъ? Въ странѣ, гдѣ нѣтъ даже библіи на отечественномъ языкѣ, неудивительно, что о еврейской литературѣ, о ихъ вѣроученіи, о Богомъ ввѣренномъ имъ святомъ посланничествѣ къ человѣческому роду никто и понятія имѣть не можетъ. Всѣмъ извѣстно, изъ какихъ мутныхъ источниковъ почерпнуты и тѣ немногія, крайне отрывочныя и скудныя свѣдѣнія о іудаизмѣ, которыя заставляютъ правительство наше впадать изъ одной ошибки въ другую. Но, съ другой стороны, необходимо также дѣйствовать и по направленію внутрь, т. е., на образованіе *массъ* еврейскаго народа. Надобно исподоволь подготовлять нашихъ единовѣрцевъ къ великой эпохѣ, сдѣлать ихъ достойными и способными воспріять высокое благо,

на наступленіе котораго, особенно при новомъ духѣ нынѣшняго правительства, мы имѣемъ основательныя причины надѣяться.

Для удовлетворенія двумъ вышеозначеннымъ потребностямъ, по нашему мнѣнію, нужны три вещи: 1) *публичный органъ* на русскомъ языкѣ, для защищенія іудаизма извнѣ; 2) *учено-литературный журналъ* на еврейскомъ языкѣ, для дѣйствованія на самихъ евреевъ и 3) *коренное преобразованіе еврейскихъ училищъ*.

I. Публичный органъ.

Во всѣхъ странахъ Европы, евреи въ послѣднее время раздѣлились на двѣ партіи, одна другой совершенно противуположныя: на партію правовѣрныхъ (orthodox) и приверженцевъ реформы. Чѣмъ далѣе къ Сѣверу и Востоку, тѣмъ значительнѣе становится большинство первой. Въ Россіи представители второй партіи такъ немногочисленны, что ихъ и меньшинствомъ нельзя еще называть. Несмотря на то, однако, это разъединеніе уже начинаетъ у насъ проявляться, и надобно ожидать, что духъ времени не замедлитъ содѣйствовать этому разъединенію и придать ему огромные размѣры. Хотя обѣ эти партіи не могутъ быть названы отдѣльными сектами, потому что онѣ совершенно согласны въ главныхъ принципахъ вѣры, не расходятся въ основаніяхъ нравственности, не отдѣляются другъ отъ друга и не чуждаются тѣснѣйшихъ узъ родства между собою, тѣмъ не менѣе, однако, это явленіе достойно глубокаго вниманія, какъ слѣдствіе и неопровержимое доказательство непрерывнаго развитія іудаизма, развитія, подтверждаемаго и объясняемаго нашею исторіею, но оспариваемаго нашими врагами.

Замѣчательно, что недоброжелатели наши, въ какое время и въ какой бы странѣ они противъ насъ ни выступали, имѣя единственною цѣлью воспрепятствовать эманципаціи евреевъ, стараются утвердить ложное мнѣніе, будто іудаизмъ неспособенъ къ общечеловѣческому развитію, будто онъ не согласенъ съ европейскою цивилизаціею и будто евреи по тому самому никогда не могутъ сдѣлаться полезными гражданами и вѣрными сынами своего отечества. Искажая нашу религію и вѣроученіе, не желая знать глубокознаменательную нашу исторію, они ставятъ эти же самыя святыни преградою нашей эманципаціи. Имъ бы хотѣлось видѣть евреевъ всегда такими, какими ихъ сдѣлали средневѣковыя гоненія.

Этому-то враждебному намъ стремленію благомыслящіе евреи во всѣхъ государствахъ Европы противопоставили публичные органы и вызвали тѣмъ новую литературу на отечественномъ языкѣ. Мы должны послѣдовать ихъ великому примѣру, съ тѣмъ, однако, выгоднымъ для насъ различіемъ, что имъ приходилось бороться съ обработаннымъ уже не въ ихъ пользу общественнымъ мнѣніемъ, въ добавокъ поддерживаемымъ *торговою* завистью. Мы же, напротивъ, будемъ имѣть дѣло съ народомъ свѣжимъ, не имѣющимъ еще твердаго общественнаго мнѣнія, народомъ, который, не терпя до сихъ поръ среди себя евреевъ, не имѣлъ еще ни времени, ни возможности проникнуться къ нимъ завистью и враждебностью.

Послѣ всего сказаннаго, излишне было бы распространяться о духѣ и направленіи, какіе должна имѣть наша газета. Довольно, если цѣль ясно указана; остальное—дѣло умнаго и искуснаго редактора, какого, признаемся, трудно будетъ найти. Не должно также упустить изъ виду, что этому редактору, сверхъ прямыхъ его обязанностей, должно быть вмѣнено въ обязанность: жить въ ладу съ редакторами значительнѣйшихъ газетъ и журналовъ въ столицѣ. Ему должны быть даны всѣ средства вызывать, поощрять и содѣйствовать изданію въ свѣтъ журнальныхъ статей и цѣлыхъ книгъ въ пользу нашего праваго дѣла.

Самымъ лучшимъ образцомъ еврейской газеты въ Россіи можетъ служить: Die Allgemeine Zeitung des Judenthums, издаваемая докторомъ Филипсономъ, раввиномъ Магдебургскимъ. Газета наша должна носить приличное и заманчивое названіе, — это довольно важно, — и состоять изъ 5-ти отдѣловъ. *Первый отдѣлъ* долженъ всегда заключать въ себѣ передовую статью собственно отъ редакціи, содержащую въ себѣ или дѣльныя возраженія противъ появляющихся иногда въ печати нападокъ на іудаизмъ и на самихъ евреевъ, или основательное опроверженіе котораго нибудь изъ обвиненій, тяготѣющихъ на еврейскомъ народѣ и укорененныхъ въ сердцахъ христіанъ вѣковыми предубѣжденіями, или, наконецъ, разъясненіе и развитіе какого-либо изъ важныхъ вопросовъ религіозныхъ, историческихъ и литературныхъ, имѣющихъ общій интересъ и въ то же время могущихъ способствовать гражданскому прогрессу евреевъ. Во *второмъ отдѣлѣ* должны быть помѣщены распоряженія правительственныя и законоположенія, касающіяся евреевъ въ Россіи. *Третій отдѣлъ* долженъ заключать въ себѣ внутреннія газетныя извѣстія, сообщающія (освѣщающія?) внутреннюю жизнь еврейскихъ общинъ, по крайней мѣрѣ, большихъ городовъ; состояніе богоугодныхъ и благотворительныхъ учрежденій; статистическія свѣдѣнія, опровергающія мнѣніе о тунеядствѣ евреевъ; свѣдѣнія объ успѣхахъ и развитіи земледѣльческихъ колоній, о ходѣ торговли и промышленности и т. п. *Четвертый отдѣлъ* предоставить иностраннымъ извѣстіямъ. Сюда должны входить краткія свѣдѣнія о евреяхъ во всѣхъ частяхъ свѣта, особенно въ европейскихъ странахъ, почерпнутыя изъ иностранныхъ газетъ и періодическихъ изданій, а главное касающіяся успѣха дѣла эманципаціи. *Пятый отдѣлъ* или фельетонъ. Здѣсь должны быть помѣщены мелкія статьи, небольшія повѣсти, разсказы, краткія біографіи знаменитыхъ еврейскихъ ученыхъ, поэтовъ, художниковъ и артистовъ разныхъ эпохъ и другія интересныя статьи, имѣющія цѣлью изображеніе важныхъ моментовъ еврейской исторіи, ознакомленіе читателей съ вѣроученіемъ, литературой и жизнью еврейскаго народа, какъ относительно участія его въ событіяхъ всемірныхъ, такъ и по отношенію къ внутреннему его развитію.

Мы весьма далеки отъ того, чтобы предлагать это предпріятіе, какъ выгодную аферу. Очень хорошо понимаемъ, что въ первые годы нельзя будетъ расчитывать на достаточное число подписчиковъ, чтобы газета могла существовать собственными средствами.

Этого мало; цѣль газеты требуетъ, чтобы подписная на нее цѣна была *самая дешевая* и чтобы прилагаемы были всевозможныя старанія къ распространенію ея между христіанами, отъ кабинета государственнаго сановника и богатаго вельможи до канцеляріи чиновника и купеческой лавки. Но если найдутся между именитыми единовѣрцами нашими нѣсколько такихъ, благородныя сердца которыхъ воодушевлены теплою любовью къ своимъ братьямъ, а умъ одаренъ прозорливостью, не ограничивающеюся предѣлами настоящаго, то нѣтъ сомнѣнія, что они вполнѣ поймутъ и оцѣнятъ всю важность этого дѣла, не пощадятъ никакихъ усилій къ исходатайствованію разрѣшенія правительства на изданіе подобной газеты и охотно составятъ капиталъ, необходимый на ея осуществленіе и поддержаніе.

II. Учено-литературный журналъ.

(Здѣсь изложена программа журнала, выработанная авторомъ еще въ 1856 г., со ссылкою на нее въ копіи. Эта часть проекта будетъ помѣщена въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ „Еврейской Старины“.—*Ред.*).

III. Преобразованіе еврейскихъ училищъ.

Чтобы дать еврейскому народу европейское образованіе, правительство наше учредило еврейскія училища. Но, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ открытія, оказывается, что въ училищахъ этихъ мало или почти нѣтъ учениковъ, что даже раввинскія училища, существуютъ единственно благодаря привиллегіи, освобождающей воспитанниковъ этихъ заведеній отъ рекрутской повинности, и что, однимъ словомъ, образованіе евреевъ не подвигается впередъ. Многіе, конечно, готовы приписать это явленіе исключительно *упорству* евреевъ, и вопросъ былъ бы такимъ образомъ рѣшенъ очень легко. Однако, если глубже вникнуть въ предметъ, то станетъ ясно, что здѣсь дѣйствуютъ иныя причины. Постараемся ихъ объяснить.

Первою причиною неуспѣха еврейскихъ училищъ была ихъ преждевременность. Прежде, чѣмъ улучшено было гражданское положеніе евреевъ, прежде чѣмъ отмѣнены были ограничительные законы, стѣсняющіе матеріальное ихъ существованіе, для нихъ учредили учебныя заведенія. Евреямъ поднесли *умственную* пищу въ то время, когда *физическій* ихъ голодъ не былъ еще утоленъ. Въ Россіи взяли народъ еврейскій, стѣсненный на маломъ пространствѣ, ограниченный въ гражданскихъ правахъ и торговлѣ, масса котораго, за весьма рѣдкими исключеніями, принуждена употреблять все свое время, напрягать всѣ силы своего ума, чтобы снискивать одинъ хлѣбъ насущный, — этому несчастному народу дали училища, говоря ему: *„учись, ты невѣжда и безграмотный; надобно, чтобы ты образовался“*. Но при этомъ забыли, что голодному и связанному по рукамъ и ногамъ ученіе не пойдетъ на умъ. А если бы еврей спросилъ: *„для какой цѣли стану я образовать моего сына? Что я потомъ съ нимъ сдѣлаю? На какое поприще,*

приличное образованному человѣку, обращу его?“ Можно ли было отвѣчать ему съ толкомъ на эти вопросы? Нѣтъ; повторяемъ еще разъ: еврейскому народу слѣдовало дать сперва *хлѣба*, а ужъ потомъ *грамоту*.

Но посмотримъ на вопросъ еще съ другой точки зрѣнія. Чтобы убѣдить евреевъ въ необходимости училищъ, имъ постоянно твердили, что они *невѣжды*. Справедливъ ли этотъ упрекъ? Безъ собственнаго убѣжденія въ существованіи недостатка не можетъ быть искренняго желанія отъ него исправиться. Но могутъ ли евреи признать за собою этотъ недостатокъ? Можно ли, по совѣсти, имъ навязать его? Народъ, обладающій тридцативѣковою литературою съ ея разнообразными произведеніями, единственный народъ въ мірѣ, котораго *всѣ индивидуумы умѣютъ читать* (literati), а изъ женщинъ не менѣе 50%, чего не встрѣчаемъ у самыхъ просвѣщенныхъ народовъ (Англіи и Франціи), гдѣ число грамотныхъ не превышаетъ 60% всего населенія,—можно ли, спрашивается, считать такой народъ *невѣжественнымъ и безграмотнымъ*, забывая ту простую истину, что всякая умственная дѣятельность, на какомъ бы языкѣ она ни совершалась, ставитъ уже народъ на извѣстную ступень цивилизаціи, пока хоть и не совсѣмъ европейской, но все-таки цивилизаціи.

Гораздо болѣе справедливъ упрекъ, который можно бы сдѣлать евреямъ, это — ихъ *незнаніе отечественнаго языка*. Но прежде надобно спросить: есть ли собственно въ мѣстахъ, гдѣ евреямъ дозволено имѣть постоянное жительство, т. е., въ западныхъ губерніяхъ, *отечественный языкъ* (Muttersprache)? Чиновники говорятъ и пишутъ, хотя и плохо, на *русскомъ* языкѣ, дворяне на *польскомъ*, а среднее сословіе писать вовсе не умѣетъ, а говоритъ на *малороссійскомъ, литовскомъ и жмудскомъ нарѣчіи*. Въ этомъ отношеніи евреи стоятъ не ниже мѣщанскаго своего званія и достаточно умѣютъ объясняться на всѣхъ этихъ языкахъ. Что же, послѣ всего сказаннаго, можетъ побудить евреевъ къ желанію нѣсколько высшаго образованія, если они не увидятъ въ томъ *житейской потребности и существенной выгоды?*

Нѣкоторые были того мнѣнія, что для распространенія между евреями просвѣщенія нужно употребить насильственныя мѣры. Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Не говоря уже о томъ, что это вызвало бы новый рядъ ограничительныхъ законовъ, число которыхъ слѣдуетъ, напротивъ, постепенно уменьшать и наконецъ вовсе отмѣнить, система эта сама по себѣ не годится, потому что никогда не привела бы къ желаемой цѣли. Навязать народу нравственное преобразованіе вдругъ и насильно—невозможно; это можетъ быть только дѣломъ постепеннаго внутренняго его развитія. Система принужденія способна произвести лишь *наружное* преобразованіе, но она недѣйствительна, если хотятъ произвести реформу мнѣній и внутреннихъ убѣжденій. Все, сдѣланное и достигнутое въ нравственной области путемъ принужденія, непрочно и безплодно; это доказано опытомъ. Нельзя ожидать, чтобы народъ, европейски еще необразованный, вдругъ возлюбилъ просвѣщеніе един-

ственно потому, что оно просвѣщеніе. Все, что правительство въ этомъ случаѣ можетъ сдѣлать, это—*возбудить въ еврейскомъ народѣ дѣйствительную потребность въ образованіи.* Во всѣхъ странахъ Европы евреи вышли изъ средне-вѣковаго омертвѣнія, образовались и отличились на поприщѣ наукъ и искусствъ, безъ всякаго настоянія со стороны правительствъ, а сами, вслѣдствіе постепеннаго измѣненія гражданскаго и общественнаго ихъ положенія.

Второю причиною неуспѣха еврейскихъ училищъ въ Россіи есть—несоотвѣтствіе основнаго ихъ плана съ истинными потребностями и религіознымъ характеромъ евреевъ, противорѣчіе послѣднихъ распоряженій правительства съ обнародованною прежде цѣлью, и недостатокъ исхода изъ училища въ дѣйствительную жизнь общественную и гражданскую. Масса евреевъ, подвластныхъ Россіи, принадлежатъ вообще къ партіи правовѣрныхъ (orthodox). У евреевъ нѣтъ духовной іерархіи; въ раввинскій санъ *не посвящаютъ*; званіе это подлежитъ свободному выбору и вполнѣ подчинено общественному мнѣнію. Это въ отношеніи религіозномъ. Въ отношеніи же гражданскомъ здѣшніе евреи суть: или купцы, или лавочники и мелкіе торговцы, или ремесленники, или, наконецъ, рабочіе,—остальные совершенно бѣдны. Поэтому публичное воспитаніе у нихъ должно имѣть цѣлью—подготовленіе юношества къ одному изъ этихъ профессій. Образованіе безъ видимой житейской цѣли, за немногими исключеніями, не можетъ быть ими понято и оцѣнено. Для нихъ недостаточно быть образованнымъ и грамотнымъ человѣкомъ, и только; имъ необходима видимая *цѣль*, будущая *карьера* для ихъ дѣтей.

Принимая этотъ народъ во всѣхъ отношеніяхъ не такимъ, какимъ онъ *долженъ быть*, а такимъ, каковъ онъ *есть* и какимъ законодательство наше его сдѣлало, и разсматривая съ *этой* точки зрѣнія употребляемыя до сихъ поръ мѣры къ нравственному его преобразованію, нельзя не признать, что мѣры эти не способны привести къ желаемой цѣли.

Возьмемъ теперь нынѣшнія еврейскія учебныя заведенія и разсмотримъ, насколько они соотвѣтствуютъ вышеизложеннымъ идеямъ.

а) Раввинскія училища.

Учрежденіе раввинскихъ училищъ, судя по ихъ названію, дало сначала поводъ полагать, что правительство имѣло въ виду создать для еврейскаго народа духовныхъ лицъ, совершенно отличныхъ отъ нынѣшнихъ, т. е. такихъ раввиновъ, которые съ основательнымъ знаніемъ талмудическихъ наукъ, необходимыхъ для раввина, соединяли бы и свѣтское образованіе, для того, чтобы они впослѣдствіи могли служить приличными и полезными посредниками между правительствомъ и еврейскимъ народомъ.

Это было бы очень хорошо. Но какимъ образомъ приступили къ осуществленію этого прекраснаго плана? Развѣ нынѣшнія раввинскія училища могутъ служить разсадникомъ настоящихъ раввиновъ? Ортодоксы требуютъ отъ раввиновъ обширной и глубокой

талмудической учености и благочестивую, созерцательную жизнь. Друзья реформы требуютъ отъ духовныхъ своихъ пастырей, при основательныхъ талмудическихъ познаніяхъ, университетское образованіе и ораторскій талантъ для современной проповѣди. Которому изъ этихъ двухъ требованій нынѣшнія раввинскія училища могутъ удовлетворить? Ни одному изъ нихъ! Ортодоксы не могутъ признавать воспитанниковъ этихъ заведеній *истинными* раввинами, т. е. духовными пастырями народа, потому что талмудическія науки преподаются тамъ по слишкомъ узкой программѣ, да и то по часамъ. Сверхъ того, предметы эти въ ихъ глазахъ профанируются общимъ курсомъ, а воспитанники ведутъ вообще слишкомъ свѣтскую жизнь. Друзья реформы и цивилизаціи равномѣрно не могутъ считать этихъ воспитанниковъ достойными проповѣдниками слова Божія и высокой нравственности, потому что въ этихъ заведеніяхъ не преподаются ни философія, ни богословіе и упущены изъ виду всѣ требованія новѣйшей гомилетики. Не стыдъ ли это предъ образованнымъ міромъ и предъ цѣлымъ европейскимъ іудаизмомъ возводить въ почтенный санъ духовный *школьниковъ*, кончившихъ гимназическій курсъ и едва лизнувшихъ іудейскія науки, а по послѣднему распоряженію правительства даже *мальчишекъ*, кончившихъ второразрядныя еврейскія или уѣздныя училища?!

Могутъ возразить, что правительство вовсе не думало заботиться объ учрежденіи приличнаго и достойнаго еврейскаго духовенства, а желаетъ только имѣть такъ называемыхъ казенныхъ раввиновъ, т. е. новый родъ полицейскихъ, для веденія метрическихъ книгъ и исполненія другихъ административныхъ порученій. Если такъ, то для изученія этой премудрости молодымъ людямъ не стоитъ коптѣть *девять лѣтъ* на училищной скамьѣ. Тогда не зачѣмъ было учреждать раввинскія училища, а евреевъ несправедливо обвинять за несочувствіе этимъ учрежденіямъ.

Вотъ этому-то несогласію мѣръ съ предполагаемою цѣлію и слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что еврейскія общества, коимъ представленъ свободный выборъ раввиновъ, не выбираютъ и, вѣроятно, никогда добровольно не изберутъ воспитанниковъ нынѣшнихъ раввинскихъ училищъ въ пастырскій санъ. Слѣдствіемъ этого будетъ то, что молодые люди, съ своей стороны, не видя карьеры, перестанутъ поступать на раввинскій курсъ, и, такимъ образомъ, въ этихъ заведеніяхъ останутся лишь тѣ немногіе, которые пожелаютъ посвятить себя неблагодарной учительской профессіи. Если же отнять у раввинскихъ училищъ привиллегію, освобождающую воспитанниковъ отъ рекрутства, легко предвидѣть, что они современемъ совсѣмъ опустѣютъ.

б) Училища 1-го и 2-го разрядовъ.

То же отсутствіе карьеры и практической будущности замѣчается и въ этихъ заведеніяхъ. Еврей, сынъ котораго окончилъ въ нихъ курсъ ученія, не знаетъ, куда его обратить. Для купца воспитаніе, получаемое въ этихъ училищахъ, недостаточно. Тамъ не преподается ни одинъ предметъ, спеціально соотвѣтствующій

этому званію, и молодой человѣкъ остается неспособнымъ къ коммерціи попрежнему. Ремесленникъ тоже не находитъ въ этихъ заведеніяхъ ничего практически полезнаго и примѣнимаго къ его состоянію. По выходѣ изъ училища, сынъ его не знаетъ никакого ремесла, ни промысла, а между тѣмъ самое лучшее время для изученія чего-нибудь реальнаго безвозвратно потеряно. Сдѣлаться же мелкимъ торгашемъ или рабочимъ молодому человѣку, получившему уже нѣкоторое образованіе, трудно рѣшиться. Съ какой же стати придетъ евреямъ охота помѣщать своихъ дѣтей въ заведенія, которыя не представляютъ имъ никакой утѣшительной перспективы въ будущемъ?

Ко всему сказанному нужно еще прибавить, что образованіе женскаго пола, имѣющаго такое глубокое вліяніе на семейную и нравственную жизнь всякаго народа, упущено правительствомъ совершенно изъ виду, или предоставляется частной инціативѣ, всегда непрочной и неимѣющей единства въ направленіи.

Остается еще извѣстная мѣра относительно несчастныхъ меламедовъ, которые подчинены безполезному надзору, подвергнуты вдобавокъ особому налогу, ограничены программами, въ зрѣлыхъ лѣтахъ подвергаются испытанію въ комиссіяхъ, члены которыхъ большею частью сами незнакомы съ предметами экзамена. Нужно-ли еще доказывать, что эта мѣра не исправила и, безъ сомнѣнія, никогда не исправитъ меламедовъ; что она ничуть не содѣйствовала увеличенію числа учениковъ въ училищахъ, и что, кромѣ стѣсненія бѣдняковъ-меламедовъ, вполнѣ зависящихъ отъ воли своихъ хозяевъ, она не принесла никакой дѣйствительной пользы просвѣщенію евреевъ.

Размышляя о средствахъ къ улучшенію публичнаго воспитанія у евреевъ, мы пришли къ заключенію, что такъ какъ полумѣры обыкновенно ни къ чему не ведутъ, то желательно, чтобы внесено было куда слѣдуетъ ходатайство объ удостоеніи обсужденія плана кореннаго преобразованія еврейскихъ учебныхъ заведеній, основаннаго на слѣдующихъ началахъ: а) чтобы образованіе раввиновъ болѣе сообразить и обусловить съ состояніемъ и постепеннымъ ходомъ образованія большинства народа; б) чтобы внушить евреямъ *довѣріе* къ училищамъ, учреждаемымъ отъ правительства; в) чтобы возбудить въ нихъ потребность въ образованіи и заохотить къ тому *существенными* выгодами и г) чтобы, при оставленіи евреямъ полной свободы поступать въ гимназіи и университеты, дать имъ возможность доставлять своимъ дѣтямъ, сообразно своему состоянію, основательно хорошее образованіе, имѣющее при томъ и реальную цѣль.

Не вдаваясь здѣсь въ подробности сего обширнаго проекта, ограничимся, между тѣмъ, однимъ указаніемъ основныхъ идей.

(За тѣмъ слѣдуетъ изложеніе плана, приведеннаго въ запискѣ того же автора, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько мыслей объ улучшеніи еврейскихъ училищъ". Въ концѣ помѣщена въ видѣ приложенія статья: „О причинахъ неисправности еврейскихъ обществъ во взносѣ государственныхъ податей и средствахъ къ отвращенію напередъ этого зла".—*Ред.*).

. . . . объ отрокѣ Гавріилѣ Заблудовскомъ (1690 г.).

Въ недавно вышедшемъ томѣ „Русскаго Біографическаго Словаря“, издаваемаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ (Гаагъ-Гербель, Спб. 1914), имѣются слѣдующія свѣдѣнія о чествуемомъ западно-русскою православной церковью святомъ отрокѣ Гавріилѣ Заблудовскомъ (или Слуцкомъ):

„Гавріилъ Петровичъ Гавдѣль или Гавдѣлюченко родился 20-го марта 1684 года въ крестьянской семьѣ въ селѣ Звѣркахъ, близъ мѣст. Заблудова въ нынѣшнемъ Бѣлостокскомъ у., Гродненской губ. Въ апрѣлѣ 1690 года (т. е. 6 лѣтъ отъ роду) Г. пропалъ изъ дому и черезъ нѣсколько дней былъ найденъ въ полѣ мертвымъ. Жители Заблудова, уже ранѣе жаловавшіеся на „усиленіе жидовъ въ ихъ городѣ“, признали Г. жертвой ритуальнаго убійства, совершеннаго евреями въ Бѣлостокѣ, и сдѣлали объ этомъ „актуально“ запись въ книги „правныя Заблудовскія магдебургіи“, до насъ недошедшую“.

На гробницѣ Гавріила помѣщены „вирши“ (стихи), въ которыхъ Гавріилъ отъ своего лица разсказываетъ, какъ „арендарь-жидъ изъ Звѣркова“ его схватилъ „на свой возъ“ и завезъ „до Бѣлаго Стоку“, гдѣ „первѣе кровь мою пущали изъ боку“, а потомъ мучили, „пока съ Бресци весь кагалъ собрался“ и т. д., и т. д. Въ 1755 г. слуцкій архимандритъ Михаилъ Казачинскій перенесъ тѣло Гавріила въ Слуцкъ, въ свой Троицкій монастырь. Въ послѣднее время — говорится въ „Словарѣ“ — почитаніе Гавріила, благодаря мѣропріятіямъ епархіальнаго начальства, получило особое распространеніе въ Литовской и Гродненской епархіяхъ; въ 1832 г. было предписано имѣть иконы Гавріила во всѣхъ церквахъ епархій; въ 1894 г. была устроена часовня на предполагаемомъ мѣстѣ хаты Петра Гавдѣля въ Звѣркахъ и былъ учрежденъ ежегодный крестный ходъ изъ Заблудова въ Звѣрки 20-го апрѣля; въ 1895 г. была освящена церковь во имя „мученика“ въ мѣстечкѣ Друскеникахъ, Гродненскаго уѣзда. Въ собственной Россіи Гавріилъ былъ долгое время совершенно неизвѣстенъ, и еще въ 20-хъ годахъ XIX в., по поводу внесенія Гавріила въ „Словарь историческій о святыхъ угодникахъ православной россійской церкви“, на основаніи показанія „Исторіи Іерархіи“, осторожный митрополитъ московскій Филаретъ высказался въ томъ смыслѣ, что „ни сія исторія, ни церковный погребъ (о которомъ упоминалось въ разсказѣ объ обрѣтеніи мощей Гавріила), ни архимандритъ Казачинскій не имѣютъ права причитать къ лику святыхъ“ („Русскій Біографическій Словарь“, стр. 24—25).

. . .

Въ концѣ XIX вѣка, при господствѣ оберъ-прокурора Побѣдоносцева, литовское епархіальное начальство получило возможность широко распространить въ народѣ культъ отрока Гавріила. Какъ распространился въ народѣ этотъ культъ, видно изъ слѣдующаго подробнаго описанія, имѣющагося въ рѣдкой книжкѣ, изданной въ 1896 г. въ Вильнѣ: „Древне-русскій городъ Слуцкъ и его святыни. Составилъ Ѳ. Серно-Соловьевичъ". (На оборотѣ заглавнаго листа имѣется помѣтка: „Дозволено *духовною* цензурою").

На стр. 15 этой благочестивой брошюры авторъ пишетъ, на основаніи церковныхъ лѣтописей: „Архимандритъ Михаилъ Казачинскій (1748—1755 г.) исходатайствовалъ въ 1751 году у князя Іеронима Радзивилла (владѣльца города Слуцка) запрещеніе христіанкамъ служить у евреевъ, такъ какъ онѣ забывали свои христіанскія обязанности и привыкали къ нѣкоторымъ обрядамъ еврейскаго закона. При этомъ же настоятелѣ, съ благословенія кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго, 9-го мая 1755 года, были перенесены изъ графства Заблудова (нынѣ мѣстечко), Бѣлостокской области, принадлежавшаго къ Слуцкому княжеству, въ Свято-Троицкій монастырь нетлѣнныя мощи св. мученика младенца Гавріила, гдѣ онѣ и понынѣ открыто почиваютъ въ соборномъ храмѣ". А дальше (стр. 25—30) г. Серно-Соловьевичъ даетъ подробное описаніе культа „св. мученика Гавріила" (со снимкомъ его иконы), причемъ воспроизводитъ и вышеупомянутыя „вирши", начертанныя на гробницѣ отрока позднѣйшимъ набожнымъ піитой изъ семинаристовъ, суммировавшимъ въ этихъ стихахъ циклъ народно-церковныхъ повѣрій по этому предмету.

Вотъ что пишетъ авторъ книжки „Слуцкъ и его святыни":

„Главная святыня монастыря (Свято-Троицкаго въ Слуцкѣ) — это мощи св. мученика Гавріила, открыто почивающія въ деревянномъ гробикѣ. Обѣ ручки обхватываютъ металлическій напрестольный маленькій крестъ; пальцы исколоты и между мякотью имѣются рваныя раны; ногти цѣлы; головка отдѣлена отъ туловища. Житія св. Гавріила до сихъ поръ еще нѣтъ, по крайней мѣрѣ я его нигдѣ не нашелъ, хотя онъ уже давно канонизированъ. Со дня св. Пасхи до 22-го октября мощи его помѣщаются

. . . .

на особомъ катафалкѣ подъ сѣнью, у лѣваго придѣла соборнаго храма, а на зиму переносятся въ домовую теплую церковь монастыря. Память его празднуется 20-го апрѣля православною церковью, но въ Слуцкѣ торжественное богослуженіе обыкновенно совершается въ день сошествія Св. Духа, когда мощи, послѣ обнесенія вокругъ храма, ставятся на срединѣ церкви для поклоненія, на которое стекается масса крестьянъ не только православныхъ, но и католиковъ изъ окрестныхъ уѣздовъ. Св. Гавріилъ считается покровителемъ всѣхъ малолѣтнихъ больныхъ дѣтей".

„Надъ ракою, въ рамѣ за стекломъ, описана біографія этого мученика въ такой формѣ:

„НАДГРОБОКЪ

Младенца Гавріила Говдѣлюченка изъ села Звѣрковъ, графства Заблудовскаго, рожденнаго 1684 года, мѣсяца марта 22 дня, а умученнаго отъ жидовъ въ Бѣломъ Стокѣ 1690 года, 11 дня. О семъ, кто хощетъ пространнѣе вѣдати, отсылается до книгъ правныхъ Магдебургіи Заблудовскія. Мощи его святыя перенесены изъ Заблудова до архимандріи Слуцкой 1775 года мая 9 дня, за благополучнымъ княженіемъ сіятельнѣйшаго князя Гіеронима Радзивилла".

„Далѣе слѣдуютъ слѣдующіе стихи неизвѣстнаго піиты:

Аще кто мя вопрошаетъ:
Кто есмь и откуда—
Прочитай и узнаешь
Истину отсюда.
Греко-Россійскія вѣры
Родители быша,
Въ ню-же мя крещеніемъ
Святымъ окрестиша.
Въ тысяща шестьсотній рокъ
Осемьдесятъ четвертый
Гавріиломъ названъ:
Грѣхъ отеческій стертый.
Тысяча-жь шестьсотъ пріиде
Рокъ девять десятый,
Отецъ мой Петро Говдѣль
Изыде орати.
Мати Анастасія,
Мене шестилѣтня
Оставивши въ дому,
Несла обѣдъ бѣдна.
Арендарь—жидъ изъ Звѣрковъ,
Выбравши годину,
Апрѣля одиннацатаго
Схватилъ мя дѣтину
На свой возъ и завезли
До Бѣлаго Стоку *),
Гдѣ первѣе кровь мою
Пущали изъ боку;
А потомъ мя вкинувши
До темнаго ліоху **),
Пущадлами стощали
Кровь съ мене потроху.
Жидъ арендарь изъ Звѣрковъ,
Шутко прозывался.
Мучили, поки съ Бресця ***)
Весь кагалъ собрался.
Собравшися шайками,
Вездѣ мя ранили,
Ажъ даже конечнѣе
Кровь съ мене стощили.
Умертвивши, на части
Не дробили тѣло.
Но на ниву у жито
Выкинули цѣло,
Идѣ-же слетѣшася
Птицы плотоядны,
Но абіе прибѣгли
И псы зѣло гладны.
Натуру свою песью
Вскорѣ премѣнили,
Отъ птича терзанія
Мнѣ стражею были.
Знашедши-жъ родители,
Мя презентовали,

*) Бѣлостокъ, Гродненской губ.
**) Погребъ.
***) Брестъ-Литовскъ.

Въ Заблудовской Магдебургіи
Въ книги записали,
Что жиды умучили
Мя отрока суща,
Шесть лѣтъ отъ роду
Больше неимуща;
По такой презентаціи
На цвинтарь *) тѣло внесено,
Близь церкви благочестивой
Чинно погребено;
Идѣ-же я подъ спудомъ
Лежалъ часъ не малый,
Ажъ въ тридцать лѣтъ другаго
Тамъ-же погребали.
Узнавши мя цѣла,
Въ склепъ церкви вложили,
Дондеже въ Заблудовѣ
Церкви погорѣли.
Тысяща-жъ седмсотаго
Сорокъ шестаго года
Только сія на монастырь
Сталася пригода;
Взяша мя изъ склепу
До трапезной церкви
И вложили въ алтарь
При безкровной жертвѣ;
Тысяща-жъ седмсотаго
Пятьдесятъ пятаго
Изъ Заблудова до Слуцка
Съ тѣломъ труна **) взята.
Храняй младенца спудъ,
Хранитъ мя и нынѣ:
Буди честь и слава
Его благостынѣ.

„У мощей св. Гавріила, почивающихъ въ деревянной, выкрашенной въ темно-зеленый цвѣтъ, ракѣ, имѣется икона этого мученика, даръ академика—художника, завѣдывающаго Виленскою рисовальною школою И. П. Трутнева, списавшаго ее въ увеличенномъ видѣ съ иконы того же святого, имѣющейся въ иконостасѣ Виленскаго Свято-Духовскаго монастырскаго храма. Пожертвована она имъ въ 1891 году.

„Мощи св. Гавріила изъ Заблудова перенесены именно въ Слуцкъ по слѣдующему основанію: графство Заблудовское, входившее въ раіонъ прежней Бѣлостокской области, принадлежало Слуцкимъ владѣтельнымъ князьямъ Радзивилламъ; когда отъ поджога сгорѣли всѣ православные храмы въ Заблудовѣ, въ одномъ изъ которыхъ находились мощи св. Гавріила, чудеснымъ образомъ сохранившіяся, то князь Іеронимъ Радзивиллъ, имѣвшій своею резиденцію въ Слуцкѣ, исходатайствовалъ разрѣшеніе польскаго короля и константинопольскаго патріарха на перенесеніе ихъ изъ Заблудова въ Слуцкъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ были положены въ храмѣ Свято-Троицкаго монастыря, гдѣ помѣщалась гробница княгини Софіи Юрьевны Радзивиллъ (Олелько)".

По иниціативѣ настоятеля Заблудовской церкви, о. Петра Четыркина, на средства прихожанъ, 19-го апрѣля 1894 года, въ дер. Звѣркахъ—родинѣ св. Гавріила—была воздвигнута и освящена часовня. По поводу этого событія въ № 41 „Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" (отъ 1 іюня 1894 г.) напечатана слѣдующая статья:

„19-го апрѣля состоялось торжественное освященіе часовни, построенной въ м. Звѣркахъ, Бѣлостокскаго уѣзда,—мѣстѣ рожденія святого отрока Гавріила, мученика Заблудовскаго. Здѣсь онъ жилъ до шестилѣтняго возраста, когда постигла его мученическая кончина. Вотъ что говоритъ житіе святыхъ по этому поводу: „Въ Гродненскомъ повѣтѣ, въ верстахъ 30-ти ****) отъ Заблудова, есть

*) Кладбище.
**) Гробъ.
. . . .
****) Отъ Заблудова до дер. Звѣрковъ не менѣе 5-ти верстъ.

дер. Звѣрки, принадлежащая къ приходу Заблудовскому. Здѣсь жили православные поселяне, благочестивые Петръ Говдель съ женою Анастасіею, не смотря на невзгоды времени твердо сохранившіе православную вѣру, принятую отъ предковъ своихъ. Здѣсь 1684 года 20 марта родился у нихъ сынъ Гавріилъ, котораго они крестили и воспитали также по закону православной вѣры. Когда Гавріилу было около 6 лѣтъ, случилось, что мать понесла въ поле мужу обѣдъ. Еврей Шутко, арендаторъ Звѣрковъ, приласкалъ дитя, отвелъ къ себѣ въ домъ и увезъ затѣмъ въ Бѣлостокъ; здѣсь сбѣжавшіеся евреи мучили отрока безъ милосердія: внесли его въ темное мѣсто, распяли и пустили изъ боку кровь, потомъ кололи его разными инструментами, пока не выпустили всей крови, а мертвое тѣло бросили въ поле. Псы три дня сторожили тѣло (?) и лаемъ отгоняли отъ него хищныхъ птицъ. Скоро нашли замученное тѣло и привезли его въ Заблудово. Судебное слѣдствіе уличило евреевъ въ преступленіи (?), тѣло предано землѣ, и страдальческая кончина невиннаго отрока тогда же записана въ книгу заблудовской церкви“. Это было 20-го апрѣля.

„Въ 1746 году огромнымъ пожаромъ истреблено было все мѣстечко, въ томъ числѣ и Заблудовская церковь, но мощи блаженнаго Божьею милостью остались невредимы, а въ 1755 г., 9 мая, нетлѣнныя мощи съ честью перенесены были въ Слуцкій монастырь, гдѣ онѣ находятся и по настоящее время.

„Чтобы увѣковѣчить память о мученикѣ Гавріилѣ, вышедшемъ изъ среды мѣстнаго населенія, по инициативѣ настоятеля Заблудовской церкви о. Петра Четыркина, среди мѣстныхъ прихожанъ была открыта подписка для сбора пожертвованій на устройство въ дер. Звѣркахъ часовни, которая къ пасхальнымъ праздникамъ была готова и 19-го апрѣля освящена *).

„Часовня деревянная, на каменномъ фундаментѣ, имѣетъ видъ квадрата, сторона котораго равна 6 арш., съ куполообразною крышею, увѣнчанною крестомъ. У входа въ часовню, подъ небольшимъ навѣсомъ придѣлано крыльцо. Часовня обнесена деревянною рѣшетчатою оградою. Въ день освященія часовни, за обѣднею, Заблудовская церковь была наполнена молящимися изъ мѣстныхъ прихожанъ и жителей сосѣднихъ приходовъ. Послѣ обѣдни, о. настоятелемъ было объявлено, что крестный ходъ въ дер. Звѣрки послѣдуетъ въ 5 часовъ вечера. Въ 4 часа ударили въ большой колоколъ, и народъ толпами хлынулъ въ церковь. Въ 5 часовъ начался молебенъ св. мученику Гавріилу. Затѣмъ при пѣніи кондака, при звонѣ колоколовъ и пѣніи: „Христосъ Воскресе“ крестный ходъ медленно направился чрезъ базарную площадь въ дер. Звѣрки. Вся Бѣлостокская улица была усѣяна народомъ разнаго возраста и пола. Впереди шли дѣвочки и бросали по пути изъ корзинокъ зелень. За ними несли крестъ, а по сторонамъ его — иконы св. мученика Гавріила и другихъ святыхъ; за иконами

*) 19 апрѣля 1894 года. Дальнѣйшее описаніе торжества относится къ этой именно датѣ.—*Ред.*

слѣдовали хоругви и братство со свѣчами въ рукахъ, пѣвчіе и священникъ, а за ними свыше двухтысячная толпа народа. Пройдя мѣстечко, шествіе остановилось; здѣсь священникомъ было прочитано евангеліе, съ окропленіемъ народа св. водой, послѣ чего крестный ходъ тронулся дальше при неумолкаемомъ пѣніи пасхальныхъ пѣснопѣній. День былъ солнечный, жаркій. Поднявшаяся облакомъ пыль осыпала всѣхъ и каждаго съ ногъ до головы, но это нисколько не уменьшало числа присутствовавшихъ. Въ половинѣ седьмаго часа вечера, крестный ходъ сталъ приближаться къ дер. Звѣркамъ. Здѣсь встрѣтила его новая толпа богомольцевъ, пришедшая заблаговременно въ Звѣрки, и присоединилась къ шествію; матери съ дѣтьми ползли на колѣняхъ навстрѣчу образу угодника Божія и крестному ходу, который остановился предъ убранной зеленью часовней. Предъ часовнею уже стояли: аналой, подсвѣчники и прочія необходимыя при богослуженіи церковныя принадлежности. По совершеніи водосвятія, послѣдовало освященіе часовни и установка въ ней двухъ иконъ мученика Гавріила; одна изъ нихъ, большая, помѣщена внутри часовни, а меньшая—надъ дверью, подъ навѣсомъ; затѣмъ началось пасхальное всенощное бдѣніе при яркихъ лучахъ заходящаго солнца. Послѣ всенощной, кончившейся въ глубокія сумерки, священникъ на крыльцѣ часовни прочиталъ народу жизнь и страданіе мученика Гавріила, сказавъ при этомъ прочувственное слово. Въ заключеніе торжества, имъ роздано до 600 иконокъ мученика Гавріила. Можно себѣ представить, съ какимъ стремленіемъ, съ какою силою двинулась двутысячная толпа народа къ священнику, раздававшему эти иконки-образки! Каждому изъ молящихся хотѣлось получить на память икону. На слѣдующій день, 20-го апрѣля, въ день памяти св. мученика Гавріила, въ Заблудовской церкви, имѣвшей праздничный видъ, въ присутствіи мѣстныхъ прихожанъ, наполнившихъ церковь, была совершена литургія съ молебномъ св. мученику Гавріилу. Такимъ образомъ, торжество изъ торжествъ христіанской церкви усугубилось въ Заблудовскомъ приходѣ чествованіемъ мѣстнаго святого и благотворно отразилось на всемъ крестьянскомъ населеніи, которое, какъ видно, особенно сочувственно и благоговѣйно отнеслось къ памяти мученика, вышедшаго изъ ихъ среды".

извѣстный московскій протоіерей Восторговъ выступилъ въ нынѣшнемъ году въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" со статьею подъ заглавіемъ: „Во славу святого мученика младенца Гавріила, умученнаго іудеями въ Бѣлостокѣ". Въ ней между прочимъ говорится:

„Какъ разъ именно въ Страстную седмицу, отрока Гавріила заманилъ еврей Шутко, вызвавъ изъ дома родителей, въ деревнѣ

„Звѣрки“, привелъ въ Бѣлый Стокъ, заключилъ тамъ въ подземную погребицу,—и здѣсь цѣлое сборище іудеевъ мучили отрока, выпустили изъ его тѣла всю кровь, искололи его всего, потомъ на стѣнѣ распяли и умертвили. Исторія святого мученика Гавріила—недавняя (?) исторія. Его мучители были судимы въ мѣстечкѣ Заблудовѣ, и лѣтописи суда говорятъ объ ихъ преступленіи и наложенной на нихъ карѣ. Его тѣло черезъ 30 лѣтъ найдено было нетлѣннымъ; Богъ прославилъ отрока-мученика и исповѣдника. Предъ нами ужасное, темное, злобное дѣло, предъ нами—іудейское изувѣрство“ *).

С. Д.

Къ вопросу о названіи „Aschkenaz“.

28-го марта нынѣшняго года, въ засѣданіи Таврической Ученой Архивной Комиссіи было прочитано сообщеніе приватъ-доцента казанскаго университета, В. Смолина: „Къ вопросу о названіи Чернаго моря въ древности“, содержаніе котораго вкратцѣ слѣдующее:

До прошлаго столѣтія считалось твердо установленнымъ, что Черное море въ древности называлось греками Pontos Axenos, измѣненное впослѣдствіи въ Pontos Euxeinos. По словамъ историка Страбона, греки назвали это море Axenos — негостепріимнымъ, по причинѣ бурь, свирѣпствовавшихъ на немъ, и дикости обитателей его береговъ, скиѳовъ, которые приносили въ жертву и употребляли въ пищу мореплавателей, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе; впослѣдствіи же, когда греки основали на берегахъ моря колоніи, ставшія житницами для метрополіи Греціи, они перемѣнили это названіе на Euxeinos—гостепріимное. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія у изслѣдователей явилось сомнѣніе въ правильности этого взгляда. Bochart **) полагаетъ, что море называлось Pontos *Askenaz*, по имени народа, обитавшаго у береговъ его—фригійцевъ, носившихъ это названіе. Его поддерживаютъ въ этомъ отношеніи K. Neumann (Die Hellenen im Skythenlande. 1855) и O. Heller. По мнѣнію Neumann'a, греки, поселившіеся на берегахъ Чернаго моря и нашедшіе тамъ готовое его названіе P. Askenaz, передѣлали его въ греческое созвучное P. Axenos, что оправды-

*) Цитируемъ по „Утру Россіи“, 1916 г., № 127, отъ 7 мая, стр. 1.
**) См. объ этомъ также *Евр. энциклопедія*, т. III, стр. 574, 575.

валось тѣми невзгодами, которыя они испытывали при плаваніи по этому морю. Раскопки въ Ассиріи и чтеніе клинописныхъ надписей дали новый толчекъ толкованію древняго названія Чернаго моря. Fr. Delitzsch усмотрѣлъ библейское (Бытіе I, 10, 3) „Askenaz“ въ ассирійскомъ „Asgutza“, а нѣсколько позднѣе H. Winkler доказалъ, что „Askuza“ представляетъ собою грецизированную форму Skythes. Такимъ образомъ, приходитъ къ заключенію Смолинъ, Черное море называлось въ древности по имени народа—Skythes, Askuza, Askenaz, обитавшаго у сѣверныхъ береговъ его. Греки же, которые связывали съ этимъ именемъ много ужасовъ, испытанныхъ ими при плаваніи на немъ, переиначили его названіе Askenaz въ Axenos.

Теперь мы, продолжая плаванье по этому морю, вступаемъ въ еврейскій фарватеръ. Казалось бы, что общаго съ евреями и еврейской наукой можетъ имѣть названіе Чернаго моря? Называлось ли оно Axenos или Euxeinos — это одинаково xenos, чуждо для евреевъ. Но коль скоро мы узнаемъ, что оно называлось Askenaz, это уже начинаетъ звучать для еврейскаго уха чѣмъ-то близкимъ, роднымъ. И дѣйствительно, Ашкенази *) — фамилія чрезвычайно распространенная среди евреевъ разныхъ странъ и эпохъ. *Ашкеназъ*—еврейское названіе Германіи и нѣмцевъ. Одинъ изъ двухъ еврейскихъ синагогальныхъ ритуаловъ называется sefard, въ то время какъ другой—aschkenaz. Въ Библіи (Бытіе 10, 3 и Хрон. 1, 6) Aschkenaz упоминается какъ одинъ изъ трехъ сыновей Гомера, сына Яфета. Пророкъ Іеремія призываетъ (Іер. 51, 27): „Скликайте на нее (Вавилонію) царства Арарата, Менни и Ашкеназа“. Кто же былъ этотъ „Ашкеназъ“, который совмѣстно съ Араратомъ и Менни призывается вдохновеннымъ пророкомъ быть мстителемъ для Вавилоніи за поруганіе и порабощеніе Израиля? Мнѣ кажется, что на основаніи данныхъ, приведенныхъ въ докладѣ Смолина, не можетъ быть сомнѣнія, что это былъ Скиѳскій народъ, жившій, какъ и Араратъ (армяне?) и Менни, на берегахъ Ашкеназскаго, Скиѳскаго, т. е. Чернаго моря, или недалеко оттуда.

Откуда же взялось названіе Aschkenaz для Германіи и нѣмцевъ? Вопросъ этотъ не разъясненъ и до настоящаго времени. Названіе это въ обозначеніи Германіи начинаетъ упоминаться у еврейскихъ авторовъ въ XI столѣтіи; Саадія же этимъ именемъ называетъ славянъ въ X столѣтіи, — но почему? Это также не объяснено.

Слово за нашими историками и филологами **).

А. Гидалевичъ.

*) У Крымчакова—Ачкинази. (А. Г.).

**) Этотъ вопросъ затронутъ мимоходомъ (въ связи съ вопросомъ о „царѣ Гебалимъ“ въ хазарскихъ письмахъ) въ статьяхъ гг. Модельскаго и Шиппера, въ *Евр. Стар.* 1911 г., стр. 142 сл., и 1912 г., стр. 103—104. *Ред.*

Фамиліи и имена караимовъ.

Интересуясь вопросомъ объ именахъ и фамиліяхъ караимовъ, особенно тюркскаго происхожденія, я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ при всякомъ удобномъ случаѣ записывалъ ихъ. Результатъ этихъ записей я намѣревался современемъ опубликовать, при содѣйствіи кого-нибудь изъ профессоровъ Лазаревскаго институда восточныхъ языковъ, гдѣ я былъ нѣкоторое время вольнослушателемъ (я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ недавно умершаго Ѳ. Е. Корша, очень интересовавшагося языкомъ и литературой караимовъ). Мнѣ удалось собрать около 350 фамилій и около 40 именъ,—послѣднія исключительно небиблейскія. Не имѣя возможности довести свою работу до конца, я предлагаю сдѣланную часть ее въ сыромъ видѣ вниманію читателей „Еврейской Старины“, которые имѣли уже возможность ознакомиться съ этимъ вопросомъ по статьѣ д-ра Вайсенберга: „Фамиліи караимовъ и крымчаковъ“ (*Евр. Стар.* 1913 г., стр. 384—399).

Нижеприведенный списокъ содержитъ тѣ фамиліи и имена, которыхъ нѣтъ въ спискахъ д-ра Вайсенберга, а также рядъ поправокъ и варіантовъ къ послѣднимъ.

I. Фамиліи караимовъ.

Абковичъ=Апковичъ(изъПольши).
Абрамовичъ (а не Авраамовичъ) (изъ Польши).
Абрамъ-оглу.
Ага-Кефели.
Ага-Нейманъ.
Агинъ (отъ татарск. Ага).
Аламбій.
Аликъ (не смѣшивать съ Алюкъ)—т. *).
Амыкъ—т.
Аслановъ—т. (отъ арсланъ-левъ).
Афедъ—такого мужск. имени у караимовъ нѣтъ, но есть женское имя Афедра.
Баба-Рофе.
Баба-Хаджи.
Балабанъ—т. большой.
Балавузъ—т. воскъ.
Бирче = Бурче—т. блоха.
Бозаджи—т. бузникъ.
Бороховичъ = Баруховичъ.
Боручукъ—т. волчёнокъ (уменьшит. отъ борю-волкъ).
Боткачикъ (а не Баткачикъ).
Ботукъ (а не Бутукъ).
Бурунсузъ (а не Буружузъ)—т. безносый.
Варналы—т. изъ Варны (въ Болгаріи).
Газзановъ—евр. (отъ „газзанъ“—священнослужитель у караимовъ).
Геманеджи—т. скрипачъ.
Гоголь (а не Гогиль) (изъ Польши).
Голубъ (изъ Польши).
Григулевичъ (а не Гургулевичъ) (изъ Польши).
Давидовичъ.
Джамджи, Джемджи — т. стекольщикъ.
Джигерсызъ—т. безъ легкаго (а не „потроха“).
Джюрбунъ—т.
Еру—евр. (сокращ. изъ Ерушалми), житель Іерусалима или паломничавшій туда (соотвѣтств. мусульманскому *Хаджи*).

*) Сокращеніе *т.* означаетъ „татарское“.

Еру-Варналы.
Ефетовичъ.
Ефетъ, отъ евр. Ефетъ (библ. Яфетъ).
Иртлачъ-Мангуби.
Исачокъ (а не Исачикъ).
Кабакбашъ—т. тыква-голова.
Кавшалы.
Кайки—т. ножницы (а не согнутый).
Какушка = Кекушке́, кукушка.
Калачъ.
Калели—т. изъ (Чуфутъ=)Кале.
Калифъ (халифъ ?).
Калмукъ—т. калмыкъ.
Калпакчи—т. шапочникъ.
Камачъ—т. (испорч. изъ Комечъ).
Капчикъ—т. верхъ пирога.
Кара—(а не Кора)—т. черный.
Карабаджакъ (а не Карабиджакъ)—т. черноногій.
Караборанъ—т. черная буря.
Каракашъ—т. чернобровый.
Карга—т. воронъ.
Качоръ (изъ Польши).
Кефели - Казанасмазъ — т. не варитъ обѣда.
Кефели-Чуйчюкъ — т. деревянная затычка.
Кефели-Юнахсызъ — т. безгрѣшный.
Кіикчи—т. продавецъ или ловецъ дикихъ животныхъ.
Кіикъ—т. дикое животное.
Кіишбоинъ—т. съ кривой шеей.
Кирли-калпакъ—т. грязная шапка.
Когенъ-Авахъ.
Когенъ-Айвазъ—т.
Когенъ-Кефели—т.
Когенъ-Киназъ—т. князь.
Когенъ-Оксюзъ—т.
Когенъ-Пембекъ—т.
Когенъ-Реби-оглу—т.
Когенъ-Экмекчи—т.
Кокай-Кокей.
Кокизовъ—изъ Кукизова (въ Галиціи).
Комечъ = Кумечъ—т. лепешка (?).
Кремитчи—т. черепичникъ.
Кретчи—т. продавецъ извести.
Крыми—изъ Стараго Крыма (а и вообще крымскій).
Крымъ (испорч. изъ Крыми).
Культе—т. снопъ.
Кушлю—т. (не смѣш. съ Кушуль), силачъ.
Кызчикъ—т. дѣвочка.
Кылбоинъ—т. съ шеей тонкой какъ волосъ.
Кылджи—т. волосянникъ, продавецъ волосяныхъ издѣлій (а не продавецъ мыла).
Кылчикъ—т. волосокъ.
Лаврентьевъ.
Лаврецкій (изъ Польши).
Леоновичъ (изъ Польши).
Мардковичъ=Мордковичъ=Мордуковичъ (изъ Польши).
Мерес(ъ)еды—т. проѣлъ наслѣдство (а не расточитель).
Михайловичъ (изъ Польши).
Мицкевичъ (изъ Польши).
Мійсызъ—т. безмозглый.
Мунджи—т. свѣчникъ.
Мышыкъ—т. кошка.
Новаковичъ = Новаховичъ.
Ойнакъ—т. игривый (а не балованный).
Оракъ—т. коса (а не жатва).
Ормели—т. плетеный (отъ глагола ормекъ).
Палалы—т. названіе птицы (?).
Пепи—т. утка.
Песметъ—т. сухарь.
Робачевскій (изъ Польши).
Синакъ = Синекъ—т. муха.
Суварткычъ—т. поливальщикъ.
Султанскій—т. съ польск. окончаніемъ (изъ Польши).
Султанъ—т.
Сютчи—т. продавецъ молока.
Тайтабанъ—т. со скользкой пятой.
Тапсашаръ—т. если найдетъ, будетъ ѣсть.
Тиріаки—т. продавецъ цѣлебнаго бальзама.
Т(и)ришканъ—т. старательный (?).
Токатлы—т. сильный.

Токлы—т. сытый.
Тончукъ—т. шубка (уменьш. отъ тонъ).
Топсакалъ—т. пучкобородый.
Торгайчикъ—т. воробейчикъ.
Тріандафиль—греческ.
Троки = Трокскій (изъ Польши).
Турчинъ (изъ Польши).
Уванай (а не Ованай).
Фундукбашъ—т. съ головой въ видѣ орѣха.
Фурумджи—т. пекарь.
Халваджи—т. продавецъ халвы.
Ханджи—т. содержатель постоялаго двора (ханъ).
Харсунъ—изъ Херсона (а не изъ Херсонеса).
Чавке = Чевке—т. галка.
Чадуковъ (а не Чедуковъ).
Чалборю (а не Чалберю)—т. сѣдой волкъ.
Чапчакчи—т. бондарь.
Чегиртке—т. саранча.
Челеби—т. деликатный, воспитанный.
Чибаръ = Чубаръ—т. рябой.
Чичакчи = Чичекчи — т. цвѣточникъ.
Шакаевъ—т.
Шакай—т. шутникъ (?).
Шекерджи—т. продавецъ сахара.
Шембе.
Экмекчи—т. продавецъ хлѣба, булочникъ (а не пекарь; ср. Фурумджи).
Яз(ы)джи—т. писецъ (а не писать).
Ялпачикъ—т. плоскій, приплюснутый (а не мягкосердечный).
Ялталы—т. изъ Ялты.
Янтыкбашъ—т. съ головой въ видѣ пирога.

II. Имена караимовъ.

Аджикей = Хаджикей—т. женск.
Айтолу—т. ж. (полный мѣсяцъ).
Акбике—греческ. ж.
Алтынъ—т. ж. (золото).
Арзу—т. ж. (желанная).
Афедра—греч. ж.
Бабаджанъ—т. мужск.
Бабай—т. м.
Бабакай—т. м.
Бибишъ = Бюбюшъ—т. ж.
Бикенешъ—т. ж.
Бикечъ—т. ж. (молодая невѣста?).
Биче—т. ж.
Бійана—т. ж. (госпожа-мать).
Біимъ—ж.
Гохеръ—персидск. ж. (жемчугъ?).
Гулефъ—перс. ж. (роза).
Гулюшъ—т. ж. (улыбка).
Девлетъ—т. ж. (состояніе).
Дуду—т. ж.
Кера—греч. ж. (госпожа).
Керача = Керече (уменьш. отъ Кера)—греч. ж.
Мамукъ—т. ж.
Мурадъ = Муратъ—т. ж. (желаніе).
Назлы—т. ж. (нѣжная).
Паша—т. м. (генералъ).
Саадетъ—ж. (счастье).
Семитъ—ж.
Синанъ—перс. м.
Султанъ—т. ж.
Тотай—т. ж.
Тотеке—т. ж.
Тотешъ—ж.
Тохтамышъ—т. м. (остановившійся).
Тохтаръ—ж.
Фирсинъ—греч. ж.
Фумла—ж.
Ханеке—ж.
Ханышъ—т. ж.
Ходжашъ—т. м.
Шомалакъ—т. м.

И. Круглевичъ.

Свѣдѣнія о евреяхъ Могилевскаго края (1599 и 1697 гг.).

Въ вышедшемъ недавно I-мъ выпускѣ „Первоисточниковъ для исторіи Могилевскаго края“, издаваемаго Обществомъ изученія Могилевской губерніи (подъ редакціей Е. Р. Романова, Одесса, 1916), помѣщены два первоисточника: „Варколабовская лѣтопись“, относящаяся къ XVI и началу XVII вѣка, и „Путевыя записки стольника Петра Толстого“ отъ 1697—1699 г. Въ обоихъ источникахъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія о евреяхъ Могилевскаго края.

Въ „Варколабовской лѣтописи“ (стр. 19) мы находимъ подъ датою 1599 г., мая 27 дня, разсказъ про дѣвицу Стирку (дочь баркулабовской арендаторши Маришки), которая изъявила желаніе выкреститься и была затѣмъ торжественно, при большомъ стеченіи народа, окрещена.

Этотъ разсказъ приведенъ въ „Регестахъ“, томъ I, № 717. Но въ „Регестахъ“ онъ воспроизведенъ не по оригиналу, а по сочиненію Кулиша „Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси“. Въ опубликованномъ же нынѣ оригиналѣ имѣются бóльшія подробности: названъ священникъ Баркулабовскій — Федоръ Филипповичъ; названъ Баркулабовскій панъ, помѣщикъ Федоръ Плетинскій.—Слѣдующій абзацъ приведенъ по Кулишу въ „Регестахъ“ въ сокращенномъ видѣ: „Яко была везена до ихъ милостей князей до Буйничъ, оная Маряшка (мать выкрестки), улезши у лазню студеную, голову открывши, волосы роспустивши, печку розметала, чаровные поганские слова говорила, проклинала, обема рукама назадъ кивала, ноги свои везала, иного много зла поганства творила, проклинала, абы жива ни была“.

Изъ этого абзаца видно, что несчастную мать везли еще къ князьямъ въ Буйничи (нынѣ мѣстечко, недалеко отъ Могилева), неизвѣстно для чего — для наставленія, или же наказанія. Описаніе „поганства“, которое творила по пути Маряшка, свидѣтельствуетъ о томъ душевномъ потрясеніи, которое пережила мать отступницы.

„Путевыя записки“ стольника Петра Андреевича Толстого относятся къ 1697-му году. Толстой былъ однимъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые были отправлены царемъ Петромъ I за границу для изученія, главнымъ образомъ, морскихъ наукъ. Въ своемъ путешествіи Толстой объѣхалъ и Могилевскую губернію; въ части, касающейся этой губерніи, записки вошли въ данную книгу. Имѣются въ книгѣ и бѣглыя указанія относительно евреевъ:

„Село Романово княжны Слуцкой, а въ опекѣ или въ оборонѣ воеводы Троцкаго, пана Оляховскаго: „есть не мало и жидовъ“ (стр. 45).

Далѣе, „великое село“ Горки *), имѣніе великаго гетмана Сапѣги. „Здѣсь жидовская божница одна. Среди жителей есть жиды“ (тамъ же).

---

*) Нынѣ городъ Горки.

„Въ томъ городѣ *Могилевѣ* много живетъ евреевъ и зѣло богаты и дома имѣютъ изрядные“ (стр. 46).

„Въ томъ городѣ (*Борисовѣ*) *) жидовскихъ домовъ много“ (стр. 52).

Относительно города Дубровны сказано:

„Въ томъ же городѣ не мало жидовъ пребываютъ домами“ (стр. 56).

Сообщ. **Б. Топоровскій.**

Къ статьѣ „Житомирское дѣло 1753 года“ (*Евр. Стар.* 1915 г. кн. III—IV).

Оставилъ ли по себѣ память въ еврейскомъ населеніи Волыни кіевскій католическій епископъ Каэтанъ Солтыкъ, злой геній евреевъ въ Житомирскомъ ритуальномъ процессѣ 1753 года? На этотъ вопросъ можетъ послужить отвѣтомъ слѣдующій фактъ:

Отъ волынскихъ евреевъ мнѣ приходилось слышать выраженіе „*солтыкъ*“, въ смыслѣ „бездѣльникъ“, „негодяй“. Это слово встрѣчается въ куплетахъ въ одной изъ оперетокъ Гольдфадена:

„Dort geht a Soltik über der Gass“ и т. д.

Быть можетъ, это ругательное слово вошло въ жаргонный обиходъ съ той поры, когда имя кіевскаго епископа стало ненавистно братьямъ загубленныхъ имъ мучениковъ? Конечно, это можетъ быть допущено только какъ предположеніе.

Сообщ. **Б. Т.**

---

*) Нынѣ Минской губерніи.

Изъ историческихъ журналовъ.

II.

Сношенія проф. Янжула съ Плеве по еврейскому вопросу (1902 г.).

7-я глава воспоминаній покойнаго профессора-экономиста Ив. Ив. Янжула („Русская Старина“ 1910 г., кн. 11—12) переноситъ насъ къ недавнему прошлому—ко временамъ рокового для евреевъ министра, В. К. Плеве. Умѣренно-либеральный профессоръ и академикъ, предвидя еще въ 1902 г. надвигающуюся революціонную бурю, пытался воздѣйствовать на министра-реакціонера и убѣдить его, что для своего самосохраненія русское правительство должно широкими реформами успокоить недовольныхъ, въ томъ числѣ и евреевъ. Янжулъ видѣлъ корень недовольства въ „неправильной постановкѣ у насъ трехъ вопросовъ—рабочаго, университетскаго и еврейскаго“. По первому вопросу онъ отстаивалъ право стачекъ и образованія профессіональныхъ союзовъ съ „необходимыми лишь ограниченіями“. Для успокоенія волнующейся университетской молодежи онъ рекомендовалъ пересмотръ всей системы высшаго образованія въ Россіи. Наконецъ, „третій важный госу-

дарственный вопросъ, на который надо было обратить вниманіе въ виду грядущихъ смутъ, это вопросъ еврейскій, или о ненормальномъ и несправедливомъ положеніи у насъ евреевъ, что невольно создаетъ изъ этого способнаго народа готовый контингентъ для революціи, отвлекаетъ множество талантливыхъ людей изъ ихъ среды отъ службы общей родинѣ, Россіи, которой они могли бы приносить несомнѣнную пользу во многихъ сферахъ народной дѣятельности"...

Размышленія о судьбахъ Россіи въ указанныхъ трехъ пунктахъ не давали Янжулу покою. Зная Плеве „лично за много лѣтъ", еще со студенческой скамьи, „и при томъ на дѣлѣ, при выработкѣ фабричнаго законодательства, за очень умнаго человѣка, способнаго на уступки, гдѣ это требовалось временемъ или вызывалось необходимостью", онъ рѣшилъ, что долженъ подѣлиться съ нимъ, какъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, къ тому еще облеченнымъ широкими полномочіями, своими мыслями въ интересахъ Россіи.

И вотъ, испросивъ у В. К. Плеве аудіенцію, академикъ Янжулъ въ началѣ мая 1902 г. изложилъ ему свои мысли по этимъ тремъ жгучимъ вопросамъ словесно, въ полуторачасовой бесѣдѣ на квартирѣ министра.

Письменнаго, подробнаго доклада Янжулъ не сдѣлалъ, опасаясь, что таковой не будетъ доставленъ Плеве, а изложилъ ему свои мысли устно. Но чтобы не пропустить чего-нибудь важнаго, онъ предварительно составилъ краткій конспектъ будущаго словеснаго доклада, который впослѣдствіи отыскался въ ворохѣ бумагъ академика, когда онъ писалъ свои воспоминанія. По этому конспекту авторъ могъ возстановить содержаніе самого разговора вполнѣ правильно и точно.

Вотъ какъ воспроизведена бесѣда академика съ министромъ по еврейскому вопросу въ вышеупомянутыхъ мемуарахъ Янжула (*Рус. Стар.* 1910 г., кн. XII, стр. 488—491):

„...Третью важную причину общаго неустройства въ Россіи и подготовки къ революціи, утверждалъ я, составляетъ неестественное, ненормальное, по моему крайнему убѣжденію, положеніе евреевъ въ Россійской Имперіи. Извѣстныя обязанности должны сопровождаться и соотвѣтствующими правами, а это банальное по своей общепризнанности правило у насъ совершенно не соблюдается въ примѣненіи къ евреямъ; они несутъ по отношенію государства почти (?) тѣ же самыя обязанности и тягости, какъ и всѣ остальные русскіе подданные: платятъ, напримѣръ, налоги, въ томъ числѣ наиболѣе тяжелый видъ изъ нихъ—налогъ крови, отправляютъ воинскую повинность, отвѣчаютъ также по закону за всѣ свои дѣйствія и нарушенія, какъ и всѣ русскіе, а между тѣмъ ихъ гражданскія и личныя права во многихъ случаяхъ не только ограничены, но даже прямо урѣзаны, по сравненію даже съ низшими по культурѣ и религіи племенами, какъ язычники, шаманисты и т. п. Самое важное право—свобода передвиженія и свобода жизни—въ значительной части страны для нихъ ограничено „мѣстностями

осѣдлости", и избѣгнуть этого ограниченія можно лишь обходомъ закона... Что же удивляться послѣ этого многочисленнымъ со стороны евреевъ нарушеніямъ закона, гдѣ только возможно, и распространенному чувству обиды, зависти и даже злобы противъ своихъ согражданъ, несправедливо поощряемыхъ и награждаемыхъ государствомъ, которое для евреевъ большею частью является лишь сплошь злой мачихой!...

„Всѣмъ, конечно, хорошо извѣстно, что вышеуказанныя, какъ и многія другія ограниченія и факты безправія у насъ евреевъ вызываются и оправдываются тѣмъ чрезвычайнымъ вредомъ и непосильной конкурренціей, которую евреи во всѣхъ отношеніяхъ и преимущественно экономическомъ дѣлаютъ коренному населенію—русскимъ и всѣмъ другимъ согражданамъ. По своимъ высшимъде практическимъ способностямъ, хитрости, изворотливости, коммерческому духу, а часто даже безчестности и духу солидарности, кагальности, ихъ связующей, евреи вездѣ выигрываютъ и берутъ верхъ, утѣсняя простаковъ-русскихъ и выжимая изъ нихъ соки. Расширеніе правъ евреевъ, утверждаютъ, неминуемо уничтожило бы послѣднія препоны къ ихъ стяжанію и закабалило бы все русское населеніе въ пользу еврейскихъ эксплоататоровъ. Даже теперь, несмотря на всѣ ограниченія, значительная часть источниковъ богатства въ Россіи, не говоря о денежномъ капиталѣ, находится въ рукахъ сыновъ Израиля. Уравненіе въ правахъ на жительство и пріобрѣтеніе земель немедленно перевело бы все, утверждаютъ, въ руки евреевъ и сдѣлало бы русскихъ ихъ покорными рабами...

„Находя даже всѣ указанныя возраженія противъ еврейскаго равноправія до сихъ поръ въ значительной степени не лишенными справедливости, я тѣмъ не менѣе считаю, сказалъ я министру, что такое положеніе вещей никакъ не можетъ продолжаться вѣчно, и ему долженъ быть положенъ конецъ прежде всего путемъ постепеннаго, по возможности, поднятія шансовъ экономической конкурренціи со стороны русскаго населенія, развитіемъ широкаго образованія и воспитанія народа. Мы же поступаемъ какъ разъ наоборотъ: ограничиваемъ всячески школьныя права евреевъ, а сами двигаемся по-черепашьи... Самое священное право человѣка—это его право на просвѣщеніе, на расширеніе его умственнаго кругозора. Если еврейскій народъ такъ рвется къ образованію (хотя и побуждаемый отчасти практическими соображеніями), и это почтенное качество вызываетъ съ нашей стороны ограниченія доступа для евреевъ въ школы лишь извѣстнымъ процентомъ, то такого рода государственная мѣра является въ сущности не только явной нелѣпостью, но даже вопіющей безсмыслицей. Стремленіе къ образованію всегда и вездѣ поощряется, а тутъ, наоборотъ, въ нашемъ отечествѣ оно самыми рѣшительными мѣрами сдерживается. Не было ли бы гораздо справедливѣе и дѣйствительнѣе, если бы государство всѣми возможными способами, своею властью и деньгами, содѣйствовало скорѣйшему расширенію и распространенію самаго большого спроса на образованіе со стороны русскаго народа, а не уничтожало подобное же стремленіе у другого народца,

относительно немногочисленнаго? Подобная политика прежде всего самоубійственна, ибо, задерживая ограниченіями такого рода образованіе у евреевъ, она уменьшаетъ его косвенно и у русскихъ, ослабляя конкурренцію и лишая Россію многихъ способныхъ ученыхъ и профессоровъ и представителей другихъ занятій, которые могли бы у насъ получиться изъ лицъ Моисеева закона. Многія лица изъ моихъ учениковъ этой вѣры, которые были бы лучшимъ украшеніемъ ученыхъ силъ любого университета, нынѣ въ скудной умственными силами Россіи украшаютъ лишь банковыя конторы и всякіе гешефты. Евреи особенно опасны до настоящаго времени были въ такихъ профессіяхъ, какъ ростовщики, закладчики, торговые посредники и т. п., и, между тѣмъ, всѣ эти профессіи остались въ рукахъ евреевъ, а цѣлый рядъ совершенно безвредныхъ занятій является для нихъ въ Россіи запрещеннымъ или стѣсненнымъ. Спрашивается, кто въ этомъ виноватъ?

„Всѣ подобнаго рода соображенія и аргументы мною приводились въ сообщеніи предъ Плеве въ пользу моей главной идеи— о необходимости *постепеннаго расширенія правъ евреевъ*. Государство не можетъ остановиться на вѣчныя времена на теперешнемъ, крайне несправедливомъ и невыгодномъ для евреевъ порядкѣ: оно обязано, въ самыхъ существенныхъ своихъ интересахъ, съ одной стороны стараться поднять образованіе, развитіе и способности русскаго народа (включая сюда, конечно, и другія народности, населяющія Россію), а съ другой,—единовременно снимать съ евреевъ тяжелыя ограниченія старыхъ законовъ, заставляющихъ по справедливости бранить насъ и ненавидѣть во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Лишь тогда можно разсчитывать на благоустройство и порядокъ въ странѣ, когда признается въ ней хоть элементарная справедливость, взаимоотношеніе правъ и обязанностей, и когда всѣ этнографически и религіозно различныя народности въ странѣ пользуются примѣрно одинаковыми гражданскими правами, а не являются, безъ всякаго положительнаго основанія, случайными пасынками своей родины.

„Слушая мою довольно горячую реплику въ пользу установленія равноправія евреевъ, я замѣтилъ, Плеве нѣсколько разъ улыбнулся, и я предположилъ, что это произошло вслѣдствіе нѣкоторой, можетъ быть, наивности или слабости моей аргументаціи. Но къ моему великому удовольствію, едва я кончилъ, Вячеславъ Константиновичъ немедленно замѣтилъ: „Я вполнѣ согласенъ со многимъ, что высказали о евреяхъ, и вы, вѣроятно, удивитесь, когда я вамъ скажу: всѣ меня почему-то считаютъ юдофобомъ, тогда какъ скорѣе меня слѣдуетъ назвать юдофиломъ; я съ дѣтства знаю евреевъ и уважаю ихъ за многія почтенныя качества. Когда я учился въ дѣтствѣ въ Варшавской гимназіи, то лучшими моими друзьями были евреи, и я о нихъ сохранилъ наилучшія воспоминанія... Если мнѣ, въ качествѣ Товарища Министра, въ нѣкоторыхъ комиссіяхъ пришлось дѣйствовать противъ евреевъ, то не надо забывать, что я былъ тогда исполнителемъ чужихъ распоряженій, а затѣмъ законъ вообще не долженъ ломать жизнь и опережать ее...". (Сообщ. *Х. Бейлинъ*).

III.

Евреи сѣверозападнаго края во время польскаго возстанія 1863 г.

Въ „Воспоминаніяхъ“ Я. И. Бутковскаго о польскомъ возстаніи 1863 г., изданныхъ спустя 20 лѣтъ послѣ описанныхъ тамъ событій („Историческій Вѣстникъ“ 1883 г., кн. 10—11), имѣются свѣдѣнія о положеніи евреевъ сѣверозападнаго края въ это тревожное время, — свѣдѣнія, изложенныя въ специфически-чиновничьемъ тонѣ, съ оттѣнкомъ юдофобіи, но все же не лишенныя нѣкотораго интереса. Бутковскій состоялъ на службѣ по министерству государственныхъ имуществъ, чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ А. А. Зеленомъ, и провелъ около трехъ лѣтъ самаго смутнаго времени въ западныхъ губерніяхъ, имѣя секретное порученіе—изслѣдовать настроеніе крестьянъ, при чемъ онъ былъ не только зрителемъ, но и дѣятельнымъ участникомъ при усмиреніи польскаго возстанія.

„Съ переѣздомъ за границу *Витебской* губерніи,—разсказываетъ онъ,—начали чаще и чаще попадаться корчмы съ представителями израильскаго племени, которые всегда готовы услужить вамъ, чтобы заработать злотый, а вмѣстѣ съ тѣмъ выспросить или сообщить разнообразныя свѣдѣнія. Евреи обыкновенно безъ зова сами являлись въ комнату, которую я занималъ со своимъ спутникомъ, и останавливались молча на порогѣ. При вопросѣ, обращенномъ къ нимъ: „что имъ надо?“, они отвѣчали тоже вопросомъ: „може пану что нужно?“, а затѣмъ уже непосредственно вступали въ разговоръ: „А панъ съ Петербурга? Ну, а стозе тамъ думаютъ теперь дѣлать“? Впродолженіи разговора они старались выпытать отъ насъ цѣль поѣздки и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщали массу новостей и слуховъ. Такъ, напримѣръ, я узналъ отъ нихъ, что польскіе паны собрали цѣлое войско, что они идутъ уже по дорогѣ на Витебскъ и Полоцкъ съ нѣсколькими тысячами и т. п. Впрочемъ, были и свѣдѣнія правдоподобныя и полезныя. Тѣмъ не менѣе, въ нихъ замѣтно было чувство осторожности и нейтральности. Вѣдь Богъ знаетъ еще, кто такой этотъ ѣдущій чиновникъ. Это чувство было, однако, весьма естественно, такъ какъ въ Витебской губерніи, несмотря на чисто-русское населеніе, въ особенности по правую сторону Западной Двины, большинство помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ было польское, да и чиновничество тоже принадлежало къ мелкой шляхтѣ, и это становилось тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ болѣе мы отдалялись отъ границъ Псковской губерніи. До Витебска мы доѣхали благополучно и никакихъ признаковъ повстанія не видали. . . . Городъ былъ въ тревогѣ,—это было замѣтно, какъ между жителями, большинство которыхъ евреи, такъ и въ различныхъ канцеляріяхъ, которыя я посѣтилъ“.

О еврейской оріентаціи, въ связи съ господствовавшими въ краѣ экономическими отношеніями, Бутковскій говоритъ и при описаніи своихъ впечатлѣній въ *Минскѣ*.

„Евреи, составляющіе довольно значительный контингентъ населенія въ Минскѣ, какъ бы держали сторону поляковъ, и это понятно: не говоря уже объ ихъ трусливости (?), ихъ интересы были связаны съ интересами польскихъ помѣщиковъ, въ то время еще богатыхъ. Нынѣшнее оскудѣніе, какъ послѣдствіе контрибуціи и крестьянской реформы 1861 года, еще не выказалось; всѣ оброчныя статьи въ имѣніяхъ, всѣ корчмы и шинки на дорогахъ и въ селахъ принадлежали панамъ и арендовались евреями, скупавшими также всѣ сельскія произведенія. Каждый помѣщикъ имѣлъ своего еврея, а евреи составляютъ, какъ извѣстно, какую-то особую корпорацію съ крѣпкими взаимными связями“.

Таковъ же приблизительно характеръ наблюденій автора и въ *Ковенской* губерніи.

„Значительный процентъ въ населеніи Ковенской губерніи имѣли евреи, группировавшіеся болѣе въ городахъ; а иныя мѣстечки были сплошь еврейскія. Возможность заниматься контрабандой и заграничнымъ сбытомъ хлѣба привлекала значительное число ихъ къ границѣ“. Благодаря евреямъ, „сбытъ продуктовъ обезпеченъ и идетъ по Нѣману сплавомъ въ Пруссію, евреи служатъ посредниками сдѣлокъ“.

Авторъ воспоминаній сообщаетъ также свѣдѣнія о положеніи еврейскаго населенія межъ двухъ огней—польскими повстанцами и русскими усмирителями.

„Возвращаясь въ Ковно, разсказываетъ онъ, мы подъѣзжали къ одному значительному еврейскому мѣстечку, какъ навстрѣчу намъ прискакали верхомъ два еврея съ объявленіемъ, что у нихъ хозяйничаютъ повстанцы...

— Сколько повстанцевъ напало на селеніе?—спрашивали мы евреевъ, скакавшихъ за нами.

— У насъ сидятъ 15 человѣкъ, и говорятъ, что у нихъ на горѣ осталось еще 200.

Ясно было, что эти 200 были вымышлены повстанцами, чтобы напугать евреевъ, которыхъ въ мѣстечкѣ числилось болѣе 500 душъ. Мы спѣшили, и, подъѣзжая къ селенію, увидѣли массу евреевъ, идущихъ къ намъ навстрѣчу безъ шапокъ, а шедшій впереди раввинъ несъ, подъ видомъ хлѣба съ солью, сладкій пирогъ. Насъ нѣсколько удивило принятіе евреями этого великорусскаго обычая.

Помѣстясь въ корчмѣ, мы принялись за слѣдствіе, и Муравьевъ (губернаторъ) поручилъ мнѣ непремѣнно добиться, въ чемъ дѣло, такъ какъ на всѣ наши разспросы евреи отвѣчали, что не знаютъ, кто такіе эти люди и откуда приходили. Это было неправдоподобно, такъ какъ банда, пришедшая къ нимъ, навѣрное состояла изъ окрестной шляхты, и лица, находившіяся въ ней, не могли быть неизвѣстны всезнающимъ евреямъ. Къ тому же, по пословицѣ „на ворѣ шапка горитъ“, евреи не даромъ встрѣчали насъ небывалымъ шествіемъ всего населенія съ хлѣбомъ-солью. Видимо было только, что евреи не защищались отъ повстанцевъ и боялись ихъ; впрочемъ, изъ дознанія оказалось, что ни одинъ еврей не былъ обиженъ“.

Въ результатѣ, какъ сообщаетъ Бутковскій, на евреевъ мѣстечка была наложена контрибуція въ 5000 рублей...

Въ заключеніе, приведемъ не лишенный нѣкотораго интереса, сообщаемый въ тѣхъ же воспоминаніяхъ эпизодъ, рисующій тогдашнее отношеніе къ евреямъ русскихъ чиновничьихъ круговъ въ литовско-русскомъ краѣ. Эпизодъ этотъ имѣлъ мѣсто въ Ковнѣ.

„Въ виду нежеланія польскихъ дамъ увеличивать собою русское женское общество, явилась смѣлая мысль, которая произвела, однако, сильное волненіе и сочтена была ересью, въ родѣ Никоновой, и подобно ей произвела расколъ въ обществѣ. Между еврейками было много красавицъ, и нѣкоторые нововводители предложили устроить балъ и пригласить также евреекъ. Была въ особенности одна, которая по образованію могла занимать мѣсто въ любомъ обществѣ, хотя была не болѣе, какъ дочь содержателя гостинницы; по красотѣ же равнялась съ библейской Рахилью; фамилія ея была Нуррикъ (Нурокъ?).

„Много юныхъ головъ сводили съума ея дивные глаза, и вотъ ея партія поставила непремѣннымъ условіемъ своего участія въ предстоящемъ балу присутствіе развитыхъ евреекъ, доказывая усердно, что въ настоящее прогрессивное время слѣдуетъ сближать сословія и національности. Убѣжденія и интриги были пущены въ ходъ русскими дамами, чтобы помѣшать исполненію этого плана; но отказаться самимъ отъ удовольствія быть на балу онѣ были не въ силахъ, такъ какъ небогатое развлеченіями время и опасеніе потерять поклонниковъ заставляли ихъ дорожить случаемъ блеснуть туалетомъ.

„Балъ состоялся съ компромиссомъ; была допущена лишь одна Нуррикъ, по слѣдующимъ соображеніямъ: во 1-хъ, безъ нея не явились бы на балъ лучшіе танцоры изъ молодежи, и во 2-хъ, дамы надѣялись, что молодая еврейка, незнакомая съ обществомъ дамъ, будетъ чувствовать себя затерянною, сдѣлается неловкой и потеряетъ обаяніе, которымъ пользовалась; наконецъ, можно было разсчитывать на различныя случайности при выборѣ визави въ кадрили или фигуры въ мазуркѣ, гдѣ можно было нанести Рахили нѣсколько чувствительныхъ уколовъ“.

Сообщ. *Х. Коробковъ*.

IV.

„Священная дружина“ и еврейскій вопросъ (1881 г.).

Въ „Дневникѣ“ генерала Смѣльскаго о дѣятельности „Священной дружины“—петербургской тайной организаціи сановниковъ, задавшейся цѣлью послѣ 1 марта 1881 г. спасти Россію отъ крамолы,—имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія о положеніи еврейскаго вопроса въ 1881 г. („Голосъ Минувшаго“ 1916 г., кн. IV, стр. 107—108).

Дѣятель „Дружины“ и начальникъ ея агентуры Смѣльскій узналъ, что въ правительственныхъ сферахъ предполагается пересмотръ репрессивнаго законодательства о евреяхъ, въ смыслѣ улучшенія ихъ положенія. Обдумавъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія цѣлей „Дружины“, Смѣльскій представилъ главарямъ ея, находившимся въ тѣсной связи съ высшими сферами, свои соображенія,

которые изложены имъ въ слѣдующей записи „Дневника“ отъ 16 декабря 1881 года:

„По газетамъ видно, что въ будущемъ февралѣ откроетъ дѣйствія комиссія по разсмотрѣнію вопроса о предоставленіи полноправности (?) евреямъ. Этотъ вопросъ есть основная суть для России. Если онъ будетъ разрѣшенъ согласно желанію евреевъ,—неизбѣжно будетъ по Россіи побитіе евреевъ народомъ; если нѣтъ, то евреи кинутся къ поддержкѣ революціонеровъ. Стало-быть, какое бы ни было рѣшеніе,—одинаково зловредно для Россіи, особенно если оно послѣдуетъ много ранѣе, чѣмъ будутъ введены проектируемыя мною мѣры къ умаленію крамолы.

„Если вопросъ еврейскій исподволь разсматривать, пуская въ ходъ лишь молву, что евреямъ будутъ предоставлены разныя облегченія, рѣшеніе же этого вопроса послѣдуетъ не ранѣе 2—3 лѣтъ, давъ тѣмъ временемъ водвориться спокойствію въ Россіи, то тогда, какое бы ни послѣдовало рѣшеніе еврейскаго вопроса, оно уже не произведетъ тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, какихъ можно ожидать при скоромъ рѣшеніи, ранѣе умаленія крамолы, о чемъ такъ хлопочутъ всѣ евреи и въ особенности тузы, главные богачи, вожаки ихъ“.

Авторъ дневника прибавляетъ, что своему начальству онъ изложилъ свои соображенія „далеко подробнѣе“. Полицейская дипломатія агента „Дружины“, повидимому, получила одобреніе въ высшихъ сферахъ.

V.

Записка о погромахъ 1881 года.

Въ „Голосѣ Минувшаго“ (1916 г., мартъ, стр. 243—253) помѣщена записка покойнаго Э. Б. Левина о погромахъ 1881 г., розданная въ іюлѣ того же года высшимъ сановникамъ въ Петербургѣ. Въ предисловіи С. М. Дубнова къ этой запискѣ (хранящейся въ архивѣ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества) говорится слѣдущее о ея „несомнѣнно историческомъ значеніи“:

„Исходя изъ консервативныхъ круговъ еврейскаго общества (авторомъ записки былъ секретарь барона Гинцбурга, Э. Б. Левинъ) и адресованный высшимъ сановникамъ, этотъ меморандумъ составлялся чрезвычайно осторожно, на основаніи строго провѣренныхъ свѣдѣній, которыя по условіямъ тогдашней цензуры не могли проникнуть въ печать. И если при такомъ высокоoффиціальномъ характерѣ записки все-таки получилось выступленіе довольно оппозиціонное, то это свидѣтельствуетъ, что на самомъ дѣлѣ положеніе было еще хуже. Предположенія о причинахъ погромовъ, высказанныя въ запискѣ и установленныя „по горячимъ слѣдамъ“, отличаются большою правдивостью, а картина безправія евреевъ—ставшая позже еще мрачнѣе—набросана мастерски“.

Записка касается не только весеннихъ погромовъ 1881 года, но трактуетъ вообще о безправномъ положеніи евреевъ, какъ главной причинѣ народныхъ эксцессовъ. Здѣсь приведены нѣкоторые факты, нынѣ позабытые, но въ свое время обратившіе на себя вниманіе общества.

„Еврей, получившій, благодаря высшей ученой степени, право жительства въ столицѣ, пожелалъ исполнить сыновній долгъ и взять къ себѣ изъ „черты осѣдлости" бѣдныхъ, престарѣлыхъ родителей. Но онъ могъ это сдѣлать не иначе, какъ приписавъ къ себѣ — отца въ качествѣ своего лакея, а мать въ качествѣ своей кухарки, такъ какъ законъ разрѣшаетъ этимъ лицамъ имѣть при себѣ изъ своихъ единовѣрцевъ только прислугу въ ограниченномъ числѣ.

„Еврейская дѣвушка, прибывшая въ Москву съ намѣреніемъ учиться стенографіи, не нашла иного средства избавиться отъ преслѣдованій полиціи, какъ взять билетъ проститутки, такъ какъ даже окончаніе одного изъ высшихъ женскихъ курсовъ не даетъ еврейкѣ права жительства внѣ „черты". Еврейки же проститутки допускаются къ повсемѣстному жительству въ Имперіи безпрепятственно. Но когда по настоянію полиціи эта дѣвушка подвергнута была установленному освидѣтельствованію, то врачъ нашелъ у ней присутствіе такихъ признаковъ, которые исключаютъ всякую мысль о занятіи проституціей. Такимъ образомъ, для того, чтобы спокойно чему-нибудь учиться внѣ „черты", честныя еврейки вынуждены надѣвать предъ начальствомъ маску разврата.

„Еврей, уполномоченный отъ принца Гессенскаго, устраняется отъ торговъ на имѣніе въ одной изъ западныхъ губерній, на томъ основаніи, будто существуетъ законъ, воспрещающій быть повѣреннымъ для такого дѣла, которое самому повѣренному не дозволено. Это сдѣлано вслѣдствіе подозрѣнія, не кроется ли тутъ намѣреніе еврея-повѣреннаго купить имѣніе для себя и не вошелъ ли для этой цѣли дядя Государя въ стачку съ евреемъ".

„Удивительно-ли, послѣ всего изложеннаго,—спрашиваетъ авторъ записки,—что еврейское населеніе, поставленное въ такое невозможное, унизительное положеніе сравнительно съ прочимъ населеніемъ въ государствѣ, находится въ народномъ сознаніи какъ бы внѣ закона?"

Записка кончается слѣдующимъ заявленіемъ:

„Единодушныя желанія, надежды и мольбы русскихъ евреевъ сосредоточиваются на слѣдующемъ:

1. Чтобы вышеприведенный законъ, обуздывающій огульные нападки въ печати на цѣлое племя *), не оставался мертвой буквой по отношенію къ однимъ евреямъ.

2. Чтобы упразднена была такъ называемая „черта еврейской осѣдлости".

3. Чтобы евреи уравнены были въ личныхъ и имущественныхъ правахъ со всѣми подданными одинаковыхъ съ ними сословій.

„Евреи возлагаютъ въ этомъ свои упованія на милосердіе обожаемаго Государя, нашего Августѣйшаго Монарха; евреи глубоко вѣруютъ,—они не могутъ не вѣрить, что оно такъ и будетъ".

---

*) Въ началѣ записки указано на небывалую дотолѣ агитацію юдофобской прессы въ столицѣ и провинціи, „въ томъ числѣ и газетъ, субсидируемыхъ казною", и выражено удивленіе по поводу того, что въ такихъ случаяхъ не примѣняется карательная статья закона за „возбужденіе въ печати вражды въ одной части населенія противъ другой".

Библіографія.

Новыя книги по библейской наукѣ.

Н. М. Никольскій. Древній Вавилонъ. Популярно-научные очерки по исторіи культуры Сумера, Вавилона и Ассура. 434 стр., 92 рис., планъ Вавилона и карта. Ц. 2 р. Москва, изд. „Міръ", 1913 г.

По образцу вышедшей въ 1911 г. книжки Н. М. Никольскаго „Древній Израиль", то же издательство выпустило теперь новую работу его, посвященную исторіи древней Месопатаміи. Соотвѣтственно характеру имѣющагося историческаго матеріала о древнемъ Востокѣ, авторъ еще въ значительно большей степени, чѣмъ въ очеркахъ объ Израилѣ, сосредоточилъ свое вниманіе на умственной и соціальной культурѣ; политической же исторіи посвящено лишь столько мѣста, сколько необходимо для выясненія культурнаго состоянія каждой данной эпохи. Рядъ увлекательно написанныхъ очерковъ воскрешаетъ передъ нами бытъ, общественный укладъ, умственную жизнь и вѣрованія угасшихъ тысячелѣтій, и попутно выявляется—безъ уклона въ сторону панвавилонизма *)—вліяніе астральнаго міровоззрѣнія вавилонянъ на другія культуры древности. Въ виду тѣсной культурно-политической связи великихъ царствъ Месопатаміи съ Сиріей и Палестиной, книгу эту прочтетъ съ пользой и интересомъ всякій, интересующійся древней исторіей евреевъ.

Большимъ достоинствомъ книги слѣдуетъ признать то, что почти половина ея посвящена *древнѣйшей* культурѣ Месопатаміи—сумерійской, которой въ популярной литературѣ обычно удѣляется очень мало мѣста; въ разбираемой книжкѣ, напротивъ того, міръ сумерійскихъ „патэси", въ которомъ заключаются корни позднѣйшей семитической ассиро-вавилонской культуры, охарактеризованъ съ исчерпывающей полнотой и картинностью. При этомъ авторъ до такой степени переносится въ описываемый имъ культурный міръ, что для цѣлаго ряда понятій (изъ области государственнаго и религіознаго быта) употребляетъ постоянно вавилонскіе термины, не

*) Нѣкоторой данью ему является, на нашъ взглядъ, неубѣдительная параллель между Іезекіилемъ 32. 2—6 и миѳомъ о борьбѣ Мардука съ Тіаматъ (стр. 259). Крокодилъ, какъ образъ Египта, едва-ли долженъ быть отожествляемъ съ миѳическимъ дракономъ вавилонскаго происхожденія.

снабжая ихъ тутъ же переводомъ, а ограничиваясь тѣмъ, что они были при первомъ упоминаніи—иногда на много главъ раньше—кратко разъяснены. При отсутствіи предметнаго указателя эта вавилонская терминологія должна нѣсколько затруднять пониманіе многихъ отрывковъ, ибо читатель, впервые знакомящійся съ предметомъ, врядъ ли можетъ удержать въ памяти значеніе всѣхъ упоминаемыхъ вавилонскихъ словъ *).

Способъ трактовки предмета надо признать популярнымъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова: за подробнымъ описаніемъ культурныхъ явленій нигдѣ не забывается выясненіе ихъ соціально-политическихъ причинъ, и легкость изложенія никогда не достигается цѣной отказа отъ серьезности и строгой научности содержанія **). Нѣкоторыя главы, напримѣръ, объ исторіи дешифрированія клинописи (III), объ объединеніи Сенаара (XII), о военной гегемоніи Ассиріи (XIX), по сочетанію увлекательности съ богатствомъ заключающагося въ нихъ матеріала, должны быть признаны образцовыми. Въ главѣ IX нѣсколько идиллично изображенъ построенный всецѣло на рабствѣ экономическій строй сумерійскихъ городовъ-княжествъ, и представляется непонятнымъ, какимъ образомъ „мастера земледѣлія“ и самостоятельные крестьяне, благополучіе которыхъ было въ началѣ VI-го тысячелѣтія какъ будто первой заботой князей (стр. 100—101), двѣсти лѣтъ спустя подымаютъ мятежъ и становятся опорой политическаго и соціальнаго переворота при Урукагинѣ (стр. 125). Очевидно, уже и раньше не „довольство ихъ своимъ положеніемъ“ и не „достаточность выдаваемыхъ имъ на прокормъ припасовъ“ составляли главный предметъ заботъ патэси и его „нубанды“.

Какъ по изложенію, такъ и по объему книга эта явно предназначена для читателей, подготовленныхъ къ усвоенію серьезной научной монографіи. Странное впечатлѣніе производятъ поэтому довольно многочисленныя уклоненія въ сторону дѣтскаго стиля. Едва-ли читателю „Древняго Вавилона“ надо объяснять, что такое культура (стр. 3), что такое банкъ („состоятельные люди обыкновенно не держатъ своихъ капиталовъ дома во избѣжаніе покражи, но кладутъ ихъ въ особыя учрежденія-банки“, стр. 420), или указывать ему, что „въ древности не было огнестрѣльнаго оружія“ (стр. 329), что „годовое движеніе солнца по небу только кажущееся“ (стр. 178) и т. д. Было бы весьма желательно, чтобы въ слѣдующемъ изданіи стиль въ этомъ отношеніи былъ болѣе выдержанъ. То же слѣдуетъ сказать и относительно немалочисленныхъ погрѣшностей въ языкѣ

---

*) Такъ, напр., „дубсаръ“, стр. 198, упомянутъ и разъясненъ одинъ только разъ, стр. 109; „зиккуратъ“—стр. 108, а опредѣленіе на стр. 37. Черезчуръ по-вавилонски звучитъ названіе XVII-ой главы, въ которомъ метонимически употреблено имя бога войны Диббары.

**) Неточнымъ представляется намъ указаніе на то, что „кочевники, приходившіе изъ Аравіи, были *по преимуществу* (к. н.) семиты“ (стр. 65). „Исторія не знаетъ въ Аравіи другихъ племенъ, кромѣ семитовъ“ (Тураевъ, Исторія древняго Востока, I. 66).

вообще *). Было бы также весьма цѣлесообразно увеличеніе числа хронологическихъ датъ и, быть можетъ, даже снабженіе книги хронологической таблицей; неизбѣжная спорность хронологіи не играла бы въ данномъ случаѣ существенной роли, такъ какъ въ нѣкоторыхъ главахъ для читателя остается даже неяснымъ, о какомъ тысячелѣтіи идетъ рѣчь, и приблизительныя даты были бы вполнѣ достаточны.

Издана книга прекрасно и снабжена большимъ числомъ рисунковъ, очень хорошо исполненныхъ, но, къ сожалѣнію, не нумерованныхъ, почему въ текстѣ почти нѣтъ ссылокъ на соотвѣтственные рисунки **). Въ тщательно составленный библіографическій указатель не включены русскіе переводы книгъ Масперо, Делича и Винклера (Die Gesetze Hammurabis), нѣкоторыя изъ малочисленныхъ русскихъ оригинальныхъ работъ, напр., Волкова, Гусакова, Сергѣевича и др. о Кодексѣ Хаммураби, Астафьева о лѣтописяхъ ассирійскихъ царей, и нѣкоторыя другія.

Die Schriften des Alten Testaments im Auswahl, neu übersetzt und für die Gegenwart erklärt von Gressman, Gunkel, Haller, Schmidt, Stärk und Volz. Band 1—2: Die Sagen des A. T. Band 3—5: Prophetismus und Gesetzgebung des A. T. Band 6—7: Lyrik und Weisheit. Preis der 7 Bände (CLXIX + 2335 Seiten) 32 Mark. Göttingen, 1910—1915.

Вышедшими во время войны послѣдними выпусками 5-го тома закончился этотъ большой научный трудъ, уже получившій въ литературѣ почетную аббревіатуру G.-B = „Göttinger Bibelwerk". Подобно тому, какъ 14-томный комментарій, изданный подъ редакціей Новака („Göttinger Handkommentar"), является—по плану и въ значительной степени и по содержанію—наиболѣе яркимъ и полнымъ выраженіемъ *историко-критической* школы библейской науки, такъ „Göttinger Bibelwerk" знаменуетъ собою расцвѣтъ новѣйшей—*литературной* школы, группирующейся вокругъ Гункеля и Грессмана.

Основнымъ положеніемъ этой школы является взглядъ на библейскую критику (будь то критика канона, текста или историко-литературная), не какъ на самодовлѣющую задачу, а какъ на путь къ созданію исторіи литературы Израиля. Для достиженія этой конечной цѣли всѣ отдѣльныя литературныя произведенія, которыя

---

*) Изъ замѣченныхъ нами укажемъ на слѣд.: „обуялась" (259), „картины раскрашены яркими цвѣтами" (374), „ученый, который попробовалъ подробно осмотрѣть развалины" (34), „гораздо болѣе худшій" (313) „залпъ" о стрѣлахъ (364), „добыча выходила" (въ смыслѣ изсякала, 340). Пророкъ Нахумъ (3, 15—17) сравниваетъ ассиріянъ не съ „мошками" (391), а съ саранчей.

**) Рисунокъ, изображающій стэлу коршуновъ, разъясненъ не вполнѣ точно (стр. 120—124): Нингирсу держитъ въ правой рукѣ не сѣть, а дубинку, а въ лѣвой—сѣть, рукоятью которой служитъ гербъ Ширпурлы: орелъ съ львиной головой, не „парящій на (?) львахъ" (124) и не „сидящій на нихъ" (120), а вцѣпившійся въ нихъ, какъ это видно на болѣе ясномъ рисункѣ на стр. 129 (ср. Gressman, Altorientalische Texte und Bilder, II, 118).

установлены въ Библіи критическимъ анализомъ, должны быть изъяты изъ своей связи въ библейскомъ канонѣ и сгруппированы главнымъ образомъ по принципу литературной *формы*, такъ какъ, по взгляду Гункеля, литературныя формы или „виды“ (Gattungen) въ древнихъ литературахъ необычайно постоянны и всякій авторъ считаетъ себя связаннымъ принятымъ для каждаго вида литературы стилемъ (Religion in Geschichte und Gegenwart I, 1192). Внутри полученныхъ такимъ образомъ большихъ комплексовъ (миѳы, сказанія, пѣсни, произведенія „мудрости“, исторіографія, законы и т. д.) должна быть произведена группировка по принципу хронологической послѣдовательности, и въ результатѣ этимъ трудомъ будутъ положены основы для созданія *исторіи библейской литературы*.

Для того, чтобы хоть сколько нибудь обрисовать это теченіе, надо подчеркнуть еще два характерныхъ для него принципа, въ которыхъ сказывается вліяніе недавняго властителя думъ—вавилонизма. 1) Библейская литература не можетъ быть понята и оцѣнена внѣ тѣснѣйшей связи съ прочими литературами Востока и вообще древними и примитивными произведеніями словеснаго творчества; основные мотивы и даже темы сближаютъ литературы народовъ, географически и хронологически очень отдаленныхъ другъ отъ друга,—и литературная школа библейской критики усматриваетъ въ этомъ отнюдь не случайное совпаденіе, а также не независимыя одно отъ другого проявленія общаго всѣмъ народамъ психическаго уклада человѣка, а нѣкую генетическую *связь* между данными литературами, дающую очень часто возможность установить—сравнительнымъ методомъ—первичную форму даннаго миѳа, сказанія или отдѣльной его темы и воспользоваться затѣмъ этимъ пра-миѳомъ или пра-легендой, какъ критеріемъ для анализа оцѣнки и датировки разбираемаго миѳа или легенды въ Библіи. 2) Начало литературнаго творчества въ народѣ восходитъ къ столь древнимъ временамъ, что можно считать литературу древнѣе самаго народа, какъ таковаго (наличность генетической связи между литературами совершенно чуждыхъ народовъ также указываетъ на это). Эта древность литературы съ одной стороны какъ будто обезцѣниваетъ ея значеніе, какъ историческаго памятника, постольку, поскольку данное сказаніе, напр., повторяетъ черты общаго многимъ народамъ пра-сказанія на эту же тему; но съ другой стороны эта живучесть литературной традиціи охраняетъ и приставшіе, такъ сказать, къ данному трафарету своеобразныя локальныя или этнографически-характерныя черты, которыя могутъ быть выявлены сравнительнымъ методомъ и заключаютъ въ себѣ цѣннѣйшія историческія преданія. Для литературной школы типична, такимъ образомъ, значительно большая степень довѣрія къ „легендарнымъ“ пластамъ библейской письменности, нежели для историко-критической школы, которая вообще часто разсматривала до-государственную эпоху израильской жизни, какъ vacuum, изъ котораго доносится лишь одинъ подлинный голосъ—„Пѣснь Деборы“.

Не можетъ быть, конечно, и рѣчи о томъ, чтобы въ краткой

замѣткѣ хоть сколько нибудь охарактеризовать огромный семитомный трудъ, по плану и по всей структурѣ глубоко отличный отъ всѣхъ появлявшихся до сихъ поръ изданій Библіи. Приходится поэтому ограничиться тѣмъ, чтобы схематически обрисовать его наиболѣе характерныя черты.

Каждый томъ, какъ видно уже изъ приведенныхъ выше краткихъ заглавій, содержитъ въ общемъ одинъ лишь видъ литературы, или, если больше, то они явственно отдѣляются другъ отъ друга.

Каждому тому предпосылается рядъ вступительныхъ очерковъ, характеризующихъ историческую эпоху, данный литературный видъ, его творцовъ въ Израилѣ и его словесную форму.

Текстъ дается не въ послѣдовательности главъ Масоры *), а въ порядкѣ внутренней, логической связи (здѣсь, конечно, обширная почва для субъективнаго вкуса авторовъ), съ выдѣленіемъ источниковъ путемъ варіированія шрифтовъ и съ краткимъ обоснованіемъ (въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ) новыхъ или менѣе извѣстныхъ конъюнктуръ. Текстъ Библіи данъ не весь, а приблизительно 3/4 его. Менѣе интересныя части (законодательство Священническаго Кодекса, многія главы кн. Царей, Іезекіиля и др.) охарактеризованы для сохраненія связи въ краткихъ „Überleitungen“. Центръ тяжести изданія лежитъ въ пояснительныхъ къ каждому отрывку статьяхъ, которыя носятъ не обычный характеръ комментарія къ каждому стиху, а разсматриваютъ все данное произведеніе въ цѣломъ, всесторонне освѣщаютъ его содержаніе и форму, даютъ множество параллелей изъ всѣхъ міровыхъ литературъ и путемъ изощреннаго сравнительно-литературнаго анализа представляютъ всѣ эти столь хорошо извѣстные библейскіе разсказы, миѳы и легенды, о которыхъ, казалось, уже ничего новаго нельзя было сказать, въ совершенно иномъ свѣтѣ.

Въ этомъ умѣломъ примѣненіи новаго метода, въ этомъ множествѣ пущеннаго, такъ сказать, въ оборотъ сравнительно-литературнаго матеріала — непреходящее значеніе этого изданія. Пусть многія положенія будутъ спорны, даже шатки, пусть нѣкоторыя аналогіи и противопоставленія кажутся искусственными, — самый подходъ къ Библіи, какъ къ литературѣ, и притомъ какъ къ переживаемой, почти живой литературѣ, есть великій шагъ по пути къ освобожденію ея отъ теологическихъ тисковъ. Появленіе подобнаго изданія на языкѣ, понятномъ широкимъ кругамъ еврейства, было бы дѣйствительнымъ праздникомъ нашей литературы и науки. Пока приходится ограничиться тѣмъ, чтобы горячо рекомендовать изданіе вниманію тѣхъ, кому оно доступно по языку. Цѣна его, не только для сравнительно дорогого нѣмецкаго книжнаго рынка, но и съ нашей точки зрѣнія, необычайно низка, и внѣшность его безупречна.

———

*) Для облегченія оріентировки, всѣ тома снабжены указателями переведенныхъ и цитируемыхъ мѣстъ по главамъ и стихамъ.

Peter Thomsen. Kompendium der Palästinischen Altertumskunde. VIII + 109, 42 Abbildungen. 4 Mark. Tübingen, J. C. B. Mohr, 1913.

Авторъ цѣннаго трехтомнаго труда по новѣйшей (1895—1914) библіографіи палестиновѣдѣнія (Systematische Bibliographie der Palästinaliteratur, томы I—II, Leipzig, Hinrichs, 1908—11; томъ III имѣлъ появиться въ 1915 году) даетъ въ настоящей своей работѣ *первый опытъ палестинской археологіи*, не библейской, а именно палестинской, т. е. не связанной опредѣленными этнографическими и хронологическими границами. „Всякій, кому приходилось производить археологическія изысканія въ Палестинѣ,—говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи,—наталкивается на многочисленные остатки эллинистической, римской и византійской культуръ, причемъ всѣ памятники этихъ культуръ въ Палестинѣ носятъ на себѣ совершенно своеобразный характеръ. Матеріалы для этихъ различныхъ эпохъ приходилось кропотливо собирать изъ безчисленнаго количества мелкихъ статей и замѣтокъ", такъ какъ никакихъ систематическихъ трудовъ, выходящихъ за предѣлы еврейскаго періода исторіи Палестины не имѣлось. Конечно, и въ этомъ трудѣ наибольшая часть, по самой природѣ вещей, отведена памятникамъ еврейской и до-еврейской культуры, но весьма цѣнными являются дополненія о византійской архитектурѣ (53—59), о византійскихъ мозаикахъ (67), о греко-римскихъ саркофагахъ (81—82), о греческихъ и латинскихъ надписяхъ (87—89) и въ особенности о монетахъ римской эпохи (98—101). Соотвѣтственно характеру работы, какъ компендіума, изложеніе очень сжатое, и благодаря этому въ небольшомъ объемѣ сосредоточено огромное количество свѣдѣній, почерпнутыхъ какъ изъ всей имѣющейся литературы, такъ и изъ собственныхъ изысканій автора, много лѣтъ работающаго въ Археологическомъ Институтѣ въ Іерусалимѣ. Примѣчанія заключаютъ въ себѣ богатѣйшій библіографическій матеріалъ. Прекрасные рисунки исполнены по собственнымъ, нигдѣ не опубликованнымъ, снимкамъ автора.

Alfred Jeremias. Handbuch der altorientalischen Geisteskultur. XVI + 366 S. 215 Bilder, 2 Sternkarten. 10 Mark. Leipzig, Hinrichs, 1913.

Авторъ извѣстной книги „Das Alte Testament im Lichte des Alten Orients" (готовится къ печати 3-е изданіе ея), одинъ изъ апостоловъ панвавилонизма, задался цѣлью въ своемъ новомъ трудѣ дать „систематическое изложеніе древне-восточной духовной культуры", внѣ непосредственной связи и постояннаго параллелизма съ библейской культурой и религіей (какъ въ первой своей книгѣ), что, по его мнѣнію, „всегда затрудняло возможность сговориться" съ противниками панвавилонистическаго теченія. Съ помощью богато собраннаго и умѣло использованнаго клинописнаго матеріала, авторъ даетъ законченную и чрезвычайно гармоничную картину астральнаго міровоззрѣнія, но проглядывающая всюду тенденція свести *всѣ* проблемы человѣческаго духа въ ихъ истокахъ къ планетарно-миѳологической системѣ вавилонскихъ жрецовъ со-

ставляетъ слабую сторону и этого труда. Въ многочисленныхъ „параллеляхъ“ не только съ израильской религіей (напр., вавилонское происхожденіе библейскаго пророчества, стр. 205 и сл.), но и съ міромъ египетскихъ, хетитскихъ, этрусскихъ, греческихъ, даже китайскихъ и мексиканскихъ религіозныхъ идей и институтовъ, мы узнаемъ все тотъ же панвавилонизмъ. Въ этомъ смыслѣ новый трудъ Іереміаса не создаетъ еще той объективной почвы, на которой было бы возможно сговориться сторонникамъ и противникамъ этого теченія: обоснованность „параллели“ вѣдь и является сущностью спора, и включеніе ея въ систему представляетъ собою, съ точки зрѣнія противниковъ панвавилонизма, petitio principii.

Bilderatlas zur Bibelkunde von Dr. J. Benzinger. 454 Abbildungen mit erläuterndem Text, 144 S. 6. Mark, gebunden. Stuttgart, Steinkopf, 1913.

Вышедшій вторымъ изданіемъ атласъ снимковъ съ историческихъ мѣстъ и съ реальныхъ предметовъ и древностей, иллюстрирующихъ библейскую исторію, долженъ быть—за отсутствіемъ аналогичнаго изданія на еврейскомъ или русскомъ языкѣ—настольной книгой при преподаваніи Библіи и библейской исторіи. Весь сценарій древнѣйшей еврейской исторіи, повседневный бытъ израильтянъ и сохранившіеся донынѣ—палестинскіе и внѣ-палестинскіе—свидѣтели ихъ исторіи оживаютъ на страницахъ этого прекрасно ставленнаго атласа. Подробный объяснительный текстъ облегчаетъ пользованіе изданіемъ. Всѣ рисунки выполнены превосходно и цѣна очень низкая. Для сохраненія столь низкой цѣны изъ этого II-го изданія, въ виду увеличенія числа рисунковъ изъ области географіи, исторіи и религіознаго быта, исключены помѣщенные въ I-мъ изданіи многочисленные рисунки, иллюстрирующіе палестинскую флору и фауну, о чемъ нельзя не пожалѣть. Если бы когда-нибудь осуществилась идея объ изданіи подобнаго атласа для еврейскихъ школъ, то въ него надлежало бы включить и естественно-историческіе рисунки изъ I-го изданія (въ лучшемъ исполненіи), такъ какъ безъ яснаго представленія о растительномъ и животномъ мірѣ Палестины не можетъ быть правильнаго пониманія—и тѣмъ болѣе переживанія—библейскаго міра.

К. Корниль. Пророки. Пять публичныхъ лекцій. Переводъ Д. Желоховцева, подъ ред. и съ предисл. Н. М. Никольскаго. VIII + 213 стр. Ц. 75 к. Москва, изд. Сабашниковыхъ, 1915 г.

Извѣстная книга „Der israelitische Prophetismus“ проф. К. Г. Корнилля (транскрипція Корниль, кажется, не имѣетъ никакихъ основаній: ср. Милль, Галль, Прелль и мн. др.), выдержавшая въ оригиналѣ 10 изданій, появилась, наконецъ, и въ русскомъ переводѣ. О достоинствахъ этой книги, сочетающей въ себѣ увлекательность, даже художественность изложенія со строгой научностью трактовки предмета, распространяться не приходится. Форма публичныхъ лекцій, часто понижающая методъ научной работы въ пользу ея внѣшнихъ качествъ, не нанесла въ данномъ случаѣ ни-

какого ущерба ни глубинѣ анализа, ни выдержанности всей структуры изложенія. Приходится каждый разъ удивляться, какъ автору удалось, нисколько не насилуя предмета въ угоду своимъ „конструкціямъ", представить все развитіе израильскаго профетизма, продолжавшееся почти полтысячелѣтія, какъ единый идейный процессъ.

Конечно, мы, разсматривающіе еврейство, какъ самодовлѣющее духовное явленіе, не можемъ согласиться съ цѣлымъ рядомъ утвержденій и въ особенности оцѣнокъ автора, который, какъ всѣ христіанскіе богословы, подходитъ къ еврейству, при всемъ проникновеніи въ сущность его, съ гетерономнымъ критеріемъ. Такъ напримѣръ, истолкованіе номизма (законничества эпохи „второго храма"), какъ средства *вынудить* у Іагве осуществленіе мессіанскихъ надеждъ (стр. 189), нельзя не признать нѣсколько поверхностнымъ и игнорирующимъ значеніе номизма, какъ положительной религіозно-соціальной программы, еще въ VII вѣкѣ и даже раньше (ср. Гошеа 8, 12, реформа Хизкіи и др.*). Тенденціознымъ представляется также переводъ и толкованіе ряда стиховъ изъ пророковъ той же эпохи, особенно Захаріи, въ которомъ христіанско-теологическая школа усматриваетъ уже не настоящаго пророка, а апологета національной исключительности и законничества. Стихъ 9,7: „и удалю *я* кровь изъ устъ филистимлянина, и вырву мерзости его (schikuzaw) изъ зубовъ его"—Корнилль толкуетъ какъ насажденіе среди инородцевъ „кошерности" („koscher essen", стр. 165 нѣмецкаго изданія). Между тѣмъ сопоставленіе съ „до-законническими" пророками (ср. напр. Гошеа 9,3: tome iochelu) ясно говоритъ, что понятіе ритуально-оскверняющаго было для пророковъ искони *чисто-религіозной* категоріей, а не преимущественно бытовой, какъ позднѣйшая кошерность: ѣда „чистаго" была формой выраженія союза съ Іагве, и соотвѣтственно этому то, что ѣлъ филистимлянинъ, было „чисто" для Дагона и для другихъ филистимскихъ „мерзостей" (ср. 1 Цар. 11, 5) и eo ipso было „мерзостью" для Іагве, а „кошерность" здѣсь не при чемъ.

За всѣмъ этимъ книжка Корнилля, глубоко проникающая въ существо профетизма, должна быть признана одной изъ лучшихъ работъ объ этомъ вопросѣ въ европейской научной литературѣ.

Переходя къ русскому изданію, приходится прежде всего указать на то, что языкъ перевода очень неровный: точно и въ общемъ хорошо переведенный текстъ не свободенъ отъ тяжеловѣсныхъ и нелитературныхъ выраженій, о характерѣ которыхъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: „Осія (Гошеа) самъ *сдѣлалъ* для насъ нелегкимъ *быть* къ нему справедливымъ" (63); „святыни пришлись не по вкусу *паръ* какихъ-то ненормальныхъ мечтателей" (87); „культъ *небеснымъ свѣтиламъ*" (90); „*одинъ изъ другихъ* пророковъ" (125); „душеспасительная дѣятельность Іезекіиля" (144:

*) Коренное значеніе всѣхъ этихъ раннихъ попытокъ создать черезъ номизмъ прочную основу для профетизма оцѣнилъ Wilhelm Erbt въ своей работѣ: Die Sicherstelluug des Monotheismus durch die Gesetzgebung im vorexilischen Juda.

seelsorgerlich = пастырская); „Набунаидъ былъ властителемъ съ *антикварными* и учеными склонностями“ (156); „греческая держава распадается *въ обломки*“ (200) и друг. Но всѣ эти шероховатости въ общемъ не очень мѣшаютъ чтенію, и если при слѣдующихъ изданіяхъ книжки онѣ будутъ устранены, то переводъ надо будетъ признать вполнѣ удовлетворительнымъ.

Иное приходится сказать про переводъ многочисленныхъ библейскихъ цитатъ, въ которыхъ сосредоточена вся доказательная сила воззрѣній Корнилля на эволюцію профетизма и которыя поэтому должны были быть переведены особенно точно и тщательно. Цитаты эти сплошь и рядомъ совершенно не удобопонятны, изобилуютъ тѣми архаизмами и просто неправильными оборотами рѣчи, которые считаются почему-то допустимыми въ библейскихъ цитатахъ: „повержена на *землѣ*“ (50), „Богъ воздвигъ *отъ* востока мужа“ (160); „Онъ возсѣдаетъ *кругомъ* земли“ (163); „Я *положу* духъ мой на него“ (169); „Я удалю съ земли *нечистаго духа*“ (201) и мн. др. Въ этомъ отношеніи переводъ долженъ быть совершенно за-ново переработанъ и всѣ цитаты должны быть приведены въ безупречной литературной формѣ, ибо только тогда онѣ могутъ ввести читателя въ кругъ воззрѣній и переживаній пророковъ. Надо указать еще на слѣдующее: въ предисловіи своемъ авторъ предваряетъ, что „часто цитаты его не совпадаютъ съ традиціоннымъ текстомъ, такъ какъ онъ, конечно, признаетъ за критикой текста ея права“ (VIII): очевидно, и въ переводѣ эти отступленія должны быть сохранены, ибо часто только въ критическомъ чтеніи и при свободномъ переводѣ цитата содержитъ ту мысль или тотъ оттѣнокъ, ради котораго она приведена. Между тѣмъ рядъ цитатъ не переведенъ съ нѣмецкаго, а прямо приведенъ изъ синодальной Библіи, такъ что онѣ часто совершенно теряютъ связь съ контекстомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и свою удобопонятность. Редакторъ изданія указываетъ въ своемъ предисловіи, что „цитаты изъ Библіи провѣрены и *исправлены по оригиналу*“ (VII); казалось бы, что рѣчь можетъ идти только о свѣркѣ съ крическимъ еврейскимъ текстомъ или съ какимъ-либо классическимъ научнымъ переводомъ; если же за *оригиналъ* и критерій по отношенію къ хорошему научному переводу, какимъ, несомнѣнно, является переводъ Корнилля, принимается Синодальная Библія, то объ „исправленіи“ говорить уже не приходится.

Ограничимся только двумя примѣрами. Указывая на подкупность лже-пророковъ, Миха говоритъ: „если имъ суютъ что-либо въ зубы—они проповѣдуютъ миръ“ (стр. 35 нѣмецк. текста); въ русскомъ переводѣ совершенно лишенная смысла фраза: „они грызутъ зубами своими—и проповѣдуютъ миръ“ (43)—буквальная цитата изъ Синодальной Библіи (Миха 3, 5). Рисуя великолѣпіе будущаго Іерусалима, Исаія II говоритъ: „оттони отъ себя всякій страхъ, ибо тебѣ нечего страшиться, и всякій ужасъ, ибо онъ не коснется тебя. Пусть ополчаются противъ тебя полчища—знай, что не *я* ихъ на тебя подвинулъ, и кто противъ тебя ополчится будетъ твоей добычей“ (стр. 138 нѣм. текста). Вмѣсто этихъ яркихъ

строкъ, дышащихъ непоколебимой вѣрой въ незыблемость новаго Іерусалима, мы читаемъ въ русскомъ переводѣ слѣдующія малопонятныя слова: „будешь ты далека отъ угнетенія, ибо тебѣ бояться нечего, и отъ ужаса, ибо онъ не приблизится къ тебѣ. Вотъ будутъ вооружаться противъ тебя, *но не отъ меня*; кто бы ни вооружился противъ тебя, падетъ" (167). Это также дословно по Синодальной Библіи (Исаія 54, 14—15).

Въ число желательныхъ для второго изданія измѣненій надлежитъ включить еще: иное начертаніе тетраграмматона (Іагве, а не Ягве), прописную букву въ словѣ Богъ (даже „универсальный Богъ" Второисаіи пишется „богъ") и снабженіе книги, по образцу нѣмецкаго изданія, предметнымъ указателемъ и заголовками на каждой страницѣ, указывающими содержаніе ея и облегчающими оріентировку.

Издана книга прекрасно, а цѣна ея очень невысока.

M. Buttenwieser, Prof. of the Hebrew Union College, Cincinate. The Prophets of Israel. XXII + 350 p. 2 Doll. Macmillan Company, New York, 1914.

Въ заключеніе настоящаго библіографическаго обзора, отрадно отмѣтить появленіе труда изъ области библейской науки, вышедшаго изъ-подъ пера еврейскаго ученаго. Это тѣмъ болѣе отрадно, что, какъ авторъ указываетъ въ предисловіи, въ американо-еврейскихъ научныхъ кругахъ наблюдается значительное оживленіе интереса къ древнѣйшей еврейской исторіи, въ частности, къ пророчеству, и есть основаніе думать, что въ американскихъ колледжахъ произойдетъ то сочетаніе еврейскаго пониманія первоисточниковъ съ европейскимъ научно-критическимъ методомъ, которое является необходимой предпосылкой возникновенія *еврейской* школы въ области библейской науки.

Предметомъ своего труда проф. Буттенвизеръ избралъ „внутреннюю (inward) религію пророковъ", т. е. непосредственный міръ ихъ религіознаго опыта. Соотвѣтственно этой религіозно-психологической темѣ, авторъ не держится въ своемъ изложеніи историческаго порядка, а исходитъ изъ того пророка, въ которомъ религіозныя переживанія проявляются съ наибольшей, трагической силой—Іеремiи. Ему посвящены почти двѣ трети книги, и въ изображеніи душевной жизни великаго страстотерпца изъ Анатотъ авторъ проявляетъ тонкое ея пониманіе. Короче и болѣе суммарно останавливается онъ на Амосѣ, Гошеѣ, Исаіи и Михѣ. Выдвигая на первый планъ ихъ характеръ, какъ „пророковъ гнѣва", онъ въ то же время отмѣчаетъ, что даже въ Амосѣ—первомъ и наиболѣе послѣдовательномъ изъ „Unheilsprophеten"—живетъ сознаніе объ „остаткѣ", который будетъ пощаженъ (Амосъ 5, 4—6, 15 и др.). Въ вопросахъ литературной критики авторъ стоитъ всецѣло на почвѣ историко-критической школы и возникновеніе монотеизма въ Израилѣ относитъ къ эпохѣ пишущихъ пророковъ. Не впадая въ апологетику, онъ очень опредѣленно высказывается противъ

тѣхъ теченій, которыя выводятъ библейскій профетизмъ изъ египетскихъ и вавилонскихъ прорицаній.

Было бы весьма желательно, чтобы книга эта была переведена на языкъ, доступный большинству еврейской читающей публики.

М. Соловейчикъ.

Казенная фабрика для евреевъ при Александрѣ I.

(**И. Ф. Павловскій.** „Кременчугская фабрика суконодѣлія для евреевъ въ началѣ XIX вѣка". *Голосъ Минувшаго* 1913 г., кн. X).

Первые годы царствованія Александра I ознаменовались кипучей дѣятельностью въ области государственнаго преобразованія. Либеральный тогда монархъ не обошелъ и еврейскаго народа,— и въ ноябрѣ 1802 г., по царскому указу, былъ учрежденъ „комитетъ по благоустройству евреевъ". Ближайшая задача этого комитета состояла въ томъ, чтобы опредѣлить правовое положеніе евреевъ въ государствѣ и намѣтить способы преобразованія ихъ гражданскаго быта. Но рѣшеніе еврейскаго вопроса, хотя бы частичное, въ глазахъ тогдашняго правительства не имѣло самодовлѣющаго значенія. Вокругъ этого вопроса боролись два теченія: одно, въ лицѣ прогрессивнаго государственнаго дѣятеля Сперанскаго, исходило изъ принциповъ гуманности и стремилось открыть евреямъ путь къ широкому развитію и самодѣятельности; другое, въ лицѣ поэта-министра Державина, разсматривало еврейскій вопросъ съ точки зрѣнія „обезвреженія" еврея для коренного населенія и рекомендовало мѣры принудительнаго превращенія еврея въ „полезнаго члена государства". Какъ и слѣдовало ожидать, второе теченіе восторжествовало, ибо оно отвѣчало интересамъ власть имущихъ и помѣщиковъ. Имъ нуженъ былъ козелъ отпущенія для того, чтобы замаскировать собственные грѣхи противъ порабощеннаго крестьянства,—и они нашли его въ лицѣ еврея-шинкаря и арендатора земли *). Поэтому, законъ 1804 г. воспретилъ евреямъ съ января 1808 г. въ деревняхъ и селахъ содержать аренды, шинки, кабаки и постоялые дворы, продавать въ нихъ вина и даже „жить въ нихъ подъ какимъ бы то видомъ ни было, развѣ проѣздомъ".

Но въ видѣ компенсаціи правительство предоставило евреямъ право заниматься земледѣліемъ и переходить на казенныя земли на льготныхъ условіяхъ. Поощрялись также фабричная промышлен-

---

*) Еще въ 1797 г. Павелъ I предписалъ Минскому губернатору доставить „извѣщеніе причинъ бѣднаго крестьянъ состоянія съ изысканіемъ средствъ къ исправленію онаго", а чуткія провинціальныя власти вмѣстѣ съ помѣщиками нашли „причину" въ деревенскомъ евреѣ. См. статью Ю. Гессена въ сборникѣ „Будущности" т. I, за 1900 г. Ср. „Новѣйшая исторія еврейскаго народа" С. М. Дубнова, гл. VI, и литературу къ этой главѣ.

ность и ремесло. Фабриканты и ремесленники освобождались отъ двойной подати, и, сверхъ того, учредителямъ нужнѣйшихъ фабрикъ была обѣщана казенная ссуда.

Если бы тогдашнее правительство было искренне заинтересовано въ благоустройствѣ евреевъ, то послѣдній пунктъ могъ бы со временемъ залѣчить тѣ раны, которыя были нанесены еврейскому организму выселеніемъ изъ деревень,—но правительство осталось вѣрнымъ своей системѣ: оно выжило еврея изъ сельскаго шинкарскаго промысла, а въ дѣлѣ перехода къ болѣе здоровымъ хозяйственнымъ отраслямъ оставило его на произволъ судьбы. Правда, первое время оно еще приходило на помощь переселенцамъ на свободныя земли въ Новороссійскомъ краѣ. Но для переселенія всѣхъ желающихъ потребовались большія средства и напряженный трудъ, къ чему правительство не было подготовлено, или же не имѣло сильнаго желанія. Правительство ожидало отъ еврейскихъ кагаловъ денежной помощи, но кагалы вслѣдствіе общаго экономическаго кризиса не были въ состояніи поддерживать переселенцевъ, и правительство вынуждено было указомъ отъ 6-го апрѣля 1810 г. пріостановить водвореніе евреевъ въ Новороссійскомъ краѣ.

Такъ рухнуло великое начинаніе, которое могло бы имѣть неисчислимыя слѣдствія для русскаго еврейства.

Такая же участь постигла фабрично-промышленное начинаніе эпохи Александра I. И все потому, что правительство разсматривало рѣшеніе еврейскаго вопроса не какъ самоцѣль, а лишь какъ средство извлеченія изъ евреевъ „пользы для государства", точнѣе— для „коренного" населенія. Правда, Державинъ въ своемъ „Мнѣніи" заявляетъ, что „правительства обязаны простирать и о жидахъ свое попеченіе такимъ образомъ, чтобы они и себѣ и обществу, между которымъ водворились, были полезны"; но на дѣлѣ рѣшающее значеніе имѣла только „польза общества", среди котораго евреи водворились. Когда же тотъ или другой экономическій экспериментъ, производимый въ этомъ направленіи, не имѣлъ успѣха, вину сваливали на самихъ евреевъ.

Яркую иллюстрацію этой политики даетъ малоизвѣстный эпизодъ—опытъ учрежденія для евреевъ „школы-фабрики" суконодѣлія въ Кременчугѣ. Архивные матеріалы объ этомъ эпизодѣ опубликованы въ вышеназванной статьѣ И. Ф. Павловскаго, весьма интересной, но односторонне освѣщенной работѣ.

Въ 1809 г. министръ внутреннихъ дѣлъ кн. А. Б. Куракинъ представилъ на Высочайшее разсмотрѣніе докладъ объ открытіи двухъ фабрикъ суконодѣлія, для снабженія сухопутныхъ и морскихъ войскъ сукнами. Въ докладѣ было указано на то великое значеніе для государства, какое имѣетъ заводско-фабричная промышленность, и присовокуплялось, что „дворянство и нѣкоторые фабриканты изъявили готовность завести вновь и распространить старыя суконныя фабрики, иныя съ помощью предназначенной ссуды, а другія безъ оной, собственнымъ коштомъ". По мнѣнію министра, „сія вѣтвь толикой важной государственной промышленности должна

распространяться елико можно раздробительнѣе на сей конецъ". Въ докладѣ предусмотрѣны награды, разныя денежныя пособія и льготы лицамъ, изъявившимъ желаніе заняться фабрично-заводской промышленностью.

„Между сими мѣрами, къ умноженію выдѣлки солдатскихъ суконъ служащими,—говорится далѣе въ докладѣ,—поставилъ я также *въ виду помощь казеннымъ и частнымъ фабрикамъ работниковъ изъ евреевъ*, коихъ по Высочайшему конфирмованному Вашимъ Величествомъ въ 9-й день декабря 1804 г. положенію, по присоединеннымъ отъ Польши губерніямъ, изъ помѣщичьихъ селъ и деревень, корчемъ и шинковъ въ города, мѣстечки и другія земли въ теченіе нынѣшняго и двухъ слѣдующихъ годовъ привести должно. И хотя народу сему взамѣнъ таковыхъ переселеній предоставлены разныя выгоды и преимущества въ заведеніи суконныхъ и другихъ фабрикъ, въ пріобрѣтеніи земель и тому подобное, со льготами и денежной ссудой, чѣмъ желательно нѣкоторые зажиточные и воспользуются, но большая часть ихъ столь бѣдны, что, не имѣя теперь надежнагѡ средства къ пропитанію, пристанища, ни покрова, сами собою ничего на пользу свою предпринять, изъ настоящихъ мѣстъ никуда двигаться не могутъ и предварительно во всемъ требуютъ уже помощи. Слѣдовательно, и предстоитъ теперь правительству забота, *чтобы съ соблюденіемъ казенной пользы* указать евреямъ симъ путь къ перемѣщенію и всегдашнему пропитанію благонадежный".

Мы видимъ, что признавая пагубныя слѣдствія выселенія евреевъ изъ деревень и ту нищету, въ какую ввелъ выселенцевъ законъ 1804 года, правительство приходитъ имъ на помощь постольку, поскольку будетъ соблюдена казенная польза. Открытіе „школы-фабрики" имѣетъ своей цѣлью содѣйствовать частнымъ и казеннымъ фабрикамъ доставленіемъ рабочихъ рукъ.

По проекту кн. Куракина, предполагалось открыть двѣ школы-фабрики, обѣ въ Малороссіи: одну въ Черниговѣ, а другую въ Кременчугѣ. Но Александръ I 11 марта 1809 г. положилъ на докладѣ резолюцію: „учредить для опыта одну изъ сихъ двухъ фабрикъ; выборъ же мѣста для помѣщенія оной предоставить министру внутреннихъ дѣлъ сдѣлать это по удобности". Кн. Куракинъ избралъ г. Кременчугъ по слѣдующимъ соображеніямъ. „Въ Полтавской губерніи въ то время было 1.343,029 душъ обоего пола, въ томъ числѣ евреевъ 2,032 души мѣщанъ и 82 купца,—всего 2,114 душъ. Изъ этого числа 530, т. е. $^1/_4$ часть всего населенія еврейскаго, жила въ Кременчугѣ, чему способствовало положеніе на большой рѣкѣ и развитіе торговли". Фабрика была оборудована для 40 семействъ. Жили они въ казенныхъ зданіяхъ. Всѣ евреи съ ихъ семьями пользовались содержаніемъ отъ казны, взрослымъ выдавали кормовыхъ по 12 коп. въ сутки, а малолѣтнимъ по 6 коп. Получали еще деньги на одежду. Евреи, поступившіе на фабрику, переименовывались „въ казенныхъ мастеровыхъ суконщиковъ" и, пока были на фабрикѣ, освобождались отъ всѣхъ податей и военнаго постоя. Послѣ обученія,—а для этого считалось

достаточнымъ пробыть на фабрикѣ одинъ годъ,—евреи должны были выбрать для своего поселенія городъ или мѣстечко въ Малороссіи и заняться суконодѣліемъ. Они получали въ теченіе мѣсяца, пока устроятся, кормовыя деньги и сто руб. на обзаведеніе.

„Надо сказать, что фабрика была оборудована учащимъ персоналомъ и инструментами хорошо. Казна издерживала 3,290 руб. асс. въ годъ на содержаніе персонала. Было изготовлено 40 становъ стоимостью въ 5,204 руб. 77½ коп. Евреи ткали сукно (суровье), которое продавалось комиссаріату". Въ началѣ занятія евреевъ на фабрикѣ шли успѣшно, о чемъ доноситъ Полтавскому губернатору помощникъ инспектора фабрики. Онъ писалъ, что 9 семействъ совсѣмъ выучились суконодѣлію и могутъ быть отпущены изъ фабрики, „ибо немного остается знаніе ихъ усовершенствовать, а прочіе должны еще остаться".

Насколько „училище-фабрика" была въ началѣ популярна среди евреевъ, показываютъ слѣдующія цифровыя данныя, приводимыя авторомъ вышеупомянутой статьи. Все еврейское населеніе г. Кременчуга въ началѣ XIX вѣка состояло изъ 530 душъ обоего пола. Въ декабрѣ 1809 г. на фабрикѣ находилось 30 семействъ или 153 души обоего пола; въ 1810 г. въ февралѣ было 40 сем., а въ апрѣлѣ 232 души обоего пола, т. е. почти половина населенія евреевъ г. Кременчуга.

О режимѣ, существовавшемъ на фабрикѣ, г. Павловскій почему-то ничего не говоритъ. Но тѣ данныя, которыя имѣются въ приводимыхъ авторомъ архивныхъ документахъ свидѣтельствуютъ, что режимъ былъ суровый, крѣпостной. Раньше было указано, что поступившіе на фабрику евреи переименовались въ „казенныхъ мастеровыхъ суконщиковъ". Значитъ, и они подвергались дисциплинѣ, примѣняемой къ казеннымъ крестьянамъ-мастеровымъ. Затѣмъ, Малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Лобановъ-Ростовскій, какъ онъ самъ выразился въ письмѣ отъ 13 апрѣля 1811 г. къ помощнику инспектора фабрики, давно разрѣшилъ употреблять при помощи полиціи тѣлесныя наказанія. Къ тому же надо принять во вниманіе, что отношеніе высшихъ классовъ къ евреямъ было тогда весьма недружелюбное. Напр., Могилевскій губернаторъ Каховскій въ своей запискѣ выразился: „что еврей—то новый обманъ"; Державинъ даже сомнѣвался въ томъ, могутъ ли быть евреи полезными государству. Само мѣстное населеніе едва ли питало добрыя чувства къ евреямъ: вѣдь Полтавская губернія служила мѣстомъ, гдѣ вербовались шайки Гонты, Желѣзняка и другихъ громилъ всего на нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше. Такимъ образомъ, между администраціей фабрики, состоявшей исключительно изъ христіанъ, и рабочими-евреями, по всей вѣроятности, происходили недоразумѣнія, что вызвало бѣгство нѣкоторыхъ евреевъ изъ фабрики. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, съ 1809 по 1811 г., изъ фабрики сбѣжало 81 мужч. и 68 женщ.

Г. Павловскій объясняетъ причину бѣгства тѣмъ, что „евреямъ вообще не нравилась работа на фабрикѣ, ихъ тянуло къ торговлѣ". На нашъ взглядъ подобное объясненіе является одностороннимъ,

ибо мы видимъ, что во второмъ году существованія фабрики тамъ работала почти половина еврейскаго населенія Кременчуга. Скорѣе всего причина бѣгства лежала въ суровомъ режимѣ,—не поддававшіеся дисциплинѣ уходили изъ фабрики. О режимѣ говоритъ и тотъ фактъ, что бѣжали въ ночное время—значитъ, поступившій неволенъ былъ уйти.

Вскорѣ, однако, кременчугская фабрика подверглась преобразованію. Генералъ-губернаторъ Лобановъ-Ростовскій внесъ въ комитетъ по мануфактурной части проектъ преобразованія, который былъ Высочайше утвержденъ. Взамѣнъ суконодѣльной фабрики была учреждена прядильная, въ которой поставлено только 10 становъ; остальные станы должны были прясть пряжу и снабжать ею нѣмецкія колоніи въ Полтавѣ, Кременчугѣ и Константиноградѣ. За эту работу платили: за 1 фунтъ пряжи—5 коп., за основу—8 коп., заческу 1 фунта шерсти—3 коп., за стрижку верховъ—24 коп. съ пуда, а за тканье суровья—27 коп. съ аршина. Вырабатываемой за пряжу платой евреи и должны были содержать себя, а кормовыя деньги съ 1 января 1811 года больше не выдавались.

Г. Павловскій не объясняетъ причины преобразованія фабрики, но мы склонны думать, что правительство не пожелало тратить больше денегъ на это учрежденіе. Вѣдь одинъ только учащій персоналъ стоилъ 3,240 руб.; къ этому надо добавить расходы по содержанію зданія школы и жившихъ тамъ семействъ. Какъ бы успѣхи учащихся ни были велики, расходовъ они не могли покрывать, и казнѣ приходилось тратить большія суммы изъ своихъ средствъ. Новымъ законопроектомъ правительство избавилось отъ расходовъ по содержанію жившихъ на фабрикѣ.

Новое распоряженіе поставило евреевъ, находившихся на фабрикѣ въ весьма затруднительное положеніе. На свои заработки они не могли существовать и должны были обратиться къ помощи кременчугскаго кагала. Помимо этого, новый порядокъ поставилъ евреевъ въ полнѣйшую экономическую зависимость отъ нѣмецкихъ фабрикатовъ. По проекту кн. Куракина, окончившій курсъ ученія могъ себѣ избрать мѣстожительство гдѣ угодно и изготовлять сукно для продажи, такъ что его трудъ оплачивался рыночной цѣной, а въ утвержденномъ проектѣ Лобанова-Ростовскаго прямо говорилось: „чтобы эта прядильня снабжала всѣ ткацкіе станы иностранныхъ суконщиковъ *). Тогда и началось бѣгство изъ фабрики. Вотъ интересныя цифровыя данныя, приводимыя г. Павловскимъ. Въ апрѣлѣ 1810 г. на фабрикѣ было 232 души, изъ нихъ на разныхъ работахъ было 148 чел.; въ 1811 году, т. е. въ томъ году, когда прекратили выдавать кормовыя деньги, было 180 чел., изъ нихъ работало 70 чел.; въ 1813 году было 108 чел., изъ нихъ работало 37 чел.; въ 1814 году было 37 чел.; въ 1816 году мужч. было 33, а женщинъ 70; въ 1817 году было 55 душъ и работало два стана.

*) Г. Павловскій почему-то на этомъ явленіи не остановился, а прямо говоритъ, что евреямъ не нравилась работа на фабрикѣ, ихъ влекло къ торговлѣ. Второй причиной онъ считаетъ прекращеніе выдачи кормовыхъ денегъ.

Кн. Лобановъ-Ростовскій полагалъ, что бѣгство изъ фабрики вызвано нежеланіемъ евреевъ работать, и велѣлъ принять строгія мѣры. Въ этомъ отношеніи весьма интересно его письмо къ помощнику инспектора фабрики Стрижевскому отъ 13 апрѣля 1811 г. „Къ искорененію лѣности, къ коей привыкли всѣ евреи при прядильной фабрикѣ находящіеся, увѣренъ, что единое и сущее средство быть-можетъ строгое взысканіе обязанности ихъ, къ чему потребны не слова, а сильныя дѣйствія, каковы суть тѣлесныя наказанія, кои я давно разрѣшилъ вамъ употреблять съ номощью полиціи; нынѣ же, чтобы еще лучше изобличить негодное сихъ людей свойство и что и сущей пользы своей не рады, если хоть мало потрудиться о ней должно, предписываю за заработку ихъ производить плату, какъ значитъ ниже сего, именно,—за полтора фунта основы 12 к., за фунтъ утока 5 к., за полпуда спущенныхъ верховъ шерсти 12 к. и поелику сей платой могутъ они, если потрудятся, вырабатывать въ день всякій больше двѣнадцати коп., суммы, прежде ими получаемой, то всякое новое недовольствіе и домогательство ихъ должно быть признано утвержденіемъ праведнаго заключенія моего, что обращаться должно съ ними соотвѣтственно нерадѣнію ихъ и какъ съ ослушниками. Согласно чему рекомендую вамъ неослабно и... представляю вамъ расположить разборку шерсти на престарѣлыхъ и малолѣтнихъ съ платой отъ вѣса, который бы соотвѣтствовалъ цѣнѣ шестикопеечной на каждаго въ сутки изъ упомянутыхъ людей, и симъ положеніемъ руководствоваться до установленія предполагаемыхъ для основъ машинъ“.

Итакъ, по новому порядку работали и старики, и дѣти, а по порядку, установленному кн. Куракинымъ, дѣти и старики освобождались отъ работы.

Рекомендованныя Лобановымъ-Ростовскимъ репрессивныя мѣры явились какъ бы отвѣтомъ на выступленіе кременчугскаго кагала въ защиту интересовъ евреевъ, очутившихся въ критическомъ положеніи вслѣдствіе прекращенія выдачи кормовыхъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1811 г. кременчугскій кагалъ донесъ Полтавскому губернатору Бравину о томъ, что евреи не получаютъ кормовыхъ денегъ, какъ это имъ обѣщалъ бывшій губернаторъ Казаковскій, и потому теперь бѣдствуютъ; они не могутъ прокормить себя, а дѣти ихъ впадаютъ въ болѣзнь. „На все это еврейское общество взираетъ соболѣзнуя и по своему закону снабжаетъ евреевъ пропитаніемъ и, если бы оно такъ не поступило, то евреи, жившіе на фабрикѣ, вслѣдствіе нынѣшней дороговизны давно уморены были бы отъ голода. Въ виду этой помощи евреямъ, живущимъ на фабрикѣ, онъ (кагалъ) лишенъ возможности платить въ казну подати и рекрутскія деньги“. Въ заключеніе кагалъ ходатайствуетъ предъ генералъ-губернаторомъ о разрѣшеніи отпуска евреямъ за недѣлю до праздника (Пасхи), чтобы они могли заработать, дабы, какъ по еврейскому закону слѣдуетъ, приготовить особую пищу.

Въ отвѣтъ на это Кременчугскій кагалъ получилъ черезъ губернатора Бравина слѣдующее: „Генералъ-губернаторъ приказалъ объявить еврейскому кагалу свое недовольствіе видѣть оный участ-

никомъ въ соблазнѣ людей развращенныхъ, каковые евреи при прядильной кременчугской школѣ находящіеся, ибо положеніе сихъ людей, какъ и то, что требуютъ отъ нихъ, ему извѣстны и согласны съ пользой ихъ, но лѣнь и ослушность, подстрекаемая извѣстными бездѣльниками, развращая ихъ, лишаетъ ихъ внять приказаніямъ. Къ приведенію того въ желаемый порядокъ возьмутся строгія мѣры надъ ними и ослушивающими, и что то—дѣло его, генералъ-губернатора, а ни чье-либо, о чемъ и предупреждаетъ кагалъ для собственнаго его охраненія".

Г. Павловскій упрекаетъ кременчугскій кагалъ въ томъ, что онъ пытался воспользоваться выдачею пособій своимъ собратіямъ, чтобы освободиться отъ налоговъ. Но въ сущности кагалъ былъ правъ: находившіеся на фабрикѣ, вѣдь, освобождались отъ всякихъ податей, и еще кагалу приходилось помогать имъ прокормленіемъ; принимая же во вниманіе всеобщій экономическій кризисъ, можно считать весьма вѣроятнымъ, что у кагала нечѣмъ было платить налоги.

Принятыя администраціей строгія мѣры оказали обратное дѣйствіе, съ каждымъ годомъ рабочихъ евреевъ становилось все меньше и меньше. Фабричной администраціи пришлось пополнить число рабочихъ „колодниками"—арестантами, которые должны были отработать украденное ими. Въ моментъ закрытія фабрики, евреевъ было 9 человѣкъ, которыхъ приказано было отпустить на волю. 16 апрѣля 1817 г., по предписанію тогдашняго генералъ-губернатора кн. Репнина, фабрику закрыли, нѣкоторыя зданія были переданы военному вѣдомству, а остальныя Кременчугской Городской думѣ.

Въ заключеніи своей статьи г. Павловскій говоритъ, что фабрика не имѣла успѣха оттого, что евреи не сочувствовали этому занятію. На нашъ взглядъ, это мнѣніе слишкомъ одностороннe. Вѣдь по проэкту Лобанова-Ростовскаго въ рабочихъ брали не только евреевъ, но и „другихъ классовъ людей", т. е. и христіанъ, а все-таки фабрику пришлось закрыть за неимѣніемъ рабочихъ рукъ. Это обстоятельство ясно говоритъ за то, что другія причины воспрепятствовали успѣху этого начинанія,—причины, о которыхъ мы раньше говорили.

І. Крашинскій.

Новыя книги:

Юлій Гессенъ. Исторія еврейскаго народа въ Россіи. Въ двухъ томахъ. Томъ первый. Съ иллюстраціями и картами. Петроградъ (1916.) 412 + VI стран. Ц. 4 руб.

Г. М. Барацъ. Источники Слова о Законѣ и благодати и Евангелистой Пѣсни. Къ вопросу о еврейскомъ элементѣ въ древне-русской литературѣ. Кіевъ, 1916. 61 стран.

М. С. Крайновичъ. Въ щупальцахъ жизни. Еврейскіе разсказы. Петроградъ, 1916. 247 стран. Ц. 1 р. 25 к.

Извѣстія Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

По случаю 25-лѣтія своей научно-литературной дѣятельности, членъ нашего Общества, д-ръ Самуилъ Абрамовичъ Вайсенбергъ изъ Елисаветграда, предоставилъ въ распоряженіе Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества сумму въ 300 рублей, для выдачи преміи въ этомъ размѣрѣ за „Краткую еврейскую исторію" на русскомъ языкѣ, для учениковъ еврейскихъ народныхъ училищъ и талмудъ-торъ.

УСЛОВІЯ КОНКУРСА:

1) Въ книгѣ должна быть кратко изложена вся еврейская исторія отъ древнихъ временъ до конца XIX вѣка.

2) Размѣръ ея долженъ быть не болѣе 20 печатныхъ листовъ.

3) Книга должна быть написана легкимъ языкомъ и быть доступной дѣтямъ перваго школьнаго возраста.

4) Книга должна быть снабжена достаточнымъ количествомъ рисунковъ, иллюстрирующихъ жизнь евреевъ во всѣхъ странахъ, портретами выдающихся дѣятелей, а также картами Палестины и странъ разсѣянія.

5) Срокъ для представленія сочиненія въ рукописи или печатномъ видѣ—1 іюля 1917 года.

6) Работы на эту премію должны быть посланы по адресу: Комитетъ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества (Петроградъ, Захарьевская, 25, кв. 14), при запечатанномъ конвертѣ съ фамиліей автора и девизомъ, имѣющимся и на работѣ.

По случаю смерти поэта *С. Г. Фруга* въ Одессѣ (7 сентября 1916 г.), Комитетъ отправилъ на имя X. Н. Бялика слѣдующую телеграмму:

„Потрясенный вѣстью о кончинѣ Фруга, пѣвца былой славы Израиля и современной его скорби, Комитетъ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества присоединяется къ оплакивающимъ тяжелую утрату нашей литературы". *Дубновъ*.

Изъ исторіи восьмидесятыхъ годовъ.

VII *).

Паленская комиссія и усиленіе безправія (1883—1889).

Издавъ „Временныя правила“ 1882 года, какъ чрезвычайную мѣру, внѣ законодательнаго порядка, правительство сознавало, однако, что ему раньше или позже придется поставить еврейскій вопросъ въ обычномъ порядкѣ—передъ Государственнымъ Совѣтомъ. Для этой цѣли надо было подготовить матеріалъ болѣе доброкачественный, чѣмъ тѣ „труды“ Игнатьевскихъ губернскихъ комиссій и „Центральнаго комитета“, которые составляли только часть погромной политики уволеннаго министра. Еще наканунѣ изданія „Временныхъ правилъ“, Комитетъ министровъ указалъ царю на необходимость учрежденія „особой высшей комиссіи“ по еврейскому вопросу, которая подготовила бы законопроектъ для Государственнаго Совѣта **). Эта мысль была осуществлена 4 февраля 1883 г., когда высочайшимъ повелѣніемъ была учреждена „Высшая Комиссія для пересмотра дѣйствующихъ законовъ о евреяхъ“. Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ, а вслѣдствіе его скорой смерти—бывшій министръ юстиціи графъ Паленъ, который руководилъ занятіями комиссіи во всѣ пять лѣтъ ея существованія (отсюда обычное названіе—„Паленская Комиссія“). Въ составъ Комиссіи вошли шесть чиновниковъ различныхъ департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ и по одному чиновнику отъ министерствъ финансовъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ и иностранныхъ дѣлъ, а также нѣкоторые временно приглашенные

*) См. „Евр. Стар.“ 1916 г., вып. I.

**) Справка къ докладу по еврейскому вопросу, вып. II, стр. 20—21 (изд. Совѣта Объедин. дворянства).

„свѣдущіе люди“. Новому бюрократическому учрежденію не былъ назначенъ опредѣленный срокъ для окончанія своихъ работъ; ему, повидимому, дали понять, что порученное ему дѣло терпитъ отлагательство. Первое засѣданіе Высшей Комиссіи состоялось только спустя десять мѣсяцевъ послѣ указа объ ея учрежденіи, а затѣмъ занятія подвигались крайне медленно, подъ покровомъ канцелярской тайны. Въ теченіе ряда лѣтъ Высшая Комиссія разбиралась въ печальномъ наслѣдіи бывшихъ „губернскихъ комиссій“—ворохахъ бумагъ съ самыми дикими проектами рѣшенія еврейскаго вопроса—и старалась систематизировать эти матеріалы. Она принимала также записки по еврейскому вопросу со стороны и, между прочимъ, отъ еврейскихъ общественныхъ дѣятелей (главнымъ образомъ черезъ барона Г. Гинцбурга), старавшихся правильно освѣтить различныя стороны вопроса. Только послѣ четырехъ лѣтъ изученія матеріала, Комиссія приступила къ составленію своего заключенія, которое такъ и не вылилось въ форму законопроекта—по причинамъ, о которыхъ рѣчь будетъ дальше *).

Пока Комиссія „пересматривала“ законы о евреяхъ, то есть повторяла Сизифову работу десятковъ прежнихъ однородныхъ созданій бюрократіи, реакціонное правительство Д. А. Толстого производило свою энергичную работу разрушенія еврейской жизни путемъ безконечнаго умноженія ограничительныхъ законовъ, издававшихся обыкновенно „внѣ закона“, т. е. безъ предварительнаго обсужденія въ Государственномъ Совѣтѣ, въ видѣ высочайше утвержденныхъ „мнѣній Комитета министровъ“. Правительство не считало нужнымъ дожидаться результатовъ имъ же предпринятаго пересмотра законодательства о евреяхъ и съ жаромъ принялось ковать новыя цѣпи для порабощеннаго народа. Такимъ образомъ, Высшая Комиссія въ теченіе ряда лѣтъ служила лишь ширмою для прикрытія жестокихъ экспериментовъ власти: тамъ высшіе сановники и чины министерствъ предавались размышленіямъ о еврейскомъ вопросѣ и придумывали способы его рѣшенія въ будущемъ, а тутъ министры уже рѣшали его въ дѣйствительной жизни въ духѣ крайней юдофобіи.

Сверху шли вѣянія, безусловно неблагопріятныя. Запоздалая коронація Александра III въ маѣ 1883 г., принесшая въ традиціонномъ манифестѣ льготы и облегченія разнымъ слоямъ населе-

*) Проектъ общей записки Высшей Комиссіи по пересмотру дѣйствующихъ о евреяхъ въ имперіи законовъ, стр. 175, 251, сл. Ср. „Евр. Стар.“ I, 88 сл. (1909 г.).

нія, ничего не принесла евреямъ. Въ высшихъ сферахъ внимательно прислушивались къ голосамъ тѣхъ усердныхъ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, которые въ своихъ „всеподданнѣйшихъ отчетахъ“ развивали модную идею о „вредности“ еврейства; часто на этихъ отчетахъ дѣлались помѣтки, имѣвшія значеніе руководящихъ резолюцій. Одесскій генералъ-губернаторъ Гурко доносилъ въ началѣ 1883 г. о чрезмѣрномъ ростѣ числа учениковъ-евреевъ въ гимназіяхъ и о „вредномъ вліяніи“ ихъ на товарищей-христіанъ, причемъ предлагалъ установить ограниченную процентную норму для пріема евреевъ; государь на этомъ отчетѣ написалъ: „Я раздѣляю это убѣжденіе, на это необходимо обратить вниманіе“ *). Комитетъ министровъ „обратилъ вниманіе“, но медлилъ разсмотрѣніемъ вопроса по существу, полагая подготовить его для законодательнаго рѣшенія въ обычномъ порядкѣ. Когда же провинціальные администраторы (одесскій генералъ-губернаторъ и харьковскій губернаторъ) и въ отчетахъ слѣдующаго года напомнили о необходимости введенія учебной нормы, царь сдѣлалъ болѣе рѣшительную помѣтку: „Вопросъ, который желательно было бы рѣшить окончательно“ **). Тогда и Комитетъ министровъ окончательно проникся убѣжденіемъ, „что возрастающій наплывъ въ учебныя заведенія нехристіанскаго элемента оказываетъ самое вредное, въ нравственно - религіозномъ отношеніи, вліяніе на христіанскихъ дѣтей“. Вопросъ былъ переданъ для обсужденія въ Высшую Комиссію графа Палена, министра народнаго просвѣщенія заставили наскоро изготовить проектъ въ духѣ упомянутой резолюціи, и скоро поспѣлъ новый плодъ бюрократическаго творчества—„учебная норма“, занявшая впослѣдствіи видное мѣсто въ системѣ репрессивныхъ мѣръ противъ евреевъ въ Россіи ***).

Въ центрѣ этой системы по прежнему оставались запреты, касающіеся жительства и передвиженія, часто равносильные запрещенію жить, лишенію источниковъ существованія. Въ эту область майскія „Временныя правила“ внесли большое разнообразіе юридическихъ пытокъ. Правила запрещали евреямъ на будущее время „вновь“ селиться внѣ городовъ, но оставляли на мѣстахъ жителей, поселившихся до 1882 года. Эти-то деревенскіе старожилы мозолили

*) Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ (оффиц. изд. 1902 г.), т. IV, стр. 435.

**) Тамъ-же. Ср. Познеръ. „Евреи въ общей школѣ (Спб. 1914 г). стр. 58—59.

***) О ходѣ дѣла см. Георгіевскій, „Докладъ по вопросу объ образованіи евреевъ“ (Спб. 1886; оффиц. изданіе).

глаза юдофобамъ, мечтавшимъ о внезапномъ исчезновенiи еврейскаго элемента изъ русской деревни,—и вотъ пошли въ ходъ административныя мѣры выживанiя евреевъ изъ деревень. Выше уже говорилось (гл. V) о старанiяхъ властей и конкуррентовъ-христiанъ выселять евреевъ, какъ „порочныхъ членовъ“ сельской общины, силою крестьянскихъ приговоровъ. Былъ придуманъ еще способъ вытѣсненiя: деревенскаго еврея, отлучившагося на нѣкоторое время въ городъ, полицiя часто не пускала обратно въ деревню, какъ „вновь поселяющагося“. Бывали примѣры, что еврейскiя семейства, уѣзжавшiя по обычаю изъ деревни въ сосѣднiй городъ на большiе праздники для участiя въ синагогальномъ богослуженiи, встрѣчали препятствiя при возвращенiи домой, которое истолковывалось какъ „новое водворенiе“. Въ кiевской сатрапiи юдофоба Дрентельна администрацiя разъяснила „Временныя правила“ въ томъ смыслѣ, что евреямъ запрещается переселенiе изъ одной деревни въ другую и даже изъ одного дома въ другой въ предѣлахъ родной деревни (циркуляръ черниговскаго губернатора, 1883 г.). Полицiи было еще предоставлено право выселить изъ деревень всѣхъ евреевъ, которые не имѣли тамъ собственныхъ домовъ на собственной землѣ, такъ какъ такiя лица по истеченiи срока найма должны были бы заключить съ владѣльцемъ новый арендный договоръ, что запрещено правилами 3-го мая. На основанiи такихъ завѣдомо ложныхъ толкованiй закона, подлежало выселенiю въ Черниговской и Полтавской губернiяхъ до 10 тысячъ евреевъ, которые въ деревняхъ обыкновенно проживали въ наемныхъ домахъ или въ своихъ, построенныхъ на крестьянской землѣ. Вопль несчастныхъ, которымъ грозило изгнанiе въ зимнее время, былъ услышанъ не въ близкомъ Кiевѣ, а въ далекомъ Петербургѣ, куда они обратились съ жалобою въ сенатъ. Указомъ сената (янв. 1884) этотъ административный разгромъ былъ прекращенъ: выселенiе прiостановилось послѣ того, какъ значительное число семействъ было уже изгнано и разорено *).

Однако другiя репрессiи, построенныя на фундаментѣ „Временныхъ правилъ“, остались въ силѣ,—между прочимъ и запрещенiе переселиться изъ одной деревни въ другую, хотя бы сосѣднюю, вслѣдствiе чего сельскiе евреи оказались прикрѣпленными къ мѣстамъ жительства. Эта жестокая практика администрацiи

*) „За прошлый годъ“—годовые обзоры въ первыхъ книжкахъ „Восхода“ за 1884—1889 гг.,—въ частности: 1884 г. кн. I, стр. 27, 30—31, 36—37; 1885 г. кн. I, 47 сл.

была закрѣплена закономъ 29 декабря 1887 г. „Это означало,— говоритъ современникъ,—что если выгоритъ село, въ которомъ жили евреи, или закроется фабрика, на которой они работали, евреи обязательно должны перебраться въ города и мѣстечки, не имѣя права искать себѣ пристанища и заработка въ другихъ сельскихъ мѣстностяхъ. Точно также дѣти лишены возможности пріютить у себя овдовѣвшую мать или одряхлѣвшихъ родителей, живущихъ въ другомъ селѣ; сынъ, проживающій не въ одномъ селеніи съ отцомъ, не можетъ вступить въ завѣдываніе оставленнымъ имъ торговымъ или промышленнымъ заведеніемъ. Еврей лишенъ даже права управленія домомъ, доставшимся ему отъ родителей, проживавшихъ въ другомъ селеніи, въ предѣлахъ черты" *). Вся эта сѣть ограниченій, разорявшая еврея, приносила обильные доходы полицейскимъ властямъ, отъ высшихъ до низшихъ. Только взятка—россійскій Habeas corpus act—спасала гонимаго еврея отъ произвола и насилія администраціи при примѣненіи ограничительныхъ законовъ, и власти цѣпко держались за еврейское безправіе, какъ за свою бенефицію. Ненависть къ евреямъ во всѣ времена соединялась съ любовью къ еврейскимъ деньгамъ.

Сѣть репрессій для ловли еврея была еще шире раскинута внѣ черты осѣдлости. На всемъ пространствѣ Россіи, внѣ 15 западныхъ губерній и Царства Польскаго, была разбросана горсть привилегированныхъ евреевъ, допускавшихся на жительство „внѣ черты": лица съ высшимъ образованіемъ, купцы первой гильдіи послѣ долгаго купеческаго стажа въ „чертѣ", и ремесленники, занимающіеся только своимъ ремесломъ. Напоръ „безправныхъ" евреевъ въ эту запретную область сдерживался самыми суровыми мѣрами. Примѣръ усердія въ этомъ отношеніи показала столица—„окно въ Европу", прорубленное Петромъ I. Въ Петербургъ, гдѣ легально жили два десятка тысячъ привилегированныхъ евреевъ, стремились массы „нелегальныхъ" съ самыми преступными намѣреніями: заниматься скромной торговлей безъ уплаты тысячныхъ гильдейскихъ пошлинъ за право жительства, заниматься наукой или литературой безъ диплома высшаго учебнаго заведенія въ карманѣ. Число такихъ безправныхъ, легализовавшихся только фиктивно въ качествѣ ремесленниковъ или служителей у „привилегированныхъ", было весьма значительно, и на яростную борьбу съ ними полиція тратила много силъ. Прославившійся своей полицейской жестокостью петербургскій градона-

*) „Восходъ" 1891 г., кн. II, стр. 40 (II отд.).

чальникъ Грессеръ, сдѣлалъ своей спеціальностью охоту на евреевъ. Обозрѣватель событій за 1883 годъ такъ изображаетъ подвиги столичной полиціи: „Походъ былъ предпринятъ въ самомъ началѣ новаго года и продолжался непрерывно до конца его. Было сдѣлано въ началѣ марта распоряженіе по городской полиціи о строжайшей провѣркѣ документовъ и квартиръ еврейскихъ, при участкахъ (полицейскихъ) заведены особенныя для евреевъ книги, и началось очищеніе Петербурга отъ докучливаго племени. Пріемы употреблялись уже не новые, хорошо испытанные и въ другихъ городахъ. Дѣлались облавы по всѣмъ правиламъ, захваченные евреи съ сомнительными правами на пребываніе въ столицѣ, нерѣдко семействами, препровождались прямо на вокзалъ соотвѣтственной желѣзной дороги подъ конвоемъ полицейскихъ чиновъ... Время и сроки выѣзда отмѣрялись на часы: давалось то 24 часа, то 48 и т. д., точно рѣчь шла о приведеніи въ исполненіе приговора военно-полевого суда. А между тѣмъ высылались большею частью лица, уже много лѣтъ жившія въ Петербургѣ, успѣвшія обзавестись хозяйствомъ и дѣлами, которыя никакъ нельзя было ликвидировать въ 24 часа... Послѣдствіемъ подобной спѣшной высылки изъ столицы были многочисленные случаи перехода въ христіанскія вѣроисповѣданія... Забавны ходившіе по городу разсказы о томъ, какъ лица, пожелавшія перейти въ лоно церкви, испрашивали разрѣшенія оставаться въ столицѣ въ теченіе одной или двухъ недѣль, которыя по закону необходимы для предварительнаго наставленія въ истинахъ новой вѣры, и какъ полиція ни за что не соглашалась, находя, вѣроятно, что получать наставленія можно и въ предѣлахъ черты осѣдлости *)...

Фиктивное крещеніе, позорное само по себѣ, являлось сравнительно рѣдкимъ средствомъ въ борьбѣ съ насиліемъ. Обыкновенно „обходъ закона“ совершался путемъ фикцій безвредныхъ, но унизительныхъ и трагическихъ. Многіе пріѣзжіе привозили съ собою въ Петербургъ ремесленныя свидѣтельства и прописывались въ качествѣ подмастерьевъ при мастерской какого-нибудь „полноправнаго“ еврея-ремесленника; но стоило полиціи зайти въ мастерскую и не застать тамъ фиктивнаго подмастерья за работою — и онъ подвергался немедленному изгнанію, причемъ и хозяину мастерской грозила большая опасность. Нѣкоторые, для полученія права жительства, зачислялись лакеями при евреяхъ-врачахъ или адвокатахъ (по закону еврей съ университетскимъ дипломомъ пер-

*) „Восходъ“ 1884 г. кн. I, 33 („За прошлый годъ“).

вой степени могъ держать при себѣ двухъ „домашнихъ служителей“ изъ своихъ соплеменниковъ). Этихъ служителей часто призывали въ полицейскій участокъ и допрашивали, каковъ родъ ихъ службы, на что приходилось отвѣчать: „чищу сапоги барину, ношу за нимъ портфель въ судъ“ и т. п. На такихъ „лакейскихъ“ правахъ долго жили въ Петербургѣ нѣкоторые выдающіеся еврейскіе писатели,— среди нихъ и талантливый молодой поэтъ С. Г. Фругъ, пѣвецъ еврейскаго горя, сразу занявшій тогда видное мѣсто и въ еврейской, и въ русской литературѣ *). Положеніе такихъ лицъ было, конечно, крайне шатко: въ любой день на ихъ паспортѣ могъ появиться полицейскій красный штампъ съ приказомъ о выѣздѣ изъ столицы въ 24 часа. Всю Россію обошелъ тогда разсказъ о молодой еврейкѣ, которая, пріѣхавъ въ Петербургъ или Москву для поступленія на высшіе женскіе курсы, вынуждена была для полученія права жительства фиктивно записаться проституткой и взять „желтый билетъ“; когда полиція обнаружила, что молодая дѣвушка занимается наукою, а не своимъ оффиціальнымъ ремесломъ, ее изгнали изъ столицы.—При расправѣ съ евреемъ не останавливались и передъ актомъ международнаго неприличія. Въ 1886 г. въ Англіи произвела очень дурное впечатлѣніе высылка полиціей изъ Москвы извѣстнаго члена англійскаго парламента, банкира Самуила Монтэгю. Знатный иностранецъ былъ выдворенъ изъ русской столицы „въ 24 часа“, какъ уличный бродяга.

Всѣ эти трагедіи не смущали творцовъ и слугъ инквизиціи безправія. Энергія властей уходила главнымъ образомъ на борьбу съ естественною—а по русскому кодексу „противозаконною“—борьбою евреевъ за свое существованіе, съ священнымъ правомъ человѣка на свободное передвиженіе. Нарушающій это священное право, безпощадный lex-crimen заставлялъ гнать людей изъ однихъ городовъ въ другіе, изъ деревень въ города. Въ гнѣздѣ правящей юдофобіи, Кіевѣ, не прекращались „облавы“ на безправныхъ. За одинъ 1886 годъ изъ города были изгнаны болѣе двухъ тысячъ семействъ. Это усиленіе репрессій объясняли местью со стороны высшей администраціи края, представитель которой поссорился съ мѣстнымъ богачемъ-евреемъ. Не довольствуясь выселеніемъ евреевъ изъ запретныхъ городовъ, правительство придумывало способы расширенія запретной полосы и включало въ нее такія мѣста,

---

*) Фругъ, Два генерала: страничка воспоминаній (еженед. журн. „Еврейская Жизнь“ 1915 г., № 14). См. дальше, въ статьѣ „Воспоминанія С. Г. Фругѣ“.

которыя раньше входили въ районъ еврейской осѣдлости. Въ 1887 г. большіе южные города Ростовъ на Дону и Таганрогъ были по высочайшему повелѣнію перечислены изъ губерній черты осѣдлости въ закрытую для евреевъ Область Войска Донского, причемъ ранѣе жившимъ тамъ евреямъ разрѣшалось оставаться, но вновь селиться было строжайше запрещено *).

Все болѣе съуживая территорію, гдѣ задыхалось еврейское населеніе, правительство принимало также непосредственныя мѣры къ съуженію *экономической* сферы его дѣятельности. Здѣсь откровенно выставлялась средневѣковая сословно-цеховая догма: нужно отнять данную профессію у еврея для того, чтобы она досталась христіанину. При Александрѣ II правительство поощряло распространеніе среди евреевъ ремеслъ насчетъ торговли и предоставило ремесленникамъ право повсемѣстнаго жительства. А при Александрѣ III издается указъ (1884) о закрытіи въ Житомірѣ еврейскаго ремесленнаго училища, просуществовавшаго 23 года. Этотъ актъ мотивируется съ поразительною откровенностью: „Такъ какъ въ городахъ и мѣстечкахъ юго-западнаго края евреи доставляютъ большинство рлмесленныхъ рукъ и этимъ мѣшаютъ развитію ремесленнаго труда среди коренного населенія края, эксплоатируемаго ими, то спеціально-еврейское ремесленное училище, при отсутствіи подобныхъ училищъ у христіанъ, является лишнимъ орудіемъ въ рукахъ евреевъ для эксплоатаціи коренного населенія края“ **). Тутъ изученіе ремесла объявлено орудіемъ „эксплоатаціи“, что ярко освѣщаетъ истинный смыслъ этого изобрѣтеннаго правительствомъ страшнаго слова: еврей является „эксплоататоромъ“, поскольку онъ занимается тою профессіей, хотя бы честной и производительной, которою могъ бы заниматься христіанинъ на его мѣстѣ.

Законъ неумолимо преслѣдовалъ еврея за малѣйшую попытку расширенія своей экономической дѣятельности. Ремесленникъ, жившій внѣ черты, имѣлъ право торговать только издѣліями своего ремесла; за продажу другихъ товаровъ, не имъ изготовленныхъ, онъ подвергался конфискаціи товара и немедленной высылкѣ изъ мѣста жительства (1171-я статья Уложенія о наказаніяхъ). Конкуренты-христіане и полиція зорко слѣдили, не продаетъ-ли еврей-портной кусокъ матеріи, часовщикъ—новые часы фабричнаго из-

*) Годовой обзоръ „Восхода“ 1887 г., кн. I, 39—40; Собр. узакон. 1887 г. № 57, стр. 498.

**) Мышъ, Руководство къ законодательству о евреяхъ въ Россіи, стр. 348 (Спб. 1892).

дѣлія или цѣпочку къ нимъ (онъ имѣлъ право лишь на починку часовъ), булочникъ—фунтъ муки или чашку кофе; обнаруженіе такого преступленія влекло за собою казнь бѣднаго ремесленника по упомянутой 1171 статьѣ*).

Характерную черту той мрачной эпохи контръ-реформъ составляло стремленіе правительства вытѣснить евреевъ изъ либеральныхъ профессій, а въ связи съ этимъ изъ высшей и средней школы, фабрикующей интеллигентныхъ работниковъ. Хотѣли сократить число „привилегированныхъ“ евреевъ, которые по закону Александра II награждались правомъ повсемѣстнаго жительства за окончаніе высшаго учебнаго заведенія. Теперь находили полезнымъ не поощрять образованіе, а противодѣйствовать ему. Сановные обскуранты твердили, что учащіеся евреи вредно вліяютъ на своихъ товарищей-христіанъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи, а политическая полиція отмѣчала, что студенты-евреи „легко примыкаютъ къ революціоннымъ дѣятелямъ“. Въ странѣ, гдѣ вдохновитель внутренней политики Побѣдоносцевъ считалъ свѣтское просвѣщеніе вообще силою разрушительною, опасною для трона и алтаря, естественна была боязнь передъ образованнымъ иновѣрцемъ. Этимъ „великимъ инквизиторомъ“ были несомнѣнно инспирированы вышеупомянутыя резолюціи о необходимости сократить число евреевъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Какъ ни противилось такой репрессивной мѣрѣ большинство членовъ „Паленской комиссіи“, не забывшее еще просвѣтительныхъ традицій эпохи Александра II, вопросъ былъ рѣшенъ въ духѣ упомянутыхъ повелительныхъ резолюцій. И тутъ, какъ при изданіи „Временныхъ правилъ“, рѣшили провести репрессію въ порядкѣ чрезвычайныхъ мѣръ безъ участія законодательнаго органа—Государственнаго Совѣта, въ которомъ могли бы возникнуть нежелательныя пренія относительно цѣлесообразности запрета на просвѣщеніе. 5 декабря 1886 г. государь, по предложенію Комитета министровъ, поручилъ министру народнаго просвѣщенія Делянову принять мѣры къ ограниченію пріема евреевъ въ высшія и среднія учебныя заведенія. Полгода министръ, призванный по своей функціи поощрять просвѣщеніе, колебался между различными проектами сокращенія просвѣщенія среди евреевъ. Чиновники министерства и попечители учебныхъ округовъ предлагали различные способы сокращенія: одни полагали, что нужно закрыть доступъ

*) Мышъ, Руководство, стр. 190 сл.; Восходъ 1887 г., кн. I, 44 сл. (II отд.).

въ школу только дѣтямъ евреевъ низшихъ классовъ, въ которыхъ, особенно проявляются „несимпатичныя черты еврейскаго характера“; другіе требовали установленія ограничительной процентной нормы для учащихся евреевъ безъ различія классовъ; нѣкоторые рекомендовали умѣренность въ репрессіяхъ, опасаясь, что чрезмѣрное ограниченіе доступа въ русскіе университеты заставитъ еврейскую молодежъ учиться въ заграничныхъ университетахъ, откуда она будетъ возвращаться въ Россію „болѣе опасной“, въ смыслѣ тяготѣнія къ свободнымъ формамъ политическаго быта. Наконецъ въ іюлѣ 1887 г. министръ народнаго просвѣщенія, по порученію свыше, издалъ свои знаменитые два циркуляра объ ограниченіи пріема евреевъ въ университеты и въ среднія учебныя заведенія. Была установлена слѣдующая норма: въ чертѣ осѣдлости евреи принимаются въ школу въ размѣрѣ 10% числа поступающихъ туда христіанъ, внѣ черты—5%, а въ столицахъ (Петербургъ и Москва)—3% *). Эта учебная норма, установленная передъ самымъ началомъ учебнаго года, стала примѣняться въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и университетахъ немедленно; въ спеціальныхъ же высшихъ школахъ (технологическіе, ветеринарные и агрономическіе институты) ограниченія либо практиковались еще раньше, либо вводились постепенно послѣ изданія упомянутаго циркуляра **).

Такъ возникла школьная „процентная норма“, источникъ горя и слезъ для двухъ поколѣній русскихъ евреевъ, ибо съ тѣхъ поръ сквозь строй нормы прошли уже и отцы и дѣти. Ежегодно въ іюлѣ и августѣ въ двери гимназій и университетовъ стучались тысячи еврейскихъ дѣтей, а попадали лишь десятки и сотни. Въ городахъ черты осѣдлости, гдѣ евреи составляли отъ 30% до 80% всего населенія, ихъ дѣти допускались въ гимназіи и реальныя училища только въ размѣрѣ 10% общаго числа учащихся, а большая часть дѣтей отлучалась отъ средняго образованія. Особенно трагично было положеніе окончившихъ среднюю школу и лишившихся возможности продолжать свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Многіе изъ этихъ несчастныхъ обращались съ личными просьбами къ министру просвѣщенія Делянову, и тотъ—реакціонеръ, но человѣкъ не злой по натурѣ—иногда разрѣшалъ прини-

*) Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ норма распространялась только на мальчиковъ, а не на дѣвочекъ, но на практикѣ она нерѣдко примѣнялась и въ женскихъ гимназіяхъ.

**) Георгіевскій, Докладъ etc., 204—242; Познеръ, н. с. 59—89.

мать просителей въ школу сверхъ нормы. Большинство же юношей, оставшихся внѣ стѣнъ высшей школы, вынуждено было искать образованія заграницей, гдѣ матеріально необезпеченные изъ нихъ переносили крайнія лишенія. Жестокіе законы не могли подавить въ старой культурной націи потребность въ просвѣщеніи. Не попадавшіе въ гимназію проходили курсъ ея дома, подъ руководствомъ частныхъ учителей, а часто и самоучкою, и послѣ надлежащей подготовки держали экзаменъ на „аттестатъ зрѣлости" въ качествѣ экстерновъ, подвергаясь всѣмъ трудностямъ такого тернистаго пути; недопущенные потомъ въ высшую школу, эти „мученики науки" тоже пускались въ дальній путь—заграницу. Ежегодно изъ Россіи на Западъ тянулись два ряда эмигрантовъ: одни ѣздили за океанъ искать хлѣба и гражданской свободы, а другіе уходили въ Германію, Швейцарію и Францію искать высшаго образованія. Людей гнала изъ родины interdictio aquae et ignis, въ физическомъ и духовномъ смыслѣ.

Закрывъ для многихъ источники высшаго образованія, правительство скоро додумалось до экспропріаціи правъ у тѣхъ, которые съ великими трудностями пріобрѣли образовательный цензъ. Оно не довольствовалось тѣмъ, что не допускало дипломированныхъ евреевъ ни на государственную, ни на академическую службу, оставляя для врачей, юристовъ и техниковъ только область частной практики, а стремилось еще съузить и эту область. Не имѣя возможности примѣнять свои знанія на государственной службѣ, даже въ спеціальной сферѣ судебной магистратуры, евреи-юристы шли въ адвокатуру, гдѣ они успѣли занять видное мѣсто и количественно и качественно. Это мозолило глаза и юдофобамъ по принципу, и юдофобамъ по профессіональному интересу въ адвокатскомъ сословіи. Было обращено вниманіе на обиліе присяжныхъ повѣренныхъ изъ евреевъ въ составѣ петербургской адвокатуры,—что объяснялось и естественнымъ тяготѣніемъ къ главному административно-судебному центру страны, и тѣмъ, что при пріемѣ въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ евреямъ въ столицѣ не чинились со стороны судебныхъ властей тѣ препятствія, которыя часто практиковались изъ мотивовъ профессіональной конкурренціи въ провинціальныхъ судебныхъ округахъ. Министръ юстиціи, реакціонеръ Манасеинъ, успѣлъ убѣдить верховную власть въ необходимости преградить евреямъ дальнѣйшій доступъ въ адвокатуру, но изъ дипломатическихъ соображеній рѣшили провести это ограниченіе не подъ антиеврейскимъ флагомъ, а какъ мѣру противъ лицъ „нехристіанскихъ вѣроисповѣданій" вообще. Въ кругъ ограниченій были такимъ

образомъ втянуты и мусульмане, и привилегированная горсть караимовъ,—что придавало этой мѣрѣ еще болѣе яркій характеръ чисто-религіозной нетерпимости. 8-го ноября 1889 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе: „чтобы принятіе въ число присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ лицъ не-христіанскихъ исповѣданій подлежащими судебными установленіями и совѣтами присяжныхъ повѣренныхъ, впредь до изданія особаго по сему предмету закона, допускалось не иначе, какъ съ разрѣшенія министра юстиціи, по представленіямъ о семъ предсѣдателей означенныхъ установленій и совѣтовъ". Само собою разумѣется, что министры юстиціи широко использовали свое право—не допускать евреевъ въ сословіе присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ. Давая такія разрѣшенія мусульманамъ и караимамъ, министры всегда отказывали въ своей санкціи молодымъ еврейскимъ адвокатамъ, какъ ни лестно рекомендовали ихъ судебныя учрежденія и совѣты присяжныхъ повѣренныхъ (за пять лѣтъ, до 1895 года, не былъ утвержденъ ни одинъ еврей) *). Такимъ образомъ многіе талантливые юристы, которые могли бы украшать любую университетскую каѳедру или занять блестящее положеніе въ судебномъ вѣдомствѣ, были выбиты изъ колеи, лишались возможности служить родинѣ своимъ трудомъ, устраивать свою личную жизнь такъ, какъ они къ этому готовились въ университетѣ, и пополняли собою кадры лицъ, экспропріированныхъ неправеднымъ закономъ.

„Мы будемъ васъ лишать элементарнѣйшихъ правъ человѣка и гражданина: права жительства, свободы передвиженія и промысловъ, будемъ подвергать васъ голоду физическому и духовному, будемъ извергать васъ изъ гражданскаго общества,—но вы не смѣйте ни въ малѣйшей степени уклоняться отъ своихъ гражданскихъ обязанностей" — таковъ былъ односторонній договоръ, который правительство хотѣло установить съ еврействомъ. Эту своеобразную взаимность услугъ правительство особенно ярко демонстрировало въ области отбыванія евреями воинской повинности. Русскій законъ уже давно умудрился создать и здѣсь тяжелыя ограниченія для евреевъ: ихъ принимали на военную службу съ такими физическими недостатками, которые христіанъ освобождали отъ службы (при меньшемъ ростѣ и объемѣ груди); при недоборѣ рекрутовъ среди еврейскаго населенія, на службу принимались даже единственные сыновья, кормильцы семьи или матерей-

*) Мышъ. Руководство. 378 сл.; Восходъ, 1895 г., кн. I, 52; Еврейская Библіотека, т. IX, 469 (Спб. 1901).

вдовъ, которые у христіанъ безусловно освобождались отъ воинской повинности. Служа въ арміи, еврей всегда оставался „нижнимъ чиномъ“ и никогда не могъ дослужиться до офицерскаго чина. Какъ бы въ насмѣшку надъ евреями-солдатами, ихъ послѣ окончанія службы лишали права жительства въ тѣхъ мѣстахъ внѣ черты осѣдлости, гдѣ они служили, и выгоняли обратно въ губерніи гетто. Тутъ были превзойдены въ жестокости времена Николая I: отставнымъ солдатамъ, служившимъ по старому рекрутскому уставу, и ихъ потомству прежній законъ давалъ право повсемѣстнаго жительства; уволеннымъ же солдатамъ, служившимъ по новому воинскому уставу 1874 г., эта льгота за вѣрную службу не предоставлялась, и Сенатъ подтвердилъ въ 1885 г. это безправіе людей, пожертвовавшихъ нѣсколько лѣтъ своей жизни на службу отечеству. Еврей изъ Бердичева, Вильны или Одессы, прослужившій 5—6 лѣтъ въ войскахъ въ Петербургѣ, Москвѣ или Казани, долженъ былъ покидать эти запретные города и возвращаться на родину въ тотъ самый день, когда снималъ съ себя солдатскую шинель *).

При такомъ „поощреніи“ патріотизма, правительство имѣло смѣлость постоянно обвинять евреевъ въ „уклоненіи отъ воинской повинности“. Что тенденція къ такому уклоненію существовала въ еврействѣ — не подлежитъ никакому сомнѣнію. Было бы противно человѣческой природѣ, если бы люди, подвергающіеся погромамъ снизу и сверху, имѣющіе право жить только на одной двадцатой части территоріи своего отечества, лишаемые пристанища, воздуха и хлѣба, неимѣющіе надежды даже путемъ военной службы достигнуть равенства правъ съ послѣднимъ русскимъ мужикомъ, — если бы эти люди чувствовали глубокую потребность жертвы ради отечества и не уклонялись бы отъ самой тяжелой повинности въ большей степени, чѣмъ привиллегированное русское населеніе, гдѣ случаи уклоненія также были нерѣдки. На дѣлѣ, однако, и жалобы на недоборъ рекрутовъ изъ евреевъ оказались до крайности преувеличенными. Статистическія изслѣдованія выяснили, что вслѣдствіе неправильной разверстки отъ евреевъ требовали ежегодно большее число рекрутовъ, чѣмъ полагается по процентному отношенію ихъ къ общему населенію (въ среднемъ евреевъ принимали на службу въ количествѣ 12% общаго числа новобранцевъ, между тѣмъ какъ еврейское мужское населеніе „черты“ составляло лишь 11% всего населенія). Правительство не обращало вниманія и

*) Мышъ, стр. 197—199, 387—395.

на то, что въ спискахъ призывныхъ часто числились лица давно умершія, но вслѣдствіе неправильной регистраціи не исключенныя изъ списковъ, а также эмигрировавшія въ чужія страны. Ежегодная эмиграція евреевъ изъ Россіи, вызванная непрерывными гоненіями, уменьшала и число молодыхъ людей призывного возраста; но власти полагали, что остающіеся обязаны служить въ русской арміи за своихъ братьевъ, ставшихъ гражданами свободной американской республики. Цѣлые томы бумаги исписывались канцелярскими проектами о способахъ пресѣченія евреямъ возможности уклоняться отъ воинской повинности. И въ одинъ апрѣльскій день 1886 года правительство додумалось до слѣдующей мѣры: „семейство еврея, уклонившагося отъ исполненія воинской повинности, подвергается денежному взысканію въ размѣрѣ 300 руб.; взысканіе сіе налагается постановленіемъ подлежащаго воинскаго присутствія, приводится въ исполненіе полиціей и не подлежитъ замѣнѣ арестомъ въ случаѣ несостоятельности лицъ, обязанныхъ платежемъ онаго“ *). При этомъ было установлено денежное вознагражденіе за поимку еврея, не явившагося къ призыву по воинской повинности.

Началась расправа на основаніи древняго обычая круговой отвѣтственности, ибо въ законѣ штрафъ устанавливался для *семейства* уклонившагося, а полицейская практика широко истолковала терминъ „семейство“, подводя туда родителей, братьевъ и близкихъ родственниковъ провинившагося. Установился такой порядокъ. Ежегодно осенью, въ дни призыва новобранцевъ, въ воинскомъ присутствіи вызываютъ по списку молодыхъ людей, которымъ исполнился 21-й годъ; если вызванный еврей не явился въ тотъ же день, присутствіе тутъ же дѣлаетъ постановленіе объ оштрафованіи его семейства. Приходитъ полиція къ родителямъ неявившагося, чтобы взыскать штрафные 300 рублей; если наличныхъ денегъ не оказывается, описываютъ имущество бѣдняковъ и продаютъ съ аукціона; совершенныхъ же бѣдняковъ, съ которыхъ нечего взять, обязываютъ подпискою о невыѣздѣ изъ города, отбираютъ у нихъ паспорта и часто заставляютъ голодать, ибо не даютъ возможности отлучаться на заработки. Въ случаѣ смерти или отсутствіи родителей, отвѣчаютъ своимъ имуществомъ братья и сестры оштрафованнаго, затѣмъ его дѣдъ или бабка. Такимъ образомъ масса семействъ совершенно разорялось потому лишь, что одинъ изъ ихъ членовъ эмигрировалъ изъ Россіи или отдалъ Богу душу въ миломъ

*) Тамъ же, стр. 396—397 (указъ 12 апрѣля 1886 г.).

отечествѣ, а родные не позаботились, чтобы въ метрическихъ книгахъ эту душу вычеркнули изъ призывныхъ списковъ. Но и послѣ всѣхъ взысканій оставалось много невзысканныхъ штрафовъ, „недоимокъ“, что причиняло искреннее огорченіе усерднымъ представителямъ власти *).

Такъ совершалась та „государственная“ монополизація юдофобской практики, которая началась съ майскихъ правилъ 1882 г. и выразилась въ томъ, что уличные погромы были превращены въ канцелярскія репрессіи. Улица не сразу уступила свою привилегію канцеляріи. Въ 1883 и 1884 г. были еще попытки со стороны улицы конкуррировать съ правительствомъ. 10 мая 1883 г., наканунѣ коронаціи Александра III, произошелъ погромъ въ большомъ южномъ городѣ Ростовѣ на Дону: было разрушено и разграблено около ста еврейскихъ квартиръ и лавокъ, все удобоносимое изъ еврейскаго имущества толпа расхищала, а прочее уничтожала. „Усилія полиціи и войска“, какъ водится, „не могли прекратить безпорядокъ“, и только по окончаніи трудового дня громилы разбѣжались, гонимые ударами и выстрѣлами казаковъ. Объ этомъ погромѣ цензура совершенно запретила писать въ газетахъ, чтобы не испортить торжественности дней коронаціи (появились лишь намеки о „тревожныхъ слухахъ“, которые даже отразились на берлинской биржѣ), и только черезъ годъ можно было публично упомянуть о ростовскомъ событіи **). Возникло опасеніе, не открывается ли на югѣ новая серія погромовъ; но прошло больше двухъ мѣсяцевъ послѣ ростовской вспышки, и отклика нигдѣ не было. Вдругъ, въ православный праздникъ Иліи пророка (20 іюля), русскіе люди стали громить потомковъ древняго пророка въ *Екатеринославѣ*. Память великаго библейскаго назарея, считавшаго винопитіе преступленіемъ, екатеринославскіе его почитатели отпраздновали тѣмъ, что выпили огромное количество спирта и опьянѣли до степени, требуемой для учиненія самыхъ смѣлыхъ разбойничьихъ дѣйствій. Главными зачинщиками были не мѣстные, а пришлые рабочіе изъ великороссійскихъ губерній, работавшіе близъ Екатеринослава по постройкѣ желѣзной дороги. Они, по выраженію современника, исполняли „военную часть предпріятія“, предоставивъ „гражданскія функціи“ мѣстнымъ русскимъ жителямъ: „въ то время, какъ

*) Восходъ, 1887 г., кн. I, 46 (II отд.); 1891 г., кн. III, 41 сл. (II отд.); Усовъ, Евреи въ арміи (Спб., 1911), стр. 19—92 и статистическія таблицы.

**) Нед. Хрон. Восх., 1883 г., №№ 19—20; Восходъ, 1884 г., кн. VI, стр. 30 сл. (II отд.).

рабочіе и болѣе здоровая часть мѣщанъ разбивали дома и лавки и выбрасывали всѣ вещи и товары, женщины и дѣти подхватывали все и немедленно уносили или увозили домой". Разгромъ и грабежъ продолжались и на другой день, 21 іюля,—пока не прибыли войска. Упоенная разбоемъ толпа вступила въ бой съ войсками и, разумѣется, потерпѣла пораженіе. Видъ десятковъ убитыхъ и раненыхъ громилъ отрезвилъ толпу. Погромъ прекратился послѣ того, какъ было разорено 500 еврейскихъ семействъ и поругана еврейская святыня: изъ одной разрушенной синагоги негодяи выбросили 11 свитковъ Торы и частью разорвали ихъ въ клочки, частью гнусно осквернили священныя писанія съ заповѣдями: „не убій, не укради, не распутничай", которыя явно противорѣчили глубокимъ убѣжденіямъ громилъ. Примѣръ Екатеринослава подѣйствовалъ заразительно на его округъ: въ нѣсколькихъ городахъ и мѣстечкахъ Екатеринославской губерніи произошли въ августѣ и сентябрѣ погромы, изъ которыхъ самый жестокій былъ въ *Новомосковскѣ* (4 сентября тамъ были разгромлены почти всѣ еврейскіе дома) *).

1884 годъ внесъ въ погромную хронику нѣчто новое: погромъ внѣ черты еврейской осѣдлости—въ старорусскомъ *Нижнемъ Новгородѣ*, гдѣ жило всего два десятка еврейскихъ семействъ. Малый по количеству разрушенныхъ домовъ, этотъ погромъ былъ ужасенъ по числу человѣческихъ жертвъ. Въ отчетѣ, основанномъ на оффиціальныхъ донесеніяхъ и слѣдовательно нѣсколько ослабляющемъ яркость страшнаго событія, оно описано такъ: „Начались они („безпорядки" — эвфемизмъ погрома съ рѣзней) 7-го іюня, около 9 часовъ вечера, вслѣдствіе подстрекательства нѣсколькихъ рабочихъ въ нетрезвомъ видѣ, которые слышали, какъ мать-христіанка замѣтила дочери своей, игравшей съ дѣвочкою-еврейкой, чтобы она прекратила игру, а то евреи ее зарѣжутъ. Разгромъ начался съ еврейской молельни, переполненной молившимися, послѣ чего были разбиты еще пять домовъ, въ которыхъ проживали евреи; въ этихъ домахъ толпа уничтожала все, что попадалось ей подъ руку, разбивала двери, окна, выбрасывая оттуда вещи. Убито при этомъ 6 человѣкъ и одинъ мальчикъ, сильно ранено 5 евреевъ, изъ коихъ двое вскорѣ умерло. По отзыву нижегородскаго губернатора, моментъ возникновенія безпорядковъ предвидѣть было невозможно,

---

*) Оршанскій, За прошлый годъ (Восходъ, 1884 г., кн. II, стр. 40—49 — описаніе современника, разслѣдовавшаго дѣло на мѣстѣ); ср. Нед. Хрон. Восх. 1883 г., № 30 и сл.

но подготовленность, до извѣстной степени, народа къ произведенію ихъ отрицать нельзя. Мотивомъ къ безпорядкамъ въ Нижнемъ, какъ свидѣтельствуютъ полицейскія свѣдѣнія и данныя изъ слѣдственнаго дѣла, если не единственнымъ, то по меньшей мѣрѣ однимъ изъ главныхъ, было стремленіе къ грабежу. Во всѣхъ разрушенныхъ домахъ не уничтожалась ни одна вещь, имѣющая какую-либо цѣнность и которую возможно было унести; не только деньги, но и все годное къ употребленію расхищалось. Безпорядки въ Нижнемъ произошли 7-го іюня совершенно случайно, но направлены были противъ евреевъ потому, что *въ народѣ сложилось убѣжденіе о полной почти безнаказанности самыхъ тяжкихъ преступленій, если только таковыя направлены противъ евреевъ, а не другихъ національностей*, и потому что большая часть еврейскихъ семействъ извѣстны были какъ люди зажиточные. Слѣдствіемъ вполнѣ выяснено, что предъ нападеніемъ на домъ, въ которомъ помѣщалась контора Дайцельмана, толпа руководилась криками: „идемъ къ Дайцельману, тамъ есть чѣмъ поживиться"! *). Убійство Дайцельмана — крупнаго московскаго коммерсанта, любимаго своими русскими рабочими—и другихъ евреевъ было результатомъ не мести, а какого-то безцѣльнаго звѣрства. Распущенный вожаками разбойничьей банды слухъ о похищеніи христіанскаго ребенка евреями не могъ двинуть толпу на преступленіе, тѣмъ болѣе, что въ самомъ началѣ погрома полиція показала толпѣ мнимо похищеннаго ребенка цѣлымъ и невредимымъ. Дѣйствовала тутъ прежде всего звѣрская натура грубыхъ, темныхъ людей, получившая возможность широко развернуться при томъ убѣжденіи въ полной безнаказанности, на которое указано въ донесеніи губернатора. Нижегородская варѳоломеевская ночь испугала даже высшую администрацію. По ходатайству губернатора Баранова, убійцы были преданы военному суду и понесли тяжелую кару **). Однако, тотъ же губернаторъ счелъ нужнымъ, для успокоенія русской народной совѣсти, распорядиться о высылкѣ изъ Нижняго тѣхъ евреевъ, которыхъ полиція признаетъ живущими внѣ черты „безъ законнаго основанія". Такимъ образомъ администрація опять про-

*) Проектъ общей записки Высшей Комиссіи (Палена), стр. 78—79. (По донесенію нижегородскаго губернатора Баранова).

**) Тамъ же; ср. Хрон. Восх. 1884 г. № 24 и слѣд.; Восходъ, 1885 г., кн. III, 22—27 (II отд.). Въ беллетристической формѣ нижегородскій погромъ описанъ Максимомъ Горькимъ—если не ошибаемся, очевидцемъ его—въ сборникѣ „Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая" (1901), стр. 426—431.

тивопоставила легальный погромъ уличному, не сознавая, что расправы черни надъ евреями являются только грубой копiей оффицiальныхъ расправъ, что внѣзаконность положенiя евреевъ есть источникъ беззаконiя и насилiя улицы, знающей юдофобское настроенiе правящихъ сферъ. Кровавый нижегородскiй погромъ повелъ только къ тому, что правительство, боясь распространенiя пожара внѣ „черты" и внѣ еврейства, окончательно рѣшило не допускать впредь никакихъ эксцессовъ. И дѣйствительно, этотъ погромъ былъ послѣднимъ въ погромной хроникѣ 80-хъ годовъ (если не считать нѣсколькихъ мелкихъ случаевъ въ разныхъ мѣстахъ). На шесть лѣтъ „земля успокоилась", и монополiя „тихаго погрома"—въ формѣ систематическаго лишенiя правъ—упрочилась въ рукахъ правительства графа Толстого и Побѣдоносцева.

Въ то время какъ бюрократы, уполномоченные *дѣйствовать* въ области еврейскаго вопроса, предавались азарту репрессiй, ихъ товарищи, которымъ поручено было *обдумать* и обсудить этотъ вопросъ, пришли къ заключенiю, что репрессивная политика вредна и опасна. Вопреки ожиданiямъ, Высшая Комиссiя графа Палена, состоявшая изъ старыхъ сановниковъ и чиновъ различныхъ министерствъ, отнеслась—въ лицѣ своего большинства—къ еврейскому вопросу болѣе серьезно, чѣмъ двигатели активной политики, которымъ некогда было думать, а приходилось дѣйствовать безоглядно, подъ напоромъ реакцiонной энергiи. Въ теченiе пяти лѣтъ Паленская Комиссiя всесторонне разсмотрѣла еврейскiй вопросъ, изучила и сама обработала множество матерiаловъ историческихъ, юридическихъ и экономико-статистическихъ, соображаясь съ трудами Игнатьевскихъ „губернскихъ комиссiй" (тенденцiозность которыхъ она сразу установила) и всѣмъ ходомъ прежняго законодательства о евреяхъ,—и пришла къ заключенiю, что вся столѣтняя система ограничительнаго законодательства не привела къ цѣли и должна быть замѣнена системою реформъ, хотя и постепенныхъ и крайне осторожно проводимыхъ. Таково было мнѣнiе большинства членовъ съ предсѣдателемъ Паленомъ во главѣ. Вотъ краткiя извлеченiя изъ выводовъ Комиссiи, изложенныхъ въ ея обширной „Общей Запискѣ", въ началѣ 1888 г. *), и характеризующихъ мiросозерцанiе русской бюрократiи въ лучшихъ ея элементахъ:

„Можетъ ли государство относиться къ пятимиллiонному населенiю, къ 1/20 части всѣхъ своихъ подданныхъ, хотя и принадлежащихъ

*) Проектъ общей записки, стр. 264—294, въ разныхъ мѣстахъ.

къ чуждой большинству расѣ, которыхъ оно само пріобщило вмѣстѣ съ обитаемой ими территоріей къ русскому государственному тѣлу,—иначе, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ своимъ подданнымъ?... Съ государственной точки зрѣнія еврей долженъ быть полноправенъ. Не давая ему одинаковыхъ правъ, нельзя собственно требовать и одинаковыхъ государственныхъ обязанностей... Стѣсненія и лишенія свободы, неравноправіе и гоненія не дѣлали человѣческія общества лучшими и болѣе преданными своимъ повелителямъ. Неудивительно, что и евреи, воспитанные на столѣтнемъ репрессивномъ законодательствѣ, остаются въ категоріи подданныхъ менѣе исправныхъ, уклоняющихся отъ исполненія государственныхъ повинностей и не пріобщившихся вполнѣ къ русской жизни. *Число исключительныхъ для евреевъ законовъ въ нашемъ Сводѣ простирается до 650*, и устанавливаемыя ими стѣсненія и ограниченія имѣютъ естественнымъ своимъ слѣдствіемъ то, что огромному большинству евреевъ живется до сихъ поръ въ Россіи крайне тяжело...

„Значительное вліяніе на недоброжелательство къ евреямъ имѣетъ живущее до сихъ поръ въ народѣ тайное нерасположеніе къ нимъ, какъ къ нехристіанамъ. „Нехристь“ и „христопродавецъ“—можно часто услышать въ качествѣ бранныхъ эпитетовъ еврея, въ устахъ русскаго простолюдина. Иначе относится къ еврейской религіи наша церковь и законъ государственный, которые, хотя называютъ еврейскую религію „лжеученіемъ“, узаконяютъ тоже религіозную терпимость въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, не прибѣгая къ насильственной и оффиціальной миссіонерской пропагандѣ.

„Въ теченіе послѣдняго 25-лѣтія возникло новое обвиненіе противъ евреевъ въ Россіи, а также и за предѣлами ея. Въ составѣ сторонниковъ анархическихъ и революціонныхъ доктринъ оказался значительный процентъ евреевъ, по преимуществу недоучекъ, успѣвшихъ отстать отъ одного берега и не успѣвшихъ пристать къ другому. Изъ этого крайне печальнаго факта выводятъ заключеніе, что само еврейство носитъ въ себѣ разрушительную силу, что оно такимъ образомъ сугубо опасно для государства и общества. Сами прогрессисты и соціалисты изъ евреевъ много толкуютъ о призваніи ихъ къ пересозданію міра, о врожденной ихъ любви къ человѣчеству... Показаніямъ этимъ довѣрять не слѣдуетъ, ибо настоящее еврейство, по самому глубочайшему существу своему, исповѣдуетъ начала строго консервативныя, даже въ значительной степени эгоистическія и лично-практическія. Толкованіе свойства еврейскаго духа въ смыслѣ совершенно обратномъ составляетъ лишь неудачную попытку со стороны анархистовъ (?) - евреевъ, желающихъ прославить себя апостолами новой, придуманной ими, національной миссіи. Значительный ихъ процентъ въ составѣ враждебнаго общественному русскому строю лагеря объясняется искусственнымъ привлеченіемъ въ среднія и низшія учебныя заведенія массы учащихся изъ низменныхъ слоевъ еврейскаго населенія, безъ всякихъ средствъ къ жизни и притомъ безъ всякихъ религіозныхъ вѣрованій, озлобленныхъ какъ тяжкимъ личнымъ своимъ

положеніемъ, такъ и гнетомъ исключительныхъ законовъ, тяготѣющихъ надъ ихъ соплеменниками въ Россіи.

„Тѣ пороки, противъ которыхъ правительству и обществу предстоитъ дѣйствительно бороться, это: а) еврейская обособленность и замкнутость, б) стремленіе подчинять своему вліянію экономическія силы населенія, среди котораго они живутъ (эксплуатація).

„Установивъ взглядъ на дѣйствительные размѣры и свойства „еврейскаго зла“, естественно приходится отвѣтить и на вопросъ противоположнаго содержанія: полезны ли евреи въ чемъ-нибудь государству и обществу? Вопросъ этотъ, который весьма часто приходится слышать, представляется не совсѣмъ понятнымъ, такъ какъ всякій подданный, исполняющій повинности, полезенъ государству и обществу. Страннымъ было бы ставить подобные вопросы относительно другихъ выходцевъ Востока въ Россіи: напр. полезны ли греки, армяне и татары? Между тѣмъ, относительно евреевъ вопросъ этотъ слышится очень часто, съ цѣлью доказать необходимость репрессивныхъ мѣръ и для вящшаго обвиненія еврейскаго населенія. Нѣтъ сомнѣнія, что еврейство, въ извѣстныхъ отрасляхъ дѣятельности, весьма полезно; такимъ признавала его еще Екатерина II, пустивъ его на южное побережье, съ цѣлью завести торговыя сношенія, оживить страну и т. п... Характеръ ихъ (евреевъ) торговли и кредита полезенъ для государства, такъ какъ они связываютъ торговыми сношеніями отдаленнѣйшіе районы, довольствуясь гораздо меньшими барышами, чѣмъ купцы-христіане...

„Прежде всего не надо задаваться слишкомъ широкими реформаторскими планами и воображать себѣ, что еврейскій вопросъ можно обсудить со всѣхъ сторонъ и сразу порѣшить его... Постепенность и осторожность должны прежде всего руководить въ будущемъ дѣятельностью законодателя.

„Репрессивная политика, сама по себѣ, всегда служила и будетъ служить первою и главною причиною сплоченности и отчужденности евреевъ отъ русскаго міра... Запретительные законы не сдѣлали евреевъ лучшими, они развили въ нихъ только духъ сопротивленія, дали имъ поводъ къ постоянному измышленію самыхъ искусныхъ обходовъ закона и развращали низшихъ исполнителей власти. Законы эти затрагиваютъ ежедневныя дѣянія каждаго члена еврейскаго населенія и распространяются на такія области жизни и дѣятельности, гдѣ контроль правительства почти невозможенъ: они входятъ въ сферу частнаго договорнаго права (запрещеніе арендъ), въ область физической свободы и потребности передвиженія человѣка (запрещеніе не только переступать общую черту осѣдлости, но и проживать въ селеніяхъ или въ 50-верстной полосѣ отъ границы), въ область повседневныхъ занятій и заработковъ (запрещеніе нѣкоторыхъ профессій), и т. д. Никакой законъ не будетъ въ состояніи дѣйствительно препятствовать правонарушеніямъ въ этихъ ежечасныхъ актахъ жизни и общихъ отношеній. Невозможно приставить къ каждому еврею по полицейскому чиновнику или судебному слѣдователю, или мировому судьѣ, а между

тѣмъ весьма понятно, что видя себя стѣсненнымъ въ самыхъ элементарныхъ правахъ подданнаго (напр. хотя бы въ правѣ свободнаго передвиженія), каждый еврей будетъ ежедневно стремиться нарушить и обойти столь стѣснительныя правила: это вполнѣ естественно и понятно. Около 90% всего еврейскаго населенія составляютъ вполнѣ ничѣмъ необезпеченную массу, напоминающую отчасти пролетаріатъ, массу, живущую со дня на день, въ нищетѣ и при самыхъ тяжелыхъ гигіеническихъ и бытовыхъ условіяхъ. Противъ этихъ пролетаріевъ возникаютъ иногда и буйныя возстанія народа; масса живетъ подъ страхомъ погромовъ, подъ страхомъ насилія; она съ завистью смотритъ на почти вполнѣ эмансипированное еврейство въ сосѣднихъ губерніяхъ Царства Польскаго, находящагося подъ одной и той же державою. Въ самомъ законодательствѣ евреи причислены къ разряду „инородцевъ", наравнѣ съ самоѣдами-язычниками. Однимъ словомъ, ненормальность теперешняго положенія евреевъ въ Россіи очевидна.

„Отнюдь не съ точки зрѣнія защиты или симпатіи къ евреямъ но съ точки зрѣнія государственной справедливости, высшаго безпристрастія и правосудія, нельзя не признать, что евреи имѣютъ право жаловаться на свое положеніе... Сколь ни покажется это непріятнымъ для враговъ еврейства, но нельзя отрицать ту аксіому, что все пятимилліонное населеніе евреевъ въ Россіи (какъ ни будь оно антипатично массамъ или единицамъ)—тоже составная часть Россіи, и что вопросы до нихъ касающіеся—тоже вопросы чисто-русскіе. Дѣло не идетъ объ иностранцахъ, при пріемѣ которыхъ въ подданство могли бы возникать вопросы о томъ, пригодны ли они будутъ для Россіи или нѣтъ. Евреи въ Россіи—не иностранцы, а уже въ теченіе болѣе ста лѣтъ составляютъ часть той же самой Россіи, вмѣстившей въ свое лоно десятки другихъ племенъ, изъ которыхъ весьма многія числятся въ составѣ цѣлыхъ милліоновъ. Сама исторія законодательства, несмотря на то, что она слагалась большею частью подъ вліяніемъ самаго суроваго взгляда на евреевъ, учитъ насъ, что существуетъ лишь одинъ исходъ и одинъ путь—освободительный, объединяющій евреевъ со всѣмъ населеніемъ подъ сѣнью однихъ и тѣхъ же законовъ. Обо всемъ этомъ свидѣтельствуетъ не теорія или доктрина, но живая столѣтняя практика. Конечная цѣль законодательства о евреяхъ, такимъ образомъ, не что иное, какъ его упраздненіе, вызванное требованіемъ жизни, ходомъ просвѣщенія и образованіемъ народныхъ массъ.

„Полная гражданская правоспособность евреевъ, достигнутая постепенно, послѣ ряда долгихъ лѣтъ, будетъ заключительной цѣлью реформы, будетъ развязкою вѣкового узла, что, впрочемъ, отнюдь не обозначаетъ, что къ тому времени евреи потеряютъ или преобразуютъ въ себѣ всѣ тѣ вредныя стороны, которыя вызываютъ теперь на борьбу съ ними. Но такъ же, какъ и въ Европѣ, борьба эта можетъ закончиться только полнымъ освобожденіемъ и равноправіемъ. Ставить на этомъ пути препоны было бы только безплоднымъ стремленіемъ задержать ходъ развитія человѣческаго

общества и русской государственности. Какъ ни мало симпатичны евреи для массы, но съ этою аксіомою нельзя не согласиться.

„Обращаясь же къ исполненію своей задачи, Высшая Комиссія могла совершить въ настоящее время лишь весьма немногое изъ этой программы. Тому препятствовали та постепенность и осторожность, которыя признаются ею за необходимое условіе всякой реформы въ положеніи евреевъ... Главная задача законодательства о евреяхъ заключается въ возможно большемъ объединеніи евреевъ съ общимъ христіанскимъ населеніемъ. Не слѣдуетъ формулировать новаго законодательства въ видѣ особаго „Положенія“ или „Устава“, какъ нѣчто принципіально противорѣчащее усиліямъ правительства снять съ евреевъ ихъ обособленность. *Система репрессивныхъ и исключительныхъ мѣръ должна быть замѣнена системою постепенныхъ освободительныхъ и уравнительныхъ законовъ.* При разрѣшеніи еврейскаго вопроса должны быть соблюдаемы величайшая *осторожность и постепенность*“.

При всей умѣренности и осторожности выводовъ Паленской Комиссіи, участники которой, убѣжденные консерваторы, должны были считаться съ юдофобскимъ настроеніемъ правящихъ круговъ, въ этихъ выводахъ заключалась уничтожающая критика той репрессивной политики, которую вело правительство, учредившее эту Комиссію. Изъ среды самой бюрократіи возсталъ врагъ ея въ еврейскомъ вопросѣ. Однако, рѣшеніе Комиссіи не было единодушно: за постепенныя реформы высказалось большинство членовъ, меньшинство же стояло за продолженіе репрессивной политики. Вслѣдствіе этихъ внутреннихъ несогласій, Комиссія медлила представленіемъ своихъ заключеній правительству. Сдѣлана была еще попытка затянуть дѣло. Въ концѣ 1888 г. Комиссія созвала группу еврейскихъ „экспертовъ“, съ цѣлью выслушать „послѣднее слово подсудимаго“. Экспертами явились тѣ петербургскіе общественные дѣятели, которые обнаружили слишкомъ мало гражданскаго мужества еще на съѣздѣ 1882 г. (выше, гл. IV); приглашенъ былъ еще М. Моргулисъ изъ Одессы. Ихъ преимущественно допрашивали относительно внутренней организаціи еврейства: нѣтъ-ли „тайнаго кагала“, каково назначеніе „коробочнаго „сбора“ и т. п. Отвѣты давались, конечно, въ смыслѣ апологіи: отъ автономной организаціи общинъ отрекались, но просили о допущеніи ограниченнаго общиннаго самоуправленія подъ строгимъ контролемъ правительства. Экспертамъ предложили еще и нѣкоторые вопросы о правовомъ положеніи, но все это дѣлалось только для декораціи. Было извѣстно, что мнѣніе большинства Комиссіи о необходимости „осторожныхъ и постепенныхъ“ реформъ не имѣетъ въ высшихъ сферахъ столько шансовъ на успѣхъ, какъ мнѣніе юдофобскаго мень-

шинства, стоявшаго за продолженіе системы репрессій. Наихудшія опасенія скоро сбылись. Реакціонное вѣдомство графа Толстого, министерство внутреннихъ дѣлъ затормозило дальнѣйшее направленіе проекта Паленской Комиссіи, который долженъ былъ бы поступить въ Государственный Совѣтъ. Опредѣленно говорили, что императоръ Александръ III „присоединился къ мнѣнію меньшинства" Паленской Комиссіи. По другой версіи, вопрбсъ былъ затронутъ въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ противники реформы также оказались въ меньшинствѣ, но царь далъ перевѣсъ голосу меньшинства. Проектъ, не гармонировавшій съ политикой правительства, не дошелъ даже до подробнаго обсужденія въ законодательномъ порядкѣ. Трудъ пяти лѣтъ былъ похороненъ въ канцелярскихъ архивахъ *).

Евреи не обманывали себя на счетъ возможныхъ результатовъ работъ Высшей Комиссіи: они понимали, что если бы правительство искренно хотѣло „пересмотрѣть" конституцію еврейскаго безправія, оно бы хоть на время пріостановило производство новыхъ законодательныхъ бичей и скорпіоновъ. Въ Россіи царила темная, полярная ночь реакціи 80-хъ годовъ. Конца не видно было этому празднику ночныхъ совъ—Побѣдоносцевыхъ и Толстыхъ, стремившихся воскресить дикость старой Московіи, державшихъ народъ въ тискахъ невѣжества, пьянства и политическаго застоя. Все въ странѣ притихло, притаилось; прогрессивные элементы русскаго общества были придавлены прессомъ реакціи, печать стонала подъ игомъ свирѣпой цензуры. Евангельская проповѣдь Льва Толстого—моральнаго антипода одноименнаго министра—о „непротивленіи злу" отвѣчало настроенію многихъ, сложившихъ оружіе въ политической борьбѣ. Притихло все и въ еврейской жизни, притупилась острая боль перваго погромнаго года, и только сдавленные стоны вызывалъ непрерывный „тихій погромъ" репрессій. То были годы, о которыхъ еврейскій поэтъ писалъ (1886 г.):

Все поникло кругомъ, помертвѣло,
Какъ средь дикихъ пустынныхъ равнинъ.
Зарыдалъ бы хоть кто-нибудь смѣло,
Застоналъ бы хоть громко одинъ!
Эти ночи безъ звѣздъ и безъ бури,
Эти дни безъ тѣней и лазури,—
Мой народъ, какъ похожи они
На печальные годы твои! (Фругъ).

---

*) Моргулисъ. Изъ воспоминаній („Еврейскій Міръ" 1909 г., кн. VI). Евр. Энциклопедія I, 833—34; „Восходъ" 1895 г., кн. I, 50 (II отд.).

Но въ этой тишинѣ зрѣла національная мысль, углубленная и сосредоточенная. Еще не было опредѣленныхъ направленій и ясныхъ идеологическихъ системъ, но уже были настроенія, свидѣтельствовавшія о кризисѣ интеллигенціи. Рядомъ съ интеллигенціей „дипломированною", прошедшею черезъ русскую школу, становилась болѣе близкая къ народу интеллигенція, вышедшая изъ хедеровъ и іешивъ и пріобщившаяся къ европейскому знанію при посредствѣ ново-еврейской литературы. Возродившаяся въ концѣ 70-хъ годовъ еврейская журналистика на русскомъ языкѣ количественно сократилась: въ 1883 г. прекратился еженедѣльникъ „Разсвѣтъ", а въ 1884 г.—„Русскій Еврей". На полѣ сраженія остался только боевой органъ „Восходъ", въ которомъ сосредоточились публицистика, наука и поэзія передовой интеллигенціи того времени. На счетъ „русской" отрасли еврейской литературы росла чисто-еврейская: оживились старые органы „Hameliz" и „Hazefira", впослѣдствіи преобразованные изъ еженедѣльниковъ въ ежедневныя газеты; стали выходить обширные научно-литературные ежегодники („Haassif", „Knesset Israel" въ Варшавѣ и др.). Нарождались новыя литературныя силы, развернувшіяся въ слѣдующее десятилѣтіе. Вообще 80-е годы были переходною эпохою отъ примитивной „гаскалы" къ новому національному ренесансу. Медленно наростало, но прочно утверждалось въ обществѣ національное теченіе, впервые обозначившееся въ 1881—82 гг. (выше, гл. VI). Интеллигенція, отрекшаяся отъ идеала обрусѣнія, все болѣе сближалась съ народною массою и проникалась историческими идеалами еврейства, которые впослѣдствіи вылились въ опредѣленные общественные лозунги.

Медленно росло эмиграціонное движеніе, начавшееся въ бурю перваго погромнаго года—этотъ единственный пассивный, но реальный протестъ противъ новаго египетскаго рабства. Ростъ эмиграціи въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки явился показателемъ степени гнета въ странѣ исхода. Въ первое трехлѣтіе 80-хъ годовъ новое движеніе переживало еще рѣзкія колебанія (въ 1881 г.—8.193 эмигранта, въ 1882 г.—17.497, въ 1883 г.—6.907); во второе трехлѣтіе (1884—86 г.) оно держится почти на одной нормѣ (15—17 тысячъ ежегодно), а въ послѣднее трехлѣтіе уже замѣтно разростается (въ 1887 г.—28.944, въ 1888—31.256, въ 1889 г.—31.889). Оставленіе Россіи усилилось послѣ установленія воинскаго штрафа и учебной нормы—двухъ новеллъ, ярко освѣтившихъ соотношеніе правъ и обязанностей въ россійскомъ гетто: здѣсь лишали права жительства и школьнаго обученія и

гнали на военную службу, а тамъ, въ Америкѣ, сразу давали полное гражданское равноправіе и всеобщее безплатное обученіе, при необязательности военной службы. Получая легко гражданскую свободу, эмигранты, однако, должны были на первыхъ порахъ выдержать на новой родинѣ жестокую борьбу за матеріальное существованіе. Среди эмигрантовъ первыхъ лѣтъ было немало интеллигентныхъ молодыхъ людей, отказавшихся отъ либеральной профессіи въ странѣ рабства и мечтавшихъ о простомъ земледѣльческомъ трудѣ въ свободной республикѣ. Они увлекли за собою часть переселенческой массы и съ неимовѣрными усиліями, при содѣйствіи благотворительныхъ учрежденій, основали рядъ земледѣльческихъ или фермерскихъ колоній въ разныхъ штатахъ Сѣверной Америки (Луизіана, Дакота, Нью-Джерсей и др.). Но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы съ нуждою и неприспособленностью къ мѣстнымъ условіямъ, большая часть этихъ колоній была оставлена, и только нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли („Алліансъ", „Кармель", „Розенгайнъ"—въ штатѣ Нью-Джерсей). Идеализмъ піонеровъ-интеллигентовъ съ теченіемъ времени уступилъ мѣсто трезвому реализму, болѣе подходящему къ условіямъ американской жизни. Главная эмигрантская масса осѣдаетъ въ городахъ—преимущественно въ Нью-Іоркѣ. Здѣсь она занимается фабричнымъ трудомъ, ремеслами (наиболѣе распространено портняжество), торговлею, „педлерствомъ" или разноснымъ мелочнымъ торгомъ, работою на сельско-хозяйственныхъ фермахъ, наконецъ, интеллигентными профессіями. Многіе эмигранты проходятъ послѣдовательно всѣ эти экономическія ступени, пока добиваются обезпеченнаго матеріальнаго положенія.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ бѣдствій и мытарствъ, въ Соединенныхъ Штатахъ осѣло и устроилось до 200.000 евреевъ, положившихъ основаніе дальнѣйшему быстрому росту еврейскаго центра въ Америкѣ. Одинъ изъ активныхъ участниковъ и вождей эмиграціи, на себѣ испытавшій всѣ ея тяготы, заключаетъ свое описаніе эмиграціоннаго движенія къ концу 80-хъ годовъ слѣдующими словами: „Тотъ, кто видѣлъ, какъ бѣдный, забитый, запуганный обитатель пресловутой черты, надъ головою котораго всегда висѣлъ Дамокловъ мечъ грубой расправы, дрожавшій какъ осиновый листъ при появленіи околодочнаго или даже городового,— кто видѣлъ этого еврейчика, превратившагося, подъ вліяніемъ борьбы за существованіе и независимости, въ свободнаго и гордо держащаго голову еврея американскаго, не дающаго себя въ обиду никому на свѣтѣ, ставшаго гражданиномъ въ полномъ смыслѣ этого слова,—кто

видѣлъ эту чудную метаморфозу, тотъ не можетъ сомнѣваться въ великомъ значеніи эмиграціоннаго движенія для 200.000 евреевъ, оставшихся въ Америкѣ" *).

Идеалистическіе элементы преобладали надъ практическими въ *палестинскомъ* колонизаціонномъ движеніи, шедшемъ параллельно съ американской эмиграціей, какъ малый ручей рядомъ съ большой рѣкой. Идеологія первыхъ палестинофиловъ (выше, гл. VI) претворялась въ дѣло крайне медленно. Піонеры колонизаціи на древней родинѣ должны были преодолѣвать огромныя препятствія: сопротивленіе турецкаго правительства, затруднявшаго покупку земли и пріобрѣтеніе осѣдлости, запущенность земли въ Іудеѣ, некультурность окружающихъ арабовъ, недостатокъ средствъ и сельско-хозяйственнаго опыта. И тѣмъ не менѣе усиліями немногихъ была основана въ первый же годъ переселенія (1882) колонія „Ришонъ Леціонъ" близъ Яффы, а затѣмъ возникли еще нѣсколько колоній (Экронъ и Гедера въ Іудеѣ, Іесодъ Гамаала, Рошъ-Пина и Зихронъ-Яковъ въ Галилеѣ,—послѣднія двѣ основаны румынскими евреями). Созданія энтузіастовъ, бѣдныхъ матеріальными средствами, эти колоніи не продержались бы, если бы ихъ судьбою не заинтересовался баронъ Эдмондъ Ротшильдъ въ Парижѣ. Съ 1884 года баронъ, преслѣдуя филантропическія цѣли, сталъ поддерживать колоніи, ассигнуя громадныя суммы на насажденіе тамъ высшихъ формъ сельско-хозяйственной культуры, въ особенности виноградарства. Постепенно баронъ сталъ фактическимъ хозяиномъ большинства колоній, которыми управляли назначенные имъ администраторы, и большая часть колонистовъ очутилась въ роли работниковъ или арендаторовъ, всецѣло зависимыхъ отъ бароновской администраціи. Это было нравственно обидно и тяжело для людей, мечтавшихъ о свободномъ трудѣ, но при тогдашнихъ условіяхъ едва ли колоніи могли продержаться безъ щедрой помощи извнѣ.

Ростъ колоній въ Палестинѣ, хотя и крайне медленный, создавалъ реальную базу для идейной пропаганды палестинофиловъ въ Россіи. Въ Россіи возникали въ разныхъ городахъ кружки „Любителей Сіона" (*Ховеве-Ціонъ*), во главѣ которыхъ стояли первые

*) Прайсъ. Русскіе евреи въ Америкѣ: итоги эмиграціоннаго движенія („Восходъ" 1890 г., кн. X и 1891 г., кн. I—III); его-же. Еврейскія земледѣльческія колоніи въ Америкѣ („Восходъ" 1891 г., кн. IV); Форнбергъ. Еврейская эмиграція (Кіевъ, 1908), стр. 17—19; ср. Еврейская Энциклопедія I, 233 сл. Jewish Encyclopedia I, 256—62 и VIII, 584; Wiernik, History of the Jews in America (New-York, 1912), pp. 260—285.

идеологи территоріальнаго возрожденія—одесскіе дѣятели Л. Пинскеръ и Лиліенблюмъ. Въ концѣ 1884 г. делегаты этихъ кружковъ собрались на съѣздъ въ пограничномъ прусскомъ городкѣ Каттовицѣ (въ Россіи, по полицейскимъ условіямъ, такой съѣздъ былъ невозможенъ). Былъ созданъ фондъ „Мазкеретъ Моше" (въ честь англійскаго филантропа Моисея Мантефіоре, праздновавшаго въ томъ году столѣтній юбилей своего рожденія), куда стекались всѣ пожертвованія на нужды палестинскихъ колоній; этимъ фондомъ завѣдывали два центра палестинофиловъ—въ Одессѣ и Варшавѣ. Къ движенію, поднятому интеллигентами, примкнули и нѣкоторые представители раввинской ортодоксіи (бѣлостокскій раввинъ Самуилъ Могилеверъ и др.), что значительно ослабило оппозицію ортодоксальныхъ массъ къ этому политическому движенію, въ которомъ видѣли конкурренцію традиціонному мессіанству. Дѣйствуя нелегально, палестинофильскіе кружки въ Россіи не могли развить широкую дѣятельность, и средствъ ихъ фонда едва хватало на поддержку пары колоній въ Іудеѣ. Тогда принято было рѣшеніе (на Друскеникскомъ съѣздѣ 1887 г.) ходатайствовать передъ русскимъ правительствомъ о легализаціи палестинофильской организаціи, что было достигнуто позже, въ 1890 г. *).

Такъ медленно катилась къ разнымъ берегамъ эмиграціонная волна въ первое десятилѣтіе антиеврейской войны, пока новая буря не подняла ее на небывалую высоту. Въ 80-е годы русское правительство какъ будто только „терпѣло" еврейскую эмиграцію, которая на самомъ дѣлѣ составляла результатъ его политики; въ началѣ 90-хъ годовъ оно открыто санкціонировало массовый исходъ евреевъ изъ Россіи, подкрѣпляя эту санкцію весьма чувствительными толчками.

С. Дубновъ.

---

*) Хисинъ. Изъ дневника палестинскаго эмигранта (Восходъ, 1889 г., кн. 1—12); Письма билуйца („Еврейск. Старина" 1915 г. кн. 1—2); Сапиръ. Сіонизмъ (Вильна, 1903), стр. 102 сл.; Lilienblum, Derech laabor golim (Варшава, 1893).

Евреи въ Пруссіи XVIII вѣка.

III *).

Первыя попытки реформъ послѣ Фридриха Великаго.

Населеніе Пруссіи вздохнуло свободнѣе, когда умеръ Фридрихъ Великій. Послѣ монарха, при которомъ особенно чувствовался гнетъ прусской государственной машины, вступленіе на престолъ его племянника, Фридриха-Вильгельма II (1786—1797)—человѣка незлого, хотя и несвободнаго отъ слабостей, сулило что-то новое. Мирабо, имѣвшій возможность лично наблюдать настроеніе Берлина въ моментъ смерти Фридриха II, констатируетъ, что не было замѣтно и тѣни траура. „Всѣ занимались своими дѣлами, никто не былъ опечаленъ. Не было слышно ни воздоха, ни сожалѣнія, ни восхваленія (покойнаго). Таковъ результатъ стольких выигранныхъ сраженій, славы и полувѣкового царствованія, въ которомъ было столько великихъ дѣяній! Они надоѣли населенію до тошноты" **).

Еще большія надежды возлагали на новаго короля евреи, которые при Фридрихѣ Великомъ не могли ждать улучшенія своего положенія. Про престолонаслѣдника было извѣстно, что онъ относится къ евреямъ несравненно лучше, чѣмъ его дядя. Евреи знали, что въ одной изъ комнатъ его берлинскаго дворца находился бюстъ Моисея Мендельсона, того самаго, котораго Фридрихъ II не согласился допустить въ члены берлинской академіи наукъ ***). Въ извѣстномъ смыслѣ новаго короля предрасположилъ въ пользу евреевъ его любимецъ Іоаннъ-Христофъ Велльнеръ, занимавшій при немъ постъ министра юстиціи и духовныхъ дѣлъ. Съ реакціонностью на почвѣ религіознаго мистицизма членъ ордена розенкрейцеровъ, къ которому принадлежалъ и Фридрихъ-Вильгельмъ, Велльнеръ соединялъ весьма передовыя для того времени воззрѣнія на крестьян-

---

*) См. Евр. Стар. 1916 г., вып. 2-3.

**) Цитируемъ по H. Prutz, Preussische Geschichte, т. III, стр. 235, Stuttgart, 1901.

***) M. Philippson, Geschichte des preussischen Staatswesens, т. I, стр. 34, Leipzig 1880.

скій вопросъ, на крѣпостное право, былъ противникомъ соціальныхъ привилегій дворянства и т. п. Въ то же время онъ относился сравнительно благосклонно къ евреямъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, съ іюня 1784 г. почти до самой смерти Фридриха Великаго, Велльнеръ читалъ престолонаслѣднику лекціи для ознакомленія его съ разными вопросами государственной жизни и при этомъ коснулся также положенія евреевъ. Для разрѣшенія еврейскаго вопроса онъ предложилъ мѣру, которая, при всей своей курьезности, все же ничего общаго не имѣетъ съ системой безпощаднаго гнета, которой придерживалась прусская бюрократія при Фридрихѣ Великомъ. Велльнеръ высказался за превращеніе евреевъ въ гражданъ или, по крайней мѣрѣ, за привлеченіе ихъ къ воинской повинности. „Очень жаль,—говоритъ Велльнеръ,— что государство не извлекаетъ изъ этой націи большей пользы, чѣмъ это дѣлается теперь. Во всѣхъ областяхъ королевства, за исключеніемъ Западной Пруссіи, находятся 1600 еврейскихъ семействъ, которыя даютъ государству въ видѣ еврейскихъ и другихъ налоговъ 50000 талеровъ въ годъ. Но что это значитъ въ сравненіи съ великой пользой, которую евреи принесли бы странѣ, еслибы они были привлечены къ военной службѣ. Нѣтъ на свѣтѣ болѣе гордаго существа, чѣмъ еврей. Военная служба сниметъ съ этого народа презрѣніе, въ которомъ онъ теперь находится, и евреи полюбили бы до энтузіазма страну, которая окажетъ имъ такую честь. Въ древности евреи весьма часто сражались въ азіатскихъ войнахъ римлянъ, въ качествѣ вспомогательныхъ войскъ, бокъ-о-бокъ съ римскими легіонами, которые никогда этого не стыдились. Въ своей „Исторіи евреевъ“ Банажъ (Basnage) говоритъ, что въ 1648 г. евреи помогали защищать Прагу противъ шведовъ, а въ 1686 г. сражались противъ турокъ при осадѣ Офена. Два года тому назадъ, въ закончившейся теперь войнѣ между голландцами и англичанами, значительная часть амстердамскихъ евреевъ участвовала въ войнѣ въ качествѣ добровольцевъ, на что раввины давали имъ свое благословеніе... Въ прусской арміи ихъ лучше всего можно было бы использовать въ качествѣ гусаръ. Ихъ служба дала бы тогда прекрасные результаты. Вслѣдствіе своего пылкаго восточнаго темперамента, они съ ожесточеніемъ шли бы въ аттаку, а ихъ хитрость и изворотливость оказали бы превосходныя услуги при развѣдкахъ. Они въ физическомъ отношеніи очень подвижны (agil) и обнаруживаютъ большое пристрастіе къ лошадямъ и къ верховой ѣздѣ. Чтобы больше льстить ихъ честолюбію, слѣдовало бы образовать изъ нихъ особый корпусъ подъ начальствомъ исключительно еврейскихъ

офицеровъ и командировъ. Можно думать, что полковникъ Эфраимъ или майоръ Итцигъ *) совершатъ чудеса храбрости, если будутъ поставлены во главѣ еврейскихъ эскадроновъ. Если брать съ каждыхъ двухъ еврейскихъ семействъ по одному рекруту, то 1600 еврейскихъ семействъ дадутъ 800 человѣкъ. Этого достаточно для образованія новаго гусарскаго полка, на содержаніе котораго можно было бы употребить вышеупомянутые 50000 талеровъ. Можно было бы также расформировать одинъ изъ христіанскихъ полковъ, контингентъ котораго могъ бы быть возвращенъ къ земледѣлію и ремесламъ" **).

Среди безчисленныхъ проектовъ, которые придумывались въ теченіе многихъ вѣковъ для разрѣшенія еврейскаго вопроса, проектъ розенкрейцера Велльнера, пожалуй, одинъ изъ наиболѣе поразительныхъ. Какое представленіе нужно было имѣть о прусскихъ евреяхъ конца XVIII вѣка для того, чтобы открыть въ нихъ, большею частью обитателяхъ гетто, военный талантъ и думать, что они самой природой предназначены къ службѣ въ гусарскихъ полкахъ! Но явная нелѣпость этого проекта все-таки не умаляетъ значенія его, какъ свидѣтельства объ отношеніи Велльнера къ евреямъ. Очевидно, что онъ былъ уже очень далекъ отъ того взгляда на евреевъ, какъ на абсолютно вредную и ни къ чему положительному непригодную часть населенія, котораго придерживался Фридрихъ II. Такія же чувства, какъ Велльнеръ, питалъ къ евреямъ его ученикъ и другъ, новый король Пруссіи.

Это выразилось какъ въ отношеніи къ отдѣльнымъ евреямъ, такъ и въ общей постановкѣ еврейскаго вопроса. Новый король выдалъ въ первые мѣсяцы своего царствованія „генеральныя привилегіи" пяти еврейскимъ семействамъ, въ томъ числѣ и семьѣ Моисея Мендельсона, въ виду „извѣстныхъ заслугъ" послѣдняго. Въ предшествовавшее царствованіе ходатайство Мендельсона о привилегіи было отклонено. Преподаваніе естественныхъ наукъ молодымъ принцамъ было поручено еврею ***). Это было явленіемъ до такой

*) Велльнеръ называетъ тутъ фамиліи самыхъ богатыхъ берлинскихъ евреевъ того времени.

**) I. Preuss, Zur Beurteilung des Staatsministers von Wöllner, Zeitschrift für preussische Geschichte т. II (1865), стр. 597.

***) Источники не называютъ имени учителя, но, по всей вѣроятности это былъ извѣстный берлинскій врачъ, естествоиспытатель и философъ, Маркусъ Герцъ. Ср. Reinhold Lewin, Die Judengesetzgebung Friedrich Wilhelms II, въ Monatsschrift für Geschichte u. Wissenschaft des Judensuns, 1913, стр. 82, и G. Wolf, Oesterreich und Preussen 1780—1790, стр. 134. Wien 1880.

степени необычнымъ, что австрійскій посолъ въ Берлинѣ сообщаетъ объ этомъ въ донесеніи своему правительству. Еще большее значеніе, чѣмъ эти отдѣльные случаи, имѣла общая инструкція, данная генеральной директоріи. При реорганизаціи послѣдней король сдѣлалъ слѣдующую собственноручную надпись на поляхъ къ статьѣ 39 инструкціи, трактовавшей о еврейскихъ дѣлахъ: „Генеральная директорія должна настойчиво стремиться къ тому, чтобы участь еврейской націи, и безъ того угнетаемой, была по возможности облегчена и чтобы генералъ-фискалъ ее такъ ужасно не терзалъ“ *).

Евреи рѣшили использовать такое благопріятное для нихъ обстоятельство, и съ момента вступленія Фридриха-Вильгельма на престолъ оффиціальные представители прусскаго еврейства, старшины еврейскихъ общинъ Пруссіи, въ особенности Берлина, Кенигсберга и Бреславля, повели систематическую кампанію въ видѣ подачи записокъ и ходатайствъ объ улучшеніи положенія евреевъ. Особенно неутомимъ былъ въ этомъ отношеніи Давидъ Фридлендеръ (1750—1834), зять банкира Итцига, человѣкъ очень состоятельный, причастный и къ литературѣ. Онъ былъ очень далекъ отъ традиціоннаго еврейства, считалъ реформу еврейской религіи необходимой и впослѣдствіи вызвалъ большую сенсацію въ еврейскихъ и христіанскихъ кругахъ своимъ посланіемъ къ предсѣдателю берлинской консисторіи Теллеру о готовности группы еврейскихъ семействъ принять христіанство, если имъ будетъ позволено не признавать нѣкоторыхъ непріемлемыхъ христіанскихъ догматовъ. Но при такомъ отношеніи къ еврейской религіи онъ былъ горячимъ поборникомъ равноправія, и почти во всѣхъ выступленіяхъ евреевъ послѣ смерти Фридриха II мы находимъ имя Фридлендера.

Въ декабрѣ 1786 и февралѣ 1787 г. представители берлинскаго еврейства подали двѣ петиціи на имя короля. Во второй они просили о назначеніи коммиссіи по еврейскому вопросу, въ которую были бы допущены и нѣкоторые представители отъ евреевъ. Кабинетскимъ приказомъ отъ 21 февраля 1787 г. была учреждена такая коммиссія. Въ Берлинѣ состоялся съѣздъ представителей почти всѣхъ прусскихъ общинъ, который избралъ для сношеній съ правительственной коммиссіей трехъ „генеральныхъ представителей“ (Generaldeputierte): Липманъ-Меера *Вульфа*, банкира Исаакъ-Даніеля *Итцига* и только-что упомянутаго Давида *Фридлендера*.

*) R. Lewin, l. c., стр. 85, и M. Philippson, l. c. т. II, стр. 352.

Правительственная „Коммиссія для преобразованія еврейскаго быта“ еще не была образована, а 17 мая 1787 г. еврейскіе представители уже вручили правительству обстоятельную записку *), въ которой очень подробно изложены дѣйствовавшіе въ отношеніи евреевъ законы и доказана необходимость отмѣны всѣхъ изданныхъ ранѣе регламентовъ; податели записки просили выработать при участіи еврейскихъ экспертовъ новое положеніе о евреяхъ, которое было бы основано на принципахъ уваженія къ человѣческой личности и въ то же время соотвѣтствовало бы интересамъ государства и дарованіямъ „еврейской колоніи“. Еврейскіе старшины указываютъ на то, что жалобы, которыя высказываются противъ евреевъ, являются результатомъ не религіознаго отличія ихъ отъ христіанъ, а только однородности занятій еврейскихъ и христіанскихъ купцовъ. Христіанскій купецъ ненавидитъ въ евреѣ купца, а не еврея. Онъ съ такимъ же озлобленіемъ преслѣдовалъ бы своихъ единовѣрцевъ, еслибы имѣлъ возможность это дѣлать. Вражда къ евреямъ питается такими устарѣлыми организаціями, какъ цехи и гильдіи, которые возникли въ ранній періодъ торговой дѣятельности, но теперь уже не соотвѣтствуютъ требованіямъ времени. Во всѣхъ государствахъ, ведущихъ торговлю, уже теперь считается общепризнаннымъ основнымъ положеніемъ, что для расцвѣта торговли необходимо предоставить всѣмъ продавцамъ и покупателямъ, независимо отъ сословія и вѣроисповѣданія, равныя права и неограниченную свободу. Тамъ, гдѣ существуютъ монополіи и привилегіи, промышленность не можетъ развиваться. Они обращаютъ далѣе вниманіе на то, что французскіе колонисты, не менѣе чужіе въ Пруссіи, чѣмъ евреи, все-таки пользуются гораздо большими правами, чѣмъ послѣдніе. Не вина евреевъ, если они до сихъ поръ не приносятъ государству всей пользы, на которую они были бы способны. „Мы только неправильно вставленный (точнѣе—вывихнутый, verrenktes), но отнюдь не непригодный членъ государственнаго организма“. Даже въ своемъ безправномъ положеніи прусскіе евреи уже оказали существенныя услуги своему отечеству на разныхъ поприщахъ. Первая шелковая фабрика въ Пруссіи, напримѣръ, основана евреями. Благодаря ихъ торговой

*) „Unterthänigstes Promemoria“, вмѣстѣ съ „очеркомъ политическаго положенія всѣхъ еврейскихъ колоній въ прусскомъ государствѣ“, комъ напечатано у Д. Фридлендера: Actenstücke, die Reform der jüdischen Colonien in d. Preussischen Staaten betreffend“, Berlin, 1793. стр. 53—128. Ср. Freund, Die Emancipation der Juden in Preussen, Berlin, 1912, т. I, 37—44.

предпріимчивости, созданы предпріятія, которыя являются источникомъ существованія для многихъ тысячъ христіанскихъ семействъ. Евреи дали врачей, дѣятельность которыхъ приноситъ благо ихъ согражданамъ, произвели мудреца съ міровой репутаціей, жизнь котораго была образцовой во всѣхъ отношеніяхъ (т. е. Мендельсона) и т. д. Опытъ показываетъ, что представленіе о чрезвычайной опасности евреевъ въ качествѣ конкуррентовъ христіанъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. „Въ Кенигсбергѣ всѣ отрасли торговли, доступныя евреямъ, процвѣтаютъ. Несмотря на конкурренцію евреевъ, а можетъ быть именно вслѣдствіе этой конкурренціи, христіанскіе торговые дома зажиточны и состоятельны. Напротивъ, всѣ тѣ отрасли торговли, которыя находятся исключительно въ рукахъ христіанъ, либо переживаютъ упадокъ, либо совсѣмъ исчезли". Въ приложеніи къ запискѣ указывается на вредныя послѣдствія круговой поруки, установленной для всѣхъ членовъ еврейскихъ общинъ въ отношеніи отвѣтственности за правильное поступленіе повинностей, какъ и за совершавшіяся отдѣльными евреями преступленія противъ собственности. Кромѣ того, авторы записки опровергаютъ утвержденіе о непригодности евреевъ къ военной службѣ.

Между тѣмъ члены Генеральной Директоріи, воспитанные въ традиціяхъ режима Фридриха II и, слѣдовательно, проникнутые юдофобскимъ настроеніемъ, всячески задерживали движеніе вопроса о еврейской реформѣ и не спѣшили исполнять приказанія новаго короля. Директорія продолжала примѣнять къ евреямъ прежнія репрессіи. Въ изданномъ 28 февраля 1787 г. регламентѣ для берлинской полиціи рядъ постановленій предусматривалъ выселеніе евреевъ, не имѣвшихъ законнаго права жительства въ Берлинѣ. Въ регламентѣ о выдачѣ ссудъ подъ залогъ, изданномъ 13 марта 1787 года, для еврея, выдавшаго ссуду подъ залогъ краденаго имущества, было установлено несравненно болѣе суровое наказаніе, чѣмъ для христіанина, совершившаго такое же преступленіе. Послѣдній подвергался въ такомъ случаѣ установленной за укрывательство карѣ, еврей же за это наказывался выселеніемъ изъ Пруссіи, которое распространялось не только на него, но и на всю его семью, и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія, причемъ еврейская община данной мѣстности должна была отвѣчать за причиненный воромъ ущербъ. Эта круговая порука создавала крайне обременительную для старшинъ еврейскихъ общинъ обязанность слѣдить за ссудными операціями членовъ общинъ, что подчасъ было фактически совершенно неосуществимо.

Исключительныя кары устанавливались закономъ 26 марта 1787 г. также для евреевъ, виновныхъ въ контробандномъ ввозѣ товаровъ и въ торговлѣ ими *).

Такимъ образомъ дѣятельность Генеральной Директоріи въ еврейскомъ вопросѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, находилась въ прямомъ противорѣчіи со взглядами короля. Въ то время, какъ Директорія продолжала старую антиеврейскую политику, по волѣ короля, распоряженіемъ министра Вердера (начальника акцизнаго и таможеннаго департамента) отъ 31 декабря 1787 г., была отмѣнена подушная пошлина (Leibzoll) для прусскихъ евреевъ, „въ надеждѣ, что этимъ путемъ увеличится торговля", а 4 іюля слѣдующаго года она была упразднена также и для иностранныхъ евреевъ, посѣщавшихъ ярмарку во Франкфуртѣ-на-Одерѣ. Королевскимъ декретомъ 12 февраля 1788 г. евреи были освобождены отъ обязанности покупать издѣлія казенной фарфоровой фабрики; за избавленіе отъ этого налога они уплатили 40.000 талеровъ **).

Лишь 19 ноября 1787 г. была назначена правительственная комиссія для изученія еврейскаго вопроса. Составъ ея былъ довольно благопріятный для евреевъ. Однимъ изъ ея членовъ былъ тотъ самый генералъ-фискалъ д'Аньеръ, который, какъ мы видѣли выше, уже въ 1765 г. признаъ спеціальныя обложенія евреевъ лишенными всякаго внутренняго оправданія; предсѣдателемъ былъ тайный финансовый совѣтникъ Влемеръ, личный пріятель Давида Фридлендера, принадлежавшій къ литературному кружку, который въ 1783 г. избралъ Мендельсона своимъ почетнымъ членомъ. Тѣмъ не менѣе заключеніе, помѣченное 10 іюля 1789 г., къ которому комиссія пришла, отнюдь не соотвѣтствовало ожиданіямъ евреевъ ***).

Оно носитъ на себѣ всѣ типичныя черты бюрократическаго безсилія въ разрѣшеніи такого рода вопросовъ. Съ одной стороны въ заключеніи содержится очень много благопріятнаго для евреевъ. Авторы не сомнѣваются въ томъ, что евреевъ можно сдѣлать лучшими гражданами, чѣмъ они были до сихъ поръ, и что это будетъ полезно также для государства и для всего остального населенія. Они полагаютъ, что въ сущности антагонизмъ между евреями и неевреями вытекаетъ изъ религіозныхъ предразсудковъ у обѣихъ сторонъ. Они увѣрены, что лѣтъ черезъ 60—70, при лучшемъ по-

*) Lewin, стр. 91—92; Freund, I, 45.

**) R. Lewin, стр. 213; I. Freund, т. I, стр. 49—50.

***) Отчетъ комиссіи напечатанъ въ „Neue Feuerbrände", Amsterdam-Cöln, 1807, VI, стр. 97—128; IX, стр. 59—78.

ложеніи евреевъ, послѣдніе не будутъ отличаться отъ христіанъ, за исключеніемъ развѣ религіи. Они далѣе рѣшительно заявляютъ, что еврейская религія отнюдь не служитъ препятствіемъ для своихъ адептовъ стать полезными гражданами. Казалось бы, что при такихъ взглядахъ членамъ комиссіи слѣдовало бы предложить рѣшительный разрывъ съ антиеврейскимъ законодательствомъ. На самомъ дѣлѣ, однако, предлагаемыя улучшенія были незначительны. По части гражданскихъ обязанностей комиссія вполнѣ правильно провозгласила, что на евреевъ должны быть распространены всѣ обязанности прочихъ гражданъ и прежде всего воинская повинность. Въ области же гражданскихъ правъ она предлагала уничтожить круговую поруку евревъ, расширить ихъ промышленную дѣятельность, отмѣнить существовавшее въ отдѣльныхъ городахъ запрещеніе права жительства. Для улучшенія воспитанія должны быть учреждены хорошія еврейскія школы съ преподаваніемъ на государственномъ языкѣ; дѣло обученія должны вести въ нихъ вмѣсто иностранныхъ евреевъ, которые до тѣхъ поръ часто этимъ занимались, преподаватели туземнаго происхожденія подъ наблюденіемъ прусскаго школьнаго управленія. Имѣлось въ виду учредить учительскую семинарію для евреевъ. Расходы по содержанію этихъ школъ должны были бы покрываться изъ спеціальныхъ еврейскихъ пожертвованій, а также изъ платы за ученіе. Въ тѣхъ же городахъ, гдѣ мало евреевъ, имъ предоставлялось право посылать своихъ дѣтей въ христіанскія школы, гдѣ они должны были допускаться ко всѣмъ урокамъ, кромѣ преподаванія религіи. Однако, отмѣна круговой поруки предполагалось произвести при такихъ условіяхъ, что евреи врядъ ли почувствовали бы облегченіе. По предложенію комиссіи, налоги съ евреевъ должны быть распредѣлены такимъ образомъ, чтобы тѣ, которые были или еще будутъ внесены въ списки привилегированныхъ, взяли каждый на себя подъ личную отвѣтственность уплату извѣстной доли общей податной суммы пожизненно. Земледѣліе, занятіе которымъ имъ было ранѣе воспрещено, должно разрѣшаться только на новыхъ земляхъ, гдѣ нѣтъ христіанскихъ конкуррентовъ. За цехами оставлялось право отказывать евреямъ въ пріемѣ, хотя при этомъ и выражалось пожеланіе, чтобы они по возможности рѣже этимъ правомъ пользовались, но въ то же время евреямъ разрѣшалось стать нецеховыми ремесленниками. Для евреевъ остаются запрещенными такія ремесла, гдѣ происходитъ работа на заказъ для мѣстнаго потребленія, какъ напримѣръ ремесла слесарей, кузнецовъ, сапожниковъ, портныхъ, столяровъ, плотниковъ, а разрѣша-

ются только такія отрасли труда, гдѣ производятся товары для торговли: содержаніе фабрикъ, мануфактурныхъ предпріятій и т. д. Къ этому присоединяются еще и ограниченія въ торговлѣ. Евреи могутъ быть допущены къ занятію какой-либо отраслью торговли только тогда, когда они ее основательно изучили и владѣютъ извѣстнымъ капиталомъ, минимумъ котораго въ большихъ городахъ опредѣляется въ 15.000 талеровъ, а въ мѣстечкахъ 1.500 талеровъ. Тамъ, гдѣ имѣется достаточное количество христіанскихъ купцовъ, евреямъ вообще воспрещается торговать. При нарушеніяхъ законовъ о торговлѣ на евреевъ возлагаются вдвое большія кары, чѣмъ на христіанъ. Евреямъ-ремесленникамъ и земледѣльцамъ должно быть строго запрещено заниматься денежными операціями. Предлагалось также обложить евреевъ спеціальнымъ, хотя и незначительнымъ, налогомъ на 30—50 лѣтъ и т. п. Далѣе для борьбы съ обособленностью евреевъ предлагалось запретить имъ носить бороду, обязать ихъ принять фамильныя имена, вести дѣловую переписку на нѣмецкомъ языкѣ и запретить имъ заниматься открыто торгово-промышленной дѣятельностью въ дни христіанскихъ праздниковъ. Въ согласіи съ такими представителями еврейства, какъ Фридлендеръ, комиссія предлагала замѣнить слово „Jude", вслѣдствіе связаннаго съ этимъ словомъ обиднаго смысла, другимъ обозначеніемъ, напримѣръ, „мозаиты", „деисты", приверженцы Ветхаго Завѣта и т. п. Иностранный еврей можетъ быть допущенъ въ страну только тогда, когда онъ располагаетъ капиталомъ въ 50.000 талеровъ.

Само собой разумѣется, что евреи были очень недовольны проектомъ, который такъ мало соотвѣтствовалъ ожидаемому уравненію въ правахъ. Лишь 18 декабря 1789 г. „генеральнымъ представителямъ" евреевъ было сообщено извлеченіе изъ постановленій комиссіи, причемъ отъ нихъ потребовали, чтобы они дали опредѣленное обѣщаніе исполнять новыя возлагаемыя на нихъ обязанности взамѣнъ правъ, которыя имъ теперь предоставляются. Въ новой запискѣ, поданной 28 февраля 1790 года *), представители заявляютъ, что проектъ комиссіи вмѣсто того, чтобы сдѣлать евреевъ гражданами, все еще оставляетъ ихъ въ положеніи лишь терпимыхъ иностранцевъ. Льготы, которыя предоставляются евреямъ, до такой степени не соотвѣтствуютъ ихъ ожиданіямъ, что „лишь извѣстное всѣмъ благожелательное настроеніе обожае-

*) D. Friedländer, l. c., стр. 128—189; Freund, l. c., т. I, стр. 51—54.

маго монарха еще въ состояніи удержать ихъ отъ крайней горечи". „Мы просимъ о томъ, чтобы цѣпи, которыя насъ отягощаютъ, были совсѣмъ сняты, а не о томъ, чтобы онѣ были сдѣланы нѣсколько менѣе тяжелыми". Еврейскіе представители отказываются дать требуемое отъ нихъ обѣщаніе, такъ какъ они были уполномочены лишь на то, чтобы выразить всеобщее желаніе евреевъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ благу прусскаго государства и вырваться изъ унизительнаго положенія, въ которомъ они находятся вслѣдствіе пренебреженія и предразсудковъ. Другихъ полномочій у представителей нѣтъ. Они высказываютъ свои возраженія по поводу различныхъ частностей выработаннаго комиссіей проекта, между прочимъ, и по поводу воинской повинности для евреевъ. Они въ принципѣ согласны, чтобы рекрутскій наборъ съ евреевъ производился на общихъ основаніяхъ, но въ то же время просятъ, чтобы имъ было предоставлено право до четвертаго поколѣнія включительно откупаться отъ этой повинности по примѣру менонитовъ. (Мениниты были освобождены отъ рекрутскаго набора, взамѣнъ чего вносили ежегодно 5.000 талеровъ въ пользу кадетскаго корпуса въ Кульмѣ; кромѣ того, съ каждаго годнаго для военной службы менонита, въ возрастѣ отъ 20 до 45 лѣтъ, брали по талеру въ годъ). Съ четвертаго же поколѣнія евреямъ должно быть предоставлено право владѣть земельной недвижимостью въ сельскихъ мѣстностяхъ только при исполненіи воинской повинности наравнѣ со всѣми остальными гражданами.

Для того, чтобы понять отношеніе евреевъ къ послѣднему вопросу, нужно принять во вниманіе, что воинская повинность не была тогда обязательнымъ долгомъ каждаго гражданина и что существовалъ рядъ „привилегій", которыя освобождали цѣлыя мѣстности и группы населенія отъ исполненія этого долга передъ родиной. Такъ, напримѣръ, были освобождены отъ воинской повинности жители самыхъ крупныхъ городовъ Пруссіи: Берлина, Бреславля, Магдебурга, Потсдама и Бранденбурга, затѣмъ силезскихъ горныхъ городовъ и колонія французскихъ гугенотовъ. Такимъ образомъ евреи, которымъ проектъ реформы не давалъ никакихъ существенныхъ облегченій, не имѣли въ свою очередь основаній согласиться на исполненіе этой тяжелой повинности *).

Повторяя свои требованія относительно полной свободы передвиженія и занятій, представители еврейскихъ общинъ кончаютъ

*) Freund, l. c., т. I, стр. 51.

свою записку слѣдующими печальными словами: „Если же Провидѣнію угодно обмануть наши ожиданія, и требованія евреевъ удовлетворены не будутъ, то мы вынуждены съ глубокой болью въ сердцѣ выразить ужасное пожеланіе, а именно, чтобы евреевъ оставили въ ихъ прежнемъ состояніи. Мы предвидимъ, что бремя станетъ съ каждымъ днемъ все болѣе невыносимымъ, что мы погрязнемъ въ безмѣрной нищетѣ и станемъ тяжелой обузой для государства". Само собой разумѣется, что евреи этого не желаютъ. Они ждутъ съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ, „что родина приметъ ихъ въ свои объятія". Всѣ они желаютъ посвятить свои силы государству и всѣ горятъ желаніемъ стать членами государства, „во главѣ котораго находятся выдающіеся люди и истинные благодѣтели человѣчества".

Генеральная Директорія, которая крайне неохотно занималась улучшеніемъ положенія евреевъ, была въ сущности очень довольна сопротивленіемъ, оказаннымъ представителями общинъ проекту частичной реформы. Она воспользовалась этимъ для того, чтобы оставить вопросъ о реформѣ безъ движенія. Противники реформы нашли поддержку въ военномъ вѣдомствѣ, которое въ своемъ заключеніи высказалось, что евреи не пригодны къ отбыванію воинской повинности *). По поводу заявленія еврейскихъ представителей одинъ изъ членовъ комиссіи замѣтилъ, что доводы евреевъ „ничто иное, какъ остроумные софизмы, облеченные въ красивую увлекательную декламацію" **).

Правительство вновь занялось еврейскимъ вопросомъ только въ началѣ 1792 года, когда появился новый кабинетскій приказъ короля отъ 17 января, въ которомъ король въ крайне немилостивыхъ выраженіяхъ упрекаетъ своихъ министровъ въ томъ, что они не исполнили его воли, выраженной при вступленіи на престолъ, разрѣшить еврейскій вопросъ или, какъ выражается король, „выработать новое соглашеніе съ еврейской націей" („ein neues Arrangement mit der jüdischen Nation zu treffen"). Съ явно выраженной ироніей Фридрихъ-Вильгельмъ предлагаетъ министрамъ подумать, соотвѣтствуетъ ли ихъ образъ дѣйствій въ данномъ случаѣ „старой репутаціи прусской расторопности и исполнительности". Король приказалъ представить ему отчетъ о положеніи вопроса по истеченіи недѣльнаго срока ***). Генеральной

*) Freund, т. II, стр. 65—73 (отзывъ Oberkriegs-Kollegium'а отъ марта 1790 г.).

**) L. Geiger, l. c., ч. I, стр. 137.

***) M. Philippson, l. c., т. I, стр. 376; Geiger, l. c., ч. II, стр. 167—168; R. Lewin, l. c., стр. 367.

Директоріи король уже раньше напоминалъ о своемъ желаніи, чтобы вопросъ о еврейской реформѣ не откладывался въ долгій ящикъ. Такъ, напримѣръ, 17 марта 1788 г. онъ предписалъ Директоріи представлять ему каждый мѣсяцъ отчетъ о положеніи дѣла. Но въ такой категорической формѣ король своей воли въ данномъ вопросѣ еще не выражалъ. По полученіи этого кабинетскаго приказа, Директорія уже не могла продолжать своей тактики проволочекъ; она представила 24 января 1792 года новый проектъ, который въ общемъ былъ весьма близокъ къ проекту 1789 года и только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ него отличался. По этому проекту, круговая порука въ государственныхъ и общинныхъ повинностяхъ, равно какъ и отвѣтственность за случаи совершенія кражъ отмѣняются, повинности распредѣляются между отдѣльными лицами, а слѣдующее поколѣніе освобождается отъ уплаты недоимокъ предыдущаго. Евреямъ разрѣшается торговать всякаго рода товарами; имъ открытъ доступъ ко всѣмъ наукамъ, искусствамъ и ремесламъ. Имъ хотя по прежнему запрещается заниматься промыслами, составляющими привилегіи отдѣльныхъ цеховъ, но зато разрѣшается принимать ихъ въ члены гильдіи цеховъ, при условіи уплаты спеціальнаго налога при выдачѣ разрѣшенія и небольшого ежегоднаго взноса. На случай противодѣйствія со стороны христіанскихъ купцовъ и мастеровъ, установлены особыя правила, которыя дали бы евреямъ возможность осуществить свое право. Въ то же время должны однако быть сохранены ограниченія жительства, дѣйствовавшія въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городахъ; строить дома разрѣшается евреямъ только въ незастроенныхъ мѣстахъ; заключать ссудныя сдѣлки съ христіанами они могутъ только на судѣ. Затѣмъ на нихъ должна быть распространена воинская повинность, „если отъ нихъ этого потребуютъ“, такъ какъ правительство еще сомнѣвалось, пригодны ли евреи для военной службы. Проектъ въ то же время почти совершенно разрушалъ организацію еврейскихъ общинъ. Старшины, представители и казначеи должны были быть замѣнены правительственными чиновниками финансоваго вѣдомства и т. д. *).

Евреи, конечно, опять не могли удовлетвориться этимъ проектомъ. Напримѣръ, тотъ видъ отмѣны круговой поруки, который предлагалъ законопроектъ, казался имъ весьма несправедливымъ. До тѣхъ поръ еврейскія повинности распредѣлялись каждыя 5 лѣтъ на съѣздахъ представителей общинъ сообразно состоянію каждаго

*) L. Geiger, l. c., т. I, стр. 137—139, т. II, стр. 347—357.

отдѣльнаго члена общины. Теперь же они должны быть разъ навсегда установлены пожизненно, и такимъ образомъ могло легко случиться, что человѣкъ, нынѣ богатый, въ случаѣ обѣднѣнія долженъ былъ бы продолжать платить непосильную для него сумму. Наоборотъ, разбогатѣвшій впослѣдствіи еврей былъ бы освобожденъ отъ поборовъ, потому что въ моментъ уничтоженія круговой поруки онъ былъ бѣденъ. Аналогично разсуждали евреи по поводу предполагавшагося въ теченіе 10 лѣтъ погашенія долговъ общинъ, которые составляли мѣстами очень крупныя суммы. Тѣмъ не менѣе эти и другія возраженія евреевъ не были приняты во вниманіе, и въ маѣ законопроектъ уже долженъ былъ быть подписанъ королемъ.

Однако и на этотъ разъ Генеральной Директоріи при помощи очень ловкаго маневра удалось въ послѣдній моментъ предотвратить изданіе закона, котораго она такъ не хотѣла. То было, какъ извѣстно, время, когда Пруссія и Австрія начали войну противъ революціонной Франціи. Война велась во имя борьбы съ революціей, и поэтому нельзя было дѣйствительно не видѣть противорѣчія въ томъ, что Пруссія облегчаетъ положеніе своихъ евреевъ, т. е. дѣлаетъ то, что вытекало именно изъ принциповъ революціи, какъ разъ въ такое время, когда ея войска посылаются во Францію для того, чтобы защищать тамъ старый порядокъ. Кромѣ того, война должна была потребовать новыхъ денегъ, и поэтому государству могло быть невыгодно отказаться отъ старой испытанной системы выколачиванія налоговъ изъ евреевъ. Былъ выдвинутъ и обычный въ такихъ случаяхъ для реакціонеровъ аргументъ, что необходимо считаться съ возбужденнымъ состояніемъ умовъ населенія, которое, въ случаѣ дарованія евреямъ равноправія, можетъ проявиться въ безпорядкахъ. Если теперь, писалъ Влемеръ, будетъ приступлено къ немедленному улучшенію положенія евреевъ, то это „вызоветъ у христіанскихъ подданныхъ возбужденіе и недовольство, которыхъ слѣдуетъ избѣгать въ настоящее время и въ виду грядущей войны. Это значительно усилитъ также и дезертирство изъ арміи, въ рядахъ которой находится много сыновей мастеровъ и ремесленниковъ“. Когда же война кончится или, какъ выражается Влемеръ, когда исчезнутъ „нынѣшнія мечты и конъюнктура“, и все опять придетъ въ порядокъ, послѣдствія будутъ не такими серьезными, какими они представляются въ настоящій моментъ *).

*) Freund, l. c., т. I, стр. 56.

Въ виду этого Генеральная Директорія въ своемъ представленіи королю отъ 16 мая 1792 г., на ряду съ сообщеніемъ, что законопроектъ вполнѣ готовъ, дѣлаетъ оговорку, что „вслѣдствіе условій нынѣшняго времени“ опубликованіе и приведеніе въ исполненіе новаго регламента о евреяхъ слѣдовало бы отсрочить до окончанія военныхъ дѣйствій *). Въ своемъ отвѣтѣ отъ 21 мая король, хотя и выразилъ удивленіе по поводу этого совѣта, тѣмъ не менѣе далъ согласіе на отсрочку, при чемъ, однако, поставилъ на видъ Генеральной Директоріи, чтобы она хорошо использовала „время отсрочки“ и „довела бы до конца дѣло, которое содѣйствуетъ подъему государства, которое въ другихъ странахъ уже проведено и отъ котораго король не желаетъ отказаться“. На самомъ дѣлѣ, однако, этой отсрочкой проектъ былъ окончательно похороненъ. У короля Фридриха-Вильгельма совершенно отсутствовали энергія и умѣнье доводить начатое дѣло до конца. Достаточно было снять государственный вопросъ съ очереди для того, чтобы король о немъ забылъ. Къ тому же война 1792 г. была, какъ извѣстно, только началомъ ряда международныхъ осложненій, которыя находились въ связи съ революціей и имперіей во Франціи. Разрѣшеніе еврейскаго вопроса отступило, какъ и желала юдофобская бюрократія, на второй планъ. Единственнымъ конкретнымъ результатомъ подготовительныхъ работъ по реформѣ евреевъ былъ рескриптъ 5 іюня 1792 г., которымъ была упразднена круговая порука евреевъ при уплатѣ спеціальныхъ налоговъ и расходовъ по содержанію общинъ. Еврейскіе налоги должны быть распредѣлены между отдѣльными лицами согласно постановленію съѣзда представителей общинъ, который созывался въ Берлинѣ въ сентябрѣ того же года. Такимъ же образомъ должны быть распредѣлены и долги еврейскихъ общинъ, и для того, чтобы облегчить тяжесть этихъ повинностей, было рѣшено сократить число должностныхъ лицъ общинъ до минимума.

Такимъ образомъ спеціальные еврейскіе налоги все-таки остались, осталась также и круговая порука въ случаяхъ совершенія отдѣльными евреями такихъ преступленій, какъ кража, укрывательство краденаго или злостное банкротство.

При такомъ отношеніи правительства къ еврейскому вопросу, приходится удивляться настойчивости и неутомимости, съ которой еврейскіе представители не переставали подавать записку за

*) M. Philippson, l. c., т. I, стр. 377—378; Geiger, l. c., ч. I, стр. 170; Freund, l. c., т. I, стр. 56.

запиской и повторять въ нихъ по каждому отдѣльному случаю, что они не такъ плохи, какъ о нихъ думаютъ, и слѣдовательно, заслуживаютъ лучшей участи. Отвѣтъ, данный еврейскимъ представителямъ 2 апрѣля 1798 г., очень любопытенъ, какъ свидѣтельство о томъ, какъ мало дѣйствовали на бюрократію аргументы евреевъ. 22 мая 1795 г. представители общинъ обратились къ королю съ просьбой снять съ евреевъ круговую поруку за злостное банкротство, кражу или укрывательство краденаго. Послѣ продолжительной канцелярской переписки и обсужденія вопроса въ разныхъ инстанціяхъ, 2 апрѣля 1798 г. евреи получили слѣдующій отвѣтъ. Въ законахъ, отмѣны которыхъ добиваются просители, дѣйствительно, заключается нѣкоторая жестокость, исключительное отношеніе къ евреямъ, приносящее имъ ущербъ въ сравненіи съ другими подданными. Слѣдуетъ желать, чтобы эти законы могли быть отмѣнены. Однако, они составляютъ лишь часть общаго законодательства о евреяхъ, цѣль котораго состоитъ въ томъ, чтобы служить защитою остальнымъ подданнымъ государства противъ неудобствъ (Inconvenienzien), которыя влечетъ за собою уравненіе еврейской націи, вслѣдствіе ея специфическаго характера. Пока евреи будутъ продолжать отдѣлять себя не только спекулятивными религіозными воззрѣніями, но и практическими принципами, обычаями и правами, отъ остальныхъ жителей государства, питая къ послѣднимъ нѣкоторую національную вражду, пока они будутъ составлять, какъ бы государство въ государствѣ и давать въ широкихъ массахъ (dem grossen Haufen) превратное воспитаніе, противорѣчащее задачамъ государства; пока во всѣхъ этихъ областяхъ не наступитъ основательное и общее улучшеніе, которое можетъ исходить только отъ самихъ евреевъ, до тѣхъ поръ отмѣна ограничительныхъ законовъ невозможна. Кромѣ того, министерство оспаривало, что эти законы причиняютъ вредъ евреямъ, дѣйствительно неповиннымъ *).

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что законъ о круговой порукѣ въ случаяхъ кражи былъ примѣненъ со вступленія на престолъ Фридриха Великаго всего одинъ разъ, а именно при кражѣ, совершенной въ 1765 г. Тогда были обокрадены нѣкоторые дома и въ томъ числѣ касса берлинскаго суда. Среди воровъ оказались нѣкоторые евреи. Была привлечена къ отвѣтственности, на основаніи закона 1747 г., вся берлинская еврейская община. Представители общины подали жалобу, въ которой доказывали, что они

*) L. Geiger l. c. часть II, стр. 175; полностью у I. Freund, l. c., t. II, 126—127.

о совершеніи этой кражи ничего не знали, знать не могли, не могли слѣдовательно довести до свѣдѣнія полиціи о намѣреніи злоумышленниковъ, и просили разъяснить законъ въ такомъ смыслѣ, что тамъ, гдѣ о винѣ еврейской общины явно не можетъ быть рѣчи, законъ о круговой порукѣ примѣняться не долженъ, такъ какъ очевидно, что законодатель хотѣлъ карать евреевъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда можетъ существовать подозрѣніе въ дѣйствительномъ соучастіи ихъ. Послѣ продолжительной переписки между разными инстанціями по этому вопросу, дѣло поступило на усмотрѣніе Фридриха Великаго, который положилъ резолюцію, что нужно поступить по закону, и сумма была дѣйствительно взыскана съ евреевъ. Другіе случаи примѣненія этого закона неизвѣстны *). Курьезно, что враги евреевъ именно въ томъ, что законъ такъ рѣдко примѣнялся, видѣли доказательство полезности его, усматривая въ этомъ результатъ устрашающаго вліянія закона, вмѣсто того, чтобы искать причину тамъ, гдѣ она дѣйствительно лежала, т. е. въ чрезвычайной рѣдкости у евреевъ случаевъ кражъ.

Надо сказать, что среди евреевъ вопросъ о „тактикѣ“ вызывалъ разныя мнѣнія. Оффиціальные еврейскіе представители стояли, какъ мы видѣли, на точкѣ зрѣнія, что слѣдуетъ добиться полнаго уравненія въ правахъ, а въ случаѣ несогласія правительства предпочитали оставаться въ безправномъ положеніи. Но было и другое теченіе, которое готово было идти на компромиссы. Оно выразилось, въ петиціи, поданной 17 января 1793 г. тридцатью четырьмя кенигсбергскими евреями (Hausväter). Въ ней выражалась готовность согласиться на проектъ, выработанный правительствомъ. Авторы петиціи указывали, что жизнь ихъ стала, вслѣдствіе безправнаго ихъ состоянія, совершенно невыносимою. Мануфактурная торговля послѣ 1787 г. въ Восточной Пруссіи очень пострадала, сильно сократилась и транзитная торговля съ Польшей и Россіей. Къ тому же имъ приходится сильно страдать отъ цеховъ и прочихъ христіанскихъ конкуррентовъ, которые постоянно вопятъ о томъ, что евреи лишаютъ ихъ хлѣба, что евреи сильно размножаются, пріобрѣтаютъ все больше и больше недвижимости и этимъ содѣйствуютъ вздорожанію ея и т. д. Для евреевъ, особенно для ихъ дѣтей, открываются весьма печальныя перспективы въ будущемъ. Что станетъ съ ихъ дѣтьми, если не будетъ осуществлена еврейская реформа? Они будутъ вынуждены либо эмигрировать, либо заниматься ростовщичествомъ и навлекать на себя ненависть

*) L. Geiger, l. c., часть II, стр. 108—118.

остального населенія, либо же измѣнять религіи своихъ отцовъ. Государство или, какъ они выражаются, господствующая партія (die herrschende Partei) ничего не выиграетъ отъ того, что христіанство примутъ люди „съ испорченными сердцами и вѣроломными принципами". Авторы петиціи просятъ отмѣнить для нихъ круговую поруку, предоставить имъ права и свободы, которыя необходимы „для сохраненія ихъ существованія и для подготовленія ихъ потомства къ лучшей судьбѣ", и замѣнить въ обращеніяхъ къ нимъ эпитетъ „Jude" обозначеніемъ профессіи, которою они занимаются.

Это компромиссное предложеніе также не имѣло успѣха, и Генеральная Директорія 30 сентября 1793 г. сообщила просителямъ, что имъ слѣдуетъ дожидаться времени, когда будутъ устранены препятствія, мѣшающія осуществленію реформъ *).

Въ *Силезіи* компромиссная тактика евреевъ дала нѣсколько лучшіе результаты. Силезія управлялась тогда отдѣльнымъ вѣдомствомъ, во главѣ котораго находился графъ Гоймъ (Hoym), одинъ изъ почитателей Мендельсона. Управленіе Силезіи не было подчинено Генеральной Директоріи, и министръ по дѣламъ Силезіи сносился непосредственно съ королемъ. Вслѣдствіе этого либеральные взгляды Гойма не встрѣчали противодѣйствія со стороны центральнаго вѣдомства, а такъ какъ и старшины бреславскаго еврейства не настаивали, какъ ихъ берлинскіе братья, на немедленномъ уравненіи въ правахъ, то изданный 21 мая 1790 г. регламентъ о евреяхъ въ *Бреславлѣ* носилъ болѣе гуманный характеръ, чѣмъ законы, дѣйствовавшіе въ старо-прусскихъ областяхъ. Этотъ актъ тоже установилъ опредѣленное количество (160) еврейскихъ семействъ, которымъ разрѣшалось жительство въ столицѣ Силезіи, и обложилъ евреевъ значительными налогами, но все же въ немъ не было многихъ стѣсненій, противъ которыхъ столько времени должны были бороться евреи въ остальныхъ частяхъ Пруссіи **).

Сравнительно гуманный характеръ носилъ и регламентъ, изданный 17 апрѣля 1797 г. для евреевъ областей, отнятыхъ у *Польши* при второмъ и третьемъ раздѣлахъ (General-Juden-Reglement für süd- und Neuostpreussen). Для этихъ областей денежные поборы съ евреевъ были установлены лишь въ качествѣ замѣны воинской повинности, и еврей, поступавшій на военную службу

---

*) Петиція кенигсбергскихъ евреевъ напечатана у Freund, l. c. II, стр. 91—96, ст. и т. I, стр. 62—65.

**) R. Lewin, l. c., 229—234; L. Geiger, l. c., часть II, стр. 178—179.

освобождался отъ уплаты налога за покровительство. Евреямъ разрѣшалось устройство фабрикъ, занятіе ремеслами, пріобрѣтеніе и обработка имѣній. Такое сравнительно благопріятное отношеніе къ польскимъ евреямъ объясняется тѣмъ, что и по мнѣнію прусскихъ властей польскіе евреи стояли на гораздо болѣе высокомъ культурномъ уровнѣ, чѣмъ крестьянство или даже городское населеніе отнятыхъ у Польши областей *).

Въ собственной же Пруссіи еврейскій вопросъ въ общемъ оставался безъ движенія. Только въ 1801 г. евреямъ, уже при Фридрихѣ Вильгельмѣ III, удалось добиться отмѣны круговой поруки. 18 іюля 1801 г. было рѣшено освободить еврейскія общины отъ отвѣтственности за случаи кражи и укрывательства краденаго, но въ то же время было постановлено учредить для наблюденія за добропорядочнымъ поведеніемъ евреевъ спеціальныя „цензурныя комиссіи" (Censurcommission). Эти комиссіи должны были состоять изъ представителей еврейскихъ общинъ, пользующихся хорошей репутаціей, подъ предсѣдательствомъ полицейскаго чиновника и съ участіемъ члена городского суда. Онѣ должны обращать вниманіе на тѣхъ евреевъ, которые давали поводъ подозрѣвать ихъ въ какихъ-нибудь неблаговидныхъ продѣлкахъ, выдавать прусскимъ и иностраннымъ евреямъ требуемые закономъ паспорта и удостовѣренія, выдавать разрѣшенія на допущеніе иностранныхъ евреевъ въ качествѣ служащихъ и приказчиковъ и т. д. Комиссіи, однако, не начали функціонировать, такъ какъ прошло нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ вопросъ объ ихъ составѣ и правахъ былъ разработанъ всѣми инстанціями, а тѣмъ временемъ подоспѣлъ 1806 г., когда разгромъ Пруссіи Наполеономъ поставилъ передъ правительствомъ задачи совершенно другого рода. Такимъ образомъ была только отмѣнена позорная круговая порука, и придуманныя бюрократіей новыя гарантіи еврейской „нравственности" такъ и остались лишь архивнымъ матеріаломъ *).

И. Левинъ.

---

*) R. Lewin, l. c., 476 слѣд.

**) L. Geiger, l. c., часть II, стр. 176—7, Freund, l. c., т. I, тр. 82—88.— О борьбѣ за эмансипацію въ періодъ 1808—1812 г. см. нашу статью: „Начало эмансипаціи евреевъ въ побѣжденной Пруссіи" (Евр. Стар. 1915 г. вып. 3—4).

Крымчаки.

Этнографическій очеркъ.

(По личнымъ наблюденіямъ).

Въ городахъ Крымскаго полуострова, кромѣ польскихъ и литовскихъ евреевъ, живутъ еще туземные евреи, такъ называемые *крымчаки* (не смѣшивать съ караимами). Наиболѣе многочисленная крымчакская община живетъ въ городѣ Карасубазарѣ. Здѣсь насчитывается около 3.000 крымчаковъ, въ Симферополѣ—около 2.000, въ Керчи—около 800, въ Ѳеодосіи—около 700, въ Евпаторіи—около 300, въ Севастополѣ—около 200, въ Ялтѣ—около 100. Въ этихъ семи городахъ крымчаки живутъ отдѣльными общинами, имѣютъ свои отдѣльныя синагоги и въ общинныхъ дѣлахъ управляются вполнѣ самостоятельно. Встрѣчаются крымчаки еще въ Алуштѣ, Армянскѣ, Старомъ-Крыму, Бахчисараѣ, Бердянскѣ, Мелитополѣ, Джанкоѣ, Судакѣ, Геническѣ, а за предѣлами Таврической губерніи—въ Одессѣ, Сухумѣ и Новороссійскѣ. Но во всѣхъ этихъ городахъ крымчаковъ такъ мало, что тамъ они не могутъ составлять самостоятельныхъ общинъ, а входятъ въ составъ польско-еврейскихъ или литовско-еврейскихъ общинъ.—Для жителей Крымскаго полуострова слова „крымчакъ“ и „еврей“ являются выраженіями различныхъ этнографическихъ понятій: первое обозначаетъ туземныхъ евреевъ Крыма, а второе — выходцевъ изъ Польши и Литвы. Въ такомъ условномъ значеніи будемъ и мы употреблять эти слова.

Крымчаки существенно отличаются отъ евреевъ по своему языку. Вмѣсто еврейско-нѣмецкаго діалекта „идишъ“, они говорятъ по татарски. Первыя слова, которыя лепечетъ ребенокъ крымчака,—это: ата̀ (папа), ана̀ (мама), пик'ата̀ (дѣдушка), пик'ана̀ (бабушка по матери), бабу (бабушка по отцу), апа̀й (тетя), ака̀й (дядя)...

Давніе обитатели Крыма, крымчаки, усвоили татарскій языкъ во время долгаго татарскаго владычества на этомъ полуостровѣ, въ періодъ существованія татарскаго ханства (XIII—XVIII в.). На ихъ глазахъ народилось это ханство, развивалось, крѣпло, достигло своего могущества при Бахчисарайскихъ ханахъ, и на ихъ же глазахъ ханство, терзаемое внутренними раздорами, слабѣло, распадалось и наконецъ совсѣмъ пало и вошло въ составъ Россійской Имперіи. Много столѣтій крымчаки жили бокъ-о-бокъ съ татарами и теперь еще продолжаютъ жить. Неудивительно поэтому, что они не только языкъ татарскій усвоили, но отчасти даже татарскіе нравы и обычаи; въ одеждѣ и домашней обстановкѣ они мало отличаются отъ татаръ. Почти всѣ крымчаки-мужчины носятъ на головѣ черныя барашковыя шапки круглый годъ, какъ и татары, а женщины облекаются обыкновенно въ туземные татарскіе кафтаны. Молодыя крымчачки сейчасъ же послѣ выхода замужъ начинаютъ носить на головѣ поверхъ длинныхъ косъ пестрые платки, которые по татарски называются „кіихъ“. У старухъ „кіихъ“ замѣняется своеобразнымъ головнымъ уборомъ—„башъ-баги“. Молодыя женщины очень часто въ складкахъ своего „кіиха“ прячутъ кусочки чеснока, чтобы такимъ образомъ уберечь себя отъ дурного глаза. Мужчины носятъ на ногахъ легкіе сапоги, безъ кожаной подошвы и подборовъ, состоящіе сплошь изъ мягкой кожи („местъ“), а женщины—особые желтые туфли безъ задниковъ, только на подошвахъ и съ носками („папучъ“).

Въ старыхъ крымчакскихъ домахъ, даже у зажиточныхъ людей, до сихъ поръ полъ въ комнатахъ земляной. Онъ сплошь устилается войлокомъ, поверхъ котораго вдоль стѣнъ разложены тюфяки („миндерлики“), покрытые пестрою и толстою ковровою тканью. На тюфякахъ лежатъ прислоненныя къ стѣнкамъ продолговатыя подушки, наполненныя густою и твердою шерстью. Подушки эти представляютъ для сидящаго очень удобную опору. Въ отличіе отъ „башъ-стыхи“, головныхъ подушекъ, эти подушки называются „янъ-ястыхи“, т. е. боковыя подушки. Крымчакъ послѣ трудового дня съ особымъ удовольствіемъ отдыхаетъ на своемъ „миндерликѣ“, опираясь на „янъ-ястыхи“. У „миндерлика“ же стоитъ обѣденный столъ, тоже своеобразный: круглый, вышиной отъ пола въ 7 или 8 вершковъ. Вмѣсто стульевъ—маленькія скамеечки для дѣтей; взрослые же садятся прямо на полу, на войлокѣ, и на „миндерликѣ“. У одной стѣны комнаты устроена деревянная арка, съ вырѣзанными на ней узорами. Подъ аркой находится деревянное возвышеніе, которое служитъ кроватью и на которомъ складываются всѣ матрацы

и одѣяла въ домѣ. Впрочемъ, молодое поколѣніе крымчаковъ понемногу сбрасываетъ съ себя старину и устраиваетъ свой домъ по европейскому образцу.

Крымчаки переняли у татаръ также многія кушанья. Наиболѣе почетныя блюда у крымчаковъ суть: „сюзме"—ушки изъ тѣста, начиненныя мясомъ, облитыя горячимъ топленымъ саломъ и обсыпанныя смѣсью орѣховъ и хлѣба; „кюбете"—вкусный пирогъ, съ полъ-аршина въ поперечникѣ, начиненный мясомъ, помидорами, картофелемъ, щедро надѣленный саломъ; „пилявъ"—рисовая каша съ помидорами, мясомъ и саломъ; „чиръ-чиръ", извѣстные въ Крыму подъ именемъ „чебурековъ"—мягкіе пирожки изъ тѣста и мяса, которые жарятся на салѣ или на подсолнечномъ маслѣ; они, очевидно, и названіе свое „чиръ-чиръ" получили отъ звуковъ, издаваемыхъ въ то время, когда ихъ жарятъ.

Переняли крымчаки у татаръ и нѣкоторые обычаи, которыми сопровождаются семейныя торжества. Особенно интересенъ слѣдующій свадебный обычай. Подъ громкіе звуки веселой музыки, въ сопровожденіи шумной толпы своихъ товарищей и близкихъ, женихъ отправляется передъ вѣнчаніемъ въ баню. Онъ обязанъ въ этотъ день помыть на свой счетъ въ банѣ всѣхъ товарищей. Однако, такое удовольствіе товарищамъ жениха обходится недешево. Дѣло происходитъ такъ. Жениха внутри бани сажаютъ на стулъ на „орта-ташъ", т. е. на большомъ среднемъ камнѣ, который является непремѣнной принадлежностью татарской бани. Присутствующій тутъ же цирюльникъ передъ купаніемъ стрижетъ волосы жениху. Какъ только приступаютъ къ стрижкѣ, начинается соревнованіе среди веселой молодежи. „Кесъ!"—кричитъ одинъ изъ молодыхъ людей, вручаетъ при этомъ деньги цирюльнику, приказывая ему стричь волосы жениху. „Кесме!"—кричитъ другой, вручая цирюльнику бóльшую сумму денегъ и приказывая ему не стричь. Долго чередуются возгласы „кесъ!", „кесме"!—пока, наконецъ, не остригутъ жениха. При этомъ на долю цирюльника перепадаетъ не одинъ десятокъ рублей *).

Припоминается въ связи съ этимъ обычаемъ одинъ курьезный случай, характеризующій культурный уровень крымчаковъ, которые и въ этомъ отношеніи недалеко ушли отъ татаръ. Какъ-то въ банѣ, при церемоніи „кесъ-кесме", товарищи стали подзадоривать одного

*) Этотъ обычай описанъ и въ „Massa Krim" Дейнарда (Варшава 1878, стр. 142), но въ иной формѣ. Тамъ игра идетъ не на стрижку, а на одѣваніе и раздѣваніе жениха и т. п. Но разсказъ Дейнарда вообще далекъ отъ точности.—*Ред.*

молодого крымчака и журили его за то, что онъ скупится и не принимаетъ участія въ соревнованіи. Тому обидно стало. Чтобы наказать своихъ товарищей за обиду, онъ успѣлъ войти въ соглашеніе съ цирюльникомъ и сталъ громко выкрикивать „кесъ“!—„кесме!“, не стѣсняясь при этомъ размѣрами вносимыхъ каждый разъ суммъ. Товарищи недоумѣвали, не понимая причины такой щедрости, и чтобы не ударить лицомъ въ грязь, отвѣчали на его ставки еще большими ставками. Благодаря этому, ловкому цирюльнику удалось собрать обильную жатву, и обиженный, который по уговору самъ ничего не заплатилъ ему, получилъ нѣкоторое удовлетвореніе. Потомъ эта исторія открылась, и компанія молодежи рѣшила примѣрно наказать хитраго товарища. И вотъ спустя короткое время, когда вся компанія пошла куда-то въ гости и, снявъ свои пальто, зашла въ комнаты,—нѣкоторые изъ молодыхъ людей вышли въ переднюю и ножницами изрѣзали совершенно новое, только что сшитое пальто того товарища, который въ банѣ такъ зло подшутилъ надъ ними. Бѣдняга долженъ былъ послѣ этого вернуться домой въ изрѣзанномъ пальто и долго не могъ забыть объ этой продѣлкѣ товарищей.

Отличаются крымчаки и въ своихъ синагогальныхъ порядкахъ. Амвонъ, служащій одновременно и для возглашенія молитвъ канторомъ и для чтенія Торы, находится у нихъ всегда по серединѣ синагоги, а не возлѣ ковчега со свитками Торы. Амвонъ называется у нихъ по древнееврейски „tebah“, ковчегъ—„hechal“, а синагога—„kahal“. Молитвенники у крымчаковъ—особые, не ашкеназійскіе, а сефардійскіе. Древне-еврейскій текстъ они читаютъ и произносятъ по своему. Напримѣръ, „Барухъ ата адонай элоэну мелехъ аоламъ ашеръ кидешану бемичвосавъ вечивану алъ диврe тора“. Характерно, что еврейская буква *ц* (цади) произносится ими какъ *ч*.

По субботамъ и праздничнымъ днямъ въ синагогѣ каждый разъ передъ чтеніемъ „парашá“, т. е. положенной на этотъ день части Пятикнижія, производится продажа разныхъ почетныхъ функцій, связанныхъ съ чтеніемъ Торы, какъ напр. „песиха“ (открытіе ковчега), „гакафа“ или „акафа“ (несеніе Торы), „гелила“ (свертываніе свитка Торы), „гагба“ или „агбаа“ (поднятіе свитка). Всѣ молящіеся сидятъ на своихъ мѣстахъ, а шамашъ, т. е. синагогальный служка, медленно ходитъ между скамьями и, внимательно всматриваясь во всѣ лица, выкрикиваетъ съ особымъ напѣвомъ: пе-е-е-сиха окбешъ (15 коп.), пе-е-е-сиха игирми (20 коп.), пе-е-е-сиха отузъ!“ (30 коп.). Привычнымъ глазомъ онъ замѣчаетъ, кто изъ присутствующихъ желаетъ набавить цѣну, и продолжаетъ выкри-

кивать: „пе-е-е-сиха кирхъ! (40 коп.). И если нѣтъ больше набавляющихъ на песиха, тогда шамашъ подходитъ къ хазану, и тотъ съ особымъ молитвеннымъ напѣвомъ громко объявляетъ на древнееврейскомъ языкѣ, что такой-то, скажемъ, Яковъ-Нисимъ Томалакъ бехаръ Шаломъ-Барухъ, жертвуетъ за „песиха“ 40 коп. Этимъ онъ пріобрѣтаетъ право открыть занавѣсъ у ковчега со свитками Торы и раскрыть самый ковчегъ.

Такимъ же точно образомъ продается право на „акафа“*), т. е. на несеніе свитка Торы изъ ковчега до амвона и съ амвона послѣ окончанія чтенія обратно въ ковчегъ. Купившій „гелила“ пріобрѣтаетъ право разоблачать Тору, снимать со свитка всѣ одѣянія, а купившій „агбаа“ получаетъ право поднять съ амвона свитокъ въ раскрытомъ видѣ, повернуться съ нимъ кругомъ такъ, чтобы вся синагога могла видѣть то мѣсто свитка, откуда начнется чтеніе въ данную недѣлю. Дѣлаетъ онъ это при громкомъ шопотѣ кругомъ: „Тора эметъ, Моше эметъ“ (Тора—правда, Моисей—правда). Самое чтеніе Торы сопровождается особымъ напѣвомъ, тягучимъ, мелодичнымъ и для привычнаго уха весьма пріятнымъ.

Разъ въ году, а именно въ праздникъ „Симхасъ-тора“, чтеніе Торы изъ свитка достается на долю мальчиковъ, которые къ чтенію этому начинаютъ готовиться значительно раньше подъ руководствомъ своихъ учителей—„реби“. За недѣлю до „Симхасъ-торы“ въ синагогѣ продаются тѣмъ же шамашомъ права на званіе „хасана“, т. е. „жениха“ Торы. Мальчики съ большимъ интересомъ слѣдятъ за результатами „торговъ“, такъ какъ отъ этого зависитъ, будутъ или не будутъ имѣть они право на „хасанство“, или же, какъ тутъ говорятъ, на „кююблюкъ“. Отцы не жалѣютъ средствъ, чтобы купить своимъ дѣтямъ такое право. Хасаны въ день „Симхасъ-Торы“ дѣлятся на четыре разряда, въ зависимости отъ данной функціи въ торжествѣ Торы: „хасанъ-меона“, „хасанъ-ваялъ“, „хасанъ везотъ-габраха“ „хасанъ-берешитъ“. Для каждаго хасана къ его выходу подается особый свитокъ. Передъ выходомъ хазанъ громко вызываетъ мальчика по имени, съ обозначеніемъ его функціи. При этомъ вся публика встаетъ, начинается общее пѣніе тѣхъ же красивыхъ, мелодичныхъ молитвъ, которыя поются въ синагогѣ, когда туда вводятъ дѣйствительнаго жениха въ первую субботу послѣ его свадьбы. Наконецъ, первый хасанъ донесъ свитокъ до амвона, свитокъ разоблачили. Настаетъ

---

*) Описываемые авторомъ дальше обычаи и обряды отличаются лишь нѣкоторыми частностями отъ обычныхъ формъ, принятыхъ въ извѣстные дни въ старообразныхъ синагогахъ вообще.—*Ред.*

всеобщая тишина. Мальчикъ произноситъ обычную передъ чтеніемъ Торы молитву и начинаетъ читать самую Тору. То же самое продѣлываютъ и всѣ остальные три хасана. Въ этотъ день, между прочимъ, къ Торѣ должны быть вызваны всѣ присутствующія въ синагогѣ лица. Дѣлается это просто: въ обычное время вызываютъ по одному человѣку, а въ день „Симхасъ-торы“ по 3 или по 4 ряда скамеекъ сразу. Тутъ же при вызовѣ каждый громко опредѣляетъ размѣръ того пожертвованія, которое онъ намѣренъ внести въ пользу бѣдныхъ крымчаковъ спеціально на покупку пасхальной мацы. Когда взрослые уже вызваны всѣ къ Торѣ, собираютъ всѣхъ находящихся въ синагогѣ дѣтей въ возрастѣ отъ 3 до 12 лѣтъ, ведутъ ихъ къ амвону, накрывая головы ихъ однимъ общимъ „талетъ“ (талисъ), и благословляютъ ихъ всей синагогой. При этомъ читаютъ слова, которыми Яковъ передъ смертью благословилъ дѣтей Іосифа—Эфраима и Менаше. Эта необычайная обстановка, толкотня, желаніе протиснуться въ толпѣ ребятишекъ впередъ, улыбающіяся лица присутствующихъ—доставляютъ дѣтямъ громадное удовольствіе.

Дѣти принимаютъ активное участіе въ синагогальномъ богослуженіи также въ субботніе дни между Пасхой и Шавуосъ. Послѣ предварительной и сравнительно долгой подготовки, мальчики читаютъ въ синагогѣ съ амвона „перакъ“, т. е. „Цирке абботъ“, поученія отцовъ. Читаютъ обыкновенно по два мальчика: одинъ читаетъ „лашонъ“, т. е. древне-еврейскій текстъ, а другой—„тасюръ“, т. е. переводъ на татарскій языкъ. Какъ „лашонъ“, такъ и „тасюръ“ читаются съ особымъ красивымъ восточнымъ напѣвомъ. Такимъ же образомъ дѣти читаютъ въ синагогахъ въ первые два дня и въ послѣдніе два дня Пасхи библейскую Пѣснь-Пѣсней, а въ два дня праздника Шавуосъ, или, какъ онъ называется у крымчаковъ, „Матанъ-тора“, дѣти читаютъ „Русъ“, т. е. книгу Руѳи.

Мальчикъ, принявшій участіе въ какомъ-либо выступленіи въ синагогѣ, становится предметомъ особеннаго вниманія. Близкіе, знакомые его семьи, а то и совершенно чужіе люди приносятъ мальчику подарки: кто игрушку, кто книгу, носовой платокъ, чулки, а больше всего приносятъ пестрые головные платки—„шалкавай“. Отецъ такого мальчика приглашаетъ всѣхъ прихожанъ синагоги къ себѣ, какъ говорятъ у крымчаковъ, „на шаломъ“—для полученія отъ него угощенія за успѣхъ сына. Лучшимъ угощеніемъ при этомъ являются вино, варенье и круто испеченныя яйца, которыя наканунѣ оставляются на всю ночь въ жарко натопленной печкѣ,

Поздравленія, шумъ, подарки сильно дѣйствуютъ на дѣтей, и они долго сохраняютъ въ памяти дни своего выступленія въ синагогѣ.

По еврейски крымчаки пишутъ не общепринятою нынѣ скорописью, а старымъ курсивнымъ шрифтомъ, сохранившимся въ печатной раввинской литературѣ подъ именемъ „Raschi-ketab“.

Крымчаки очень дорожатъ своею стариной. Какъ зеницу ока, они берегутъ древній манускриптъ Библіи, написанный на толстомъ пергаментѣ, въ деревянномъ и кожаномъ переплетѣ. На послѣдней страницѣ манускрипта есть надпись, по которой видно, что нѣкто Саидъ сынъ Икаша продалъ эту книгу Элишѣ, сыну реби Якова, въ воскресенье 25-го Мархешвана 4607 года отъ сотворенія міра. Такъ какъ теперь по еврейскому счисленію 5677-ой годъ, то слѣдовательно книгѣ этой уже 1070 лѣтъ, такъ что по христіанскому лѣтосчисленію она написана ранѣе 847 года. Дѣйствительно, есть что беречь и чѣмъ дорожить. Такихъ манускриптовъ Библіи у крымчаковъ есть еще много, но, къ великому сожалѣнію, всѣ они безъ обозначенія датъ, и неизвѣстно точно, къ какому времени они относятся. Раньше у крымчаковъ было очень много древнихъ рукописей. Эти рукописи имѣли для археологовъ и историковъ громадное значеніе, такъ какъ проливали свѣтъ на исторію евреевъ въ Крыму. Крымчаки ихъ берегли, какъ могли. Но извѣстный караимъ Авраамъ Фирковичъ насильно, при помощи русской полиціи, отнялъ эти сокровища у крымчаковъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Вотъ какъ самъ Фирковичъ разсказываетъ объ этомъ въ своей книгѣ „Abne Sikkaron“ (Вильна, 1872 *).

„Я пріѣхалъ въ Карасубазаръ и на утро пошелъ въ синагогу крымчаковъ. Послѣ утренней молитвы крымчаки меня привѣтствовали съ пріѣздомъ. Я показалъ имъ письмо начальства съ просьбой разрѣшить мнѣ осмотрѣть находящіяся у нихъ древнія рукописи. Крымчаки мнѣ разрѣшили. Мы осмотрѣли двѣ синагоги и въ большей изъ нихъ нашли два старыхъ пятикнижія, написанныхъ на пергаментѣ, а также рукописный молитвенникъ въ двухъ томахъ. написанный рукою Давида Лехно, начатый въ 1725 г. и оконченный въ 1728 году. Найденное я положилъ пока для храненія въ ковчегъ со свитками въ синагогѣ, а самъ вошелъ въ хедеръ крымчаковъ, который находился тутъ же во дворѣ синагоги.

„Хедеръ былъ переполненъ дѣтьми, и въ немъ было очень душно.

---

*) Авторъ даетъ далѣе сокращенный переводъ соотвѣтствующей цитаты изъ книги Фирковича (стр. 15—18).

Я замѣтилъ, что между сѣверною стѣною хедера и смежною стѣною синагоги остается пустое пространство. Я сказалъ меламеду: „Душа моя скорбитъ при видѣ несчастныхъ вашихъ дѣтей. Какъ не пожалѣетъ ихъ общество, не присоединитъ пустое мѣсто къ хедеру? Вѣдь тогда дѣтямъ будетъ свободнѣе дышать“. Какую радость доставилъ мнѣ отвѣтъ меламеда, когда онъ сказалъ, что пустота между синагогой и хедеромъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для разныхъ рукописей и испорченныхъ молитвенниковъ! Я немедленно сталъ просить разрѣшенія у представителей общества— пересмотрѣть содержимое хранилища, въ надеждѣ найти тамъ что-либо, имѣющее историческую цѣнность. Представители общества отвѣтили, что такого разрѣшенія дать они никакъ не могутъ, что большой грѣхъ даже прикасаться къ содержимому хранилища. Я сталъ ихъ успокаивать и сказалъ, что грѣхъ падетъ не на ихъ голову, что рыться въ хранилищѣ буду я по порученію Таврическаго губернатора. Тутъ я прочиталъ имъ письмо губернатора, что произвело на нихъ громадное впечатлѣніе. Ихъ охватили ужасъ и смятеніе. Объ изслѣдованіи древностей они и понятія не имѣли. Они, какъ видно, думали, что вдругъ среди бумагъ найдется что-либо такое, что докажетъ ихъ происхожденіе отъ караимовъ и что вслѣдствіе этого правительство можетъ потребовать, чтобы крымчаки перешли обратно въ караимство *). Изъ боязни этого они и не позволили мнѣ ознакомиться съ содержимымъ хранилища. Они стали пугать меня и говорить, что мѣсто это находится подъ проклятіемъ, что никто никогда не проникалъ туда, и что всякій, прикоснувшійся къ хранилищу, обязательно умретъ, какъ это уже одинъ разъ случилось.

„Когда я увидѣлъ, что мои увѣщеванія не возымѣютъ дѣйствія, я сказалъ: „Если такъ, то я вынужденъ прибѣгнуть къ помощи полиціи. Если и полиція признаетъ силу за проклятіемъ, тогда я откажусь отъ своего намѣренія изслѣдовать содержимое хранилища“. Они согласились. Я пошелъ въ полицію, показалъ тамъ бумагу губернатора и разъяснилъ цѣль своего прихода. При видѣ бумаги графа Воронцова приставъ немедленно взялъ двухъ татаръ-городовыхъ, и мы пошли въ крымчакскую синагогу. До нашего прихода тамъ уже собрались крымчаки и польскіе евреи, какъ на войну. Приставъ прочиталъ имъ письмо графа Воронцова и сказалъ: „какъ вы смѣете не повиноваться приказу губернатора“?

*) Фирковичъ старался доказать и внушить правительству, что крымчаки—потомки отпавшихъ отъ караимства и „совращенныхъ“ раббанитами.—*Ред.*

Они отвѣтили: „Мы по преданію знаемъ, что если прикоснуться къ хранилищу, то городъ постигнутъ бѣдствія и болѣзни". Тогда приставъ сказалъ имъ: „это коснется насъ, а не васъ". Приставъ приказалъ городовымъ принести кирку и лопату. Когда городовые шли черезъ толпу крымчаковъ, тѣ шептали имъ на ухо: „остерегайтесь, не касайтесь стѣны хранилища, а не то—сейчасъ же умрете". Татары-городовые, будучи суевѣрными, повѣрили имъ. Они принесли инструменты и со слезами на глазахъ стали просить пристава уволить ихъ отъ этой работы, такъ какъ они боятся умереть. Видя упорство крымчаковъ, я сказалъ; „я съ вами иначе поступлю". Я самъ взялъ кирку, сталъ копать стѣну хедера и уже прокопалъ отверстіе величиною въ окно. Толщина стѣны была всего въ 6 вершковъ. Со мною никакого несчастья не случилось. Только послѣ этого городовые, по приказу пристава, взяли каждый свое орудіе разрушенія въ руки и снесли половину всей стѣны. И что же я увидѣлъ? Хранилище переполнено книгами и рукописями, которыя придется нагрузить на нѣсколько возовъ! Приставъ, довольный результатами своего воздѣйствія, ушелъ, а со мною оставилъ тѣхъ же двухъ городовыхъ.

„Вѣсть о происшедшемъ быстро разошлась по городу. На помощь мнѣ скоро пришли жившіе въ Карасубазарѣ караимы. Я былъ внутри хранилища, просматривалъ, отбиралъ, откладывалъ. Работать тамъ нельзя было изъ-за пыли, которая не давала мнѣ дышать, лѣзла въ ротъ и въ носъ. Я сталъ выносить содержимое хранилища наружу и просилъ караимовъ складывать все въ хедерѣ при помощи городовыхъ. Я имъ подавалъ, они уносили, складывали, а стоявшіе тутъ крымчаки стенали, плакали, выдергивали волосы изъ бороды и говорили: „если кто не видѣлъ гибели храма Іерусалимскаго, пусть придетъ и увидитъ нашу гибель".

„Слышалъ я, что на слѣдующій день вся крымчакская община соблюдала постъ и скорбно молилась Богу, чтобы онъ не покаралъ ее за открытіе хранилища. Я же съ полудня до вечера, при помощи моихъ сородичей, опорожнилъ все хранилище, взялъ оттуда все цѣнное на первый взглядъ. Я искалъ и нашелъ. Не слѣдуетъ вѣрить тѣмъ, которые говорятъ: „искалъ и не нашелъ". Зналъ я, что у крымчаковъ есть Библія съ датой 4607 года. Ее я найти не могъ, такъ какъ крымчаки поспѣшили скрыть ее отъ меня. Объ этой Библіи я спрашивалъ у крымчаковъ и черезъ пристава, но они продолжали твердить, что не знаютъ, гдѣ она. Вынутое изъ хранилища я запаковалъ въ нѣсколько мѣшковъ, запечаталъ мѣшки и оставилъ ихъ на храненіе въ хедерѣ. Я обратился съ рапортомъ

къ губернатору обо всемъ этомъ, и онъ распорядился вывезти всѣ запечатанные мѣшки въ Симферополь".

Вотъ какъ описываетъ Фирковичъ свой подвигъ похищенія у крымчаковъ ихъ священныхъ древностей. Хорошо, что крымчаки при всей своей некультурности и боязни полиціи успѣли отстоять хоть одну свою святыню—упомянутую выше древнюю Библію. Не даромъ еще и теперь крымчаки не могутъ равнодушно слышать имя Фирковича. Фирковичъ старался доказать, что всѣ древнія рукописи, отобранныя у крымчаковъ, принадлежатъ караимамъ и на этомъ основаніи строилъ свою теорію о древнѣйшемъ поселеніи караимовъ въ Крыму. Эта теорія весьма пригодилась караимамъ, ибо имѣла большое вліяніе при рѣшеніи вопроса объ ихъ гражданскихъ правахъ въ Россіи. Караимы въ Россіи, какъ извѣстно, являются полноправными гражданами, между тѣмъ какъ крымчаки наравнѣ со всѣми евреями лишены многихъ гражданскихъ правъ.

И. Кая.

Карасубазаръ.

„Пустыня“ въ исторіи и идеологіи древняго Израиля.

III *).

1. Первая половина IX-го вѣка была наиболѣе счастливымъ періодомъ израильской исторіи со временъ раздѣленія царствъ. Омри (883—877) и сынъ его Ахабъ (876—854) удачными войнами и разумной политикой сумѣли не только защитить страну отъ внѣшнихъ враговъ, но и расширить ея границы, а союзъ съ Іудой, низведеннымъ на роль израильскаго вассала, создавалъ иллюзію великодержавности Израиля, напоминавшую славную эпоху Давида. Вновь, какъ во времена Соломона, израильтяне „сидѣли каждый подъ виноградникомъ своимъ и смоковницей своей“, наслаждаясь благами земли и широко развившейся торговли съ Финикіей и Дамаскомъ**). Правда, этими политическими успѣхами Израиль былъ въ значительной мѣрѣ обязанъ своему будущему великому врагу—Ассиріи, которая постоянной угрозой тяготѣла надъ арамейскимъ царствомъ и сковывала его завоевательныя стремленія; но сами израильтяне воспринимали, конечно, свое упрочившееся политическое положеніе какъ проявленіе своей мощи, т. е. торжества Іагве надъ богами окружающихъ народовъ.

Въ духовномъ отношеніи періодъ этотъ однако былъ далеко не столь благополучнымъ: напротивъ того, подъ покровомъ матеріальнаго расцвѣта—въ извѣстномъ смыслѣ даже въ связи съ нимъ—назрѣвалъ серьезный идейный конфликтъ, первыя вспышки котораго въ царствованіе Ахаба, видимо, глубоко потрясли народное воображеніе и отбросили свою мрачную тѣнь на все это—въ сущности счастливое и славное—царствованіе.

---

*) См. Евр. Стар. 1916 г., вып. II—III, стр. 210—226.

**) Объ израильскихъ „факторіяхъ“ въ Дамаскѣ и о сирійскихъ въ Самаріи см. I Цар. 20, 34. Ср. объ этомъ: Буль, Соціальныя отношенія израильтянъ, стр. 61—62.

Корни этого конфликта, какъ уже указывалось выше, лежали въ томъ непримиримомъ противорѣчіи, которое отдѣляло идеологію Израиля, усвоенную имъ въ Ханаанѣ при переходѣ къ земледѣлію, отъ того стараго духовнаго уклада, который онъ принесъ съ собою изъ Сирійско-Аравійскихъ степей и который, хотя и вытѣсненный изъ жизни, хранился, повидимому, „въ тайникахъ народнаго сознанія и въ замкнутыхъ кругахъ ревнителей Іагве". Если эти традиціи, даже находясь въ „скрытомъ состояніи", были настолько живучи, что нахлынувшее и все усиливавшееся вліяніе ханаанейской культуры не въ силахъ было съ ними окончательно совладать, то имманентный ходъ историческаго развитія неминуемо долженъ былъ привести къ рѣзкому столкновенію между старымъ и новымъ идейными мірами, такъ какъ разладъ между ними все болѣе усиливался.

Мы имѣемъ передъ собою, безъ сомнѣнія, историческій процессъ, отмѣченный печатью глубокаго своеобразія.

Всякому соціально-бытовому укладу соотвѣтствуетъ свое, болѣе или менѣе опредѣленное, міровоззрѣніе, а такъ какъ духовная жизнь въ древнѣйшее время исчерпывалась религіей или, точнѣе, существовала лишь въ религіозныхъ формахъ, то всякой стадіи соціально-бытовой эволюціи соотвѣтствовалъ свой типъ религіознаго сознанія и культа. Религія номадовъ при ихъ переходѣ къ осѣдлости необходимо должна была уступить мѣсто новой фазѣ религіи, въ которой діонисовскій элементъ по самой природѣ вещей игралъ преобладающую роль. Всѣ народы, пережившіе этотъ переходъ отъ кочевой жизни къ осѣдлой, должны были продѣлать соотвѣтствующую эволюцію и въ своей идеологіи, и у всѣхъ народовъ она протекала, повидимому, совершенно безболѣзненно. Израиль въ этомъ отношеніи представляетъ собою яркое исключеніе: усвоеніе имъ ханаанейской культуры сопровождалось глубокимъ потрясеніемъ всего народнаго организма, вызвавшимъ къ жизни самое великое явленіе духовной исторіи человѣчества—профетизмъ.

На вопросъ о причинахъ этого историческаго феномена можно, конечно, отвѣтить указаніемъ на рядъ обусловившихъ его моментовъ и, въ первую очередь, на тѣ политическія условія, которыя опредѣлили процессъ усвоенія новой культуры: на постепенность заселенія Ханаана, на этническую близость между ханаанеянами и израильтянами, благодаря которой новая культура не вытѣснила стараго языка и оставила въ неприкосновенности примитивныя литературныя традиціи, на различіе политическихъ судебъ израильскаго сѣвера и юга, въ результатѣ чего Іудея играла роль храни-

тельницы завѣтовъ старины, и т. д. „Но за вычетомъ всѣхъ этихъ общихъ факторовъ остается еще одинъ опредѣляющій и даже рѣшающій моментъ, не поддающійся никакому дальнѣйшему анализу, а именно та форма, въ которой данный народъ реагируетъ на указанныя политическія или иныя условія, то, какъ онъ выявляетъ свою индивидуальность, осуществляя или отвергая тѣ или иныя изъ открывающихся передъ нимъ возможностей,—словомъ то, что мы должны опредѣлить, какъ *характеръ или укладъ даннаго народа*, который историческое изслѣдованіе должно принять какъ данное и который именно опредѣляетъ собою все своеобразіе и внутреннюю сущность всякаго историческаго процесса“ (Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, I, 1, стр. 83).

Здѣсь насъ однако въ первую очередь занимаетъ не вопросъ о причинахъ назрѣвавшаго въ Израилѣ идейнаго конфликта, а самое содержаніе его, которое можно вкратцѣ охарактеризовать слѣдующимъ образомъ:

Іагве, съ которымъ израильскіе кочевники заключили нѣкогда союзъ у Синая, мыслился ими, съ одной стороны, какъ Богъ могучихъ и грозныхъ стихій *), „являвшійся Израилю то въ видѣ огня, то въ видѣ облака, не допускавшій никакихъ изображеній и незримо витавшій надъ трономъ своимъ—ковчегомъ, который чтился Израилемъ, какъ величайшая племенная святыня“. Съ другой стороны, это былъ Богъ, имя котораго было неразрывно связано съ великимъ прологомъ израильской исторіи, съ освобожденіемъ отъ египетской зависимости. „Освобожденіе это не только совпадаетъ съ утвержденіемъ среди израильскихъ племенъ Іагвизма; оно совершается всецѣло подъ знакомъ новой религіи, и герой его—Моисей является къ народу отъ имени Синайскаго Бога Іагве, открывшагося ему въ пустынѣ и зовущаго народъ къ себѣ“. Это совпаденіе исхода и заключенія Синайскаго союза является особенно знаменательнымъ, ибо оно запечатлѣло въ народной памяти тѣсную связь между Іагве и историческими судьбами Израиля: здѣсь implicite заключалось будущее представленіе о Іагве, какъ о Богѣ, въ великихъ событіяхъ міровой исторіи являющаго свою справедливую волю. Соотвѣтственно этому представленію о Богѣ, и вся религіозная жизнь израильскихъ кочевниковъ носила „суровый, величе-

*) Если имя „Іагве“ имѣетъ какой-либо опредѣленный смыслъ, вытекающій изъ этимологіи этого слова (въ чемъ нѣкоторые изслѣдователи, въ томъ числѣ Винклеръ, сомнѣваются по теоретическимъ, апріорнымъ соображеніямъ, не лишеннымъ извѣстной убѣдительности), то оно означало, вѣроятно, „разящій“, „низвергающій“ (ср. Gesenius-Buhl: Jahve).

ственный характеръ, отпечатокъ безмолвной, величавой природы Аравійскихъ степей, а такъ какъ религія на этой ступени развитія является центромъ всей духовной жизни, то и весь бытъ и культура израильскихъ племенъ въ эту эпоху были отмѣчены тѣми же чертами сдержанности, сосредоточенности и медлительной величавости, которыя понынѣ столь типичны для бедуиновъ Каменистой Аравіи" *).

Какъ далекъ весь этотъ міръ отъ того царства діонисовскихъ началъ, какое представляли собою религіозный культъ и повседневная жизнь Израиля, послѣ того какъ онъ вмѣстѣ съ земледѣліемъ воспринялъ новыя бытовыя и идеологическія формы у побѣжденныхъ ханаанеянъ!

Выше (стр. 220—221) мы уже говорили, что правильный культъ Ваала, который былъ вѣками испытанъ ханаанеянами и оказывался всегда „цѣлесообразнымъ", долженъ былъ быть перенятъ израильтянами, какъ составная часть земледѣльческаго быта: если отъ Ваала, какъ отъ „хозяина" („баалъ"—хозяинъ, господинъ, мужъ) земли, зависѣлъ урожай, то все то, что дѣлалось для снисканія его расположенія, въ такой же мѣрѣ входило въ кругъ заботъ земледѣльца, какъ удобреніе земли или оставленіе ея подъ паромъ. Но въ отличіе отъ этихъ чисто-техническихъ пріемовъ, дружба (или союзъ) съ Вааломъ была тѣмъ элементомъ земледѣльческой культуры, который вторгался во всѣ сферы соціальной и духовной жизни, формируя ихъ по своему и подчиняя ихъ заключенной въ немъ идеологіи. Сущность же идеологіи этой составляло обожествленіе живыхъ силъ природы, воплощающихся въ шелестѣ листьевъ священныхъ дубовъ, въ журчаніи священныхъ ключей, въ священныхъ изображеніяхъ быка, высшаго символа силы и плодородія. Плодородіе, какъ источникъ жизни и увѣнчаніе ея, плодородіе земли и человѣка—вотъ основа ваализма, какъ религіознаго міровоззрѣнія. Исходя изъ нея, легко возстановить истинный смыслъ

*) Въ кавычки здѣсь и выше заключены цитаты изъ моей работы „Основныя проблемы библейской науки", стр. 59—61. Не желая загромождать эту краткую характеристику религіи израильскихъ кочевниковъ деталями, я не касаюсь здѣсь вопроса объ ея отношеніи къ монотеизму, какъ не имѣющаго прямого отношенія къ нашей темѣ; считаю нужнымъ лишь указать, что до-ханаанскій Іагвизмъ заключалъ въ себѣ, конечно, еще множество чертъ древне-семитическаго анимизма (или по другой терминологіи: аниматизма, полидемонизма), и потому о немъ, какъ о высшей формѣ религіи по сравненію съ ханаанскимъ ваализмомъ, можно говорить только абстрагируя отъ всѣхъ этихъ пережитковъ и исходя лишь изъ тѣхъ чертъ Іагвизма, которыя послужили исходной точкой для послѣдующаго развитія израильской религіи въ духѣ профетизма.

и содержаніе всѣхъ тѣхъ формъ культа, о которыхъ библейское повѣствованіе сообщаетъ намъ, что онѣ были переняты у хананеянъ: массебы, ашеры, кедеши—все должно было служить къ вящщему прославленію силъ природы и размноженія, какъ наивысшей изъ нихъ.

Неизмѣримо далеки всѣ эти религіозныя представленія и связанный съ ними вакхическій бытъ отъ того уклада, съ которымъ израильтяне вступили въ Ханаанъ и который, по преданію, получилъ свое освященіе отъ самого Іагве у подножія Синая.

И если были въ Израилѣ какіе-либо слои населенія или круги, которые представляли собою благопріятную почву для сохраненія этихъ древнихъ традицій *), то разладъ, намѣчавшійся между ними и господствовавшими во всемъ Израилѣ формами жизни, еще должны были въ значительной степени усугублять слѣдующіе два момента: 1) все увеличивавшаяся общественная дифференціація, какъ результатъ сосредоточенія правъ гражданина въ рукахъ землевладѣльцевъ, развитія торговли и перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, что привело къ острому соціальному неравенству, рѣзко контрастировавшему съ примитивной простотой „патріархальныхъ“ отношеній; 2) сохраненіе наряду съ Іагве, на котораго были перенесены черты все-палестинскаго Ваала, еще множества мѣстныхъ „вааловъ“ (ср. выше, стр. 221), культъ которыхъ долженъ былъ особенно глубоко возмущать религіозное сознаніе тѣхъ, кто чтилъ какъ цѣнные завѣты предковъ старинные разсказы о ревнивомъ и гнѣвномъ Іагве, не терпящемъ никакого обожествленія наряду съ собою и положившаго это категорическое требованіе въ основу союза своего съ Израилемъ.

Первая половина IX-го вѣка, эпоха Омри и Ахаба, обострила конфликтъ въ обоихъ проявленіяхъ его, какъ соціальномъ, такъ и религіозномъ: развитіе торговли **) съ обоими сосѣдними государствами сѣвера вызвало большой приливъ богатствъ въ страну и,

---

*) О Іудеѣ, какъ хранительницѣ завѣтовъ старины, чему способствовала и природа ея, препятствующая полному отказу отъ кочевой жизни, мы уже упоминали выше. Вопросъ о племенахъ Негеба и о рехабитахъ мы, какъ указывалось (стр. 219), считаемъ цѣлесообразнымъ выдѣлить въ особую тему.

**) „Покровительство торговлѣ является самой характерной чертой царствованія Ахаба; болѣе того, оно можетъ служить ключемъ къ пониманію всей его политики, которая въ этомъ пунктѣ весьма напоминаетъ политику Соломона“ (Weinheimer, Geschichte des Volkes Israel, стр. 88; ср. тамъ-же, стр. 90—94: соціальныя и религіозныя послѣдствія торговой политики Ахаба).

конечно, усилило ихъ неравномѣрное распредѣленіе, а рука объ руку съ торговыми сношеніями шелъ и обмѣнъ духовныхъ цѣнностей, выразившійся между прочимъ въ проникновеніи въ страну Израильскую культа финикійскаго Ваала-Мелькарта и Астарты. Самъ царь, продолжая чтить Іагве, какъ высшаго національнаго Бога Израиля (на что указываютъ и „теофорныя" имена его дѣтей: Іо-рамъ, Ахаз-ія, Атал-ія), оказывалъ покровительство своей женѣ, Тирской принцессѣ Изебель, въ дѣлѣ сооруженія государственнаго храма финикійскому Ваалу въ своей столицѣ. Этимъ актомъ была въ глазахъ приверженцевъ стараго Іагвизма окончательно порвана связь израильской религіозной жизни съ ея истоками и вскрыта идолопоклонническая основа того натуралистическаго культа, который воцарился въ Ханаанѣ.

Храмъ иноземному богу на священной землѣ, алтарь Ваала рядомъ съ алтаремъ Іагве—это былъ апогей назрѣвавшаго въ теченіе двухъ вѣковъ разлада. Ревнители Іагве—рехабиты, назиреи, пророческіе ордена (бне-ганебіимъ)—приняли это какъ вызовъ и, не ограничиваясь болѣе ролью хранителей Іагвизма, словно какого-то эзотерическаго ученія, они вступили въ открытую борьбу съ офиціальной религіей и съ соціально-заинтересованными въ ней классами, придворной знатью и жреческимъ сословіемъ. Эта религіозная и общественная борьба заполняетъ собою всю исторію Израиля до утраты имъ государственной независимости; она является той идейной атмосферой, въ которой сложился и выросъ профетизмъ.

2. Первые ревнители Іагве выступали исключительно какъ борцы противъ крайностей ваализма и соціальнаго неравенства, въ частности противъ культа иноземныхъ боговъ и противъ возмущавшихъ народную совѣсть проявленій насилія и произвола (напр. казнь Набота, 1 Цар., гл. 21); ихъ *положительныя* требованія были еще имъ самимъ не вполнѣ ясны, ибо завѣты, во имя которыхъ они подняли борьбу, не были нигдѣ опредѣленно формулированы, а существовали въ ихъ собственной средѣ главнымъ образомъ какъ извѣстный моральный и идейный укладъ и лишь отчасти какъ не успѣвшая еще вполнѣ выкристаллизоваться литературная традиція. Это отсутствіе твердыхъ положительныхъ требованій и самый характеръ борьбы ревнителей, посланцевъ Іагве, предуказывали имъ опредѣленную форму выступленія, а именно: ополчаясь противъ настоящаго, они должны были въ противовѣсъ ему возвеличивать прошлое и рѣзко противопоставлять ихъ другъ другу, какъ свѣтъ и тьму; являясь къ народу отъ имени Іагве, они по

самой природѣ вещей должны были восходить до историческихъ корней Іагвизма, чтобы придать своимъ выступленіямъ наибольшую подлинность и авторитетность. То, чего требовала обстановка, въ которой приходилось дѣйствовать этимъ первымъ вѣстникамъ грядущаго пророческаго движенія, то же диктовалось и ихъ собственными воззрѣніями: Іагвизмъ, который они хотѣли утвердить на развалинахъ иноземныхъ культовъ, жилъ въ ихъ представленіи какъ завѣтъ ушедшихъ поколѣній, и призывая къ нему, они какъ бы звали своихъ современниковъ назадъ, къ давно минувшимъ вѣкамъ; далѣе, все соціальное зло, противъ котораго они выступали, было въ ихъ глазахъ, прямымъ порожденіемъ Ханаана, и наряду съ нимъ простыя, патріархальныя отношенія былой кочевой жизни должны были казаться идеальными. Все вело такимъ образомъ къ тому, что революціонный призывъ ревнителей Іагве долженъ былъ прозвучать какъ голосъ изъ того далекаго прошлаго, которое было уже совершенно вытѣснено изъ народнаго сознанія нахлынувшими на него впечатлѣніями ханаанской культуры и которое теперь въ устахъ этихъ странныхъ, словно одержимыхъ людей (2 Цар. 9, 11; Гошеа 9, 7), воскресало какъ прекрасная пора первой юности Израиля и его безмятежнаго счастья; и такъ какъ отрицательныя стороны кочевой жизни уже изгладились изъ народной памяти, то она представала передъ духовнымъ взоромъ только въ высшихъ ея достиженіяхъ, въ ореолѣ богоизбранности и вѣчнаго, нерасторжимаго союза. Забыты были пески и засухи пустыни, нескончаемые споры о колодцахъ и кровавыя распри племенъ, забыты были также темныя суевѣрія кочевниковъ и остатки самыхъ низшихъ религіозныхъ воззрѣній *)—и на фонѣ холмовъ Самаріи, гдѣ „подъ каждымъ вѣтвистымъ деревомъ“ совершался чуждый исконному Іагвизму культъ слѣпыхъ силъ природы, пустыня представлялась не этою стелющейся по землѣ густою порослью анимистическихъ вѣрованій, а вырисовывалась лишь теряющейся въ облакахъ вершиной Синая, одинокой, безмолвной, недоступной, но подавляющей величественностью формъ и суровой красотой.

Глубоко символиченъ поэтому библейскій разсказъ о великомъ

---

*) Это забвеніе отрицательныхъ моментовъ кочевой жизни и религіи характерно не только для народа, но и для пророковъ: безъ него была бы невозможна идеализація пустыни. Поскольку пережитки древне-семитскаго анимизма, принесенные изъ пустыни, еще продолжали жить въ Израилѣ, они большей частью утратили свой религіозный характеръ и стали чисто-бытовымъ явленіемъ (какъ, напр., современныя суевѣрія, восходящія по большей части къ язычеству). Съ этой стороны такимъ образомъ Іагвизму ничто не угрожало.

предтечѣ великихъ пророковъ, бѣжавшемъ искать Іагве въ пустыню.

Въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ пустыня была забыта. Съ тѣхъ поръ какъ во времена Деборы Іагве пришелъ изъ степей Эдома (Суд. 5,4) въ Ханаанъ, Онъ уже не покидалъ заповѣдной земли, причемъ первоначально Онъ еще иногда являлся или открывался избранникамъ своимъ (Суд. 6,11; 13,21; 1 Сам. 3,4), а потомъ, прекративъ прямое общеніе съ людьми, продолжалъ жить среди народа въ своихъ олицетвореніяхъ, или же незримо возсѣдать на своемъ кивотѣ надъ крыльями херувимовъ. Искать Его во всякомъ случаѣ не приходилось,—Онъ былъ *всюду*, гдѣ призывалось имя Его (Исх. 20,24), и присутствіе Его почти физически ощущалось участниками радостныхъ пиршествъ, совершавшихся „предъ лицомъ Его“ (Второз. 14,26).

Но Илія словно почувствовалъ, что Іагве не можетъ быть тамъ, гдѣ творится столько беззаконія, гдѣ рядомъ съ жертвенникомъ, воздвигнутымъ въ честь Его, идетъ нечестивый разгулъ во имя Мелькарта. И если нѣтъ Его среди избраннаго народа, то гдѣ же искать Его, какъ не въ исконной обители Его, на священной вершинѣ Синая—Хоребѣ?

„И пошелъ Илія въ пустыню и углубился въ нее на одинъ дневной переходъ и пришелъ и сѣлъ подъ дрокомъ. И вотъ посланецъ Божій коснулся его и сказалъ ему: ѣшь, ибо еще далекій путь предстоитъ тебѣ. И всталъ онъ, подкрѣпился пищей и питьемъ, и хватило ему силъ отъ этой пищи на то, чтобы идти сорокъ дней и сорокъ ночей до божественной горы Хореба. И пришелъ онъ туда въ пещеру и легъ ночевать, и тамъ открылось ему слово Іагве“ (1 Цар. 19, 4—9).

То былъ старый Іагве, явившійся ему тамъ въ тихомъ дуновеніи вѣтра, Богъ историческихъ судебъ народовъ (ст. 15—16), ревнивый и гнѣвный (ст. 18). Исполненный Его волей вернулся, согласно этой легендѣ, Илія къ своему народу, и принесенный имъ изъ пустыни, съ истоковъ истиннаго Іагвизма, духъ „Іагве Воинствъ“ (ст. 14*), черезъ вѣка возсоздавшій связь съ далекимъ, полу-забытымъ прошлымъ, уже болѣе не покидалъ Израиль,

*) То подчеркиваніе, съ которымъ ревнители Іагве употребляютъ этотъ терминъ (1 Цар. 18, 15; 19, 10. 14; 2 Цар. 3, 14), указываетъ, очевидно, на то, что это имя было долгое время въ забвеніи и служило для реставраторовъ Іагвизма лозунгомъ, боевымъ кличемъ. И дѣйствительно, какъ бы ни толковать слово „Цебаотъ“, содержаніе его плохо вяжется съ тѣмъ натуралистическимъ характеромъ, который пріобрѣлъ Іагвизмъ въ Ханаанѣ.

и вскорѣ съ новой силой проявился въ такъ называемыхъ „великихъ“ пророкахъ *).

Тѣ сто лѣтъ, которыя отдѣляютъ эпоху Иліи отъ выступленія перваго изъ этихъ пророковъ, Амоса **), представляютъ собою, несомнѣнно, эпоху усиленной духовной работы въ пророческихъ кругахъ, ибо за это время неопредѣленныя требованія первыхъ ревнителей Іагве успѣли смѣниться ясной и рѣзко очерченной программой, и протестъ противъ Ваала поднялся до высоты *принципіальнаго отрицанія ваализма вообще*. Для Амоса ясно, что основное зло заключается не въ чужеземномъ Мелькартѣ, культъ котораго, продиктованный политическими соображеніями, не распространился за предѣлы столицы и вскорѣ былъ совершенно упраздненъ (2 Цар. 3,2), а въ томъ служеніи Ваалу, которое проникло въ Іагвизмъ и совершенно извратило его внутреннюю сущность. Сообразно съ этимъ, вся борьба Амоса направлена не противъ иноземныхъ боговъ, о которыхъ Амосъ даже нигдѣ не упоминаетъ ***), а противъ того истинно-языческаго взгляда, что Іагве угодны только жертвы, а до души человѣческой Ему дѣла нѣтъ.

И среди „отвратительнаго гула праздничныхъ пировъ“, среди обилія жертвъ и приношеній (Ам. 5, 21—23), отъ которыхъ содрогаются и Іагве и Его пророкъ, Амосъ вспоминаетъ, какъ золотую пору, эпоху странствованія въ пустынѣ, когда между Іагве и Его народомъ не зіялъ пропастью этотъ ненавистный Ему культъ, и какъ-бы случайно роняетъ слѣдующія знаменательныя слова:

---

*) Этимъ терминомъ принято обозначать тѣхъ пророковъ, которые создали міровоззрѣніе профетизма своими писаніями или рѣчами, дошедшими до насъ въ писанномъ видѣ (отсюда ихъ опредѣленіе также, какъ „письменныхъ“ пророковъ). Это обозначеніе („великіе“) имѣетъ въ виду отграничить представителей высшей формы пророчества отъ подготовительныхъ стадій и не имѣетъ ничего общаго съ чисто-литературнымъ дѣленіемъ на 3 большихъ и 12 малыхъ пророковъ, точнѣе, пророческихъ книгъ.

**) Интересно отмѣтить, что Текоа, родина Амоса (Ам. 1,1), гдѣ онъ занимался скотоводствомъ (7,14), фигурируетъ въ Библіи также какъ названіе пустыни („пустыня Текоа“, 2 Хрон. 20, 20). Это можетъ служить указаніемъ на тѣ круги, среди которыхъ особенно свято хранились завѣты Іагвизма. Текоа (нынѣшнее Такуа) расположена въ 7 в. къ югу отъ Іерусалима, у границъ Іудейской пустыни (Сапиръ, Гаарецъ).

***) Единственное упоминаніе Саккута и Кевана (5,26), подъ которымъ слѣдуетъ, вѣроятно, понимать Нинибa-Сатурна (Schrader, Keilinschr. und Alt. Test, 442 сл.), является уже потому очевидной глоссой, что проникновеніе ассирійскаго культа уже въ эпоху Амоса едва-ли можно допустить (ср. комментарій Велльгаузена и Новака).

„Развѣ приносили вы мнѣ жертвы и дары въ пустынѣ, въ теченіе сорока лѣтъ, домъ Израиля?“ (Ам. 5,25 *).

Здѣсь настоящему опредѣленно противопоставляется прошлое какъ идеалъ, причемъ это прошлое неразрывно, органически связано съ пустыней.

Эту антитезу Ханаана и пустыни, Ваала и Іагве развилъ до ея крайнихъ логическихъ предѣловъ и поставилъ заключающуюся въ ней проблему культуры во всей ея широтѣ преемникъ Амоса, Гошеа.

3. Гошеа, подобно Амосу, также видитъ основное зло религіозной жизни Израиля въ томъ, что Іагвизмъ совершенно заглушенъ тѣмъ культомъ и тѣми воззрѣніями, которыя израильтяне усвоили въ Ханаанѣ вмѣстѣ съ земледѣліемъ **). Отсюда многіе ревнители Іагве, и въ первую очередь рехабиты, дѣлали тотъ выводъ, что земледѣліе—неугодное Іагве занятіе и что поэтому у всѣхъ, желающихъ соблюсти вѣрность Іагвизму, есть одинъ путь—упорнаго отказа отъ осѣдлой жизни и отъ связанной съ нею діонисовской культуры. Гошеа, вполнѣ признавая, что пустыня была колыбелью Іагвизма, не могъ, однако, согласиться съ тѣмъ ограниченіемъ Іагве, которое заключало въ себѣ воззрѣніе рехабитовъ. Не можетъ Іагве требовать отказа отъ того, что Онъ самъ даровалъ израильтянамъ и что Онъ заповѣдалъ еще предкамъ ихъ, какъ высшее выраженіе своего благоволенія; и такъ же несовмѣстимо съ истиннымъ содержаніемъ идеи Бога представленіе о Немъ, какъ о Богѣ пустыни, какъ и, напр., наивное предположеніе арамеянъ, что Іагве—Богъ горъ (1 Цар. 2,23).

По убѣжденію Гошеи, эти ревнители Іагве въ сущности повторяютъ ту же ошибку, что и сторонники ваализма, такъ какъ и тѣ и другіе исходятъ изъ той же предпосылки о нерасторжимой внутренней связи между земледѣліемъ и Вааломъ. Этому роковому

---

*) О значеніи этого стиха, какъ цѣннаго историческаго свидѣтельства о томъ, что эпохѣ Амоса не было извѣстно ни культовое законодательство среднихъ книгъ Пятикнижія, ни связанныя съ нимъ части повѣствованія о религіозной жизни израильтянъ въ пустынѣ (скинія, іерократія и т. д.), распространяться не приходится.

**) Наиболѣе типичны въ этомъ отношеніи слѣдующія цитаты: „Вѣтвистый виноградникъ—Израиль, приносившій богатые плоды. Чѣмъ больше было плодовъ, тѣмъ многочисленнѣе становились жертвенники; чѣмъ лучше жилось странѣ, тѣмъ лучшія массебы они воздвигали“ (10,1); „На тучномъ пастбищѣ они насытились; насытились, и возгордилось ихъ сердце: поэтому они позабыли Меня“ (13,6). И какъ выводъ изъ этого: „Эфраимъ (т. е. Сѣверное царство, въ которомъ земледѣліе и ваалическія формы культа особенно процвѣтали) былъ нѣкогда княземъ во Израилѣ, но черезъ Ваала онъ впалъ въ грѣхъ и погибъ“ (13,1).

заблужденію Гошеа противопоставляетъ идею о томъ, что блага земли и земледѣльческой культуры также являются даромъ Іагве и что, принося благодарственныя жертвы за нихъ вааламъ, израильтяне совершали актъ черной неблагодарности и измѣны. Какой же выводъ дѣлаетъ пророкъ изъ этого новаго взгляда? Значитъ ли это, что Іагве хочетъ, чтобы та „плата", которою до сихъ поръ покупалось расположеніе вааловъ, отнынѣ давалась Ему? Но достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы его тотчасъ же отвергнуть: вѣдь именно тотъ взглядъ, что Богу за Его дары надо платить дарами, и составляетъ самую сущность ваализма. Пусть даже Ваалъ, которому служатъ въ святилищахъ израильскихъ, носитъ имя Іагве *),—но если израильтяне чтутъ въ немъ исключительно „хозяина" земли, то онъ, какъ бы его ни называли, остается Вааломъ; рѣчь идетъ не объ имени, а о томъ, въ чемъ израильтяне полагаютъ сущность своихъ взаимоотношеній съ Богомъ: въ приносимыхъ ли Ему дарахъ, или въ вѣрности Ему?

Несравненной аллегоріей иллюстрируетъ Гошеа этотъ взглядъ, который онъ съ истинно-пророческимъ ригоризмомъ доводитъ до логическаго конца. Въ виду основного значенія этой аллегоріи для нашей темы, мы должны остановиться на ней подробнѣе.

Гошеа разсказываетъ, что ему измѣнила его собственная жена **), оказавшаяся блудницей. Онъ хочетъ отвергнуть ее, но не можетъ на это рѣшиться, такъ какъ, несмотря на все, продолжаетъ любить ее, да и жаль ему отнять мать у дѣтей, которыхъ она родила ему и которымъ Онъ далъ символическія имена: „Изреэль", „Нелюбимая" и „Не-народъ-Мой". И, обращаясь къ этимъ дѣтямъ, которымъ угрожаетъ сиротство, онъ говоритъ:

„Вините мать вашу, ее привлекайте къ отвѣту, ибо она не жена мнѣ и я ей не мужъ. Пусть она удалитъ всѣ слѣды блуда съ лица своего и развратъ съ грудей своихъ. А не то..."

Но тутъ пророкъ уже бросаетъ аллегорическую форму рѣчи; то, о чемъ онъ говоритъ, слишкомъ волнуетъ, обуреваетъ его, чтобы

---

*) См. предыд. кн. „Евр. Ст.", стр. 220. Ср. отрывокъ: Гошеа 9, 1—5, гдѣ пророкъ, возставая противъ культа и опредѣленно характеризуя его, какъ ваалическій („этнанъ"—ст. 1—означаетъ здѣсь плату, которою расплачиваются за продажную любовь, ср. гл. 2, ст. 14; этотъ терминъ явно указываетъ на то, что пророкъ смотритъ на этотъ культъ, какъ на культъ Ваала), тутъ же (ст. 4) говоритъ о немъ, какъ о справляемомъ въ честь Іагве. Очевидно, по мнѣнію пророка, одно совершенно не исключалось другимъ.

**) Многократно занимавшій и занимающій понынѣ умы библейскихъ критиковъ и комментаторовъ вопросъ о томъ, лежитъ ли въ основѣ этой аллегоріи дѣйствительное событіе изъ жизни пророка, мы оставляемъ здѣсь внѣ разсмотрѣнія.

онъ могъ все время подбирать соотвѣтственныя метафоры и выдерживать стиль. И не долго думая, онъ раскрываетъ содержаніе своей аллегоріи, но не тѣмъ, что истолковываетъ ее, а тѣмъ, что, продолжая рѣчь свою безъ всякаго перерыва, сразу, какъ бы незамѣтно для себя, подставляетъ, вмѣсто аллегорическихъ фигуръ и отношеній, дѣйствительныя: пророкъ и жена его—это Іагве и Израиль, или, вѣрнѣе, *земля Израильская*, какъ персонификація земледѣльческой культуры и связаннаго съ нею культа; и къ землѣ обращается пророкъ съ угрозой своей:

„...А не то я раздѣну ее до-нага и поставлю ее, какъ въ день ея появленія на свѣтъ; Я *) сдѣлаю ее подобной пустынѣ, превращу ее въ выжженную землю и уморю ее жаждою. И дѣтей ея не пожалѣю — они дѣти блуда: ибо блудитъ мать ихъ, творитъ позорное родительница ихъ. Она говоритъ: я пойду за моими любовниками, которые даютъ мнѣ мой хлѣбъ, мою шерсть и мой ленъ, мой елей и мои напитки. А она не знала, что это Я давалъ ей хлѣбъ, вино и елей и дарилъ ей много серебра и золота. За это Я вновь отберу у нея назадъ Мой хлѣбъ и Мое вино, шерсть Мою и ленъ Мой, и обнажу наготу ея на глазахъ ея любовниковъ, и никто уже не спасетъ ее отъ руки Моей. И Я положу конецъ всѣмъ ея радостямъ, ея праздникамъ, новолуніямъ, субботамъ и всѣмъ ея торжественнымъ днямъ, и опустошу Я виноградники и смоковницы ея (о которыхъ она говорила: *вотъ плата, которою расплачиваются со мною любовники мои*), превращу ихъ въ чащу лѣсную, и полевые звѣри будутъ ихъ поѣдать. Такъ Я взыщу съ нея за дни вааловъ, которымъ она кадила, за тѣ дни, когда она, украсивъ себя кольцами и ожерельями, шла за любовниками своими, а Меня позабыла—говоритъ Іагве.

И Я загражу путь ея стѣною, и зарастетъ онъ терніемъ, и не найдетъ она стезей своихъ. И будетъ она бѣгать за любовниками своими, но не настигнетъ ихъ; будетъ искать ихъ, но не найдетъ ихъ... И скажетъ она: пойду и вернусь я къ своему первому мужу, ибо тогда мнѣ жилось лучше, чѣмъ теперь“. (Гошеа 2, 4—15 **).

Передъ нами одна изъ самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ яркихъ страницъ духовной эволюціи Израиля. Изъ ясно осознанной антитезы іагвизма и ваализма пророкъ безстрашно дѣлаетъ тотъ выводъ, что для уничтоженія послѣдняго должны быть разрушены всѣ предпосылки его и Ханаанъ долженъ быть превращенъ въ пустыню: тогда всѣ извилистые пути, которыми народъ шелъ къ

---

*) Здѣсь, собственно говоря, пророкъ сразу обрываетъ свою аллегорію и рѣчь, начатую отъ своего имени, продолжаетъ отъ имени Іагве. Полную аналогію въ смыслѣ стиля представляетъ собою извѣстная притча Исаіи о виноградникѣ въ главѣ 5-й, 6-й стихъ которой гласитъ: „я сорву его ограду и превращу его въ пустошь, и повелю Я облакамъ не проливать на него дождя“.

**) Переводъ сдѣланъ согласно Геттингенскому комментарію (Nowack: Die kleinen Propheten). Стихи 8—9, которые въ масоретскомъ текстѣ, очевидно, нарушаютъ теченіе мысли, перенесены въ конецъ отрывка.

вааламъ, будутъ заглушены терновниками (ср. 9,6 и 10,8), и передъ нимъ будетъ открытъ лишь одинъ широкій, незарастающій путь—къ Іагве.

„Пустыня" выявляетъ здѣсь другую, не историческую, а, такъ сказать, абстрактную сторону своей идеологической сущности: она фигурируетъ какъ *наказаніе* за „дни вааловъ", за забвеніе Іагве ради благъ земли.

Но на этомъ не останавливается мысль пророка. Съ того момента, какъ Ханаанъ превращенъ въ пустыню и нѣтъ въ немъ болѣе мѣста ваалическому культу, нѣтъ уже той пропасти, которая отдѣляла Іагве отъ народа Его,—и на продиктованное сначала оппортунистическими соображеніями намѣреніе дщери Израиля „вернуться къ первому мужу, съ которымъ ей лучше жилось, чѣмъ теперь", Іагве отвѣтитъ ей полнымъ прощеніемъ и возстановленіемъ старой супружеской жизни.

Но это возрожденіе совершится не здѣсь, и не въ томъ Ханаанѣ, который будетъ превращенъ въ пустыню, а въ настоящей пустынѣ, куда Іагве уведетъ Израиля, чтобы тамъ—гдѣ ничто не будетъ напоминать о тяжелой эпохѣ разлада—онъ могъ вновь открыть душу свою Іагве и заключить съ Нимъ новый, на сей разъ уже вѣчный союзъ.

„И вотъ Я завлеку ее и уведу ее въ пустыню и буду говорить прямо сердцу ея. И оттуда Я отдамъ ей ея виноградники и превращу „Долину Скорби" въ Врата Надежды" *), и будетъ она тогда такъ же покорна Мнѣ, какъ въ дни ея юности, въ день ея исхода изъ земли Египетской. И съ того дня—говоритъ Іагве—ты будешь называть Меня „супругъ мой", а не „господинъ (баалъ) мой", и Я удалю имена вааловъ съ устъ твоихъ, и не будутъ они болѣе упоминаться. И въ тотъ день заключу Я для тебя союзъ со звѣрьми полевыми и съ птицами небесными и съ пресмыкающимися по землѣ, и удалю Я мечъ, лукъ и войну съ земли и дамъ тебѣ жить въ мирѣ. И Я обручу тебя Мнѣ навѣки правдой, справедливостью, любовью и милосердіемъ, обручу тебя Мнѣ вѣрностью, и ты познаешь Іагве.

*) Долина Скорби" (Эмекъ Ахоръ) есть дословный переводъ названія долины, черезъ которую израильтяне вошли во времена Іошуи въ Палестину (Іош. 7, 24). Въ рисуемой здѣсь пророкомъ картинѣ Израилю вновь предстоитъ вступить въ Ханаанъ изъ пустыни, и путь его будетъ, очевидно, лежать снова черезъ долину „Ахоръ". Но, такъ какъ онъ вступитъ теперь въ обѣтованную землю уже духовно возрожденный и потому съ полной вѣрой въ ожидающее его тамъ вѣчное благополучіе, то „Долина Скорби" будетъ для него „Вратами Надежды".—Пророкъ подчеркиваетъ, что „оттуда", т. е. напутствуя возрожденный Израиль въ Ханаанъ, Іагве отдастъ ему въ первую очередь *виноградники*: этимъ онъ, въ противовѣсъ рехабитамъ, оттѣняетъ, что и виноградарство, вѣнчающее земледѣльческую культуру, не заключаетъ въ себѣ ничего по существу своему анти-іагвистическаго, если оно не сопровождается вакхическимъ культомъ.

И въ тотъ день — говоритъ Іагве—Я буду благоволить небесамъ, а небеса будутъ благоволить землѣ, а земля будетъ благоволить хлѣбу, вину и елею, а они будутъ благоволить „Изреэлю" *),—и Я посѣю его для себя въ землѣ, и полюблю Я „Нелюбимую", „Не-народу-Моему" скажу „Ты—народъ Мой", а онъ скажетъ: „Ты—мой Богъ". (Гошеа 2, 16—25).

Здѣсь намъ представляется рѣдкая возможность заглянуть въ самую глубь психики пророка, пережить весь процессъ его мысли. Сначала „пустыня", въ смыслѣ опустошеннаго Ханаана, является *наказаніемъ* за блудливую приверженность къ ханаанейскому ваализму; она, слѣдовательно, играетъ ту же роль, что и мечъ, разрушеніе и плѣнъ, которыми обычно грозятъ „пророки гнѣва". Но въ отличіе отъ другихъ мѣръ возмездія она въ самой себѣ заключаетъ условія, дѣлающія ненужнымъ ея примѣненіе: опустошеніе Ханаана лишаетъ ваализмъ питающей его почвы и, такъ сказать, механически возвращаетъ Израиля въ лоно Іагвизма. Тутъ „пустыня" является уже средствомъ или предпосылкой *исправленія* Израиля и возстановленія между нимъ и Іагве старыхъ отношеній взаимной любви и вѣрности. До очевидности ясно, что, углубивъ настолько идеологическое содержаніе понятія „пустыни", пророкъ чрезвычайно сблизилъ эту, сначала абстрактную, пустыню съ *исторической* пустыней, въ которой „въ дни юности Израиля" между нимъ и Іагве также господствовали полное единеніе и искренняя любовь. Циклъ развитія этого понятія такимъ образомъ завершается: *историческая* пустыня, въ которой пророки до сихъ поръ видѣли лишь идеальное прошлое, становится также *исходной точкой* для ихъ надеждъ на будущее, для ихъ эсхатологическихъ чаяній, и золотая пора юности сливается для нихъ въ этомъ смыслѣ съ золотой порой „конца временъ" (Гош. 3,5). Но эта будущая золотая пора, послѣ того, какъ пустыня даруетъ ей достойнаго носителя въ лицѣ возрожденнаго Израиля, уже болѣе не связана съ формами кочевой жизни и съ бытомъ пустыни; напротивъ того, она рисуется пророку, какъ расцвѣтъ всѣхъ силъ природы, съ одной стороны, и какъ царство вѣчнаго мира, справедливости и человѣколюбія—съ другой. Приведенная выше картина всеобщаго благоволенія, разлитаго въ природѣ, заключаетъ

*) „Изреэль" означаетъ дословно: „Богъ посѣетъ". Въ началѣ аллегоріи (1, 4) это имя было дано сыну пророка въ знакъ того, что готовится возмездіе за тяготѣющее надъ всей страной преступленіе Іегу, совершенное въ Изреэлѣ (2 Цар., гл. 10; ср. 2 Цар. 9, 10). Здѣсь это имя, соотвѣтственно концу аллегоріи, должно быть истолковано въ благопріятномъ смыслѣ: пророкъ прибѣгаетъ для этого къ *дословному* его толкованію и превращаетъ заключавшуюся въ немъ угрозу въ обѣтъ. Всѣ три имени дѣтей пророка слѣдуетъ, конечно, понимать здѣсь какъ эпитеты Израиля.

въ себѣ in nuce всю позднѣйшую эсхатологію „пророковъ утѣшенія".

Не слѣдуетъ, конечно, представлять себѣ, что изложенный нами логическій рядъ въ точности воспроизводитъ ходъ разсужденій пророка, тѣмъ болѣе, что раціоналистическій элементъ, по сравненію съ интуитивнымъ, игралъ вообще подчиненную роль въ процессѣ выработки міровоззрѣнія пророковъ: основной стихіей ихъ души были нравственные постулаты, сильные, какъ страсти, и образы, реальные, какъ ощущенія. Но въ рамкахъ нарисованной нами схемы мы можемъ скорѣе понять и лучше оцѣнить всѣ отдѣльные идеологическіе моменты, занимавшіе пророка, въ частности не покидавшія его картины пустыни прошлаго и пустыни будущаго.

„Я узналъ тебя въ пустынѣ — говоритъ Іагве Израилю — въ знойной странѣ" (13,5); „какъ виноградъ въ пустынѣ нашелъ Я Израиля; какъ первую ягоду на едва распустившейся смоковницѣ, увидѣлъ Я вашихъ предковъ" (9,10); „когда Израиль былъ юнъ, Я полюбилъ его, и изъ Египта Я назвалъ его своимъ сыномъ" (11,1)—такъ на разные лады повторяетъ Гошеа все ту же, стоявшую очевидно, въ центрѣ его вниманія мысль о прекрасной порѣ юности Израиля, которая одна можетъ объяснить любовь Іагве къ нему, столь недостойному теперь этой любви.

Но Израилю суждено вновь пережить эту золотую пору, и послѣ того, какъ „Іагве разлюбитъ израильтянъ и изгонитъ ихъ изъ дома своего" (9,15), *„Онъ вновь поселитъ ихъ въ шатрахъ, какъ въ дни ихъ первой встрѣчи въ пустынѣ"* (12,10 *). Тогда „Онъ проститъ имъ ихъ измѣну, полюбитъ ихъ вновь и отвратитъ отъ нихъ гнѣвъ свой. Онъ будетъ росой для Израиля, который расцвѣтетъ какъ лилія; его корни разрастутся, широко раскинутся его вѣтви, онъ весь будетъ прекрасенъ, какъ маслина, и аромату Ливана будетъ подобенъ ароматъ его" (14,5—7).

4. Какъ ни грандіозны образы великихъ пророковъ, какъ ни доминируетъ индивидуально-творческая роль въ системѣ ихъ міровоззрѣнія, все же нельзя ихъ разсматривать, какъ одиноко-стоящія фигуры, внѣ связи съ выдвинувшей ихъ средой. Въ рамки настоящаго очерка не входитъ, конечно, характеристика этой среды,

*) Слово „моэдъ" въ концѣ стиха толковалось и коньектировалось на всѣ возможные лады: подъ нимъ разумѣли праздникъ суккотъ и праздникъ пасхи, читали вмѣсто „моэдъ" — „оламъ", „бинеуреха", „мидбаръ" и т. д. Намъ представляется наиболѣе обоснованнымъ мнѣніе Прокша (Geschichtsbetrachtung, 126), усматривающаго въ этомъ словѣ вошедшій у израильтянъ въ употребленіе терминъ для обозначенія періода пребыванія у Хореба (ср. Ohel Moed., Исх. 33, 7 сл.).

анализъ ея соціальнаго состава и идеологіи: намъ приходится здѣсь просто принять за фактъ существованіе такихъ сочувствовавшихъ пророкамъ круговъ, которые мы выше опредѣлили общимъ терминомъ „ревнителей Іагве". Эти круги были вмѣстѣ съ тѣмъ и хранителями литературной традиціи, собиравшими и обрабатывавшими произведенія израильской письменности; и поскольку въ этихъ кругахъ находили наиболѣе живой откликъ пророческія идеи, постольку есть полное основаніе ожидать отраженія этихъ идей въ израильской литературѣ. Правда, дошедшія до насъ въ Библіи произведенія (или фрагменты ихъ) представляютъ собою лишь весьма немногочисленныя — и подчасъ случайныя — страницы изъ всей литературы древняго Израиля, такъ что наличность слѣдовъ того или иного воззрѣнія въ сохранившихся обломкахъ есть часто дѣло случая, и отсутствіе ихъ не могло бы играть роли argumentum e silentio; тѣмъ большее значеніе приходится признать за неоднократно повторяющимися въ литературѣ пророческой эпохи свидѣтельствами того, что исходившая отъ пророковъ идеализація пустыни, какъ колыбели Израиля, и связанное съ этимъ возвеличеніе всего кочевого періода израильской исторіи (въ особенности его отправного пункта — исхода изъ Египта) оказали глубокое вліяніе на образъ мысли цѣлаго ряда поколѣній.

Выше мы указывали на тотъ боевой характеръ, какой носило выступленіе пророка Иліи: самое имя его (Іагу, т. е. Іагве,—мой Богъ) звучало, какъ призывъ, и эпитетъ Бога, „Іагве Воинствъ", былъ лозунгомъ въ его устахъ. Тѣмъ удивительнѣе, что онъ ни разу не говоритъ о Іагве, какъ о выведшемъ израильтянъ изъ Египта, да и вообще во всемъ историческомъ повѣствованіи книги Царей отъ Іеробеама I-го до Іеробеама II-го (отъ 13-й гл. 1 кн. Цар. до 17-й гл. 2 кн. Цар.) нѣтъ ни одного упоминанія Египта, какъ страны, связанной съ древнѣйшей исторіей Израиля. „Письменные" пророки произвели въ этомъ отношеніи коренной переворотъ. Объявивъ безпощадную борьбу всѣмъ видамъ натуралистическаго культа, они въ противовѣсъ ему стали выдвигать на первый планъ этическій моментъ религіи, какъ въ сферѣ личной и соціальной этики, такъ и въ самомъ широкомъ значеніи этого понятія, а именно въ смыслѣ нравственнаго міропорядка вообще и его проявленія въ израильской исторіи въ частности. Іагве, низведенному на степень Ваала Палестины, они рѣзко противопоставили Синайскаго Іагве, вершителя судебъ странъ и народовъ, первымъ, великимъ и справедливымъ актомъ котораго было избавленіе израильтянъ отъ рабства египетскаго. Это перенесеніе центра тяжести

религіи съ природы на исторію, съ слѣпыхъ стихій на жизнь людей и народовъ, должно было, конечно, въ значительной мѣрѣ способствовать усиленію интереса къ собственному историческому прошлому, къ познанію его и къ проникновенію въ его смыслъ. И дѣйствительно, эпоха пророковъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и періодомъ особеннаго развитія израильской исторіографіи, выразившагося въ собираніи народной исторической литературы, въ кодификаціи разныхъ лѣтописныхъ записей и въ ихъ объединеніи въ одну обширную систему религіознаго прагматизма. Египетское рабство было не только отправной точкой сложившагося въ то время историческаго повѣствованія, но и базисомъ всего философско-историческаго построенія, ибо освобожденіе отъ него знаменовало собою тотъ союзъ между Іагве и Израилемъ, періодически-повторявшіяся нарушенія котораго и послѣдующія за ними стадіи возмездія, покаянія, прощенія и новаго нарушенія, составляли, по убѣжденію библейскихъ исторіографовъ, вышедшихъ изъ школы пророковъ, сокровенный смыслъ и движущее начало всей израильской исторіи.

Представляется поэтому вполнѣ естественнымъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Амосъ, обращаясь къ погрязшимъ въ низкихъ побужденіяхъ израильтянамъ (2,7—8), въ порывѣ негодованія бросаетъ имъ въ лицо вопросъ Іагве: „Для того ли Я вывелъ васъ изъ Египта, сорокъ лѣтъ велъ васъ по пустынѣ и отдалъ вамъ во владѣніе землю Аморейскую?“ (2,9),—съ тѣхъ поръ египетская эпопея стоитъ неизмѣнно въ центрѣ вниманія израильскихъ идеологовъ. Они понимали, что, пробуждая въ широкихъ кругахъ народа воспоминаніе объ этомъ событіи, они внѣдряютъ въ нихъ сознаніе тѣхъ правъ, которыя Іагве этимъ самымъ пріобрѣлъ на свой народъ: „Васъ Я вывелъ изъ земли Египетской, васъ я избралъ изъ всѣхъ племенъ земли, и именно потому съ васъ Я взыщу за всѣ прегрѣшенія ваши“ (Ам. 3,1—2; ср. Гош. 13,4).

Исходъ и странствованіе по пустынѣ становятся такимъ образомъ, съ одной стороны, основой всѣхъ тѣхъ философско-историческихъ разсужденій, которыми библейскіе исторіографы стремятся осмыслить постигавшія Израиля тяжелыя испытанія (см., напр., 2 Цар. 17,7; 21,15); съ другой стороны, они дѣлаются излюбленными мотивами израильскаго литературнаго творчества, которое вноситъ въ описаніе ихъ тѣ же черты идеализаціи, что и пророки:

„Израиль—удѣлъ Іагве и Яковъ—владѣніе Его.
„Онъ нашелъ его въ пустынѣ, средь дико воющей степи,
„Сталъ ходить за нимъ, пѣстовать его, беречь его, какъ зѣницу ока своего“.

Такъ поетъ великій безымянный поэтъ той эпохи (Второз. 32,9—10 *). Снова, какъ въ пѣснѣ Деборы, Іагве представляется живущимъ на Синаѣ и оттуда являющимся къ Израилю (Второз. 33,2 **), или вообще мыслится обитающимъ далеко на югѣ, откуда пророкъ слышитъ приближеніе Его во всемъ его грозномъ великолѣпіи (Хабакукъ 3,3 ***).

Подъ вліяніемъ пророческихъ идей сложился даже особый, довольно своеобразный видъ литературнаго творчества, сочетающій въ себѣ черты религіозной лирики и дидактической прозы, многочисленные образцы котораго, вложенные въ уста Моисея, составляютъ введеніе къ основному (законодательному) ядру Второзаконія. Здѣсь на всевозможные лады варіируется тема о пустынѣ, по которой „Іагве несъ Израиль подобно тому, какъ носятъ на рукахъ своего ребенка“ (Втор., 1,31); о „великой и страшной пустынѣ, по которой Іагве провелъ Израиля среди ядовитыхъ змѣй, скорпіоновъ и выжженныхъ, безводныхъ мѣстъ, чтобы смирить, испытать и впослѣдствіи облагодѣтельствовать его, согласно клятвенному союзу, заключенному Имъ съ предками его“ (Втор. 8,15—18; ср. другіе варіанты: 8,2—4; 11,5—7; 29,4—5 ****). Характерно при этомъ, что возвеличивая кочевую эпоху, какъ періодъ вѣрности Израиля Іагве, эти „историческіе псалмы“—какъ можно назвать

*) „Пѣснь Моисея“, представляющая собою несравненную поэтическую теодицею, относится несомнѣнно къ пророческой эпохѣ и, по преобладающему въ библейской наукѣ мнѣнію (Budde, Cornill, Kautzsch), даже къ концу ея.

**) „Благословеніе Моисея“ Cornill и Kautzsch относятъ къ началу VIII-го вѣка. Стихи 1—5 большинство критиковъ отдѣляетъ отъ ядра и считаетъ самостоятельнымъ псалмомъ. См. однако Gressmann, „Die Anfänge Israels“ (въ Göttinger Bibelwerk), стр. 173 сл.

***) Пророкъ Хабакукъ раздѣляетъ судьбу пророка Іоэля, и время его дѣятельности совершенно не установлено въ наукѣ. Въ частности 3-ью главу его книги многіе склонны относить къ IV-му и даже III-му вѣку. Ея связь съ первыми двумя главами и принадлежность перу пророка VII-го вѣка отстаиваютъ не безъ основанія Reuss (Geschichte der Heil. Schr., стр. 396) и F. E. Peiser (Der Prophet Habakuk). Въ связи съ этимъ мы хотѣли бы указать на то, что и слова Гошеи: „Вотъ Я вернусь *на свое мѣсто*, говоритъ Іагве, пока они въ смятеніи не будутъ искать Меня“ (5, 15), также правильнѣе было бы, на нашъ взглядъ, понимать въ смыслѣ исконнаго мѣстожительства Іагве — Синая, а не неба, какъ обычно толкуется этотъ стихъ (Кауцшъ, Новакъ). Противопоставленіе Ханаану, какъ временному мѣстожительству Іагве, неба, какъ постояннаго, совершенно не въ духѣ израильскаго богопониманія; рѣзкое разграниченіе неба и земли есть продуктъ болѣе поздней эпохи. Даже Второзак. (см., напр., 4, 36) считаетъ вполнѣ возможнымъ пребываніе Бога на небѣ и одновременно съ этимъ явленіе Его на землѣ.

****) Въ стихѣ 29,5 звучитъ, быть можетъ, отголосокъ того рехабитскаго (или назирейскаго) взгляда, что отсутствіе хлѣбной пищи, вина и вообще хмельныхъ напитковъ въ пустынѣ способствовало утвержденію израильтянъ въ Іагвизмѣ.

эти произведенія—первоначально умалчивали о грѣхѣ съ золотымъ тельцомъ у Синая и, соотвѣтственно всей тенденціи своей, относили первое отпаденіе Израиля къ границамъ Ханаана, къ Бетъ-Пеору, слѣдуя въ этомъ той версіи или тому взгляду, котораго держался и пророкъ Гошеа („Какъ виноградъ въ пустынѣ Іагве нашелъ Израиля“ и т. д., см. выше. „Но какъ только они пришли въ Бааль-Пеоръ, они предались Ваалу и стали такъ же противны, какъ предметъ ихъ поклоненія“, Гош. 9,10 *).

Мы видимъ такимъ образомъ, что идеи пророковъ, возвеличившія эпоху странствованія Израиля по пустынѣ, нашли живой откликъ въ близкой имъ по духу средѣ и создали извѣстныя прочныя литературныя формы, опредѣленный стиль описанія кочевого періода, вошедшій въ обиходъ израильскихъ авторовъ и такимъ путемъ вліявшій уже на взгляды широкихъ круговъ народа.

---

*) Мы здѣсь касаемся одной изъ наиболѣе трудныхъ проблемъ библейской критики, такъ какъ введеніе къ Второзаконію (гл. 1—11) представляетъ собою весьма сложный литературный комплексъ. Простое дѣленіе его на двѣ части по содержанію: историческую (гл. 1—4) и хвалебную (гл. 5—11), какъ оказывается при болѣе близкомъ разсмотрѣніи, далеко не разрѣшаетъ всѣхъ вопросовъ. Steuernagel (Der Rahmen des Deuteronomiums) и Stärk (Das Deuteronomium u. s. w.) показали, что наряду съ содержаніемъ существеннымъ критеріемъ для разложенія всего Второзаконія и въ частности второго введенія (гл. 5—11) должно служить постоянно смѣняющееся обращеніе къ Израилю въ формѣ единственнаго и множественнаго числа. Получающіеся при такомъ разложеніи такъ называемые „сингуляристическіе“ и „плюралистическіе“ отрывки складываются въ болѣе или менѣе однородныя цѣлыя. На основаніи этого формальнаго признака Puukko (Das Deuteronomium) выдѣлилъ изъ введенія гл. 5—11 „сингуляристическую“ часть, которую онъ (также Kittel, Geschichte, I, 264) считаетъ болѣе древней и, вѣроятно, одновременной съ законодательнымъ ядромъ. Эта болѣе древняя часть второго (хвалебнаго) введенія, равно какъ и первое (историческое) введеніе, которое многими (Cornill, Kautzsch) считается первичнымъ, ничего не знаютъ о золотомъ тельцѣ и первымъ актомъ идолопоклонства Израиля считаютъ служеніе Баалъ-Пеору (Второз. 4, 3; ср. Числа, гл. 25). Очевидно, существовалъ такой циклъ сказаній о пустынѣ, который о грѣхѣ при Синаѣ не зналъ, что подтверждается свидѣтельствомъ Гошеи, опредѣленно указывающаго на то, что въ Баалъ-Пеорѣ Израиль *впервые* впалъ въ ваализмъ (бошетъ=баалъ, какъ во всѣхъ составныхъ именахъ). Гошеа, болѣе всѣхъ другихъ пророковъ возстававшій именно противъ тельцовъ и литыхъ изображеній (8, 4—6; 10, 5; 11, 2; 13, 2), едва-ли могъ бы умолчать о Синайскомъ тельцѣ, если бы ему было извѣстно это сказаніе. Идеологія пророческой эпохи должна была препятствовать тому, чтобы Синай связывался съ отпаденіемъ къ Ваалу и, наоборотъ, вполнѣ соотвѣтствовало духу ея пріуроченіе первой измѣны Іагве къ вступленію въ преддверіе Ханаана (Procksch, Geschichtsbetrachtung, 132 сл.). На основаніи всего этого, а также, принимая во вниманіе несомнѣнную сложность гл. 32-ой кн. Исхода, намъ представляется обоснованнымъ предположеніе Прокша (l. c.) и Грессмана (Mose und seine Zeit, 208—210), что Синайскій телецъ представляетъ собою болѣе поздній варіантъ Бетъ-Пеорскаго Ваала, происхожденіе котораго Грессманъ старается объяснить желаніемъ рѣзко противопоставить ложный символъ—телецъ истинному—ковчегу.

Но, какъ указывалось выше, въ міровоззрѣніи *самихъ* пророковъ пустыня играла роль не только какъ идеализированное прошлое, но и какъ чаемое въ цѣляхъ духовнаго возрожденія Израиля будущее. Это эсхатологическое значеніе пустыни, какъ шедшее уже слишкомъ въ разрѣзъ со всѣмъ укладомъ жизни, со всѣми привычными понятіями израильтянъ, не могло, конечно, быть усвоено рядовыми людьми. Но сами пророки и послѣ Гошеи, впервые связавшаго пустыню съ эсхатологіей, не разъ еще въ рѣчахъ и писаніяхъ своихъ возвращались къ этому высшему синтезу исторической традиціи и религіозно-этическихъ постулатовъ.

5. Въ извѣстномъ видѣніи Исаіи (гл. 6), которое является вмѣстѣ съ тѣмъ и посвященіемъ его, пророкъ говоритъ, что Іагве, открывая ему всѣ трудности предстоящаго пророческаго служенія, предупредилъ его, что онъ долженъ быть готовъ столкнуться съ полнымъ непониманіемъ и черствостью народа. Болѣе того, призывы пророка возымѣютъ какъ-будто противоположное дѣйствіе, и чѣмъ громче будетъ раздаваться слово его, тѣмъ больше народъ будетъ упорствовать въ своемъ грѣхѣ. Исаія сначала какъ-бы заколебался предъ такой перспективой, но потомъ, понявъ, что это намѣреніе Іагве должно имѣть скрытый отъ него, но глубокій смыслъ, спрашиваетъ Его, доколѣ будетъ продолжаться это превратное дѣйствіе его словъ и вообще всей его пророческой миссіи. „И Іагве сказалъ мнѣ: до тѣхъ поръ, пока не опустѣютъ города, покинутые жителями, и не станутъ безлюдными дома, и вся страна не превратится въ пустыню; пока въ ней не останется лишь десятая часть ея жителей, и она снова станетъ пастбищемъ" (6,11—13 *). Эта десятая часть (ср. Ам. 5,3), которая переживетъ опустошеніе и, повидимому, вернется—по мнѣнію пророка—къ пастушеской жизни, „будетъ подобна тому корню, который остается послѣ срубленнаго дуба или теребинта, и она послужитъ священнымъ сѣменемъ" для возрожденія народа (6,13), тѣмъ остаткомъ (10,21—22), съ которымъ связаны главнѣйшія эсхатологическія ожиданія пророка.

Въ слѣдующей, седьмой главѣ мы видимъ уже дальнѣйшее углубленіе этой идеи о „пустынѣ будущаго". Пророкъ истолковываетъ въ ней, отчего опустошеніе страны должно предшествовать нарожденію новаго Израиля. Исаія прибѣгаетъ къ излюбленному

*) Переводъ этого отрывка сдѣланъ на основаніи коньектуры Giesebrecht'а (Beiträge zur Jesajakritik, S. 89) и толкованія Budde (Preussische Jahrbücher, Band 85, S. 68 f.).

пророками ораторскому пріему, а именно бросаетъ сначала въ толпу слушателей неясное, таинственное предсказаніе: „Вотъ молодыя женщины забеременѣютъ, родится у нихъ сынъ, и назовутъ онѣ его „съ нами Богъ" (Иммануэль). Онъ будетъ питаться кислымъ молокомъ и медомъ, чтобы научиться отвергать зло и избирать добро!" (7,14—15). Слушатели съ недоумѣніемъ ждутъ дальнѣйшаго, которое пояснило бы имъ этотъ странный образъ, не заключающій въ себѣ на первый взглядъ ничего зловѣщаго и потому необычный въ устахъ такого пророка, какъ Исаія, неизмѣнно призывавшаго гнѣвъ Іагве на народъ. Разъясненіе не заставляетъ себя долго ждать:

„Вотъ надвигается день, и Іагве призоветъ муху изъ Египта и пчелу изъ Ассиріи, и залягутъ онѣ въ глубокихъ ущельяхъ и разсѣлинахъ скалъ, во всѣхъ кустахъ и на всѣхъ пажитяхъ. И въ тотъ день Господь сбреетъ бритвою, которую онъ найметъ по ту сторону Ефрата (т. е. царемъ ассирійскимъ), волосы съ головы и съ ногъ, и даже бороду Онъ не пощадитъ. И въ тотъ день тѣ мѣста, гдѣ теперь растетъ тысяча виноградныхъ лозъ цѣною въ тысячу сиклей серебра, будутъ покрыты терновникомъ и колючимъ кустарникомъ, и ходить туда надо будетъ со стрѣлами и лукомъ. И въ тотъ день человѣкъ будетъ содержать одну телку и двухъ овецъ и будетъ онъ питаться кислымъ молокомъ, ибо кислое молоко и медъ будутъ пищей всѣхъ оставшихся въ странѣ" (7, 18—24 *).

Такъ разъясняется „оракулъ" о нарождающемся новомъ Израилѣ: странѣ предстоитъ нашествіе враговъ, орудія гнѣва Іагве; она будетъ превращена въ пустыню, на мѣстѣ прежнихъ виноградниковъ будутъ разстилаться пастбища, и скотоводство будетъ занятіемъ ея жителей; молоко и медъ дикихъ пчелъ **) будутъ служить для нихъ пищей. Эта простая, природная пища и связанный съ нею естественный образъ жизни будутъ способствовать тому, что новое поколѣніе научится отличать добро отъ зла и такимъ образомъ заслужитъ данное ему пророкомъ имя: Иммануэль.

Угроза Исаіи осуществилась въ полной мѣрѣ: „наемная бритва", опустошившая царство Израильское, была уже занесена и надъ

*) Ср. Budde l. c. 70—74; Duhm, Jesaja, z, St.; Guthe bei Kautzsch, Die Heilige Schrift, z. St. Перестановка стиховъ 23 и 24 сдѣлана для того, чтобы предпослать общее частному; текстъ ихъ дошелъ до насъ въ очень поврежденномъ видѣ; ср. многократныя повторенія тѣхъ же словъ.

**) Пчеловодства израильтяне не знали. „Имъ былъ извѣстенъ лишь медъ дикихъ пчелъ, употреблявшійся въ пищу людьми, жившими въ крайней бѣдности" (Буль, Соціальныя отношенія израильтянъ, русск. пер., стр. 4; ср. Суд. 14, 8, 1 Сам. 14, 25 сл.); еще въ позднѣйшія времена медъ былъ типичной пищей отшельниковъ („акриды и дикій медъ": Еванг. Матѳ. 3, 4, Еванг. Марка 1, 6).

Іудеей. „Великій народъ пробуждался на сѣверѣ, у краевъ земли, грозный и не знающій пощады“, и „гулъ его нашествія, подобный рокоту моря, уже доносился до Сіона“ (Іерем. 6,22—23). Но ничто не предвѣщало того духовнаго переворота, котораго ожидали пророки, когда Іагве прострѣтъ свою десницу; народъ оставался, какъ и раньше, глухъ къ пророческимъ призывамъ и не вѣрилъ тому, что Іагве осуществитъ свою угрозу (Іер. 17,15) и посягнетъ на Сіонъ (Іер. 7,4). Сознаніе неотвратимой гибели Іудеи и закрадывавшееся въ душу сомнѣніе въ томъ, что это крушеніе государства, дѣйствительно, поведетъ къ возрожденію народа, опредѣлили собою великую душевную драму пророка-страдальца изъ Анатотъ. Онъ поэтому словно избѣгаетъ заглядывать въ будущее и тѣмъ охотнѣе обращаетъ измученный взоръ свой къ отдаленному прошлому, которое рисуется ему въ самыхъ радужныхъ краскахъ и только еще рѣзче оттѣняетъ всю глубину нынѣшняго паденія Израиля.

„И открылось мнѣ слово Іагве: „Иди и громко возгласи Іерусалиму: такъ говоритъ Іагве: незабвенна для Меня любовь твоей юности, вѣрность твоя, когда ты была невѣстой, когда ты шла за Мною по пустынѣ, по незасѣянной землѣ. Израиль былъ тогда святыней Іагве, первинкою плодовъ для Него, и всѣхъ, кто касался его, постигала бѣда“ (2,1—3),—этимъ величайшимъ въ Библіи апоѳеозомъ пустыни, какъ родины Израиля, открывается книга Іереміи. И переносясь мысленно въ эту невозвратную пору, пророкъ уже безъ негодованія, а лишь съ безпредѣльной скорбью спрашиваетъ себя, отчего и вся послѣдующая жизнь Израиля не сложилась такъ, какъ предвѣщала, казалось, его прекрасная юность.

„Какой изъянъ нашли во Мнѣ отцы ваши, что отшатнулись отъ Меня и потянулись за суетными идолами и сами стали суетными? Отчего не говорили они: гдѣ Іагве, который вывелъ насъ изъ земли Египетской и велъ насъ по пустынѣ, по выжженной и дикой землѣ, по землѣ сухой и мрачной, по которой никто не ходитъ и гдѣ не обитаетъ человѣкъ? Вѣдь Я ввелъ васъ въ плодоносную землю для того, чтобы вы питались плодами и благами ея, а вы пришли и осквернили землю Мою и обратили въ мерзость достояніе Мое?“ (2, 5—7).

Оскверненіе это состояло прежде всего въ томъ, что на землѣ Іагве сталъ совершаться нечестивый культъ другимъ богамъ, причемъ во времена Іереміи онъ принялъ одно время даже форму какъ бы государственно-санкціонированнаго служенія „царицѣ-неба“ Астартѣ (ср. 44,15—19). Изнемогши въ борьбѣ противъ него, Іеремія обращается къ Богу съ молитвою о томъ, чтобы Онъ про-

стилъ народъ, не вѣдающій, что онъ творитъ; но пророкъ самъ чувствуетъ, что Іагве не можетъ внять его молитвѣ:

„Ты не проси за народъ и не возноси за него громкихъ моленій, ибо Я не могу внять тебѣ. Развѣ ты самъ не видишь, что они дѣлаютъ въ городахъ Іудеи и на улицахъ Іерусалима? Дѣти собираютъ дрова, отцы разводятъ огонь, а женщины мѣсятъ тѣсто, чтобы печь жертвенные хлѣба царицѣ небесной, и совершаютъ возліянія чужимъ богамъ, чтобы раздражать Меня“.

А между тѣмъ Богу неугодны даже жертвы, Ему приносимыя:

„Поступайте со всесожженіями такъ же, какъ и съ мирными жертвами вашими *), и ѣшьте ихъ сами, ибо Я ничего не говорилъ вашимъ предкамъ и ничего не предписывалъ имъ о всесожженіяхъ и жертвахъ, когда Я вывелъ ихъ изъ земли Египетской“ (7, 16—18, 21—22).

Мы уже указывали на то, что эсхатологическія ожиданія играли относительно подчиненную роль въ міровоззрѣніи Іереміи, въ особенности пока еще существовало государство и онъ былъ всецѣло поглощенъ борьбою съ представлявшейся ему ложной и пагубной политикой царей, а также и ложной вѣрой народа въ невозможность гибели Іудеи, какъ послѣдняго оплота Іагве. Но когда Іерусалимъ лежалъ въ развалинахъ и пророкъ слышалъ „голосъ праматери Рахили, оплакивающей своихъ сыновей“ (31,14), тогда со стихійной силой въ немъ пробудились надежды на грядущее возрожденіе народа:

„Такъ говоритъ Іагве: въ пустынѣ полюбился Мнѣ народъ, едва спасшійся отъ меча (египтянъ). Израиль шелъ тогда искать покоя, и издалека открылся ему Іагве. Извѣчной любовью Я тогда полюбилъ тебя, и потому Моя любовь къ тебѣ неизмѣнна. И Я еще вновь отстрою тебя, дѣва Израилева, и ты будешь отстроена, и вновь ты украсишь себя тимпанами и выйдешь въ веселомъ хороводѣ. И снова ты насадишь

---

*) Всесожженія („ола́“) сжигались на жертвенникѣ цѣликомъ, между тѣмъ какъ отъ „мирной“ жертвы („зебахъ“=„зебахъ шеламимъ“) на алтарь попадала лишь незначительная часть (гл. обр. кровь), остальное съѣдалось жертвующимъ „предъ лицомъ Іагве“. Возможно однако, что подъ „зебахъ“ здѣсь слѣдуетъ понимать не тотъ или иной видъ жертвы, а обыкновенный убой (Второз. 12, 15, 21). Тогда этотъ стихъ слѣдовало бы перевести такъ: „Со всесожженіями вашими поступайте такъ же, какъ и со всѣмъ прочимъ скотомъ вашимъ, — ѣшьте его сами и т. д.“. Въ этомъ стихѣ заключается весьма цѣнное свидѣтельство того, что даже во времена Іереміи не существовало еще традиціи о культовомъ законодательствѣ, какъ о берущемъ свое начало въ пустынѣ. Свидѣтельство это тѣмъ болѣе цѣнно, что исходитъ оно отъ лица, самымъ происхожденіемъ своимъ весьма близкаго къ священникамъ (Іер. 1, 1), и что, отрицая за *культовыми* предписаніями такую древность, пророкъ тутъ же (7, 23) противопоставляетъ имъ тѣ повелѣнія, которыя въ его время считались, дѣйствительно, восходящими къ эпохѣ исхода изъ Египта (ср. уже приводившуюся выше цитату Ам. 5, 25, въ которой отрицается культъ въ пустынѣ, но ничего не говорится о существованіи культоваго законодательства).

виноградники на холмахъ Самаріи,— съ радостными пѣснями будутъ сажать ихъ виноградари“ (31, 1—4).

Здѣсь образъ пустыни, въ которой Іагве еще въ незапамятныя времена явилъ Израилю свою любовь, долженъ объяснить, на чемъ основывается надежда Іереміи, что гибель народа не окончательна. Но надежда эта не могла уже поддержать измученнаго, внутренне сломленнаго пророка: ему хотѣлось только одного—покоя. „О, кто далъ бы мнѣ въ пустынѣ пристанище путниковъ. Покинулъ бы я тогда народъ свой и ушелъ отъ него далеко!“ (9,1). Это тотъ же мотивъ пустыни, какъ чисто-личной потребности души въ уединеніи, который позже мы встрѣчаемъ и въ Псалмахъ: „О, если бы у меня были крылья, какъ у горлицы! Я бы улетѣлъ куда-нибудь, и тамъ бы и остался. Далеко, далеко я бы хотѣлъ унестись и укрыться въ пустынѣ!“ (Пс. 55, 7—8).

Для того, чтобы исчерпать всѣ формы, въ которыхъ фигурировала у пророковъ идея пустыни, намъ остается еще указать на своеобразный отголосокъ воззрѣній Гошеи у пророка Іезекіиля.

Предсказывая грядущее возсоединеніе всѣхъ разсѣянныхъ израильтянъ, Іезекіиль говоритъ:

„Я васъ выведу изъ среды народовъ и соберу васъ изъ тѣхъ странъ, въ которыхъ вы разсѣяны, и Я приведу васъ въ пустыню, которая лежитъ между всѣми народами *), и тамъ Я буду судиться съ вами лицомъ къ лицу. Подобно тому, какъ Я въ пустынѣ Египетской совершилъ свой судъ надъ предками вашими, такъ Я и надъ вами свершу судъ свой, говоритъ Іагве. И Я заставлю васъ пройти подъ посохомъ Моимъ, отдѣлю отъ васъ всѣхъ, кто возставалъ противъ Меня и отпадалъ отъ Меня, а всѣхъ остальныхъ Я свяжу узами союзнаго договора со Мной“ (Іез. 20, 34—38).

Такъ пустыня становится въ представленіи Іезекіиля не только мѣстомъ суда надъ Израилемъ въ цѣломъ, но — соотвѣтственно индивидуалистическимъ воззрѣніямъ пророка—и мѣстомъ *отбора* достойныхъ возрожденія отъ обреченныхъ на гибель, тѣмъ горниломъ, въ которомъ, согласно образному выраженію самого пророка, серебро должно быть очищено отъ множества приставшихъ къ нему примѣсей (22,18—22).

Мы видимъ такимъ образомъ, какую дѣйственную роль играла идея пустыни въ міровоззрѣніи профетизма и какъ варіировало вкладывавшееся въ нее содержаніе, сообразно укладу мыслей каждаго пророка. Мы здѣсь имѣемъ передъ собою духовный феноменъ, глубоко типичный для всего процесса кристаллизаціи пророческихъ

*) Здѣсь, конечно, имѣется въ виду Сирійско-Аравійская пустыня, которая расположена на пути изъ странъ разсѣянія Израиля въ Ханаанъ.

идей. Пророки были менѣе всего людьми абстрактной мысли: образы фантазіи, реальные, какъ непосредственныя ощущенія, замѣняли имъ холодныя построенія ума, и погружаясь въ эти образы, вживаясь въ нихъ со всей силой присущаго имъ паѳоса, они въ нихъ находили себя и претворяли ихъ сообразно жившему въ каждомъ изъ нихъ, хотя и не облеченному въ логическую форму, міросозерцанію. Такую роль сыграла, напримѣръ, для первыхъ пророковъ популярная, очевидно, въ то время идея „дня Іагве", котораго народъ ожидалъ, какъ дня своего торжества. Пророки, будя въ себѣ образъ *своего* „дня Іагве", т. е. переживая его по своему, открыли въ немъ—сначала, быть можетъ, неожиданно для самихъ себя—совершенно новое, противоположное общепринятому, содержаніе — дня „гнѣва Іагве", дня Его суда надъ Израилемъ, а не торжества народа (ср. Ам. 5,18 сл.). Аналогичную роль играли религіозныя же идеи (и олицетворявшіе ихъ образы) „союза съ Іагве", „избранничества Израиля" и т. д.: всѣ онѣ переплавлялись въ кипящей гнѣвомъ и любовью душѣ пророковъ, и изъ ставшихъ привычными, бытовыми изъ усыпляющихъ народное сознаніе формъ онѣ перевоплощались въ новыя, звучавшія какъ призывъ, какъ кличъ боевой, будившія мысль и потрясавшія совѣсть народа.

Такое же значеніе оселка, обтачивавшаго мысль пророческую, пріобрѣла и историческая идея пустыни: воскрешая ея образъ, освѣщая ее свѣтомъ „огня, скрыто горѣвшаго" (Іер. 20,9) въ нихъ пророки тѣмъ самымъ выявляли сущность обуревавшаго ихъ „духа Іагве", и такъ созидали они одинъ за другимъ великое зданіе міровоззрѣнія профетизма.

IV.

1. Когда народъ ушелъ въ изгнаніе, и Ханаанъ, превращенный въ пустыню, сталъ ужасной дѣйствительностью,—тогда, конечно, всѣ помыслы Израиля, всѣ надежды его оказались сосредоточенными на возстановленіи утраченной государственности. Среди духовныхъ руководителей народа началась та упорная, хотя и незамѣтная, идейная работа, которая должна была привести—и въ извѣстномъ смыслѣ привела—къ созданію новаго Израиля, достойнаго ожидающей его роли „священнаго остатка". Въ двухъ направленіяхъ шла эта работа: съ одной стороны, надлежало выработать нормы новаго устройства народа, которыя гарантировали бы ненарушимое соблюденіе имъ союза, имѣющаго быть вновь заключеннымъ между нимъ и Іагве; съ другой стороны, необходимо было осмыслить все прошлое Израиля, въ особенности послѣдній разгромъ, чтобы согла-

совать временное торжество непріятеля съ конечнымъ торжествомъ Іагве и избранника Его—Израиля. Литературная дѣятельность эпохи плѣненія, въ двухъ ея основныхъ формахъ: законодательства и исторіографіи, была призвана отвѣтить на эту потребность времени, и уже первый пророкъ изгнанія Іезекіиль указалъ пути для этихъ обоихъ направленій идейной работы. Въ своемъ извѣстномъ видѣніи о храмѣ (гл. 40—48) онъ рисуетъ утопію будущаго Іерусалима, призваннаго воплотить въ реальность идею теократіи (48,35), а въ цѣломъ рядѣ рѣчей своихъ онъ набрасываетъ схему той философіи исторіи, которая легла потомъ въ основу всего историческаго повѣствованія эпохи II-го храма.

Мы остановимся лишь вкратцѣ на содержаніи наиболѣе типичной въ этомъ отношеніи главы 20-й. Къ Іезекіилю обратились „нѣкоторые старѣйшины израильскіе" за разрѣшеніемъ религіознаго вопроса (очевидно, о допустимости правильнаго богослуженія Іагве въ изгнаніи, ср. ст. 40), и въ отвѣтъ на это пророкъ бросаетъ ретроспективный взглядъ на все прошлое Израиля, начиная съ древнѣйшихъ временъ:

„Такъ говоритъ Владыка Іагве: въ тотъ день, когда Я избралъ Израиля, Я поклялся потомкамъ дома Якова, что Я выведу ихъ изъ Египта въ страну, текущую медомъ и млекомъ, красу всѣхъ странъ. И Я сказалъ имъ тогда: пусть каждый изъ васъ броситъ долой съ глазъ всѣ мерзости и пусть никто не оскверняетъ себя идолами египетскими. Я—Іагве, вашъ Богъ. Но они были непокорны и не хотѣли повиноваться Мнѣ: мерзостей они долой съ глазъ не бросили и отъ идоловъ египетскихъ не отказались. Тогда Я хотѣлъ было излить на нихъ гнѣвъ свой, тутъ же въ Египтѣ дать волю негодованію Моему. Но Я раздумалъ ради имени Моего, дабы оно не потеряло святости своей въ глазахъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ израильтяне живутъ. И Я вывелъ ихъ изъ Египта, привелъ ихъ въ пустыню и объявилъ имъ тамъ законы Мои, открылъ имъ постановленія Мои и далъ имъ субботы Мои. Но домъ Израилевъ былъ и въ пустынѣ упоренъ, не повиновался законамъ Моимъ, отвергалъ постановленія Мои и очень нарушалъ субботы Мои. И хотѣлъ Я было излить гнѣвъ свой на нихъ въ пустынѣ и истребить ихъ. Но Я раздумалъ ради имени Моего и лишь поклялся имъ въ пустынѣ, что Я не приведу ихъ (т. е. это поколѣніе) въ землю, которую Я имъ обѣщалъ, за то, что они отвергли законы Мои и за то, что сердце ихъ стремилось къ идоламъ. И сказалъ Я дѣтямъ ихъ (т. е. поколѣнію, пришедшему на смѣну тому) въ пустынѣ: не идите путями отцовъ вашихъ и не оскверняйте себя ихъ идолами. Я—Іагве, вашъ Богъ: храните Мои постановленія и соблюдайте ихъ. Но и дѣти ихъ были непокорны Мнѣ, нарушали велѣнія Мои, не соблюдали субботъ Моихъ. И хотѣлъ Я было излить гнѣвъ Мой на нихъ въ пустынѣ, но удержался и не сдѣлалъ этого ради имени Моего и лишь поклялся имъ въ пустынѣ, что Я разсѣю ихъ среди народовъ и развѣю ихъ по странамъ за то, что они не хранили законовъ

Моихъ, не блюли субботъ Моихъ и за то, что глаза ихъ были устремлены на идоловъ отцовъ ихъ. И привелъ Я ихъ въ обѣтованную имъ землю, и гдѣ бы они ни увидали здѣсь высокій холмъ или вѣтвистое дерево, они стали закалывать тамъ жертвы свои и приносить дары свои, которые только вызывали гнѣвъ Мой". (Іезек. 20, 5—28, съ пропусками многочисленныхъ повтореній).

О дальнѣйшемъ, т. е. о послѣдовавшемъ наконецъ разрядѣ гнѣва Іагве *), пророкъ уже умалчиваетъ, не желая, очевидно, касаться слишкомъ больного мѣста, и переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса спеціально занимающаго пришедшихъ къ нему выборныхъ отъ народа.

Для интересующей насъ темы приведенный отрывокъ представляетъ огромный интересъ, такъ какъ здѣсь передъ нами совершенно новое воззрѣніе на израильское прошлое и, соотвѣтственно этому, на характеръ и содержаніе періода странствованія въ пустынѣ.

Желая пробудить или поддержать въ своихъ современникахъ вѣру въ грядущее возрожденіе, пророкъ долженъ былъ бороться съ тѣмъ взглядомъ, что громъ, потрясшій весь Израиль, грянулъ изъ тучъ гнѣва Божьяго, лишь недавно скопившихся надъ народомъ. Такое толкованіе событій, очевидно, открывало путь къ тому, чтобы разсматривать изгнаніе, какъ внезапный разрывъ съ Іагве, окончательно отвергшаго народъ свой. Этому опасному, по его мнѣнію, ходу мыслей пророкъ противопоставляетъ свой взглядъ на израильскую исторію, согласно которому невѣрность Израиля, жестоковыйность его, кульминирующая въ тягчайшемъ изъ грѣховъ—идолопоклонствѣ, столь же стара, какъ и самъ Израиль **). Неразъ уже Іагве, начиная со временъ Египта и пустыни, хотѣлъ дать волю своему негодованію, и первоначальные гнѣвные помыслы Его шли еще дальше позднѣйшихъ въ пустынѣ: Онъ готовъ былъ даже уничтожить народъ и удержался лишь, не желая колебать своей славы. Изгнаніе, которое теперь постигло народъ, слѣдуетъ поэтому разсматривать какъ смягченную форму наказанія, задуманную Іагве еще въ пустынѣ, но не осуществленную Имъ тогда точно такъ же „ради имени Его". Нѣтъ, такимъ образомъ, никакихъ основаній

*) Если дата, приводимая пророкомъ въ началѣ главы, правильна и она, слѣд., написана въ 591-мъ г., то Іерусалимъ еще не былъ разрушенъ, но онъ уже подвергся нашествію Навуходоносора и раззоренію, и значительная часть его жителей была уведена въ плѣнъ въ Вавилонію (2 Цар. 24, 11—17). Среди этихъ изгнанниковъ, какъ извѣстно, и протекла пророческая дѣятельность Іезекіиля.

**) Мы имѣемъ передъ собою тотъ же ходъ мыслей, который нашелъ себѣ выраженіе и въ сохранившейся въ Библій версіи о Синайскомъ тельцѣ, какъ прообразѣ будущихъ грѣховъ Израиля (ср. выше)

сомнѣваться въ томъ, что связь Израиля съ его Богомъ не порвана и въ изгнаніи, которое является необходимымъ звеномъ издревле задуманнаго и осуществляющагося въ исторіи божественнаго плана.

Какъ безконечно далека эта мрачная теодицея Іезекіиля, построенная на извѣчной грѣховности народа, отъ лучезарныхъ воспоминаній Іереміи о порѣ юности, когда Израиль въ порывѣ первой любви къ Іагве шелъ за Нимъ по выжженной пустынѣ, не чувствуя всѣхъ трудностей пути. Передъ нами какъ бы два міра, едва отдѣленные промежуткомъ въ нѣсколько десятилѣтій, но какъ пропастью отрѣзанные другъ отъ друга страшной реальностью изгнанія.

Если пустыня была для Іезекіиля не обителью первой любви Израиля къ Іагве, а мѣстомъ его первыхъ грѣховъ, то отсюда неизбѣжно вытекало и совершенно другое представленіе о сущности отношеній между Іагве и Израилемъ въ ту эпоху да и въ позднѣйшія времена. Въ самомъ дѣлѣ, любовью могъ ограничиваться Богъ Гошеи, ничего не требовавшій кромѣ вѣрности себѣ; Богъ Іезекіиля предъявлялъ къ народу уже въ пустынѣ цѣлый рядъ детальныхъ требованій, облеченныхъ въ форму „постановленій и предписаній", упорное нарушеніе которыхъ Израилемъ сдѣлало не любовь, а гнѣвъ главной стихіей Іагве во всѣ времена.

Не брачный союзъ, какъ у Гошеи, а *договоръ* *) былъ, по мнѣнію, Іезекіиля, заключенъ между Іагве и Израилемъ предъ вершиной Хореба, а потому и въ „пустынѣ будущаго" произойдетъ не новое обрученіе, о которомъ мечталъ пророкъ великой любви (Гош. 2, 21), а новое скрѣпленіе „узъ союзнаго договора, которыми Іагве *свяжетъ* избранниковъ своихъ" (Іезек. 21, 37).

2. Содержаніе этого договора все ширилось и росло. Амосъ (5, 25) не допускалъ даже возможности какихъ-либо постановленій, нормировавшихъ уже въ пустынѣ отношенія Израиля къ Іагве; Іеремія (7, 23), отрицая существованіе *культоваго* законодательства, даннаго послѣ исхода изъ Египта, упоминаетъ, однако, что Іагве повелѣлъ тогда повиноваться Ему и не сходить съ указаннаго Имъ пути; Іезекіиль, имѣя, очевидно, въ виду Второзаконіе, говоритъ уже о цѣлой *системѣ* постановленій и предписаній, но конкретно

*) Съ точки зрѣнія расторжимости брачный союзъ есть также договоръ, и въ этомъ смыслѣ Гошеа и Іезекіиль одинаково далеки отъ наивнаго до-пророческаго представленія о природной, органической, а потому и нерасторжимой связи между Іагве и Израилемъ, вытекающей изъ предполагаемаго абсолютнаго тожества ихъ интересовъ. Но въ предѣлахъ этой новой, пророческой концепціи брачный союзъ Гошеи и договорныя отношенія Іезекіиля знаменуютъ собою двѣ полярныя идеологіи.

приводитъ (помимо самоочевиднаго запрета идолопоклонства) лишь одно повелѣніе—соблюдать субботу, и даже въ своей утопіи о будущемъ Іерусалимѣ нигдѣ не ссылается на авторитетъ какихъ-либо старинныхъ законовъ, хотя это тамъ было бы весьма кстати. Лишь послѣдовавшимъ за Іезекіилемъ двумъ—тремъ поколѣніямъ выпало на долю наполнить эту идею договора живымъ законодательнымъ содержаніемъ, и въ „Законѣ о святости" (Лев., гл. 17—26) мы имѣемъ передъ собою продуктъ ихъ религіозной мысли и кодификаціонной работы.

Этотъ законодательный кодексъ, развивая идеи и совершенствуя формы утопіи Іезекіиля, даетъ уже въ болѣе законченномъ видѣ нормы будущаго устройства Израиля на началахъ теократіи. И дѣйствительно, вся религіозная жизнь эпохи второго храма развивалась въ предуказанномъ ей „Закономъ о святости" направленіи.

Глубоко типично, что законодательство это облечено въ форму предписаній, данныхъ еще въ пустынѣ, и что параллельно законодательному кодексу ведется повѣствованіе объ эпохѣ странствованія, въ которомъ детально описывается имѣвшее мѣсто уже тамъ, въ пустынѣ, претвореніе всѣхъ этихъ предписываемыхъ нормъ въ дѣйствительность. Синайская пустыня, „сухая, мрачная и дикая земля, по которой никто не ходитъ и не обитаетъ человѣкъ", становится здѣсь мѣстомъ пышнаго культа, съ роскошнымъ переноснымъ храмомъ-скиніей въ центрѣ, съ ежедневно приносимыми по сложному ритуалу жертвами и съ іерархически - организованнымъ духовенствомъ, возглавляемымъ первосвященникомъ. Эта пустыня сохраняетъ уже только чисто-внѣшнюю, словесную связь съ исторической пустыней, колыбелью Израиля: она является лишь сценаріемъ, среди котораго рисуется будущій культъ, и все повѣствованіе о колѣнахъ израильскихъ, „средь дико воющей степи" погруженныхъ въ заботы о ритуальной чистотѣ, о дозволенной пищѣ и о регламентаціи храмового клира, является великой утопіей, дальнѣйшимъ развитіемъ утопіи Іезекіиля, но рисуемой не на фонѣ Іерусалима, а на фонѣ пустыни, которая претерпѣваетъ здѣсь свою послѣднюю метаморфозу и становится идеальнымъ мѣстомъ законодательства и культа. Отнынѣ всякое законодательство въ Израилѣ возводится прямо или посредственно *) до пустыни, какъ своего мѣсторожденія, и лишь такимъ путемъ пріобрѣтаетъ непоколебимый авторитетъ. И такъ какъ предписанныя „Закономъ о святости" и въ особенности

*) Ср. извѣстное изреченіе талмудистовъ, сохранившееся въ Іерусалимскомъ Талмудѣ: „Даже тѣ законодательныя новеллы, которыя когда-либо внесутъ ученые, уже были даны Моисею на Синаѣ" (Хагига I, 1).

послѣдующей стадіей законодательства, т. наз. „Священническимъ Кодексомъ“ (Исходъ гл. 25—Числа гл. 10 съ нѣкоторыми купюрами), нормы потрясали многія традиціонныя воззрѣнія и установленія быта, особенно во всемъ, что касалось внутренняго устройства, состава и содержанія будущаго священническаго сословія въ Іерусалимѣ, то такая ссылка на архаическій источникъ ихъ диктовалась необходимостью снабжать эти нововведенія санкціей неоспоримаго авторитета.

Историческое повѣствованіе, сложившееся подъ вліяніемъ идей „Священническаго Кодекса“, желая, очевидно, внѣдрить въ сознаніе современниковъ представленіе объ *исконности* новыхъ формъ культа, также нарочито подчеркиваетъ, что онѣ соблюдались еще въ пустынѣ (см., напр., 1 Хрон. 21, 29; 2 Хрон. 1, 3—6; 24, 9), а философско-историческія конструкціи того времени (напр., Нехем. 9, 18—21) разсматриваютъ пустыню уже исключительно подъ угломъ зрѣнія благодѣяній, оказанныхъ тамъ Израилю Богомъ „по великому милосердію Его“ (9, 19 *).

Здѣсь мы имѣемъ уже передъ собою *канонизированную* пустыню, сохранившую лишь внѣшнюю оболочку той пустыни, которая привлекала къ себѣ сердца пророковъ и волновала ихъ умы глубиной скрытаго въ ней идеологическаго содержанія. Отнынѣ она не играетъ больше никакой *дѣйственной* роли въ міровоззрѣніи Израиля и, поскольку мотивъ пустыни встрѣчается (и довольно часто) въ апокрифической и агадической письменности, мы имѣемъ передъ собою лишь продуктъ стилизаціи и образцы литературныхъ перепѣвовъ.

И глубоко показательнымъ для завершеннаго идеей пустыни полнаго круга развитія является то, что пустыня—не тотъ или иной религіозно-переработанный образъ ея, а подлинная пустыня—сохранилась въ символикѣ израильскаго культа, какъ олицетвореніе темныхъ, непостижимыхъ силъ. Для стоявшаго уже всецѣло на почвѣ городской культуры еврейства второго храма „пустыня представляла собою какъ бы часть того невѣдомаго міра, въ которомъ обитаетъ грѣхъ, въ которомъ таятся демоническія существа и ихъ вождь—Азазель“ (Benzinger, Hebräische Archäologie, 401).

„И въ День Очищенія да возьметъ первосвященникъ козла, на котораго выпалъ жребій „для Азазеля“, да упрется обѣими руками своими объ голову его и да исповѣдаетъ надъ нимъ всѣ прегрѣшенія сыновъ

---

*) „Ты не оставилъ ихъ въ пустынѣ: облачный и огненный столпъ Твой не покидалъ ихъ ни днемъ, ни ночью по великому милосердію Твоему“, говоритъ Эзра (по LXX). Интересно противопоставить этому представленію образъ Іереміи, по которому не Іагве сопровождалъ Израиля, а, наоборотъ, „Израиль шелъ за Іагве по незасѣянной землѣ“ (2,2).

Израиля, и тѣмъ да возложитъ ихъ на голову козла и отошлетъ его съ нарочнымъ въ пустыню. И понесетъ козелъ на себѣ всѣ беззаконія Израиля въ безплодную землю и, когда они уже будутъ въ пустынѣ, онъ можетъ отпустить его" (Левитъ, гл. 16).

Такъ колыбель Израиля, обитель его юношеской любви, предметъ мечтаній его пророковъ, превращается въ „царство Азазеля", куда на безплодную землю сваливаются изъ года въ годъ всѣ прегрѣшенія сыновъ Израиля.

Закончивъ разсмотрѣніе этой знаменательной идейной эволюціи, мы хотѣли бы подчеркнуть тотъ фактъ, что нами установлено *четыре* періода, въ которыхъ пустыня играла каждый разъ иную роль въ исторіи или идеологіи Израиля.

Первоначально пустыня была географической и соціальной средой для зарождавшагося Израиля, т. е. была наиболѣе крупнымъ факторомъ его древнѣйшей исторіи. Переходъ къ осѣдлости и усвоеніе ханаанейской культуры положили конецъ этому реальному значенію пустыни и открыли собою долгій періодъ отчужденія отъ самобытнаго духовнаго уклада и религіозныхъ представленій кочевого періода. Пророки, ища въ прошломъ опоры для своихъ новыхъ религіозныхъ воззрѣній, воскресили уже въ идеализированномъ видѣ полузабытый образъ пустыни, наполнили его богатымъ идейнымъ содержаніемъ и выявили при его помощи глубокую пропасть, отдѣлявшую старую религію Израиля отъ открывшагося имъ этическаго монотеизма. Паденіе государства и послѣдовавшее за нимъ изгнаніе направили духовную жизнь Израиля въ совершенно новое русло, и здѣсь идея пустыни, пріобрѣвши вскорѣ „канонизированную" форму, потеряла свое творческое значеніе для израильской религіи и культуры.

Такимъ образомъ, для полнаго освѣщенія занимавшаго насъ въ этомъ очеркѣ вопроса намъ пришлось исходить не изъ „классическаго" дѣленія израильской исторіи на *три* періода, а изъ установленнаго въ послѣднія десятилѣтія библейской наукой различенія *четырехъ* фазисовъ развитія израильской духовной культуры, причемъ конецъ XI-го вѣка долженъ считаться гранью, отдѣляющей древнѣйшій кочевой и полу-кочевой періодъ отъ второго—ханаанейскаго. Съ тѣхъ поръ какъ раскопки въ Телль-эль-Амарнѣ и Палестинѣ расширили нашу историческую перспективу на полтысячелѣтія, представляется уже невозможнымъ считать эпоху до-ханаанскую (какъ Stade) или даже до-моисееву (какъ Wellhausen) „вакуумомъ" (Wellhausen, Isr.

u. jüd. Gesch., S. 11), т. е. пустотой. Особенно наглядно это показываетъ намъ прошедшая предъ нами эволюція понятія пустыни. Лишь исходя изъ того, что въ тайникахъ народнаго сознанія и въ замкнутыхъ кругахъ ревнителей Іагве хранились и въ періодъ осѣдлой жизни хотя бы самыя туманныя, но *подлинныя* воспоминанія о томъ, что „съ пустыней сплетена древнѣйшая исторія Израиля“ и что „корни того союза, которымъ неразрывно спаяны Израиль и Іагве“, теряются въ пескахъ Синайскихъ степей, лишь допуская наличность такой конкретной почвы въ народной психологіи, мы можемъ понять, какимъ образомъ пророкамъ удалось создать такой живучій, дѣйственный и чуть-ли не до ощутимости реальный, понятный и близкій народу образъ идеализированной пустыни.

А если это такъ, если многообразныя „ипостаси“ этой идеальной пустыни были не игрой воображенія пророковъ, а претвореніями нѣкой исторической традиціи, то профетизмъ, съ этой стороны, носитъ въ себѣ всѣ характерныя черты *романтизма*, и пророки являются истинными *романтиками*, не въ смыслѣ далекихъ отъ жизни мечтателей, фантазеровъ и т. п., а въ точномъ, культурно-историческомъ смыслѣ этого термина.

Если исходить изъ того теченія конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка, для опредѣленія котораго и былъ созданъ терминъ „романтизмъ“, если сосредоточить вниманіе не на субъективно-психологической, а на объективно-культурной сторонѣ его, и если, кромѣ того, разсматривать это духовное движеніе въ его отношеніи къ наличной въ той или иной странѣ (гл. обр., конечно, въ Германіи, классической странѣ романтизма) національной культурѣ,—то романтизмъ надо будетъ опредѣлить, какъ такое идейное теченіе, которое изъ неудовлетворенности господствующей культурой, носящей чуждый національнымъ традиціямъ характеръ, стремится возродить духовныя цѣнности далекаго прошлаго и вернуться ко всему его бытовому и идейному укладу, который представляется идеальнымъ и является въ идеализированномъ видѣ источникомъ и стимуломъ для духовнаго творчества.

Если мы примемъ во вниманіе, что „бурѣ и натиску“ „молодой Германіи“ въ древнемъ Израилѣ соотвѣтствовалъ испепелявшій души религіозный паѳосъ пророковъ, то мы, конечно, поймемъ всю несоизмѣримость этихъ теченій. Для насъ было существенно, исходя изъ европейскаго романтизма, установить лишь тѣ внѣ-временныя наиболѣе общія черты, которыя типичны для романтизма вообще, какъ не разъ повторявшейся въ исторіи духовной формаціи sui generis. На этомъ аналогія, разумѣется, заканчивается, и намъ остается

Въ этихъ воспоминаніяхъ я не намѣренъ дать литературно-художественную характеристику Фруга. Я считаю покойнаго поэта достойнымъ болѣе высокой и болѣе объективной оцѣнки—общественно-исторической. Несмотря на то, что Фругъ никогда не былъ ни идеологомъ, ни практическимъ дѣятелемъ въ нашемъ національномъ движеніи послѣднихъ десятилѣтій, онъ тѣсно связанъ съ этимъ движеніемъ по общему настроенію своей поэзіи. Его поэтическія думы выражали непосредственно, часто безсознательно, тѣ чувства, которыя лежали въ основаніи нашихъ идей. Такихъ писателей можно цѣнить только въ связи съ ихъ духовной почвой, съ исторіей ихъ поколѣнія. Вотъ почему я счелъ цѣлесообразнымъ развить здѣсь свои мысли о поэзіи Фруга на канвѣ личныхъ воспоминаній. И какъ литературный сверстникъ, и какъ историкъ я отдаю здѣсь послѣдній долгъ памяти поэта, включая его образъ въ рамки пережитой исторической эпохи.

I.

Когда я лѣтомъ 1880 года впервые пріѣхалъ въ Петербургъ, Фруга тамъ еще не было, но о немъ вскорѣ заговорили въ литературныхъ кружкахъ, примыкавшихъ къ редакціямъ „Разсвѣта“ и „Русскаго Еврея“. Въ эти журналы начинающій поэтъ, уроженецъ колоніи Бобровый Кутъ, посылалъ тогда свои первые стихи, которые онъ писалъ въ часы, свободные отъ работы въ канцеляріи Херсонскаго казеннаго раввина. Юнымъ поэтомъ заинтересовались въ редакціи „Разсвѣта“; въ особенности возлагалъ на него надежды постоянный сотрудникъ этого журнала, извѣстный тогда адвокатъ и полу-поэтъ М. С. Варшавскій. Въ присланныхъ Фругомъ первыхъ стихотвореніяхъ—писалъ впослѣдствіи Варшавскій— „обнаруживался талантъ гибкій и симпатичный, сквозило искреннее чувство природы, слышалась гармонія живого, непринужденнаго стиха“ *). Уже въ первыхъ произведеніяхъ юнаго поэта, напечатанныхъ въ „Разсвѣтѣ“ 1880 и начала 1881 г., — *до* весеннихъ погромовъ, — проявились въ смутной, порою незрѣлой формѣ основные элементы его творчества: культъ сельской природы, тоска по „минувшей славѣ“ библейской эпохи и скорбь о нынѣшней долѣ народной. Изъ этой ранней поры запомнились мнѣ гнѣвныя строфы стихотворенія, озаглавленнаго „Германскимъ антисемитамъ“ и не вошедшаго потомъ въ собраніе сочиненій поэта **):

*) „Еврейская пѣснь на русскомъ Парнасѣ“, *Восходъ* 1885 г., кн. I.

**) Напечатано въ „Разсвѣтѣ“ 1881 г., № 3 (въ январѣ).

Семнадцать вѣковъ надъ Европой широкой
Нашъ стонъ раздается . . . . .
О вы, что кичитесь „христіанской любовью",
Раскройте исторію прошлыхъ вѣковъ:
Она вся пропитана нашею кровью,
Она вся усѣяна пепломъ костровъ . . .
Но вы не довольны былыми дѣлами,
Вамъ сладокъ видъ крови и запахъ костровъ,
Достойными быть вы хотите сынами
Проклятья достойныхъ отцовъ! . .

Однако, эта историческая Judenschmerz чередовалась у юнаго поэта съ изліяніями такого рода *):

Вторымъ Сіономъ ты бы стала, моя Россія, для меня,
И вся тобою-бъ трепетала грудь наболѣвшая моя,
Когда-бъ, увы! со всѣхъ сторонъ не раздавался этотъ стонъ.
О, какъ мнѣ больно за себя, что съ тяжкимъ словомъ укоризны
Стою я предъ лицомъ отчизны, такъ горячо ее любя! . .

Этому сыновнему чувству родины нанесли сильный ударъ погромы, разразившіеся въ апрѣлѣ 1881 г. на югѣ Россіи, и прежде всего въ той Херсонской губерніи, гдѣ тогда жилъ поэтъ, близъ еврейскихъ земледѣльческихъ колоній, гдѣ протекало его дѣтство. Вскорѣ, къ концу роковой весны, Фругъ появился въ Петербургѣ, вызванный туда редакціей „Разсвѣта" по иниціативѣ Варшавскаго, который тогда временно редактировалъ журналъ. Тутъ я впервые встрѣтился съ Фругомъ. Я велъ тогда въ „Разсвѣтѣ" отдѣлъ заграничной хроники и бывалъ въ редакціи еженедѣльно въ „редакціонные дни", наканунѣ выпуска номера, когда постоянные сотрудники собирались для составленія послѣднихъ замѣтокъ и чтенія корректуръ, а случайные— для литературной бесѣды. Помню лѣтній день въ редакціонномъ помѣщеніи, при квартирѣ постояннаго редактора Я. Л. Розенфельда, на Николаевской улицѣ. Головы, склоненныя надъ гранками корректуръ, поднимаются, и всѣ глаза устремлены на стройнаго, бѣлокураго юношу, который сидитъ на диванѣ и съ жаромъ декламируетъ свое только что написанное стихотвореніе „На судъ исторіи", напечатанное затѣмъ въ іюньской книжкѣ „Восхода", но нынѣ позабытое, ибо ему не суждено было попасть въ собраніе сочиненій Фруга. Какъ будто сейчасъ слышу эти стихотворныя филиппики:

*) „Восходъ" 1881 г., февраль: „Вѣчный вопросъ". Также не вошло въ первыя собранія стихотвореній Фруга.

Въ этихъ воспоминаніяхъ я не намѣренъ дать литературно-художественную характеристику Фруга. Я считаю покойнаго поэта достойнымъ болѣе высокой и болѣе объективной оцѣнки—общественно-исторической. Несмотря на то, что Фругъ никогда не былъ ни идеологомъ, ни практическимъ дѣятелемъ въ нашемъ національномъ движеніи послѣднихъ десятилѣтій, онъ тѣсно связанъ съ этимъ движеніемъ по общему настроенію своей поэзіи. Его поэтическія думы выражали непосредственно, часто безсознательно, тѣ чувства, которыя лежали въ основаніи нашихъ идей. Такихъ писателей можно цѣнить только въ связи съ ихъ духовной почвой, съ исторіей ихъ поколѣнія. Вотъ почему я счелъ цѣлесообразнымъ развить здѣсь свои мысли о поэзіи Фруга на канвѣ личныхъ воспоминаній. И какъ литературный сверстникъ, и какъ историкъ я отдаю здѣсь послѣдній долгъ памяти поэта, включая его образъ въ рамки пережитой исторической эпохи.

I.

Когда я лѣтомъ 1880 года впервые пріѣхалъ въ Петербургъ, Фруга тамъ еще не было, но о немъ вскорѣ заговорили въ литературныхъ кружкахъ, примыкавшихъ къ редакціямъ „Разсвѣта“ и „Русскаго Еврея“. Въ эти журналы начинающій поэтъ, уроженецъ колоніи Бобровый Кутъ, посылалъ тогда свои первые стихи, которые онъ писалъ въ часы, свободные отъ работы въ канцеляріи Херсонскаго казеннаго раввина. Юнымъ поэтомъ заинтересовались въ редакціи „Разсвѣта“; въ особенности возлагалъ на него надежды постоянный сотрудникъ этого журнала, извѣстный тогда адвокатъ и полу-поэтъ М. С. Варшавскій. Въ присланныхъ Фругомъ первыхъ стихотвореніяхъ—писалъ впослѣдствіи Варшавскій— „обнаруживался талантъ гибкій и симпатичный, сквозило искреннее чувство природы, слышалась гармонія живого, непринужденнаго стиха“ *). Уже въ первыхъ произведеніяхъ юнаго поэта, напечатанныхъ въ „Разсвѣтѣ“ 1880 и начала 1881 г., — *до* весеннихъ погромовъ, — проявились въ смутной, порою незрѣлой формѣ основные элементы его творчества: культъ сельской природы, тоска по „минувшей славѣ“ библейской эпохи и скорбь о нынѣшней долѣ народной. Изъ этой ранней поры запомнились мнѣ гнѣвныя строфы стихотворенія, озаглавленнаго „Германскимъ антисемитамъ“ и не вошедшаго потомъ въ собраніе сочиненій поэта **):

*) „Еврейская пѣснь на русскомъ Парнасѣ“, *Восходъ* 1885 г., кн. I.

**) Напечатано въ „Разсвѣтѣ“ 1881 г., № 3 (въ январѣ).

Семнадцать вѣковъ надъ Европой широкой
Нашъ стонъ раздается . . . . .
О вы, что кичитесь „христіанской любовью“,
Раскройте исторію прошлыхъ вѣковъ:
Она вся пропитана нашею кровью,
Она вся усѣяна пепломъ костровъ . . .
Но вы не довольны былыми дѣлами,
Вамъ сладокъ видъ крови и запахъ костровъ,
Достойными быть вы хотите сынами
Проклятья достойныхъ отцовъ! . .

Однако, эта историческая Judenschmerz чередовалась у юнаго поэта съ изліяніями такого рода *):

Вторымъ Сіономъ ты бы стала, моя Россія, для меня,
И вся тобою-бъ трепетала грудь наболѣвшая моя,
Когда-бъ, увы! со всѣхъ сторонъ не раздавался этотъ стонъ.
О, какъ мнѣ больно за себя, что съ тяжкимъ словомъ укоризны
Стою я предъ лицомъ отчизны, такъ горячо ее любя! . .

Этому сыновнему чувству родины нанесли сильный ударъ погромы, разразившіеся въ апрѣлѣ 1881 г. на югѣ Россіи, и прежде всего въ той Херсонской губерніи, гдѣ тогда жилъ поэтъ, близъ еврейскихъ земледѣльческихъ колоній, гдѣ протекало его дѣтство. Вскорѣ, къ концу роковой весны, Фругъ появился въ Петербургѣ, вызванный туда редакціей „Разсвѣта“ по иниціативѣ Варшавскаго, который тогда временно редактировалъ журналъ. Тутъ я впервые встрѣтился съ Фругомъ. Я велъ тогда въ „Разсвѣтѣ“ отдѣлъ заграничной хроники и бывалъ въ редакціи еженедѣльно въ „редакціонные дни“, наканунѣ выпуска номера, когда постоянные сотрудники собирались для составленія послѣднихъ замѣтокъ и чтенія корректуръ, а случайные— для литературной бесѣды. Помню лѣтній день въ редакціонномъ помѣщеніи, при квартирѣ постояннаго редактора Я. Л. Розенфельда, на Николаевской улицѣ. Головы, склоненныя надъ гранками корректуръ, поднимаются, и всѣ глаза устремлены на стройнаго, бѣлокураго юношу, который сидитъ на диванѣ и съ жаромъ декламируетъ свое только что написанное стихотвореніе „На судъ исторіи“, напечатанное затѣмъ въ іюньской книжкѣ „Восхода“, но нынѣ позабытое, ибо ему не суждено было попасть въ собраніе сочиненій Фруга. Какъ будто сейчасъ слышу эти стихотворныя филиппики:

*) „Восходъ“ 1881 г., февраль: „Вѣчный вопросъ“. Также не вошло въ первыя собранія стихотвореній Фруга.

. . . . Съ полей обнищалой, голодной Россіи
Доносились къ намъ стоны отцовъ и дѣтей,
Ставшихъ жертвою дикихъ, разгульныхъ страстей . . .
Кто же въ сердцѣ народномъ вражду поселилъ,
Разгораться далъ дикому пылу,
Снова къ жизни призвалъ, снова въ жизнь воплотилъ
Эту страшную, дикую силу?
Этотъ жгучій тревожный вопросъ мы другъ другу тогда задавали,
И онъ жегъ нашу грудь, съ каждымъ часомъ все росъ, и мы жадно отвѣта искали.

Отвѣтъ поэтъ нашелъ въ ходѣ русской исторіи, въ укоренившихся привычкахъ рабства и кулачнаго права—наслѣдіи татарской неволи. Эту идею выражаетъ библейскій эпиграфъ стихотворенія: „Подъ тремя содрогается земля: подъ рабомъ, ставшимъ господиномъ" и т. д. Намекая на заявленіе министра внутреннихъ дѣлъ Н. П. Игнатьева, что въ погромахъ проявился „судъ народный" надъ евреями, поэтъ такъ кончаетъ свой „Судъ исторіи":

Годы шли,—сынъ Россіи „свободный",
Къ той расправѣ привыкши подъ долгимъ ярмомъ,
Самъ охотно теперь судитъ тѣмъ же судомъ.
Этотъ судъ мы зовемъ „судъ народный" . . .
Судъ народный—разнузданный . . . кулакъ,
Освященный татарской расправой . . . .

Я привелъ эти тирады не ради ихъ поэтическихъ достоинствъ, а только для того, чтобы показать силу душевнаго переворота, произведеннаго погромами въ юномъ поэтѣ, который нѣсколькими мѣсяцами раньше готовъ былъ при извѣстныхъ условіяхъ признать Россію „вторымъ Сіономъ".

Не Сіономъ, а Египтомъ стала родина для поэта съ весны 1881 года, и тутъ естественно возникла картина „исхода". Эмиграціонная горячка, охватившая тогда черту осѣдлости, продиктовала Фругу его прелестный маршъ исхода („И зорокъ глазъ, и крѣпки ноги, и посохъ цѣлъ . . . Народъ родной, чего-жъ ты сталъ среди дороги, поникъ сѣдою головой?"). Не опредѣленная идеологія, а какая-то поэтическая интуиція, легендарная ассоціація египетскаго рабства съ освободителемъ Моисеемъ—вдохновила поэта на эту несравненную по красотѣ и силѣ строку:

И громы намъ кричатъ: воскресни! И бури гимны намъ поютъ.

Однако никакіе торжественные марши — продуктъ мгновеннаго настроенія, а не яснаго идейнаго лозунга—не могли заглушить боль раненой души, которая въ дальнѣйшихъ стихотво-

реніяхъ Фруга изливалась въ формахъ, все болѣе совершенныхъ, незабываемыхъ для тѣхъ, кто тогда вмѣстѣ съ поэтомъ испытывалъ эту боль. На моихъ глазахъ, съ необыкновенною быстротою, росъ поэтическій талантъ Фруга. Въ трехлѣтіе 1882—1884 г. пышнымъ цвѣтомъ распустилось его творчество. Тогда были написаны его лучшія произведенія: „Легенда о чашѣ“, „Изъ средневѣковыхъ картинъ“, „Надъ Днѣпромъ“, „Дума“, „Дѣдушкины сказки“, „Двѣ картины“, „Памяти друга“, поэма „Рабби Амнонъ“. Я часто встрѣчался съ Фругомъ въ это время, а въ 1883—84 г. мы жили рядомъ въ двухъ смежныхъ комнатахъ, въ стареномъ двухэтажномъ домѣ, донынѣ сохранившемся на площади Троицкой церкви, у Измайловскаго проспекта *). Многія изъ вещей, написанныхъ имъ тогда въ Петербургѣ, онъ читалъ мнѣ въ рукописи. Бывало, сижу, занимаюсь—и слышу изъ сосѣдней комнаты голосъ Фруга: „Тезка, хотите послушать новые стихи?“. Я вхожу въ узкую бѣдную каморку, слушаю чтеніе только что написаннаго, испещреннаго помарками, листка и дѣлюсь своими впечатлѣніями съ авторомъ.

А внѣшняя жизнь Фруга была не сладка въ эту пору. Стихотворныхъ заработковъ не хватало даже на бѣдную студенческую жизнь; приходилось прибѣгать къ пособіямъ и займамъ. Много возни было у Фруга съ правомъ жительства. Онъ самъ еще недавно вспомнилъ объ этихъ мытарствахъ въ очень грустномъ, хотя и „фельетонномъ“ разсказѣ: „Изъ гостинницы, гдѣ я остановился по пріѣздѣ въ Петербургъ, меня выселили ровно черезъ сутки. Редакціи „Разсвѣта“, просившей о припискѣ меня въ качествѣ переводчика съ еврейскаго языка, было въ томъ отказано. Хлопоты частныхъ лицъ съ виднымъ служебнымъ и общественнымъ положеніемъ также успѣха не имѣли“ **). Поэту пришлось прописаться „домашнимъ служителемъ“ у своего покровителя М. С. Варшавскаго. Полиція знала о фиктивности этой приписки. Были, помнится, попытки выдворить поэта, присвоившаго себѣ званіе лакея, но благодаря добрымъ отношеніямъ между Варшавскимъ и канцеляріей градоначальника, его „служителя“ на время оставили въ покоѣ.

Столичная жизнь, встрѣчи и знакомства въ кружкахъ интеллигенціи имѣли значительное вліяніе на умственное развитіе

*) Въ домѣ, что рядомъ, со стороны проспекта, находилась тогда редакція „Русскаго Еврея“ и жили его издатель Берманъ, редакторъ Л. О. Канторъ и д-ръ Л. И. Каценельсонъ.

**) „Евр. Жизнь“ 1915 г. № 14, 16.

Фруга. Такимъ путемъ личнаго общенія онъ часто улавливалъ тѣ идеи, которыхъ не успѣлъ или не могъ усвоить путемъ чтенія книгъ и серьезнаго изученія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ столица вліяла на поэта и своими отрицательными сторонами. Восторженный поклонникъ сельской природы, онъ тѣмъ не менѣе упивался ядомъ большого города, гдѣ природа поругана какъ ни въ одной изъ европейскихъ столицъ. Онъ часто вращался среди русской литературной богемы и даже просто среди „дѣтей ничтожныхъ міра“, отъ которыхъ могъ усвоить только внѣшній лоскъ современной культуры безъ ея духовной сущности, а порою съ ея нечистыми примѣсями *). А между тѣмъ у Фруга была своя духовная культура, почерпнутая изъ двухъ самыхъ чистыхъ первоисточниковъ: Природы и Библіи. Въ немъ жила постоянная тоска по той цѣльности души, которая дается общеніемъ съ этими двумя космосами. И я хорошо понималъ молитвенное, покаянное настроеніе поэта, „затеряннаго въ хаосѣ столичномъ“, когда онъ вновь прикасался къ землѣ, возвращаясь на лѣтніе мѣсяцы въ родную еврейскую деревню, и изливалъ передъ нею горечь столичныхъ впечатлѣній:

Прости, широкій Днѣпръ, свидѣтель юныхъ грезъ,
Исчезнувшихъ надеждъ, разбитыхъ упованій!
Послѣдній даръ тебѣ несетъ дитя страданій,
Горячую струю кровавыхъ, жгучихъ слезъ.
Пріими мой даръ, мои послѣднія рыданья.
Я ихъ принесъ сюда съ гранитныхъ береговъ
Невы холодной . . . Тамъ, на родинѣ снѣговъ,
Подъ дикій вой грозы и вѣтра завыванье,
Такъ долго я стоналъ, такъ много пролилъ слезъ.
Но слезы жаркія беззвучно упадали
На камни твердые, и грозный невскій валъ,
Клокоча и шипя, съ гранита ихъ смывалъ,
И бури сѣвера мой голосъ заглушали.

Тѣ, которые знали только житейскаго Фруга, обыкновенно веселаго и остроумнаго, любившаго развлеченія и какъ будто

*) Тамъ-же, № 16: „Добрые пріятели, усердно знакомившіе меня съ царскосельскимъ ипподромомъ, гонками Шуваловскаго яхтъ-клуба, концертами-гала „Аркадіи“, „Кинь грусти“, Крестовскаго сада и т. п.“ — такъ исповѣдывался поэтъ за годъ до своей смерти. Это, судя по контексту, относится ко второй половинѣ 80-хъ годовъ. Раньше, когда мы жили въ одной квартирѣ, Фругъ регулярно посѣщалъ журфиксы фотографа К. Шапиро—еврейскаго поэта и кающагося выкреста,—гдѣ литературныя бесѣды сопровождались, кажется, изрядною выпивкою по русскому писательскому обычаю.

далекаго отъ трагическаго воспріятія жизни, могли принимать всѣ эти „стоны“ и „слезы жаркія“ за поэтическую декорацію. Нужно было знать Фруга внутренняго, чтобы понять глубокую искренность подобныхъ поэтическихъ молитвъ, трогательныхъ обращеній къ Богу, носимому въ душѣ и стыдливо скрываемому въ „заботахъ суетнаго свѣта“. Тутъ несомнѣнно сказывалась обычная раздвоенность многихъ поэтовъ, по классической формулѣ Пушкина, но съ большимъ, чѣмъ гдѣ-либо, основаніемъ можно было въ данномъ случаѣ установить цѣльность творчества поэта въ моменты вдохновенія. Не случайностью и не „манерою“ было то, что наилучшія стихотворенія Фруга на національныя и даже на общія темы кончались рыдающимъ аккордомъ. Фругъ былъ атавистически продолжателемъ лучшихъ творцовъ нашихъ „селихотъ“ и „кинотъ“, элегическую красоту которыхъ могли оцѣнить лишь немногіе изъ новыхъ историковъ (Цунцъ, Заксъ, Гейгеръ). Въ немъ жила душа „салаха“ изъ славной сефардійской школы Моисея ибнъ-Эзры, но онъ сумѣлъ возвыситься и до поэтическаго паѳоса Іегуды Галеви. (Вспомнимъ, что и оба средневѣковые поэта пѣли въ юности на вольные мотивы и писали также на двухъ языкахъ — еврейскомъ и арабскомъ). Фругъ тянулъ нить исторической преемственности, окрашивая ее, конечно, въ цвѣтъ своей эпохи.

Въ началѣ мая 1884 г. мы оба оставили нашъ „уголъ унылый“ въ Петербургѣ и отправились на родину: Фругъ на свой благодатный югъ, а я въ глушь Бѣлоруссіи. Больше года мы не видѣлись. А годъ этотъ былъ рѣшающимъ въ жизни поэта. На югѣ онъ приготовилъ къ печати первый сборникъ своихъ стихотвореній и, вернувшись въ Петербургъ, издалъ его къ началу 1885 г. при поддержкѣ одного почитателя его таланта. По ироніи судьбы, первый сборникъ произведеній пѣвца еврейской скорби былъ напечатанъ въ типографіи Суворина; подъ одной крышей печатались позорные листы „Новаго Времени“ и стихи поэта, плакавшаго надъ „средневѣковыми картинами“, реставрированными при помощи сотрудниковъ этой газеты. Критика не только еврейская, но и русская горячо привѣтствовала новый восходящій талантъ. К. Арсеньевъ въ „Вѣстникѣ Европы“ причислилъ Фруга къ группѣ лучшихъ поэтовъ новаго поколѣнія. Поэта стали тянутъ въ общерусскую литературу. Онъ сталъ помѣщать стихи въ русскихъ журналахъ, на общія лирическія темы и на библейскіе мотивы; иногда даже слишкомъ много писалъ, понукаемый ретивыми редакторами такихъ второсортныхъ

журналовъ, какъ „Новь“ Вольфа и т. п. Но все-таки лучшими его произведеніями оставались, наряду съ библейскими мотивами, національныя элегіи, печатавшіяся въ еврейскихъ журналахъ. Во второмъ сборникѣ его стиховъ, изданномъ въ концѣ 1886 г., наиболѣе силенъ этотъ еврейскій элементъ (лирическіе перлы: „Когда вечернею прохладой“, „Не осуждай“, „Зачѣмъ отравили вы пѣсню мою?“ и др., а также лироэпическія—„Дитя на Нилѣ“, „Дочь Іефая“, „Пѣснь пѣсней, Притчи и Экклезіастъ“), хотя и въ общемъ отдѣлѣ встрѣчаются замѣчательныя вещи, иногда окрашенныя національнымъ настроеніемъ (напр. „Въ капищѣ“,—замѣчательное сопоставленіе режима язычества и „религіи любви“, кончающееся рѣдкимъ по силѣ трагическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ироническимъ аккордомъ).

Съ осени 1885 г. я вновь часто встрѣчался съ Фругомъ въ Петербургѣ и бывалъ въ лабораторіи его творчества, а съ 1887 г. посѣщалъ его во время моихъ зимнихъ пріѣздовъ въ столицу. Талантъ Фруга достигъ въ эту пору полной зрѣлости. Онъ имѣлъ большой литературный успѣхъ, но ничтожный успѣхъ матеріальный. Какъ жилось въ то время Фругу, видно изъ слѣдующихъ его жуткихъ признаній, сдѣланныхъ еще недавно: „Прожилъ я въ столицѣ десять лѣтъ (рѣчь идетъ о періодѣ 1881—1891 г.); за это время успѣлъ издать двѣ книги стиховъ, да изрядно испортить себѣ здоровье Доминиковскими пирожками и кулебяками, часто замѣнявшими мнѣ обѣдъ и ужинъ, стоимость которыхъ никакъ не укладывалась въ размѣры моихъ литературныхъ гонораровъ. Приходилось ютиться и въ совсѣмъ убогихъ комнаткахъ съ ходомъ черезъ кухню, и на одномъ чаѣ съ хлѣбомъ посидѣть“...*).

Для заработка поэту приходилось писать фельетоны въ „Недѣльной хроникѣ Восхода“, подъ разными псевдонимами („Случайный фельетонистъ“ и др.). Во второй половинѣ 80-хъ годовъ онъ писалъ также фельетоны на „жаргонѣ“ въ издававшемся тогда въ Петербургѣ Цедербаумомъ и Леви еженедѣльникѣ „Jüdische Volksblatt“. Писалъ онъ на прекрасномъ народномъ языкѣ, остроумно, съ тонкимъ знаніемъ еврейскаго быта; но вѣрный тогдашней интеллигентской традиціи, Фругъ смотрѣлъ на жаргонную литературу какъ на нѣчто несерьезное, годное преимущественно для смѣхотворныхъ фельетоновъ, для

---

*) „Евр. Жизнь“ 1915 г., № 14. Ср. ниже, письма Фруга, №№ 2—3.

изображенія бытовыхъ курьезовъ *). Только съ теченіемъ времени талантъ Фруга овладѣлъ и орудіемъ народнаго языка для болѣе высокой цѣли, и изъ подъ его пера вышли тѣ жемчужины народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ народное горе вылилось въ формѣ болѣе бытовой, чѣмъ въ его элегіяхъ на русскомъ языкѣ съ ихъ глубокой, преимущественно исторической Judenschmerz.

Часто, когда въ мое провинціальное уединеніе залетали скорбные звуки музы Фруга, я чувствовалъ, что и среди шумной петербургской жизни поэтъ нравственно одинокъ, лишенъ среды, которая могла бы питать его вдохновеніе, согрѣвать его душу. Все тягостнѣе становилась для него via dolorosa еврейскаго поэта, „доля пѣвца-гробовщика". Все болѣе сознавалъ онъ свое безсиліе передъ царящимъ зломъ. И такъ понятны, близки душѣ были тогда эти волнующія строки:

И вотъ одинъ, одинъ въ углу моемъ глухомъ
Сижу я въ поздній часъ полуночи глубокой,
И подъ унылый вой метелицы далекой
Рыдаю надъ моимъ отравленнымъ стихомъ.
Не спѣть—увы!—не спѣть мнѣ пѣсни той великой,
Не прогремѣть струнѣ моей глухой
Надъ злобною толпой, безумною и дикой,
Глаголомъ кары роковой.
Нѣтъ, гордая мечта меня не обольщаетъ:
Затворницей ростилъ я пѣснь мою,
И лишь когда рыданья накипаютъ,
Чтобъ не заплакать,—я пою . . .

Скоро поэту пришлось непосредственно, физически пріобщиться къ народнымъ бѣдствіямъ. Это было въ 1891 г., вскорѣ послѣ изгнанія евреевъ изъ Москвы. Въ высшихъ сферахъ носились еще съ планомъ частичнаго „очищенія" отъ евреевъ и сѣверной столицы. Замыселъ не осуществился вслѣдствіе поднятаго заграницею шума и затрудненій въ заключеніи внѣшняго займа. Но отдѣльныя жертвы были и въ Петербургѣ: по распоряженію градоначальника Грессера, было выселено множество „безправныхъ" евреевъ, и въ числѣ изгнанниковъ оказался также Фругъ. Какъ видно изъ воспоминаній поэта, пострадалъ онъ вслѣдствіе особаго усердія его „патрона" Варшавскаго въ отстаиваніи достоинства еврея. Юдофобъ Грессеръ распорядился, чтобы слова „іудейскаго исповѣданія" на выдаваемыхъ евреямъ

*) См. ниже, письма Фруга, № 1. Ср. „Письма Шалома Алейхема" въ Евр. Стар. 1916, кн. 2—3, стр. 237.

паспортахъ писались красными чернилами. Получивъ самъ такой паспортъ, Варшавскій поспѣшилъ къ Грессеру, съ которымъ былъ лично знакомъ, и высказалъ ему свое возмущеніе по поводу этого паспортнаго клейменія евреевъ. Грессеръ, конечно, не обратилъ вниманія на этотъ протестъ. Тогда Варшавскій подалъ жалобу въ сенатъ на произвольное распоряженіе градоначальника. Получивъ жалобу, разсвирѣпѣвшій градоначальникъ выместилъ свою злобу на „домашнемъ служителѣ“ Варшавскаго, Фругѣ, который какъ разъ въ это время хлопоталъ о возобновленіи своего лакейскаго „права жительства“, и приказалъ немедленно выслать еврейскаго поэта изъ столицы *). Объ изгнаніи Фруга въ русскихъ газетахъ нельзя было писать, но объ этомъ писалось заграницей; между прочимъ, упомянулъ объ этомъ англійскій журналистъ Фредерикъ, посѣтившій Россію въ 1891 г. и описавшій юдофобскую вакханалію достопамятнаго года въ своей обширной книгѣ „The new exodus“ (London, 1892).

Въ одинъ изъ іюльскихъ дней 1891 г. Фругъ появился въ Люстдорфѣ, дачной мѣстности близъ Одессы, гдѣ я проводилъ лѣто. Здѣсь онъ часто гостилъ у меня во время пріѣздовъ изъ Одессы, и мы много толковали о злобахъ дня, изъ которыхъ для насъ лично самою тяжелою было полугодовое пріостановленіе „Восхода“, гдѣ мы оба были постоянными сотрудниками. Нерѣдко въ Люстдорфѣ собирался весь нашъ одесскій литературный кружокъ (С. М. Абрамовичъ, Шаломъ-Алейхемъ и др.), и Фругъ чувствовалъ себя прекрасно во время нашихъ общихъ прогулокъ на берегу моря, среди окрестныхъ садовъ и виноградниковъ. Помню одну продолжительную прогулку всей нашей компаніи, въ августѣ или началѣ сентября. Днемъ мы бродили по окрестнымъ садамъ, а вечеромъ вся братія вернулась ко мнѣ на дачу. Мы сидѣли поздно въ бесѣдкѣ за стаканами мѣстнаго вина, пѣли еврейскія пѣсни, разсказывали, вспоминали. Фругъ чудесно спѣлъ хасидскую пародію „Wos wet sain, az Moschiach wet kimmen?“; хасидская пѣсня безъ словъ, съ чрезвычайно грустной мелодіей, спѣтая Бенъ-Ами, повторялась нѣсколько разъ хоромъ. Въ эти часы мы напоминали группу хасидовъ, сидящихъ въ субботнія сумерки послѣ schalos-seudos и восторженно распѣвающихъ вмѣстѣ съ своимъ „ребе“ мелодіи, въ которыхъ звучитъ плачъ вѣковъ ... До сихъ поръ не могу вспом-

*) „Евр. Жизнь“ 1915, № 14.

нить безъ волненія объ этомъ дивномъ лѣтнемъ вечерѣ, въ тиши приморской деревни, среди литературныхъ друзей, изъ которыхъ только въ нынѣшнемъ году ушли изъ жизни двое.

II.

Прошло цѣлое десятилѣтіе, въ теченіе котораго я не видѣлся съ Фругомъ. Мы помѣнялись мѣстами: онъ сталъ сѣверяниномъ, а я южаниномъ. Онъ вновь поселился въ Петербургѣ, гдѣ получилъ разрѣшеніе жить, кажется, по ходатайству Литературнаго Фонда, при содѣйствіи поэта-чиновника, редактора „Правительственнаго Вѣстника“, К. Случевскаго. На время Фругъ какъ-то стушевался. Въ каждой почти книжкѣ „Восхода“ появлялись его стихи, но это были большею частью „Легенды Востока“— пересказъ талмудическихъ и раввинскикъ легендъ. Устами поэта спокойно вѣщала мудрость вѣковъ, но крайне рѣдко слышались волнующіе звуки непосредственныхъ переживаній. Чѣмъ занимался тогда Фругъ внѣ этой области, мнѣ неизвѣстно. Только однажды меня глубоко огорчила одна вѣсть о немъ. Это случилось въ концѣ октября или началѣ ноября 1894 г. и имѣло связь съ тогдашними перемѣнами въ жизни оффиціальной Россіи. Въ „Петербургской Газетѣ“ или въ реакціонномъ „Свѣтѣ“— уже точно не помню—появились стихи Фруга по поводу этихъ событій, явно написанные по заказу, въ духѣ оффиціальныхъ одъ. Тягостно было это зрѣлище: пѣвецъ гонимаго народа, бряцающій лирой въ станѣ гонителей... Возмущеніе мое было такъ велико, что я рѣшилъ прервать всякія сношенія съ старымъ другомъ. Только спустя долгое время я нѣсколько успокоился. Я понялъ, что тутъ не было внутренняго отреченія отъ своей душевной святыни, а былъ только ложный шагъ, объясняемый недостаткомъ политическаго ригоризма у поэта, который въ данномъ случаѣ уступилъ чьему-то настоянію, а можетъ быть и давленію. Поэтической души Фруга не коснулась эта грязь. Я вспомнилъ при этомъ случай съ Некрасовымъ, который въ черную годину сочинилъ стихотворный экспромптъ въ честь Муравьева Виленскаго. Вспомнилъ и оправдательные стихи Некрасова по этому поводу, въ посланіи къ „Неизвѣстному другу“:

Не торговалъ я лирой, но бывало, когда грозилъ неумолимый рокъ,
У лиры звукъ невѣрный исторгала моя рука . . . .
За каплю крови общую съ народомъ, прости меня, о родина, прости!

Фругъ, сердце котораго всю жизнь сочилось кровью отъ раны народной, не менѣе заслуживаетъ прощенія. Это пятно должно быть смыто съ его свѣтлой памяти.

Спустя нѣсколько лѣтъ мнѣ пришлось пережить еще одно глубокое огорченіе: я узналъ, что нашъ поэтъ вынужденъ „торговать лирой“ и помѣщать еженедѣльно стихотворные фельетоны въ „Петербургской Газетѣ“ или „Листкѣ“. Онъ занимался этой „черной работой“ приблизительно съ 1901 года, скрывая свой грѣхъ подъ густой вуалью псевдонима, и получалъ годовое жалованье въ нѣсколько тысячъ рублей. Когда я лѣтомъ 1902 г. пріѣхалъ въ Петербургъ, я посѣтилъ Фруга въ его квартиркѣ на Покровской площади и просилъ его объяснить, „какъ дошелъ онъ до жизни такой“. Отвѣтъ его былъ исповѣдью, которую я выслушалъ съ понятнымъ волненіемъ: „Вы, конечно, понимаете, что еврейская муза не могла меня обезпечить даже кускомъ хлѣба. Года три назадъ я было пристроился при „Будущности“ д-ра Грузенберга, въ качествѣ соредактора и секретаря редакціи; но дѣла изданія пошли плохо, и я вылетѣлъ въ трубу. Что же было дѣлать? Вѣдь еврейскіе меценаты не спасутъ меня отъ голода. Вотъ я и взялся за эту грязную работу,—однако, не надолго: поработаю еще годъ, обезпечу себя на нѣкоторое время, и снова возьмусь за настоящую работу“. И онъ сталъ излагать мнѣ планы новыхъ большихъ поэмъ. При этомъ онъ вручилъ мнѣ экземпляръ своего только-что вышедшаго сборника — „Сіониды“.

Этотъ сборникъ, составившійся изъ произведеній 1897—1902 г., сложился подъ вліяніемъ расцвѣтшаго въ тѣ годы ново-сіонитскаго движенія, въ горячей атмосферѣ базельскихъ конгрессовъ. По настроенію Фругъ былъ сіонистомъ задолго до этого движенія. Какъ питомецъ еврейской деревни, онъ съ перваго шага своей поэтической дѣятельности мечталъ о физически здоровомъ, почвенномъ евреѣ; какъ питомецъ Библіи, проникшійся ея красотами, онъ постоянно грезилъ о „лиліи Сарона и розѣ долинъ“, о „святой колыбели нетлѣнной, вѣчной славы“. Далекій отъ лабиринта національно-политической идеологіи, онъ склонялся къ упрощенной формѣ сіонизма и вмѣстѣ съ тѣмъ къ романтикѣ этого движенія. Онъ выразилъ это отношеніе во вступленіи къ „Сіонидамъ“. На вопросъ: вѣритъ ли онъ въ догму новаго сіонизма, поэтъ отвѣчаетъ, что онъ любитъ Сіонъ органически.

Какъ любитъ стволъ черешни душистый бѣлый цвѣтъ своихъ вѣтвей,
Какъ любитъ землю въ полдень вешній зерно, посѣянное въ ней, . .
Какъ любитъ грудь родную больное и голодное дитя („Credo“).

Однако въ осуществимость идеала сіонизма поэтъ только *хочетъ* вѣрить. Онъ тревожно молитъ Бога, чтобы не повторилась исторія стараго лжемессіанства:

Чтобы скитальца на родное лоно зовущая теперь, звѣзда Сіона
...не была одной изъ тѣхъ падучихъ звѣздъ, что столько разъ являли
Свой блескъ мгновенный въ ночь его печали и гасли въ тьмѣ ночной.

Культъ природы и вѣра въ національное возрожденіе сочетались въ замѣчательномъ стихотвореніи „Куда?“, гдѣ къ стиху пророка: „Выйди въ поле, и тамъ Я буду говорить съ тобою“—дается слѣдующій прекрасный комментарій въ духѣ пантеизма природы:

Есть добрый Богъ, доступный и понятный незлобивымъ сердцамъ,
Спокойнымъ взорамъ, безмятежнымъ думамъ жнецовъ и пастуховъ.
Молись Ему колосьевъ свѣтлымъ шумомъ и шелестомъ садовъ,
Молись Ему благоуханьемъ сада и росами полей.
Въ Немъ свѣтлый миръ и бодрость, и отрада души твоей . . .

Поэтъ кончаетъ призывомъ, составлявшимъ его символъ вѣры:

Въ поле, народъ обездоленный, въ поле!
Тамъ обрѣтешь ты въ трудѣ и на волѣ
Снова и Бога, и счастье . . .

Но и въ „Сіонидахъ“, кромѣ опредѣленнаго цикла стихотвореній, Фругъ возвращается къ своимъ старымъ темамъ—элегическимъ и библейскимъ. Только въ отличіе отъ раннихъ пѣсенъ скорби, въ заключительныхъ строфахъ новыхъ пѣсенъ звучитъ иногда робкая надежда возрожденія:

Двадцать лѣтъ, какъ стонутъ струны лиры плачущей моей . . .
О, Господь, Господь всесильный, доживу-ль до свѣтлыхъ дней,
Чтобъ разорванной увидѣть скорбью сотканную сѣть
И одну хотя народу пѣсню радостную спѣть, —
Пѣсню, вторящую звону разбиваемыхъ цѣпей,
Пѣсню жизни, пѣсню счастья на развалинахъ скорбей? . .

Жизнь скоро дала ужасный отвѣтъ на робкій вопросъ поэта: кишиневскій погромъ 1903 года. Вмѣсто „звона разбиваемыхъ цѣпей“ послышались звонъ стеколъ разбиваемыхъ еврейскихъ домовъ, вопли убиваемыхъ и насилуемыхъ. Изъ груди поэта вырвался стонъ, облетѣвшій Европу и Америку:

Schlaf is unser Hand zu streiten, stark un schwer is unser Schmerz.
Kum ze du, mit Treist un Liebe, gutes, heisses jüdisch Herz.
Brüder, Schwester, hot rachmones: groiss un schrecklich is di Noit, —
Giebt di Toite oif Tachrichim, giebt di Lebedige Broit! . .

Само собою напрашивалось сравненіе этого призыва къ жалости и благотворительности съ прогремѣвшими въ томъ же году гнѣвными строфами „Видѣнія въ Немировѣ" Бялика. Но тѣ, которые изъ этого сравненія дѣлали выводъ, невыгодный для поэзіи Фруга вообще, забывали, что въ юности и Фругъ былъ поэтомъ печали и *гнѣва*, что въ этомъ отношеніи онъ былъ предтечею Бялика, который писалъ уже въ моментъ подъема національно-политическаго сознанія и поэтому могъ сильнѣе выразить настроеніе рокового года.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ наступившіе затѣмъ годы освободительнаго движенія старѣющая муза Фруга не могла проникнуться новыми настроеніями. Слишкомъ много разочарованій выпало на долю поэта, чтобы онъ могъ вѣрить въ наступленіе новой эры въ Россіи. Фругъ встрѣтилъ бурю 1905 года въ настроеніи полной политической безнадежности, нашедшемъ яркое выраженіе въ его стихотвореніи „Я помню" („Евр. Жизнь", февральская книжка 1905 г.). Наканунѣ весны революціоннаго года, онъ вызываетъ изъ гроба страшную тѣнь весны 1881 года:

. . . . Четверть вѣка минуло.
Я помню и сладкіе сны той призрачной, яркой весны,
И какъ мы проснулись отъ гула свирѣпой и дикой орды,
Дышавшей огнемъ истребленья и ядомъ смертельной вражды.
Не хлѣбныя зерна, — каменья посыпались градомъ на насъ . . .
Проклятая, темная сила въ очахъ нашихъ свѣтъ погасила . . .
И годы, ужасные годы прошли чередою . . . И вотъ
Съ далекихъ туманныхъ высотъ вновь призракъ желанной свободы
Мерцаетъ, и снова зоветъ . . . И снова мы вѣрить готовы,
И вѣрить народу велимъ, что солнце, зажегшись надъ нимъ,
Расплавитъ стальныя оковы мучительной доли его;
Что близко весны торжество, весны небывалой въ Россіи,
Весны, возвѣщающей миръ . . . . . .
И съ тѣми, чьи руки
Вчера лишь давали испить намъ кубокъ позора и муки,
Сидѣть за трапезой мы будемъ, какъ родины общей сыны,
И горе былое забудемъ въ лучахъ всероссійской весны . . .
Не вѣрьте, о братья, не вѣрьте! Не жизни и свѣта, а смерти
И мрака мучительный гнетъ намъ эта надежда несетъ . . .
Не вѣрьте, не вѣрьте! Одна для насъ лишь возможна весна —
На собственной нивѣ, въ свободной странѣ, гдѣ нашъ геній народный
Когда-то сіялъ и творилъ, даруя враждебному міру
Скрижали закона и лиру, и правды живой благодать . . .

Было бы ошибкою считать эти строки партійнымъ сіонистскимъ трафаретомъ. Фругъ былъ сіонистомъ, но отнюдь не партійнымъ и не шаблоннымъ. По своей натурѣ и воспитанію, онъ

былъ въ такой же мѣрѣ сіонистомъ почвеннымъ, въ какой Ахадъ-Гаамъ является сіонистомъ духовнымъ,—и знаменательно, что оба они—нашъ поэтъ и нашъ мыслитель—съ одинаковымъ чувствомъ безнадежности встрѣтили „лучи всероссійской весны“ . . . . Послѣ весеннихъ, лѣтнихъ и особенно октябрьскихъ погромовъ 1905 года, Фругъ могъ бы по праву гордиться ролью Кассандры, если-бы такая роль не причиняла ему невыразимыхъ мукъ. Онъ замолчалъ надолго, и совершенно былъ забытъ въ шумѣ дня . . .

Онъ и лично уединился въ эти годы и еще больше прежняго удалялся отъ общественной жизни. Когда я въ зиму 1905—1906 г. пріѣзжалъ въ Петербургъ на съѣзды Союза полноправія, я Фруга не встрѣчалъ ни на одномъ изъ многочисленныхъ тогда собраній. И когда годъ спустя я переѣхалъ въ столицу на жительство и хотѣлъ посѣтить Фруга, то это оказалось неудобоисполнимымъ. Вслѣдствіе-ли тяжелой болѣзни, симптомы которой уже тогда появились, или вслѣдствіе трагически сложившихся обстоятельствъ его семейной жизни, поэтъ жилъ замкнуто. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ только на литературно-музыкальномъ вечерѣ Еврейскаго Литературнаго Общества, въ Тенишевскомъ училищѣ, осенью 1908 года (если не ошибаюсь въ датѣ). Предо мною стоялъ уже больной человѣкъ, жаловавшійся на недомоганія, съ омраченною душою, хотя и съ привычною милою улыбкой на губахъ. Со свойственнымъ ему мастерствомъ прочелъ онъ пару своихъ жаргонныхъ стихотвореній и удостоился шумныхъ овацій. Это было послѣднее его выступленіе въ Петербургѣ. Вскорѣ онъ переѣхалъ на жительство въ Одессу, на родной югъ, гдѣ ему суждено было провести остатокъ жизни. Матеріальная нужда заставляла его иногда разъѣзжать по городамъ и читать свои стихи въ публичныхъ собраніяхъ, преимущественно сіонистскихъ. Но скоро и это стало для него труднымъ: болѣзнь почекъ прогрессировала, и произведенная операція только отсрочила роковую развязку. Этимъ состояніемъ я объясняю себѣ ту рѣзкость, съ какою Фругъ въ 1910 г. отклонилъ предложеніе о праздновані 30-лѣтняго юбилея его литературной дѣятельности. Впрочемъ, тутъ могло сказаться и свойственное многимъ нерасположеніе къ роли чествуемаго юбиляра, а съ другой стороны—осадокъ горечи въ душѣ поэта, который въ теченіе ряда лѣтъ былъ какъ будто позабытъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Фруга въ декабрѣ 1913 г.,

когда я гостилъ въ Одессѣ. Я видѣлъ его и дома, у одра болѣзни, и на двухъ литературныхъ собраніяхъ, куда онъ явился, пересиливая недомоганіе, и наконецъ на скромномъ „банкетѣ", устроенномъ мнѣ литературными друзьями. Что-то символическое было въ этомъ маленькомъ собраніи. Я сидѣлъ за столомъ между Несторомъ нашей литературы, Менделе, и Фругомъ, а рядомъ размѣстились Бяликъ и представители младшаго поколѣнія писателей. Я замѣтилъ, что изъ участниковъ люстдорфскаго поэтическаго „симпозіона" 1891 г. здѣсь осталось только четверо: прочіе давно покинули Россію. Мы бесѣдовали, вспоминали; говорились и обычныя застольныя рѣчи. Сильно взволновала меня рѣчь Фруга. Онъ вспомнилъ о нашей совмѣстной жизни въ Петербургѣ въ годы нашей литературной юности, говорилъ о нашемъ тернистомъ пути, объ извилистомъ и прямолинейномъ движеніи по этому пути, приписывая послѣднее своему „болѣе счастливому" литературному сверстнику. Въ своемъ отвѣтѣ на дружескія рѣчи я указалъ на сидѣвшихъ рядомъ представителей трехъ литературныхъ поколѣній, и когда я дошелъ до характеристики представителя средняго поколѣнія, моего „друга юности унылой", мнѣ показалось, что мы оба тутъ прощаемся съ прошлымъ. Не покидало меня предчувствіе, что я въ послѣдній разъ вижу Фруга...

Судьбѣ угодно было допустить насъ еще разъ къ бесѣдѣ, хотя только письменной. Прочитавъ въ одномъ изъ нашихъ еженедѣльниковъ фельетонъ Фруга, гдѣ описанъ эпизодъ изъ его ранней петербургской жизни, я написалъ ему въ февралѣ 1916-го года письмо и предложилъ, если здоровье ему позволитъ, писать свои воспоминанія для „Еврейской Старины". Я при этомъ имѣлъ въ виду то душевное облегченіе, которое могли бы дать моему больному другу воспоминанія о прошломъ, эта „своеобразная молитва", какъ я ему писалъ. Фругъ отвѣтилъ мнѣ печальнымъ по содержанію и игривымъ по тону письмомъ (13 марта с. г.), въ которомъ между прочимъ писалъ: „Я окончательно разсохся, расклеился, не живу, а мучусь невыносимо—не ѣмъ, не сплю ночами, и о работѣ и помыслить не могу... Заѣзжаетъ ко мнѣ докторъ... и довольно часто предупредительно заявляетъ, что явился не какъ врачъ, а въ качествѣ друга и цѣнителя моей поэзіи; посидитъ, помянетъ въ теплыхъ словахъ нашихъ дорогихъ покойниковъ—д-ра Пинскера, Лиліенблюма, Швабахера... Въ интересахъ „упокоя души" усопшихъ это, можетъ быть, весьма полезно, но мнѣ утѣшенія при-

носитъ мало и только наводитъ на мысль, что отъ современной медицины мнѣ кромѣ пріятной бесѣды ждать нечего. Далѣе, несмотря на признаніе: „тяжело мнѣ держать перо въ рукѣ", Фругъ пишетъ о нѣкоторыхъ литературныхъ новостяхъ Одессы, отпуская добродушныя шутки на счетъ мѣстной „колоніи безработныхъ"—группы нашихъ писателей, и кончаетъ письмо грустными словами: „Будьте здоровы, здоровы и бодры тѣломъ и духомъ, чего—увы, мнѣ не хватаетъ теперь не только для работы, но хоть бы для того, чтобы дышать, какъ дышетъ всякая тварь земная. А подышать-то еще хочется"... Фругъ просилъ прислать ему послѣдніе выпуски „Еврейской Старины" и, какъ бы ободряя самого себя, прибавилъ: „Авось весеннее солнце обогрѣетъ меня настолько, что я въ силахъ буду приняться за работу". Я тотчасъ, конечно, отвѣтилъ Фругу, чтобы онъ и не думалъ работать, пока не возстановятся его силы, и просилъ извѣщать хоть парою строкъ о состояніи своего здоровья.

Жуткій отвѣтъ получился въ началѣ мая. Мнѣ подаютъ конвертъ съ знакомымъ красивымъ почеркомъ на адресѣ. Открываю: письма нѣтъ, а вмѣсто него два написанныхъ рукою Фруга стихотворенія на *древне-еврейскомъ* языкѣ, помѣченныя „30. III. 1916" и „8. IV. 1916". Содержаніе обоихъ отрывковъ производило потрясающее впечатлѣніе предсмертнаго „виддуя"—исповѣди „отходящей" души. Въ одномъ стихотвореніи говорится о послѣдней еще тлѣющей искрѣ, о единственномъ еще не позабытомъ дорогомъ имени—матери, къ которой обращена мольба: спасти послѣднюю искорку жизни сына. Въ другомъ поэтъ умоляетъ спустившагося къ нему свыше „посла вѣчности" оставить его въ этомъ мірѣ, „чтобы еще подышать въ немъ, поплакать въ немъ, проклинать его и пѣснь вѣнчальную спѣть ему"... Я понялъ то настроеніе, которое заставило поэта написать свои прощальныя молитвенныя строфы на языкѣ Библіи и синагоги и связать такимъ образомъ два полюса жизни—колыбель и могилу... Я просилъ одесскихъ друзей сообщить мнѣ о состояніи больного; я и ему самому написалъ привѣтъ изъ глубины Финляндіи. Въ августѣ я получилъ два извѣщенія: одно успокоительное, а другое тревожное. А 7 сентября пришла послѣдняя роковая вѣсть: допѣта послѣдняя пѣсня 56-лѣтняго поэта, который могъ бы еще жить и творить...

* * *

Фругъ писалъ преимущественно на русскомъ языкѣ, мастерски владѣя русскимъ стихотворнымъ стилемъ, и все таки остался еврейскимъ національнымъ поэтомъ — въ этомъ главная его особенность и крупная заслуга. Онъ стоялъ на грани двухъ литературъ—еврейской и русской, и еслибы онъ всецѣло перешелъ къ общимъ, т. е. индивидуальнымъ, поэтическимъ сюжетамъ, то могъ бы занять видное мѣсто на „русскомъ Парнасѣ“, куда многіе его тянули. Тогда онъ потонулъ бы въ русскомъ литературномъ морѣ, какъ потонули и пропали для еврейства многія творческія силы, похищенныя у насъ окружающими народами и сами—часто невольно—обездолившія свою родную націю, пользуясь унаслѣдованною отъ нея духовной энергіей для обогащенія чужихъ богатыхъ литературъ въ ущербъ своей, заброшенной, обѣднѣвшей. Фругъ былъ очень близокъ къ тому, чтобы перешагнуть границу между двумя литературами, только механически объединенными общностью языка, но онъ этого шага не сдѣлалъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ постигъ свое настоящее призваніе, свою историческую обреченность на служеніе націи, преслѣдуемой чужими и покидаемой многими изъ своихъ. Онъ остался въ кругу тѣхъ эмоцій и настроеній, которыя вынесъ изъ глубинъ народной жизни, изъ „легендъ вѣковъ“ и страшной легенды своей собственной эпохи, и именно поэтому онъ связалъ свое имя неразрывно не только съ еврейской литературою, но также съ еврейской національной исторіей своей эпохи вообще.

Своей поэтической дѣятельностью Фругъ подтвердилъ еще одну истину, о которой не мѣшаетъ напомнить въ наше время ожесточенной борьбы языковъ,—я сказалъ бы: языческаго культа языка. Истина въ томъ, что еврейство на своемъ долгомъ историческомъ пути, проходя „сквозь строй народовъ и столѣтій“, пользовалось всѣми языками культурнаго міра, отъ древне-греческаго до нынѣшняго русскаго, только какъ орудіями своего духовнаго творчества, — вслѣдствіе чего образовались большіе иноязычные пласты нашей литературы, но отъ этого послѣдняя не утратила своей внутренней цѣльности и національной самобытности. Если Іегуда Галеви писалъ свое философское сочиненіе—апоѳеозъ іудаизма—на арабскомъ языкѣ, а свои „сіониды“ на еврейскомъ, оставаясь одинаково національнымъ въ своей философіи и въ своей поэзіи, то Фругъ сдѣлалъ

только одинъ шагъ дальше: онъ и поэзію народной скорби облекъ въ иноязычный костюмъ, вошедшій въ употребленіе въ одномъ изъ величайшихъ центровъ діаспоры. И отъ этого національная цѣнность содержанія его поэзіи не умалилась. Еще долго люди чуткіе сердцемъ будутъ „рыдать надъ его отравленнымъ стихомъ". Еще долго въ тысячахъ дѣтскихъ умовъ будутъ сіять образы его библейскихъ и талмудическихъ легендъ, зароняя въ юную душу сѣмена любви къ безсмертной націи. И еще долго будутъ измѣрять глубину трагическихъ переживаній еврейства въ концѣ XIX вѣка вдохновенными элегіями Фруга, въ которыхъ слышится „эхо народныхъ скорбей".

С. Дубновъ.

Письма С. Г. Фруга (1889—1899 *).

№ 1. Петербургъ, 15 мая 1889 г.

Дорогой Семенъ Марковичъ! Ваше „ходатайство“ уважено: я уже написалъ г. Рабиновичу, что приму участіе въ его сборникѣ **), при чемъ однако поставилъ условіемъ, чтобы мѣсто мнѣ предоставлено было неограниченное.

Кстати о „сборникахъ“. „Восходъ“ обѣщалъ своимъ читателямъ статью о сборникѣ Спектора. Полагая, что разборъ будетъ сдѣланъ Вами, я обращу Ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ „Hausfreund“ помѣщенъ (да еще чуть ли не на первомъ мѣстѣ) прекурьезный фельетонъ, въ которомъ мнѣ достается на орѣхи за то, что я въ моемъ очеркѣ „Lieder fun dem jüdischen Jargon“ охаялъ будто бы не только жаргонъ, но и всѣхъ, говорящихъ на жаргонѣ, т. е. всю Kneset isroel и проч. ***). Сдается мнѣ, что Вы, тезка, этого моего очерка не читали. Посылаю Вамъ въ бандероли оттискъ этой невинной вещицы, въ которой дѣйствительно „осмѣянъ“ (въ извѣстномъ смыслѣ) жаргонъ, но въ то же время оплаканы говорящіе на жаргонѣ. А

*) Эти нѣсколько адресованныхъ мнѣ писемъ С. Г. Фруга, найденныхъ въ моемъ архивѣ, касаются преимущественно его тяжелаго матеріальнаго положенія, какъ сотрудника различныхъ изданій. Рѣзкій тонъ въ отзывахъ о нѣкоторыхъ издателяхъ объясняется состояніемъ хронической нужды, въ которой находился поэтъ. Но съ другой стороны читатель найдетъ здѣсь и кой-какія свѣдѣнія чисто-литературныя и общественныя.— С. Дубновъ.

**) С. Н. Рабиновичъ (Шаломъ-Алейхемъ) просилъ меня склонить Фруга къ участію въ его сборникѣ „Jüdische Volksbibliothek“, такъ какъ послѣ обличительнаго фельетона Фруга о жаргонныхъ сборникахъ Шаломъ-Алейхему было неудобно просить его объ этомъ. См. „Письма Шаломъ-Алейхема“ №№ 3, 4 и 12 (Евр. Стар. 1916 г. кн. 2—3, стр. 237, 238, 244). — С. Д.

***) См. сборникъ „Hausfreund“, изд. М. Спектора, т. II, Варшава 1889, ст. Штаркмета (стр. 7—21). Фельетонъ Фруга былъ напечатанъ въ приложеніи къ еженедѣльнику Jüdische Volksblatt“, 1888 г., № 30.

это, согласитесь, вовсе не то, что говоритъ авторъ фельетона въ „Hausfreund'ѣ“. Впрочемъ, Вы сами судите на основаніи текста.

Новаго у меня вообще очень мало. Пишу стихи, фельетоны и пр. Собираюсь поселиться на дачѣ гдѣ нибудь вблизи Петербурга (въ Царскомъ Селѣ, въ Павловскѣ) вмѣстѣ съ Фл.......

№ 2. Петербургъ, 7 мая 1891 г.

.......Я не писалъ Вамъ все время потому, что просто голова шла кругомъ отъ того стеченія обстоятельствъ, которое поставило меня положительно въ безвыходное положеніе. Вы сами понимаете, конечно, что несчастіе, постигшее „Восходъ“ *), легло всей своей тяжестью только на его сотрудниковъ, и именно на Васъ и на меня. Не думайте, что если-бы Вы находились теперь въ Петербургѣ, Ваше матеріальное положеніе сколько-нибудь выиграло-бы: нисколько. Я это прекрасно испытываю на себѣ. Ландау—ну, да Вы сами знаете, что это за добрая душа. Всѣмъ-же прочимъ ровно никакого дѣла нѣтъ до нашего брата... Я не обращался, конечно ни къ кому за помощью, но я и безъ того прекрасно знаю, каковъ былъ бы результатъ, если-бы я вздумалъ сдѣлать это. Но довольно объ этомъ...

Въ Одессу не собираюсь, да и никуда не собираюсь. Срокъ моему паспорту — 25-го іюня, и если... etc., то я, пожалуй, побываю и въ Одессѣ, и въ Херсонѣ, и у черта на куличкахъ... **). А пока-что будьте здоровы. Напишу Вамъ на этихъ же дняхъ подробнѣе.

№ 3. Спб. 22 мая 1891 г.

... Не стану распространяться о личныхъ обстоятельствахъ. Въ общемъ Вы знаете, каковы они, а частности неинтересны „Ландау—пишете Вы—умышленно отмалчивается на мои письма, чѣмъ ставитъ меня въ ужасное положеніе“. Отмалчиваться на письма нетрудно. Но Ландау обладаетъ особеннымъ талантомъ

---

*) Пріостановленіе „Восхода“ на полгода, по распоряженію правительства въ мартѣ 1891 г. Ср. „Письма А. Е. Ландау“, въ Евр. Стар. 1916 г., кн. I, стр. 109 и слѣд.

**) Фругъ долженъ былъ ежегодно, при полученіи новаго паспорта, возобновлять свое ходатайство передъ градоначальникомъ о правѣ жительства въ качествѣ „домашняго служителя“. Тутъ содержится намекъ на возможность отказа, который и послѣдовалъ въ концѣ іюня. См. выше, „Воспоминанія о С. Г. Фругѣ“, стр. 449—450.

отмалчиваться на вопросы и въ личномъ разговорѣ, и не то, чтобы отмалчиваться, а отвѣчать такъ, что Вы въ концѣ концовъ все-таки не получаете никакого опредѣленнаго отвѣта и уходите съ тѣмъ, съ чѣмъ пришли. Я уже, кажется, писалъ Вамъ, что о томъ, что „сборникъ“ уже печатается, я узналъ совершенно случайно, когда въ одно изъ моихъ посѣщеній я засталъ въ кабинетѣ ментранпажа съ корректурными листами въ рукахъ *). „Что-же, спрашиваю я, сборникъ уже печатается“.—„Да,— отвѣчаетъ мнѣ Ландау,—кое-что набирается... Впрочемъ, все, что касается сборника, находится въ распоряженіи П. Я. Левензона, за подписью котораго сборникъ выйдетъ въ свѣтъ“. Когда имѣетъ выйти сборникъ, сколько листовъ онъ будетъ содержать, каково хотя бы приблизительно будетъ его содержаніе, — на эти и тому подобные вопросы я отъ него никакого отвѣта добиться не могъ. Единственное, что онъ сообщилъ мнѣ опредѣленно и ясно, это— что гонорара за печатаемое въ сборникѣ онъ выдавать не будетъ впредь до выхода его въ свѣтъ. Ничего опредѣленнаго я не могъ узнать также относительно возобновленія „Восхода“ въ сентябрѣ.

Къ помощи „Литературнаго Фонда“ я не обращался и предполагаю обратиться только въ случаѣ крайней нужды. Хватитъ съ меня тѣхъ блестящихъ результатовъ, какіе имѣло мое ходатайство въ комитетѣ Общества распространенія просвѣщенія. Ходатайствовалъ я о выдачѣ мнѣ 300 руб. на изданіе новаго сборника моихъ стихотвореній, причемъ я предлагалъ комитету вознаградить его соотвѣтствующимъ этой суммѣ количествомъ экземпляровъ сборника. Получилъ полный отказъ.

Относительно поѣздки на югъ ничего еще опредѣленнаго не знаю. Фл. пока здѣсь: собирается вскорости въ Житоміръ. О немъ, какъ и о „Сѣв. Вѣстн.“, съ которымъ у него прекрасныя дѣла, напишу въ слѣдующій разъ.....

№ 4. С.-Петербургъ, 26 іюня 1899 г.

... Изъ письма Самуила Осиповича Вы знаете о нашемъ дорогомъ новорожденномъ **), который дай Богъ намъ megadel

*) Рѣчь идетъ о сборникѣ статей постоянныхъ сотрудниковъ „Восхода“, изданномъ къ осени 1891 г. для вознагражденія подписчиковъ за время пріостановки журнала. А. Е. Ландау подготовлялъ сборникъ къ печати съ большой таинственностью. Ср. его письма въ указанн. мѣстѣ, стр. 111—112.

**) Еженедѣльникъ „Будущность“, издававшійся съ конца 1899 г. д-ромъ Сам. Осип. Грузенбергомъ, о которомъ здѣсь и идетъ рѣчь. См. „Письма С. О. Грузенберга“, Евр. Стар. 1915 г., кн. IV, стр. 370 сл.

sain letora ulmaassim towim. Присоединяясь ко всему, что писалъ Вамъ С. О., пишу Вамъ съ цѣлью въ отвѣтъ на это письмо услышать отъ Васъ то доброе, истинно-товарищеское привѣтствіе, которое особенно дорого для „Будущности“ въ данную минуту, когда редакція этого органа должна сформироваться изъ болѣе опытныхъ, серьезныхъ и честныхъ дѣятелей русско-еврейской журналистики. Излишне говорить, что въ числѣ лицъ, которыя должны явиться не только сотрудниками, но и создателями этого литературнаго дѣла, стоите Вы на подобающемъ мѣстѣ. Вы знаете, вѣроятно, что представляетъ собою нынѣшняя редакція „Восхода“ въ ея личномъ составѣ, и легко поймете, чего можно ожидать отъ этого органа въ отношеніи литературной доброкачественности вообще и публицистической независимости въ частности... *). „Будущность“ же, въ которой будутъ сгруппированы лучшія силы, ставитъ главнѣйшей своей задачей полную и безусловную независимость отъ всякихъ постороннихъ вліяній, такъ тѣсно связывающихъ извѣстную редакцію съ не менѣе извѣстными учрежденіями, преслѣдующими цѣли, отъ которыхъ нашъ органъ будетъ стоять какъ можно дальше...

№ 5. С.-Петербургъ, 9 ноября 1899 г.

... Я сейчасъ прочиталъ Вашу прекрасную статью „О смѣнѣ направленій“ и пр.—прекрасную и по тону, и по полнотѣ содержанія. Я очень радъ появленію ея въ „Будущности“, и тѣмъ болѣе не могу скрыть отъ Васъ того диссонанса, которымъ нарушается общій тонъ статьи, благодаря припискѣ, сдѣланной Вами собственноручно на страницѣ 67-й рукописи. Впрочемъ, дѣло не въ одной этой припискѣ, а во всемъ послѣднемъ предложеніи даннаго абзаца: „Результаты внутренняго переворота обнаружились въ самое послѣднее время, и содержаніе обновленнаго „Восхода“ не оставляетъ сомнѣнія насчетъ его буду-

*) Опускаемъ рядъ личныхъ нападокъ на новую редакцію „Восхода“, сформированную въ 1899 г., такъ какъ эти рѣзкости свидѣтельствуютъ только о мелкихъ кружковскихъ интригахъ, портившихъ въ Петербургѣ отношенія между редакціями двухъ конкуррирующихъ изданій. Въ концѣ письма Фругъ сообщаетъ, что онъ и его товарищи заявили новой редакціи „Восхода“ объ исключеніи ихъ именъ изъ списка сотрудниковъ, причемъ склонялъ къ этому и меня. Я на это не согласился, такъ какъ новая редакція „Восхода“ увѣрила меня въ своемъ стремленіи усилить національное направленіе въ журналѣ. См. примѣчаніе къ слѣдующему письму.

щаго духовно-національнаго направленія, чуждаго всякихъ партійныхъ крайностей" *).

Мнѣ кажется, Семенъ Марковичъ, что содержаніе „Восхода" за послѣднее время не даетъ никакихъ ясныхъ указаній насчетъ строго-опредѣленнаго направленія этого изданія въ будущемъ, а усиленныя и (я бы сказалъ) „нарочитыя" заигрыванія съ сіонистами менѣе всего указываютъ на намѣреніе „Восхода" оставаться чуждымъ „всякихъ партійныхъ крайностей". Но и помимо рискованности тѣхъ или другихъ предсказаній на счетъ будущаго направленія этого изданія, мнѣ кажется, что эти предсказанія сами по себѣ нарушаютъ цѣльность и тонъ статьи, и было бы весьма полезно для послѣдней, если-бы Вы согласились исключить изъ нея приведенныя выше строки, да кстати и предыдущихъ нѣсколько строкъ, начиная со словъ: „Въ „Восходѣ", подъ наружнымъ покровомъ одного общаго направленія", и пр.

Я думаю, что Самуилъ Осиповичъ согласится съ высказанными здѣсь соображеніями. Нашъ бѣдный редакторъ въ послѣднее время совершенно отучился отъ ѣды и сна,—работы, дѣйствительно, страшно много..... Вашъ С. Фругъ.

---

*) Въ помѣщенной тогда въ первыхъ №№ „Будущности" статьѣ моей „Смѣна направленій въ еврейской журналистикѣ" было охарактеризовано этою фразою новое, болѣе національное направленіе „Восхода", что вслѣдствіе указанныхъ выше отношеній между двумя редакціями крайне не понравилось редакціи „Будущности". Въ интересахъ объективности я отклонилъ просьбу послѣдней объ исключеніи этой фразы, что весьма огорчило С. О. Грузенберга и С. Г. Фруга. См. „Письма С. О. Грузенберга", Евр. Стар. 1915 г., стр. 375, прим.

Матеріалы и сообщенія.

Еще объ отрокѣ Гавріилѣ Заблудовскомъ *).

Объ „умученномъ жидами“ въ 1690 г. отрокѣ Гавріилѣ очень много говорили въ Кіевѣ при разборѣ дѣла Бейлиса. Представитель обвиненія и гражданскіе истцы пожелали въ признаніи православною церковью отрока Гавріила святымъ найти доказательство, что православная церковь признаетъ ритуальныя убійства, хотя профессоръ духовной академіи Троицкій разсѣялъ это заблужденіе. Такое утвержденіе — заявилъ онъ на судѣ — невѣрно по существу и оскорбительно для церкви. Тѣмъ не менѣе, 20 апрѣля слѣдующаго (1914) года, послѣ широкаго оповѣщенія былъ открытъ крестный ходъ въ Слуцкій Троицкій монастырь, въ которомъ почиваютъ мощи отрока Гавріила.

Какъ же сложилось сказаніе о св. Гавріилѣ?

Въ архивныхъ матеріалахъ по пресловутому Велижскому дѣлу 1823 г. (слѣдственное производство, листъ 286) имѣется по этому поводу слѣдующее указаніе **). „Въ Минской губерніи, въ полуверстѣ отъ уѣзднаго городка Слуцка, находится св. Троицкій мужской монастырь, въ которомъ почиваютъ нетлѣнныя мощи млад. Гавріила, замученнаго жидами въ 1690 г. Для пріобщенія къ слѣдственному производству по велижскому дѣлу, витебскій генералъ-губернаторъ кн. Хованскій ***) обратился къ минскому епархіальному архіерею о доставленіи ему достовѣрныхъ свѣдѣній о страданіяхъ сего младенца, если оныя извѣстны изъ преданій или подлинныхъ актовъ. Архіепископъ Анатолій отвѣтилъ 11 мая 1830 г., что въ помянутомъ монастырѣ о почившемъ младенцѣ Гавріилѣ нѣтъ другихъ свѣдѣній, кромѣ имѣющихся на гробѣ сего святого надгробныхъ стиховъ, сочиненныхъ на *польскомъ* (?) языкѣ, коихъ и доставилъ одинъ печатный экземпляръ“.

Читателямъ „Евр. Старины“ уже извѣстно, что въ этой эпитафіи разсказывается, какъ шестилѣтній сынъ Петра и Анастасіи Говделюченка, Гавріилъ, лѣтомъ 1690 г. пропалъ изъ дому и черезъ

---

*) См. Евр. Стар. 1916 г., кн. II—III.

**) См. М. Макаровъ. Легенда крови.

***) Главный вдохновитель Велижскаго процесса.

нѣсколько дней былъ найденъ на полѣ „въ густомъ хлѣбѣ". Подозрѣніе въ убійствѣ младенца пало на арендаря Шутку и прочихъ евреевъ, которые и были взяты подъ стражу. Тѣло Гавріила было погребено въ мѣстечкѣ Заблудовѣ при уніатской греко-россійской церкви.

Пріобщить къ дѣлу эту эпитафію, какъ доказательство употребленія евреями христіанской крови, кн. Хованскій считалъ невозможнымъ вѣроятно потому, что въ ней описаніе „ритуальнаго" убійства не соотвѣтствовало картинѣ, нарисованной обвинителями въ Велижѣ. Согласно эпитафіи, Гавріилъ былъ убитъ, когда уже созрѣлъ хлѣбъ,—значитъ въ іюнѣ или въ іюлѣ, а это въ корнѣ подрывало слова „доказчицъ" въ велижскомъ дѣлѣ (Терентьевой и Максимовой), твердившихъ, что всѣ многочисленныя похищенія и убіенія христіанскихъ младенцевъ, содѣянныя ими по наущенію евреевъ, совершались ранней весной, до еврейской Пасхи. Вѣдь о безусловной достовѣрности показаній доказчицъ генералъ-губернаторъ постоянно твердилъ царю Николаю I въ своихъ донесеніяхъ и проводилъ ту же тенденцію въ слѣдственномъ производствѣ; слѣдовательно, малѣйшее колебаніе этого авторитета считалось рискованнымъ для всего возведеннаго имъ зданія. Затѣмъ прозвище убійцы — Шутко — звучало не совсѣмъ по-еврейски.

Была еще одна причина, по которой кн. Хованскій, при всѣхъ стараніяхъ убѣдить царя въ употребленіи евреями христіанской крови, не могъ ссылаться на слуцкую эпитафію. Онъ зналъ то, что всѣмъ было извѣстно, а именно, что польская сельская шляхта и арендаторы, въ видахъ болѣе выгодной эксплоатаціи принадлежащихъ имъ корчемъ, шинковъ, „ярманокъ" и рѣчныхъ перевозовъ, иногда съ согласія ближайшаго къ мѣсту польско-уніатскаго духовенства, а иногда на перекоръ ему,—создавали легенды о мѣстныхъ угодникахъ, открывали нетлѣнныя мощи, чудодѣйственныя криницы, новоявленные образа и т. п. Невѣжественная суевѣрная масса, не столько движимая религіознымъ чувствомъ, сколько жаждой разгула и пьянства, охотно собиралась сюда не только изъ близкихъ, но и изъ отдаленныхъ мѣстъ, гдѣ пріѣзжіе агитаторы превозносили чудеса своей новоявленной реликвіи, дешевизну и качество мѣстной горѣлки. Такимъ образомъ въ глухой, заброшенной мѣстности появлялись толпы народа, и сразу все оживлялось. Наживались поссесоры, наживались арендаторы, наживалось и духовенство, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока владѣльцу смежнаго имѣнія, потерпѣвшему отъ такого сосѣдства, не удавалось такими же способами создать доходную статью и для своихъ корчемъ. Зная все это, Хованскій считалъ рискованнымъ сослаться на заблудовское дѣло, особенно послѣ того, какъ съ такимъ трескомъ лопались такія „неопровержимыя доказательства" по велижскому дѣлу, какія представляли трижды крещеный Федоровъ и ренегатъ Грудзинскій.

Необходимо было еще какимъ-нибудь оффиціальнымъ актомъ подтвердить слуцкую эпитафію, а потому кн. Хованскій обратился за подробностями къ актамъ заблудовскаго магистрата; но, какъ обо-

значено въ томъ же слѣдственномъ документѣ, „и здѣсь не имѣлъ успѣха". Графъ Воловичъ отношеніемъ отъ 27 іюня увѣдомилъ, что „въ *сохранившихся актахъ съ 1618 по 1791 годъ требуемаго имъ, генералъ-губернаторомъ, свѣдѣнія о преступленіи жидовъ въ замученіи младенца Гавріила, не видно*".

Тогда кн. Хованскій за нужной ему справкой обратился къ оберъ-прокурору св. Синода, кн. Мещерскому, которому онъ между прочимъ пишетъ, „что засвидѣтельствованіе о мученіи сего младенца, ознаменованнаго властью Всемогущаго нетлѣніемъ, было бы самымъ сильнѣйшимъ подтвержденіемъ и подобнаго безчеловѣчія, совершеннаго евреями въ Велижѣ".

Оберъ-прокуроръ приказалъ „учинить выправку" по дѣламъ, хранящимся въ Синодальной патріаршей ризницѣ и въ Синодскомъ архивѣ. Одновременно онъ обратился также къ преосвященному Евгенію, митрополиту Кіевскому, чтобы узнать, не имѣется ли какихъ-либо актовъ объ упомянутомъ младенцѣ въ архивѣ кіевской дикастеріи или Кіевопечерской лавры и Софійскаго собора. Но изъ полученныхъ оберъ-прокуроромъ донесеній отъ лицъ, завѣдующихъ Синодальной патріаршей ризницей и Синодскимъ архивомъ, а равно и отзыва митрополита кіевскаго видно,—сообщаетъ далѣе слѣдственный актъ, — что по справкѣ въ старыхъ дѣлахъ, относящихся по времени до 1755 г. или около того, „*никакихъ актовъ о помянутомъ младенцѣ не оказалось*".

Такимъ образомъ рухнула всякая надежда на то, чтобы хоть чѣмъ-нибудь подтвердить уніатское сказаніе.

Обратимся теперь къ другимъ источникамъ, гдѣ можно было бы предположить хотя бы косвенное указаніе относительно отрока Гавріила.

Въ актахъ, относящихся къ городу Бѣлостоку—мѣсту злодѣянія—отъ XVII и XVIII вв., мы никакихъ свѣдѣній объ интересующемъ насъ дѣлѣ не находимъ. Но нѣкоторый интересъ для освѣщенія тогдашнихъ еврейско-христіанскихъ отношеній въ краѣ представляютъ документы, имѣющіеся въ „Архивѣ юго-западной Россіи" (ч. 1, т. IV, стр. 176) *). Въ этихъ актахъ приводится жалоба игумена Бѣлостокскаго и Луцкаго монастырей Ѳеодосія Падальскаго, который отъ имени своего и братіи, а также отъ имени монастырскаго повара Ивана Даниловскаго, равно отъ имени немогущихъ явиться евреевъ Шмуля сына Менделева, арендатора винокурни и корчмы монастырскихъ, и Гейли, жены того-же арендатора,—подалъ *9 мая 1701 г.* Луцкому гражданскому уряду жалобу на дворянъ Путошинскаго, Выговскаго и Маковскаго. Въ жалобѣ говорилось, что Путошинскій получилъ отъ жалобщиковъ взаймы двѣ тысячи злотыхъ и въ обезпеченіе этого долга представилъ имъ въ залогъ нѣсколько крестьянъ изъ принадлежащей ему части села Гати, но въ то же время заставилъ этихъ крестьянъ усиленно работать на себя. Опасаясь, чтобы крестьяне отъ тяжкой работы не сбѣжали совсѣмъ, жалобщикъ хотѣлъ возвратить ихъ Путошинскому и отсрочить ему уплату

*) См. Регесты и надписи т. II, № 1341—3.

долга на полгода. Въ дѣлѣ былъ замѣшанъ и арендаторъ Гати, Мотя, братъ прежняго бѣлостокскаго арендаря Менделя. Результатомъ этихъ пререканій было то, что Путошинскій, проѣзжая со своими вооруженными слугами черезъ Бѣлостокъ, остановился въ монастырской корчмѣ, напалъ на Гейлю и Шмуйлу, жену и сына бѣжавшаго арендатора Менделя, избилъ ихъ и т. п. Обо всемъ этомъ возный предъ урядомъ свидѣтельствовалъ, и все изложенное въ градскія книги записано.

Въ тотъ же самый день, 9 мая 1701 г., Путошинскій отъ имени своего и дворянъ Выговскаго, Маковскаго и Гулевича подаетъ Луцкому градскому уряду двѣ жалобы на беззаконія, чиненныя ему игуменомъ Бѣлостокскаго монастыря Ѳеодосіемъ Падальскимъ и братіей монастырскою, а также арендаторами бѣлостокской винокурни Менделя и Эсты Мошковичей.

Мы видимъ изъ претензій этихъ двухъ сторонъ, заявленныхъ въ 1701 г., какъ съ одной стороны высшій представитель церкви въ Бѣлостокѣ за обиду, причиненную арендаторамъ-евреямъ, привлекаетъ къ суду своихъ сосѣдей-дворянъ; дворяне въ свою очередь приносятъ жалобы на игумена, на арендаторовъ и братію,— и ни та, ни другая сторона ни единымъ словомъ не обмолвились о необыкновенномъ событіи, происшедшемъ всего 10 лѣтъ передъ тѣмъ въ этомъ самомъ мѣстѣ, событіи, которое должно было оставить глубокій слѣдъ въ жизни всей округи. Вѣдь „злодѣяніе“ арендатора еврея Шутки, которое безусловно должно было быть у всѣхъ въ памяти, могло оправдывать, съ точки зрѣнія тогдашняго правосудія, всякое насиліе противъ сельскихъ арендаторовъ-евреевъ той мѣстности.

Полное замалчиваніе въ жалобахъ случая съ отрокомъ Гавріиломъ, какъ будто его никогда не было, не находитъ себѣ никакого объясненія при предположеніи о дѣйствительности такого происшествія. Это молчаніе, по нашему мнѣнію, не стоитъ ни въ какой связи съ тѣмъ фактомъ, что 16 октября 1690 г. синдикъ брестскаго кагала Соломонъ Михалевичъ подалъ къ записи въ мѣстныя градскія книги декретъ короля Стефана Баторія отъ 1576 г., запрещавшій обвинять евреевъ въ убіеніи христіанскихъ дѣтей *). Въ такихъ случаяхъ съ декретами королей не считались.

Х. Д. Рывкинъ.

---

*) Рѣчь тутъ идетъ о документѣ, напечатанномъ въ Актахъ Вилен. арх. комиссіи, т. V, стр. 230, и перепечатанномъ въ „Регестахъ и надписяхъ“ т. II, № 1262. Что само предъявленіе этого стараго декрета могло имѣть отношеніе къ ложному обвиненію въ Заблудовѣ, нельзя конечно отрицать, хотя въ данный періодъ дѣйствительно перестали руководствоваться привилегіею, Стефана Баторія.—*Ред.*

Библіографія.

О „Пророкахъ“ Николая Морозова.

Николай Морозовъ. Пророки. Исторія возникновенія библейскихъ пророчествъ, ихъ литературное изложеніе и характеристика. 311 стр., 155 рис., 3 карты. Москва, 1914 г.

Приступая къ рецензированію этой книги на страницахъ историческаго журнала, испытываешь невольно чувство какой-то неловкости, словно собираешься „съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ“ внести рѣзкій диссонансъ въ серьезный тонъ научной лѣтописи. Однако появленіе этого произведенія, при крайней скудости книгъ на русскомъ языкѣ объ израильскомъ духовномъ творчествѣ, не можетъ остаться неотмѣченнымъ, тѣмъ болѣе, что самая *возможность* его появленія и имя автора, извѣстнаго „шлиссельбуржца“, представляютъ и въ общественномъ смыслѣ безусловный интересъ.

Мы начнемъ съ того, что изложимъ вкратцѣ ходъ мыслей автора, причемъ намъ довольно часто придется прибѣгать къ цитированію его книги, такъ какъ только въ такой аутентичной передачѣ разсужденія автора могутъ быть правильно поняты и по достоинству оцѣнены.

Основной тезисъ автора тотъ, что пророки—астрологи, всѣ ихъ „предсказанія“ касаются небесныхъ свѣтилъ и должны быть соотвѣтственно истолкованы. Но такъ какъ, кромѣ нѣсколькихъ главъ изъ Даніила, Іезекіиля и Захаріи, пророческія книги не заключаютъ въ себѣ никакихъ указаній на астрологію и вообще не содержатъ астрономическихъ терминовъ, то авторъ прибѣгаетъ къ методу чтенія этихъ книгъ по скрытому въ нихъ смыслу, причемъ для вскрыванія этого смысла онъ прибѣгаетъ къ цѣлому ряду способовъ:

1) Словамъ, имѣющимъ въ оригиналѣ совершенно ясный и неоспоримо вытекающій изъ контекста смыслъ, дается при переводѣ новое и произвольное толкованіе: „мегила“, оказывается, не свитокъ, а зодіакальный поясъ неба (57), „кинеа“ (зависть)—созвѣздіе Дракона (65), „хаіотъ“ (звѣри) — планеты (52), „тоаботъ гедолотъ“

(великія мерзости) — тотъ же Драконъ (65), „ишъ" (человѣкъ) — созвѣздіе Змiедержца (passim), а иной разъ—смотря по надобности — то-же слово „ишъ" можетъ означать и „чашевидный мѣсяцъ" (69) и солнце (72); но и „когенъ гадолъ" (первосвященникъ) есть солнце (153), а значеніе Змiедержца придается имени Бога—Іагве (68). Далѣе „кафъ" (рука) есть вогнутость орбиты (53), а „хашмалъ" (блестящій металлъ)—млечный путь (52); „рошъ"—(голова) — Юпитеръ (72), а „ношимъ" (женщины) — звѣздочки Плеядъ (68). При такомъ методѣ перевода пророки, конечно, оказываются астрологами и, напр., стихъ 12-й гл. 8-й Іезекіиля („Видишь ли ты, что старѣйшины Израиля дѣлаютъ во тьмѣ, каждый въ своей горницѣ, говоря: Іагве не видитъ насъ") въ „переводѣ" Морозова гласитъ: видишь ли ты, какія скверныя предзнаменованія дѣлаютъ крупныя звѣзды и планеты (планеты и звѣзды не объекты астрологіи, а и сами астрологи?), каждая въ своемъ знакѣ Зодіака, какъ бы говоря: зашелъ Змiедержецъ!

2) Но и этого оказывается недостаточнымъ, чтобы превратить пророковъ въ астрологовъ, и авторъ прибѣгаетъ къ методу толкованія собственныхъ именъ, методу, въ которомъ онъ достигаетъ дѣйствительной виртуозности. „Эдомъ" онъ читаетъ „Адамъ" (человѣкъ), а человѣкъ, какъ мы уже знаемъ, есть не человѣкъ, а созвѣздіе Змiедержца (96), иногда Оріона (244), что хотя и не одно и то-же, но у пророковъ-астрологовъ можетъ выражаться тѣмъ же словомъ. „Эламъ" идентифицируется съ „оламъ", а „оламъ"—вѣчность—означаетъ солнце (239). „Мадай" (Мидія) производится отъ неправильнаго корня „мадъ—мѣра" и фигурируетъ въ переводѣ какъ „меридіанъ Змiедержца" (239). Въ роли „небеснаго меридіана" выступаетъ и нѣкій „Яазанягу, старѣйшина Израиля", о которомъ вскользь упоминаетъ Іезекіиль (8, 11), такъ какъ „азанъ" есть отвѣсъ (?), а Ягу (Іегова) — Грядущій, а отвѣсъ Грядущаго есть небесный меридіанъ. Но и отецъ этого Яазанягу, Шафанъ „астрологизируется" и—безъ филологическаго „суда и слѣдствія"—объявляется все тѣмъ же „созвѣздіемъ Змiедержца". Итакъ, имя одного старѣйшины израильскаго (Яазанягу-бенъ-Шафанъ), „переводится" такъ: „Небесный меридіанъ, дитя скрывшагося подъ горизонтомъ (этимъ тремъ словамъ въ пророческомъ текстѣ ничто не соотвѣтствуетъ, но вычитаны они, вѣроятно, также по какому-нибудь методу) созвѣздія Змiедержца" (66).

3) Теперь мы уже далеко подвинулись по пути превращенія пророковъ въ звѣздочетовъ, но и этого оказывается недостаточнымъ, и по отношенію къ словамъ, уцѣлѣвшимъ отъ указанныхъ методовъ „перевода", приходится прибѣгать еще къ способу „толкованія". Вотъ нѣкоторые образчики его. „Кости", обыкновенныя кости, должны быть понимаемы какъ „бѣлыя мелкія перистыя облака, похожія на скелеты" (100); комната или ниша (въ описаніи храма) означаютъ „четырехугольную клѣтку координатной сѣти неба" (108); и даже „дыра въ стѣнѣ" („хоръ ахадъ бакиръ", Іезек. 8, 7) есть „странное ущеліе въ небесномъ сводѣ, т. е. темный промежутокъ

между двумя вѣтвями Млечнаго пути надъ созвѣздіемъ Скорпіона" (стр. 66).

Очевидно, что при полномъ использованіи этихъ трехъ „методовъ" перевода и толкованія пророческія книги должны быть понимаемы, какъ астрологическія. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ встрѣчающіяся въ оригиналѣ слова замѣнить при переводѣ астрономическими терминами, если слово „человѣкъ" переводить „созвѣздіе", слово „женщина"—„звѣзда", а слово „звѣри"—„небесныя тѣла"; если „рука" есть орбита, а „голова"—планета, тогда конечно нѣтъ въ міровой литературѣ иныхъ книгъ, кромѣ астрологическихъ, и всѣ авторы, въ томъ числѣ и пророки, были астрологами.

Въ основу дальнѣйшихъ своихъ построеній Н. Морозовъ кладетъ нѣсколько десятковъ главъ, препарированныхъ имъ по вышеуказанному рецепту, изъ пророческихъ книгъ и въ сущности ничего общаго съ библейскими пророками не имѣющихъ*). Изъ этихъ главъ онъ выводитъ ту картину неба, т. е. то положеніе планетъ среди неподвижныхъ звѣздъ, которое созерцали авторы этихъ измышленныхъ имъ самимъ астрологическихъ предсказаній, и затѣмъ на основаніи астрономическихъ выкладокъ опредѣляетъ, когда, въ какомъ году, небо въ дѣйствительности представляло собою то зрѣлище, которое яко-бы видѣли „пророки". И оказывается, что „пророки" описываютъ небо такимъ, какимъ оно было въ 60-хъ и 70-хъ гг. V-го вѣка (для отдѣльныхъ „пророковъ" даты опредѣлены съ точностью до одного дня: 5 іюня 453-го г., 24 января 466-го г. и т. д.) и, слѣдовательно, появленіе „пророческихъ книгъ" должно быть отнесено къ концу пятаго столѣтія.

Мы не будемъ останавливаться на всей несостоятельности примѣненнаго авторомъ метода астрономической датировки. Полная произвольность его видна уже изъ того, что на мѣсто *одного и того же слова* въ оригиналѣ при „переводѣ" подставлялся, смотря по желанію „переводчика", *тотъ или другой астрономическій терминъ*, и такимъ образомъ не по „предсказаніямъ" опредѣлена ихъ дата, а къ датѣ, заранѣе установленной, подогнанъ текстъ „предсказаній". Но, повторяю, насъ не интересуетъ, да и не можетъ интересовать тотъ методъ, который примѣняетъ г. Морозовъ для опре-

---

*) Свою „переработку" Морозовъ считаетъ или, по крайней мѣрѣ, выдаетъ за дословный переводъ: „Я перевелъ книгу Захаріи (то же относится и къ другимъ книгамъ М. С.) не всю цѣликомъ, а со значительными сокращеніями, потому что средневѣковая манера писать дѣлаетъ совершенно невозможнымъ для современнаго читателя связное осмысленное чтеніе. Но попробуйте сами сравнить мой переводъ съ обычными, и вы увидите, что все *существенное* (курс. авт.) *я перевелъ буквально и точно* (курс. нашъ). Вы убѣдитесь также, что все, выпущенное мною, есть чистая средневѣковая діалектика, заслоняющая реальный смыслъ основного ядра книги, нарочно очищеннаго мною здѣсь отъ налипшей на него сухой и безвкусной скорлупы временъ. *Только въ такомъ видѣ изслѣдуемая нами книга и удобна для ознакомленія съ умственной и религіозной жизнью того времени*" (к. н., 166).

дѣленія времени написанія имъ же самимъ сочиненныхъ отрывковъ, и мы поэтому перейдемъ къ открывающимся послѣ принятія выводовъ автора *историческимъ* перспективамъ.

Если пророческія книги написаны на цѣлое тысячелѣтіе позже, чѣмъ до сихъ поръ полагала наука*) (ибо рѣчь идетъ о V-мъ вѣкѣ не до, а *послѣ* Р. Х.!!!), то, очевидно, онѣ должны отражать совершенно иную историческую дѣйствительность. Не можетъ быть въ нихъ уже рѣчи ни о древнемъ Израилѣ, ни вообще о Древнемъ Востокѣ—мы попадаемъ въ эпоху великаго переселенія народовъ, наканунѣ паденія Западной Римской Имперіи. Гдѣ же слѣды ея?

Съ помощью тѣхъ же трехъ „методовъ", которые мы выше охарактеризовали, для автора не представляетъ никакихъ трудностей вытравить изъ „пророческихъ" книгъ все израильское и инсценировать средніе вѣка. Мы не будемъ уже классифицировать образцовъ „перевода" по рубрикамъ и ограничимся нѣсколькими примѣрами. Израиль означаетъ „богоборецъ", а это есть обозначеніе секты (какой—объ этомъ ниже); Іерусалимъ—согласно этимологическому составу слова „іир'э шаломъ" (?), т. е. „увижу покой", означаетъ „Надежду Успокоенія"; Іуда есть Іегуда-Ганасси, составитель Мишны, или иногда „Слава Грядущаго, Іе-гуд (?), т. е. мессіанецъ", Сіонъ—Путеводный Столбъ; Зерубабель—также согласно „составу": зр—ббл (по транскрипціи автора)—„чуждый вратъ Господнихъ, т. е. чуждый византійской церкви начала среднихъ вѣковъ"; Шинеаръ „(шнэр)—Вавилонъ—Врата Господни"; Давидъ—„Любовь"; Іосифъ—„повидимому, сокращено изъ *ихусфъ* (?)—преддверіе Грядущаго"; Сидонъ—„отъ *цид*—ловецъ (душъ); о финикійскомъ городѣ Тирѣ читаемъ такое примѣчаніе: „*Цр* — угнетатель; совершенно напрасно переводчики превратили его въ городъ Тиръ! Здѣсь это слово понимается въ смыслѣ Византійскаго деспотизма V вѣка"; фараонъ—„отъ *фре*—распускать волосы, дѣлать распущеннымъ—Развратитель"; Эфраимъ — „можетъ быть (?), скромно замѣчаетъ авторъ, принято за множ. ч. отъ *афр* — пыль, пепелъ"; Дамаскъ „по смыслу словъ (дмшк)—кровавая власяница". Въ имени Небухаднецаръ — „нбу-к-дна-цар" нбу означаетъ планета Меркурій (смыслъ ея названія—прорицатель), к—какъ, дна—этотъ и цр—угнетатель", а все въ цѣломъ означаетъ „Прорицателя, т. е. римскаго папу".

На римскомъ папѣ, мы закончимъ перечень „толкованій", призванныхъ замести слѣды иной исторической эпохи, и приведемъ еще нѣсколько примѣровъ, такъ сказать, *положительныхъ* свидѣтельствъ средневѣковья. Особенно интересны въ этомъ отношеніи этнографическія данныя: 27-я и 38-я главы Іезекіиля содержатъ въ себѣ много

*) Это высказывается не въ видѣ скромной гипотезы, а какъ неопровержимый выводъ науки: „Доказывать научно до-христіанское происхожденіе книги Іезекіиля—это то же самое, какъ утверждать, что драмы Шекспира писаны до Рождества Христова" (176). Значитъ, ни тѣни сомнѣнія...

названій народностей, намъ теперь въ точности неизвѣстныхъ и открывающихъ широкое поприще для догадокъ. Вотъ какъ на этомъ поприщѣ подвизается Морозовъ: Гогъ и Магогъ есть „Гуннъ въ Монголіи", Тугарма—Германія, производимая имъ отъ несуществующаго и никогда не существовавшаго слова „Germa" („германецъ" происходитъ, какъ извѣстно, отъ кельтскаго „гер", сосѣдъ) и отъ члена „die" (передъ собственнымъ именемъ въ V вѣкѣ!); Тубалъ—балканецъ; Мешехъ, вмѣстѣ съ предшествующимъ словомъ Рошъ (глава), читается какъ Русь—Московія (въ V вѣкѣ!!). Въ результатѣ всѣхъ этихъ толкованій, удивительно напоминающихъ упражненія нашихъ „классическихъ" филологовъ, воспѣтыхъ поэтомъ „мудрецовъ лежанки" (мазикъ = мужикъ, холи-ра = холера, клувъ = клубъ и т. д.), получается слѣдующая рѣчь астролога V вѣка, обращенная къ Византіи (о прообразѣ ея, главѣ изъ Іезекіиля, мы уже и позабыли): „Жители Эллады, жители Балканъ и Руси торговали съ тобою, Германцы доставляли тебѣ боевыхъ коней, Греція—стальныя издѣлія, Ассирія—тюки разноцвѣтныхъ тканей".

Это свидѣтельство о византійской торговлѣ V-го вѣка, въ которой участвуютъ одновременно Эллада, Германія, Балканы, Ассирія и Московская Русь*), мы можемъ считать достаточнымъ доказательствомъ того, что разбираемые Морозовымъ и имъ же самимъ сочиненные отрывки носятъ на себѣ явные и неоспоримые слѣды средневѣковья, темнаго, невѣжественнаго средневѣковья.

Но пойдемъ дальше. Если „пророческія книги" написаны въ V вѣкѣ, то кто ихъ авторы и каковы стимулы, побудившіе этихъ авторовъ заняться такимъ страннымъ сочинительствомъ?

Авторы всѣ анонимы, и названія книгъ совершенно не указываютъ на имена ихъ составителей, а характеризуютъ ихъ содержаніе: Іезекіиль означаетъ „осилитъ Богъ", Захарія—„помнитъ Грядущій" и т. д., а заголовокъ книги Іереміи („Слова Іереміи сына Хилкіи, изъ священниковъ города Анатотъ, что въ области Веніамина") означаетъ въ Морозовскомъ „переводѣ": „Грядущій

---

*) О „Руси" считаемъ нужнымъ привести еще слѣдующій „историко-филологическій" экскурсъ автора: „Выраженіе „Русь Московъ" написано въ Іезекіилѣ полными буквами: „рашъ-мск", и лучшіе лингвисты давно признали, что Рашъ есть еврейское обозначеніе Руси. Точно такъ же словомъ *МСК.* средневѣковые талмудисты обозначаютъ Московію... (многоточіе автора). А однако въ русскихъ лѣтописяхъ Московское княжество упоминается только съ XII вѣка!.. (мног. авт.). Какъ же могло это названіе попасть въ Іезекіиля? Допустивъ, что здѣсь вставка переписчика XII вѣка, прибавившаго къ Руси слово Московія, мы не улучшаемъ дѣла, такъ какъ во всѣхъ старинныхъ переводахъ Библіи народъ русскихъ-московъ также присутствуетъ (?). *Не значитъ ли это, что сдѣланныя на какомъ-либо языкѣ исправленія текста Библіи, во весь рукописный періодъ исторіи, имѣли тенденцію переходить на другіе языки?* (курс. н.). Оставляемъ этотъ интересный культурный и хронологическій вопросъ пока не рѣшеннымъ" (132—133).

Мы воздерживаемся отъ какихъ бы то ни было комментаріевъ, такъ какъ „всякое слово критики можетъ только ослабить впечатлѣніе", какъ пишетъ проф. Буссэ въ своей рецензіи о книгѣ Морозова „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ" (Theologische Literaturzeitung, 1913, № 16).

готовится пустить стрѣлу. Слова ученика Божественнаго раздѣленія изъ священнодѣйствующихъ передъ Согбеннымъ удѣломъ Южной стороны" (стр. 187). За филологическимъ обоснованіемъ этого „перевода" мы, за отсутствіемъ мѣста, а также изъ уваженія къ страницамъ „Еврейской Старины", отсылаемъ интересующихся къ самому источнику (стр. 181).

Итакъ не какія-либо опредѣленныя лица были авторами пророческихъ книгъ, а вообще астрологи V вѣка, и пророчествовали они въ Вавилоніи въ связи „съ распространившимся тамъ ученьемъ манихейства" и съ возникшими въ ту эпоху „глухими мессіанскими волненіями" (46—47). Вотъ почему въ ихъ пророчествахъ фигурируютъ „мессіанская (?) церковь" (76), „аріанская церковь" (83), „николаитство" (78) и прочія религіозныя теченія ранняго средневѣковья. Возникаетъ однако вопросъ, когда и зачѣмъ эти произведенія были облечены въ форму израильскихъ пророчествъ. На него мы должны отвѣтить словами самого Морозова, такъ какъ только въ такой буквальной передачѣ можетъ сохраниться живо возсозданный имъ „колоритъ эпохи":

„Древне-еврейская литература не только была анонимна, но почти всегда псевдонимна. Желая хоть сколько нибудь оправдать такую систему средневѣковыхъ подлоговъ, получившую названіе „апокрифированія", ученые говорятъ, что авторы апокрифовъ дѣйствовали въ интересахъ идей и дѣла, которому хотѣли служить. Однако, какъ бы ни старались изслѣдователи оправдать сознательный апокрифизмъ, читатель видитъ, что подобная система дѣйствій носитъ болѣе употребительное названіе іезуитизма и что оправдать ее трудно. Однако въ данномъ случаѣ (т. е. примѣнительно къ „пророкамъ") дѣло можно объяснить гораздо проще и честнѣе. Представьте себѣ, что вы пищете дневникъ или стихи исключительно для себя, не думая ихъ печатать. Зачѣмъ вы будете тогда на тетради обозначать свое имя? Точно въ такомъ же положеніи были авторы во весь рукописный періодъ исторіи. Другое дѣло, когда начался книгопечатный періодъ. Машинное копированіе создало впервые обширный, доступный каждому, книжный рынокъ. Всѣмъ авторамъ, конечно, захотѣлось печатать свои произведенія, т. е. найти для нихъ издателя, а издатель, какъ и теперь (*„спросите всякаго литератора и ученаго", курс. автора*), не выражалъ ни малѣйшаго желанія печатать сочииенія своихъ неизвѣстныхъ современниковъ, справедливо говоря, что ихъ никто не будетъ покупать и онъ останется въ убыткѣ. Здѣсь для всякаго начинающаго писателя являлся, послѣ ряда (?) безплодной бѣготни по издателямъ (въ XV-то вѣкѣ! М. С.), большой соблазнъ выдать свое произведеніе за сочиненіе древней знаменитости. И онъ, дѣйствительно, находилъ цѣною этой лжи тотчасъ же издателя, получалъ отъ него приличный гонораръ (?) и обезпечивалъ въ то же время распространеніе своихъ идей. А для издателя не было никакой причины изслѣдовать подлинность автора, такъ какъ авторитетное имя на книгѣ было выгодно и ему самому, а научно-литературной критики, способной обличить подлогъ, еще не было въ то время. Только съ этого періода и начались

умышленные подлоги древнихъ авторовъ и они были съ точки зрѣнія законовъ эволюціи человѣческой психики совершенно неизбѣжны“ (120—122).

Если судить по этому историко-психологическому этюду, то оказывается, что форму израильскихъ пророчествъ эти произведенія астрологовъ V вѣка получили лишь въ XV вѣкѣ, когда владѣльцы этихъ старыхъ астрологическихъ рукописей, обѣгавъ всѣ издательства и не получивъ нигдѣ ни согласія напечатать ихъ, ни гонорара, вынуждены были выдать ихъ за произведенія старинныхъ авторитетовъ. Тогда возникаетъ вопросъ, кто же были тѣ старинные авторитеты, именами которыхъ хотѣли прикрыться и, дѣйствительно, прикрылись (до изобличенія Морозова) эти астрологи, и чѣмъ объясняется ихъ „авторитетность“, если всѣ дошедшія до насъ отъ ихъ имени произведенія подложны? На этотъ вопросъ отвѣта нѣтъ, и на немъ мы закончимъ „литературную“ сторону нашего разбора. Вкратцѣ коснемся еще тѣхъ историческихъ выводовъ, къ которымъ приходитъ и неизбѣжно долженъ былъ придти авторъ.

Въ дѣлѣ перемѣщенія литературныхъ произведеній на цѣлые вѣка Н. Морозовъ уже не новичекъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ въ книгѣ, озаглавленной „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“, „доказалъ“ тѣмъ же „астрономическимъ методомъ“, что Апокалипсисъ написанъ въ 395 году, т. е. на три вѣка позже, чѣмъ считается установленнымъ въ наукѣ *). Но то, что по отношенію къ Апокалипсису, какъ къ чисто-литературному произведенію, еще можетъ быть защищаемо безъ неминуемой опасности заблудиться въ историческихъ несообразностяхъ, то въ примѣненіи къ такому центральному въ духовной жизни Израиля явленію, какъ пророчество, не можетъ быть предпринято безъ потрясенія всего зданія израильской исторіи. И Морозовъ рѣшительно вступаетъ на этотъ путь перестройки всей древней исторіи еврейскаго народа.

„Въ утреннихъ сумеркахъ всемірной исторіи передъ нами выступаетъ легендарный обликъ кочующаго племени“,—цитируетъ онъ „поэтическое“, какъ онъ съ ироніей замѣчаетъ, начало „Еврейской исторіи“ С. М. Дубнова (13), и съ тонкимъ сарказмомъ онъ этимъ „сумеркамъ исторіи“ противопоставляетъ тѣ сумерки духа, въ которыхъ, по его мнѣнію, пребываютъ всѣ еврейскіе историки (и вообще историки древности) и которые онъ хочетъ разсѣять своимъ новымъ „откровеніемъ“. Итакъ, какъ же въ дѣйствительности протекалъ древнѣйшій періодъ еврейской исторіи?

Мы много разъ перечитывали отрывки, призванные дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, и долго не могли понять его сущности. Передъ нами мелькали выраженія въ родѣ „древняя легендарная Іудея“ (25), „легендарное царство Израильское“ (78), „фантастическія карты древней Палестины“ (275), но лишь медленно доходила

*) Объ этой книгѣ Морозова извѣстный изслѣдователь астрологической литературы, проф. Boll отозвался, какъ о произведеніи, „переполненномъ позорнымъ астрономико-историческимъ невѣжествомъ“ (Wochenschrift für klassische Philologie, 1913, VIII, 3), но это, конечно, не удержало автора отъ распространенія того же „метода“ и на пророковъ.

до сознанія лежащая въ основѣ всѣхъ этихъ эпитетовъ теорія: *израильскаго народа вообще не существовало*, евреи не нація и никогда націей не были; они лишь „одна изъ мессіанскихъ секцій (?), въ которую переходили и христіане и язычники“ (34). Всѣ разсказы о „до-христіанской исторіи евреевъ, какъ націи, представляютъ собою такую же легенду“, какъ разсказы Элдада-Гадани о десяти колѣнахъ и рѣкѣ Самбатіонѣ (273—275); истиннымъ началомъ исторіи евреевъ, которыхъ правильнѣе, по мнѣнію Морозова, называть „мессіанцами“ (?), „второзаконниками“ (?), „богоборцами“ (?), „іудействующими“ (?) или „приверженцами іудейской ереси“ (?), является II-й вѣкъ послѣ Р. Х. (обо всѣхъ этихъ „синонимахъ“, употребляемыхъ Морозовымъ попеременно, безъ всякаго опредѣленія ихъ, см. стр. 19, 29, 33, 35, 59), и родоначальниками этого неизвѣстно откуда появившагося еврейства надо считать „полулегендарнаго Симона бенъ Іохая“ (16) и „Моисея Находчиваго“ (20). Моисей Находчивый это никто иной, какъ рабби Меиръ, имя котораго (точнѣе, прозвище) Меиръ, что значитъ „Свѣтлый, Мудрый“, Морозовъ переводитъ съ безграмотнаго начертанія (mahir—быстрый) Находчивый. Этотъ рабби Меиръ является составителемъ Мишны, но не той Мишны, которую мы обозначаемъ этимъ именемъ, а Мишны—Второзаконія, библейской книги Дейтерономъ, „которая вмѣсто Моисея Находчиваго приписана Моисею Легендарному“ (20).

Итакъ, вотъ кто наши патріархи. Впрочемъ, *къ намъ* и эти патріархи не имѣютъ никакого отношенія: „наши русскіе евреи почти всѣ потомки средневѣковыхъ *испанцевъ*, изгнанныхъ изъ своей родины инквизиціей за нежеланіе присоединиться къ католицизму (?!), какъ это подтверждается и собственными ихъ историческими свидѣтельствами (?!). Даже самое слово *еврей* означаетъ *ибсріецъ*, т. е. испанецъ“ (292).

Но оставимъ въ сторонѣ русскихъ евреевъ, потомковъ испанскихъ лютеранъ или гугенотовъ, упорствовавшихъ, очевидно, въ своемъ протестантизмѣ, и вернемся къ мессіанцамъ II-го вѣка,—выпьемъ до дна эту горькую чашу Морозовской исторіографіи...

Эти мессіанцы-богоборцы были сектой, все еще ожидавшей мессію, несмотря на то, что онъ уже пришелъ. Этнографически ее опредѣлить нельзя, такъ какъ она, какъ указано, имѣла очень пестрый составъ; странно однако, что при всемъ томъ она имѣла свой языкъ, который до сихъ поръ считался признакомъ общности происхожденія. Быть можетъ, и на этотъ счетъ скоро послѣдуетъ какое-нибудь новое открытіе Морозова, но уже и теперь мы можемъ сказать, что языкъ этотъ не былъ настоящимъ языкомъ: онъ представляетъ собою нѣчто „среднее между халдейскимъ и арабскимъ“ (44); кромѣ того рядъ словъ, которыя даже нельзя начертать по-еврейски („патріархъ“, „синагога“ „дейтерономъ“, см. стр. 20, 21, 35), Морозовъ торжествующе *изобличаетъ* въ греческомъ происхожденіи.

Куда дѣвалась эта секта и какимъ образомъ она передала свою религію и свой языкъ испанцамъ XV-го вѣка, а черезъ нихъ современнымъ евреямъ,—на этотъ несомнѣнно интересный вопросъ

Морозовъ пока отвѣта не далъ. Но во всякомъ случаѣ, нельзя ему подчасъ отказать, при всей его „необыкновенной легкости въ мысляхъ“, въ ихъ строгой послѣдовательности. Сознавая, очевидно, что профетизмъ составляетъ душу живу еврейства, онъ сдѣлалъ правильный выводъ изъ своей датировки пророковъ: вырвавъ душу, онъ ad majorem gloriam „науки“ умертвилъ еврейство, предварительно, впрочемъ, принеся науку въ жертву своей теоріи небытія еврейства.

Не приходится поэтому удивляться, что онъ съ симпатіей отзывается объ Апіонѣ, своемъ великомъ предшественникѣ, цитируетъ его сомнѣнія въ древности іудеевъ, не исключая извѣстныхъ passus'овъ о „бубонахъ“ и „ослиной головѣ“, и явно считаетъ его сужденія болѣе обоснованными и авторитетными, чѣмъ возраженія Іосифа Флавія (см. стр. 285—291).

Итакъ, еврейскій народъ вообще не существовалъ, и нѣтъ никакихъ не опровержимыхъ доказательствъ, никакихъ свидѣтельствъ его бытія, которыя не могли бы быть заподозрѣны въ позднемъ происхожденіи. Какъ ни абсурдно на страницахъ еврейскаго историческаго журнала возражать на подобныя бредовыя идеи, но приходится вооружиться безстрастіемъ лѣтописца... О раскопкахъ въ Палестинѣ, о камнѣ Меши, объ ассирійскихъ надписяхъ IX-го, VIII-го и VII-го вв., множество разъ упоминающихъ „легендарное“ Израильское царство, наконецъ, объ аркѣ Тита—Морозовъ, вѣроятно, не слыхалъ; но никакія возраженія, никакіе доводы не могли бы все равно устоять передъ „грозой и бурей“ его историческихъ откровеній, передъ этимъ ураганомъ необъятнаго невѣжества... Вѣдь Библія (помимо пророковъ) написана не раньше начала эпохи Возрожденія (264), и всѣ древніе библейскіе манускрипты поддѣланы; вѣра въ ихъ древность основана только на авторитетѣ Тишендорфа, „придворнаго льстеца“, подкупленнаго субсидіей русскаго императора и званіемъ потомственнаго дворянина, данными ему за „Codex Sinaiticus“ (257). Остается, наконецъ, Іосифъ Флавій. Но этотъ пасквилянтъ, пустившій про Апіона позорящій его доброе имя слухъ (291), „самъ сочинилъ по разнымъ непровѣреннымъ легендамъ весь дохристіанскій періодъ исторіи іудеевъ“ (291), и написалъ онъ свою книгу „незадолго до 1566 года“ (292)...

На этомъ мы закончимъ нашъ воистину скорбный путь по бедламу Морозовской исторіографіи. Появленіе подобнаго произведенія, очевидно, должно быть отнесено къ разряду „неограниченныхъ возможностей“... Но что, казалось бы, выходитъ за этотъ кругъ возможностей, это то, что такого рода книга не встрѣтила достойной оцѣнки въ литературѣ. Единственная рецензія, которую намъ привелось видѣть („Рѣчь“, отъ 31 марта 1914), принадлежащая перу Даніила Святскаго (ср. Морозовъ, Пророки, стр. 184, 228, прим. 1-е; 228, прим. 2-е; 246), говоритъ о книгѣ Морозова въ тонѣ серьезнаго реферата и даже рѣшается сравнивать ее съ работой извѣстнаго астронома Скіапарелли, „Die Astronomie im Alten Testament“. Рецензентъ умалчиваетъ обо всѣхъ *историческихъ* конструкціяхъ автора и ограничивается исключительно

вопросомъ о датировкѣ пророческихъ книгъ Морозовымъ, но и здѣсь онъ не обнаруживаетъ того minimum'а освѣдомленности, который мы вправѣ требовать даже отъ газетнаго рецензента. „Отрицая авторство Iезекiиля,—пишетъ Д. Святскiй—Морозовъ доказываетъ простой исторической справкой (?), что послѣ гоненiй на евреевъ-мессiанцевъ (?) въ V вѣкѣ они стали массами переселяться въ Вавилонiю. Въ исторiи этотъ перiодъ и называется *вавилонскимъ завершенiемъ*" (к. н.).

Здѣсь такимъ образомъ повторяется безъ всякой критики вся безсмысленная терминологiя автора, вплоть до „перiода вавилонскаго завершенiя", какъ переводитъ Морозовъ терминъ „вавилонская гемара" (37)...

Такъ пишется еврейская исторiя...

М. Соловейчикъ.

Новыя книги.

Исторiя еврейскаго народа, т. I: древнѣйшая эпоха еврейской исторiи. Изд. Т-ва „Мiръ". Москва 1914. XXV + 509 стран.

Ш. I. Имберъ. Въ еврейской странѣ. Переводъ съ еврейскаго *Е. Жирковой*. Изд. С. Л. Быховскаго. Москва, 1916. 24 стран.

М. С. Государственное сожитiе, какъ форма нравственнаго общенiя. Къ философiи современности. I. Внутреннiя отношенiя. Петроградъ, 1916. (91 стр.).

M. Soloweitschik. Rosche perakim bemadae hamikra (на древне-еврейск. яз.). Одесса. 1914, изд. „Морiа" (95 стр.).

Календарь Петроградской еврейской общины на 5677 синагогальный годъ. Петроградъ, 1916 (107 стр.).

Зине-Глузъ. Среди народа моего. Очерки разсказы. Ростовъ н. Д. 1916 (127 стр.).

Ахадъ-Гаамъ. Избранныя статьи. Выпускъ I. Перев. съ евр. и предисловiе *Х. Гринберга*. Петроградъ, книгоизд. „Востокъ", 1916. (135 стр.).

Палестина въ дни войны. Собранiе статей. Петроградъ, 1916. Изд. „Востокъ". (40 стр.).

При свѣтѣ войны. Статьи *Е. В. Членова, М. О. Гершензона* и др. Москва, 1916. (32 стр.).

Извѣстія Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

---

1 ноября 1916 г. состоялось собраніе членовъ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества. Предсѣдатель М. М. Винаверъ посвятилъ нѣсколько словъ памяти недавно скончавшихся еврейскихъ писателей Шаломъ-Алейхема и С. Г. Фруга и русскаго историка В. И. Семевскаго (члена Общества). Память ихъ была почтена вставаніемъ.

Затѣмъ *С. М. Дубновъ* прочелъ докладъ: „С. Г. Фругъ и общественно-историческое значеніе его поэзіи, по личнымъ воспоминаніямъ“ *). *С. А. Рапопортъ* (*Ан-скій*) сообщилъ о послѣдней своей встрѣчѣ съ С. Г. Фругомъ. М. С. Ривесманъ и г-жа Мильнеръ продекламировали нѣсколько стихотвореній поэта на еврейскомъ и русскомъ языкахъ.

Въ **Музей** и **Архивъ** Общества поступили въ послѣднее время многочисленныя пожертвованія. Списокъ поступившихъ предметовъ съ именами жертвователей будетъ помѣщенъ въ Отчетѣ Общества за 1916 г. Опись всего архива и музея предполагается помѣстить въ „Еврейской Старинѣ“ 1917 года.

---

*) Докладъ напечатанъ съ дополненіями въ настоящей книжкѣ „Еврейской Старины“.

VII-й годъ.

ОТЧЕТЪ

ЕВРЕЙСКАГО

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

за 1915 годъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

—

1916.

Вслѣдствіе типографскихъ затрудненій, въ настоящемъ отчетѣ не помѣщены списки членовъ Общества за 1915 годъ. Эти списки будутъ напечатаны въ отчетѣ слѣдующаго года.

Петроградъ, дозволено военной цензурой 20 Мая 1916 г.

Типографія И. Флейтмана, Петроградъ, Казанская, 45.

ОТЧЕТЪ

Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества за 1915 годъ.

Составъ Общества.

Къ 1-му января 1916 г. Общество состояло изъ 710 членовъ. По разрядамъ члены Общества раздѣляются слѣдующимъ образомъ:

Наименованіе разряда.	въ Петроградѣ.	Въ друг. городахъ.
Почетныхъ	1	1
Пожизн. дѣйствительныхъ . .	48	34
„ соревнователей . . .	29	10
Дѣйствительныхъ	24	73
Соревнователей	90	288
Жертвователей	105	7
Итого . . .	297	413

Годовое Общее Собраніе.

30-го апрѣля 1915 г. состоялось годовое собраніе Общества. На очереди стояли слѣдующія дѣла: 1) Обсужденіе отчета за 1914 г. и заключеніе Ревизіонной Комиссіи. 2) Утвержденіе смѣты на 1915 г. 3) Избраніе новыхъ членовъ. 4) Выборы 5-ти членовъ Комитета вмѣсто выбывшихъ по очереди, согласно примѣчанію къ § 17 устава Общества,

М. М. Винавера, С. М. Гольдштейна, Л. А. Сева, Л. Я. Штернберга, а также выбывшаго М. Л. Вишницера.

Въ члены Ревизіонной комиссіи избраны: М. А. Бронштейнъ, С. Е. Вейсенбергъ и С. Г. Полякъ.

Составъ Комитета въ 1915 г.

М. М. Винаверъ (*Предсѣдатель*), С. М. Дубновъ и М. И. Кулишеръ (*Товарищи Предсѣдателя*), С. М. Гольдштейнъ (*Казначей*), С. В. Познеръ (*Секретарь*), Г. А. Гольдбергъ, С. Г. Лозинскій, С. А. Рапопортъ (Ан—скій), Л. А. Севъ, Г. Б. Сліозбергъ, М. Г. Сыркинъ, М. Л. Тривусъ, И. І. Тувимъ, М. И. Шефтель и Л. Я. Штернбергъ.

Дѣятельность Комитета.

I.

Засѣданія Комитета происходили регулярно и въ отчетномъ году, но на результатахъ его дѣятельности не могли не отразиться тяжелыя обстоятельства военнаго времени. Вслѣдствіе техническихъ и иныхъ трудностей, пришлось нѣсколько сократить объемъ журнала „Еврейская Старина“; уменьшилось также и число докладовъ, прочитанныхъ въ общихъ собраніяхъ, и не оказалось возможнымъ устроить публичную лекцію для усиленія средствъ Общества. Но зато проявлена была болѣе интенсивная дѣятельность въ дѣлѣ устройства нашего Архива и Музея. (См. дальше о журналѣ, архивѣ и пр.).

Убыль въ числѣ членовъ Общества въ отчетномъ году оказалась незначительною въ сравненіи съ размѣрами бѣдствій, постигшихъ многіе центры еврейства въ западной Россіи. Убыль большею частью возмѣщена притокомъ новыхъ членовъ изъ непострадавшихъ отъ войны частей имперіи. Дѣятельное участіе въ дѣлѣ привлеченія новыхъ членовъ принимали постоянные наши сотрудники, члены Общества: Б. И. Топоровскій—въ Екатеринославѣ, С. Х. Бейлинъ—въ Иркутскѣ, Н. Б. Лившицъ—въ Харьковѣ, И. В. Галантъ—въ Кіевѣ и Г. Я. Сыркинъ—въ Минскѣ. Успѣху нашего дѣла содѣйствовали также Я. И. Израэль-

сонъ—въ Кіевѣ, С. Барбашъ—въ Одессѣ и С. Л. Браславскій—въ Екатеринославѣ. Всѣмъ этимъ лицамъ Комитетъ считаетъ долгомъ выразить свою благодарность.

II,

Журналъ „Еврейская Старина“.

Историческій трехмѣсячникъ Общества издавался въ отчетномъ году въ уменьшенномъ объемѣ, а послѣднія двѣ книжки могли появиться только къ концу года въ видѣ двойного выпуска. Кромѣ типографскихъ трудностей, давали себя чувствовать и трудности цензурныя: необходимость представлять весь матеріалъ въ военную цензуру. Вслѣдствіе извѣстнаго запрещенія періодическихъ изданій на еврейскомъ языкѣ, редакція „Еврейской Старины“ была лишена возможности во второмъ полугодіи печатать продолженіе еврейскаго текста „Литовскаго Пинкоса“ въ приложеніи къ журналу, и даже вынуждена была, по требованію властей, исключить изъ русскаго текста статей журнала отдѣльныя слова и цитаты на еврейскомъ языкѣ. Редакція испытывала также большія затрудненія въ сношеніяхъ со многими сотрудниками, разбросанными въ различныхъ мѣстахъ. Пришлось употреблять значительныя усилія, чтобы всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства не отразились на содержаніи журнала.

Въ минувшемъ году программа „Евр. Старины“ была расширена въ томъ смыслѣ, что на ряду со статьями по исторіи евреевъ въ Польшѣ и Россіи рѣшено было давать мѣсто въ основномъ отдѣлѣ и статьямъ по общей исторіи еврейскаго народа. Пока появилась одна статья изъ этой категоріи („Начало эмансипаціи евреевъ въ побѣжденной Пруссіи“ И. О. Левина), но въ дальнѣйшемъ общія историческія изслѣдованія будутъ чаще чередоваться со спеціальными.

Къ области исторіи евреевъ въ Польшѣ и Россіи до XIX вѣка относятся слѣдующія статьи: „Евреи въ Московскомъ государствѣ XV—XVII в.“, Ю. И. Гессена; его же: „Стремленіе Екатерины II водворить евреевъ въ Россіи“; Б. Рубштейна: „О количествѣ еврейскаго населенія въ Литвѣ XVI вѣка“; И. Берлина: „Сказаніе объ Іоаннѣ Грозномъ и

разгромѣ Полоцка"; С. М. Гольдштейна: „Житомирское ритуальное дѣло 1753 г. въ освѣщеніи документальныхъ данныхъ" (первое въ нашей литературѣ изслѣдованіе объ этомъ трагическомъ дѣлѣ).

Новѣйшій періодъ русско-еврейской исторіи освѣщенъ въ статьѣ С. М. Дубнова: „Изъ исторіи восьмидесятыхъ годовъ" (начало серіи статей), въ очеркахъ И. Д. Сосиса о національномъ вопросѣ въ литературѣ 70-хъ годовъ минувшаго вѣка, въ статьѣ А. Е. Кауфмана: „Евреи въ русско-турецкой войнѣ 1877 г." (по источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ) и, наконецъ, въ статьяхъ Я. Щацкаго и Х. Коробкова объ участіи евреевъ въ польскомъ возстаніи 1863 г.

Общественныя и литературныя движенія XIX вѣка затронуты также въ отдѣлѣ „Мемуаровъ и переписки". Воспоминанія Бенъ-Ами (еще неоконченныя) объ отношеніяхъ Драгоманова и „Вольнаго Слова" къ еврейскому вопросу вскрываютъ больное мѣсто русско-еврейскихъ отношеній 1880-хъ годовъ. Вторая серія писемъ С. О. Грузенберга (1899—1907) освѣщаетъ кризисы русско-еврейской печати въ совсѣмъ близкое къ намъ время. Въ „Письмахъ билуйца" воскрешена эпопея піонеровъ палестинской колонизаціи (1882—1884 г.г.). Окончаніе начатыхъ въ прошломъ году „Впечатлѣній минувшаго вѣка" *Н. Н.* даетъ дополнительный матеріалъ къ исторіи палестинскаго движенія и роли евреевъ въ турецкой войнѣ 1877 г. О судьбахъ евреевъ въ Сибири трактуютъ статьи І. Неймана („Какъ прикрѣпили сибирскихъ евреевъ къ мѣстамъ приписки"), М. Козьмина („Изъ быта субботниковъ") и др.

Въ отдѣлѣ „Матеріаловъ и сообщеній" въ отчетномъ году печатались преимущественно документы изъ архива нашего Общества, значительно обогатившагося въ послѣднее время новыми пріобрѣтеніями.

Этнографія и фолклоръ представлены въ „Еврейскихъ пословицахъ" С. Эйнгорна и въ рецензіяхъ С. А. Вайсенберга по поводу сборниковъ русскихъ пословицъ и частушекъ, гдѣ попадается и кое-что, относящееся къ евреямъ. О евреяхъ въ малорусскомъ фолклорѣ даютъ свѣдѣнія матеріалы, извлеченныя Б. И. Топоровскимъ изъ „Трудовъ щества изслѣдователей Волыни".

Для облегченія справокъ въ матеріалѣ, собранномъ въ „Еврейской Старинѣ“ за первые шесть лѣтъ изданія, былъ въ отчетномъ году изданъ „Указатель статей“ журнала за 1909—1914 г.г. съ прибавленіемъ краткаго предметнаго указателя.

III.

Доклады въ Общихъ Собраніяхъ.

Въ теченіе 1915 г. въ собраніяхъ членовъ Общества были прочитаны и сопровождались оживленными преніями слѣдующіе доклады:

22 февраля: докладъ С. М. Дубнова: „Итоги еврейской исторіи въ Польшѣ“.

30 апрѣля: докладъ М. И. Кулишера: „Изъ исторіи эмансипаціи евреевъ въ Пруссіи въ 1812 г.

5 декабря: докладъ С. М. Дубнова: „Борьба индивидуальнаго и національнаго началъ въ исторіи іуадизма“.

IV.

Архивъ, Музей и Библіотека.

Архивъ. Въ отчетномъ году въ архивѣ производились работы по составленію описи дѣлъ по карточной системѣ, причемъ карточки служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ хронологическимъ указателемъ архива. Составлялась также опись двумъ пожертвованнымъ Обществу частнымъ архивамъ (упомянутымъ въ отчетѣ 1914 г.), которые формально поступили въ распоряженіе Общества лишь въ началѣ 1916 г. Подробныя свѣдѣнія о нихъ появятся въ отчетѣ текущаго года.

Отдѣльныхъ документовъ и дѣлъ поступило	9
Къ концу 1914 года состояло	431
Къ концу отчетнаго года состоитъ дѣлъ	440

Вмѣстѣ съ тѣмъ Общество озабочено собираніемъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ нынѣшней войнѣ, а потому оно обращается ко всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, сочувствующимъ цѣлямъ Общества съ просьбою присылать въ

архивъ Общества подобнаго рода документы. Объ обширномъ матеріалѣ, до сихъ поръ собранномъ Обществомъ, будетъ сообщено впослѣдствіи.

Почетный членъ нашего Общества, д-ръ А. Я. Гаркави передалъ въ нашъ архивъ обширную коллекцію своей научно-литературной переписки, а также поднесенныхъ ему адресовъ и дипломовъ. За этотъ драгоцѣнный даръ Комитетъ выразилъ маститому ученому свою глубокую благодарность.

Музей. Въ теченіе отчетнаго года музей Общества продолжалъ обогащаться разными пожертвованіями, причемъ

новыхъ предметовъ поступило	13
къ концу 1914 года состояло	159
къ концу отчетнаго года состоитъ предметовъ .	172

Вновь поступившіе въ отчетномъ году предметы составляютъ преимущественно фотографическіе снимки, между прочимъ древнихъ предметовъ, хранящихся въ Керченскомъ музеѣ (присланы Б. И. Топоровскимъ изъ Екатеринослава).

Кромѣ того въ музеѣ Общества хранились всѣ предметы, собранныя Этнографическою Экспедиціею имени барона Горація Осиповича Гинцбурга, подъ руководствомъ С. А. Рапопорта (Ан—скаго), а потому Комитетомъ Общества предприняты были шаги для урегулированія вопроса объ окончательной передачѣ этихъ предметовъ музею Общества. Въ концѣ отчетнаго года состоялось соглашеніе по этому предмету съ иніціаторами названной Экспедиціи (см. ниже: „Этнографическая Секція“). Такимъ образомъ, музей въ 1916 году значительно увеличится и потребуетъ расширенія имѣющагося помѣщенія.

Библіотека. Подобно другимъ учрежденіямъ, и Библіотека Общества пополнялась пожертвованными книгами, каковыхъ

въ отчетномъ году поступило названій	57
къ концу 1914 года состояло „	284
къ началу отчетнаго года состоитъ названій . . .	341.

Пожертвованія поступили: отъ предсѣдателя Общества М. М. Винавера (названій 40), С. М. Дубнова (12), отъ Б. И. Топоровскаго (4), отъ В. И. Семевскаго (1).

Въ наступающемъ году имѣется въ виду значительное увеличеніе библіотеки коллекціею книгъ, собранныхъ Этнографической Экспедиціею имени барона Г. О. Гинцбурга, по окончательной передачѣ собранныхъ предметовъ и книгъ Обществу, какъ равно и другими ожидаемыми пожертвованіями.

V.

Печатаніе актовъ.

Указанныя въ отчетѣ за 1914 годъ условія покуда остаются безъ измѣненія, а потому Общество и въ отчетномъ году не имѣло возможности приступить къ печатанію вполнѣ уже подготовленныхъ дальнѣйшихъ томовъ „Русско-Еврейскаго Архива". Комитетъ поэтому озабоченъ собраніемъ фонда, проценты съ котораго могли бы быть употребляемы на печатаніе историческихъ и этнографическихъ трудовъ Общества ежегодно или періодически, по мѣрѣ накопленія матеріала.

VI.

Этнографическая секція.

Въ ноябрѣ текущаго года, согласно § 12 Устава, при Комитетѣ Общества образовалась изъ состава членовъ Комитета и Общества особая Этнографическая Секція *), въ завѣдываніе которой перешли какъ весь имѣющійся въ архивѣ Общества этнографическій матеріалъ, такъ и переданная Обществу коллекція Этнографической Экспедиціи имени барона Г. О. Гинцбурга, работавшей въ 1912—1914 гг. подъ руководствомъ С. А. Рапопорта (Ан—скаго).

Означенная коллекція передана была Обществу барономъ В. Г. Гинцбургомъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

А. Историческіе матеріалы, какъ-то: письма, документы

*) Въ составъ Секціи вошли: М. М. Марголинъ, С. М. Гинзбургъ, С. Л. Цинбергъ, Н. Штифъ, З. Калмановичъ, С. Зильберфарбъ, а изъ членовъ Комитета: С. А. Рапопортъ, С. М. Гольдштейнъ, М. Г. Сыркинъ и Л. Я. Штернбергъ.

и проч., переходятъ въ составъ архива Общества съ тѣмъ, чтобы при изданіи всего или части указаннаго матеріала было отмѣчено, что эти матеріалы происходятъ изъ этнографической коллекціи имени барона Г. О. Гинцбурга и чтобы С. А. Рапопортъ былъ непремѣннымъ членомъ той коллегіи, на которую будетъ возложено редактированіе этихъ матеріаловъ.

Б. Изданія Этнографической Секціи должны носить названіе: „Труды Этнографической Секціи Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества", а печатающіеся въ составѣ „Трудовъ" матеріалы означенной Экспедиціи должны носить подзаголовокъ: „Матеріалы Еврейской Этнографической Экспедиціи имени барона Г. О. Гинцбурга".

В. Вся этнографическая библіотека и рѣдкія книги, собранныя и пріобрѣтенныя Экспедиціею, переходятъ въ составъ библіотеки Историко-Этнографическаго Общества съ тѣмъ, чтобы на шкафахъ, въ коихъ эти книги будутъ храниться, имѣлась надпись „Этнографическая Экспедиція имени барона Г. О. Гинцбурга".

Г. Къ Историко-Этнографическому Обществу переходитъ изданный Экспедиціей въ количествѣ 200 экземпляровъ, на правахъ рукописи, первый томъ еврейской этнографической программы.

Д. Къ Историко-Этнографическому Обществу, въ вѣдѣніе означенной Секціи, переходитъ вся музейная коллекція Экспедиціи и всѣ этнографическіе матеріалы ея, какъ-то: валики съ музыкальнными записями, записи сказокъ, легендъ и пѣсенъ, всѣ фотографіи и весь инвентарь Экспедиціи, съ тѣмъ:

1) чтобы матеріалы Экспедиціи не давались никакимъ постороннимъ обществамъ или лицамъ для изданія и чтобы они не помѣщались отдѣльными небольшими частями въ „Еврейской Старинѣ", а подготовлялись для научнаго изданія отдѣльными, болѣе или менѣе законченными томами документовъ, сказокъ, пѣсенъ, музыкальныхъ произведеній, альбомовъ и т. д., съ соблюденіемъ относительно заглавій условій, указанныхъ выше подъ лит. Б; 2) чтобы Общество немедленно приступило къ размѣщенію въ своемъ музеѣ коллекцій Экспедиціи съ выдѣленіемъ ихъ въ особые шкафы и съ обозначеніемъ на оныхъ, что коллекціи составлены

Этнографической Экспедиціей имени барона Г. О. Гинцбурга; 3) что С. А. Рапопортъ сохраняетъ за собою право единолично разработать и приготовить къ печати фольклорный матеріалъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, если С. А. Рапопортъ приступитъ къ работѣ не позже полугодового срока со времени окончанія войны и во всякомъ случаѣ не позже двухъ лѣтъ съ ноября 1915 г., а по истеченіи этого срока Общество вправѣ издать матеріалы въ обработкѣ другого лица; 4) что дневникъ Экспедиціи, составленный С. А. Рапопортомъ, и тѣ фотографіи, которыя могутъ служить къ нему иллюстраціей, почитаются собственностью С. А. Рапопорта,—фотографіи же, которыя будутъ изданы помимо этого въ Трудахъ Общества, должны имѣть помѣтку, что они извлечены изъ матеріаловъ Экспедиціи; 5) что должна быть составлена опись предметовъ, которые, въ виду особаго ихъ характера, должны быть переданы въ Еврейскій Музей въ Палестинѣ, если въ Палестинѣ образуется правоохраненное убѣжище для евреевъ.

Е. С. А. Рапопортъ считается завѣдующимъ музеемъ Общества до конца его жизни, если онъ самъ не откажется отъ этой должности.

VII.

Неприкосновенный фондъ имени доктора Эдуарда Моисеевича Винавера.

Въ апрѣлѣ 1915 г. предсѣдателемъ Общества М. М. Винаверомъ пожертвованъ Обществу, въ память покойнаго его брата, доктора Эдуарда Моисевича Винавера, неприкосновенный фондъ въ суммѣ 2000 рублей, проценты съ котораго предназначены для поощренія работъ по исторіи евреевъ въ Польшѣ, на условіяхъ, которыя окончательно должны быть установлены Комитетомъ Общества.

На эту сумму, согласно желанію жертвователя, пріобрѣтены были листы 5% займа 1914 года на номинальную сумму 2.100 рублей, хранящіеся въ Петроградскомъ Торговомъ банкѣ, гдѣ находятся и деньги на текущемъ счету Общества.

Счетъ Кассы

ПРИХОДЪ.

	Руб.	К.	Руб.	К.
Остатокъ къ 1 января 1915 г.	—	—	99	27
% за текущія суммы	—	—	12	34
По счету членскихъ взносовъ:				
Годовыхъ:				
въ Петроградѣ	837	—		
въ другихъ городахъ	1.684	—	2.521	—
Пожизненныхъ:				
въ Петроградѣ	2.400	—		
въ другихъ городахъ	400	—	2.800	—
По счету изданія журнала:				
Подписка и продажа отд. экз.	—	—	802	72
По счету продажи изданій:				
выручено за регесты, архивъ Бершадскаго и историч. хрестоматію	—	—	29	50
Неприкосовенный фондъ имени				
д-ра Э. М. Винавера, пожертов. М. М. Винаверомъ	—	—	2.000	—
По счету переходящихъ суммъ:				
Получено заимообразно для покрытія расходовъ	—	—	1.350	—
ИТОГО...	—	—	9.614	83

за 1915 годъ.

РАСХОДЪ.

	Руб.	К.	Руб.	К.
Канцелярія:				
Почтовые расходы	32	03		
Канцелярскіе	33	—		
Мелкіе расходы (проѣзды и др.)	39	13		
Жалованье служащимъ	875	—		
			979	16
Помѣщеніе:				
Наемъ помѣщенія К-та и склада изданій	—	—	374	—
Устройство Собраній:				
Помѣщеніе, повѣстки и др.	—	—	59	98
Изданіе Журнала:				
Гонораръ	970	65		
Бумага и печатаніе	1.498	35		
Экспедиція и расходы по отправкѣ	393	71		
Объявленія и проспекты	278	85		
Жалованье служащимъ редакціи	210	—		
Редакціонные расходы	18	45		
			3.370	01
Преміи:				
Дополн. премія за трудъ по исторіи евр. печати	200	—		
Въ счетъ преміи имени Майданскаго	100	—		
			300	—
Разные:				
Типографскіе расходы	162	25		
Расходы по упорядоченію Архива и Музея О-ва	176	20		
„ „ сборамъ членскихъ взносовъ	98	05		
Непредвидѣнные	37	—		
			473	50
По Этнографической Секціи:				
На собираніе нац.-историч. памятниковъ	—	—	350	—
По фонду имени Э. М. Винавера:				
Пріобрѣтене госуд. бумагъ 5% займа 1914 г. на 2000 р. пріобрѣт. стоимости	1.986	80		
Отнес. на тек. счетъ	13	20		
			2.000	—
Переходящія суммы:				
Покрытіе дефицита за 1914 г.	1.000	—		
Уплочено въ счетъ получен. взаимообразно	500	—		
			1.500	—
Остатокъ въ кассѣ на 1-ое января 1916 г.	—	—	208	18
ИТОГО	—	—	9.614	83

Книжное имущество Общества

на 1-ое Января 1916 г. *).

„Еврейская Старина“	1909 г.	комплекты изъ 4-хъ кн. .	365	экз.
„	1910 „	„	199	„
„	1911 „	„	250	„
„	1912 „	„	272	„
„	1913 „	„	263	„
„	1914 „	„	107	„
„	1915 „	„	151	„
Кромѣ того имѣются **отдѣльныя книжки** журнала за годы 1909—1915 въ разныхъ количествахъ, всего .			2.337	„
Регесты и надписи.	Томъ	I	488	„
„	„	II	213	„
„	„	III	543	„
Русско-еврейскій Архивъ.	Томъ	I	368	„
„	„	II	344	„
„	„	III	38	„
Историческая хрестоматія.	Томъ	I	1.049	„
Литовскій Пинкосъ	„	I	204	„
Надгробные памятники Люблина			141	„

Общая стоимость книжнаго имущества Общества по номинальной цѣнѣ **15.964** руб.

---

*) Большая часть изданій хранится въ книжномъ складѣ „Разумъ“ (Петроградъ, Владимірскій пр. 19); остальныя—въ Канцеляріи Общества.

Заключеніе Ревизіонной Комиссіи.

Ревизіонная Комиссія, избранная на годовомъ Общемъ Собраніи членовъ Общества 30-го Апрѣля 1915 г., провѣривъ дѣлопроизводство, приходо-расходную книгу и на выборку оправдательные документы къ ней, нашла, что сводъ кассы за отчетный годъ составленъ правильно, книги и документы въ порядкѣ.

Несмотря на неблагопріятныя условія протекшаго года, поступленія по статьямъ членскихъ взносовъ возросли и удвоились.

Въ отчетномъ году къ средствамъ Общества прибавился пожертвованный М. М. Винаверомъ фондъ (неприкосновенный) имени д-ра Э. М. Винавера въ 2.000 рублей.

Статьи расходовъ близко подходятъ къ цифрамъ предшествовавшаго года съ легкимъ наклономъ къ уменьшенію.

Заимообразно взятая въ 1914 г. сумма въ 1.000 рублей покрыта въ отчетномъ году, а равно и часть (500 руб.) взятой въ томъ году ссуды.

Въ отчетномъ году организовалась Этнографическая Секція, которая начала проявлять энергичную дѣятельность, польза которой несомнѣнно обнаружится въ ближайшіе годы.

Смѣта на 1916 годъ составлена правильно и цѣлесообразно.

М. А. Бронштейнъ.
С. Е. Вейсенбергъ.
С. Г. Полякъ.

Петроградъ, 19-го Мая 1916 г.

